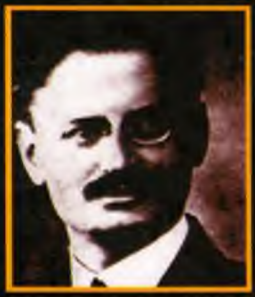
ОСОБАЯ ПАПКА

Леонид МЛЕЧИН

РУССКАЯ АРМИЯ МЕЖДУ ТРОЦКИМ И СТАЛИНЫМ



ЦЕНТРПОЛИГРАФ

ОСОБАЯ ПАПКА

Леонид МЛЕЧИН

■

РУССКАЯ АРМИЯ МЕЖДУ ТРОЦКИМ И СТАЛИНЫМ

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2002

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)-4
М72

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Особая папка»
выпускается с 2002 года

Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова

Оценка издательством событий и фактов, изложенных в книге,
может не совпадать с позицией автора.
За сведения и факты, изложенные в книге,
издательство ответственности не несет.

Млечин Л.М.
М72 Русская армия между Троцким и Сталиным. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. — 494 с. — (Особая папка).

ISBN 5-9524-0109-0

Новая работа Л. Млечина посвящена проблемам советской военной истории. В книге «Русская армия между Троцким и Сталиным» произведен подробный анализ начального периода становления Красной армии, даны выразительные портреты ее лидеров Л. Троцкого, И. Сталина, В. Антонова-Овсеенко, Н. Крыленко, П. Дыбенко, Н. Подвойского, С. Каменева и других. Авторский текст дополнен малоизвестными архивными материалами, фрагментами подлинных писем и документов той поры, а также уникальными фотографиями.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)-4

© Л.М. Млечин, 2002
© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2002
© ЗАО «Центрполиграф», 2002

ISBN 5-9524-0109-0

От автора

Первый советский верховный главнокомандующий прапорщик царской армии Николай Васильевич Крыленко говорил в 1917 году:

— Только теперь, когда волею революции мне пришлось близко столкнуться с механизмом старой власти в Ставке и в военном министерстве, я смог в достаточной степени оценить, как мало стоила в глазах этих господ человеческая жизнь, как легко они играли жизнью русского солдата.

Крыленко с горящими глазами тогда поклялся:

— Прошло то время, когда солдаты были только пешками в руках титулованных вершителей судеб, баловней счастья, поднимавшихся на верхи власти капризами или улыбкой власть имущих...

Увы, власть сменилась, а русская армия так и осталась заложницей бесконечной политической борьбы между власть имущими. И никто из вершителей судеб никогда не жалел крови русского солдата. Красная армия выиграла все войны, которые она вела, но какой ценой!

Большевики — до того, как они взяли власть, — не собирались ни воевать, ни иметь армии. Им пришлось создать Красную армию на обломках вооруженных сил императорской России, чтобы удержать власть, которая им так легко досталась в октябре 1917 года.

Одержав первые победы в Гражданской войне, новые хозяева страны вошли во вкус. Они начали выяснять отношения уже между собой, превращая недавних соратников во врагов и испытывая желание решать любые споры с помощью силы. Человек с ружьем стал главным и наиболее убедительным аргументом в острой политической борьбе, которая, не прекращаясь, шла в правящей верхушке страны.

Красная армия почти с самого начала оказалась заложницей взаимной ненависти Иосифа Сталина и Льва Троцкого.

Борьба этих двух вождей Советской России определила не только личную судьбу почти всех сколько-нибудь крупных

военачальников, но и судьбу самой армии, а по существу и страны в целом.

В этой борьбе Сталин довольно быстро одержал победу над Троцким. Но эта победа оказалась пирровой для армии. Руководство страны привыкло рассматривать вооруженные силы как инструмент прежде всего завоевания и сохранения власти, а не защиты государства от внешнего врага. Власть боялась армии и не доверяла военным.

Книга, которую вы держите в руках, посвящена созданию новой российской армии и людям, которые ее сформировали; их портреты даны на широком фоне бесконечных политических дрязг, интриг и схваток в Кремле и за его пределами.

Самое известное высказывание немецкого военного теоретика XIX века Карла Клаузевица гласит: «Война есть продолжение политики другими средствами». Но ему по существу возразил Жорж Клемансо, который век спустя дважды становился премьер-министром Франции. Он говорил: «Война — слишком серьезная вещь, чтобы доверять ее военным».

Так в нашей стране и получилось.

Красную армию создали люди, ненавидевшие войну и военную службу.

Из шести героев этой книги, первых руководителей Вооруженных сил Советской России, трое сами никогда не служили, а еще трое от души презирали воинскую службу. Но именно они создали мощную армию и разгромили блистательных генералов и адмиралов, профессиональных военных, которых всю жизнь учили воевать и побеждать.

Из этих шести троих расстреляли, одного зарубили топором, один погиб в результате неудачной хирургической операции, и лишь одному посчастливилось умереть в своей постели. Четверо несколько десятилетий числились врагами народа, один из них и по сей день многими считается ненавистником России.

Но и к двум другим, которых репрессии обошли стороной, история была немногим милосерднее; вместо подлинной истории их жизни — сплошные мифы. Не развеяв их, трудно понять историю нашего государства.

Прошлое нашей армии сказывается и на ее сегодняшнем положении. Проблемы вооруженных сил России объясняются не только тем, что оборонный бюджет недостаточен. Заложенные героями этой книги принципы военной политики и армейские традиции живы и по сей день; благотворные позволили армии сохраниться, пагубные — корень многих бед нынешних вооруженных сил.

Глава первая

ВОЕННЫЙ МИНИСТР НЕ ЛЮБИЛ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

26 июля 1914 года император Николай II в Зимнем дворце произнес речь, означавшую, что страна вступает в мировую войну:

— Германия, а затем Австрия объявили войну России. Тот огромный подъем патриотических чувств, любви к родине и преданности престолу, который как ураган пронесся по всей земле нашей, служит в моих глазах и, думаю, в ваших ручательством в том, что наша великая матушка Россия доведет ниспосланную Господом Богом войну до желанного конца...

Мы не только защищаем свою честь и достоинство в пределах земли своей, но боремся за единокровных и единоверных братьев-славян... Уверен, что вы все, каждый на своем месте, поможете мне перенести испытания и что все, начиная с меня, исполнят свой долг до конца. Велик Бог земли Русской...

Произнося эту речь, последний российский император конечно же не подозревал, чем кончится война для страны, для него самого и всей его семьи.

После первых двух лет войны воодушевление и восторг испарились. Многие стали терять веру в справедливое дело родины, особенно когда война стала превращаться в войну техники. Молодежь чувствовала себя удручающе — залитая кровью земля, гниющие на поле боя трупы, ядовитые газы, от которых нет спасения.

С 1916 года появляются пацифистские идеи, утопическая вера в достижение всеобщего мира, в братание, во всеобщее обновление. Люди стали верить в возможность преобразования общества, думали, что после окончания войны исчезнет дух ненависти и восторжествует всеобщее братство. Без Первой мировой в России не было бы революции 1917 года...

Первая мировая война разрушила четыре империи, она стала катастрофой для Европы, послужила причиной нескольких революций и еще более кровавых войн.

И как странно вспоминать сейчас, что, когда в августе 1914 года началась та война, ей радовались. Люди с восторгом отправлялись на фронт, потому что они хотели воевать...

РАСПАД СТАРОЙ АРМИИ

Долгая и кровопролитная война постепенно разрушила российскую армию. С лета 1914-го и до осени 1917 года всего было мобилизовано почти шестнадцать миллионов человек. Из них около тринадцати миллионов, то есть подавляющее большинство, были крестьянами, которые не очень понимали, за что они должны идти воевать. Введенный в стране сухой закон вызвал настоящие бунты, потому что мобилизованные в армию не могли устроить положенные проводы. Будущие солдаты в поисках спиртного громили магазины и склады и проклинали власть.

Армия понесла серьезные потери — убитыми, ранеными, попавшими в плен. Неудачи на фронтах, слухи о немецком заговоре в дворцовых кругах подорвали не только репутацию императора, но и боевой дух вооруженных сил.

Николай II вступил в войну, руководствуясь сложными геостратегическими расчетами, а его солдаты, вчерашние крестьяне, думали о другом: передадут после войны крестьянам землю или нет? Никакие другие ценности, кроме земли, для крестьянина не имели значения. А из дома солдаты получали письма, в которых родители и жены жаловались на реквизиции хлеба, проводившиеся царским правительством, на то, что без мужчин невозможно прокормить семью...

Постепенно армия, как и большинство народа, прониклась ненавистью к императорской семье. В феврале 1917 года никто в вооруженных силах России и пальцем не пошевелил, чтобы спасти монархию.

23 марта 1917 года один из профессоров Московской духовной академии записал в дневнике:

«Тысячи революционеров не уронили так самодержавие, монархию, трон и династию Романовых, как эта германка (имеется в виду жена Николая II императрица Александра Федоровна, урожденная Алиса Гессен-Дармштадтская. — *Авт.*) со своим гнусным Распутиным, со своим германизмом, со своей сумасшедшей хлыстовщиной, со своей от-

чужденностью от России и чуть ли не изменами в пользу Германии, отчужденностью даже от всех членов царского дома и чуть ли не с манией величия.

А царь повредил себе и монархии безволием, ленью, беспечностью, пристрастием к вину (по-видимому), тугодумным подчинением своей обер-кликуше, неумением управлять, нежеланием, хотя бы на время войны, составить кабинет по образу конституции. Жалкие люди и жалка теперь, да и прежде, семья, несчастная семья! Нравственно, умственно и культурно обе главы семьи упали еще раньше переворота и окончательного падения».

В 1917 году действующая армия насчитывала больше семи миллионов человек, и от ее позиции зависела судьба страны. И с февраля по октябрь шла борьба за армию между Временным правительством, образованным Государственной Думой, и Петроградским Советом рабочих депутатов.

Социал-демократы победили в этой борьбе, когда решили включить в Совет еще и солдатских депутатов и полностью поддержали самые радикальные требования солдатской массы (история этой борьбы подробно описана в журнале «Вопросы истории», 2000, № 10). Солдатские депутаты принесли с собой огромный запас ненависти к офицерам, дисциплине, самой воинской службе и, разумеется, к войне.

Сразу после Февральской революции начался саботаж войны, солдаты хотели мира любой ценой. Саботаж выражался в разных формах, в том числе в дезертирстве, в чрезвычайно медленном передвижении частей, в постоянном требовании сменить фронтовые части и отвести их в тыл.

«Армия вконец дезорганизована, — докладывал сотрудник французской военной миссии в России Жак Садуль. — По вине командования, говорят большевики. По вине большевиков, отвечает командование. По вине и тех и других, считают люди. Действительно, армия находится в состоянии неслыханного упадка. Нехватка офицеров. Презрение к военачальникам. Дисциплина падает. Массовое дезертирство. Отказы идти в бой».

Комиссары, назначенные еще Временным правительством, сбивались с ног, переезжая на автомобилях из полка в полк, «уговаривая» солдат продолжать войну. Но уговоры помогали все меньше и меньше.

Временное правительство пыталось продолжать войну и поэтому требовало сохранять в армии дисциплину. Петроградский Совет, напротив, призывал к миру и отмене чинопочитания в армии, что и отразилось в принятом Пет-

роградским Советом рабочих и солдатских депутатов приказе № 1:

«Отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п., а заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. п. Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов, и в частности обращение к ним на «ты», воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов».

Приказ наделял солдата правом заниматься политикой — вступать в партии, участвовать в митингах, демонстрациях и вне службы вообще не обращать внимания на начальство:

«В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и обязательное отдание чести вне службы отменяется».

Офицерский состав лишался какой-либо власти, которая переходила к солдатским комитетам. Приказ требовал передать «всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее», под контроль ротных и батальонных комитетов. Запрещалось выдавать оружие офицерам «даже по их требованиям».

С помощью солдатских комитетов армия фактически выводилась из подчинения командования, воинские части должны были руководствоваться указаниями местных Советов:

«Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам».

Тем самым петроградский гарнизон уже в марте фактически переходил в подчинение Совету. Правительство лишалось власти над армией. В приказе № 1 об этом говорилось совершенно определенно:

«Приказы Военной комиссии и Государственной Думы следует исполнять за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов».

4 марта приступил к исполнению своих обязанностей новый военный и морской министр Александр Иванович Гучков. Он назначил свою комиссию для реформ в армии, но был вынужден исходить из того, что уже решил Петроградс-

кий Совет. Поэтому приказ военного министра № 114 требовал обращаться к солдатам на «вы», отменял титулование офицеров и наименование «нижний чин» (теперь военнослужащих следовало называть «солдатами»), разрешал рядовым военнослужащим «курение на улицах и в общественных местах, посещение клубов и собраний, езду внутри трамваев, участие в качестве членов в различных союзах и обществах, образуемых с политической целью».

Временное правительство в марте 1917 года освободило солдат от обязательного исполнения религиозных обрядов и таинств. Доля солдат православного вероисповедания, которые причастились на Пасху 2 апреля 1917 года, сократилась до десяти процентов. А ведь годом раньше, на Пасху 1916 года, причастились почти все...

Моряки-балтийцы занимали самые радикальные позиции, требуя полной демократизации вооруженных сил. Морское командование и правительство не могли противостоять их напору. Поэтому на флоте перемены происходили быстрее, чем в сухопутных силах. Одно послабление следовало за другим, ломая привычные устои воинской службы.

8 марта 1917 года верховный главнокомандующий генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев разрешил снять накладные императорские вензели с погон и аксельбанты.

Но солдаты и матросы вообще требовали отменить погоны. Балтийцы первыми добились своего. Командующий Балтийским флотом по собственному усмотрению разрешил снять погоны. Вслед за ним, 16 апреля, последовал приказ военного и морского министра Гучкова — снять погоны на флоте «в соответствии с формой одежды, установленной на флотах всех свободных стран».

Еще 14 марта командующий Балтийским флотом своей властью отдал давно ожидавшееся на флоте распоряжение:

«Впредь до выработки устава внутренней службы разрешаю офицерам, матросам и солдатам вверенной мне флотилии брить усы и носить волосы по своему усмотрению».

Исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов вообще требовал отменить в армии отдание чести.

Профессиональные военнослужащие считали немыслимым отказаться от этого ритуала.

Помощник военного министра генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский доложил министру:

«Отдание чести отменить недопустимо, ибо этим будет внесен полный раскол между офицерской и солдатской средой и это будет постоянной причиной для возникновения

целого ряда крупных недоразумений... Считаю относительно отдания чести установить лишь взаимное приветствие, отменив отдание чести, становясь во фрунт».

Иначе говоря, военным предлагалось козырять, но не вытягиваться перед офицером в струнку. Но солдатам и морякам этого было недостаточно. Как и погоны, необходимость приветствовать офицеров считалась оскорбительной и унизительной для матросов, потому что подчеркивала подчиненное по отношению к офицерам положение низших чинов.

18 апреля последовал новый приказ министерства:

«На берегу вне строя отдание чести отменяется. Военнослужащие при встрече могут взаимно приветствовать друг друга, прикладывая руку к головному убору. Это взаимное приветствие, будучи необязательным, зависит исключительно от доброй воли и такта встречающихся».

Как и все, что делало в те месяцы Временное правительство, приказ был половинчатый и не устроил ни офицеров, считавших, что армия рушится, ни солдат, которые офицеров ненавидели и не хотели их приветствовать ни в строю, ни вне строя. 11 мая, когда Гучков покинул свой пост, глава правительства Александр Федорович Керенский, принявший на себя еще и обязанности военного и морского министра, разрешил солдатам вне службы вообще ходить в штатском.

Сам Керенский ввел новую моду — военный френч и фуражка, но без погон, кокарды и знаков различия. Вслед за ним так же оделись все комиссары Временного правительства. После Октябрьской революции сходную форму носил Сталин, а подражая ему — и целая армия аппаратчиков.

Но требования матросов и солдат этим не исчерпывались. Они настаивали на отмене воинских чинов и званий, предлагая оставить только должности. Но это осуществится лишь после Октябрьской революции. 16 декабря 1917 года Совет Народных Комиссаров принял «Декрет об уравнении всех военнослужащих в правах»: отменялись все чины и звания, все преимущества и «наружные отличия», то есть погоны и петлицы...

Военная комиссия, назначенная министром Гучковым, составила «Декларацию прав солдата». Она подтверждала право солдата участвовать в политических организациях, ходить вне службы в гражданском. Отменялся институт денщиков, обращение к солдату на «ты». Оскорбительные для чести солдата и вредные для его здоровья приказы предписывалось отменить. За телесные наказания и побои офицеры подлежали наказанию.

Гучков отказался подписывать эту декларацию. Ему пришлось уйти с поста министра. Керенский 11 мая подписал декларацию, которая получила название «Положение об основных правах военнослужащих».

Но документ получился недостаточно радикальным, потому что сохранял за офицерским составом право наказывать солдат. Командиры могли применять вооруженную силу против тех, кто в боевой обстановке отказывался выполнить приказ:

«В боевой обстановке начальник имеет право под своей личной ответственностью принимать все меры, до применения вооруженной силы включительно, против не исполняющих его приказания подчиненных».

Кроме того, не было пункта о выборности командиров, против чего категорически возражал Гучков, считая, что это приведет к разрушению армии:

«Право назначения на должности и в указанных законом случаях временного отстранения начальников всех степеней и должностей принадлежит исключительно начальникам. Точно так же они одни имеют право распоряжения, касающегося боевой деятельности и боевой подготовки части, ее обучения, специальных работ, инспекторской и хозяйственной частей».

Большевики резко выступили против этой декларации, назвав ее «Декларацией бесправия», и благодаря этому привлекли к себе дополнительные симпатии солдат.

Солдаты-депутаты всерьез требовали права выбирать себе командиров вплоть до командующего армией. Большевики демагогически поддержали это абсурдное требование и после Октябрьской революции ввели выборность командного состава в армии.

И вот 16 декабря 1917 года появились подписанные Лениным и первым главнокомандующим Николаем Васильевичем Крыленко Декрет об уравнении всех военнослужащих в правах и Декрет о выборном начале и организации власти в армии. Упразднялись все воинские чины и звания, а также ордена и медали и предоставляемые их кавалерам привилегии. Но ношение Георгиевских крестов и медалей разрешалось. Все военнослужащие получали звание «солдат революционной армии». Вся власть в воинской части предоставлялась солдатским комитетам. Солдатские комитеты получили право избирать и смещать командиров, переводить их на более низкие должности и даже разжаловать в рядовые. Командиры выше полкового уровня и начальники штабов избирались съездами соответствующих комитетов.

На съезде Советов рабочих и солдатских депутатов Могилевской губернии главком Крыленко говорил:

— Прошло то время, когда солдаты были только пешками в руках титулованных вершителей судеб, баловней счастья, поднимавшихся на верхи власти капризами или улыбкой власть имущих. Только теперь, когда волею революции мне пришлось близко столкнуться с механизмом старой власти в Ставке и в военном министерстве, я смог в достаточной степени оценить, как мало стоила в глазах этих господ человеческая жизнь, как легко они играли жизнью русского солдата...

9 января 1918 года был опубликован приказ Крыленко об окладах командному составу. Оклад высшего командного состава не мог превышать пятисот рублей. Оклад командиров взводов (должность, созданная вместо упраздненного унтер-офицерства и младших офицеров) был установлен в размере трехсот рублей, во фронтовых частях — триста пятьдесят.

Дополнительные выплаты упразднялись, все пайки уравнивались. Со временем советская власть прежде всего откажется от равноправия в распределении пайков и вообще продовольствия в вооруженных силах. Кормить станут в соответствии с занимаемой должностью — чем выше, тем лучше.

Почему в 1917 году армия распалась? Часто говорят, что большевики разложили вооруженные силы. В реальности у большевиков позиции в армии были очень слабые. Солдатская масса к большевикам относилась плохо.

«Ни один большевик не мог появиться в казармах, не рискуя быть арестованным, а то и битым, — вспоминал один из первых руководителей Красной армии Николай Ильич Подвойский. — Солдаты-большевики и им сочувствующие в войсковых частях должны были скрывать — почти во всех казармах, — что они большевики или сочувствующие, иначе им не давали говорить, их избивали...»

Именно поэтому вернувшийся в Россию Ленин, уловив настроения армейской массы, принял решение поддерживать любые требования солдат и сделал ставку на лозунг, понятный и привлекательный для солдат: немедленный мир с немцами! Сколько бы его ни обвиняли в отсутствии патриотизма, в пораженчестве и прямом предательстве, на митингах Ленин повторял вновь и вновь:

— Товарищи солдаты, кончайте воевать, идите по домам. Установите перемирие с немцами и объявите войну богачам!

Ленин понял: если что-то и может привлечь солдат на сторону большевиков, то только обещание закончить вой-

ну, демобилизовать армию и отпустить одетых в серые шинели крестьян домой — к семьям и земле.

Владимир Ильич оказался прав. Солдаты не хотели воевать и бросали оружие при каждом удобном случае, и заставить их не только продолжать войну, но и хотя бы тащить армейскую лямку, было невозможно. Именно поэтому 25 октября 1917 года армия не захотела защитить законное Временное правительство и вполне благожелательно отнеслась к тому, что власть взяли большевики.

Второй Всероссийский съезд Советов ночью 25 октября образовал первое советское правительство. Бывший офицер Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, балтийский матрос Павел Ефимович Дыбенко и прапорщик Николай Васильевич Крыленко вошли в состав правительства как члены Комитета по военным и морским делам.

Почему именно эти трое? Выбор был неширок и определялся чисто полическими соображениями: матроса Дыбенко выдвинул революционно настроенный Балтийский флот, прапорщик Крыленко был популярен среди фронтовиков, бывший офицер Антонов-Овсеенко умело работал среди военных.

ОТКАЗ ОТ ПРИСЯГИ

Владимир Александрович Антонов-Овсеенко родился 9 марта 1884 года в Чернигове в семье офицера — поручика резервного пехотного полка. Отец, дворянин (захудалый, неизменно добавлял Антонов-Овсеенко в автобиографиях), дослужился до капитана. Умер рано, в 1902 году.

За год до смерти отца, в 1901-м, Владимир Антонов-Овсеенко окончил Воронежский кадетский корпус и поступил в Николаевское военное инженерное училище. Но через месяц за отказ присягнуть «на верность царю и отечеству» был посажен на одиннадцать суток под арест и отдан отцу на поруки. Отказ от присяги объяснил «органической ненавистью к военщине», что любопытно слышать от будущего военного министра.

Зимой 1901 года Антонов-Овсеенко вступил в социал-демократический студенческий кружок в Варшаве. Весной 1902 года ушел из дома, работал в Питере чернорабочим в Александровском порту, потом кучером в «Обществе покровительства животным».

Осенью 1902 года все же поступил в Петроградское юнкерское училище. В 1903 году болгарский революционер Бо-

рис Спиридонович Стомоняков, который в Советской России станет заместителем наркома иностранных дел, свел его с большевиками. В августе 1904 года Антонова-Овсеенко арестовали с грузом нелегальной литературы.

Он просидел всего десять дней. По распоряжению великого князя Константина Константиновича юнкера освободили — великий князь, известный своим либерализмом, покровительствовал молодым военным.

Антонов-Овсеенко окончил училище и был выпущен офицером в 40-й пехотный Колыванский полк, который стоял в Варшаве. Но большой пользы от него армии не было. Военная карьера его не интересовала. Владимир Александрович мечтал о революции, а для социал-демократов представлял интерес как один из немногих присоединившихся к ним офицеров.

Осенью 1904 года ему поручили навестить однокашников по юнкерскому училищу, чтобы прощупать молодых офицеров: кто из них готов сотрудничать с социал-демократами. Он побывал в Москве, Екатеринославе, Одессе, Киеве, Вильно, восстанавливая связи со старыми приятелями.

Антонов-Овсеенко создал Варшавский военный комитет РСДРП. Весной 1905 года Антонова-Овсеенко перевели на Дальний Восток, где шла война с Японией. На фронт Владимир Александрович не поехал, дезертировал и перешел на нелегальное положение. Он готовил восстание в Ново-Александрии двух пехотных полков и артиллерийской бригады. Восстание сорвалось, и Антонов-Овсеенко поспешно уехал в Вену. Благо в те времена это не представляло особого труда.

Владимир Александрович был близок к меньшевикам и по их поручению отправился в Петроград, где работал в меньшевистской военной организации. В июне он был арестован в Кронштадте. Его выдал успешно работавший секретный агент охранного отделения полиции Доброскок, которого именовали «Николай — золотые очки». Но объявленная в октябре амнистия позволила ему выйти на свободу. Он входил в состав объединенной военной организации, которой руководил известный социал-демократ Виктор Павлович Ногин, редактировал подпольную газету «Казарма».

В начале апреля 1906 года во время конференции военных организаций в Москве Антонов-Овсеенко вновь был арестован — вместе с Емельяном Ярославским, будущим секретарем ЦК, Розалией Землячкой, которая станет заместителем Сталина в правительстве, и многими другими видными большевиками.

Но охраняли арестованных не слишком бдительно, поэтому через пять дней они с Ярославским бежали из Сущевского полицейского дома, проломив стену. Через месяц Антонов-Овсеенко отправился в Севастополь для подготовки вооруженного восстания, которое действительно вспыхнуло в июне.

На свободе Антонов-Овсеенко оставался недолго. При новом аресте свою настоящую фамилию он благоразумно не назвал, выдавал себя за некоего Антона Кабанова. Но прокуратуре и суду это не помешало. После почти годичного следствия он был приговорен к смертной казни, вскоре замененной двадцатилетней каторгой. Впрочем, буквально через месяц (в июне 1907 года), накануне отправки на каторгу из Севастополя, он бежал вместе с двадцатью заключенными. Московские товарищи организовали побег с размахом — стену тюрьмы взорвали, а часового обстреляли.

Антонова-Овсеенко благополучно переправили в Финляндию, где ему сделали новые документы, вполне надежные, и он смог вернуться в Москву. Первая русская революция закончилась, наступило время кропотливой агитации среди рабочих. Он организовал несколько рабочих кооперативов, сотрудничал с профсоюзом печатников, помог большевикам установить контроль над местным обществом трезвости и основал «Клуб разумных развлечений», который использовался как ширма для революционной работы.

В 1909 году его выдал главный агент охранного отделения полиции среди большевиков член ЦК Роман Малиновский. Антонов-Овсеенко был арестован, но через три дня по ошибке выпущен. Уехал в Киев, но и там шли аресты. Он поспешно вернулся в Москву и тут опять был задержан. Полгода просидел под чужим именем в тюрьме. Товарищи по партии выручили его, организовав мнимое опознание, — нанятые свидетели утверждали, что знают его как Антона Гука, который никогда не занимался недозволенной деятельностью. В феврале 1910 года «Антона Гука» выпустили на свободу.

Постоянные провалы заставили Антонова-Овсеенко в июле 1910 года уехать за границу. Правда, в Германии его арестовали теперь уже немецкие жандармы, но России не выдали, потому что за него вступились влиятельные немецкие социал-демократы. Тем не менее пришлось перебраться в Париж. В 1914 году Антонов-Овсеенко расстался с меньшевиками.

В мае 1917 года, получив амнистию от Временного правительства, вернулся в Россию. Он сразу же вступил в партию большевиков и стал заниматься пропагандой среди военных.

ШТУРМ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

Октябрь 1917 года был звездным часом Антонова-Овсеенко. Военные познания и энергия выдвинули его в число главных действующих лиц Октябрьской революции.

Антонов-Овсеенко прошел в Учредительное собрание от Северного фронта. Он был избран во Всероссийское бюро военных организаций и назначен комиссаром при финляндском генерал-губернаторе.

В октябре был образован Петроградский военно-революционный комитет, которому было поручено готовить восстание. Председателем утвердили левого эсера Павла Евгеньевича Лазимира, заместителем председателя — видного большевика Николая Ивановича Подвойского, секретарем — Антонова-Овсеенко, как военного человека.

В середине октября Антонов-Овсеенко появился в ЦК социал-демократии Латышского края для переговоров относительно роли латышей в перевороте. Латыши полностью одобрили идею восстания. Латышские части станут своего рода гвардией большевиков.

За несколько дней до революции Леонид Борисович Красин (соратник Ленина и будущий нарком в те месяцы довольно скептически относился к большевикам) в письме жене, остававшейся за границей, живописно обрисовал ситуацию в Петрограде:

«Питер поражает прежде всего, конечно, грязью и затем какой-то отрешенностью, запустением, жалкой выморочностью. Улицы и тротуары залиты жидкой грязью, мостовые полуразрушены, сломанные там и сям решетки, перила, водопроводные тумбы или люки — остаются неисправленными, стекла немыты, много пустующих заколоченных лавчонок (хлебных, овощных) — все в целом имеет вид города если не оставленного жителями, то во всяком случае населенного пришельцами, настолько мало заинтересованными в каком-либо благоустройстве, что они не считают нужным делать самого элементарного ремонта.

Улицы заметно опустели: не то убыло жителя (статистика будто бы говорит противное), не то он сидит дома из-за бесцельности покидать жилье (веселого все равно ничего не увидит) или же из-за отсутствия средств передвижения и даже калош.

Меньше стало даже солдат, хотя все еще предостаточно, и идиотские физиономии плюющих семечками «революционеров» по-прежнему украшают пейзаж.

По погоде настроение у толпы более кислое и злое, чем летом, да и в политике идет какая-то новая анархистско-погромная волна, перед которой, кажется, даже бесшабашные большевики начинают останавливаться в раздумье...

Пожалуй, если бы Корнилов не поторопился, его выступление могло бы найти почву. Сейчас испуганные обыватели с трепетом ждут выступления большевиков, но преобладающее мнение, что у них ничего не выйдет или выйдет решительный и уже непоправимый провал.

Еда пока что есть, хотя мало и цены ужасные...»

Все знали, что большевики готовятся взять власть, но никто не решился им помешать.

25 октября Антонов-Овсеенко руководил захватом Зимнего дворца и арестом Временного правительства.

«Разумеется, трудно поверить, — вспоминал известный художник Юрий Анненков, — что низкорослый, патлатый, очкастый Антонов-Овсеенко, бывший офицер царской армии, находился в этот день одновременно: в Смольном институте, в Петропавловской крепости, у здания городского телефона, у главного почтамта, на крейсере «Аврора», на Дворцовой площади, на отдаленной набережной при высадке кронштадских матросов, на минном заградителе «Амур», в Зимнем дворце при аресте министров Временного правительства, в толпе на Троицком мосту, оберегая их от самосуда... Но действительно было именно так...

В молочном тумане над Невой бледнел силуэт «Авроры», едва дымя трубами. С Николаевского моста торопливо разбегались последние юнкера, защищавшие Временное правительство. Уже опустилась зябкая, истекавшая мокрым снегом ночь, когда ухнули холостые выстрелы с «Авроры». Это был финальный сигнал.

Я присутствовал на Дворцовой площади в качестве неисправимого ротозея («живописец живет глазами»). Добровольческий женский батальон, преграждавший подступ к Зимнему дворцу, укрывшийся за дровяной баррикадой, был разбит. Дрова разлетелись во все стороны. Я видел, как из дворца выводили на площадь министров, как прикладами били до полусмерти обезоруженных девушек и оставшихся возле них юнкеров...»

Специальная комиссия Петроградской городской думы установила, что трое женщин-солдаток при штурме Зимнего были изнасилованы и одна покончила жизнь самоубийством.

В ночь на 25 октября 1917 года весь состав ЦК партии большевиков, в том числе Ленин, ночевал в комнате № 14 Смоль-

ного дворца, прямо на полу. По воспоминаниям Андрея Сергеевича Бубнова, члена Военно-революционного комитета, «Ильич очень торопил с взятием Зимнего и ругался весьма здорово, когда не было сообщений о ходе наступления».

«В 10-й комнате, на верхнем этаже, шло беспрерывное заседание Военно-революционного комитета, — писал американец Джон Рид. — Приходили: Подвойский, худой, бородатый штатский человек, в мозгу которого созревали оперативные планы восстания; Антонов, небритый... шатающийся от бессонницы, Крыленко, коренастый, широколицый солдат с постоянной улыбкой, оживленной жестикуляцией и резкой речью; Дыбенко, огромный бородатый матрос со спокойным лицом. Таковы были люди этой битвы за власть Советов и грядущих битв».

«Громадный город как бы вымер, — вспоминал будущий главнокомандующий Красной армией Николай Васильевич Крыленко. — Ни души на улицах. Иногда лишь гремели, с грохотом прокатываясь вдоль Невского, броневые автомобили и, громыхая, подтягивались к Зимнему дворцу трехдюймовые орудия...

Ударный женский батальон к вечеру сдался; жалкая горсть юнкеров, защищавшая подступы к Зимнему дворцу, забаррикадировалась за поленницами сложенных у ворот дров и с полной безнадежностью ждала решительной атаки. До самой поздней ночи никаких активных действий не предпринималось. К двенадцати же часам все было кончено...

Правительство Керенского пало, так как за ним не оказалось никакой реальной силы. Ни один полк не двинулся на его защиту, и, наоборот, все полки Петроградского гарнизона повиновались приказаниям комиссаров Военно-революционного комитета Петроградского Совета».

На улицах Петрограда остались только отряды красногвардейцев и патрули войск, присоединившихся к большевикам.

Леонид Красин писал семье через неделю после революции:

«Воображаю, сколько всякой чепухи сообщалось в ваших газетах за эту последнюю неделю! Вкратце дело обстояло так.

Временное правительство и Совет Республики за последние недели проявили какой-то такой паралич всякой деятельности и воли, что у меня уже возникал вопрос: да не политика ли это и не собирается ли Керенский и компания дать большевикам, так сказать, зарваться и затем одним ударом с ними покончить.

В действительности покончили с ним большевики нападением на Зимний дворец, в котором в последний момент не было иной защиты, кроме юнкеров и смехотворного женского батальона. Весь остальной гарнизон, подвергавшийся в течение трех недель безудержному воздействию большевиков, отказался выступать на защиту Временного правительства, и все оно к вечеру 25 октября оказалось в казематах Петропавловки, кроме Керенского, который бежал в Гатчину...

Жертв почти не было, матросы и Красная гвардия вели себя вполне достойно, только солдаты кое-где в Зимнем дворце, а еще вернее — переодетые солдатами уголовные элементы коснулись слегка кое-каких сундуков с драгоценными вещами.

У нас все в порядке, и нигде по соседству никакого ущерба никто не потерпел. Город занят советскими войсками и Красной гвардией, которые поддерживают пока что полный порядок. О красногвардейцах (рабочих) вообще хорошо отзываются. Они основательно дерутся и соблюдают полный революционный порядок, так что покамест хулиганам нет ходу».

Подробнейшим образом о том, что 25 октября происходило в Зимнем дворце, написал участник его обороны поручик Александр Петрович Синегуб, преподаватель Петроградской школы прапорщиков инженерных войск. Его записки появились в «Архиве русской революции», издававшемся в эмиграции.

Утром 25 октября главный штаб Петроградского военного округа приказал школе прапорщиков явиться к Зимнему дворцу для «усмирения элементов, восставших против существующего правительства». Синегуб во главе батальона юнкеров отправился исполнять приказ. Встретив патруль 2-й Ораниенбаумской школы прапорщиков, бодро сказал:

— Мы быстро установим границы должного поведения для господ хулиганствующих. Эх, черт возьми, разрешили бы арестовать Ленина и компанию, и все пришло бы в порядок.

Батальон построили лицом к Зимнему дворцу и правым флангом к главному штабу округа.

Появился военный комиссар при верховном главнокомандующем поручик Владимир Станкевич, бывший преподаватель полевой фортификации в школе прапорщиков, о чем он не преминул напомнить:

— Я рад, что некоторым образом родная мне школа... Старший курс должен помнить меня... Я сейчас приехал из армии. Я свидетельствую вам, что вера армии в настоящий состав

правительства, возглавляемого обожаемым Александром Федоровичем Керенским, необычайно велика. Везде царит вера в ясную будущность России. И только здесь, в столице, в Красном Петрограде, готовится нож в спину революции. Я рад и счастлив приветствовать вас, так решительно и горячо, без колебаний отдающих себя в распоряжение тех, кто единственно имеет право руководства жизнью народа до дня Учредительного собрания.

Станкевич пожал руки офицерам и исчез.

Юнкеров под командованием Синегуба один из комиссаров Временного правительства распорядился отправить на охрану Мариинского дворца, где заседал Совет Республики — так называемый предпарламент, образованный представителями различных партий и общественных организаций. Совет Республики должен был действовать до созыва Учредительного собрания.

Синегуб попросил выдать патроны.

— Патроны? Зачем? — удивился комиссар Временного правительства.

— У нас мало. По пятнадцати штук на винтовку. Пулеметов и гранат совсем нет. Обещали здесь выдать, но добиться...

— Это лишнее. Дело до огня дойти не может. И пятнадцати штук за глаза хватит. Огня без самой крайней необходимости не открывать. А если и подойдет к Мариинскому дворцу какая-нибудь хулиганствующая толпа, то для ее укрощения достаточно одного вида юнкеров с винтовками.

По дороге выяснилось, что городскую телефонную станцию захватили красногвардейцы. Ворота станции были заперты, изнутри их не открывали. Синегуб потребовал прислать ему подкрепление, пулеметы и пироксилин, чтобы взорвать ворота.

Комиссар Временного правительства предупредил его:

— Смотрите же, первыми огня не открывать. Это может все дело испортить. Потом будут кричать, что мы первые открыли стрельбу и что мы идем по стопам старорежимных городовых — стреляем в народ.

Юнкера не знали, что красногвардейцы захватили не только городскую телефонную станцию, но и телеграф и центральную телефонную станцию. После чего телефоны Зимнего дворца были отключены. Большевики контролировали и радиосвязь. Смольный связывался с революционными моряками Балтийского флота через радиостанцию крейсера «Аврора» и радиостанцию «Новая Голландия» главного штаба военно-морского флота.

Кроме того, не доверяя технике, Антонов-Овсеенко распорядился, чтобы комиссары частей каждый день присылали по одному солдату в Военно-революционый комитет для связи.

Подкрепление так и не появилось, и от от попытки вернуть контроль над телефонной станцией юнкера быстро отказались. Комиссар Временного правительства увел отряд к Зимнему дворцу. Туда вызвали всех, кто откликнулся на призыв правительства, — школы прапорщиков из Ораниенбаума, Петергофа, Константиновское артиллерийское училище...

В Зимнем появились казаки, которые все же решили поддержать Временное правительство, инвалиды — георгиевские кавалеры и ударная рота женского батальона смерти.

Начальник инженерной школы прапорщиков полковник Ананьев, назначенный ответственным за оборону Зимнего дворца, разработал план действий. Но план тут же начал рушиться. Артиллеристы Константиновского училища раздумали защищать Временное правительство, покинули дворец и увезли свои орудия. Удержать их не удалось. Собрались уходить казаки.

Поручик Синегуб, вскочив на ящик, стал убеждать станичников остаться. Командовавший ими подхорунжий ответил:

— Когда мы сюда шли, нам сказок наговорили, что здесь чуть ли не весь город с образами, да все военные училища и артиллерия, а на деле-то оказалось — жиды да бабы, да и правительство тоже наполовину из жидов. А русский-то народ там с Лениным остался. А вас тут даже Керенский, не к ночи будь помянут, оставил одних.

И эта отповедь, и эти смешки взбесили Синегуба, и он накинулся на подхорунжего:

— Кто мне говорил вот на этом самом месте, что у Ленина вся шайка из жидов, а теперь вы уже и здесь жидов видите! А вы, трусы подлые, женщин и детей оставляете, а сами бежите. Смотрите, вас за это Господь так накажет, что свету не рады будете...

Казаки молча уходили. Синегуб обратился к подхорунжему:

— Оставьте пулеметы, мы тут с голыми руками.

— Берите, — мрачно ответил подхорунжий, — они там, в углу, в мешках. Они нам ни к чему.

По Зимнему дворцу бродили группы пьяных офицеров. Они уже ни во что ни верили и ничего не хотели делать.

Полковник Ананьев сказал Синегубу:

— Сейчас получен ультиматум с крейсера «Аврора», ставшего на Неве напротив дворца. Матросы требуют сдачи дворца, иначе откроют огонь из орудий. Правительство хочет отпустить всех желающих уйти. Само же остается здесь и от сдачи отказывается.

При наличии войск и решительности командиров оборону во дворце можно было держать довольно долго. Но не было ни того, ни другого. Большевики сначала взяли соседний главный штаб Петроградского военного округа, затем стали проникать внутрь дворца, агитируя юнкеров расходиться.

Поручика Синегуба отправили доложить об обстановке Временному правительству. Его выслушали министр иностранных дел Михаил Иванович Терещенко и министр торговли и промышленности Александр Иванович Коновалов, исполнявший обязанности главы правительства.

— Поблагодарите юнкеров от нашего имени! — пожимая поручику руку, сказал Коновалов. — И передайте нашу твердую веру в то, что они додержатся до утра.

— А утром подойдут войска, — вставил Терещенко.

Синегуб повернулся, чтобы уйти, и тут его окликнули:

— Господин офицер!

К нему подошел Петр Иоакимович Пальчинский, горный инженер, участвовавший в первой русской революции. Во Временном правительстве Пальчинский был товарищем (заместителем) министра торговли и промышленности.

— Сейчас звонили по телефону из городской думы, — сказал Пальчинский, — что общественные деятели, купечество и народ во главе с духовенством скоро должны подойти и освободить дворец от осады. Сообщите это коменданту для передачи на баррикады и оповещения всех защитников дворца. Это должно поднять дух.

Но уже ничто не могло поднять дух немногочисленных защитников Временного правительства. В Зимнем дворце царил хаос. Юнкера не знали, что делать, и бесцельно слонялись по коридорам. Офицеры не доверяли друг другу, потому что одни уже готовы были перейти на сторону большевиков, другие просто хотели убежать, чтобы не подвергать риску свою жизнь.

Пальчинский приказал Синегубу взять взвод и очистить от большевиков ту часть дворца, которая примыкает к Эрмитажу.

— А вы план Зимнего знаете? — спросил Пальчинский.

— Никак нет!

— А где комендант здания? Он где-то здесь был.

— Так точно, я тут, господин министр! — подлетел молоденький прапорщик в широчайших галифе.

— Пойдете вместе со взводом, — распорядился Пальчинский, — и укажите самый короткий путь, чтобы, поднявшись еще на этаж, зайти к ним с тыла.

— Виноват, господин министр, я буду совершенно бесполезен. Я не знаю ходов соединений помещений дворца. Я только недавно вступил в должность.

— Черт знает что! — вскипел Пальчинский. — Я сам пойду с вами.

Синегуб скомандовал:

— Смирно! На плечо! Ряды вздвой! Направо! Шагом марш!

— Сколько юнкеров? — спросил поручика Пальчинский.

— Двадцать семь человек.

— Достаточно. Эти негодяи очень трусливы. Важна внезапность, — проговорил Пальчинский.

Стремительная контратака удалась. Юнкера отобрали назад часть помещений и освободили своих арестованных сослуживцев. Но пока они вели бой, Зимний дворец капитулировал.

Полковник Ананьев извиняющимся тоном сказал Синегубу:

— Саня, я вынужден был сдать дворец. Не кипятись. Беги скорее к Временному правительству и предупреди... Скажи: юнкерам обещана жизнь. Это все, что пока я выговорил. Для правительства я ничего не могу сделать. О нем отказываются говорить.

В пустынном коридоре на полу лежали винтовки, гранаты, матрацы. Всего несколько юнкеров продолжали охранять правительство. Но все было кончено. Дворец был в руках большевиков. Появилась, по описанию Синегуба, «маленькая фигурка с острым лицом в темной пиджачной паре с широкой полой, как у художников, старой шляпчонке на голове». Это был Владимир Антонов-Овсеенко.

Он резким голосом сдерживал толпу:

— Держите, товарищи, дисциплину.

Антонов-Овсеенко вместе с Пальчинским прошли в кабинет договариваться. Вскоре они вернулись.

Антонов-Овсеенко громким голосом произнес:

— Товарищи, капиталистическая власть, власть буржуазная у наших ног! Товарищи, у ног пролетариата! И теперь вы, товарищи пролетарии, обязаны проявить всю стойкость революционной дисциплины! Я требую полного спокойствия!

Пальчинский сообщил юнкерам решение правительства: сдаться без всяких условий, подчиняясь силе.

Некоторые юнкера не хотели сдавать оружие:

— Прикажите открыть огонь!

— Бесцельно и бессмысленно погибнете, — последовал ответ.

Синегуб бросил наган. Министры продолжали переговариваться. Один из них торопливо рылся в каких-то бумажках, затем, отвернувшись к стене, куда-то спрятал листок, после чего с облегчением сел.

Антонов-Овсеенко крикнул:

— Товарищи, выделите двадцать пять лучших, вооруженных товарищей для отвода сдавшихся нам слуг капитала в надлежащее место для производства допроса.

Синегубу и его юнкерам, оставив оружие, удалось преспокойно выйти из дворца. С изумлением поручик узнал, что офицеры штаба Петроградского военного округа и генерального штаба, узнав о начинающемся восстании, преспокойно отправились в заранее оборудованное убежище, где провели ночь, выпивая и закусывая. Утром там появился представитель Военно-революционного комитета большевиков, чтобы составить список офицеров, готовых сотрудничать с новой властью.

Генштабисты самодовольно говорили:

— Они без нас не могут обойтись...

Министров Временного правительства, арестованных Антоновым-Овсеенко, отправили в Петропавловскую крепость.

Находясь в тюрьме, министры написали обращение к Учредительному собранию, заявляя, что они не признают власти «захватчиков», складывают с себя полномочия и передают их Учредительному собранию.

Государственный контролер, член ЦК партии кадетов Федор Федорович Кокошкин вместе с министром финансов Андреем Ивановичем Шингаревым, тоже членом ЦК партии кадетов, попали в Мариинскую тюремную больницу. Там они были убиты группой матросов в январе 1918 года.

Нескольких других министров усилиями политического Красного Креста удалось перевести из Петропавловской крепости в тюремную больницу в «Кресты». Там еще не было красногвардейцев, и министров вскоре освободили.

Оставшиеся в живых члены Временного правительства постарались как можно быстрее оказаться подальше от большевиков. Петр Пальчинский остался в России. Инженер и ученый, он стал профессором Петроградского горного института, членом научно-технического совета ВСНХ. Но преданная

служба родине не спасла, когда начались процессы над «вредителями» в народном хозяйстве. Бывший заместитель министра в правительстве Керенского был идеальной фигурой для чекистов.

Пальчинского арестовали в апреле 1928 года, а в мае 1929-го расстреляли по обвинению в руководстве никогда не существовавшей «контрреволюционной организацией в золото-платиновой промышленности».

КОМАНДИРОВКА НА УКРАИНУ

Комитет по военным и морским делам переименовали в Совет Народных Комиссаров по военным делам и морским делам, а затем в наркомат по военным делам (наркомвоен). В состав коллегии наркомата помимо Антонова-Овсеенко, Дыбенко и Крыленко вошли еще Константин Сергевич Еремеев, Константин Александрович Мехоношин, Эфраим Маркович Склянский и Николай Иванович Подвойский.

Антонова-Овсеенко не только избрали наркомом по военным делам, но назначили и командующим Петроградским военным округом. Ему поручили отразить наступление на Петроград 3-го корпуса генерал-лейтенанта Петра Николаевича Краснова. Но столичным округом Антонов-Овсеенко командовал всего несколько недель.

8 декабря 1917 года Совнарком назначил Антонова-Овсеенко командующим войсками по борьбе с контрреволюцией на юге страны. Прежде всего он должен был помешать Украине отделиться.

Отречение императора возбудило большие надежды среди национально мыслящих украинцев, которые увидели в этом редчайший шанс обрести независимость.

Через месяц после Февральской революции в Киеве образовалась Центральная рада, которая постепенно трансформировалась в некое подобие парламента. Председательствовал в раде Михаил Сергеевич Грушевский, профессор, историк, один из тех, кто призывал к возрождению национальной идеи. 13 июня Центральная рада провозгласила автономную Украину, но пока еще как часть России.

И только после Октябрьской революции, 7 ноября 1917 года, Центральная рада в Киеве провозгласила создание Украинской Народной Республики. Хотя в ее универсале (декрете) говорилось о желании «не отдаляться от Российской Республики», которая виделась как федерация свободных народов, в

реальности киевские политики мечтали о полной самостоятельности.

Центральная рада образовала генеральный секретариат — правительство под председательством Владимира Кирилловича Винниченко, который с 1907 года был членом ЦК Украинской социал-демократической рабочей партии. Впрочем, его больше знали как популярного в те годы писателя. Пьесы Винниченко активно ставились в дореволюционной Москве на русской сцене, каждый год была премьера. Он писал в жанре психологической мелодрамы. Винниченко издавали в Москве и при советской власти. Литературные критики высоко ценят его маленькую повесть «Талисман» — о скромном и боязливом от природы человеке, который, исполняя свой долг, идет на верную смерть.

Пробовавший свои силы в журналистике Симон Васильевич Петлюра (в отличие от Винниченко — авантюрист по призванию) стал военным министром.

Петлюра родился в семье извозчика, учился в семинарии, вступил в Украинскую социал-демократическую партию. После февраля 1917-го основал Украинский фронтовой комитет. Потом стал председателем Всеукраинского войскового комитета Центральной рады, секретарем (министром) по военным делам Генерального секретариата Центральной рады, затем Генерального секретариата Украинской Народной Республики.

Центральная рада потребовала от советской власти в Петрограде признать независимость Украинской Народной Республики, а также отозвать с Северного и Западного фронтов все украинские войска на юг, чтобы создать из Юго-Западного и Румынского фронтов единый Украинский фронт.

Формально большевикам, провозгласившим право народов на самоопределение, возразить было нечего. Но фактически отпускать Украину они не хотели.

Совнарком признал Украинскую Народную Республику, но не признал полномочия Центральной рады. Большевики возражали против неорганизованного отвода войск, разделения фронта на украинский и российский.

Всем украинцам — военнослужащим Петроградского гарнизона — разрешили с оружием вернуться в Киев. Совнарком разрешил формирование национальных частей, в том числе украинских. Но Центральная рада стала отзывать эти части на Украину. Командование Украинским фронтом было демонстративно передано генералу от инфантерии Дмитрию Григорьевичу Щербачеву, который не признал власть большевиков.

Центральная рада пропускала через свою территорию отряды будущей Добровольческой армии, но не позволяла советским войскам преследовать белых.

В Петрограде сочли это удобным поводом для разрыва отношений. Совнарком потребовал от Киева помощи в борьбе с контрреволюцией. Если киевское правительство в течение сорока восьми часов не ответит согласием, говорилось в заявлении, Совнарком будет считать Центральную раду находящейся «в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине».

Генеральный секретариат Украины в ответ обвинил Совнарком в нежелании признать самостоятельность Украины. Это было неприятное обвинение. Петроград предложил провести переговоры через посредничество левых эсеров.

Один из лидеров левых эсеров Проша Перчевич Прошьян, занимавший в первом советском правительстве пост наркома почт и телеграфа, ездил в Киев и пытался подготовить мирные переговоры, но из этого ничего не вышло. Тогда в Петрограде взяли курс на создание большевистского правительства на Украине. (Прошьян, как противник Брестского мира, проголосовал за убийство немецкого посла в Москве Мирбаха. Его судили и отправили в ссылку, по дороге он заболел и умер в декабре 1918 года.)

11 декабря украинские большевики из Киева, где власть принадлежала Центральной раде, перебрались в Харьков. В тот же день в Харьков прибыл и Антонов-Овсеенко.

13 декабря в Харькове открылся первый Всеукраинский съезд Советов, который провозгласил свержение Центральной рады. Большевики образовали украинский ЦИК и заявили, что принимают на себя всю власть в республике.

Центральная рада приказала разоружить все большевистски настроенные части. В ответ 16 декабря Совнарком признал ЦИК в качестве правительства Украины и обещал украинским большевикам всяческую поддержку. Так началась война с Украиной. Антонов-Овсеенко разместил свой штаб в Харькове. Ему предстояло сформировать армию для борьбы против войск Украинской рады и казачьего атамана Каледина.

НА ДОН, К КАЛЕДИНУ

События на Дону развивались не в пользу советской власти. В 1917 году донское казачество (это примерно полтора миллиона человек) пыталось отгородиться от остальной России.

После почти двухсотлетнего перерыва 26 мая 1917 года в Новочеркасске собрался Большой Войсковой Круг — один делегат был избран от пяти тысяч населения или от пятисот казаков-фронтовиков.

Председателем Донского Войскового Круга избрали Митрофана Петровича Богаевского, главного идеолога и выразителя казачьих интересов. Он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и директорствовал в гимназии в станице Каменской.

(Весной 1918 года Митрофана Богаевского расстреляют большевики в Ростове-на-Дону. Его брат Африкан Петрович был профессиональным военным, служил в лейб-гвардии Атаманском полку. Первую мировую окончил командиром полка. Он вступил в Добровольческую армию и был врагом генерала Краснова. После бегства Краснова стал последним донским атаманом.)

Большой Войсковой Круг отверг претензии крестьян на передел земельных угодий: «земля принадлежит казакам».

Воинская повинность казачества компенсировалась определенными привилегиями, в первую очередь казаков щедро наделяли плодородной землей, что вызывало зависть соседей-крестьян и так называемых «иногородних», то есть переселенцев из центральных и северных губерний. Им отказывали в наделении землей, они были арендаторами и батраками. Естественно, ненавидели казаков и весной 1919 года стали движущей силой кампании расказачивания.

17 июня 1917 года выборным атаманом области Войска Донского стал генерал от кавалерии Алексей Максимович Каледин, храбрый офицер, потомственный военный (его боевой путь описан в журнале «Вопросы истории», 2001, № 3).

Первую мировую войну он начал в роли командующего 12-й кавалерийской дивизией, был ранен, награжден. Генерал Алексей Алексеевич Брусилов поставил его сначала во главе корпуса, а весной 1916 года, возглавив Юго-Западный фронт, передал Каледину свою 8-ю армию.

Каледин участвовал в знаменитом Луцком прорыве, который при советской власти стал именоваться Брусиловским прорывом (поскольку Брусилов перешел на сторону советской власти), — наступлении Юго-Западного фронта в мае 1916 года — и добился большого успеха, взяв город Луцк. Летом 1916-го Каледин получил погоны генерала от кавалерии.

Каледин спокойно перенес отречение императора и Февральскую революцию. Но остро переживал развал вооруженных сил. 29 апреля 1917 года он передал свою 8-ю армию ге-

нералу Лавру Георгиевичу Корнилову и уехал в родные края. В Новочеркасске Митрофан Богаевский уговорил его выдвинуть свою кандидатуру в войсковые атаманы.

Политические взгляды Каледина были неопределенными. Он понимал, что жизнь надо переустроить как-то по-новому, но не знал как. Казакам заявлял:

— Не буду говорить о своей преданности новым началам жизни. Думаю, если бы у вас было хотя малейшее сомнение в этом, то не только мое избрание, но даже моя кандидатура на пост атамана были бы невозможны.

Каледин не поддержал выступление генерала Корнилова, стремившегося к военной диктатуре в стране. Вероятно, в душе он сочувствовал идеям Корнилова, но из осторожности выжидал, не зная, чья возьмет.

25 октября 1917 года, получив сведения о свержении Керенского, Каледин и Богаевский приняли решение: в чрезвычайной ситуации, когда потеряна связь с центральной государственной властью, войсковое правительство «до восстановления власти Временного правительства и порядка в России с 25 сего октября приняло на себя всю полноту исполнительной государственной власти в Донской области».

Но атаман Каледин не спешил ссориться с новой властью в Петрограде.

28 октября начальник штаба Ставки верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Николай Николаевич Духонин телеграфировал Каледину:

«Не найдете ли возможным направить в Москву для содействия правительственным войскам в подавлении большевистского восстания отряд казаков с Дона, который по усмирении восстания в Москве мог бы пройти на Петроград для поддержания войск генерала Краснова?»

Каледин ответил Духонину отказом:

«Посылка противоречит постановлению Круга и требует наличия чрезвычайной необходимости для оправдания в глазах казаков».

И Ленин говорил, что с Калединым можно заключить соглашение — за ним сила. Но столкновение было неминуемым, поскольку большевики не доверяли казакам.

В Ростове большевики попытались взять власть и с помощью Красной гвардии овладели городом. Каледин отправил в Ростов казачьи части, которые выбили красногвардейцев и штурмом взяли город.

На Каледина оказали огромное влияние бежавшие к нему генералы Антон Иванович Деникин, Александр Сергеевич

Лукомский, Иван Павлович Романовский, Сергей Леонидович Марков, Иван Георгиевич Эрдели, которые решили возглавить вооруженную борьбу против советской власти. Они подталкивали его к активным действиям против большевиков.

Каледин поддержал создание Добровольческой армии и оказал ей материальную поддержку, позволил начать ее формирование на Дону. Но позиции самого Каледина оказались слабыми.

С фронта вернулись на Дон казачьи полки, они были благодарны правительству Ленина и Троцкого, которое покончило с войной. Фронтовики были недовольным тем, что Каледин пустил на Дон генералов, позволил создавать Добровольческую армию и втягивает Дон в Гражданскую войну.

Фронтовики восстали против Каледина и его политики. Среди них оказались и сторонники большевиков, которые поддержали советскую власть. Кроме того, против Каледина выступило все неказачье население, которое рассчитывало, что после революции казаки поделятся с ними землей. Поскольку этого не произошло, казаки стали для иногородних врагами.

Добровольческая армия, видя, что восстали казаки, ушла в Ростов и приняла решение уходить на Кубань. Воспользовавшись этим, советские войска окружили Новочеркасск, хотя Антонов-Овсеенко жаловался на то, что старая армия разваливается на глазах. Он сообщал в Совнарком, что вооружает рабочие отряды, но подчиненные ему войска ведут чисто партизанскую войну: пьянствуют, занимаются грабежами и при первом удобном случае дезертируют.

25 декабря 1917 года Антонов-Овсеенко доносил в Петроград:

«Новые силы приходят крайне туго, и у меня сейчас всего до 500 человек московских красногвардейцев остается под рукой — все остальное пущено в ход».

Антонов сообщал, как к нему обратились за помощью харьковские рабочие, которые по шесть недель не получали зарплаты: «Тогда я «созвал» совещание виднейших капиталистов, послав за ними красногвардейцев. Совещание заупрямилось. Я предложил гостям посидеть у меня в вагоне II класса, пока рабочим не будет выдан нужный миллион рублей.

Миллиона все нет. Капиталисты сидят, и я повезу их на рудники...»

Ленин 29 декабря 1917-го телеграфировал в Харьков:

«От всей души приветствую вашу энергичную деятельность и беспощадную борьбу с калединцами. Вполне одобряю неуступчивость к местным соглашателям, сбившим, кажется, с толку часть большевиков.

Особенно одобряю арест миллионеров-саботажников в вагоне I и II класса. Советую отправить их на принудительные работы в рудники...»

27 декабря 1917 года в Смольном нарком по делам национальностей Сталин принял делегацию донских казаков, которые не желали конфликтовать с Москвой и прямо спросили, что именно советская власть ставит в вину Каледину.

— Каледин организует контрреволюционные силы, — ответил Сталин, — не пропускает грузов хлеба и угля, вносит расстройство в хозяйственную жизнь страны, то есть наносит самый чувствительный удар революции.

Казаки обращали внимание наркома, что Каледин избран «не буржуями и мироедами, а трудовым казачеством», которому, выходит, советская власть объявляет войну.

— Мы стараемся объяснить трудовому казачеству, куда ведет его Каледин, — хладнокровно отвечал Сталин. — Но история знает, что иногда убеждаешь-убеждаешь друзей, а они не понимают. Нам приходится бить Каледина, а рикошетом и трудовое казачество.

Казаки утверждали, что они сами наведут порядок на Дону и не надо присылать карательные отряды.

— Вы, господа, не представляете никакой силы, — отверг это предложение Сталин, — следовательно, нет никаких гарантий, что ваше обещание устранить контрреволюционное гнездо на Дону будет исполнено. А потому отозвать посланные против Дона войска и прекратить начатую борьбу мы не можем. Единственно, что я могу обещать, так это то, что мы примем все меры к тому, чтобы не пролить ни одной лишней капли народной крови. А войска как посылались, так и впредь будут посылаться на Дон для угрозы и для пропаганды наших идей.

29 января 1918 года в атаманском дворце Каледин сказал казачьему правительству:

— Положение вещей должно быть признано безнадежным. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития... Я слагаю с себя полномочия атамана и полагаю, что то же самое следует сделать и членам правительства.

Каледин предложил казакам действовать по своему усмотрению: присоединиться к Добровольческой армии или просто бежать от советских войск.

Он написал генералу Михаилу Васильевичу Алексееву, одному из создателей Добровольческой армии, горькое предсмертное письмо:

«Вы отчаянно и мужественно сражались, но не учли того обстоятельства, что казачество идет за своими вождями до тех пор, пока вожди приносят ему лавры победы, а когда дело осложняется, то казаки видят в своем вожде не казака по духу и происхождению, а слабого предводителя своих интересов и отходят от него.

Так случилось со мной и случится с Вами, если Вы не сумеете одолеть врага; но мне дороги интересы казачества, и я Вас прошу щадить их и отказаться от мысли разбить большевиков по всей России. Казачеству необходимы вольность и спокойствие; избавьте Тихий Дон от змей, но дальше не ведите на бойню моих милых казаков...»

Каледин застрелился.

СКОРОПАДСКИЙ, КРАСНОВ, ВИННИЧЕНКО

Войска Антонова-Овсеенко установили советскую власть в Ростове, Новочеркасске, отрезали от Украины Дон и Донбасс. Но подчиненные ему войска не очень хотели воевать и с нетерпением ожидали, когда их распустят. Это и произошло в конце января 1918 года.

Когда нарком по иностранным делам Лев Троцкий, который вел переговоры об окончании войны, 28 января 1918 года заявил в Брест-Литовске, что советское правительство предложенный Германией мирный договор не подпишет, а вооруженные силы распускает, первый советский верховный главнокомандующий Николай Крыленко отдал приказ о расформировании армии.

29 января Крыленко отправил в действующую армию телеграмму о ее расформировании. Это было долгожданное известие. Войска бросали оружие и требовали немедленно отправить их домой. Армия окончательно утратила боеспособность.

Для Антонова-Овсеенко приказ Крыленко был катастрофой. Владимир Александрович телеграфировал из Харькова Ленину и наркому по военным делам Николаю Подвойскому:

«Самым решительным образом протестую против объявления общей демобилизации. Раз Вы возлагаете на меня ответственность, то я требую объявления, что демобилизация не касается войск, действующих на Украинском фронте.

Вся моя артиллерия и кавалерия гибнут. Ваше распоряжение, не оговоренное для артиллерии и кавалерии определенных фронтов, просто опротестую.

Уберите долой не понимающую дела Коллегию Военных Комиссаров. Пусть не портят дела.

Положение можно было спасти, теперь не знаю. Вы лишили меня армии.

Нарком *Антонов-Овсеенко*».

Ленин попытался что-то сделать. Немедленно связался с главкомом Крыленко: «Сегодняшнюю телеграмму о мире и о всеобщей демобилизации армии на всех фронтах отменить всеми имеющимися у Вас способами». Через день Владимир Ильич еще раз распорядился: «Передайте всем комиссарам армии и Бончу-Бруевичу о задержании всех телеграмм за подписью Троцкого и Крыленко о расформировании армии...»

Но остановить процесс распада армии, к которому большевики сами приложили руку, было уже невозможно.

Несмотря на распад старой армии, Антонову-Овсеенко удалось одержать еще одну победу.

Центральная рада не пользовалась поддержкой в стране. 8 февраля войска Антонова-Овсеенко заняли Киев. Большевики сформировали правительство Советской Украины. Но оно просуществовало три недели.

12 февраля Центральная рада попросила помощи у немцев. Немецкие войска победным маршем двинулись по Украине. 2 марта 1918 года войскам Антонова-Овсеенко, который был назначен верховным главнокомандующим советскими войсками юга России, пришлось покинуть Киев, куда вступили войска Петлюры. Но и рада продержалась всего месяц.

Ее сменило прогерманское правительство гетмана Павла Петровича Скоропадского. Обладатель крупных поместий в Черниговской и Полтавской губерниях (и правнук гетмана Украины в начале XVIII века Ивана Ильича Скоропадского), Павел Скоропадский окончил Пажеский корпус и служил в лейб-гвардии конном полку. В Первую мировую он командовал 1-й гвардейской кавказской дивизией, 34-м армейским корпусом, в 1916 году получил погоны генерал-лейтенанта. Георгиевский кавалер.

В 1917 году Скоропадский на съезде казачества в Чигирине был назначен главой войсковых формирований Центральной рады. В марте 1918 года возглавил организацию «Украинская народная громада». А 29 апреля 1918 года на «съезде хлеборобов» в Киеве был избран гетманом Украины. Он с одобрения немецкого командования провозгласил образование Украинской державы.

Деятельность Скоропадского изображается исключительно в иронических тонах. Но, между прочим, по приглашению правительства Скоропадского в июне 1918 года в Киев переехал выдающийся ученый Владимир Иванович Вернадский, чтобы заняться созданием Украинской Академии наук и способствовать национальному возрождению республики. В октябре Вернадский был избран первым президентом республиканской Академии наук.

Немецкие и австрийские войска шли по Украине, 22 апреля 1918 года они перешли Перекоп и двинулись к Симферополю. Войска Антонова-Овсеенко отступали. В тот же день по вызову нового наркома по военным и морским делам Троцкого он прибыл в Москву. Договорились о том, что в случае отхода войск на территорию Донской области они должны формально разоружиться, дабы не злить немцев и не дать им повода вторгнуться еще и на территорию России.

4 мая 1918 года Антонов-Овсеенко сообщил в Совнарком, что слагает с себя полномочия верховного главнокомандующего, поскольку советские войска покинули территорию Украины и должны быть разоружены в соответствии с положениями Брестского мира.

Он отдал приказ войскам Украинского фронта сдать оружие властям РСФСР. Украинский фронт расформировали. Войска свели в две армии, одну передали Южному фронту, другую — Западному.

Наступающие немецкие войска уничтожили и Донскую Советскую республику, созданную 23 марта 1918 года. Она просуществовала полтора месяца. 8 мая немцы вошли в Таганрог и Ростов-на-Дону. В тот же день в Новочеркасске собрался Круг спасения Дона, в котором участвовали казаки восставших против советской власти станиц.

Они провозгласили создание Всевеликого Войска Донского, а войсковым атаманом избрали офицера, который ничем не походил на Каледина и даже презирал его за политическую нерешительность и любовь к России.

Речь идет о генерал-лейтенанте Петре Николаевиче Краснове, человеке деятельном и энергичном. Сын генерала, он

окончил Александровский кадетский корпус и Павловское военное училище. В годы японской войны Краснов был корреспондентом газеты «Русский инвалид», органа военного министерства. Профессиональных военных смущало в его корреспонденциях обилие «поэтического вымысла в ущерб правде».

Генерал Краснов отменил не только декреты советской власти, но и Временного правительства. Он создал Донскую республику, которую намеревался сделать совершенно самостоятельной. Он считал, что казаки должны получить собственное государство, отдельное от России. Краснов обратился за помощью к немцам, которые после подписанного 3 марта 1918 года в Брест-Литовске мирного договора заняли территорию Украины.

Краснов написал германскому императору Вильгельму, просил поддержать его идею создания Донской и Кавказской федерации, в которую хотел включить Царицын и Воронеж. В обмен Краснов предлагал императору нейтралитет. Генерал писал, что «тесный договор сулит взаимные выгоды, и дружба, спаянная кровью, пролитой на общих полях сражений воинственными народами германцев и казаков, станет могучей силой для борьбы со всеми нашими врагами».

Германия признала Донскую республику и контролировала действия Краснова.

Краснов издал приказ, в котором говорилось:

«Вчерашние внешние враги, австро-германцы, вошли в пределы войска — родного Дона; союзники с нами против Красной гвардии и за восстановление на Дону полного порядка».

Краснов получал от немцев боеприпасы из русских же военных складов на Украине, захваченных германской армией, а в обмен снабжал оккупационные войска хлебом, шерстью и мясом.

Но власть генерала Краснова на Дону и гетмана Скоропадского на Украине оказалась недолгой. В ноябре 1918 года в Германии грянула революция. 14 декабря 1918 года Скоропадский отрекся от власти и бежал в Германию. Он прожил там остаток жизни, на склоне лет сотрудничал с гитлеровцами; погиб при бомбардировке в самом конце войны — 26 апреля 1945 года.

Когда немецкие войска ушли, Краснов попросил Деникина о помощи и признал его главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России. Но большинство русских офицеров по-прежнему считали Германию своим врагом, поэтому

среди белых Краснову тоже места не нашлось. У Деникина вообще было сложное отношение к казачеству. Донское и кубанское казачество было главной опорой белых, но казаки хотели полной самостоятельности, а Деникин считал возможным говорить только об автономии.

Летом 1919 года Краснов оказался в Северо-Западной армии генерал-лейтенанта Николая Николаевича Юденича, руководил отделом пропаганды. После поражения Юденича уехал в Германию, где двадцать лет спустя, как и гетман Скоропадский, предложил свои услуги Адольфу Гитлеру — возглавил Главное управление казачьих войск при имперском министерстве по делам оккупированных восточных территорий. В 1945-м британские власти передали Краснова советским войскам. В 1947 году его как предателя казнили в Москве...

17 октября 1918 года Антонов-Овсеенко писал Ленину о необходимости искать союзников среди казаков:

«Казачья контрреволюция может быть сломлена лишь при содействии так называемого трудового казачества. Этого содействия в активной форме сейчас нет. Его нет благодаря, между прочим, непримиримой политике царицынских товарищей. Эти товарищи не скрывают, что для упрочения Советской власти на Дону считают необходимым, теперь же и решительным образом, проводить расказачивание. Такое отношение отталкивает от них казачьи массы и сплачивает ряды красновских полков...»

Под «царицынскими товарищами» Антонов-Овсеенко имел в виду Сталина и его новых союзников в лице Ворошилова и других. Сталин был настроен против казаков. Еще 11 июля 1918 года будущий генсек писал Ленину и Троцкому:

«У нас не оказалось революционного казачьего ядра, могущего сплотить за советской властью массы казаков. Этим, собственно, и объясняется, что объявленная нами мобилизация казаков пошла на пользу Краснову: мобилизованные казаки, получив оружие и пушки, тысячами перешли на сторону Краснова... Получив оружие и подчиняясь своим старым есаулам, казаки открыли частичные выступления, стали взрывать железные дороги по всему Северному Кавказу. При этом есть основание утверждать, что пироксилином снабжают их не только красновские агенты, но и англо-французские».

Антонов-Овсеенко, напротив, полагал, что «у нас могут быть надежные союзники среди казаков», и хотел сотрудничать с казаками, а не уничтожать их, как призывал Ста-

лин. Расхождение во взглядах со Сталиным ему дорого обойдется.

Когда началась революция в Германии, немцам уже было не до Украины. Немецкие войска поспешно отступали. Москва воспользовалась этим моментом для того, чтобы взять власть в республике.

С сентября по октябрь 1918 года Антонов-Овсеенко командовал 2-й и 3-й армиями Восточного фронта, его включили в состав Высшего военного совета, который под председательством Троцкого руководил всеми Вооруженными силами Советской России. 11 ноября он возглавил Курскую группу войск.

22 ноября Антонов-Овсеенко сообщал Ленину:

«Советнарком и по его указанию Реввоенсовет решили немедленно приступить к активным операциям на Украине. 17 ноября оформился Совет Украинского фронта, замаскированно названный Совет группы Курского направления. Его состав: я, т. Сталин, т. Затонский».

БОРЬБА С НЕМЦАМИ НА УКРАИНЕ

28 ноября образовалось Временное Рабоче-Крестьянское Правительство Украины под председательством Георгия Леонидовича Пятакова, который в дни революции был председателем киевского комитета большевиков.

Вместе с ним партийной работой в Киеве занимался его старший брат Леонид. В декабре 1917-го все видные большевики перебрались в Харьков. Леонид Пятаков не успел покинуть Киев. Рассказывают, что его схватила группа украинских офицеров, подчинявшихся Центральной раде.

Тело Леонида Пятакова обнаружили только в январе 1918 года, когда советские войска вошли в Киев. Судя по всему, он принял мученическую смерть.

«На месте сердца, — писал Георгий Пятаков, — была глубокая воронка, просверленная, очевидно, шашкой, а руки были совершенно изрезаны; как объясняли врачи, ему, живому, высверливали сердце, и он конвульсивно хватался за клинок сверлящей шашки...»

30 ноября новое правительство создало Украинскую советскую армию, командующим поставили Антонова-Овсеенко. В военный совет Украинской армии, помимо Антонова-Овсеенко, вошли Артем (Сергеев) и Владимир Петрович Затонский.

Артем — партийный псевдоним Федора Андреевича Сергеева. В 1901 году он поступил в Московское высшее техническое училище, за участие в студенческом движении был арестован. С тех пор он предпринимал несколько попыток получить высшее образование, но мешала революционная работа. В 1909 году его вновь арестовали и сослали в Иркутскую губернию, откуда он бежал и через Японию добрался до Шанхая. Там работал приказчиком в пекарне. Но в Китае жизнь оказалась слишком трудной, и он уехал в Австралию. Работал на железной дороге, издавал газету для русских эмигрантов, принял британское подданство.

После Февральской революции через Шанхай он добрался до Владивостока. В 1921 году погиб при крушении аэровагона на Курской железной дороге.

Владимир Петрович Затонский входил в состав первого советского правительства Украины, был председателем украинского ЦИК и в дальнейшем занимал разные руководящие должности в республике, пока не был уничтожен Сталиным в 1938 году.

Войска Антонова-Овсеенко вели борьбу на два фронта — против Белой армии и вооруженных сил Украинской Народной Республики, которой управляла Директория.

С ноября 1918-го по февраль 1919 года председателем Директории был Владимир Кириллович Винниченко. Симон Петлюра вошел в состав Украинской директории и получил должность командующего войсками (головного атамана). В январе 1919-го Директория объявила войну Советской России. Не согласившись с этим решением, Винниченко ушел в отставку и вскоре эмигрировал. В 1920 году он создал зарубежную группу Украинской коммунистической партии. Летом 1920-го он приехал на Украину, с ним велись переговоры о вхождении в состав правительства и политбюро ЦК компартии Украины. Винниченко согласился и был утвержден заместителем председателя республиканского Совнаркома. Но работать с большевиками все равно не смог и вскоре уехал за границу — теперь уже окончательно.

10 февраля на посту председателя Директории его сменил Петлюра. Симон Васильевич был популярным человеком на Украине. При гетмане он возглавил Киевское земство и Всеукраинский союз земств. Летом 1918 года его за антиправительственную деятельность арестовали и держали в Лукьяновской тюрьме в Киеве.

На территории Украины столкнулись три силы: собственно украинская армия, отстаивавшая независимость республи-

ки, большевистские войска и Белая армия генерала Деникина, который не признавал самостоятельной Украины.

4 января 1919-го Реввоенсовет образовал Украинский фронт, задача которого состояла в том, чтобы очистить республику от немецких и австрийских войск и не дать войскам Украинской директории распространиться по республике. Антонов-Овсеенко был назначен главнокомандующим войсками Украинской Советской Народной Республики. Его ввели в состав Реввоенсовета Республики, и он оставался членом коллегии наркомата по военным и морским делам.

Штаб фронта располагался сначала в Курске, потом его перевели в Харьков, где в декабре 1918-го установилась советская власть.

Сталин предложил поставить во главе фронта своего друга Ворошилова. Глава украинского правительства Пятаков не возражал, Троцкий категорически не согласился: предстоит борьба с опасным врагом, и нужен серьезный военачальник. Он считал Ворошилова бездарным в военном отношении, кроме того, Климент Ефремович демонстративно не подчинялся Реввоенсовету Республики. «Повторять царицынские эксперименты на украинской территории ввиду возможности столкновения с серьезным врагом — на это мы, разумеется, не пойдем, — писал Троцкий. — Стало быть, кандидатура т. Ворошилова совершенно отпадает».

Троцкий предложил поставить во главе фронта Антонова-Овсеенко. Но отношения между посланцами Москвы и украинскими деятелями складывались трудно. Антонова-Овсеенко считали чужаком и мечтали заменить его своим человеком. Владимир Александрович вел себя откровенно самостоятельно.

Ленин пытался внушить ему, что надо сотрудничать с украинскими товарищами:

«СНК выражает уверенность, что т. Антонов будет действовать впредь, как и прежде, в полном контакте с той центральной украинской Советской властью, которую СНК приветствовал, и с назначенным Советом Народных Комиссаров чрезвычайным комиссаром».

4 января 1919-го постановлением Реввоенсовета Республики Антонов-Овсеенко был назначен командующим Украинским фронтом. Это вызвало недовольство части украинских руководителей.

6 января Артем связался с Лениным по прямому проводу из Харькова:

«*Тов. Ленину.*

Не натягивайте чересчур струны, попытка Льва Борисовича (Каменева. — *Авт.*) навязать нам Антонова во что бы то ни стало вызовет конфликт, какого еще не бывало; против Антонова Украинский ЦЕКА, правительство, партия, массы, командный состав, а также Вы и главком (Вацетис. — *Авт.*), но Лев Борисович уперся; выход один — Антонова убрать, если Вы не уберете, он будет убран без Вас, тогда предавайте нас партийному суду. Вчерашнее заседание ЦЕКА и правительства решило требовать еще раз, ясно последний раз, его удаления.

От ЦЕКА Украины, временного правительства, по поручению *Артем*.

Ждем у аппарата ответа».

Ленин дипломатично ответил:

«Я сейчас осведомлюсь еще раз, но мне кажется, что смещение Антонова решено. Дайте адрес, по которому я пошлю через час телеграмму Вам, если окажется, что дело не вполне решено».

Артем немедленно телеграфировал Ленину:

«Наш адрес: Харьков, вокзал, Южный телеграф. Артему. Ваши указания принимаем к срочному исполнению».

Ленин ответил:

«Сию минуту узнал, что окончательное решение нашего ЦЕКА следующее: Вы можете назначить командующим кого угодно, только не Ворошилова, с тем непременным условием, чтобы фактическим главнокомандующим был Глаголев (В.П. Глаголева назначили начальником штаба фронта. — *Авт.*)...»

Ленин не хотел из-за Антонова-Овсеенко ссориться с руководителями Советской Украины. Но работники, группировавшиеся вокруг Артема, зашли слишком далеко. Они попытались получить в свои руки всю власть в республике.

Ворошилов, Артем (Сергеев), Межлаук и Рухимович решили сделать вид, что приказы Троцкого (а фактически и Ленина) для них не существуют. Заодно они сняли с должности главы правительства Георгия Леонидовича Пятакова, который не понимал, как можно нарушить приказ Реввоенсовета Республики.

18 января Ленин получил сообщение о решении украинского ЦК назначить главой правительства республики Артема, а Реввоенсовет Украины сформировать в составе Ворошилова, Межлаука и Рухимовича.

Валерий Иванович Межлаук (настоящее имя Мартин Иоганович, отец — латыш, мать — немка) участвовал в созда-

нии Красной гвардии в Харькове, был членом Реввоенсовета 5-й и 10-й армий. Со временем Межлаук станет председателем Госплана и заместителем главы правительства, 1 декабря 1937 года его арестуют, в июле 1938-го расстреляют. Его брат, Иван Иванович Межлаук, тоже прошел Гражданскую войну, сделал немалую карьеру, последняя должность — председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при Совнаркоме. Его арестовали вслед за Валерием Межлауком, а расстреляли на три месяца раньше, в апреле 1938-го...

Моисей Львович Рухимович в начале 1918 года стал наркомом по военным делам Донецко-Криворожской Советской республики, а в июле был назначен военным комиссаром Центрального управления по формированию Красной армии Украины. В 1936-м Сталин сделает его наркомом оборонной промышленности СССР, осенью 1937-го прикажет арестовать, а летом 1938-го расстрелять...

Пятаков обратился к Ленину, Свердлову, Троцкому и Сталину с взволнованной телеграммой:

«За последние дни многократно пытался переговорить с Вами по проводу, не удавалось, передавал курьерами телеграммы, чтобы разными путями довести до вашего сведения о том безобразии, которое здесь творится.

Первое, интриганство группы Артема дошло до прямой борьбы с действующей армией; второе, борьба с командованием дошла до того, что у меня потребовали опубликование постановления о назначении Рухимовича главнокомандующим, Ворошилова и Межлаука — членами Реввоенсовета, несмотря на письменный приказ Реввоенсовета Республики, которым это строжайше запрещалось. Я отказался, считая, что правительство не вправе отменять приказы Реввоенсовета Республики.

Придравшись к этому поводу, большинство постановило сместить меня, не спрашивая даже санкции ЦК РКП, и назначить председателем Артема. Затем в газетах опубликовано постановление правительства о назначении Рухимовича главнокомандующим — даже не просто командующим! — Ворошилова и Межлаука членами Реввоенсовета. Подписано моим именем, хотя я такое постановление не подписывал и подписывать как незаконное не считаю возможным, ибо сепаратизм в военном деле — преступление...»

Троцкий, который в тот момент находился в Курске, написал Ленину:

«Царицынская линия, приведшая к полному распаду Царицынской армии, на Украине допущена быть не может.

Единственный выход — назначение Подвойского военным комиссаром, Антонова — командующим, Глаголева — начальником штаба...

Линия Сталина, Ворошилова и Рухимовича означает гибель всего дела... Я считаю покровительство Сталина царицынскому течению опаснейшей язвой, хуже всякой измены и предательства военных специалистов... Рухимович — это псевдоним Ворошилова... Рухимович не один, они цепко держатся друг за друга, возводя невежество в принцип... Пусть назначают Артема, но не Ворошилова и не Рухимовича».

И снова Ленин поддержал председателя Реввоенсовета.

13 января 1919 года Троцкий подписал приказ о назначении Антонова-Овсеенко командующим Украинским фронтом.

16 января ситуацию на Украине обсуждал ЦК партии, который отверг самостийность украинских руководителей в военных делах, но взамен согласился заменить Пятакова Христианом Георгиевичем Раковским, известным болгарским революционером, который в 1917 году приехал в Россию. После Гражданской войны Раковский перейдет на дипломатическую работу, поедет полпредом в Англию, потом во Францию. Как сторонника Троцкого его в 1937-м арестуют, приговорят к двадцати годам тюремного заключения, а в сентябре 1941-го расстреляют...

А пока что новому главе правительства поручалось «провести в жизнь полное отстранение Ворошилова и Рухимовича от военной работы...».

Командующим фронтом утвердили Антонова-Овсеенко. Наркомом по военным делам назначили спешно командированного из Москвы Николая Ильича Подвойского. Межлаука сделали его заместителем. Артему — за попытку восстать против решений Москвы — поручили всего лишь наркомат советской пропаганды. Ворошилову достался незначительный тогда пост наркома внутренних дел Украины.

В феврале 1919 года советские войска вошли в Киев. Но столицей Советской Украины объявили Харьков, и туда переехало республиканское правительство, которое стало именовать себя Совнаркомом.

Войска Антонова-Овсеенко с трудом противостояли наступавшей Белой армии.

13 мая 1919 года Троцкий сообщил о бедственном положении на Украине: Реввоенсовет Украинского фронта не способен выполнить поставленные задачи. 17 мая 1919 года Троцкий сообщил в ЦК, что намерен отстранить от военной работы Антонова-Овсеенко. Он предложил либо сформировать новый

состав Реввоенсовета Украины или вовсе упразднить Украинский фронт. Троцкий исходил из того, что удержание Донецкого угольного бассейна важнее всего.

В тот же день Ленин ответил Троцкому: «Политбюро ЦЕКА всецело поддерживает решительность и одобряет Ваши планы».

Троцкий сразу же прислал Ленину еще одну телеграмму: «Прибыл т. Иоффе. Он считает, как и мы, невозможным дальнейшее сохранение Антонова и Бубнова в Реввоенсоветеукр. Наиболее правильным решением представляется нам уничтожение фронта путем выделения Западной армии и сосредоточения всех сил Донбасса».

Ответ последовал незамедлительно: «Не возражаем. *Ленин. Сталин. Крестинский*».

Николай Николаевич Крестинский был в 1919 году членом политбюро.

Ленин, Сталин и Крестинский отправили Совнаркому Украины телеграмму с требованием бросить все силы на помощь Южному фронту: «Помните, что без быстрого взятия Ростова гибель революции неминуема».

Судьба Антонова-Овсеенко вскоре решилась.

В соответствии с решением политбюро от 1 июня 1919 года был принят декрет ВЦИК об объединении военных сил России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии.

4 июня 1919 года Троцкий подписал приказ о расформировании Украинского фронта.

21 июня 1919-го на заседании ЦИК Украины была принята резолюция:

«Задача, возложенная на командование Особого (Украинского) фронта по освобождению территории Украины, ныне в основе своей с полным успехом выполнена... Отныне Украинский фронт сливается с фронтом всех советских республик под одним общим командованием революционного совета Российской Социалистической Федеративной Советской Республики».

Антонову-Овсеенко выражалась благодарность. Его военная деятельность на Украине завершилась.

Валерий Межлаук предложил объединить бывшие армии Украинского фронта под командованием Ворошилова и образовать особую группу в районе Донецка. Смысл этого предложения был очевиден: вывести Климента Ефремовича Ворошилова из подчинения командованию фронта.

Ленин передал это предложение на отзыв Троцкому. Председатель Реввоенсовета ответил:

«Домогательства некоторых украинцев объединить вторую укрармию, тринадцатую и восьмую в руках Ворошилова совершенно несостоятельны... Не сомневаюсь, что осуществление этого плана только усилило бы хаос и окончательно убило бы оперативное руководство...»

Получив послание Троцкого, Ленин телеграфировал Ворошилову и Межлауку:

«Надо во что бы то ни стало прекратить митингование, перевести всю и всякую работу на военное положение... Дисциплина должна быть военная... Бросить всякое прожектерство об особых группах и тому подобных попытках прикрытым образом восстановить Украинский фронт».

Вслед за этим Ворошилов и Межлаук получили еще одну телеграмму:

«Политбюро ЦК собралось 1 июня и, вполне соглашаясь с Троцким, решительно отвергает план украинцев объединять 2-ю, 8-ю и 13-ю армии, создать особое донецкое единство. Мы требуем, чтобы Ворошилов и Межлаук выполняли свою непосредственную задачу — создать крепкую украинскую армию».

Советское партийное руководство, едва успев взять власть, занялось бесконечными интригами, которые поглощали все силы. И не оставляли времени ни на что другое. Великие цели и идеи, ради которых они вступали в партию и готовили революции, отошли на задний план. Главной оказалась борьба за власть, должности и влияние. Советское руководство быстро разделилось на многочисленные кланы и группы, которые ненавидели друг друга, а со временем перешли к уничтожению конкурентов и соперников.

2 июня 1919 года Антонов-Овсеенко из Киева писал в Москву, протестуя против выдвижения Климента Ефремовича:

«Ворошилов был командующим на определенном участке внутреннего фронта. Имел на нем вначале большие неудачи, поправленные удачами на других участках, где командовал не он. Приписывать себе успех борьбы с Григорьевым он может лишь по большому недоразумению. Затем, донесения его штаба о разгроме Григорьева под Александрией оказались ложными... Утверждения Ворошилова в области его собственных успехов постыдно преувеличены».

Сделано было так, как предложил Троцкий.

1-я и 3-я Украинские армии были соединены в 12-ю армию, которую включили в состав Западного фронта. 2-ю Украинскую армию преобразовали в 14-ю (командармом назначили Ворошилова) и передали Южному фронту.

Адольф Иоффе, назначенный членом Совета Обороны и наркомом государственного контроля Украины, писал 30 июня 1919 года Троцкому и Ленину:

«Оттого, что созданы 12-я, 13-я и 14-я армии, еще не изменилось их партизанское настроение и, наоборот, скажу откровенно, назначив Ворошилова командармом, а Пятакова с Бубновым в Реввоенсоветы, вы затруднили возможность борьбы с партизанщиной. Командарм 14-й Семенов заявляет, что его не слушаются, и мы получаем телеграммы от его подчиненных: «Генералам не подчинился и подчиняться не буду».

Мы получаем панические телеграммы, что под Харьковом все бывшие офицеры перешли на сторону Деникина. Создается паника среди красноармейцев, которые распространяют какие-то деревянные патроны, заявляя, что так царские генералы заставляют их сражаться...»

Удержать Киев не удалось. В июле 1919 года Добровольческая армия Деникина перешла в наступление. В сентябре войска Деникина вошли в Киев.

Академик Вернадский написал одному из своих друзей:

«За это время пережито страшно много. Я прожил в Киеве гетманско-немецкий период, директории Винниченко, большевиков и теперь, надеюсь, уже более прочный период Добровольческой Армии, возрождающейся России, мне кажется, наконец, настоящим образом.

Я очень верю, что это уже начало нового, может быть, и очень тяжелого, но во всяком случае, не будет того рабства и тех несчастий, к которым привел социалистический строй. В Киеве мы испытали при нем в XX веке рабство...»

СЫН КРЕПОСТНОГО ПРОТИВ ДВОРЯНСКОГО СЫНА

Пожалуй, интереснее всех об Антоне Ивановиче Деникине написал Дмитрий Лехович, который семнадцатилетним юношей поступил вольноопределяющимся в Добровольческую армию Деникина. Лехович не захотел жить в Советской России, эмигрировал. Он беседовал с Деникиным, когда после Второй мировой войны генерал переехал из Франции в Соединенные Штаты, и написал книгу «Белые против красных».

Генерал Деникин — выходец из простой семьи — в отличие от большинства вождей Октябрьской революции. Если отец Антонова-Овсеенко был дворянином, то Деникин-старший — крепостным крестьянином в Саратовской губернии.

Иван Ефимович Деникин прослужил в армии двадцать пять лет, в шестьдесят два года вышел в отставку в чине майора и через два года женился во второй раз на полькe-католичке Елизавете Федоровне (Францисковне) Вржесинской. Семья жила на его пенсию, бедствовала.

Антон Деникин поступил в Киевское юнкерское училище — военную карьеру выбрал под влиянием отца. Жизнь в училище была суровой — юнкеров кормили и одевали как солдат, платили солдатское жалованье — двадцать две с половиной копейки в месяц. Мать из скудной пенсии за отца посылала пять рублей.

Подпоручик Деникин получил назначение во 2-ю полевую артиллерийскую бригаду, которая была расквартирована под Варшавой. Осенью 1895 года поступил в Академию генерального штаба. По итогам экзаменов он был включен в список офицеров, имеющих право быть причисленными к генеральному штабу. В русской армии к генеральному штабу причислялись окончившие академию по первому разряду. Но новый начальник академии вычеркнул его из списка.

И тут штабс-капитан Деникин, возмущенный несправедливостью, совершил нечто невиданное — он написал жалобу самому императору. Военный министр генерал от инфантерии Алексей Николаевич Куропаткин приказал академии разобрать эту историю. Офицеры академии пришли к выводу, что Деникин прав. Ему сказали, что он будет причислен к генеральному штабу, но должен отозвать свою жалобу.

Молодой офицер возмутился:

— Я милости не прошу. Добиваюсь только того, что мне принадлежит по праву.

В результате в генштаб его не зачислили, а из канцелярии императора пришел ответ, что жалобу Деникина решено оставить без последствий. Это сильно повлияло на Деникина, на его отношение к императору и царскому строю.

Он вернулся в артиллерийскую бригаду. Через два года написал письмо военному министру Куропаткину, в котором изложил всю историю. Военный министр проверил все факты и пришел к выводу, что Деникин прав. На аудиенции у императора Куропаткин выразил «сожаление, что поступил несправедливо, и попросил повеления» на причисление Деникина к генеральному штабу.

Антон Иванович написал рапорт с просьбой отправить его на японскую войну. Его назначили начальником штаба дивизии, но он рвался в бой. Несколько раз сам поднимал сол-

дат в атаку, был произведен в подполковники, а потом и в полковники.

Поражение в войне с Японией сильно подействовало на офицерский корпус. Деникин писал: «Никогда еще, вероятно, военная мысль не работала так интенсивно, как в годы после японской войны. О необходимости реорганизации армии говорили, писали, кричали». На русский язык переводилась иностранная военная литература, в первую очередь немецкая.

В отставку были отправлены офицеры старшего возраста, не имевшие образования. «В течение 1906—1907 годов было уволено и заменено от 50 до 80 процентов начальников, от командира полка до командующего войсками округа, — писал Деникин. — Можно сказать с уверенностью, что, не будь тяжелого маньчжурского урока, Россия была бы раздавлена в первые же месяцы первой мировой войны».

В 1914 году Деникина назначили генерал-квартирмейстером (начальником оперативного отдела) в штаб 8-й армии генерала Алексея Алексеевича Брусилова. Но Деникин просился на командную должность и получил под командование 4-ю бригаду, которую в 1915 году развернули в дивизию. Антон Иванович получил Георгиевские кресты III и IV степени, Георгиевское оружие с бриллиантами — редкая награда за личный подвиг.

Бригада входила в состав 8-й армии, в которой по странному стечению обстоятельств собрались будущие вожди белого движения: Деникин, Алексей Максимович Каледин, Лавр Георгиевич Корнилов, Сергей Леонидович Марков...

В сентябре 1916 года Деникин получил под командование 8-й армейский корпус и был отправлен на помощь румынам.

Еще во время первой русской революции 1905 года Деникин пришел к выводу, что он российский либерал, то есть монархия должна быть конституционной, нужны радикальные реформы, но обновление страны должно произойти мирным путем.

Идеал Деникина — конституционная монархия британского типа. Ему не нравился старый строй. Но он и не хотел революции. Он хотел эволюции. Таких же взглядов придерживалась немалая часть офицерства.

Генерал Лукомский писал уже в эмиграции:

«Офицерство, в своей массе совершенно лояльное и верноподданное, не умело бороться и не понимало (не видело) надвигавшейся опасности. С постепенным проникновением в новые молодые кадры офицерства различных либеральных

тенденций сопротивляемость армии революционной пропаганде постепенно ослабевала.

«Кастовый» характер офицерского корпуса, пополнявшегося в прежнее время из дворянской и чисто военной среды, постепенно изменялся, и к периоду войны с Японией офицерский корпус русской армии уже имел крайне разношерстный характер. Процент «разночинцев», из «интеллигентов» и из низших слоев (как их презрительно называли, «кухаркиных сыновей»), стал значительным не только среди младшего офицерства, но и среди старших чинов.

Достигающих высокого положения не по родовитости, а за свои личные заслуги было в армии сколько угодно: таких, как генерал Иванов (ставший командующим войсками Киевского военного округа и затем главнокомандующим Юго-Западным фронтом во время мировой войны), генерал Алексеев, генерал Деникин, генерал Корнилов, было очень и очень много...»

В марте 1917 года Деникина неожиданно вызвали в Петроград и назначили начальником штаба верховного главнокомандующего, а им был генерал Михаил Васильевич Алексеев; считалось, что у него слишком мягкий характер, поэтому ему дали в помощь твердого Деникина.

Когда генерал Алексеев покинул пост главнокомандующего, его место занял Брусилов. С ним Деникин работать не захотел, считал невозможным его желание служить революции.

Деникина назначили командующим Западным фронтом, потом переместили на пост командующего Юго-Западным фронтом.

Брусилова, впрочем, вскоре сменил Лавр Георгиевич Корнилов. Он был сыном крестьянина, который дослужился до офицерских погон. Корнилов в 1915 году попал в Карпатах в плен, бежал и сумел добраться до России. В те годы бежавшие из плена считались героями. Он получил орден Святого Георгия III степени.

Корнилов требовал восстановить смертную казнь, чтобы заставить армию подчиняться приказам. Он докладывал правительству: «Армия обезумевших темных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражения, царит сплошной ужас, позор и срам, которые русская армия еще не знала с самого начала своего существования...»

Деникин поддержал корниловский мятеж, но солдаты не приняли сторону популярного генерала, потому что совершенно не хотели воевать.

Глава правительства Керенский и управляющий военным министерством Борис Викторович Савинков распорядились отстранить Деникина от должности и предать суду за мятеж. Деникин, начальник штаба фронта Марков и генерал-квартирмейстер Орлов были арестованы «за попытку вооруженного восстания против Временного правительства».

На фронте требовали немедленно судить Деникина. Но всех арестованных генералов с комфортом разместили в районе Могилева, где находилась Ставка. Из Ставки прислали повара, который им готовил. Охрану несли преданные Корнилову текинцы, внутри тюрьмы арестованные передвигались вполне свободно.

Когда к власти пришли большевики, начальник штаба Ставки генерал-лейтенант Духонин выпустил всех генералов на свободу.

Они решили пробираться в Новочеркасск, где власть принадлежала их сослуживцу генералу Каледину. Генерал Романовский надел погоны прапорщика, Марков переоделся в рядового и изображал денщика Романовского. Генерал Лукомский выдавал себя за немецкого колониста. Деникин получил в польской дивизии документы на имя Александра Домбровского, помощника начальника 73-го польского санитарного отряда...

На Дон к Каледину со всей страны устремились бывшие офицеры, юнкера, кадеты. Из Киева приехал отряд георгиевского полка, затем появился эшелон ударного полка, который был создан летом на Юго-Западном фронте и стал называться Корниловским в честь Лавра Георгиевича.

Федор Августович Степун, писатель и философ, в Первую мировую тяжело раненный на Рижском фронте, был начальником политического управления в военном министерстве у Бориса Савинкова. По личному указанию Ленина был включен в список высланных из России осенью 1922 года.

Уже в эмиграции Степун писал:

«Когда над фронтом неожиданнее всех неприятельских шрапнелей разорвалась революция, русское офицерство, которому она ничего хорошего не несла и не обещала, приняло ее без малейших оговорок и сопротивления. В ответ на это оно было революцией сразу же взято «под подозрение». Неся всем все возможные и невозможные свободы, мартовская революция все же не нашла возможным разрешить офицер-

ству свои профессиональные союзы, офицерские комитеты без участия солдат.

Чем дальше развертывалась революция, тем неприемлемее становилась она для офицерства. «Брестский мир», кровавым бичом хлестнувший по опозоренному лицу всей России, больше всего, с чисто психологической точки зрения, ударил, конечно, по рядовому офицерству...

Все это делает вполне понятным, почему честное и уважающее себя офицерство психологически должно было с головою уйти в белое движение».

Формированием Добровольческой армии, которая брала на себя задачу восстановления в России законной власти, занимался генерал Алексеев. Но возглавил армию в Рождество 1917 года Корнилов, его авторитет в войсках был выше.

В начале февраля 1918 года вся армия составляла три-четыре тысячи человек. Не было ни денег, ни оружия, ни амуниции. Деникин стал командиром Добровольческой дивизии, Марков — начальником штаба. Между прочим, 7 февраля 1918 года Антон Иванович Деникин женился — впервые.

На Дону к добровольцам отнеслись плохо. В середине января 1918 года Корнилов перевел части армии в Ростов, но и здесь добровольцев встретили враждебно. Корнилов решил уходить на Кубань. Все шли пешком, даже Корнилов.

Поход стали называть Ледовым из-за того, что в марте у станицы Ново-Дмитровской офицерский полк сумел переправиться ночью в чудовищную погоду, в снегопад, через реку, которая покрывалась льдом, и штыковой атакой выбил красных, не ожидавших появления белых.

Добровольческая армия выработала такую тактику: фронтальная атака густыми цепями при слабой артиллерийской поддержке, потому что не хватало ни орудий, ни снарядов. Плохо обученные красные части не выдерживали яростной атаки и поспешно отходили.

В конце марта начался тяжелый бой за Екатеринодар. 31 марта Корнилов, который требовал во что бы то ни стало штурмовать Екатеринодар, был убит — ранним утром снаряд ударил в стену дома, где находился Корнилов. В командование вступил Деникин.

Продвижение немецких войск после Брест-Литовского договора дало Деникину передышку, потому что большевики полностью переключились на немцев. Добровольческая армия захватывала военные склады, оружие и приводила себя в порядок.

В апреле к Деникину присоединился большой отряд, который привел из Румынии полковник Михаил Гордеевич Дроздовский. Он пришел с артиллерией, броневиками, пулеметами.

Летом армия Деникина начала наступление.

12 июня погиб старый друг Деникина генерал Марков. Он был смертельно ранен снарядом с бронепоезда. Деникин переименовал полк, которым командовал Марков, в 1-й офицерский генерала Маркова полк.

С августа Добровольческая армия начала мобилизовывать в свои ряды местное население. Все офицеры в возрасте до сорока лет подлежали обязательной мобилизации. А в конце года белые стали брать в свои ряды и пленных красноармейцев.

В Екатеринодаре к Деникину пришел генерал барон Петр Николаевич Врангель. Он был прекрасным кавалеристом, решительным и умеющим брать на себя ответственность. Высокого роста, с зычным голосом, он нравился солдатам.

25 сентября 1918 года скончался в Екатеринодаре генерал Алексеев. Причиной смерти стала уремия (отравление организма, вызванное почечной недостаточностью). Деникин принял на себя звание главнокомандующего. Теперь он стал единоличным главой белого движения. С покойным генералом Алексеевым у него были идеологические разногласия.

Алексеев стоял за восстановление монархии, Деникин предлагал не выдвигать такого лозунга, потому что многие офицеры царя не хотели. Антон Иванович говорил:

— Если я выкину республиканский флаг — уйдет половина добровольцев, если я выкину монархический флаг — уйдет другая половина. А надо спасать Россию!

Добровольческая армия несла серьезные потери. Генерал Дроздовский, получив ранение под Ставрополем, умер от заражения крови. Созданный им 2-й офицерский полк получил имя Дроздовского. Потом он был развернут в дивизию.

К началу февраля 1919 года Деникин очистил от Красной армии Северный Кавказ. Теперь он стал думать о походе на Москву и обратился за помощью к странам Антанты как союзникам в войне против Германии.

Французы первоначально обещали выделить двенадцать дивизий для оккупации юга России и взять Киев и Харьков, чтобы помочь Добровольческой армии. Через Одессу намечалось снабжение Добровольческой армии всем необходимым.

Но из этого мало что получилось. Французские солдаты в Одессе стали демонстрировать симпатии к большевикам,

начались волнения на французских кораблях в Черном море, и французы решили вывести свои войска из Одессы.

Более деловым человеком оказался Уинстон Черчилль, который в январе 1919 года стал британским военным министром. Черчилль хотел сохранения единой России как союзника против Германии и боялся ее расчленения на мелкие государства. Поэтому и поддержал Деникина.

Черчилль поставил Деникину с марта по сентябрь 1919 года полтысячи артиллерийских орудий, двенадцать танков, миллион шестьсот тысяч снарядов, сто шестьдесят миллионов патронов и двести пятьдесят тысяч комплектов обмундирования.

Весной 1919 года большого успеха добились кавалеристы Деникина — 3-й Кубанский конный корпус генерал-майора Андрея Григорьевича Шкуро, 2-й Кубанский корпус генерал-майора Сергея Георгиевича Улагая, конница Кавказской Добровольческой армии генерал-лейтенанта Петра Николаевича Врангеля.

Троцкий писал позднее:

«Перевес конницы в первую эпоху борьбы сослужил в руках Деникина большую службу и дал возможность нанести нам ряд тяжелых ударов... В нашей полевой маневренной войне кавалерия играла огромную, в некоторых случаях решающую роль. Кавалерия не может быть импровизирована в короткий срок, она требует специфического человеческого материала, требует тренированных лошадей и соответственного командного материала. Командный состав кавалерии состоял либо из аристократических, по преимуществу дворянских фамилий, либо с Донской области, с Кубани, из мест прирожденной конницы...

В гражданской войне составить конницу представляло всегда огромные затруднения для революционного класса... Если возьмете список командиров, которые перебежали из рядов Красной армии в ряды белой, то вы найдете там очень высокий процент кавалеристов...»

Наступление Деникина продолжалось почти полгода и было очень успешным. Его войска заняли Белгород, Харьков, Екатеринослав, Царицын, который имел особое значение: там находились артиллерийские заводы, значительные запасы снаряжения, но главное состояло в особом стратегическом положении города. Москва была отрезана от нижнего течения Волги и Каспия.

В августе Белая армия взяла Херсон, Николаев, Одессу. 17 августа — Киев. 7 сентября 1-й армейский корпус генерала

Александра Павловича Кутепова вошел в Курск, 30 сентября — в Орел. Казалось, дорога на Москву открыта. Но в этом историческом поединке Красная армия оказалась сильнее. Белые части сначала остановились, а потом стали отступать.

В декабре 1919 года Красная армия опять вернула себе главный город Украины.

Симон Петлюра, который нашел убежище в Варшаве, обратился к последнему возможному союзнику — Польше. 2 декабря 1919 года он подписал в Варшаве соглашение, жертвуя Восточной Галицией — в обмен на военный союз против большевиков.

Поляки охотно вступили в войну, которая уже несколько лет шла на территории бывшей Российской империи. В этой смуте поляки рассчитывали максимально раздвинуть свои границы.

В начале ноября 1918 года возникла Западно-Украинская Народная Республика со столицей во Львове. Но она просуществовала недолго. Через три недели поляки взяли Львов. Причем в городе три дня продолжался еврейский погром. Поляки утверждали, что еврейская милиция была на стороне украинцев, поэтому евреи должны быть наказаны.

В мае 1920 года поляки заняли Киев.

Жизнь в Киеве, который в Гражданскую войну неоднократно переходил из рук в руки, описана и не раз, в том числе в знаменитом романе Михаила Афанасьевича Булгакова «Белая гвардия». Но я хочу процировать заметки рядовой киевлянки, помещенные в выходившем в эмиграции «Архиве русской революции»:

«Канонада, канонада всякий день, всякий час! От нее нельзя никуда скрыться, о ней нигде нельзя забыть! Что бы мы ни делали, о чем бы ни говорили, она сопутствует каждому нашему поступку, каждому нашему сказанному слову...

Добровольцы стали входить в город часам к одиннадцати утра. Я вышла на Крещатик немного позже, улицы были запружены радостным, праздничным народом. Войска проходили разукрашенные цветами, офицеры изредка говорили речи, благодарили за то сочувствие, с которым их встречают, скромно просили прощения в том, что так долго заставляли себя ждать...

А в толпе уже один только разговор, одна общая для всех тема: «жид». Ненависть к ним объединила всех, и какая ненависть: «жиды, жидовка, комиссар, комиссарша»... «Бить, резать, грабить». Все, без исключения, отождествляют евре-

ев с большевиками, и все, без исключения, требуют для них наказания...

Первое время по приходе добровольцев настроение в Киеве было очень тяжелое. Особенно плохо приходилось живущим в Липках. На Садовую улицу, где была ЧК, совершались настоящие паломничества, и сопровождались они всегда избиениями евреев и чекистов... Страдали невинные: пользуясь общим озлоблением, люди сводили между собой свои счеты и мстили друг другу...

Все это достаточно часто ставилось в вину добровольцам, и я думаю, что они сами впоследствии поняли, какую ошибку совершили, поддерживая и даже отчасти раздувая ненависть к евреям среди киевлян...

Массу арестованных водят под конвоем по улицам. Мы знаем хорошо, что их ожидает, знаем также, что не все они виноваты. Боже мой, когда же в России перестанет литься кровь, белая, красная — всякая! И как много пролилось ее в последующие дни, те дни, когда выла киевская улица, когда банды солдат, переходя из дома в дом, на глазах у начальства грабили, насиловали, убивали!»

Вместе с поляками в Киеве появился Симон Петлюра и стал формировать свое правительство. Но польские войска продержались всего полтора месяца и были выбиты из города наступавшей Красной армией. Осенью 1920 года Петлюра навсегда покинул Украину. В 1926 году он был убит в Париже — запоздалая месть за разбойное поведение его армии...

АНТОНОВ ПРОТИВ АНТОНОВА

После отъезда с Украины у Антонова-Овсеенко началась другая жизнь. Сначала его отправили уполномоченным ВЦИК по проведению продразверстки в Витебской губернии. В октябре 1919 года утвердили председателем Тамбовского губисполкома. В апреле 1920-го ввели в состав наркомата труда, наркомата внутренних дел и наркомата рабоче-крестьянской инспекции.

В феврале 1921 года Антонов-Овсеенко был назначен председателем полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии. Хотя никакого бандитизма там не было, и в Москве это прекрасно знали.

10 февраля 1921 года командующий войсками Красной армии в Тамбовской губернии Александр Павлов доложил

главкому РККА Сергею Сергеевичу Каменеву: «В губернии не бандитизм, а крестьянское восстание, поддержанное широкими массами крестьян».

Крестьяне в Гражданскую в основном были на стороне советской власти. Но к концу войны настроения стали меняться: реквизиции продовольствия, продразверстка, ставка новой власти на бедняков, попытки создавать колхозы — то есть отбирать землю — оттолкнули крепких хозяев от большевиков.

Особую ненависть вызывала Продармия — продовольственно-реквизиционная армия, образованная в 1918 году. Вооруженные продотряды конфисковывали продукты у крестьян и сами вели себя по-бандитски. Кончилось это тем, что крестьяне повернули оружие против советской власти.

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии продолжалось почти год и захватило часть Воронежской губернии. В начале 1921-го крестьяне сформировали пятидесятитысячную армию. Ее возглавил Александр Степанович Антонов, почти однофамилец нашего героя.

Он вступил в партию эсеров в 1906 году, в 1907-м вошел в Тамбовскую группу независимых эсеров, участвовал в боевых операциях. В 1909-м его поймали, осудили на пожизненную каторгу. Февральская революция позволила ему вернуться домой. Антонова включили в состав губернского комитета партии эсеров. Он стал помощником начальника 2-й части тамбовской городской милиции.

В ноябре 1920 года он возглавил главный оперативный штаб партизанских армий Тамбовского края. Он довольно успешно руководил действиями восставших крестьян.

27 апреля 1921 года на политбюро обсуждался вопрос «О ликвидации банд Антонова». Постановление гласило:

«а) Комиссии ВЦИК, назначенной в Тамбов, не распускать, усилив ее тт. Залуцким и Тухачевским.

б) Назначить единоличным командующим войсками в Тамбовском округе т. Тухачевского, сделав ответственным за ликвидацию банд в Тамбовской губернии, не записывая о его назначении в протоколы РВСР. Не допускать никакого вмешательства в военные действия т. Тухачевского как со стороны комиссии ВЦИК, так и других властей.

в) Дать Тухачевскому директиву ликвидировать банды Антонова в Тамбовской губернии не позже чем в месячный срок. Доклады т. Тухачевского в краткой письменной форме в ЦК должны быть сообщаемы по телеграфу еженедельно.

г) Поручить ВЧК усилить разведку и чекистскую работу в Тамбовской губернии.

д) Передвинуть из армии тысячу коммунистов на Тамбовский фронт на срок ликвидации тамбовских банд, обязуя т. Склянского принять сугубые меры для срочного продвижения командированных коммунистов и возвращения их обратно в армию.

Доклад о ходе мобилизации военных коммунистов за т. Склянским еженедельно в ЦК.

е) Поручить т. Склянскому ускорить посылку бригады курсантов в Тамбов».

Тухачевского назначили по инициативе Склянского, заместителя председателя Реввоенсовета. 26 апреля 1921 года он писал Ленину:

«Я считал бы желательным послать Тухачевского на подавление Тамбовского восстания. В последнее время там нет улучшения и даже местами — ухудшение. Получится несколько большой политический эффект от этого назначения. В особенности за границей. Ваше мнение?»

Ленин почти всегда принимал предложения Склянского и на записку реагировал мгновенно:

«Внесите Молотову для П.-Бюро на завтра. Предлагаю назначить его без огласки в центре, без публикации».

Антонов-Овсеенко как глава комиссии ВЦИК и Тухачевский как руководитель военной операции проводили свирепую политику, безжалостно уничтожая непокорных крестьян.

Сохранился датированный 11 июня 1921 года приказ полномочной комиссии ВЦИК, отправленной в Тамбов для ликвидации антоновского восстания:

«1. Граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. В селениях, в которых скрывается оружие, властью уездной политкомиссии или райполиткомиссии объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в которой скрывается бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно.

Председатель полномочной комиссии ВЦИК
Антонов-Овсеенко.
Командующий войсками *Тухачевский*».

Под началом будущего маршала Тухачевского (заместителем у него был Иероним Петрович Уборевич, который со временем получит звание командарма 1-го ранга и станет командующим Белорусским военным округом) находилось тридцать с лишним тысяч пехоты, восемь тысяч конницы, четыреста шестьдесят три пулемета и шестьдесят три орудия.

Два выдающихся военачальника одолели крестьян. Тем более, что Тухачевский распорядился «леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми удушливыми газами».

В кровопролитных боях с 28 мая по 7 июня Уборевич разгромил 2-ю армию восставших (ею командовал сам Антонов). 20 июня возле города Урюпинска уничтожили и 1-ю повстанческую армию. 16 июля 1921 года Тухачевский доложил в ЦК, что мятеж ликвидирован и советская власть в Тамбовской губернии восстановлена. Убито было более одиннадцати тысяч восставших.

В распоряжении Антонова оставалось чуть больше тысячи бойцов. Некоторое время ему удавалось скрываться. 24 июля он был убит чекистами при аресте в селе Нижний Шибряй Борисоглебского уезда.

ПРОКУРОР И ГЕНКОНСУЛ

Осенью Антонова-Овсеенко перебросили в Самарскую губернию председателем губисполкома. Потом вернули в Москву и отправили заместителем председателя Главного комитета по всеобщей трудовой повинности (председателем был Дзержинский, который в те годы исполнял безумное количество обязанностей). Заодно Антонова-Овсеенко утвердили заместителем председателя малого Совнаркома.

В августе 1922 года Троцкий назначил его начальником Политического управления Реввоенсовета Республики.

Лев Давидович был невысокого мнения о военных талантах нового начальника ПУРа.

«Антонов-Овсеенко, — писал Лев Троцкий, — по характеру импульсивный оптимист, гораздо более способный на импровизацию, чем на расчет. В качестве бывшего маленького офицера он обладал кое-какими военными сведениями. Во время большой войны в качестве эмигранта он вел в парижской газете «Наше слово» военный обзор и нередко проявлял стратегическую догадку».

Почему же Троцкий выбрал именно Антонова-Овсеенко? После окончания Гражданской войны у председателя Реввоенсовета обнаружилось такое количество оппонентов, что он нуждался прежде всего в политическом союзнике.

22 марта 1923 года Владимиру Александровичу исполнилось сорок лет. По этому случаю одного из первых руководителей новой армии наградили орденом Красного Знамени.

Он среди прочего создал газету «Красная звезда», первый номер которой вышел 1 января 1924 года. Но ему недолго оставалось руководить армейскими политработниками.

Антонов-Овсеенко был верным соратником председателя Реввоенсовета, о котором писал так: «Троцкий — вождь, организатор и вдохновитель победы революции».

27 декабря 1923 года Антонов-Овсеенко написал заявление в политбюро и президиум ЦКК. Он возмущался нападками на Троцкого, считая это расколом в партии:

«Знаю, что этот мой предостерегающий голос на тех, кто застыл в сознании своей непогрешимости историей отобранных вождей, не произведет ни малейшего впечатления. Но знайте — этот голос симптоматичен. Он выражает возмущение тех, кто всей своей жизнью доказал свою беззаветную преданность интересам партии в целом, интересам коммунистической революции.

Эти партийные молчальники возвышают свой голос только тогда, когда сознают явную опасность для всей партии. Они никогда не будут «молчальниками», царедворцами партийных иерархов. И их голос когда-нибудь призовет к порядку зарвавшихся «вождей» так, что они его услышат, даже несмотря на свою крайнюю фракционную глухоту».

Сталина письмо Антонова-Овсеенко возмутило, он счел это личным выпадом. Причем Антонов-Овсеенко использовал излюбленное сталинское оружие — обвинил самого Иосифа Виссарионовича во фракционности.

12 января 1924 года Антонова-Овсеенко вызвали на заседание оргбюро ЦК, которое было сталинским инструментом в кадровой политике. Формально ему устроили разнос за то, что он отдал два приказа Политуправления, не согласовав их

в аппарате ЦК. Фактически — за попытку защитить Троцкого. Его обращение в ЦК было истолковано как «неслыханный выпад, делающий невозможной дальнейшую работу тов. Антонова-Овсеенко на посту начальника ПУР».

На заседании оргбюро Антонов-Овсеенко написал Дзержинскому короткую записку:

«Дорогой и глубокоуважаемый Феликс Эдмундович!

Ты напрасно попрекнул меня, что я, мол, только себя считаю «честным» и т. д. Я себя считаю не ослепленным групповой борьбой — вот и все. Считаю, чувствую, что для меня партия в целом действительно дорога, и в твоем выступлении против меня ты не прав. Просто — я не фракционер; а у большинства Политбюро, как и у Троцкого, я вижу этот фракционный уклон».

Дзержинский тут же написал путаный и не очень грамотный ответ:

«Дорогой друг!

Я из твоего письма чувствовал всю горечь и мучение за партию. Но твое письмо большая ошибка, так как, выявляя свои чувства, политические результаты этого выявления совершенно получаются обратные, ибо, зная и проявляя свою муку, как ты говоришь, а Вы все только «зарвались», а партии и революции не преданы.

Затем, я отношусь к переживаемому нами кризису гораздо серьезнее и вижу величайшую опасность. Но причина опасности не в дискуссии нашей партии, а в составе нашей партии и в том, как удержать диктатуру пролетариата в мирной обстановке — в крестьянской стране, при массовом напоре поднять уровень своей жизни и при нашей некультурности — требует от партии величайшего идейного единства и единства действий под знаменем ленинизма.

Твой *Ф.Д.*

А это значит — надо драться с Троцким».

Пораженный происходящим, Антонов-Овсеенко писал о «безыдейных нападках на Троцкого, на того, кто в глазах самых широких масс является вождем, организатором и вдохновителем победы революции». Сталин и его окружение повели атаку на начальника политуправления Реввоенсовета. 21 января 1924 года, когда умер Ленин, Антонова-Овсеенко сняли с должности. Вместо него начальником политуправления вооруженных сил перевели из аппарата ЦК партии Ан-

дрея Сергеевича Бубнова, противника Троцкого. Антонова-Овсеенко откомандировали в распоряжение наркомата по иностранным делам.

В 1924 году его отправили полпредом в Чехословакию, в 1928-м — в Литву, в 1930-м — в Польшу. В 1934-м его вернули в Москву и назначили прокурором РСФСР.

Бывшие сторонники Троцкого, видя; что происходит, пытались спастись. Они писали покаянные письма, надеясь убедить Сталина в своей верности, и поливали грязью Троцкого. Так поступил и Антонов-Овсеенко. В 1936 году он писал в «Известиях»:

«Глубокий стыд охватывает меня, потому что в 1923—1927 годах я оказывал Троцкому поддержку, несмотря на то что слышал четкий предупреждающий голос... Только в октябре 1927 года я порвал на деле с оппозицией... Тогда я написал товарищу Л.М. Кагановичу, что в отношении оппозиционеров «выполнил бы любое поручение партии». Было ясно, — да, вплоть до расстрела их, как явных контрреволюционеров».

Сталин вспомнил об Антонове-Овсеенко.

17 сентября 1936 года Сталин, отдыхавший в Сочи, написал Кагановичу и Молотову:

«Консулом в Барселону предлагаю назначить Антонова-Овсеенко. Он знает военное дело. Кроме того, он сумеет сладить с анархистами».

Когда Антонов-Овсеенко воевал на Украине, то умудрялся успешно союзничать с анархистом Нестором Ивановичем Махно, чьи повстанцы в восточной части Украины сначала вели борьбу против войск гетмана Скоропадского, а затем против Деникина.

21 сентября 1936 года состоялось решение политбюро, и Антонов-Овсеенко отправился в Барселону, второй по значению испанский город, советским генеральным консулом.

Применительно к Испании «анархистами» Сталин называл испанскую Рабочую партию марксистского единства, известную по своей аббревиатуре ПОУМ (Partido Obrero de Unificacion Marxista). Это была марксистская партия, но не просоветская. Ее штаб-квартира находилась в Каталонии.

ПОУМ сильно беспокоила Сталина, потому что члены этой партии — в отличие от испанских коммунистов — не желали подчиняться советскому генсеку и, напротив, симпатизировали Троцкому.

Дальняя цель Сталина в воюющей Испании состояла в том, чтобы с помощью Интернациональных бригад взять страну под контроль. Члены ПОУМ, которые держались са-

мостоятельно, срывали его планы. А в партии состояло сорок тысяч человек — большая сила.

Партию возглавлял Андрес Перес Нин. Нин был одним из руководителей испанской Национальной конфедерации труда и в 1921 году приехал в Москву для участия в учредительном конгрессе Красного Интернационала профсоюзов. Его избрали членом исполкома Профинтерна. Он остался в Москве, вступил в ВКП(б), его избрали депутатом Моссовета, включили в состав Исполкома Коминтерна. Нин был сторонником Троцкого, поэтому в 1926 году его вывели из руководящих органов Коминтерна и Профинтерна. В 1928-м исключили из ВКП(б). В 1930-м выслали из Советского Союза. Он вернулся в Испанию.

В 1932 году он возглавил организацию «Левые коммунисты Испании». Через три года принял участие в создании Рабочей партии марксистского единства, его избрали политическим секретарем. Андрес Нин и его партия внесли большой вклад в борьбу против Франко. ПОУМ сформировала из своих сторонников дивизию и отправила ее на фронт.

Каталонские марксисты обвинили Сталина в создании «бюрократического режима» и пригласили Троцкого в Барселону, чтобы возглавить настоящих марксистов. Они восхищались Троцким и критически относились к московским процессам, на которых судили видных революционеров. Но многие испанцы считали, что сейчас не время критиковать Москву: русские дают оружие!

Нин был очень популярным человеком в Каталонии. В сентябре 1936 года его сделали министром юстиции в региональном правительстве Каталонии. Но советские посланцы, в первую очередь представительство НКВД в Испании, повели против Нина и его партии скрытую борьбу.

Испанская компартия, получив указание из Москвы, обвинила ПОУМ в пособничестве фашизму. Милицейские батальоны ПОУМ расформировали. По приказу Москвы Нина вывели из кабинета министров Каталонии. С помощью агентов НКВД ПОУМ была объявлена вне закона и уничтожена. В июне 1937 года сорок руководителей ПОУМ были арестованы по сфабрикованным НКВД обвинениям в сотрудничестве с фалангистами Франко.

Арестовали и самого Андреса Нина. Но этого было недостаточно для Сталина. Нина вывезли из тюрьмы на машине и убили. В Испании полагают, что это сделали люди НКВД. Документы советской госбезопасности на сей счет не рассекречены.

* * *

Антонов-Овсеенко справился со своей задачей. Но его самого это не спасло. Он уже был включен в черный список как бывший соратник Троцкого.

Осенью 1937 года его отозвали из Испании и назначили наркомом юстиции РСФСР. Возможно, он наивно полагал, что получил повышение. В реальности пост наркома был всего лишь приманкой, чтобы он вернулся на родину, а не попросил политического убежища.

На этой должности он не провел и месяца. 13 октября ночью Антонова-Овсеенко арестовали. В его деле только один протокол допроса. Через месяц после ареста он подписал показания о том, что был германским и польским шпионом и выполнял в Испании задания Троцкого.

Больше никаких материалов в его деле нет! Но Антонов-Овсеенко был арестован по личному указанию вождя, и у следователей даже не было необходимости стараться, собирая какие-то показания.

8 февраля 1938-го его дело рассматривала военная коллегия Верховного суда. Бессменный председатель коллегии армвоенюрист (военное звание административного состава РККА, приравненное к генерал-полковнику) Василий Васильевич Ульрих задал традиционный вопрос:

— Подтверждаете свои показания, данные на предварительном следствии?

— Нет, — мужественно ответил Антонов-Овсеенко. — Все мои признания ложные. В результате истязаний я оговорил себя.

Его слова не имели никакого значения. Обвиняемого приговорили к расстрелу. 10 февраля приговор привели в исполнение. Из четырех первых вождей Красной армии он погиб первым.

Глава вторая

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ В ЗВАНИИ ПРАПОРЩИКА

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КРЫЛЕНКО

Взять власть в Петрограде оказалось для большевиков довольно легким делом. Удержать ее было посложнее. Войска командовавшего 3-м конным корпусом генерал-лейтенанта Петра Николаевича Краснова, верные Временному правительству и Керенскому, двинулись к столице, чтобы подавить мятеж.

В распоряжении советского правительства не было регулярных войск, способных вести боевые действия. Началась мобилизация всех сил, готовых поддержать большевиков. Больше всего сторонников новой власти было на Северном фронте, близком к Петрограду.

28 октября 1917 года Николай Васильевич Крыленко, один из народных комиссаров по военным делам, отправил комитету 5-й армии Северного фронта радиограмму:

«В Гатчине стоят эшелоны Керенского с артиллерией, сам он там и издает приказы. Двиньте ему вдогонку верные революционные полки и накажите предателя и изменника».

Военный моряк Федор Федорович Раскольников, заканчивавший в тот момент гардемаринские классы и избранный заместителем председателя Кронштадского Совета, вспоминал:

«Я прошел в следующую, совершенно пустую комнату, где за единственным столом сидел, согнувшись над картой, Н.В. Крыленко и показывал начальникам уходивших на позиции отрядов назначенные им боевые участки. Отпустив торопившихся на позиции красногвардейских командиров, Н.В. обернулся ко мне и показал черневшую на карте точку:

— Вот ваше место. Это около Царскосельской железной дороги. Здесь имеется мост, который вам и придется защищать».

Американский журналист Альберт Рис Вильямс описал выступление Крыленко перед солдатами в Михайловском

манеже, где находились броневики. Солдат надо было привлечь на свою сторону.

«Крыленко кончил свою страстную речь возгласом: «За Керенского — направо! За Советы — налево!» Серая масса солдат двинулась налево. Громкие радостные крики. Шоферы залезают в броневики, выхлопы моторов, и вот уже огромные стальные дьяволы тяжело движутся по улицам, и синие стволы пулеметов готовы поливать пулями контрреволюционеров».

Но на стороне большевиков в те дни сил было так мало, что все висело на волоске.

По Петрограду распространились слухи о том, что Керенский одержал победу в Царском Селе и его войска идут на Петроград. В Смольный институт пришел капитан Жак Садуль, атташе при французской военной миссии в России. Садуль восторгался Октябрьской революцией, что, впрочем, не удивительно — его мать участвовала в Парижской коммуне.

«После вестибюльной сутолоки солдат, вооруженных товарищей с серьезными лицами, — длинные темные и пустые коридоры, — рассказывал потом Садуль в книге «Записки о большевистской революции». — Четверо красногвардейцев с примкнутыми штыками окружают меня и ведут на третий этаж, где в полутемном зале сквозь сизый дым различаю безмолвно сидящих человек тридцать при оружии.

Через деревянную перегородку слышатся голоса. Открывается дверь. Подходит офицер, представляется: Крыленко, министр, вернее, народный комиссар по военным делам. Невысокий, живой, седеющий. Стальные глаза. Он заметно удивлен моему появлению, но идет звать Троцкого...

Мы беседуем пять минут в присутствии Крыленко. Как всегда очень спокойно и трезво Троцкий излагает мне ситуацию, по крайней мере, то, что он считает нужным мне сообщить. Он меня вежливо успокаивает. Ему известно о поражении в Царском Селе. У Керенского было четыре тысячи казаков, несколько артиллерийских подразделений:

— 25-го наши войска победили без боя. На радостях они решили, что могут теперь вообще отложить оружие в сторону. Вчерашний урок заставит их понять, что необходимо взять его в руки вновь. На всех участках фронта полки, целые дивизии предлагают сражаться на нашей стороне. Этой ночью продвижение Керенского на Петроград будет приостановлено красногвардейцами, отправленными сегодня вечером. Завтра его остановят артиллерией, которую мы только

что получили. Через несколько дней он будет окружен большевистскими войсками, двигающимися с Северного фронта, и принужден сдаться, бежать или погибнуть...»

Прогноз Троцкого оказался точным.

Большевикам удалось собрать достаточно сил, чтобы остановить корпус Краснова. Казакам тоже не очень хотелось воевать, и они договорились с красногвардейскими отрядами закончить дело полюбовно: они выдают Краснова и Керенского, а большевики — Ленина и Троцкого.

Свое обещание красногвардейцы, естественно, не выполнили. Передать большевикам Керенского казаки не сумели, а вот генерал Краснов был арестован.

Командовавший отрядом балтийских моряков Павел Ефимович Дыбенко доставил его в Смольный. С генералом один на один, без охраны, разговаривал Николай Крыленко. Генерал Краснов обещал не воевать против советской власти, после чего его отпустили. Большевики не хотели ссориться с казачьими частями, которые требовали освободить популярного генерала. Своего обещания генерал Краснов не выполнил.

Большевики сохранили за собой Петроград. Но поняли, что взятием Зимнего дворца борьба не ограничится. Стало ясно, как важно заполучить на свою сторону вооруженные силы.

С КЕМ ОСТАНЕТСЯ АРМИЯ?

«Армия, — вспоминал Крыленко, — была отрезана от Петрограда во все время до назначения 12 ноября нового Верховного главнокомандующего и даже вернее до 21 ноября — до взятия Ставки, а вместе с нею и всего технического аппарата службы связи с фронтами».

Солдатская масса мало знала о происходящем в Петрограде и продолжала подчиняться своим командирам и комиссарам Временного правительства. Соотношение сил во фронтовых частях было явно не в пользу советской власти.

«Северный фронт, — писал Крыленко, — с центром в Пскове, самый ближний к Петрограду, уже ко дню открытия II Всероссийского съезда Советов прислал радио о том, что он выделил из себя Военно-революционный комитет, целиком присоединяется к перевороту и принимает все меры к недопущению продвижения на Петроград реакционных войск.

Западный фронт с центром в Минске занял благожелательную позицию.

Юго-Западный фронт выделил войска для подавления Петрограда.

Румынский фронт до конца оставался гнездом реакционеров генерала Щербачева.

Кавказский фронт остался вне сферы революционного воздействия и так же, как и персидский фронт, пережил всю вторую революцию самостоятельно, вне всякой связи с центром».

Воевать никто не хотел, но и поддерживать большевиков фронтовики не спешили.

Совнарком обратился по радио к армейским комитетам, сообщая, что советское правительство ставит перед собой две задачи: снабдить армию всем необходимым («в ближайшие дни вам будут доставлены необходимые запасы») и как можно скорее заключить мир. А заключению мира мешают Керенский и Ставка: «Те армейские комитеты, которые попытаются поддерживать этих врагов народа в их борьбе против Советской власти, должны быть немедленно распущены, а в случае сопротивления — арестованы. Вся армия должна сплотиться вокруг Советской власти для борьбы за мир и за хлеб».

Армии и дивизии стали посылать в Петроград своих делегатов, чтобы выяснить, что именно произошло в столице.

Армейских делегатов, вспоминал Крыленко, принял Ленин, который объяснил им, что именно они «должны сделать на фронте, как должны взять в свои руки власть и управление в армии, отстранив и арестовав тех офицеров, которые будут сопротивляться этому».

Солдатам внушали, что их задача — создавать ревкомы во всех частях, самим выбирать себе командиров и немедленно начинать с немцами переговоры о мире.

«Даже наиболее преданные товарищи, — вспоминал Крыленко, — отшатнулись в первый момент от новой власти, когда был опубликован приказ о самостоятельном начатии мирных переговоров с неприятелем каждым полком, каждой дивизией на свой риск.

А между тем это был безусловно правильный шаг, рассчитанный не столько на непосредственные практические результаты от переговоров, сколько на установление полного и беспрекословного господства новой власти на фронте. С момента предоставления этого права полкам и дивизиям и приказа расправляться со всяким, кто посмеет воспрепятствовать переговорам, дело революции в армии было выиграно...

И нечего было бояться, что создастся хаос на фронте. Этим парализовывалась война; нечего было опасаться и немцев — они должны были занять выжидательную позицию, и они ее заняли».

Командование армии не хотело отдавать приказ о сепаратных мирных переговорах, считая это предательством.

«Пришлось обратиться к солдатам, — вспоминал Крыленко, — и особым радио, адресованным не командному составу фронтов, а радителеграфистам и писарям, предписать им распространить по всем фронтам приказ о прекращении перестрелки с одновременным приказом расправляться на месте со всяким офицером, который дерзнет нарушить приказ».

Советская власть пыталась подчинить себе армию. Но вооруженные силы управлялись из Ставки верховного главкомандующего в Могилеве, которую возглавлял генерал-лейтенант Николай Николаевич Духонин.

Духонин окончил Владимирский кадетский корпус в Киеве, 3-е Александровское военное училище и Николаевскую академию генштаба. В Первую мировую командовал 165-м пехотным Луцким полком, затем служил в штабе армий Юго-Западного фронта. В начале августа 1917-го был произведен в генерал-лейтенанты и получил должность начальника штаба главнокомандующего армиями Западного фронта. 10 октября согласился занять роковой для себя пост начальника штаба Ставки верховного главнокомандующего.

По словам Керенского, «Духонин был широкомыслящий, откровенный и честный человек, далекий от политических дрязг и махинаций. В отличие от некоторых более пожилых офицеров он не занимался сетованиями и брюзжанием в адрес «новой системы» и отнюдь не идеализировал старую армию... В нем не было ничего от старого военного чинуши или солдафона».

После того как председатель Временного правительства Керенский бежал из Петрограда, Духонин согласно Полевому уставу русской армии принял на себя обязанности верховного главнокомандующего. Но в безумно сложной ситуации октября 1917-го это была должность не для профессионального военного без малейшего политического опыта. Он и не хотел заниматься политикой, считая, что должен исполнять свой долг — руководить воюющей армией, поэтому не сумел ни сохранить контроль над армией, ни спасти самого себя.

Держа в руках все нити управления армией, он медлил и считал, что кто-то другой должен подавить большевистский

мятеж. Духонин из Могилева телеграфировал Александру Федоровичу Керенскому в Гатчину:

«Волна большевизма, идущая с тыла, постепенно приближается, и я считаю себя обязанным доложить, что если кризис затянется еще на 2—3 дня, то нельзя поручиться за спокойствие на позициях... Все, что возможно при наличии сложившейся обстановки для подавления большевистского движения и оказания поддержки Вам, я предпринимаю...»

7 ноября Совнарком приказал «гражданину верховному главнокомандующему» Духонину «обратиться к командованию неприятельских армий с предложением немедленно приостановить военные действия в целях открытия мирных переговоров и непрерывно докладывать в СНК о ходе переговоров».

Духонин не собирался вступать в переговоры с немцами и вообще не признавал власти большевиков. Он заявил:

— Полномочного правительства сейчас в России нет. Его еще надо создать.

Этого Ленин стерпеть не мог. В Смольном приняли решение сместить генерал-лейтенанта Духонина и назначить верховным главнокомандующим прапорщика Николая Васильевича Крыленко.

В два часа ночи 9 ноября Ленин, Сталин и Крыленко приехали в штаб Петроградского военного округа на Дворцовой площади. Там находились телеграфные аппараты, связывавшие штаб с фронтами. По прямому проводу связались с Духониным.

Ленин продиктовал приказ:

«Именем правительства Российской республики, по поручению Совета Народных Комиссаров, мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям.

Мы предписываем вам под страхом ответственности по законам военного времени продолжать ведение дела, пока не прибудет в ставку новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие от вас дел. Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко.

Ленин, Сталин, Крыленко».

Одновременно военно-морская радиостанция обратилась ко «всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам, всем солдатам революционной армии и

матросам революционного флота» с извещением об отставке генерала Духонина и назначении главнокомандующим прапорщика Крыленко.

Ленин приказал Крыленко сформировать боевой отряд из верных большевикам солдат и матросов, выехать на фронт, начать переговоры о перемирии, а заодно захватить Ставку.

Получив телеграмму Ленина, генерал Духонин связался с командующими фронтами и сообщил, что он не оставит поста и тем более не пойдет на переговоры о перемирии с немцами. Трое из пяти командующих фронтами полностью согласились с его позицией.

Духонина поддержали управляющий военным министерством генерал Алексей Алексеевич Маниковский и начальник генерального штаба Владимир Владимирович Марушевский. Марушевский телеграфировал в Ставку: «Я нисколько не ошибусь, если доложу вам, что мы считаем вас законным Главковерхом».

Общее собрание служащих военного министерства высказалось за продолжение работы «для нужд армии». Но вести эту работу предписывалось «исключительно по указаниям, исходящим от генерала Маниковского, ограждая себя от какого бы то ни было вмешательства комиссаров в работу военного министерства».

Марушевский сообщил об этом Духонину:

«Короче говоря, общая масса служащих не идет на признание той власти, которая категорически подпирается штыком и пулей здесь, в Петрограде».

Духонин ответил начальнику генерального штаба, что хотел бы иметь дело только с ним, а приезд неизвестного ему Крыленко в Ставку нежелателен. Генерал вообще воспринял назначение какого-то прапорщика главнокомандующим или как неуместную шутку, или как свидетельство полного авантюризма большевиков.

Генерал Духонин попытался вразумить подчиненную ему армию. Он обратился к солдатам с требованием продолжать войну и ни в коем случае не вступать в переговоры с врагом:

— Дайте время истинной русской демократии сформировать власть и правительство, и она даст нам немедленный мир совместно с союзниками.

Но вот времени у Духонина уже не оставалось. Да и армия вышла из повиновения.

Когда генерал Маниковский запретил в Московском военном округе заменять командиров солдатскими комитетами,

он лишился не только должности, но и свободы — вместе с начальником генерального штаба.

19 ноября Совнарком принял решение:

«1) Маниковского и Марушевского немедленно арестовать и не выпускать без разрешения Совета Народных Комиссаров;

2) немедленно начать самую энергичную чистку Военного министерства и произвести удаление ненадежных элементов высшего командного состава;

3) выписать немедленно надежные элементы из командного состава латышских стрелковых полков в Петроград;

4) немедленно выписать в Петроград один латышский стрелковый полк;

5) ежедневно докладывать в СНК о действительном выполнении указанных мер».

Это было поручено Подвойскому и Крыленко. Во все управления военного министерства были назначены комиссары. Приказы считались действительными только в том случае, если они подписаны еще и комиссаром. Из аппарата министерства уволили тысячу с лишним офицеров и чиновников. Подробно этот период жизни Крыленко описан в книге Хикматуллы Ильясовича Муратова «Первый советский главковерх».

В ШТАБ К ДУХОНИНУ

11 ноября Крыленко вместе со своим отрядом отправился на фронт. По радио передавалось его обращение к армии: «Солдаты, продолжайте вашу борьбу за немедленное перемирие. Выбирайте ваших делегатов для переговоров. Ваш Верховный главнокомандующий прапорщик Крыленко выезжает сегодня на фронт, чтобы взять в свои руки дело борьбы за перемирие».

Командующий Западным фронтом генерал Балуев отказался вступать с немцами в переговоры о перемирии. Крыленко, наделенный всеми полномочиями, сместил его с должности. Командовать фронтом он поставил Александра Федоровича Мясникова (Мясникьяна), бакинского большевика, члена фронтового комитета Западного фронта. Мясников недолго будет командовать фронтом и уйдет на партийную работу в Белоруссии. Он погибнет в марте 1925 года, когда его самолет, летевший из Тифлиса в Москву, загорится в воздухе...

С вагоном, в котором ехал Крыленко, была организована связь по прямому проводу из Смольного, где на первом этаже находилась станция телеграфной связи. Отсюда Ленин мог разговаривать с Крыленко вполне откровенно, не боясь, что его могут подслушать.

В Пскове Крыленко вызвал к себе командующего Северным фронтом генерала Черемисова. Тот отказался приехать и, наоборот, пригласил Крыленко к себе в салон-вагон. Тогда Крыленко и его отстранил от должности.

12 ноября Крыленко отдал приказ всем частям на фронте начать переговоры о перемирии. В тот же день его поезд прибыл в Двинск (ныне Даугавпилс), где его встретили революционно настроенные части 5-й армии.

Председателем солдатского комитета 5-й армии был военный врач Эфраим Маркович Склянский, будущий заместитель наркома по военным и морским делам. Он окончил с золотой медалью гимназию и в 1911 году медицинский факультет Киевского университета. До призыва в армию работал в киевском комитете РСДРП(б). Склянский служил в запасном батальоне, потом в 149-м пехотном Черноморском полку. После Февральской революции участвовал в создании солдатского комитета в полку, потом в дивизии. Он обеспечил приезд Крыленко в 5-ю армию и начало переговоров с немцами.

Крыленко заявил, что у советской власти три врага:

— Первый враг — внешний. Он не опасен, с ним будет заключено перемирие. Второй враг — голод, о предотвращении которого заботится правительство народных комиссаров. Третий враг — контрреволюционный командный состав, возглавляемый корниловцем Духониным. С ним будет самая жестокая борьба!

13 ноября Крыленко отправил троих парламентеров, которые свободно говорили по-немецки и по-французски, для переговоров с немцами. Сам он находился в окопе и видел, как парламентеры перешли через линию фронта и вручили немцам документы, подписанные народным комиссаром по военным и морским делам и главнокомандующим Крыленко.

14 ноября в начале первого ночи командование немецких войск на Восточном фронте дало согласие немедленно вступить в переговоры о перемирии.

Договорились, что переговоры начнутся в городе Брест-Литовске, где располагалась ставка командующего немецким фронтом. Время начала переговоров — 19 ноября в полдень.

Немцы любезно предоставили советской делегации поезд, чтобы она могла прибыть в Брест-Литовск вовремя.

Крыленко потребовал от Ставки приказать всем войскам немедленно прекратить перестрелку по всей линии фронта: «Я требую, чтобы с момента подписания перемирия ни одна пуля не просвистела в сторону противника. Я требую, чтобы условия заключенного договора исполнялись свято. Всякий, кто бы ни был, от генерала до солдата, кто осмелится нарушить мой приказ, будет немедленно предан на месте революционному суду».

Ставка отказалась выполнить его распоряжение.

Генерал Духонин сообщил союзническим военным миссиям: «Со своей стороны, до решения вопроса о перемирии и мире полномочной центральной правительственной властью в согласии с союзными державами я приму все доступные для меня меры, дабы не нарушить союзных обязательств».

14 ноября Крыленко издал приказ, который объявлял Духонина врагом народа «за упорное противодействие исполнению приказа о смещении и преступные действия, ведущие к новому взрыву гражданской войны». Поезд Крыленко с солдатами Литовского полка и моряками-балтийцами двинулся в сторону Могилева.

17 ноября Духонин связался с помощником главнокомандующего армиями Румынского фронта генералом от инфантерии Дмитрием Григорьевичем Щербачевым (фактически он и распоряжался войсками, потому что формально союзные державы поручили командовать фронтом румынскому королю Фердинанду I, чтобы сделать ему приятное) и предупредил: «Крыленко выслал на Ставку три эшелона матросов, около трех с лишком тысяч человек».

Духонин пожаловался на то, что надежды задержать матросов у него немного, потому что настроения войск непонятны, но «на бескровную сдачу Ставки я пойти не могу» («Военно-исторический журнал», 2001, № 11).

Генерал Щербачев предложил перенести Ставку в Киев, подальше от большевиков, выразил готовность послать войска на помощь, но выразил сомнение в том, что они успеют прибыть быстро. Духонин сообщил, что переговоры с Центральной радой ведутся, но украинские власти выставят какие-то условия, которые, возможно, окажутся невыполнимы.

Духонин прямо спросил Щербачева:

— В том случае, если бы я выбыл из строя, я буду просить вас принять на себя обязанности главковерха. Могу ли я на это рассчитывать?

На Румынском фронте позиции большевиков были слабы, войска фронта по-прежнему подчинялись командованию и представителям Временного правительства. Щербачев ответил:

— Я уверен, что все будет благополучно... Со своей стороны исполню все, что вы укажете.

В ночь с 18-го на 19 ноября Духонин провел совещание, на котором решили перевести Ставку в Киев. Но Центральная рада ответила отказом, заявив, что Киев «мало пригоден по техническим условиям».

Утром 19 ноября Духонин распорядился освободить всех генералов, которые были задержаны по обвинению в участии в корниловском выступлении, и отправил одного из своих офицеров — полковника генерального штаба Павла Кусонского в Быхов, где арестованных держали в здании женской гимназии.

Кусонский доложил генералу Корнилову:

— Через четыре часа Крыленко с эшелоном матросов приедет в Могилев, который будет сдан без боя. Генерал Духонин приказал вам доложить, что всем заключенным необходимо тотчас же покинуть Быхов.

Духонин спас своих товарищей по оружию, но погубил себя. Они бежали, он остался. Если бы Корнилов, Деникин, Марков и другие генералы попали тогда в руки Крыленко, Добровольческая армия, вероятно, вообще бы не возникла.

Николай Николаевич Духонин оказался во враждебном окружении. Когда Крыленко уже приближался к городу, 19 ноября, Военно-революционный комитет Могилева заявил, что «признает единственно законным и народным, выдвинутым самой революцией Верховным главнокомандующим русской армии комиссара ныне существующего правительства прапорщика Крыленко».

Никто не пришел на помощь Духонину. Охранявший Ставку батальон георгиевских кавалеров тоже перешел на сторону ревкома. Духонину было объявлено, что он помещается под домашний арест. Он не хотел устраивать братоубийственного сражения между солдатами российской армии и приказал находившимся в Могилеве ударным батальонам покинуть город.

Духонин горько сказал:

— Я имел и имею тысячи возможностей скрыться. Но я этого не сделаю. Я знаю, что Крыленко меня арестует, а может быть, даже расстреляет. Но это смерть солдатская.

Смещенного генерала держали под арестом в салон-вагоне главнокомандующего. 20 ноября эшелоны Крыленко прибыли на станцию Могилев.

«Судьба Духонина была решена. Дальнейшее известно. Духонин был растерзан... Ставка взята, и весь технический аппарат командования был в руках новой власти», — удовлетворенно писал в своих воспоминаниях Крыленко.

Произошло это так. Вечером 20 ноября собравшиеся на станции солдаты и матросы потребовали, чтобы Духонин вышел к ним. Он вышел, и озверевшая толпа бросила генерала на поднятые штыки.

Крыленко предпочел не противиться «народному гневу».

В тот день он, правда, подписал обращение ко всем солдатам и матросам:

«Товарищи! Сего числа я вступил в Могилев во главе революционных войск. Окруженная со всех сторон Ставка сдалась без боя. Последнее препятствие к делу мира пало.

Не могу умолчать о печальном акте самосуда над бывшим Главковерхом генералом Духониным — народная ненависть слишком накипела...

Товарищи! Я не могу допустить пятен на знамени революции, с самым строгим осуждением следует отнестись к подобным актам. Будьте достойны завоеванной свободы, не пятнайте власти народа».

Писатель Георгий Адамович вспоминал в эмиграции, как в 1918 году на литературном вечере в Москве поэт Владимир Пяст прочитал стихотворение об убийстве генерала Духонина. Причем сделал это в присутствии наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского.

«В стихотворении, — вспоминал Адамович, — говорилось о Крыленко, и кончалось оно строчками, которые Пяст прочел сквозь зубы, с ненавистью в упор глядя на Луначарского:

Заплечных дел мастер, иначе палач,
На чьих глазах растерзан был Духонин.

Я хорошо помню, как Луначарский встал и сказал:

— Нет, господа (сказал «господа» при этом!), это невозможно, ну что это за выражение! Ну разве можно, товарищ Крыленко — видный революционный деятель, а вы говорите «палач», разве это поэзия!

И хотел уйти... Но его все-таки вернули».

В годы Гражданской войны выражение «отправить в штаб к Духонину» стало крылатым и означало расстрел. Взятие Ставки многие годы ставили Николаю Крыленко в заслугу. Он

сам ни разу не произнес слова сожаления о гибели генерала Духонина, ни в чем не повинного человека... Возможно, он совершенно иначе воспринял бы этот трагический эпизод, если бы знал, что со временем так же поступят и с ним.

В НЕМЕЦКИХ ОКОПАХ

Николай Васильевич Крыленко родился 2 мая 1885 года в деревне Бехтеево Сычевского уезда Смоленской губернии. Его отец, Василий Абрамович Крыленко, участвовал в революционных выступлениях петербургского студенчества и был выслан под надзор полиции в деревню. Потом семье разрешили уехать в Смоленск, а оттуда в Люблин, где Крыленко прожили довольно долго. Николай Васильевич окончил гимназию, в 1903 году поступил в Петербургский университет и почти сразу, продолжая семейные традиции, примкнул к социал-демократическому движению.

В партию большевиков вступил в декабре 1904 года. Партийная кличка — Абрам. В дни первой русской революции выступал перед рабочими. Старый большевик Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич вспоминал: «Крыленко, обладая более чем выдающимися ораторскими способностями, произносил свои громовые, принципиально выдержанные речи, которые, несмотря на его юный возраст, производили огромное впечатление на рабочих собраниях».

Крыленко включили в состав военной организации при Петербургском комитете РСДРП. В 1906 году он был арестован и выслан в Люблин. Впрочем, условия ссылки были более чем мягкими. Он преподавал литературу и историю в частных польских школах в Люблине и Сосновицах. В 1909-м власти разрешили ему приехать в Петербург и сдать экзамены на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Осенью 1912 года будущего верховного главнокомандующего призвали на военную службу. Как человека с высшим образованием, зачислили вольноопределяющимся 69-го Рязанского полка, что позволяло ему после учебного курса получить первое офицерское звание. Служба была настолько необременительной, что он одновременно поступил на юридический факультет Петербургского университета и даже сдал три магистерских экзамена на ученую степень. Через год Крыленко был произведен в прапорщики и уволен в запас.

С 1913 года Николай Васильевич работал в «Правде» и помогал думской фракции большевиков. В декабре 1913-го

его вновь арестовали, но отнеслись столь же мягко — удовлетворились тем, что в марте 1914-го выслали в Харьков, где он успешно сдал экзамены по юридическому факультету. Это поможет ему со временем стать наркомом юстиции.

В июле 1914 года Крыленко уехал в Швейцарию, где собралось много большевиков. Через год вернулся в Россию, был арестован, но опять-таки, что называется, отделался легким испугом. Прямо из тюремной камеры в апреле 1916-го его отправили в действующую армию на Юго-Западный фронт. Прапорщика Крыленко определили в 13-й Финляндский полк 11-й армии Юго-Западного фронта.

Но Николай Васильевич воевать не собирался. Пребывание в вооруженных силах он использовал для агитации за большевиков. Сразу после Февральской революции политически активного прапорщика избрали председателем сначала полкового, потом дивизионного комитета. Крыленко, как и другие большевики, старался завоевать симпатии солдатской массы требованиями немедленно окончить войну и заключить мир. А настроения в армии были именно такими.

Братание, то есть встречи русских и немецких солдат на нейтральной полосе во время затишья, началось еще на Пасху 1915 года. На следующую Пасху все повторилось.

Поначалу командование смотрело на это сквозь пальцы. Антон Иванович Деникин писал: «Братание имело традиционный характер в дни Святой Пасхи; но вызывалось оно исключительно беспросветно-нудным стоянием в окопах, любопытством, просто чувством человечности даже в отношении к врагу...»

Но начались и дезертирство, добровольная сдача в плен, самострелы, отказы выполнять приказы начальства. После Февральской революции братание приобрело массовый характер («Военно-исторический журнал», 2002, № 6).

Ленин видел в братании верный путь к слому старой армии и окончанию войны. Он писал в «Правде» 28 апреля 1917 года, что братание «начинает ломать проклятую дисциплину... подчинения солдат «своим» офицерам и генералам».

Крыленко вспоминал потом, как в апреле 1917 года на линии фронта вместо боевых действий шло братание с немцами:

«С утра на междуокопном пространстве началась типичная картина добродушного смеха, разговоров, бесед на политические темы о том, каким образом надлежит в дальнейшем прекратить войну. Отправившись вместе с солдатами к немцам, я встретил там такое же радушное отношение, пока подоспев-

ший немецкий офицер не разогнал своих солдат, предложив мне удалиться под угрозой стрельбы».

Прапорщика Крыленко вызвали в штаб, намереваясь примерно наказать за преступные контакты с врагом, но за него вступились солдаты. Умелый оратор, он уже был весьма популярной личностью в армии.

15 апреля 1917 года именно Крыленко открыл съезд солдатских делегатов 11-й армии. Это было серьезное событие, из Петрограда на съезд приехали депутаты Государственной Думы. Присутствовало и командование армии, которое не знало, как себя вести с рядовыми солдатами, вышедшими из повиновения. На съезде Крыленко был избран председателем армейского комитета 11-й армии Юго-Западного фронта.

Временное правительство готовило наступление на Юго-Западном фронте. Большевики были категорически против. Выступая на съезде представителей дивизионных комитетов, Крыленко горячо говорил:

— Не может быть доверия правительству, которое обещает солдатам мир, а на деле затягивает захватническую войну!

В мае 1917-го Крыленко делегировали на общеармейский съезд фронтовиков в Петрограде. Съезд проходил в Таврическом дворце. Солдат агитировали на высшем уровне. Перед ними выступали министр юстиции Александр Федорович Керенский, министр иностранных дел Павел Николаевич Милюков, военный и морской министр Александр Иванович Гучков. Они обещали демократизацию армии, но призывали не бросать окопы и продолжать войну.

Среди других делегатов получил слово и Крыленко:

— Солдаты ждали, что революция даст ответ, когда же конец войне? Вместо него члены Государственной Думы принесли лозунг «Война до победного конца, до полного уничтожения германского милитаризма». Сегодня солдатская масса открыто заявляет: «Вперед ни шагу! В наступление не пойдем. Требуем немедленного прекращения войны».

Деятельного и умеющего говорить с солдатами прапорщика приметили в ЦК партии большевиков. Крыленко ввели в состав Военной организации при ЦК и отправили отстаивать взгляды ЦК на съезд солдатских делегатов Юго-Западного фронта в Каменец-Подольске, который открылся 7 мая.

Съезд проводили по просьбе Временного правительства для того, чтобы уговорить бойцов Юго-Западного фронта принять участие в наступлении. По такому случаю приехали несколько министров Временного правительства. Выступал и Керенский, который уже стал военным министром. Его сло-

ва произвели впечатление. Съезд высказался в поддержку и Временного правительства, и наступления. Ввиду этого 26 мая Крыленко сложил с себя полномочия председателя армейского комитета 11-й армии.

Но его избрали делегатом от армейского комитета на Первый Всероссийский съезд Советов. В начале июня он приехал в Петроград.

Съезд открылся 3 июня в здании кадетского корпуса на Васильевском острове. 9 июня Крыленко, выступая от фракции большевиков, зачитывал резолюции воинских частей:

— Мы не хотим умирать, когда в душу закрадывается сомнение, что снова вовлечены в бойню капиталистов. Нет сил с легкой душой двигаться вперед — нужна уверенность перед смертью, что умираем за дело народа, а для этого требуется, чтобы вся власть была в руках Советов рабочих и солдатских депутатов...

Крыленко избрали в состав первого Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов. Так что на фронт он уже не вернулся.

Его избрали в президиум Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б), которая открылась 16 июня в бывшем дворце Кшесинской. Конференция проводилась в торжественной обстановке. Перед ее началом сводный оркестр моряков и солдат Московского полка исполнил «Интернационал».

Крыленко выступал с двумя докладами — «Война, мир и наступление» (он подготовил его вместе с женой — Еленой Федоровной Розмирович) и «Демократизация армии». Конференция избрала Всероссийское бюро военных организаций при ЦК, в него помимо Крыленко и Розмирович вошли будущие руководители советских вооруженных сил Николай Ильич Подвойский, Михаил Сергеевич Кедров и Константин Алексеевич Мехоношин...

ИЮЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ

18 июня 1917 года русская армия начала наступление на Юго-Западном фронте. Через несколько дней двинулся вперед и Западный фронт. Но немцы быстро перешли в контрнаступление, и русские войска сначала остановились, а потом и побежали. Солдаты не хотели сражаться. Они отходили целыми частями и перестали подчиняться командованию.

Влияние эсеров и меньшевиков в армии было достаточно сильным, поэтому армия в целом подчинилась приказу Керенского перейти в наступление в Галиции. Но его провал нанес сокрушительный удар по влиянию Временного правительства и левых партий. Большевики, напротив, усилили свое влияние.

Это привело к июльскому кризису в Петрограде, хотя непосредственной причиной стала отставка 3 июля министров от кадетской партии, которые протестовали против уступок, сделанных Керенским в Киеве.

3 и 4 июля в Петрограде начались волнения. Большевики, не имея плана действий, попытались воспользоваться солдатским бунтом, чтобы взять власть, но ничего не вышло. Верные Временному правительству войска, прежде всего казачьи полки, сорвали эту попытку государственного переворота.

Максим Горький писал своей жене Екатерине Павловне Пешковой в июле 1917 года из Петрограда:

«Самое главное и самое худшее — толпа, обыватель и тот «рабочий», тот солдат, который действовал 3-го и 4-го. Это — сволочь, трусливая, безмозглая, не имеющая ни капли, ни тени уважения к себе, не понимающая, зачем она вылезла на улицу, что ей надо, кто ее ведет и куда?

Видела бы ты, как целые роты солдат при первом же выстреле бросали винтовки, знамена и били башками окна магазинов, двери, залезая во всякую щель! Это — революционная армия, революционный свободный народ!»

Июльский мятеж больно ударил по репутации большевиков. Именно тогда заговорили о предательстве большевистского руководства, о том, что Ленин служит интересам немцев.

Отошедший в те годы от большевиков Леонид Борисович Красин 11 июля 1917 года писал жене:

«Ну, большевики таки заварили кашу, или, вернее, пожалуй, заварили не столько они, сколько агенты генерального штаба и, может быть, кое-кто из черной сотни. «Правда» же и иже с ней дали свою фирму и сами оказались на другой день после выступления в классически глупом положении...

Если правдисты хотели осуществить какой-нибудь «план», вроде захвата власти, смены правительства и т. п., то, конечно, они себе самим обязаны провалом. Большей организационной беспомощности и убожества, отсутствия намека на какую-либо осознанную и поставленную себе цель трудно представить.

При малейшем руководительстве в первые два дня, когда вся многоголовая «власть» была тоже в состоянии полной растерянности, можно было сделать что угодно, но болтуны остались болтунами, и, когда вместо вынесения резолюции или писания громовых статей потребовалось проведение лозунга в жизнь, грозные вожди и руководители всемирного пролетариата оказались попросту в нетях и не сделали даже попытки извлечь из разыгравшихся событий и пролитой уже нелепым и бесцельным образом крови хоть что-нибудь для осуществления своих тактических программ.

Несчастные же «массы» в лице главным образом солдат и некоторого процента хулиганья совершенно бессмысленно толкались два дня по улицам, стреляя с перепуга друг в друга, шарахаясь в стороны от малейшего слуха или тревоги и абсолютно не понимая, что все это значит и что к чему...

Совпадение всей этой истории с наступлением немцев на фронте слишком явное, чтобы могло оставаться сомнение, кто настоящий виновник и организатор мятежа...»

Николай Васильевич Крыленко в июльских событиях, едва не оказавшихся роковыми для большевиков, не участвовал, потому что еще 2 июля по заданию ЦК выехал на фронт.

Но 6 июля Временное правительство приняло решение привлечь к судебной ответственности «всех участвовавших в организации и руководстве вооруженным выступлением против государственной власти». В тот же день правительство запретило революционную пропаганду в армии и ввело смертную казнь на фронте. 15 июля военное министерство запретило проводить в войсках митинги и собрания, которые приказывалось разгонять с применением оружия.

Крыленко задержали в пути и отправили в Ставку верховного главнокомандующего в Могилев. Там его держали два дня, потом этапировали в Киев и, наконец, отвезли в Петроград и поместили в тюрьму для военнослужащих.

Глава правительства Керенский распорядился: «Если поводов у гражданской судебной власти не будет, то содержать под стражей прапорщика Крыленко по моему личному приказу».

Крыленко писал в редакцию большевистской газеты «Рабочий», которую выпускали вместо закрытой «Правды»: «Моя судьба зависит вовсе не от петроградской прокуратуры, а от дальнейшего развития судьбы русской революции. В этом нахожу единственное для себя утешение...»

9 сентября Петроградский Совет выразил протест против ареста видных большевиков: «В ряду произвольных аре-

стов, разгромов и закрытия рабочих газет выделяется арест тов. Крыленко, которого по личному предписанию Керенского держат взаперти свыше двух месяцев, не предъявляя к нему никакого обвинения, невзирая на то, что товарищ Крыленко выехал из Петрограда до июньских событий и что как гражданские, так и военные судебные власти официально сообщили, что с их стороны никаких обвинений к тов. Крыленко не имеется».

27 сентября 1917 года в газете «Рабочий путь» было опубликовано обращение солдат 11-й армии к Крыленко:

«Конференция военной большевистской организации шлет вам горячий привет. Насилие, совершенное над вами врагами революции, врагами нашей партии, не изгладило из нашей памяти вашего имени, которое по-прежнему остается для нас символом революционной чести и революционной отваги.

Конференция просит у вас разрешения выставить в нашем кандидатском списке в Учредительное собрание ваше имя, которое его будет украшать».

Крыленко был избран депутатом Учредительного собрания от солдат Румынского и Юго-Западного фронтов...

В конце концов Керенский распорядился выпустить Крыленко. В октябре Николай Васильевич председательствовал на съезде Советов Северной области в Петрограде, которому было поручено бороться за мир и переход всей власти к Советам.

Крыленко был твердым сторонником вооруженного восстания против Временного правительства, настойчиво повторял: «Вода достаточно вскипела». Его ввели в состав Петроградского военно-революционного комитета.

16 октября на расширенном заседании ЦК он докладывал о ситуации в столичном гарнизоне:

— Настроение в полках поголовно наше, и мы обязаны взять на себя инициативу восстания.

25 октября в актовом зале Смольного открылся Второй Всероссийский съезд Советов. Крыленко избрали в президиум.

В шестом часу утра Крыленко поднялся на трибуну с телеграммой в руках:

— Товарищи, сообщение с Северного фронта! Двенадцатая армия приветствует съезд Советов и сообщает о создании Военно-революционного комитета, который взял на себя командование Северным фронтом.

Это был один из первых обнадеживающих сигналов — армия поддержала большевиков.

Съезд принял решение образовать в армии временные военно-революционные комитеты, которым подчинялось командование фронтов. Комиссары Временного правительства на фронтах заменялись комиссарами съезда Советов.

Крыленко был назначен одним из трех народных комиссаров по военным и морским делам. Он был преданным большевиком, популярным в армии, имеющим опыт работы с солдатами и матросами, и одновременно имел какой-то военный опыт.

Ленин называл Крыленко одним из самых «горячих и близких к армии представителей большевиков».

МИР И ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ

После убийства Духонина в Могилеве новый верховный главнокомандующий российской армией прапорщик Крыленко поехал в управление генерал-квартирмейстера и вызвал туда начальника гарнизона Могилева генерала Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича, брата известного большевика, управляющего делами Совнаркома.

Крыленко, пишет его биограф Хикматулла Муратов, встретил генерала на лестнице:

— Духонин убит! Правительство народных комиссаров предлагает вам вступить в должность начальника штаба Ставки. Согласны?

Бонч-Бруевич охотно принял предложение.

В книгу приказов по Ставке было записано:

«20-го сего ноября генерал-майор Бонч-Бруевич вступил в должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего.

Генерал Бонч-Бруевич просит всех спокойно продолжать текущую работу, памятуя тяжелое положение страны и обязанности перед нею, лежащие на каждом из нас, и выражает уверенность, что чины управления приложат все старания для поддержания стройной работы Ставки».

Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич окончил Межевой (геодезический) институт, Московский университет, военное училище, Академию генерального штаба, где впоследствии преподавал.

Переход на сторону большевиков оттолкнул от Бонч-Бруевича его бывших сослуживцев.

Его бывший начальник генерал Александр Сергеевич Лукомский писал в своих записках о первой русской революции:

«В Киеве в 1905 году при моем участии образовался кружок офицеров генерального штаба, который поставил себе целью собирать все данные о попустительстве начальства или проявляемой им слабости при пресечении проявлений революционного движения...

Интересно отметить, что в тот период генерального штаба подполковник Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, перешедший в 1917 году к большевикам и служивший им не за страх, а за совесть, был среди нас самым «черносотенным».

В период первой революции 1905 года он написал ряд статей, проникнутых необходимостью расправиться с революционерами самым беспощадным образом. Его статьи были пропитаны монархическим духом и воинской дисциплиной...

Без широкого образования, несколько туповатый, но чрезвычайно упорный, с громадной трудоспособностью и большой волей, Бонч-Бруевич считался хорошим и крайне добросовестным офицером генерального штаба.

Выдвинулся он из общей массы офицеров генерального штаба вследствие того, что в 1905 году М.И. Драгомиров привлек его к работе по переизданию своего курса тактики...

Из приехавших к нему офицеров, подвергнув экзамену и как следует прошпиговав их, он в конце концов остановится на Бонч-Бруевиче. После этого Бонч-Бруевич стал часто приезжать в Конотоп, и М.И. Драгомиров часами с ним разговаривал, давал указания, диктовал... Бонч-Бруевич аккуратно все записывал».

На записках генерала Лукомского лежит очевидный отпечаток ненависти к бывшему сослуживцу, ставшему врагом.

Генерал от инфантерии Михаил Иванович Драгомиров был одним из выдающихся военных теоретиков. Если он остановил свой выбор именно на Бонч-Бруевиче, то это о чем-то говорит.

«Михаил Иванович Драгомиров, — продолжает Лукомский, — скончался в октябре 1905 года. После его смерти М.Д. Бонч-Бруевич продолжал работу уже вполне самостоятельно, и, когда она была закончена, оказалось, что Бонч-Бруевич прибавлял много «отсебятины», многие свои мысли и выводы прикрыл именем М.И. Драгомирова и в результате, по справедливому указанию одного из критиков, трудно было определить, где кончается Драгомиров и где начинается Бонч-Бруевич...

Критика на эту книгу озлобила Бонч-Бруевича, а тут еще приплелась обида на то, что его «провалили» в попытках попасть профессором в Академию генерального штаба.

Незадолго до начала мировой войны он был назначен командиром, кажется, 165-го Луцкого полка. Командиром полка он оказался хорошим. За бой при Золотой Липе он был представлен к ордену Святого Георгия IV степени. Дума не утвердила. Новая обида. Затем он получил Георгиевское оружие, и генерал Рузский взял его к себе в штаб 3-й армии генерал-квартирмейстером.

Дальше идет очень быстрое и блестящее повышение Бонч-Бруевича. Рузский берет его с собой в штаб Северо-Западного фронта на должность генерал-квартирмейстера. Скоро он начальник штаба фронта у Рузского на Северном фронте. На этой должности Бонч-Бруевич, по-видимому, очень зазнался. Он был очень резок в своей переписке и сношениях с командующими армиями, и они его просто возненавидели. С уходом Рузского (его заменил генерал Куропаткин) звезда Бонч-Бруевича закатилась.

Куропаткин просил Ставку (генерала Алексеева) о назначении себе начальником штаба генерала Сиверса, а Бонч-Бруевича представил на армию. Но Алексеев заявил, что Бонч-Бруевич может по своему старшинству получить только дивизию.

Бонч-Бруевич обиделся и заявил, что меньше чем на корпус (хотя, мол, и это из попов в дьяконы) он не пойдет. Алексеев отказал и в этом. После этого, с назначением Сиверса начальником штаба Северного фронта, Бонч-Бруевич был оставлен при Куропаткине в качестве генерала для поручений. Бонч-Бруевич с этого времени обозлился на всех и на вся.

С началом революции 1917 года Бонч-Бруевич делает ставку на «новый режим». Он сначала «верноподданный» Временного правительства, а затем большевиков. Он был одним из первых среди русских генералов, предложивших свои услуги Ленину».

Генерал Бонч-Бруевич действительно сыграл важную роль на первом этапе создания новой армии. Руководители большевиков ему полностью доверяли и прислушивались к его советам.

БРАТАНИЕ НА ФРОНТЕ

Крыленко выполнил обе поставленные перед ним задачи — подчинил Ставку большевикам и добился перемирия.

21 ноября было подписано соглашение о прекращении боевых действий между Западным фронтом и австро-гер-

манскими войсками. 24 ноября — о перемирии на Юго-Западном фронте, 25-го — на Румынском фронте.

В Брест-Литовске с представителями военного командования Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии было подписано общее перемирие сроком на двадцать восемь дней с автоматическим продлением, если одна из сторон за семь дней не заявит о желании его разорвать. Перемирие должно было сохраняться до начала переговоров об условиях мирного договора.

Это был звездный час главкома Крыленко.

23 ноября он получил приветственную телеграмму:

«Второй съезд армий Западного фронта шлет Верховному Главнокомандующему народной революционной армии, занявшему последнее гнездо контрреволюции, свой товарищеский привет.

Отныне армии победоносной рабоче-крестьянской революции спаяны воедино одним аппаратом высшего управления. Да здравствует Верховный вождь революционной армии наш военный комиссар тов. Крыленко!»

В декабре 1917 года в Могилеве прошел Общеармейский съезд. Он преобразовал Военно-революционный комитет при Ставке в Центральный комитет действующих армий и флота (Цекодарф). Съезд утвердил Крыленко главковерхом.

Крыленко вновь обратился к войскам:

«Товарищи, за перемирием придет мир. Желанная мечта миллионов рабочих и крестьян, народов, населяющих Россию, близка к осуществлению... Этот мир дала русскому народу революция 25 октября. Этот мир принес народу Совет Народных Комиссаров».

Теперь перед большевиками стояла другая проблема, не терпящая отлагательства: что делать с армией?

Вооруженные силы России как единый механизм, подчиняющийся воле командования и способный выполнять боевые приказы, больше не существовали. Начальник штаба 12-й армии прислал Крыленко свой доклад:

«Армии не стало — есть огромная, усталая, плохо одетая, с трудом прокармливаемая, озлобленная толпа людей, объединяемая жаждой мира и всеобщим разочарованием. Достаточно натиска небольших неприятельских сил, чтобы вся эта масса людей ринулась в тыл, все сокрушая, поедая и уничтожая на своем пути».

Революция нанесла армии смертельный удар.

Большевики располагали только Красной гвардией — вооруженными рабочими Петрограда, матросскими сводными отрядами, латышскими стрелковыми частями.

«Регулярные полки старой империалистической царской армии оказались непригодными, небоеспособными для гражданской войны, — вспоминал Крыленко в своих записках «Смерть старой армии». — Эту армию уже ничто не могло оживить. Когда ее вызвали с фронта для борьбы на Дону с Калединым, с Украинской радой или с польскими легионами, полки, вызываемые с фронта, выйдя за линию окопов в тыл, отказывались идти в бой, независимо от целей, которые эта борьба преследовала».

18 декабря Крыленко доложил Совнаркому, что армия утратила боеспособность и придется принять любые условия, которые выставят немцы при заключении мира.

Правительство утвердило план реорганизации армии — из ста пятидесяти девяти дивизий, находившихся на фронте, сохранить сто и сформировать еще тридцать шесть дивизий из добровольцев. Но это были нереальные планы. В начале 1918 года каждую неделю с фронта убегало примерно три тысячи человек. Бежали даже офицеры, которых пытались остановить. Начальникам железнодорожных станций было приказано задерживать всех, кто, не получив разрешения солдатского комитета, пытался покинуть действующую армию.

18 декабря было решено создать новую армию вместо старой, 23 декабря на фронте получили призыв к возможности священной революционной войны. Все революционно настроенные солдаты призывались записываться в новую добровольческую регулярную армию.

Но приказ возымел обратное действие.

Солдаты старой армии приняли его как приказ о возобновлении войны и отказ от мирных переговоров с немцами. По мнению Крыленко, разложение армии, которое было уже невозможно ничем остановить, началось именно с этого приказа. Если до сих пор донесения с фронта говорили о том, что в окопах царит спокойствие и солдаты доверяют новой власти, то после опубликования приказа паника охватила целые части. К тому же некоторые командиры потребовали привести в надлежащий вид окопы и проволочные заграждения.

Но никакой силой нельзя было заставить солдат возобновить войну с немцами.

Известный своей книгой «Россия, кровью умытая» писатель Артем Веселый (настоящее имя Николай Иванович Кочкуров) в рассказе «Далекое зарево» описал поездку на германский фронт с грузом антивоенной большевистской

литературы. Он вез фронтовикам газету «Социал-демократ» и брошюру Александры Коллонтай «Кому нужна война».

Фронт голодал. Сахар, крупа, махорка солдатам не попадали. Хлеба не хватало, через день ели борщ с кониной.

«Землянка похожа на звериную нору, — писал Артем Веселый. — Вдоль стен глиняные нары, сырость, духота. Под шинелями — расчесанные грязные тела, многие солдаты в лаптях, иные и вовсе босиком...

После митинга целым взводом отправляемся к немцам, брататься, захватываем с собой несколько экземпляров привезенной мною брошюры, свежие номера «Окопной правды» и «Факела» — газета в один лист: с одной стороны русский текст, с другой — немецкий. Братаются на этом участке уже несколько месяцев, конфликты довольно редки. Один раз чья-то предательская рука засыпала пулеметным огнем высыпавшую на открытое место русскую роту, другой раз русский офицер застрелил немецкого солдата...

По набитой тропе выходим к немецким окопам. По брустверу шагает в светло-серой шинели часовой. Кося глазом в сторону своих траншей, он осторожно улыбается нам и негромко выговаривает:

— Траствуй, геноссе.

Нас встречает немецкий офицер — краги, стек, холеное, с девичьим румянцем во всю щеку лицо. Презрительно осматривает наши лохмотья и свистит в серебряный свисток. Моментально появляется краснорожий дядька и, любезно улыбаясь, ведет нас по ходу сообщений. Окопы и ход сообщений бетонированы и электрифицированы, чистота умопомрачительная...

Жилые помещения просторны. Вдоль стен расставлены самые настоящие кровати, застланные одинаковыми одеялами, из-под каждого одеяла выпущена чистая простынь. На стенах развешаны начищенные до жару медные кастрюли, сковороды: эти кухонные приборы почему-то больше всего угнетали и раздражали меня, смотрел на них до ломоты в глазах...

Кое-кто из бывалых солдат знает по-немецки десяток-другой слов, помогает жестикуляция и мимика: словом, разговариваем. Наши из карманов и пазух извлекают осклизлые куски конины из вчерашнего котла и променивают на табак и вино. Немцы, обдав мясо кипятком, тут же и поедают его: они живут голоднее нас. Улучив момент, когда дядька куда-

то отвернулся, взводный передает немецкому солдату туго свернутую пачку литературы. Тот быстро прячет ее за ошкур штанов и крепко жмет нам руки...

Дня через два и они к нам пришли в гости — притащили коньяку и немного варенных в мундирах картошек. Мы угощали их все тем же борщом с падалью. Вчерашние враги сидели за скудной трапезой и кляли царя, кайзера и всех тех, кто затеял эту кровавую игру, стоившую многих миллионов человеческих жизней...

Недели через полторы, с эшелоном фронтовиков, я катил в тыл; горели помещичьи именья; кое-где уже пошаливали зарождающиеся банды; на Дону во славу революции, не умолкая, гремели пушки красногвардейских отрядов — веселая была дорога!»

Первый декрет Совнаркома о сокращении армии от 10 ноября 1917 года подписали Ленин и наркомы Антонов-Овсеенко и Крыленко. 15 декабря 1917 года — 3 января 1918 года в Петрограде проходил Общеармейский съезд по демобилизации армии.

ИЗ ГЛАВКОМОВ В ПРЕДСЕДАТЕЛИ ТРИБУНАЛА

25 декабря 1917 года верховный главкомандующий Крыленко подписал приказ и одновременно инструкцию о формировании из солдат-добровольцев народно-социалистической гвардии.

«Товарищи.

Армия устала. Армия изнемогла...

Должна быть создана новая армия вооруженного народа. К такой армии, зачатками которой явилась Красная гвардия рабочих, я призываю всех, кому дорога свобода...»

«Народно-социалистическая гвардия создается из солдат действующей армии, запасных частей и всех добровольцев, желающих вступить в ее ряды для защиты завоеваний революции и борьбы за демократический мир и торжество социалистической революции на Западе и в России».

Но таких планов формирования добровольческих частей было много. Ни один не удавалось воплотить в жизнь. На это обратил внимание Жак Садуль:

«Крыленко подготовил длинный, резкий, напыщенный манифест, чтобы призвать русский пролетариат в массовом порядке записываться в Красную Армию. Я упорно не верю в результаты этого предприятия.

Большевики наберут людей, без сомнения. Они не сделают из них солдат. Они не создадут из них командиров».

С 18 декабря по 12 января военный комиссариат в Петрограде и Ставка в Могилеве работали над созданием новой армии, потому что на старую нельзя было полагаться. Ее следовало как можно скорее распустить.

Комиссариат по демобилизации под руководством Михаила Кедрова разрабатывал план спокойной демобилизации. От него пришлось отказаться. Демобилизация началась еще при Керенском. Теперь пришлось проводить ее ускоренными темпами. И все равно не поспевали за быстро усиливавшимся разложением армии. Иногда приказы о демобилизации приходили, когда демобилизуемые солдаты уже были дома. Главное было сохранить оружие, артиллерию и воинское имущество. Тяжелую артиллерию отводили в тыл, вместе с санитарными и хозяйственными обозами.

23 декабря Совнарком выделил наркомату по военным делам десять миллионов рублей на формирование добровольческих отрядов. Первыми вступили латышские части, которые избежали развала. Две латышские бригады были развернуты в дивизии и сведены в Латышский корпус.

15 января 1918 года Совнарком принял Декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной армии. Декрет подписали Ленин, верховный главкомандующий Крыленко, народные комиссары по военным и морским делам Дыбенко и Подвойский.

При комиссариате по военным делам учреждалась Всероссийская коллегия по организации и формированию РККА. 21 января Совнарком назначил членами коллегии Крыленко, Мехоношина и Подвойского.

«Фронт был обнажен, — вспоминал Крыленко, — и полки из линии окопов отведены в линию расположения ближайших резервов с обслуживанием окопов только сторожевыми охранениями. Для тех, кто оставался для охраны имущества, устанавливалось повышенное жалованье. На железных дорогах всюду располагались дежурные роты для поддержания порядка, и в иных случаях, как это было на Северном фронте, пришлось прибегнуть к угрозе оружием и пулеметным огнем, чтобы заставить вернуться полки, не считавшиеся с очередями».

Но попытка провести демобилизацию организованно была перечеркнута немецким наступлением. Троцкий отказался принять грабительские условия мира, выставленные Германией (подробнее об этом говорится в пятой главе).

Тогда немецкое командование решило силой принудить Россию согласиться с этими условиями.

16 февраля 1918 года в 19.30 в ставке Крыленко получили заявление немецкого генерала Гофмана о прекращении перемирия и возобновлении военных действий с полудня 18 февраля.

Российская армия и не собирались сопротивляться. Она просто бежала, бросая оружие и обозы и сметая наспех мобилизованные части, которые выдвигались из тыла.

Фронт от Украины до Петрограда перестал существовать. Немецкие войска заняли Киев, Минск, Могилев, Ревель, Нарву, подошли к Пскову и 25 февраля заняли город. Латышские части пытались сопротивляться и были сметены. Немцы уже стояли под Петроградом.

Крыленко доложил Совнаркому о катастрофе:

«Изголодавшиеся массы бегут и, движимые инстинктом самосохранения, затевают в местностях прифронтовой полосы погромы в поисках недостающих денежных знаков и хлеба. Недостаток фуража и ослабление конского состава делают невозможным вывоз материальной части и артиллерии.

Армия оказывается неспособной даже стоять на позиции. Фронта фактически нет. В отдельных местностях фронта идет торг лошадьми и солдатским имуществом с немцами... Необходимость заключения мира диктуется теперь не невозможностью сопротивляться, а невозможностью произвести организованный отход и спасти стоящие миллиарды материальные части. Мы обязаны подписать мир».

Ситуация была катастрофической. Решили попытаться отстоять хотя бы Петроград.

Петроградский совет образовал Комитет революционной обороны Петрограда под руководством Якова Михайловича Свердлова. Крыленко, Подвойский и Склянский создали чрезвычайный штаб Петроградского военного округа.

Ставка в Могилеве прекратила свою деятельность. Командование сосредоточилось в Петрограде. Ко всем фронтам обратились с требованием немедленно сформировать из добровольцев боеспособные части, которые могли бы вступить в бой с немецкими войсками.

23 февраля 1918 года Крыленко приказал провести в Петрограде революционную мобилизацию — и для этого образовать в городе вербовочные комиссии, а гражданское население заставить рыть окопы.

Но немцы до Петрограда не дошли. Ленин выкрутил руки своим соратникам по руководству партией и правительством

и вынудил их согласиться на немецкие условия мирного соглашения. Получив сообщение из Петрограда о готовности подписать мир, германские войска остановились.

Поздно вечером 3 марта 1918 года Ленин вызвал Крыленко. Владимир Ильич уже принял решение создавать новую армию и реорганизовать всю систему военного управления, обратившись за помощью к профессионалам. Прапорщик Крыленко не мог оставаться в прежней должности главнокомандующего.

Должность главкома и сама Ставка упразднялись. Пока что все полномочия по управлению вооруженными силами получал Высший военный совет. Ему переподчиняли все, что осталось от гигантской армии. Руководителем Высшего военного совета назначался бывший генерал Михаил Бонч-Бруевич.

Крыленко категорически возражал против назначения на высокую должность бывшего генерала царской армии. Ленин объяснял Крыленко, что без военных специалистов обойтись невозможно, надо у них учиться и с их помощью создавать новую армию. Николай Васильевич доказывал, что генералам доверять нельзя. Впрочем, скорее, главком, привыкший к полной самостоятельности, не хотел идти в подчинение генералу, который еще недавно сам был его подчиненным.

Ленин не стал удерживать Крыленко на военной работе.

4 марта 1918 года Ленин подписал постановление Совнаркома о создании Высшего военного совета:

«Высшему военному совету в составе М.Д. Бонч-Бруевича, военного руководителя, политических комиссаров П.П. Прошьяна и К.И. Шутко поручается руководить всеми военными операциями с безусловным подчинением Высшему военному совету всех без исключения учреждений и лиц».

Проша Перчевич Прошьян был одним из лидеров левых эсэров, которые тогда еще поддерживали большевиков и входили в правительство. В декабре 1917-го — марте 1918-го Прошьян занимал пост наркома почт и телеграфа.

Кирилл Иванович Шутко, старый большевик, после революции работал в наркомате труда, потом вступил в Красную армию. Он занимал должность в Высшем военном совете всего две недели и написал в Совнарком заявление с просьбой освободить от должности «по болезненному состоянию».

5 марта 1918 года был подписан мирный договор в Брест-Литовске. Боевые действия прекратились. Большевики получили передышку и должны были попытаться создать свою армию.

Крыленко написал Ленину заявление:

«Настоящим прошу освободить меня от обязанности Верховного главнокомандующего и комиссара по военным делам».

Ленин принял его отставку с легким сердцем. Военные дела он решил поручить другому человеку. Это заметил даже француз Жак Садуль, наблюдавший за событиями со стороны:

«Ленин и Троцкий отдают себе отчет в том, что одного Крыленко, которого они ценят за его волевые качества при очевидной нехватке технических знаний, будет недостаточно для такой значительной задачи, как реорганизация армии».

Заботясь о репутации Николая Васильевича, договорились объяснить его отставку ликвидацией поста главковерха в связи с окончанием войны с немцами.

13 марта Ленин подписал постановление Совнаркома:

«Должность главнокомандующего согласно предложению, сделанному товарищем Крыленко Совету Народных Комиссаров, упраздняется».

Через полгода, 2 сентября 1918 года, должность главнокомандующего была восстановлена, 6 сентября Совнарком назначил им бывшего полковника Иоакима Иоакимовича Вацетиса.

Появление Высшего военного совета привело к расформированию Комитета революционной обороны Петрограда и Революционного полевого штаба при бывшей ставке верховного главнокомандования. Упразднили и Всероссийскую коллегию по организации и управлению Красной армией.

Фактически все, кто занимался военными делами в первом советском правительстве, остались без работы и стали искать себе новое применение.

Николай Васильевич вспомнил, что он дипломированный юрист. Его тут же назначили членом коллегии наркомата юстиции, а меньше чем через два месяца, в мае, еще и председателем Революционного трибунала (с 1919-го Верховного трибунала) при ВЦИК.

ДЕЛО АДМИРАЛА ЩАСТНОГО И ЧЛЕНА ЦК МАЛИНОВСКОГО

Крыленко был обвинителем на печально знаменитом процессе над командующим Балтийским флотом Алексеем Михайловичем Щастным. Документы преданы гласности, и эта

история теперь хорошо изучена историками (журнал «Отечественная история», 2001, № 1).

20 марта 1918 года капитан 1-го ранга Алексей Михайлович Щастный, который принял и поддержал революцию, был назначен командовать Балтийским флотом. Он отличился еще в феврале, когда был начальником штаба флота. Спасая корабли от немцев, он перевел их из Ревеля (Таллина) в главную базу флота Гельсингфорс (Хельсинки). Теперь немцы требовали — в соответствии с условиями Брестского мирного договора — очистить территорию Финляндии от частей русской армии, а порты от военных кораблей.

Финский залив был покрыт толстым слоем льда, и немцы были уверены, что флот достанется им. Но Щастный сумел увести более двухсот кораблей в Кронштадт. После этого похода Алексея Михайловича стали именовать адмиралом, хотя он оставался капитаном 1-го ранга.

Немцы выдвигали все новые и новые претензии, доказывая, что положения Брестского договора не исполняются. Ленин исходил из того, что надо идти немцам на уступки. На заседании ЦК его политика получила одобрение. Владимир Ильич предложил готовиться к эвакуации советского правительства из Петрограда на Урал. Троцкий потребовал от Щастного на всякий случай подготовить флот к уничтожению. Но Щастному была ненавистна мысль о гибели флота. Он призывал сражаться с немцами.

На него подействовали слухи о мнимых секретных статьях Брестского договора, в соответствии с которыми Ленин и Троцкий будто бы подчиняются немецкому генеральному штабу...

Щастный стал публично говорить, что советское правительство за полгода ничего не сделало для флота, если не считать телеграммы Троцкого о подготовке к уничтожению флота. И Щастный предал гласности «секретные послания» Троцкого. Это более всего возмутило наркома, который считал, что командующий флотом нарочито опозорил его в глазах моряков, выставил человеком, которому не просто безразлична судьба флота, а который чуть ли не действует под диктовку немцев.

Троцкий помнил, что прежний командующий Балтийским флотом и вовсе оказался врагом советской власти. А тут еще возникла проблема с Черноморским флотом, который при приближении немцев увели из Севастополя в Новороссийск. Но теперь немцы угрожали оккупировать Кубань, если флот не вернется в Севастополь. Ленин считал, что лучше взорвать

флот, чем отдать немцам. Но не было никакой уверенности, что морские офицеры выполнят такой приказ.

Ленин и Троцкий решили показать флоту, что невыполнение приказа в боевых условиях будет караться предельно жестоко.

23 мая Щастный отправил по телеграфу Троцкому просьбу об отставке. Его вызвали в Москву.

27 мая в кабинете Троцкого в присутствии членов коллегии наркомата по морским делам Щастный был арестован «по подозрению в проведении контрреволюционной агитации, неповиновении приказам советского правительства и намеренной дискредитации правительства в глазах моряков с целью его свержения». Щастного поместили в Таганскую тюрьму.

Его дело рассматривал Революционный трибунал при ВЦИК.

Суд начался 20 июля в Кремле в зале здания судебных установлений. Троцкий, допрошенный как свидетель, предъявил Щастному обвинение в том, что тот готовил выступление против советской власти, рассказывая о том, что флот предан правительством в соответствии с секретным соглашением с немцами и что правительство делает все, чтобы уничтожить флот.

Обвинителем выступал Николай Крыленко. Он фактически просто повторил то, что сказал Троцкий. На следующий день был вынесен приговор. Большевики декларировали отмену смертной казни, но Щастного приговорили к расстрелу.

Его адвокатом был Владимир Жданов, который до 1917 года блистательно защищал социалистов-революционеров. Он был потрясен большевистским правосудием. За десять лет до этого процесса в тот же день и в том же зале он защищал молодого революционера Галкина, которому грозил смертный приговор. Но после речи адвоката обвиняемого приговорили к пожизненному заключению. Теперь Галкин, как член Революционного трибунала, приговорил Щастного к смерти.

На следующий день Щастного расстреляли во внутреннем дворе Александровского военного училища, где тогда находился наркомат Троцкого, а потом министерство обороны...

Позднее Николай Крыленко был обвинителем и на процессе по делу Романа Вацлавовича Малиновского, бывшего члена ЦК и руководителя фракции большевиков в Государственной Думе, а по совместительству самого крупного агента охранного отделения полиции в большевистской партии.

Роман Вацлавович Малиновский родился в обедневшей дворянской семье. Жизнь у него была трудная. Когда разрешили профсоюзы, организаторская жилка сделала его, работавшего тогда токарем, секретарем крупнейшего в России союза металлистов.

В 1910 году его арестовали в Москве за попытку создать нелегальную типографию. Его завербовал ротмистр Иванов, который заведовал социал-демократическим отделом Московского охранного отделения (это подробно описано в книге Исаака Розенталя «Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время»). Ротмистр поставил арестованного перед обычным в таких случаях выбором: либо он соглашается сотрудничать с полицией, тогда дело прекращается и он немедленно выходит на свободу, либо его судят, в таком случае жена и дети остаются без средств к существованию. Стандартный вербовочный прием удался. Малиновский согласился стать платным агентом охранного отделения.

Разные причины толкают человека, попавшего в такое положение, к согласию стать агентом и доносить на бывших товарищей. Страх наказания — обыкновенно лишь одна из них. Другие — это жажда денег, тайная жажда власти, стремление повелевать окружающими и быть приближенным к сильным мира сего. Вероятно, к согласию работать на полицию Малиновского подтолкнуло сочетание этих мотивов.

Большевики хотели ввести в состав ЦК хотя бы одного рабочего и остановились на кандидатуре Малиновского. Ленину нужны были помимо подпольщиков люди, способные работать легально и привлекать к большевикам рабочие массы.

Он состоял членом ЦК РСДРП в 1912—1914 годах и был депутатом четвертой Государственной Думы. Избирательный закон предусматривал вхождение в Думу шести рабочих. Социал-демократы сумели провести Малиновского одним из шести. В 1913-м в Думе образовалась самостоятельная фракция большевиков, возглавить ее поручили Малиновскому, как получившему широкую известность рабочему трибуну.

Малиновский в те годы дружил со Сталиным. Некоторые историки на основании этого утверждают, что Иосиф Виссарионович тоже был платным агентом охранного отделения. И дескать, именно Малиновский ввел в ЦК Сталина, исполняя волю охранного отделения.

Утверждали и другое: будто Сталин завидовал Малиновскому и внушал полиции, что Малиновский больше занят революцией, чем своими обязанностями по охранному отделению. Но в полиции выбрали Малиновского, считая,

что он добьется большего, чем Сталин. Эта версия не нашла документального подтверждения...

Конечно, член ЦК Малиновский был ценнейшим источником информации для полиции. Но депутат-большевик Малиновский произносил с думской трибуны такие речи, которые наносили серьезный ущерб царскому режиму. Фактически с санкции полиции — он свои выступления показывал офицерам охранного отделения. Это характерная черта спецслужб — и царских и советских: ведомственный интерес для них важнее государственного...

Первым всерьез заподозрила Малиновского секретарь думской фракции большевиков Елена Федоровна Розмирович. Когда ее арестовали, выяснилось, что жандармы знают о ней очень много. Некоторые факты были известны только Малиновскому.

Роману Вацлавовичу не доверял и первый муж Розмирович — социал-демократ Александр Антонович Трояновский, будущий дипломат, полпред в Японии и Соединенных Штатах (и отец не менее известного дипломата Олега Трояновского).

Розмирович первой назвала Малиновского провокатором.

Но Ленин категорически отверг любые подозрения в адрес Романа Вацлавовича, которым очень дорожил. Розмирович и Трояновского он, напротив, не высоко ставил. Ленин решил, что между Еленой Розмирович и Малиновским было что-то личное, а Трояновский просто ревнует жену.

В провокаторство Малиновского не верил почти никто из видных большевиков. Михаил Иванович Калинин вообще в те годы склонен был считать провокатором самого Ленина, а Малиновскому он, напротив, доверял.

В мае 1914-го Малиновский внезапно для всех подал заявление об уходе из Думы.

Потом стало известно, что этого потребовал новый товарищ (заместитель) министра внутренних дел Владимир Федорович Джунковский, бывший московский губернатор, имевший репутацию абсолютно порядочного человека. Он запретил вербовать гимназистов и солдат... И он распорядился прекратить сотрудничество с секретным сотрудником Малиновским. Во-первых, он опасался скандала, который мог бы разразиться в случае разоблачения. Во-вторых, он считал, что Малиновский приносит больше пользы большевикам, чем полиции.

Роман Вацлавович получил годовой оклад и уехал за границу. Ленин вначале был ошеломлен. Потом назвал уход

Малиновского «политическим самоубийством» и был склонен побыстрее забыть об этом деле. Но эмиграция шумела. Пришлось Ленину в 1914 году провести партийное расследование.

Прямых улик против Малиновского не было. Осуждать товарища на основе слухов не хотелось. Ленин продолжал высоко ценить Романа Малиновского и до последнего не верил в его сотрудничество с полицией. Возможно, защищая бывшего депутата и члена ЦК, Владимир Ильич косвенно хотел защитить себя и партию от скандала.

Соратник Ленина Григорий Евсеевич Зиновьев, на даче которого шло расследование, вспоминал потом:

«В яркой, сильной, местами просто потрясающей форме (и, казалось, абсолютно искренней) Малиновский нарисовал нам картину своей жизни... Он жертва, он несчастен, над ним тяготеет трагическое прошлое. Отсюда и невозможность нести то бремя политической ответственности, которое пало на него...

Мы поверили. Может быть, он чего-нибудь недоговаривает, но ходит около правды, — примерно так формулировал впечатление Ильич...»

Когда началась война, Малиновского призвали в армию. Когда появились сообщения, что он убит в бою, Ленин и Зиновьев написали вполне благожелательный некролог. Оказалось, рановато его похоронили. Унтер-офицер Малиновский был ранен, но выжил, попал в плен. Ленин и Зиновьев с ним переписывались, посылали ему в лагерь посылки.

После Февральской революции Чрезвычайная следственная комиссия, назначенная Временным правительством, обнаружила в полицейских архивах документы, подтверждавшие, что Малиновский был полицейским агентом по кличке Портной. Он раскрыл полиции все партийные секреты, в которые его посвящали, за что получал фантастически большие по дореволюционным временам деньги.

Публикация этих документов летом 1917 года была очень большой неприятностью для большевиков и лично для Ленина.

В октябре 1918 года Малиновский вместе с другими освобожденными военнопленными приехал в Россию. Он, возможно, полагал, что старые товарищи его простят и, может быть, даже выдвинут на руководящую работу — ведь он большевик со стажем, был членом ЦК. Он сам просил об аресте, надеясь оправдаться так же легко, как и в 1914 году.

Малиновский ошибся.

Когда подтвердилось, что он все-таки был провокатором, возмущенный Ленин сказал Зиновьеву:

— Экий негодяй! Надул-таки нас. Предатель! Расстрелять его мало!

Дело поручили рассмотреть Революционному трибуналу ВЦИК, заседавшему в Кремле.

Следственную комиссию возглавила Елена Федоровна Розмирович, теперь уже жена Крыленко. Николай Васильевич был обвинителем. Это было почти что семейное дело. Особенно если учесть, что Крыленко когда-то писал депутату Малиновскому речи. (Со временем Розмирович и Крыленко расстались. Вероятно, это ее и спасло. Елена Федоровна работала директором Государственной библиотеки имени Ленина и благополучно пережила эпоху репрессий.)

Судебное заседание началось 5 ноября 1918 года. Крыленко не очень глубоко вник в дело и особенно в движущие мотивы обвиняемого. Но исход был известен заранее. Провокаторов приговаривали к смертной казни. Тем более, что Ленин свое отношение к обвиняемому уже выразил.

Судебное заседание продолжалось один день. Вечером Малиновского приговорили к смертной казни и ночью расстреляли.

КРЫЛЕНКО И ДЗЕРЖИНСКИЙ

В декабре 1922 года Крыленко был назначен заместителем наркома юстиции РСФСР и старшим помощником прокурора республики. На юридическом поприще Николай Васильевич заработал себе дурную репутацию.

Дочь Льва Николаевича Толстого Александра Львовна, попавшая в руки чекистов, так описывала Крыленко на процессе:

«За отдельным столиком сидит справа прокурор Крыленко с большим, почти голым черепом с сильно развитой хищной челюстью. Он напоминает злобную собаку, из тех, что по улицам водят в намордниках. Чувствуется, что жажду крови в этом человеке утолить невозможно, он жаждет еще и еще, требует новых жертв, новых расстрелов. Стеклянный голос его проникает в самые отдаленные уголки залы, и от этого резкого, крикливого голоса мороз дерет по коже.

Такой суд — не просто суд, а испытание. Смерть витала над головами людей... Временами даже Крыленко не мог

скрыть своего презрения, когда некоторые отвечали на его вопросы заискивающе робко, с явным подлаживанием, или предавали своих друзей...»

Крыленко очень не понравился и британскому дипломату Роберту Брюсу Локкарту, которого после революции отправили в Москву для налаживания неофициальных контактов с правительством большевиков. «Эпилептический дегенерат, — писал о нем Локкарт, — будущий общественный прокурор и самый отталкивающий тип из всех, с кем мне когда-либо приходилось встречаться среди большевиков. Хмурый, дергающийся...»

Еще более отвратительным предстает Крыленко в описании выдающегося актера Михаила Александровича Чехова, руководившего 2-м МХАТом и осмелившегося заступиться за одну из несчастных жертв террора:

«Дверь отворилась, и появился человек, маленький, коренастый, с бритой головой и белыми, круглыми, как вставленными, глазами.

— Что надо? — закричал он истерично и злобно, еще стоя на пороге своего кабинета.

Его правая рука рвала и терзала его левую руку. Он подпрыгнул ко мне и, оглушая меня криками, стал бить кулаками воздух около моих плеч, вытягивая шею, как будто хотел боднуть меня и тем выкинуть за дверь, дико вращал белками своих пустых глаз и, не узнав о причине моего прихода, прокричал: «Нет!» — и, снова терзая свою левую руку, бросился к другому посетителю.

Прежде чем я успел опомниться и выйти, я заметил, что от крика Крыленко внезапно перешел на шепот. Бледный посетитель, заикаясь и тоже шепотом, пытался разъяснить ему что-то. Я вышел прежде, чем увидел, как будет вести себя сумасшедший прокурор с третьим, четвертым посетителем».

В реальности Крыленко не был худшим среди всех этих людей. Он не был садистом или беспредельным циником. Он исходил из того, что правосудие должно служить пролетарскому государству.

Когда в 1918 году шел процесс над Павлом Дыбенко и первый нарком по морским делам оправдывал свои действия тем, что он в борьбе с врагами должен был прибегнуть к «красному террору», Крыленко ответил:

— Есть террор, вызванный политической необходимостью, и террор ненужный — бессмысленно жестокого человека.

Взгляды Крыленко по тем временам казались слишком либеральными, и он сам думал, что отстаивал справедливость. Если бы только он мог предположить, что и его самого уничтожат из соображений политической необходимости...

Николай Васильевич считал, что ведомство госбезопасности стало слишком самостоятельным. Он писал: «ВЧК страшен беспощадностью своей репрессии и полной непроницаемостью для чьего бы то ни было взгляда».

Крыленко предлагал передать органы госбезопасности в наркомат юстиции, чтобы и на местах чекисты были под контролем губернских юристов. Цель Крыленко состояла не столько в том, чтобы ограничить масштаб репрессий, сколько в том, чтобы увеличить влияние собственного ведомства.

Дзержинский был, разумеется, категорически против:

«Отдача ВЧК под надзор наркомата юстиции роняет наш престиж, умаляет наш авторитет в борьбе с преступлениями, подтверждает все белогвардейские россказни о наших «беззакониях»... Это акт не надзора, а акт дискредитации ВЧК и ее органов... ЧК находятся под надзором партии. Введение комиссара Губюста означает фактически перемену курса против ЧК, так как Губюсты это органы формальной справедливости, а ЧК — органы дисциплинированной партийной боевой дружины».

Крыленко продолжал считать, что чекисты нарушают закон. В 1925 году он написал записку в политбюро, в которой отметил, что ОГПУ превышает данные ему полномочия: чекисты перестали передавать дела арестованных в суд, а стали выносить приговоры внесудебным путем — через особое совещание и «судебную тройку». Исключение стало правилом.

Более того, ОГПУ злоупотребляет правом приговаривать к высшей мере наказания. Крыленко привел такой пример: губернские суды РСФСР в 1924 году осудили шестьдесят пять тысяч человек, из них шестьсот пятнадцать — к высшей мере, то есть приговорили к расстрелу каждого сотого. ОГПУ в том же году осудило девять тысяч триста шестьдесят два человека, из них расстреляло — шестьсот пятьдесят, то есть почти каждого десятого.

Крыленко писал о том, что такое наказание, как административная высылка, по тяжести условий приравнена к тюремному заключению. В отдельнных северных районах ссыльные находятся в тяжелейшем положении.

Нарком юстиции предлагал «ограничить строго и жестко права ГПУ на внесудебный разбор дел»: разрешать чекистам высылать на срок не более трех лет и отправлять в лагерь на срок не более года. Крыленко считал, что прокуратура должна наблюдать за следствием в органах ОГПУ.

Дзержинский вновь с порога отверг предложения Крыленко: нарком руководствуется нормами права, а тут чистая политика. Ведомство госбезопасности не осуществляет правосудие, а уничтожает политических врагов:

«Текущий политический момент вовсе не таков, чтобы лишать нас прав рассмотрения дел о террористах, белогвардейских группировках, словом, сокращать наши права в борьбе с контрреволюцией.

По этим же мотивам мы считали бы неправильным понизить до одного года заключение в лагеря по приговорам ОГПУ, от этого выиграли бы только меньшевики, эсеры, шпионы и пр.

Увеличение прав Прокуратуры по отношению к ОГПУ по политическим, шпионским и т. п. делам, по нашему мнению, дало бы резкий отрицательный результат, так как пришлось бы хранителей законности сделать участниками агентурных разработок, которые не прекращаются и во время ведения дел... Во всяком случае, революционная законность не выиграла бы».

10 ноября 1925 года политбюро поручило обсудить все разногласия комиссии в составе Валериана Владимировича Куйбышева, председателя Центральной контрольной комиссии партии, Вячеслава Рудольфовича Менжинского, первого заместителя председателя ОГПУ, и самого Крыленко. Но в этих стычках чекисты неизменно выходили победителями. Ведомство госбезопасности было важнее и наркомата юстиции, и прокуратуры, вместе взятых.

«ШАХТИНСКОЕ ДЕЛО»

Никакие сомнения в правомерности действий органов госбезопасности не помешали Крыленко, назначенному в 1919 году прокурором РСФСР, выступить в роли обвинителя на организованных чекистами громких и позорных процессах над мнимыми «врагами народа».

Это «шахтинское дело» («вредительская организация буржуазных специалистов в Шахтинском районе Донбасса» — 1928 год), процессы по делу «Промпартии» («вредительство

в промышленности» — 1930 год), «Трудовой крестьянской партии» («вредительство в сельском хозяйстве» — 1930 год), «Союзного бюро ЦК РСДРП меньшевиков» («реставрация капитализма в стране» — 1931 год).

Все процессы были одинаковыми. Они должны были показать стране, что повсюду действуют вредители, они-то и не дают восстановить промышленность и вообще наладить жизнь. А вредители — бывшие капиталисты, дворяне, белые офицеры, старые специалисты. Некоторые из них — прямые агенты империалистических разведок, которые готовят военную интервенцию...

Сталин, пишет доктор исторических наук Олег Витальевич Хлевнюк, обнаруживал вредительство там, где был обычный хозяйственный спор, и требовал крови. Сталин обвинял старых спецов — «вредителей и саботажников» — во всех экономических провалах и одновременно обвинял «правых» в покровительстве вредителям.

В 30-х годах даже неизбежные на отсталом производстве аварии и выпуск некачественной продукции становились поводом для возбуждения уголовного дела. Обвинения в саботаже и вредительстве приобретали политическую окраску, и даже плохого повара при желании могли обвинить в троцкизме.

Все началось с «шахтинского дела», о котором страна узнала, прочитав 12 марта 1928 года газету «Известия»:

«В Шахтинском районе Донбасса органами ОГПУ при прямом содействии рабочих раскрыта контрреволюционная организация, поставившая себе целью дезорганизацию и разрушение каменноугольной промышленности этого района...

Следствием установлено, что работа этой контрреволюционной организации, действовавшей в течение ряда лет, выразилась в злостном саботаже и скрытой дезорганизаторской деятельности, в подрыве каменноугольной промышленности методами нерационального строительства, ненужных затрат капитала, понижении качества продукции, повышении себестоимости, а также в прямом разрушении шахт, рудников, заводов».

В 1928 году прокурор РСФСР Николай Васильевич Крыленко был назначен обвинителем на процессе, которому суждено было войти в историю. Начало положило «разоблачение» уполномоченным ОГПУ Евгением Евдокимовым «вредительской организации» инженеров. Эти вредители, утверждали чекисты, по директивам из Парижа проводили вредительскую

работу в городе Шахты (Ростовская область). Так возникло «шахтинское дело».

Председателем Специального судебного присутствия Сталин утвердил Вышинского.

Андрею Януарьевичу не понравилась незначительная в советской юстиции роль судьи (приговор утверждался заранѣе). Он сам желал быть обвинителем, разоблачителем, человеком, которого слушают с замиранием сердца, и во время процесса не упускал случая оборвать прокурора Крыленко.

Вышинский легко отрешился от всего, чему его учили в университете. Он без колебаний переступил через все принципы права. После «шахтинского дела» он написал книгу, в которой, в частности, писал: «Советский суд — этот ответственнейший орган пролетарской диктатуры — должен исходить и всегда исходит исключительно из соображений государственной и хозяйственной целесообразности».

В реальность обвинений в стране поверили почти все за малым исключением.

Серго Орджоникидзе на одном из пленумов возмущенно говорил, упрекая так называемых «правых», то есть прежде всего Николая Ивановича Бухарина:

— Ночью собирали политбюро по вашей инициативе после «шахтинского дела», и нам все хотели вбить в голову, что без буржуазных специалистов нам социализма не построить. Нам принесли целую кипу вырезок из речей Владимира Ильича, которыми хотели нас убедить. Более того, хотели этим терроризировать. Но ведь надо сказать, никогда Владимир Ильич не говорил, что если будет «шахтинское дело», если будет вредительство в военной промышленности, в металлургической промышленности и по всем другим отраслям промышленности, то непременно надо за этих вредителей, за всякую сволочь цепляться и доказывать, что без них мы социализма никак построить не можем...

В октябре 1928 года умер известный ученый-металлург, член-корреспондент Академии наук Владимир Ефимович Грум-Гржимайло, брат знаменитого географа. Его предсмертное письмо было опубликовано в эмигрантской печати: «Все знают, что никакого саботажа не было. Весь шум имел целью свалить на чужую голову собственные ошибки и неудачи на промышленном фронте... Им нужен был козел отпущения, и они нашли его в куклах шахтинского процесса».

Эти процессы играли еще и мобилизующую роль, потому что мнимых вредителей объявляли агентами и пособниками иностранных разведок: вредители вели дело к войне...

На объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 6—11 апреля 1928 года глава правительства Алексей Иванович Рыков всерьез говорил о планах вредителей, которые будто бы орудовали в Шахтинском районе Донбасса:

— Полностью подтверждена связь этих «деятелей» с польской разведкой, причем интересно, что они рассчитывали создать в результете вредительской работы кризис топливного хозяйства Союза к моменту завершения реорганизации польской армии, приблизительно к 1929—1931 годам.

Нельзя, конечно, делать из этого вывод, что от успеха вредительской деятельности этой организации непосредственно зависит нападение на наш Союз. Наступление войны определяется, разумеется, не окончанием реорганизации враждебной нам армии или успехами вредительской организации у нас в тылу, а всей совокупностью политической обстановки в Европе и соотношением классовых сил в буржуазных государствах.

Но несомненно, что поляки имели возможность готовиться к войне с нами не только путем организации своих вооруженных сил, но и дезорганизацией нашего хозяйства, заключил Рыков.

Чекисты сажали не только советских, но и иностранных специалистов. Но за иностранцев было кому вступиться. Арест немецких инженеров повлек за собой политический скандал.

15 марта 1928 года советскому полпреду в Германии вручили ноту: арест германских инженеров и техников вызвал в германских деловых кругах «резкое возражение и чувство большой неуверенности в отношении всей совокупности экономических отношений с СССР». Правительство Германии прекратило экономические переговоры с СССР.

Рыков на пленуме задавался вопросом:

— Правильно ли мы поступили, что привлекли немцев к ответственности? Вообще говоря, политическая партия должна подчинять те или иные процессы вопросам политики, а вовсе не руководствоваться абстрактным принципом наказания виновных по справедливости. Если нам выгодно, то можно, конечно, и заведомых жуликов оставить на свободе. Ничего преступного с точки зрения интересов рабочего класса в этом нет.

И к вопросу об аресте немцев нужно подходить не столько с точки зрения интересов нашей уголовной практики или принципа «справедливости», сколько с точки зрения нашей «большой» политики. Нам казалось, что, поскольку у иност-

ранных специалистов, привлекаемых к работе у нас, выходит «смычка» с заговорщиками против советской власти, то где-нибудь надо ударить так, чтобы в другой раз было неповадно, заявил Алексей Иванович Рыков, не подозревавший, конечно, что через несколько лет и его самого выведут на такой же липовый процесс и расстреляют...

На пленуме ЦК об опасности вредительства говорил и Андрей Александрович Жданов, секретарь Нижегородского губкома:

— Мы в нашей Нижегородской губернии, за последние месяцы в особенности, имеем целый ряд случаев поджогов и аварий, из которых мы считаем не все случайными.

Мы имеем целый ряд пожаров, в частности на Сормовском заводе, имеем целый ряд аварий, участившихся в последнее время, когда наиболее важные, жизненные части предприятий выводятся из строя, как то: трансформаторы, шкивы, электромоторы и так далее и тому подобное. Тут, несомненно, имеются и не случайные причины, вот почему наша организация пыталась глубоко присмотреться к вопросам организации противопожарной охраны, к вопросам бдительности вообще...

Мы установили такие вопиющие факты, что на заводах, где мы обследовали противопожарную охрану, перед пожарным сараем, в котором находились машины, имелась неразметенная куча снега, которая в случае пожара не давала возможности вывести машины из сарая. В другом месте вода в бочках оказалась замерзшей, в третьем месте дежурные спали, рассказывал Жданов.

Слушавший его с изумлением Станислав Викентьевич Косиор, секретарь ЦК, откликнулся с откровенной издевкой:

— Это тоже вредительство, когда дежурные спят?

Но похоже, один Косиор сообразил, что Жданов, сам того не желая, наглядно показал: мифическое вредительство есть на самом деле элементарное разгильдяйство и неспособность справиться со своими обязанностями.

От Станислава Косиора, которого смущали притянутые за уши обвинения, Сталин со временем избавился — расстрелял в 1939-м. А на точно следовавшего партийной линии и сметливого Андрея Жданова обратил внимание и вознес его на вершину власти.

В 1927 году советское руководство стало говорить о возможности новой войны, ссылаясь на напряженные отношения с Китаем и Англией, хотя войной эти конфликты вовсе не грозили. Китай и Англия не имели ни желания, ни средств

для войны с Советским Союзом. Но чувство страха быстро распространилось по стране.

Встревоженный этим секретарь Сибирского крайкома и будущий глава правительства РСФСР Сергей Иванович Сырцов 7 января 1928 года разослал местным партийным комитетам телеграмму:

«Значительным препятствием проведению принудительных хлебозаготовок является убеждение крестьянства в неизбежности войны в ближайшее время, являющееся, главным образом, результатом неумной агитации военной опасности...

Необходимо, всемерно усиливая мобилизационную работу, другие виды подготовки, рассчитанные на ряд лет, создавать в среде крестьянства убеждение в том, что в ближайшее время при условии укрепления экономической мощи государства можем вполне рассчитывать на мирное строительство. Голую агитацию военной опасности, готовящихся нападений необходимо прекратить».

Сырцов, способный молодой руководитель, тоже не понял сталинской логики, поэтому довольно быстро лишился своего высокого поста, а потом был расстрелян.

Сталину мало было того хлеба, который собирался нормальным образом продать государству справный хозяин. Вождь хотел отобрать у крестьян весь хлеб! И опасность войны, «вредительство» были прекрасным предлогом для проведения хлебозаготовок и подавления оппозиции.

Генеральный секретарь в апреле 1928 года говорил на пленуме ЦК:

— Раньше международный капитал думал опрокинуть советскую власть в порядке прямой военной интервенции. Попытка не удалась. Теперь он старается и будет стараться впредь ослабить нашу хозяйственную мощь путем невидной, не всегда заметной, но довольно внушительной экономической интервенции, организуя вредительство, подготавливая всякие «кризисы» в тех или иных отраслях промышленности и облегчая тем самым возможность будущей военной интервенции.

Ни о каких случайностях не может быть речи. Одно из двух: либо мы будем вести и впредь революционную политику, организуя вокруг рабочего класса СССР пролетариев и угнетенных всех стран, и тогда международный капитал будет нам всячески мешать в нашем продвижении вперед; либо мы откажемся от своей революционной политики, пойдем на ряд уступок международному капиталу, и тогда международный капитал, пожалуй, не прочь будет «помочь» нам в деле

перерождения нашей социалистической страны в «добрую» буржуазную республику...

Сталин обратился к собравшимся в зале членам ЦК:

— Америка требует, чтобы мы отказались принципиально от политики мировой революции, уверяя нас, что все пошло бы хорошо, если бы мы пошли на такую уступку. Что же, товарищи, может быть, пойти на эту уступку?

Зал бурно отреагировал:

— Нет!

«ДЕЛО ТОРГПРОМА»

ОГПУ получило указание найти вредителей во всех отраслях народного хозяйства.

В начале августа 1930 года Сталин в письме Молотову написал, что надо «обязательно расстрелять всю группу вредителей по мясопродукту, опубликовав при этом в печати». В конце сентября было принято постановление политбюро: опубликовать показания обвиняемых «по делам о вредителях по мясу, рыбе, консервам и овощам». А 25 сентября появилось сообщение о том, что коллегия ОГПУ приговорила к расстрелу сорок восемь «вредителей рабочего снабжения» и приговор приведен в исполнение...

Летом 1930 года ОГПУ «раскрыло» контрреволюционную «Трудовую крестьянскую партию». Председателем никогда не существовавшей партии назвали профессора Николая Дмитриевича Кондратьева, бывшего эсера, бывшего товарища министра продовольствия во Временном правительстве.

При советской власти Кондратьев возглавлял Конъюнктурный институт наркомата финансов. ОГПУ сообщало, что ЦК «Трудовой крестьянской партии» состоял в «информационно-контактной связи» с инженерно-промышленным центром. В центре состояли: Л.К. Рамзин, директор Теплотехнического института, В.А. Ларичев, член президиума Госплана СССР, А.А. Федотов, председатель коллегии Научно-исследовательского текстильного института, и С.В. Куприянов, технический директор Оргтекстиля ВСНХ СССР.

Это был мостик к следующему и самому громкому из «вредительских» процессов.

11 ноября 1930 года в московских газетах было опубликовано обширное обвинительное заключение по делу контрреволюционной организации «Союз инженерных организаций» («Промышленная партия»).

Самым известным из обвиняемых был профессор Леонид Константинович Рамзин. Его и остальных обвиняли по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР.

Читая обвинительное заключение, подписанное прокурором России Николаем Крыленко, советские люди узнавали о том, что Объединенное государственное политическое управление выявило, наконец, центр всей вредительской деятельности в стране.

«Промпартия», согласно этому документу, объединила «все отдельные вредительские организации по различным отраслям промышленности и действовала не только по указаниям международных организаций бывших русских и иностранных капиталистов, но и по прямым указаниям правящих сфер и генерального штаба Франции по подготовке вооруженного вмешательства и вооруженного свержения Советской власти».

Деятельностью вредителей из-за рубежа руководил, утверждал Крыленко, Торгпром — находящееся в Париже объединение «крупнейших заправил дореволюционной промышленности, поставившее своей задачей политическую работу по борьбе с Советской властью за возвращение своих бывших предприятий».

Руководители Торгпрома Денисов и Третьяков были в списке кандидатов на пост министра торговли и промышленности в будущем правительстве России.

Трагическая ирония состояла в том, что к моменту начала процесса над «Промпартией» Сергей Николаевич Третьяков уже два года работал на советскую разведку под псевдонимом Иванов. Его личное дело автор этой книги читал в известном здании на Лубянке.

Третьяков работал на советскую разведку больше десяти лет. Причем Сергей Николаевич подробно описал для советской разведки реальное состояние Торгпрома, заключив:

«В настоящее время Торгово-промышленный союз (Торгпром) не имеет никакого значения, он захирел, денег у него нет, находится он в маленьком помещении, служащих трое, да и те не знают, получат ли они жалованье первого числа».

Работавший с ним сотрудник советской разведки получил новое указание из Иностранного отдела ОГПУ:

«Ваша задача вернуть его к активной работе в Торгпроме, заставить выявлять вредителей... Необходимо, чтобы он выяснил, существует ли, и если да, то в каком виде, тот центр, который объединяет и руководит деятельностью вре-

дителей. Мы полагаем, что Торгпром таким центром не является».

Эта фраза из письма Иностранного отдела ОГПУ многого стоит: через несколько месяцев в обвинительном заключении по «делу «Промпартии» именно Торгпром будет назван главным центром вредительства в СССР.

Иначе говоря, в ОГПУ знали, что к чему, но продолжали сооружать абсолютно липовое дело. Но именно этого ждали от чекистов. Сталин потребовал от председателя ОГПУ Вячеслава Рудольфовича Менжинского, чтобы арестованные по делу никогда не существовавшей «Промпартии» дали показания о связях с европейскими правительствами ради подготовки вторжения в Советский Союз. Об этом свидетельствует, в частности, следующая записка генсека:

«ОГПУ т. Менжинскому. Только лично. От Сталина

Тов. Менжинский! Письмо от 2/X и материалы получил. Показания Рамзина очень интересны. По-моему, самое интересное в его показаниях — это вопрос об интервенции вообще и особенно вопрос о сроке интервенции. Выходит, что предполагали интервенцию в 1930 г., но отложили на 1931 или даже на 1932 г. Это очень вероятно и важно.

Это тем более важно, что исходит от первоисточника, то есть от группы Рябушинского, Гукасова, Денисова, Нобеля, представляющей самую сильную социально-экономическую группу из всех существующих в СССР и эмиграции группировок, самую сильную как в смысле капитала, так и в смысле связей с французским и английским правительствами.

Может показаться, что «Трудовая крестьянская партия», или «Промпартия», или «партия Милюкова» представляют главную силу. Но это неверно. Главная сила — группа Рябушинского — Денисова — Нобеля, то есть «Торгпром».

ТКП, «Промпартия», «партия Милюкова» — мальчики на побегушках у «Торгпрома». Тем более интересны сведения о сроке интервенции, исходящие от «Торгпрома». А вопрос об интервенции вообще, о сроке интервенции в особенности, представляет, как известно, для нас первостепенный интерес.

Отсюда мои предложения:

а) Сделать одним из самых важных узловых пунктов новых (будущих) показаний верхушки ТКП, «Промпартии» и особенно Рамзина вопрос о сроке интервенции.

1) почему отложили интервенцию в 1930 г.?

2) не потому ли, что Польша еще не готова?

3) может быть, потому, что Румыния не готова?

4) может быть, потому что лимитрофы (так называли Латвию, Литву, Эстонию и Финляндию. — *Авт.*) еще не сомкнулись с Польшей?

5) почему отложили интервенцию на 1931 г.?

6) почему «могут» отложить на 1932 г.?

б) Привлечь к делу Ларичева и других членов «ЦК Промпартии» и допросить их строжайше о том же, дав им прочесть показания Рамзина.

в) Строжайше допросить Громана, который, по показанию Рамзина, заявил как-то в «Объединенном центре», что «интервенция отложена на 1932 г.»

г) Провести сквозь строй гг. Кондратьева, Юровского, Чаянова и т. д., хитро увиливающих от «тенденции к интервенции», но являющихся (бесспорно) интервенционистами, и строжайше допросить о сроках интервенции (Кондратьев, Юровский и Чаянов должны знать об этом так же, как знает об этом Милюков, к которому они ездили на «беседу»).

Если показания Рамзина получат подтверждение и конкретизацию в показаниях других обвиняемых (Громан, Ларичев, Кондратьев и т. д.), то это будет серьезным успехом ОГПУ, так как полученный таким образом материал мы сделаем достоянием секций Коммунистического Интернационала и рабочих всех стран, поведем широчайшую кампанию против интервенционистов и добьемся того, что парализуем, подорвем попытки интервенции на ближайшие 1—2 года, что для нас немаловажно. Понятно?

Привет!

И.Сталин».

Менжинский все понял. Во время процесса «Промпартии» сотрудник советской разведки встретился с Сергеем Третьяковым, который изумленно сказал ему:

— Должен вам заметить, что вы совершаете ошибку. Ту работу, которую вы приписываете Торгпрому, он не ведет.

— Разве вы не следите за разоблачениями, сделанными во время процесса «Промпартии»? — спросил советский разведчик.

Третьяков покачал головой:

— Я сильно сомневаюсь в правдивости того, что написано в советских газетах. Поверьте, это просто невозможно, чтобы членам «Промпартии» пересылались такие большие суммы. Помилуйте, господа, откуда, откуда? Ведь не только я, даже такие люди, как глава Торгпрома Денисов, сейчас

перебиваются с хлеба на воду, не могут себе на жизнь заработать.

Я должен вам сказать, — заявил затем Третьяков, — что к «делу «Промпартии» я никакого отношения не имел и до начала процесса даже не слышал о ней.

— И ни с кем из этих людей не виделись? — спросил советский разведчик.

— Нет, — ответил Третьяков. — Я читал в ваших газетах, что мне приписывают оказавшиеся на скамье подсудимых люди, но все это плод их фантазии.

Ваш страх интервенции, подготовляемой Францией, продолжал Третьяков, ни на чем не основан. Бриан, министр иностранных дел, — сторонник мира. Кто же будет против вас воевать? Югославия? Нет. Италия? У нее нет никаких интересов в этой части Европы. Германия? В нынешней ситуации и речи быть не может. Чехословакия? Нет. Кто же, кто же?..

Сотрудник советской разведки был раздражен тем, что Третьяков все отрицал. Ведь в обвинительном заключении по «делу «Промпартии» цитировались показания главного обвиняемого профессора Рамзина: «При следующей встрече, кажется в Париже, Третьяков сказал, что при использовании войск Польши, Румынии, Прибалтийских стран и врангелевской армии около 100 тысяч человек интервенция будет располагать [столь] прекрасно оборудованной армией, что, по мнению многих бывших промышленников, при морской поддержке на юге и севере можно рассчитывать на успех даже с небольшой армией».

25 ноября 1930 года в Москве начались заседания Специального присутствия Верховного суда СССР. Председательствовал Андрей Януарьевич Вышинский. Обвинение поддерживал Крыленко. Все восемь обвиняемых безоговорочно признали свою вину. Они нарисовали грандиозную картину разрушения «вредителями» экономики страны, создавая Сталину роскошное алиби, которого хватило на десятилетия.

На вечернем заседании 4 декабря после окончания судебного следствия специальное присутствие перешло к прениям сторон. Первым слово было предоставлено государственному обвинителю.

По классическим правилам Крыленко должен был проанализировать доказательства и улики, подтверждающие преступную деятельность обвиняемых. Ему уже было известно: за рубежом с изумлением констатировали, что все обвиняе-

мые сознались, хотя на процессе не представлено ни единого доказательства! Обвинение не располагало ни одной объективной уликой, только признаниями обвиняемых.

— Какие улики вообще могут быть? — задавал сам себе вопрос Крыленко. — Есть ли, скажем, документы? Я спрашивал об этом. Оказывается, там, где они были, там документы уничтожались... Конечно, такие документы, как письма Торгпрома и другое, были уничтожены... Я спрашивал: может быть, какой-нибудь случайно остался? Было бы тщетно на это надеяться...

Преступник, естественно, уничтожает улики. А почему он преступник? Потому что арестован и сознался, объясняет обвинитель. Ни с того ни с сего ОГПУ не арестовывает...

Но Крыленко лихо выбрасывает свой главный козырь:

— Но все же не все документы были уничтожены... В материалах, касающихся деятельности текстильной группы, имеются письма Третьякова Лопатину и Лопатина Третьякову.

Лопатин умер в 1927 году, за три года до процесса, поэтому он не попал на скамью подсудимых, но на процессах его фамилию называли среди главных вредителей.

Московские газеты приходили в Париж с опозданием. 11 декабря в полпредство доставили газеты с обвинительной речью Крыленко. Один из руководителей парижской резидентуры, занимавшийся Третьяковым, решил почитать газету на сон грядущий. Когда он добрался до фразы о письмах Третьякова, то буквально похолодел (так написано в шифровке, которая хранится в архиве российской внешней разведки).

Утром он отправил письмо в Центр:

«Почему, принимая решение о том, чтобы Крыленко сделал на процессе такое заявление, вы не сочли нужным предупредить нас? Если бы нас поставили в известность, мы бы успели подготовиться: или порвать все отношения с «Ивановым», раз таково решение Центра, или, если Центр, несмотря на заявление Крыленко, рвать с ним не намерен, то предупредить самого «Иванова». Ведь ему предстоит осветить Торгпрому, каким образом его переписка с Лопатиным попала в руки ОГПУ.

Принимая во внимание всеобщую подозрительность эмиграции ко всем и то обстоятельство, что эти письма — единственные документы, которые были названы на процессе, не подлежит никакому сомнению, что отношение к нему со стороны эмиграции станет более чем настороженным».

Но в Иностранном отделе ОГПУ ничего поделать не могли. Процесс по «делу «Промпартии» куда важнее судьбы какого-то агента парижской резидентуры.

Поразительным образом все обошлось. В Париже никто не рискнул предположить, что ОГПУ получило письма непосредственно от Третьякова. Эмиграция решила, что их переписка была конфискована после смерти Лопатина.

7 декабря 1930 года в Москве завершился проходивший при большом стечении иностранных корреспондентов двухнедельный судебный процесс по делу придуманной ОГПУ «Промпартии».

Восемь крупных инженеров и руководителей промышленности были признаны виновными, как «главари подпольной контрреволюционной шпионско-диверсионной» организации, по сговору с Западом занимавшейся вредительством в советской промышленности.

Всех подсудимых приговорили к расстрелу, но президиум ЦИК, учитывая их «полное признание» в совершенных преступлениях, заменил высшую меру наказания десятилетним тюремным заключением. Эти люди так убедительно сыграли свою роль, что получили обещанную награду: их не убили.

Суд над «Промпартией» стал первым процессом, который поразил мир полным признанием обвиняемых. На «шахтинском» процессе обвиняемые еще пытались защищаться и доказывать свою правоту.

Вот вопрос, который интересует исследователей и по сей день: члены партийного руководства сами-то понимали цену этим процессам?

Когда в 1928 году затевалось «шахтинское дело», туда отправили комиссию, которую возглавлял член политбюро и секретарь ВЦСПС Михаил Павлович Томский.

Когда он вернулся в Москву, нарком обороны Ворошилов написал ему записку:

«Миша!

Скажи откровенно: не вляпаемся мы на открытом суде в Шахтинском деле? Нет ли перегиба в этом деле местных работников, в частности краевого ОГПУ?»

Томский счел нужным ответить, что дело ясное. Но недаром Ворошилов чувствовал, что все это было липой...

На пленуме ЦК Рыков, стараясь лишний раз подтвердить подлинность «шахтинского дела», заметил:

— Мы проверили ГПУ через товарища Крыленко. Тот, кто знает взаимоотношения этих органов, возглавляемых

товарищами Менжинским и Крыленко (смех в зале), тот вполне представит себе всю серьезность проверки.

Николай Васильевич Крыленко конечно же не получил доступа к материалам советской разведки и не знал, что Торгпром существует только на бумаге. Но любой сколько-нибудь профессиональный юрист не мог не видеть, что состряпанные чекистами дела — чистой воды фальсификация. Видимо, Крыленко запретил себе высказывать сомнения, идущие вразрез с мнением высшего руководства партии.

Во время суда над бывшими меньшевиками Крыленко, обращаясь к суду, говорил:

— Прошу вас проявить максимальную жесткость по отношению к подсудимым...

КРЫЛЕНКО И ВЫШИНСКИЙ

5 мая 1931 года Крыленко сделали наркомом юстиции РСФСР (союзного ведомства не было). На посту прокурора республики его сменил Вышинский. Он же стал стал заместителем Крыленко в наркомате.

Николай Васильевич и Андрей Януарьевич были врагами. Они вели между собой жестокую полемику, в том числе на страницах печати. Первоначально преимущество было на стороне Крыленко. Он был выше по должности и по положению в партийной иерархии. В 1927 году Крыленко избрали в состав Центральной контрольной комиссии ВКП(б), это позволяло ему участвовать в работе пленумов ЦК и иметь доступ к секретной информации. И вообще старый большевик, первый главком Красной армии Николай Крыленко свысока смотрел на бывшего меньшевика Андрея Вышинского.

Тем более, что Вышинский в годы политической юности совершил поступок, который другим стоил бы жизни.

После Февральской революции он стал комиссаром 1-го участка милиции Якиманского района Москвы. Потом в районе появилась управа, и Вышинского избрали председателем 1-го участка Якиманской управы. В октябре 1917 года председатель Якиманской управы, как и все другие руководители местной власти, получил подписанное министром юстиции Временного правительства Павлом Николаевичем Малянтовичем распоряжение:

«Постановлением Петроградской следственной власти Ульянова-Ленина Владимира Ильича надлежит арестовать в

качестве обвиняемого по делу о вооруженном выступлении третьего и пятого июля в Петрограде.

Ввиду сего поручаю Вам распорядиться о немедленном исполнении этого постановления в случае появления названного лица в пределах вверенного Вам округа. О последующем донести».

Вышинский распорядился развесить эти объявления у себя в районе, не предполагая, что всю остальную жизнь будет проклинать себя за этот поступок.

Крыленко вообще, наверное, удивлялся, как Вышинский остался на свободе, если его прежних товарищей-меньшевиков уже отправили за решетку.

Но Крыленко не знал одного важного обстоятельства в жизни Андрея Януарьевича.

Когда молодой меньшевик Вышинский — партийная кличка Юрий — в 1908 году сидел в бакинской тюрьме, в одной камере с ним оказался большевик весьма угрюмого вида.

В документах он значился Гайозом Нижарадзе. Сокамерники именовали его Кобой. Настоящая его фамилия была Джугашвили. В партийной печати он писал под псевдонимом Сталин. Отбывая срок, он занимался изучением модного тогда среди революционеров искусственного международного языка эсперанто (что не помешает ему впоследствии уничтожить эсперантистов как иностранных шпионов).

Большевик Сталин и меньшевик Вышинский много спорили в переполненной камере, но политические разногласия не мешали вполне товарищеским отношениям. Вышинскому молодая жена приносила вкусные и обильные передачи из дома, и он подкармливал Кобу. Коба ел с удовольствием, правда, «спасибо» не говорил. Вышинского неблагодарность сокамерника не обижала — сам видел, какой сложный характер у Кобы.

4 ноября 1908 года Вышинский, отбыв четырехмесячный срок, вышел на свободу. Через семнадцать дней покинул тюрьму и Сталин. У него срок был посерьезнее. Его выслали на три года в Вологодскую губернию, в Сольвычегодск.

Когда десять лет спустя они вновь встретятся, Вышинский ни полсловом, ни намеком не позволит себе напомнить Сталину о том, что тот вроде как в долгу. Это и спасло ему жизнь.

После Октябрьской революции Андрей Януарьевич дрожал от страха. Большевики его к себе не принимали. Но вме-

шался сокамерник — и в феврале 1920 года его, наконец, приняли.

Андрей Януарьевич нашел верный тон в отношениях со Сталиным — только на «вы», с почтением и восхищением, без малейшей попытки напомнить о прежних дружеских и равных отношениях. Это Сталину понравилось. Тем, кто безоговорочно понимал и принимал его величие и превосходство, он благоволил.

Осмелев, Вышинский попросил московский комитет большевиков использовать его по юридической части. Его сначала избрали председателем столичной коллегии защитников (адвокатов), но защищать, спасать от несправедливости — это была не его стезя. И вскоре он становится прокурором уголовно-судебной коллегии Верховного суда России.

В отличие от Крыленко Андрей Вышинский был прирожденным юристом, прекрасно образованным, разносторонне одаренным, с блестящей памятью, с ораторским даром. Он был популярен среди профессионалов и известен широкой публике.

«В этом незримом поединке, — пишет Аркадий Ваксберг, автор книг о Крыленко и Вышинском, — Вышинский с самого начала выглядел солидным профессионалом, а Крыленко разве что речистым дилетантом».

Сталину нужен был не законник, не юрист-крючкотвор, не педант, который заботится о строгом соблюдении закона, а стряпчий-пройдоха, который любому сомнительному дельцу способен придать законную форму. Вышинский с его хорошо организованным и дисциплинированным умом оказался очень полезен — он умел то, чего не могли другие, с куда большим партийным стажем.

Андрей Януарьевич, как бы это ни казалось странным, в начале 30-х был главным поборником укрепления авторитета закона и занимался реформой судебных учреждений.

А нарком юстиции Крыленко доказывал, что судьи должны полагаться на революционное чутье. Николай Васильевич не заметил, что времена изменились и идеи об отмирании государства, судов и законов отвергнуты как «левацкие перегибы».

В 1920 году, начиная свою юридическую карьеру, Крыленко говорил:

— Я бы начал с заявления о том, что социалистическое правосознание, а не старый закон — это тот принцип, на основании которого мы действовали.

Уголовный кодекс 1922 года, подготовленный в наркомюсте, требовал от судей выбирать наказание, опираясь на «социалистическое правосознание».

Крыленко занимал двойственную позицию в 20-х годах. В юридической среде он стоял за упрощение судебных процедур. А выступая перед партийными и государственными чиновниками, он все-таки пытался отстаивать законность и нормы права. Но безуспешно. На пленуме ЦК выступал Анастас Иванович Микоян, кандидат в члены политбюро, нарком внутренней и внешней торговли. Он среди прочего заметил:

— Я считаю правильным, что Северо-Кавказский комитет решил по отношению к двум случаям, неслыханным, садистски-возмутительным случаям, применить решительные меры, вплоть до высшей меры наказания двух работников.

Секретарь ЦК Станислав Косиор его поправил:

— Это не Северо-Кавказский комитет решил, а суд решил.

Микоян предпочитал говорить откровенно — зачем же в своем кругу хитрить:

— Конечно, суд решил, но суд решил под руководством партии, как и все важнейшие вопросы должны решаться под руководством партии.

Кто-то из зала спросил:

— Крыленко что скажет?

Микоян уверенно ответил:

— Он промолчит, потому что он уже член Центральной контрольной комиссии партии и не может отстаивать независимость суда от партии.

В 1929 году нарком Крыленко предписал судьям в первую очередь заниматься делами, касающимися хлебозаготовок, и строго карать кулаков и крестьян, которые не выполнили свои обязательства по сдаче зерна государству.

В 1932-м началась тотальная конфискация хлеба у крестьян, которые пытались спасти часть урожая для себя, чтобы не умереть с голода.

7 августа 1932-го появилось постановление ЦИК и Совнаркома, которое провозглашало хищение государственной и общественной собственности особо опасным преступлением, караемым смертной казнью. Этот закон простую кражу зерна превращал в государственное преступление. Наркомюст в прямом смысле запретил судьям выносить мягкие приговоры по делам о хищении зерна — или расстрел, или десять лет тюремного заключения. В городе мелкие кражи

иногда вообще рассматривались на заседаниях товарищеских судов.

Некоторые судьи говорили, что у них рука не поворачивается отправить человека на десять лет в лагерь за мелкую кражу, совершенную ради того, чтобы прокормить детей.

Крыленко возмущался тем, что Верховный суд отменяет смертные приговоры, а президиум ЦИК милует приговоренных к высшей мере наказания. Он требовал, чтобы судьи думали прежде о политике, а не осуществляли правосудие. Директива руководящих органов важнее закона.

На январском пленуме ЦК в 1933 году Крыленко возмущался несознательными судьями:

— Мы сталкиваемся тут с глубоким, впитанным с молоком матери предрассудком и традициями старых форм правовой буржуазной мысли, что этак нельзя, что обязательно судить, исходя не из политических указаний партии и правительства, а из соображений «высшей справедливости».

Крыленко, не столь изощренный, как его оппонент, отмечает Аркадий Ваксберг, пытался обосновать справедливость революционного правосудия.

Но откровенный правовой нигилизм Крыленко быстро устарел, цинизм следовало замаскировать. На XVII съезде партии Сталин обрушился на тех руководителей, которые думали, что «партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков». Вышинский сразу уловил сталинскую мысль: репрессии должны быть прикрыты законами. И Сталин и Вышинский понимали: никакие записанные в законах права человека не помешают власти делать то, что она считает нужным.

Куда более образованный Вышинский увидел, что Сталин нуждается в хорошо организованной судебно-прокурорской системе как органе власти сильного государства. Сталину для установления диктатуры надо было опираться и на силу закона.

Вышинский повторял, что соблюдение процессуальных норм обязательно. Он фактически обвинил Крыленко в недооценке роли прокуратуры и суда, назвав это «левацкими установками».

Только наивный человек мог говорить об укреплении законности и торжестве права. В реальности закон должен был стать инструментом власти, надежным инструментом в руках вождя.

Вышинский предложил Сталину услуги прокуратуры, на которую вождь и стал опираться.

В 20-х годах, до Вышинского, прокуратура была малозначительным ведомством. Андрей Януарьевич потребовал от прокурорских работников активно заниматься уголовными делами — проверять работу следователей, участвовать в заседаниях суда и подавать жалобы на судей. На прокуратуру были возложены новые обязанности — надзор над предварительным следствием и за законностью судебных заседаний. То есть прокуратура была поставлена над судом.

Сталину важно было создать видимость полной законности государства, когда конституция формально почиталась как святыня, а фактически делалось то, что было нужно власти.

Вышинский позаботился о том, чтобы репрессии в стране приобрели видимость законности. НКВД формально не имело права арестовывать без санкции прокурора. Но прокуроры ни в чем не отказывали чекистам.

Сталин мог выбирать между Крыленко и Вышинским и выбрал второго. Крыленко был слишком прямолинеен и прост.

Кроме того, Сталин избавлялся от старых большевиков, которые когда-то были с ним на равных, и предпочитал им людей, которых преследует страх и которые поэтому превращаются в лакеев. Бывший меньшевик Вышинский, поставивший летом 1917 года свое имя под приказом об аресте Ульянова-Ленина, знал, что уцелел только милостью Сталина.

ИГРА В ШАХМАТЫ ПО-КРУПНОМУ

7 марта 1934 года появился новый Уголовный кодекс, над которым работал Крыленко. Там появилась новая, 121-я статья, которая карала мужеложество заключением на срок до пяти лет. До этого пролетарское государство не интересовалось сексуальными предпочтениями своих граждан. Инициативу, как всегда в таких делах, проявили чекисты.

Весной 1934 года в наркомате иностранных дел бдительные чекисты раскрыли заговор гомосексуалистов. Госбезопасность заботила не сама по себе сексуальная ориентация дипломатов, хотя Лубянка взяла на себя и заботу о чистоте нравов государственного аппарата. Люди нетрадиционной ориентации были признаны потенциальными врагами советской власти. И кружок гомосексуалистов превратился в шпионское гнездо. Первым был арестован заведующий прото-

кольным отделом наркомата иностранных дел Дмитрий Тимофеевич Флоринский.

Заместитель председателя ОГПУ Яков Саулович Агранов, близкий к Сталину, докладывал генеральному секретарю:

«ОГПУ при ликвидации очагов гомосексуалистов в Москве выявлен, как гомосексуалист, заведующий протокольной частью НКИД Флоринский Д.Т.

Вызванный нами Флоринский подтвердил свою принадлежность к гомосексуалистам и назвал свои гомосексуальные связи, которые имел до последнего времени с молодыми людьми, из них большинство вовлечено в гомосексуальные отношения впервые Флоринским.

Вместе с этим Флоринский подал заявление на имя Коллегии ОГПУ, в котором он сообщил, что в 1918 году являлся платным немецким шпионом, будучи завербованным секретарем германского посольства в Стокгольме...

Мы считаем необходимым снять Флоринского с работы в НКИД и привлечь его к ответственности».

Флоринский, сын ректора Киевского университета Тимофея Флоринского, расстрелянного большевиками в 1919 году, был профессиональным дипломатом. До революции он окончил юридический факультет Киевского университета и поступил в министерство иностранных дел. Работал в посольстве в Константинополе и в Рио-де-Жанейро.

В 1920 году Флоринского взяли в наркоминдел. Он руководил протокольной частью и одновременно отделом Скандинавских стран. Все знали, что Флоринский был человеком Георгия Васильевича Чичерина, который возглавлял наркомат иностранных дел с 1918-го по 1930 год. Обязанности у Флоринского были самые разнообразные, иногда незавидные. Весной 1935 года в Москве ждали премьер-министра Франции Пьера Лаваля. Муза Васильевна Раскольникова, жена полпреда в Болгарии, вспоминает: «Флоринский, начальник протокола, с озабоченным видом носился по Москве в безуспешных поисках туалетной бумаги, в ту пору неизвестной в Москве. К счастью, бумагу одолжил турецкий посол».

Сталин реагировал так:

«1. Предлагаю принять предложение ОГПУ (НКВнудела).

2. Поручить т. Кагановичу проверить весь состав служащих аппарата НКИД и доложить о результатах в ЦК».

Решение политбюро было принято 27 июля 1934 года.

Сексуальная ориентация советских дипломатов так волновала Сталина, что, уехав в конце лета отдыхать в Сочи,

он 4 августа запросил «оставшегося на хозяйстве» секретаря ЦК Лазаря Моисеевича Кагановича:

«Просьба ответить: почему решение ЦК о Флоринском не приводится в исполнение?»

В тот же день Каганович ответил шифротелеграммой:

«В связи с приездом министра иностранных дел Эстонии Сельямаа Литвинов очень просил на пару дней задержать арест Флоринского, но эти пара дней затянулись на 6 дней. В этом виноват я. Сегодня Флоринский будет арестован».

Нарком юстиции Крыленко в январе 1936 года говорил:

— Гомосексуализм — продукт разложения эксплуататорских классов. В социалистическом обществе, основанном на здоровых началах, таким людям не должно быть места...

Крыленко был включен в состав комиссий по подготовке конституций СССР и РСФСР. Он преподавал в Институте красной профессуры, Институте советского строительства и права, заведовал кафедрой уголовного права Московского института советского права.

В 1934 году президиум Коммунистической академии присудил Крыленко ученую степень доктора государственных и общественных наук «за работы в области теории советского права, за смелость и свежесть теоретической мысли, борьбу со всякой рутиной, борьбу за генеральную линию партии и классовые принципы науки и практики, за исключительную разносторонность и размах научных работ».

Крыленко не все время посвящал работе. Он полюбил охоту и в начале 20-х заведовал управлением охоты в наркомате земледелия. Он увлекался шахматами и альпинизмом и многое сделал для их развития. В 1925 году он организовал знаменитый международный шахматный турнир, на который приехали выдающиеся мастера, в том числе чемпион мира Хосе Рауль Капабланка.

Николай Васильевич провел серию таджикско-памирских экспедиций в 1928—1932 годах. Под его руководством были исследованы обширные горные территории. Он лично давал названия открытым вершинам — пик Ленина, пик Дзержинского, пик Революции, пик 26 Бакинских Комиссаров. И сам в одиночку поднялся на высоту 6850 метров, недоступную до того ни одному советскому альпинисту.

Занимаясь спортом, Крыленко не забывал о своей политической миссии. Осенью 1931 года он выступал на VII всесоюзном съезде шахматистов и шашистов:

— Мы рассматривали внедрение шахмат и шашек в рабочую среду как оружие культурной революции. Теперь нужно

шахматы и шашки пропитать политическим содержанием, сделать из наших шахматистов и шашистов политических работников. Существуют ли в наших организациях тенденции к отходу в сторону от политики? Да, определенный слой говорит: довольно нам политики, нам не нужна политика, дайте нам возможность «тихонько» играть в шахматы. Всякий, кто ставит вопрос так, является нашим классовым противником. Необходимо и нам провести ту работу, которая была осуществлена партией и правительством по чистке советского аппарата, по чистке партии, по выявлению классовых врагов...

20 июля 1936 года был создан союзный наркомат юстиции, и Крыленко утвердили наркомом. Казалось, он на вершине власти. В реальности союзный наркомат юстиции оказался безвластным. Он занимался юридическим образованием, подготовкой законов, ведал адвокатскими коллегиями, нотариальными конторами, обеспечением деятельности судов...

Реальная власть и влияние перешли к Андрею Януарьевичу Вышинскому. Когда летом 1933-го создали прокуратуру СССР, он стал заместителем союзного прокурора. Вышинский перестал подчиняться Крыленко и даже оказался над ним. В 1935-м Вышинский стал прокурором СССР. Он вывел прокуратуру из подчинения наркомату юстиции и добился права опротестовывать решения любых судов. Сталин позволил прокуратуре надзирать за деятельностью наркоматов. В противоборстве с Крыленко Андрей Януарьевич вышел победителем.

В перестроечные годы был опубликован интереснейший дневник бывшего партийного работника профессора Александра Григорьевича Соловьева.

13 июня 1937 года он записал в дневнике:

«Прочитал в газете о смерти вчера сестры т. Ленина — Марии Ильиничны Ульяновой в возрасте пятидесяти девяти лет. С волнением ходил в Клуб управления делами СНК, где выставлен гроб для прощания.

У гроба, сгорбившись, сидела Крупская. Я высказал ей свое сочувствие и печаль. Она поблагодарила. Я поинтересовался, отчего она так рано умерла. Крупская тяжело вздохнула и сказала, что, мол, не могла пережить тяжелых условий, творящихся вокруг нас. Присмотритесь, говорит, повнимательнее, неужели вы не замечаете нашей совершенно ненормальной обстановки, отравляющей жизнь.

Я не стал расспрашивать, мало ли чего может наговорить человек, переживающий горе.

При выходе встретился с Крыленко очень болезненного вида. Я поинтересовался, чем он болен. Ответил: ужасной душевной болезнью. Спрашиваю, что за причина или какое несчастье? Говорит, очень большое. Невыносимо душат «ежовы руковицы». Замечаю: прокурор, а говорит такое неладное. Усмехается — уже не прокурор, отстранили за либерализм и политическую слепоту, за чрезмерно критическое отношение к ведению судебных дел военной коллегией. Теперь такие ленинцы, как я, не ко двору, в моде Ежовы и Вышинские, выскочки с потерянной совестью. Я попытался возразить, но он хмуро прервал:

— Ты что, ослеп, что ли?

И продолжал:

— Общество старых большевиков ликвидировано, больше половины делегатов XVII партийного съезда арестовано, старые верные ленинцы устраняются с руководящих постов, а многие попадают в категорию врагов народа, ссылаются и расстреливаются. И это на двадцатом году Советской власти!

Не зная, что подумать, я возразил — не могут же советские органы злоупотреблять и беспричинно осуждать.

Но Крыленко возмущенно заговорил о «курином умишке и воробьиной близорукости» Ежова и его окружения, очень далеких от Дзержинского и Менжинского. Упиваясь властью, они легко поддаются дезинформации и провокациям вражеских контрразведок, стремящихся уничтожить наши кадры и ослабить успехи. Верят доносам, раздувают дела, создают новую почву для новых обвинений, дезинформируют и вводят в заблуждение руководство партии и правительства. Со временем партия разберется и осудит виновных. Но сейчас мы переживаем страшное время...

Я глубоко поражен таким страшным пессимизмом Крыленко. Но в рассуждения вступать не решаюсь. Как могу я, рядовой работник партии, далеко стоящий от руководящих сфер и источников информации, осуждать или оправдывать страшную обстановку. Разве Крупская или Крыленко не могут ошибаться или преувеличивать? Только вера в партию может быть неоспоримой. Ее руководству виднее».

4 января 1937 года был арестован заместитель Крыленко в наркомате Евгений Брониславович Пашуканис. Это был сигнал. На партактиве наркомата юстиции заместитель председателя коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР зловеще произнес:

— Многие надеялись, что борьбу против вредительства в юстиции возглавит товарищ Крыленко, но для этого ему са-

мому необходимо разоблачить и поставить крест на ряде своих ошибок.

Нарком публично каялся. Но было уже поздно.

4-й (секретно-политический) отдел Главного управления государственной безопасности НКВД уже составил «справку на арест врага народа Крыленко». Его обвиняли в том, что он с 1930 года «являлся членом организации правых, создал в органах юстиции вредительскую организацию и ею руководит... Лично завербовал в нее свыше тридцати человек...».

В декабре 1937 года Крыленко уже не избрали депутатом Верховного Совета СССР. На первой сессии нового парламента он появился в качестве гостя.

17 января 1938 года на сессии выступил депутат Верховного Совета СССР Мир Джафар Багиров, первый секретарь ЦК компартии Азербайджана. Он вдруг обрушился с критикой на Крыленко:

— Если раньше товарищ Крыленко большую часть своего времени уделял туризму и альпинизму, то теперь отдает свое время шахматной игре. Нам нужно все же узнать, с кем мы имеем дело в лице товарища Крыленко — с альпинистом или наркомом юстиции? Не знаю, кем больше считает себя товарищ Крыленко, но наркомюст он, бесспорно, плохой. Я уверен, что товарищ Молотов учтет это при представлении нового состава Совнаркома.

Выступление Багирова вовсе не было его личной инициативой. Это Сталин любил играть в такие игры. Он мог бы просто избавиться от Крыленко, но предпочел все обставить должным образом. Раз нарком подвергся критике со стороны депутатов, его придется освободить от должности.

Вскоре Крыленко сдал дела новому наркомюсту — Николаю Михайловичу Рычкову, который много лет был членом военной коллегии Верховного суда, а последний год — прокурором РСФСР.

За неделю до ареста Николаю Крыленко совершенно подружески позвонил Сталин:

— Не горюй, мы тебе доверяем. Получишь новое назначение, а пока готовь кодекс. Не тяни, народ ждет.

Крыленко воспрял духом.

Тут же позвонил и союзный прокурор Вышинский с просьбой ускорить работу над новым Уголовным кодексом. Он тоже крайне любезно разговаривал с Крыленко, хотя на столе у него уже лежала копия «справки на арест» бывшего наркома юстиции.

18 января Андрей Януарьевич подписал санкцию на арест своего давнего соперника. Но приехали за Крыленко только 31 января — оперативные подразделения НКВД не справлялись, слишком много было арестов. Рассказывают, что камера, в которой сидел Крыленко, была настолько переполнена, что бывшему наркому место нашлось под нарами.

Николая Васильевича обвинили в участии в антисоветской организации. 29 июля 1938 года военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его по статье 58-7 (подрыв государственной промышленности), 58-8 (совершение террористических актов), 58-11 (подготовка к контрреволюционным преступлениям) Уголовного кодекса РСФСР к высшей мере наказания.

Его судили по очень упрощенной процедуре, вообще не имевшей отношения к правосудию. Но ведь бывший нарком юстиции всегда твердил, что политическая целесообразность важнее норм права... Первого верховного главнокомандующего Красной армии расстреляли сразу после вынесения приговора.

Глава третья

БАЛТИЙСКИЙ МАТРОС, ЕГО БРАТИШКИ И ПОДРУЖКИ

ПАВЕЛ ЕФИМОВИЧ ДЫБЕНКО

Революционные события осени 1917 года в жизни Павла Ефимовича Дыбенко были связаны не только с внезапным превращением простого матроса в военно-морского министра. Именно в эти дни у него вспыхнул бурный роман с Александрой Михайловной Коллонтай, которая тоже вошла в состав первого советского правительства. Специально для нее образовали пост наркома государственного призрения, то есть ее поставили заниматься социальными вопросами.

Познакомились они незадолго до революции, когда Коллонтай приехала на флот, чтобы по поручению ЦК партии большевиков сорвать среди военных моряков подписку на «Заем Свободы», выпущенный Временным правительством (Б. Брюханов, Е. Шошков. Красный роман. «Родина», 1998, № 4.)

Роман Коллонтай и Дыбенко привлек всеобщее внимание, потому что они оба совершенно не стеснялись демонстрировать свои чувства.

Лев Троцкий вспоминал:

«Первое заседание большевистского правительства происходило в Смольном, в кабинете Ленина, где некрашеная деревянная перегородка отделяла помещение телефонистки и машинистки. Мы со Сталиным явились первыми.

Из-за перегородки раздавался сочный бас Дыбенко: он разговаривал по телефону с Финляндией, и разговор имел скорее нежный храктер. Двадцатидевятилетний чернобородый матрос, веселый и самоуверенный гигант, сблизился незадолго перед тем с Александрой Коллонтай, женщиной аристократического происхождения, владеющей полудюжиной иностранных языков и приближавшейся к 46-й годовщине.

В некоторых кругах партии на эту тему, несомненно, сплетничали. Сталин, с которым я до того времени ни разу не вел личных разговоров, подошел ко мне с какой-то неожиданной развязностью и, показывая плечом за перегородку, сказал, хихикая:

— Это он с Коллонтай, с Коллонтай...

Его жест и его смешок показались мне неуместными и невыносимо вульгарными, особенно в этот час и в этом месте. Не помню, просто ли я промолчал, отведя глаза, или сказал сухо:

— Это их дело.

Но Сталин почувствовал, что дал промах. Его лицо сразу изменилось, и в желтоватых глазах появились искры враждебности...»

Не только заметная разница в возрасте, но и необыкновенная пылкость чувств влюбленных друг в друга наркомов, словно нарочито выставленная напоказ, смущали товарищей по партии и правительству.

По описанию Раскольникова, Дыбенко «был широкоплечий мужчина очень высокого роста. В полной пропорции с богатырским сложением он обладал массивными руками, ногами, словно вылитыми из чугуна. Впечатление дополнялось большой головой с крупными, глубоко вырубленными чертами смуглого лица с густой кудрявой бородой и вьющимися усами. Темные блестящие глаза горели энергией и энтузиазмом, обличая недюжинную силу воли...».

Дыбенко казался олицетворением мужественности и пользовался большим успехом у слабого пола.

Александра Михайловна, что называется, по уши влюбилась в матроса-балтийца. Она откровенно признавалась:

«Люблю в нем сочетание крепкой воли и беспощадности, заставляющее видеть в нем «жестокого, страшного Дыбенко»... Это человек, у которого преобладает не интеллект, а душа, сердце, воля, энергия... Я верю в Павлушу и его звезду. Он — Орел... Наши встречи всегда были радостью через край, наши расставания полны были мук, эмоций, разрывающих сердце. Вот эта сила чувств, умение пережить полно, сильно, мощно влекли к Павлу...»

Жизнь казалась им увлекательным приключением. Они совершенно не понимали трагического характера происходящего вокруг них. Оказавшись в водовороте невиданных событий, они наслаждались не только друг другом, но и своей ролью вершителей судеб. Накал политических страстей только усиливал их любовные чувства. Они оба были склонны к

красивым жестам и драматическим фразам. Коллонтай, знакомая с ужасами войны лишь понаслышке, с горящими глазами декламировала:

— Какой это красивый конец, смерть в бою. Да, это то, что нужно делать: победить или умереть...

Кстати говоря, одновременно в Александру Коллонтай влюбился и заместитель Дыбенко по наркомату Федор Раскольников, который был моложе ее на двадцать лет.

Федор Раскольников откровенно спросил Дыбенко:

— Павлуша, какого ты мнения об Александре Михайловне Коллонтай?

— Ха-ха-ха, — рокочущим басом загоготал похожий на цыгана черноволосый великан, — я с ней живу...

Узнав, что сердце обожаемой женщины завоевано Павлом Дыбенко, Раскольников благородно отошел в сторону.

Александра Михайловна Коллонтай была необыкновенно привлекательной и эффектной дамой. Ее внимания добивались многие мужчины. Матрос Дыбенко с его скудным образованием, надо полагать, много почерпнул у этой утонченной и искушенной женщины.

КОНТОРЩИК, ГРУЗЧИК, ЭЛЕКТРИК

Павел Ефимович Дыбенко родился 16 февраля 1889 года в селе Людков Новозыбковского уезда Черниговской (позже Гомельской) губернии. Здесь жили малоземельные крестьяне, писал Павел Ефимович в автобиографии. Семья Дыбенко — девять человек (отец, мать, шестеро детей и дедушка, который дожил до ста лет) — имела три десятины земли, одну лошадь и одну корову.

Крестьяне занимались отхожим промыслом или поденными работами у дворян, которым принадлежали в уезде лучшие земли. Многие крестьяне, отчаявшись, эмигрировали в Америку.

Будущий военачальник с семилетнего возраста выходил с отцом в поле — помогал боронить, возить навоз, пасти помещичий скот. Так что понятна природа классовой ненависти будущего наркома к помещикам, избавленным от тяжелого физического труда.

В шесть лет Павла отдали учиться к поповской дочери, которая занималась с пятью крестьянскими детишками в холодной кухне, где держали телят и овец. За неудачный ответ, жаловался потом Дыбенко, поповна нещадно лупи-

ла его линейкой. Возможно, он просто искал достойный повод объяснить, почему не хотел учиться.

На следующий год ему пришлось поступить в народную школу, где он понравился заведующей школой М.К. Давыдович. Она состояла в партии социал-демократов. После школы родители хотели, чтобы Павел пошел работать, но Давыдович настояла на том, чтобы мальчик продолжил образование.

Павел поступил в трехклассное городское училище. Помогать ему родители не могли. В каникулы он работал, чтобы приобрести учебники и сшить форму. Он писал потом, что в первую русскую революцию, когда ему было всего шестнадцать лет, примкнул к забастовке учеников реального, технического и городского училищ. В 1906 году его дело даже рассматривалось стародубским окружным судом, но обошлось. Впрочем, некоторые биографы сомневаются в том, что Дыбенко присоединился к революционному движению в столь юные годы.

В четырнадцать лет он окончил училище. Поскольку настала очередь среднего брата, Федора, учиться, то родители категорически потребовали, чтобы Павел пошел работать. Ему подыскали место конторщика в казначействе города Новоалександровска, где казначеем служил родственник. Но через полтора года его уволили.

Дыбенко писал, что это были козни исправника, искоренявшего революционную заразу. Возможно, сам Павел Ефимович не справился или не захотел справляться с бумажной работой. Способность к систематическому труду не входила в число его достоинств.

Бросив родные края, семнадцатилетний Павел уехал в Ригу. Устроился грузчиком в порту. Более солидной работы не искал. Свободная и разгульная портовая жизнь его устраивала, а силой бог не обидел. Правда, поступил на электротехнические курсы — эти знания пригодятся ему на военной службе. В 1910-м его взяли на работу в Рижский холодильник, где он познакомился с местными социал-демократами. Участвовал в забастовке, после чего его уволили.

В июле 1910 года устроился на стройку. Но в августе и там началась забастовка. А Дыбенко уже приметила полиция. Он сбежал в Либаву, где жил нелегально до весны 1911 года. Затем вернулся в Ригу, опять работал грузчиком.

За неявку на призывной участок и уклонение от воинской повинности будущий нарком по военно-морским делам был в ноябре 1911 года арестован. Его этапировали в город Но-

возыбков, где передали прямо на призывной участок. Высокого и крепкого Дыбенко зачислили на Балтийский флот.

Он окончил минную школу. В марте 1912 года матроса Дыбенко назначили на учебный крейсер «Двина», пишет Иван Жигалов, автор объемистой книги о Дыбенко в серии «Жизнь замечательных людей» и многих журнальных публикаций.

В декабре Павла Ефимовича определили корабельным электриком на линейный корабль «Император Павел Первый», который после революции переименовали в «Республику». Плавать Дыбенко нравилось. Он потом с наслаждением вспоминал о морских походах, о морской романтике:

«Много пасмурных и тяжелых дней в службе моряка, но есть дни удали и беспечности. Морская школа выковывает бесстрашие, силу воли и своеобразный задор... Разве нет своей прелести в безмолвной борьбе гиганта корабля с клокочущим морем, разбушевавшейся стихией, кипящими седыми грозными волнами? Среди бурных, разъяренных волн этот великан, как бы насмехаясь над стихией, чуть кренясь, прорезает себе путь...

Нет! В морской жизни есть много своих прелестей, есть то, что воспитывает из вас сурового, грубого, угрюмого человека, но в то же время есть и то, что рождает в этой суровой, грубой натуре особо мягкое, доброе, умеющее по-своему любить и ценить...»

Но свободолюбивая или, точнее, анархистская натура Дыбенко не принимала суровой флотской дисциплины. Он не мог примириться с необходимостью подчиняться командирам. Словом, служба вызывала у Дыбенко ненависть и отвращение. И он присоединился к тем, кто намеревался разрушить всю существующую систему, — к большевикам и вступил в РСДРП.

В разгар войны, осенью 1915 года, его включили в состав отдельного морского батальона, который бросили на Рижский фронт, чтобы поддержать сухопутные войска. Но флотское начальство на редкость неудачно подобрало личный состав. В батальоне оказались люди типа Дыбенко, которые совершенно не хотели воевать.

Моряки, вспоминал Павел Ефимович, отказались идти в наступление:

— Нас не кормят, офицеры забрали наши деньги, не хотим воевать!

Батальон отозвали в Ригу, разоружили и расформировали. Моряков под конвоем отправили в Гельсингфорс (Хельсин-

ки), где находилась главная база Балтийского флота. Многих моряков взяли под арест. Ушлый Дыбенко под предлогом болезни остался в Риге на два месяца. Потом его все равно арестовали и приговорили к двум месяцам тюремного заключения. От дальнейших неприятностей его спасла Февральская революция.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЦЕНТРОБАЛТА

В революционной стихии Дыбенко чувствовал себя как рыба в воде. Он до такой степени не хотел больше никому подчиняться, что стал главным борцом за демократизацию на флоте. Высокий рост, зычный голос, умение выступать и увлекать за собой сделали его заметной фигурой среди балтийцев.

Сослуживцы делегировали Дыбенко в Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих. Как представитель Совета он участвовал 11—13 мая 1917 года в организационном собрании высшего выборного коллектива военных моряков — Центрального комитета Балтийского флота.

В знаменитый Центробалт вошли тридцать три моряка, из них только шестеро были большевиками и еще пятеро им сочувствовали. Тем не менее именно большевика Дыбенко избрали председателем Центрального комитета Балтийского флота.

Павел Ефимович добился принятия устава, в котором говорилось, что Центробалт (ЦКБФ) признает Временное правительство, но все распоряжения командования флота исполняются исключительно с разрешения Центробалта. Более того, записали в устав: «Отказываясь от предварительного контроля операций, ЦКБФ оставляет за собой право контролировать оперативные действия после их свершения...»

Временному правительству пришлось смириться с самостоятельностью Центробалта, потому что балтийские моряки были мощной силой, с которой никто не рисковал ссориться. Сухопутные войска сражались на фронте, далеко от Петрограда, а балтийцы были рядом, разгуливали по столице, и правительство понимало, что лучше иметь их в союзниках.

Дыбенко с товарищами отправились в Петроград, на прием к главе Временного правительства. Вес и роль балтийцев были таковы, что Александр Федорович Керенский незамедлительно их принял и узаконил существование Центробалта.

Дыбенко отсидел два месяца и был освобожден 4 сентября под залог и без права выезда в Гельсингфорс, где находилась база флота. Не обращая внимания на запрет, на следующий день Дыбенко на миноносце вернулся к своим морякам.

После июльских событий Керенский распорядился Центробалт распустить. Но его распоряжения вне Зимнего дворца, резиденции правительства, практически никто не исполнял. И Дыбенко вновь стал председателем Центробалта.

Два месяца за решеткой нисколько не испугали Дыбенко. Та легкость, с которой он вышел из тюрьмы, напротив, убедила его в очевидной слабости Временного правительства.

В октябре 1917-го на съезде Советов Северной области Дыбенко держал речь от имени Балтийского флота:

— Флот категорически отказывается выполнять какие бы то ни было приказы Временного правительства... Все силы и средства Балтийского флота — в распоряжении съезда. В любой момент флот по вашему зову готов к выступлению.

Николай Дыбенко и Владимир Антонов-Овсеенко договорились так. Если Антонов-Овсеенко пришлет телеграмму следующего содержания: «Центробалт. Дыбенко. Высылай устав» — это означает просьбу отправить в Петроград не меньше четырех миноносцев, один крейсер и отряд моряков численностью до пяти тысяч человек. В ночь на 25 октября Дыбенко получил радиограмму от Антонова-Овсеенко.

Центробалт отправил на помощь большевикам крейсер «Аврора» и несколько других кораблей. Из Кронштадта в Петроград пришел отряд моряков, полных решимости взять власть.

После того как Временное правительство было арестовано, большевики на скорую руку сформировали собственное. Решили обязательно ввести в состав Совета Народных Комиссаров представителя балтийских моряков — главной военной силы, принявшей сторону большевиков.

С Дыбенко связались из Петрограда по прямому проводу:

— Правительство Керенского свергнуто. Ленин избран главой правительства. Состав военной коллегии: Антонов-Овсеенко, Крыленко и ты, Павел. Ты должен немедленно выехать в Петроград.

Дыбенко, не очень понимая, что он с этой минуты становится руководителем Военно-морского флота России, ответил:

— Считаю совершенно неправильно в данный момент отрывать меня от флота. В Петрограде вас много. Когда бу-

дете уверены в успехе и больше от флота не потребуется поддержки, тогда и выеду.

Двадцативосьмилетний Дыбенко оказался самым молодым наркомом в первом советском правительстве. Впрочем, остальные члены коллегии по военным и морским делам были немногим старше. Антонову-Овсеенко было тридцать семь. Крыленко — тридцать два.

Утром 28 октября Павел Ефимович с отрядом моряков прибыл в Петроград. Они понадобились для того, чтобы остановить наступавшие на город войска, верные Керенскому.

Свергнутый глава правительства пытался собрать какие-то силы и начать наступление на Петроград. Солдаты еще толком не поняли, что произошло в столице, но сражаться за Керенского не хотели.

18 ноября 1917 года открылся Первый Всероссийский съезд Военного флота. Съезд избрал Верховную морскую коллегию во главе с Дыбенко. Прямо на съезде присваивались воинские зания. Павла Ефимовича хотели произвести сразу в адмиралы. Он отказался:

— Я начал борьбу в чине подневольного матроса. Вы меня произвели в чин свободного гражданина Советской Республики, который для меня является одним из самых высших чинов. Позвольте в этом чине и продолжать борьбу...

21 ноября Дыбенко утвердили наркомом по морским делам. Его заместителем в наркомате и в морской коллегии, а также комиссаром морского генерального штаба стал Федор Федорович Раскольников, который к моменту революции как раз окончил Отдельные гардемаринские курсы.

Дыбенко в сопровождении вооруженных моряков явился в министерство, где на него смотрели с изумлением, плохо представляя себе корабельного электрика в роли военно-морского министра.

«При вступлении в исполнение обязанностей народного комиссара по морским делам, — писал Дыбенко, — я наткнулся на саботаж со стороны преемников Вердеревского, бывшего морским министром при Керенском, графа Капниста, капитана первого ранга Кукеля и Игнатьева, которые отказывались сдать министерство и в течение часа времени передавали министерство один другому.

Через час времени все трое были мной арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость. Примерно одна треть всего прежнего состава морского министерства отказалась работать, была арестована и вместо них назначены преданные революции моряки».

29 января 1918 года Совнарком издал декрет об организации Рабоче-Крестьянского Красного Флота. Вскоре после этого распустили Центробалт, зато ввели должность главного комиссара Балтийского флота и образовали совет комиссаров Балтфлота, Совкомбалт.

Дыбенко добился принятия документа, о котором давно мечтал, и теперь мог сказать, что он исполнил волю матросов:

«Существовавшие до сих пор названия чинов, подчеркивающие кастовые различия, упраздняются, и все военнослужащие флота именуются «моряк военного флота Российской Республики... Личный состав флота Российской Республики состоит из свободных граждан, пользующихся одинаковыми гражданскими правами...

Все военнослужащие моряки имеют право быть членом любой политической, национальной, религиозной, экономической или профессиональной организации, обществ или союзов. Они имеют право свободно и открыто высказывать и исповедовать устно, письменно или печатно свои политические, религиозные и прочие взгляды».

КАРАУЛ УСТАЛ!

Дыбенко и его коллеге по наркомвоенмору Николаю Ильичу Подвойскому поручили организовать разгон Учредительного собрания, поскольку результаты первых свободных демократических выборов в российский парламент оказались не в пользу большевиков.

Ленинцы получили меньше четверти голосов — сто семьдесят пять мандатов из семисот семи. Большинство населения крестьянской России проголосовало за партию социалистов-революционеров. Эсеры провели в Учредительное собрание четыреста десять депутатов.

4 января 1918 года Подвойский получил от Ленина приказ сформировать Чрезвычайную военную комиссию, ввести в Петрограде военное положение, запретить демонстрации и собрания под страхом применения силы. Прокламации с текстом приказа Подвойского расклеили по всему городу. Это было сделано, чтобы помешать сторонникам Учредительного собрания поддержать новоизбранный парламент.

Разгонять депутатов Подвойскому помог его коллега по наркомату Павел Ефимович Дыбенко, который, кстати, сам

был избран депутатом Учредительного собрания, но не очень дорожил своим мандатом.

По указанию Свердлова Дыбенко вызвал в Петроград несколько тысяч матросов, которым Павел Ефимович туманно объяснил, что ожидаются контрреволюционные выступления и придется спасать город от врагов.

5 января 1918 года депутаты Учредительного собрания пришли в Таврический дворец, окруженный Красной гвардией. Сам дворец заполнили вооруженные матросы и латышские стрелки, верные большевикам. Депутаты, оказавшись в столь враждебном окружении, почувствовали себя неуютно. Но они даже не предполагали, что этот парламент просуществует всего один день...

Ленин и другие видные большевики тоже приехали на открытие первого заседания Учредительного собрания.

Ленин расположился в правительственной ложе. По описанию Владимира Бонч-Бруевича, Ленин «волновался и был мертвенно-бледен, так бледен, как никогда. От этой совершенно белой бледности лица и шеи его голова казалась еще большей, глаза расширились и горели стальным огнем... Он сел, сжал судорожно руки и стал обводить пылающими, сделавшимися громадными глазами всю залу от края и до края ее».

Довольно быстро Ленин убедился, что этот состав парламента большевиков не поддержит, а следовательно, будет только мешать советской власти.

Уезжая вечером, Ленин распорядился выпускать всех, кто пожелает уйти, но никого назад не впускать. В половине третьего ночи дворец покинули и левые эсеры, вступившие в коалицию с большевиками, оказавшуюся недолговечной («Военно-исторический журнал», 2001, № 3).

Охрану Таврического дворца поручили отряду моряков под командованием анархиста Анатолия Викторского (Железняка), презрительно взиравших на депутатов-говорунов. Примерно в четыре часа утра Павел Дыбенко приказал Железняку закрыть собрание.

Избранный председателем Учредительного собрания Виктор Михайлович Чернов в этот момент провозглашал отмену собственности на землю. Чернов был одним из основателей партии социалистов-революционеров (эсеров), которые безусловно ощущали себя победителями после выборов, потому что их поддержала деревня. Они считали своим долгом выполнить главный пункт своей программы — дать крестьянам землю.

Железняк тронул председательствующего за плечо и довольно невежливо сказал:

— Я получил инструкцию довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал.

Ошеломленный Чернов переспросил:

— Какую инструкцию? От кого?

— Я являюсь начальником охраны Таврического дворца, — пояснил Железняк, — имею инструкцию от комиссара.

Чернов попытался урезонить матроса:

— Все члены Учредительного собрания также очень устали, но никакая усталость не может прервать оглашения земельного закона, которого ждет Россия. Учредительное собрание может разойтись лишь в том случае, если будет употреблена сила!

Железняк равнодушно повторил:

— Я прошу покинуть зал заседания.

Через двадцать минут Чернову пришлось закрыть заседание, депутаты разошлись. Вернуться в Таврический дворец они уже не смогут.

Союз защиты Учредительного собрания, несмотря на запрет, все же провел демонстрацию, которая должна была по Литейному проспекту пройти к Марсову полю. Но у Литейного Подвойский расположил красногвардейцев с пулеметами. Они расстреляли и разогнали безоружных сторонников парламентской демократии. В следующий раз свободно избранный парламент соберется в России не скоро...

ПОЗОРНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ И БЫСТРАЯ ОТСТАВКА

28 февраля 1918 года Дыбенко во главе 1-го Северного летучего отряда революционных моряков отправился защищать Нарву от наступавших немцев.

Для обороны демаркационной линии, установленной после заключения Брестского мира, была развернута так называемая завеса, состоявшая из разрозненных отрядов Красной армии. Северный, Западный и Южный участки завесы потом были преобразованы в соответствующие фронты.

Военный руководитель Комитета обороны Петрограда бывший генерал Михаил Бонч-Бруевич сказал Дыбенко:

— Ваши «братишки» не внушают мне доверия. Я против отправки моряков под Нарву.

Но поскольку нарком Дыбенко был о себе высокого мнения, то он проигнорировал мнение какого-то бывшего генерала.

В те дни под Нарвой проявились все дурные качества Дыбенко: авантюризм, импульсивность, самоуверенность. А тут еще балтийцы захватили цистерну со спиртом, что добавило им уверенности в собственных силах. Дыбенко всегда был склонен к неумеренному употреблению горячительных напитков. На поле боя это пристрастие особенно опасно.

В первом же настоящем бою моряки, привыкшие митинговать и наводить страх на мирных жителей Петрограда, понесли большие потери и отступили. А в общем наступлении Дыбенко вообще отказался участвовать, сославшись на то, что ему не помогли артиллерией и не обеспечили фланги (см. книгу Ивана Жигалова «Дыбенко»).

Павел Ефимович не захотел и перейти в подчинение начальника Нарвского участка обороны бывшего генерал-лейтенанта Дмитрия Павловича Парского, который пытался организовать оборону.

«Встревоженный сообщением Парского, — писал потом Михаил Бонч-Бруевич, — я подробно доложил Ленину. По невозмутимому лицу Владимира Ильича трудно было понять, как он относится к этой безобразной истории. Не знаю я и того, какая телеграмма была послана им Дыбенко.

Но на следующий день, всего через сутки после получения телеграфного донесения Парского, Дыбенко прислал мне со станции Ямбург немало позабавившую меня телеграмму:

«Сдал командование его превосходительству генералу Парскому», — телеграфировал он, хотя отмененное титулование это было применено явно в издевку».

Отряд матросов бросил фронт и самовольно ушел в Гатчину. Ленин говорил о «хаосе и панике, заставившей войска добежать до Гатчины». В результате Нарва была потеряна.

Возмущенный Ленин отозвал Дыбенко с фронта.

16 марта он был снят с поста наркома.

Павел Ефимович, зная, что это произойдет, пытался сделать вид, будто его отставка — результат политических разногласий, и заявил, что уходит из правительства в знак протеста против Брестского мира. В его заявлении говорилось:

«Стоя на точке зрения революционной войны, я считаю, что утверждение мирного договора с австрогерманскими империалистами не только не спасает Советскую власть в России, но и задерживает и ослабляет размах революцион-

ного движения мирового пролетариата. Эти соображения заставляют меня, как противника утверждения мира, выйти из Совета Народных Комиссаров, а потому слагаю свои полномочия народного комиссара по морским делам и прошу назначить мне заместителя».

Дыбенко арестовали прямо во время работы съезда Советов по требованию комиссаров нарвских отрядов и его бывшего заместителя и друга Федора Раскольникова. Павла Ефимовича обвиняли в том, что он беспробудно пил и в таком состоянии сдал Нарву немцам.

Тескт заявления Павла Ефимовича написала Александра Коллонтай, которая действительно не согласилась с намерением Ленина принять все немецкие условия и подписать мирный договор на любых условиях. На VII съезде партии она произнесла пламенную речь против мира с немцами и сошла с трибуны со словами:

— Да здравствует революционная война!

Зал откликнулся аплодисментами. Но эта речь ей дорого обошлась. Ленин не включил ее в список членов ЦК, и она утратила высокий партийный пост.

После ареста Дыбенко она подала в отставку с поста наркома государственного призрения.

18 марта представитель французской военной миссии в России Жак Садуль встретил Александру Михайловну возле гостиницы «Националь» в Москве, куда на этой неделе переехало советское правительство:

«Остановившись перед тележкой, она покупала какие-то фрукты. За последние два месяца она постарела лет на десять. Государственные заботы или ее замужество с суровым Дыбенко?

Сегодня она мне кажется особенно уставшей и отчаявшейся. Очень волнуясь, она рассказывает, что накануне был арестован ее муж, совершенно беззаконным образом, по чудовищному обвинению, которое грозит ему расстрелом с судом или без суда в самое кратчайшее время. Он содержится в Кремле, куда она собирались отнести ему немного еды.

По ее мнению, настоящие причины ареста ее мужа таковы:

1) это — репрессивная мера Ленина против товарища, который посмел поднять пламя бунта. Это также способ запугать большевистских лидеров, которые вздумают последовать примеру наркома по морским делам и перейти в оппозицию;

2) это верный способ помешать Дыбенко уехать сегодня вечером на Юг, где он должен был принять командование над новыми большевистскими частями.

Возглавив части, Дыбенко мог (по крайней мере, Ленин должен был этого опасаться, потому что хорошо знает активность и недисциплинированность Дыбенко) либо немедленно начать военные действия против немецких сил и разорвать мир, либо выступить на Москву и возглавить движение против большевистского большинства.

Коллонтай убеждена, что следствие, начатое против ее мужа, ничего не даст; с другой стороны, верные Дыбенко матросы направили Ленину и Троцкому ультиматум, извещающий, что, если через сорок восемь часов их дорогой нарком не будет им возвращен, они откроют огонь по Кремлю и начнут репрессии против отдельных лиц. Коллонтай могла бы быть совершенно спокойна, не опасайся она в какой-то степени, что ее мужа могут поспешно казнить в тюрьме».

Матросы действительно явились к Троцкому требовать освобождения Павла Ефимовича. Эту историю описал американский промышленник Арманд Хаммер, который в те годы часто бывал в России, надеясь устроить с большевиками выгодный бизнес, и добавляет, что Ленин нашел остроумный выход.

Несколько сотен моряков, выкрикивая угрозы и проклятия, собрались во дворе здания, где работал Троцкий. Они жаждали его крови. Насмерть перепуганный секретарь вбежал в кабинет Льва Давидовича:

— Моряки хотят вас убить. Пока еще есть время, немедленно бегите через задний ход. Они не слушают часовых и клянутся, что повесят вас на фонарном столбе!

Храбрости Троцкому было не занимать. Он выскочил из-за стола и сбежал вниз по парадной лестнице.

— Вы хотите говорить с Троцким? Я здесь!

И он произнес речь, самым энергичным образом объяснив свою позицию относительно Дыбенко, которого считал дезертиром. Личность Троцкого, его речи обладали такой магической силой, пишет Хаммер, что моряки успокоились и даже устроили ему триумфальный прием...

Дыбенко должен был судить Революционный трибунал при ВЦИК. Обвинителем вызвался быть его недавний коллега из наркомата по военным и морским делам, бывший верховный главнокомандующий Николай Васильевич Крыленко, которого Ленин убрал из армии. Крыленко уже вполне вошел в роль прокурора и относился к Дыбенко как

к особо опасному преступнику, а Коллонтай воспринимал как соучастницу преступления.

Александра Михайловна писала Дыбенко в тюрьму:

«Вся душа моя, сердце, мысли мои, все с тобою и для тебя, мой ненаглядный, мой безгранично любимый. Знай — жить я могу и буду только с тобой, — без тебя жизнь мертва, невыносима... Будь горд и уверен в себе, ты можешь высоко держать голову, никогда клевета не запятнает твоего красивого, чистого, благородного облика...»

Коллонтай ради Дыбенко рискнула всем. Не зря мужчины влюблялись в нее без памяти.

ЖЕНЩИНА, ИЗ-ЗА КОТОРОЙ СТРЕЛЯЛИСЬ

Французский офицер Жак Садуль так описывал свою встречу с Коллонтай в ноябре 1917 года:

«Народный комиссар государственного призрения в элегантном узком платье темного бархата, отделанном по-старомодному, облегающем гармонично сложенное, длинное и гибкое, свободное в движениях тело. Правильное лицо, тонкие черты, волосы воздушные и мягкие, голубые глубокие и спокойные глаза. Очень красивая женщина чуть больше сорока лет.

Думать о красоте министра удивительно, и мне запомнилось это ощущение, которого я еще ни разу не испытывал ни на одной министерской аудиенции...

Умная, образованная, красноречивая, привыкшая к бурному успеху на трибунах народных митингов, Красная дева, которая, кстати, мать семейства, остается очень простой и очень мирской, что ли, женщиной...

Коллонтай не верит в окончательную победу большевиков. Над меньшевиками и большевиками должны в скором времени возобладать умеренные партии. Может быть, удастся создать подлинно демократическую республику? Однако, какую бы судьбу ни уготовило будущее революции, каким бы коротким ни было пребывание у власти русского народа, первое правительство, непосредственно представляющее крестьян и рабочих, разбросает по всему миру семена, которые дадут всходы...

Коллонтай производит сильное впечатление поистине убежденной, честной, искренней женщины...»

Александра Михайловна Коллонтай — первая женщина-министр и первая женщина-посол в истории России — ро-

дилась в дворянской семье. Ее отец — генерал Михаил Алексеевич Домонтович. Крестным отцом будущего наркома стал генерал от инфантерии Михаил Иванович Драгомиров, крупный военачальник и военный теоретик в довоенной России.

Сын генерала Драгомирова Иван, безнадежно влюбленный в очаровательную Шурочку Домонтович, пустил себе пулю в лоб. Это был первый несчастный из длинного ряда мужчин, которые буквально сходили с ума от любви к Александре Михайловне. Причем она покоряла сердца молодых мужчин даже в далеко не юном возрасте.

«Как младшая в семье, — писала Коллонтай в автобиографии, — и притом единственная дочь отца (мать моя была замужем вторично), я была окружена особой заботой всей нашей многочисленной семьи с ее патриархальными нравами».

Александра Михайловна, одаренная сильным характером и весьма целеустремленная, хотела учиться, но ее из дома не отпускали. Тогда она очень рано вышла замуж за своего дальнего родственника военного инженера Владимира Людвиговича Коллонтая, чью фамилию носила до конца жизни. Владимир Коллонтай со временем дослужился до генерала. Он бесконечно любил жену, но Александру Коллонтай тянуло к ярким личностям. Отношения с мужем показались слишком пресными. У нее возник роман на стороне, и через три года они с мужем разошлись. Она ушла, взяв с собой сына.

Александра Михайловна заинтересовалась тяжким положением работниц, думая о том, как можно облегчить их участь, обратилась к марксистской литературе. В 1898 году уехала в Швейцарию и в Цюрихе, наконец, поступила учиться. На следующий год поехала в Англию изучать рабочее движение. После смерти отца в 1902 году ей осталось имение в Черниговской губернии, что позволяло ей жить на широкую ногу.

Она вернулась в Россию, чтобы, во-первых, бороться за равноправие женщин и, во-вторых, за предоставление Финляндии независимости.

В Кровавое воскресенье, 9 января 1905 года, Александра Михайловна участвовала в той самой демонстрации в Петербурге, которую расстреляли. Пролившаяся на ее глазах кровь заставила ее занять более радикальные позиции в социал-демократическом движении. Поэтому после первой русской революции, в 1908 году, ей пришлось уехать из России — ее хотели привлечь к ответственности за призыв к вооруженному восстанию.

В эмиграции у нее был роман с видным немецким социал-демократом Карлом Либкнехтом и с будущим наркомом тру-

да и лидером «рабочей оппозиции» Александром Гавриловичем Шляпниковым.

Во время Первой мировой войны ее арестовали в Германии как российскую гражданку, но немецкие социал-демократы доказали властям, что она враг царского режима, и ее освободили. Она уехала в нейтральную Данию.

В 1917 году она стала первой женщиной, избранной в Петроградский Совет. В правительстве она состояла недолго, но усилиями Коллонтай в декабре 1917-го были приняты два декрета. Один — о гражданском браке, который заменял церковный брак, устанавливал равенство супругов и уравнивал в правах внебрачных детей с законнорожденными. Второй декрет упрощал процедуру развода, который теперь без труда мог получить любой из супругов. Это были прогрессивные и давно назревшие законы.

Александру Михайловну осуждали потом за пропаганду свободных отношений между мужчиной и женщиной. Но ее призыв позволить женщине самой определять свою судьбу был реакцией на прежнее подчиненное положение женщины.

Александра Коллонтай писала в журнале «Рабочий суд» в 1926 году:

«Когда говорят о слишком свободных отношениях, то при этом забывают, что эта молодежь почти совсем не прибегает к проституции. Что, спрашивается, лучше? Мещанин будет видеть в этом явлении «разврат», защитник же нового быта увидит в этом оздоровление отношений».

О ПОЛЬЗЕ ВЗЛОМЩИКА-РЕЦИДИВИСТА

В 1918 году Александра Михайловна добилась, чтобы Дыбенко выпустили под ее поручительство. В газетах появилось сообщение, что они с Павлом Ефимовичем вступили в брак, хотя в реальности они так и не зарегистрировали свои отношения.

Освобожденный из заключения Дыбенко с верными ему матросами уехал из Москвы — махнул в Курск, потом в Пензу. Коллонтай, которая гарантировала, что Дыбенко будет приходить на допросы, оказалась в дурацком положении. Она, в свою очередь, уехала в Петроград.

«Бедная Коллонтай, — писал Жак Садуль, — она безумно влюблена в своего прекрасного Дыбенко и совершает в последнее время одну нелепость за другой... Она отчаянно кинулась в оппозицию...»

Только что назначенный председателем Революционного трибунала Николай Крыленко потребовал арестовать Дыбенко, а заодно и Коллонтай.

Ядовитая Зинаида Гиппиус, известная в те годы писательница, записала в дневнике: «Дыбенко пошел на Крыленко, а Крыленко на Дыбенко, они друг друга арестовывают...»

Члены ЦК требовали судить Дыбенко и Коллонтай как дезертиров. Арманд Хаммер пишет, что Ленин нашел остроумный выход.

«На заседании Центрального Комитета партии, посвященном этому вопросу, Ленин подождал, пока все выскажутся, и затем спокойно сказал:

— Вы правы, товарищи. Это очень серьезное нарушение. Я лично считаю, что расстрел будет для них недостаточным наказанием. Поэтому я предлагаю приговорить их к верности друг другу в течение пяти лет.

Доброта сердца Коллонтай была хорошо известна, да и Дыбенко недаром заслужил репутацию победителя женских сердец. Комитет встретил предложение Ленина взрывом хохота, и на этом инцидент был исчерпан. Но говорили, что Коллонтай так никогда и не простила этого Ленину».

Владимир Ильич не хотел ссориться с человеком, популярным среди матросов. Поэтому из Москвы дали знать, что Дыбенко и Коллонтай ничего не грозит. И Дыбенко приехал на суд, который проходил в Гатчине.

Павел Ефимович не признал себя виновным в сдаче Нарвы. Он уверенно говорил суду:

— Я не боюсь приговора надо мной, я боюсь приговора над Октябрьской революцией, над теми завоеваниями, которые добыты дорогой ценой пролетарской крови... Нельзя допустить сведения личных счетов и устранения должностного лица, несогласного с политикой большинства в правительстве... Нарком должен быть избавлен от сведения счетов с ним путем доносов и наветов. Крыленко пачкает мое имя до суда на митингах и в газетах... Во время революции нет установленных норм. Все мы чего-то нарушали!.. Говорят, я спаивал отряд. А я, как нарком, отказывал в спирте судовым командирам. Мы, матросы, шли умирать в защиту революции, когда в Смольном царила паника и растерянность...»

17 мая 1918 года суд оправдал Дыбенко. В приговоре говорилось: перед ним поставили такие сложные задачи, как «прорыв к Ревелю и Нарве, к решению которых он, не будучи военным специалистом, совершенно не был подготовлен...».

Моряки вынесли его из зала суда на руках. Дыбенко на радостях загулял. К великому огорчению Коллонтай уехал сначала в Москву, потом в Орел, к брату. А позднее пустился в совершенно авантюристическое предприятие: с документами на чужое имя отправился в Крым для нелегальной работы. Это было сделано в надежде заслужить прощение. ЦК еще в апреле исключил его из партии. Впрочем, партбилет ему вскоре вернут, восстановив партийный стаж с 1912 года.

Трудно было найти человека, менее подходящего для подпольной работы. Приметного, шумного Дыбенко, не привыкшего сдерживать себя и не знающего, что такое конспирация, быстро арестовали. Он сидел в тюрьме в Севастополе.

Товарищи вновь не бросили его в беде. Через месяц Совнарком сложным путем договорился об обмене Дыбенко на нескольких пленных немецких офицеров.

Много раз возникал вопрос, почему Ленин так снисходительно относился к выходкам Дыбенко. Наверное, все дело в том, что настоящим преступлением Владимир Ильич считал только выступления против советской власти.

Один из его предреволюционных соратников оставил любопытные записи разговоров с Лениным. Будущий глава советского правительства рассуждал так:

«Партия — не пансион для благородных девиц. Нельзя к оценке партийных работников подходить с узенькой меркой мещанской морали. Иной мерзавец может быть для нас именно тем и полезен, что он мерзавец...»

Когда при Ленине поднимался вопрос о том, что такой-то большевик ведет себя недопустимым образом, он иронически замечал:

— У нас хозяйство большое, а в большом хозяйстве всякая дрянь пригодится...

Снисходителен был Ленин не только к таким «слабостям», как пьянство, разврат, но и к уголовщине. Не только в «идейных» экспроприаторах, но и в обыкновенных уголовных преступниках он видел революционный элемент.

Среди ближайших соратников Ленина эта тенденция принимала порой совсем курьезные формы. Так, Александр Богданов — один из образованнейших писателей-большевиков — говорил:

— Кричат против экспроприаторов, против грабителей, против уголовных... А придет время восстания, и они будут с нами. На баррикаде взломщик-рецидивист будет полезнее Плеханова.

УБИЙСТВО БРАТА

Осенью 1918 года Дыбенко вступил в Красную армию. Так и для него началась Гражданская война. Сначала его сделали военным комиссаром полка, потом командиром батальона.

Антонов-Овсеенко, назначенный командовать войсками юга России, попросил откомандировать Дыбенко в его распоряжение. Антонов-Овсеенко поставил старого друга командовать Особой группой войск, наступавшей на Екатеринослав. В январе 1919 года город взяли.

В феврале Дыбенко был назначен начальником 1-й Заднепровской советской стрелковой дивизии, которую составили бывшие партизанские отряды. Начальником политотдела дивизии стала Александра Коллонтай. Они вновь были вместе.

В подчинении Дыбенко оказались отряды Нестора Ивановича Махно и Николая Александровича Григорьева.

Знаменитый анархист Махно совершил в тот момент один из многих поворотов в своей бурной политической карьере и присоединился к большевикам, нуждавшимся в любых союзниках, пусть самых ненадежных.

Но иметь с Махно дело было трудно и опасно. Как, впрочем, и с бывшим штабс-капитаном Григорьевым, который успел послужить в армиях Центральной рады, гетмана Скоропадского и Симона Петлюры... После поражения петлюровцев Григорьев перешел в Красную армию.

Отряды Григорьева и Махно переформировали в бригады. Григорьева даже вскоре повысили — из командиров 1-й Заднепровской бригады он в апреле 1919-го стал командиром 6-й Украинской сводной стрелковой дивизии.

Писатель Юрий Олеша в дневнике описывал, как войска Григорьева вошли в Одессу:

«Хоть Григорьев и назывался атаманом, поскольку раньше предводительствовал просто некой бандой, он теперь был военачальником красных, организованным, подчинившимся приказам из центра. Он говорил о себе, что он выбил стул из-под Пуанкаре, имея на то основание в том смысле, что уход французских войск из Одессы под натиском его отрядов можно было считать концом интервенции, признание которого привело к смене во Франции министерства.

Самого Григорьева я не видел. Я видел его отряды, отчего у меня осталось впечатление огромных не то бантов, не то лоскутов, прикрепленных к серым папахам, желтых гробов,

в которых несли по Дерибасовской убитых солдат этих отрядов, грузовиков, в которых, сверкая геликонами, стояли и играли военные оркестры, и еще чего-то, что я не совсем понимал, — может быть, света милосердия, которым иногда сияли лица этих солдат».

Но у красных он оставался недолго. 7 мая Григорьев отказался выполнить приказ перебросить дивизию из Елисаветграда в Бессарабию и поднял мятеж против советской власти.

10 мая 1919 года Лев Борисович Каменев, уполномоченный Совета Обороны на Южном фронте, телеграфировал Ленину:

«Дорога на Екатеринослав, Знаменку, Киев отрезана бандами Григорьева. Мои сведения и сообщения из Киева дают картину полного восстания Григорьева...

Григорьев, вчера отложивший свидание со мной в Знаменке, сегодня отказывается разговаривать. Он пытается сноситься с Махно. После личного свидания с Махно и посещения Гуляй-поля полагаю, что Махно не решится сейчас поддерживать Григорьева...

Мобилизация рабочих идет полным ходом. Нет денег, нет оружия. Сейчас выезжаю в Киев с твердым решением привести сюда войско и вооружение».

Под началом Григорьева оказалось двадцать тысяч штыков, пятьдесят орудий и шесть бронепоездов. Он возглавил повстанческое движение на юге Украины под лозунгами «Украина для украинцев», «Вся власть Советам без коммунистов».

Войска Григорьева захватили несколько городов — Кременчуг, Черкассы, Херсон, Николаев. Григорьев был серьезной опасностью, боялись, что к нему начнут переходить другие части Красной армии.

Но в июне 1919-го командующий Украинским фронтом Антонов-Овсеенко с облегчением докладывал:

«Григорьевщина была экзаменом для нас, и экзамен армией выдержан, несмотря на ужасающие условия, в которых эта армия находится, полубосая, полураздетая, политически невоспитанная и еще далеко не оформленная. Из первой и второй дивизии ни один полк не присоединился к Григорьеву, в пятой к нему пристал только один эскадрон и один батальон, из частей второй армии к Григорьеву перешло всего несколько сот человек...»

Борьба с отрядами Григорьева составляла особую сложность, потому что повстанцы при подходе частей Красной

армии прятали оружие и притворялись мирными крестьянами, а когда красноармейцы уходили, опять брались за оружие.

Троцкий писал Подвойскому и Антонову-Овсеенко 28 мая 1919 года:

«Извлечение оружия из рук населения является сейчас очередной первостепенной задачей на Украине. На основании нашего опыта представляется возможным подойти к задаче с разных сторон:

а) объявить июнь месяцем сдачи, сбора винтовок, пулеметов и вообще оружия. Начиная с 1-го июля нахождение непредъявленной винтовки будет караться беспощадно, о чем должно быть везде объявлено;

б) за предъявленную винтовку выдавать крупную денежную премию, также за указание непредъявленной винтовки у другого;

в) нужны особые отряды по сбору винтовок, которые учиняли бы систематические облавы, выяснив предварительно путем агентуры, где григорьевцы скрывают винтовки...»

Каменев ошибся — вскоре красных покинул и Нестор Махно, который тоже не любил никому подчиняться. Григорьев поспешил к нему присоединиться и совершил ошибку. Нестор Иванович в союзниках не нуждался. 27 июля он распорядился убить бывшего штабс-капитана.

Отряды Григорьева были разбиты и частично опять включены в Красную армию.

Троцкий приказал Раковскому, Подвойскому и Антонову-Овсеенко:

«Пленных григорьевцев можно использовать на других фронтах, только проведя их предварительно массами через трибуналы, которые, покарав зачинщиков, рядовую массу могут условно приговорить к расстрелу, дав двухмесячный срок для исправления...»

Рядом с бригадой Махно держала фронт 42-я стрелковая дивизия, которой командовал Федор Ефимович Дыбенко, брат Павла. Федора Дыбенко, бывшего прапорщика, успевшего после революции послужить петлюровцам, взял к себе командующий армиями Украинского фронта Антонов-Овсеенко.

«Упорядоченная работа по инспекции и обучению войск началась лишь после прибытия к нам Федора Дыбенко... Федор Дыбенко отличался громадной энергией, острым умом и твердой дисциплинированностью», — писал Антонов-Овсеенко.

Он всячески поддерживал и покрывал братьев Дыбенко. На Павла Ефимовича потоком шли жалобы, что он окружил себя какими-то темными личностями и выступает с антисоветскими лозунгами. Дыбенко благоволил и Николай Ильич Подвойский, назначенный наркомом по военным и морским делам Советской Украины. Все же они трое — Подвойский, Дыбенко и Антонов-Овсеенко — были в составе первой коллегии наркомвоенмора России.

Но если Павла Ефимовича Дыбенко им удалось уберечь от неприятностей, то Федор Ефимович погиб. Обстоятельства его смерти вызывают споры.

В 1957 году в Киеве в издательстве «Радяньский письменник» вышел сборник воспоминаний «Путь славных» — о борьбе за советскую власть. Автор одного из очерков Л.Л. Федоренко в том числе писал и о Федоре Дыбенко, который именовал себя «анархистом-коммунистом»:

«Редко когда можно было видеть нашего комдива трезвым. Грубиян отчаянный... он знал только один метод наказания — расстрелы, не вдаваясь ни в какие объяснения».

31 марта 1919 года белые кавалеристы конного корпуса генерал-лейтенанта Андрея Григорьевича Шкуро прорвались через участок фронта 374-го полка, входившего в состав 42-й стрелковой дивизии Федора Дыбенко. Когда конница белых оказалась в тылу, полк стал беспорядочно отступать. Командир и комиссар полка бежали вместе со своими бойцами. Белые без боя захватили несколько населенных пунктов.

Полк отошел к станции Дебальцево. Начальник дивизии Дыбенко прибыл туда на бронепоезде «Истребитель» и в гневе приказал расстрелять за отступление каждого одиннадцатого командира и бойца 374-го полка. Но бойцы не позволили ему устроить массовый расстрел и убили его самого.

Расследованием занималась комиссия во главе с Александрой Коллонтай, которой все, кого опрашивали, говорили:

— Собаке собачья смерть.

Расследование закончилось, когда появились сведения о том, что Федор Дыбенко вступил в контакты с Нестором Махно и вообще готовил предательство...

Но за честь Федора Дыбенко вступились другие бывшие красноармейцы его 42-й дивизии (П.Б. Гатченко, Д.И. Пацула, Е.А. Синченко. Правда о Федоре Ефимовиче Дыбенко. «Вопросы истории», 1965, № 3).

В их описании события выглядят иначе.

Начдив Федор Дыбенко, возмущенный отступлением своих бойцов, приказал выстроить 374-й полк и потребовал от бойцов занять прежние позиции.

«Однако красноармейцы и даже некоторые командиры, подстрекаемые контрреволюционными агентами, проникшими в полк под видом бойцов, отказались выполнить приказ.

Федор Ефимович Дыбенко, видя создавшееся положение, начал выявлять зачинщиков беспорядка и разоружать их. Тогда один из белогвардейских агентов закричал:

— Товарищи, у нас отбирают оружие, а нас хотят расстрелять!

Провокация возымела свое гнусное действие, и начдив был предательски убит выстрелом в спину после того, как направился к бронепоезду».

Бывшие подчиненные Федора Дыбенко утверждали, что начдива убили белогвардейские лазутчики. Политработники давно докладывали в политотдел дивизии:

«Получены сведения о ведущейся преступной агитации какими-то темными личностями среди красноармейцев 374-го полка против Советской Красной армии и ее командного состава».

Уже после убийства Дыбенко помощник командира 374-го полка и комиссар полка доложили новому начальнику дивизии:

«Полк вторично отказался выступить согласно оперативному приказу. С командным составом полка, а также и свыше не желают считаться, примите экстренные меры, мы бессильны...»

Едва ли стоит говорить о белогвардейских лазутчиках, погубивших начдива Федора Дыбенко. Поведение солдат его дивизии определялось не только близостью свободолюбивых бойцов-анархистов Нестора Махно, но и общими настроениями в армии. Долгая борьба против дисциплины и порядка воспитали привычку не подчиняться приказам, которые не нравятся.

Бойцы Федора Дыбенко поступили так же, как и годом прежде моряки Павла Дыбенко под Нарвой: захотели — пошли в наступление, столкнулись с сильным врагом — побежали. В обоих случаях они считали себя вправе поступать именно так — власть-то народная, им самим и решать, как себя вести...

Дивизия Павла Дыбенко весной 1919 года вошла в Крым.

Приказом Реввоенсовета Республики он получил орден Красного Знамени:

«В период боев с 25 марта по 10 апреля 1919 года под городами Мариуполь и Севастополь он, умело маневрируя частями вверенной ему дивизии, лично руководил боем, проявил истинную храбрость, мужество и преданность делу революции; своим примером воодушевлял товарищей красноармейцев, способствовал занятию вышеуказанных пунктов и полному уничтожению противника на северо-восточном побережье Черного и Азовского морей».

6 мая 1919 года в освобожденном Крыму было провозглашено создание Крымской Социалистической Советской Республики и образовано Советское Временное Рабоче-Крестьянское правительство. Совнарком разместился в Симферополе. Наркомом здравоохранения и заместителем председателя Совнаркома, чтобы сделать приятное Ленину, назначили его младшего брата — Дмитрия Ильича Ульянова, который с 1914 года жил в Севастополе.

Дмитрий Ульянов писал сестре:

«Передай Володе, что в Евпатории в лучшей санатории у самого берега моря я приготовлю ему помещение, чтобы он хоть две-три недели мог отдохнуть, покупаться и окрепнуть. Там у нас есть все приборы для электро-гидро-механо- и гелиотерапии, и можно полечить ему руку. Тем более, что он никогда не видел нашего Черного моря...»

Павел Дыбенко стал наркомом по военным и морским делам Крымской республики. Его дивизию преобразовали в Крымскую Красную армию, Коллонтай назначили начальником политотдела армии и наркомом пропаганды Крымской республики.

Она поехала вслед за Дыбенко, записав в дневнике; «Я помогу Павлу. Он недисциплинирован, самолюбив и вспыльчив». В реальности она просто хотела побыть вместе с любимым человеком.

Но они с Коллонтай недолго наслаждались жизнью в Крыму.

12 июня 1919 года генерал-майор Добровольческой армии Яков Александрович Слащев со своими войсками высадился в районе Коктебеля, выбил войска Дыбенко из Крыма и легко сверг советскую власть.

Покровитель Дыбенко командующий Украинским фронтом Владимир Александрович Антонов-Овсеенко потерял свою должность, потому что фронт был расформирован. Крымскую дивизию Дыбенко включили в состав 14-й армии под командованием Климента Ефремовича Ворошилова.

А самого Дыбенко вызвали в Киев, где недовольный им Подвойский сказал, что Павел Ефимович командируется в Москву — учиться в Военной академии генерального штаба, которую открыли 8 декабря 1918 года (в 1921-м ее переименовали в Военную академию РККА). Но учиться Дыбенко не хотел. Заставлять не стали. Война продолжалась, и он получил дивизию на Юго-Восточном фронте, участвовал в боях за Царицын.

В январе 1920 года Дыбенко получил второй орден Красного Знамени:

«За то, что во время боев на подступах к г. Царицыну... командуя сводной бригадой, искусным маневром вошел в тыл кавалерийской группы противника, принудив ее поспешно отступить и бросить большое число орудий и прочего боевого имущества...»

В феврале 1920 года он возглавил 1-ю Кавказскую кавалерийскую Дикую дивизию, сражался с деникинскими войсками. В июле командовал 2-й кавалерийской дивизией на Южном фронте. В сентябре вернулся было в академию, но поучиться опять не удалось. В 1921-м его отправили усмирять кронштадтский мятеж.

КРОНШТАДТСКИЙ МЯТЕЖ

Когда началось восстание в морской крепости Кронштадт, советские газеты опубликовали правительственное сообщение «Новый белогвардейский заговор!». В нем говорилось, что происходящее в Кронштадте «несомненно подготовлялось французской контрразведкой». Это была ложь, прикрытие для массовой расправы.

Не стоит думать, что верхушка партии не знала реального положения. Расследованием ситуации в Кронштадте занимался особоуполномоченный при президиуме ВЧК Яков Саулович Агранов, видный чекист, которому очень доверял Ленин.

Агранов составил секретный доклад, в котором, в частности, говорилось:

«Кронштадтское движение возникло стихийным путем и представляло собой неорганизованное восстание матросской и рабочей массы... Следствием не установлено, чтобы возникновению мятежа предшествовала работа какой-либо контрреволюционной организации среди комсостава или работа шпионов Антанты. Весь ход движения говорит против такой возможности...»

Теперь, когда рассекречены и преданы гласности многие документы, становится ясно, что именно тогда произошло.

Еще до начала восстания в Кронштадте начальник 1-го спецотдела ВЧК Владимир Дмитриевич Фельдман по заданию Особого отдела ВЧК составил в начале декабря 1920 года подробный отчет о положении на Балтийском флоте:

«Усталость массы Балтфлота, вызванная интенсивностью политической жизни и экономическими неурядицами, усугубленная необходимостью выкачивания из этой массы наиболее стойкого, закаленного в революционной борьбе элемента, с одной стороны, и разбавление остатков этих элементов новым аморальным, политически отсталым добавлением, а порой и прямо политически неблагонадежным — с другой изменила до некоторой степени в сторону ухудшения политическую физиономию Балтфлота.

Лейтмотивом является жажда отдыха, надежда на демобилизацию в связи с окончанием войны и на улучшение материального и морального состояния...»

Плохое питание («один хлеб и вобла»), невозможность учиться, возвращение к старому в смысле неравенства матросов и командиров, жесткость нового командующего флотом Федора Раскольникова, запретившего отпуска, увольнения на берег и ночевки вне корабля, — все это вызвало раздражение моряков.

«Недовольство масс Балтфлота, — продолжал начальник 1-го спецотдела, — усугубляется еще письмами с родины. Почти все они несут жалобы на тягость жизни и сплошь указывают на несправедливости, вольные или невольные, местных властей.

Считая это явление одной из главных причин недовольства, притом не только в рамках Балтфлота, но и в общеармейском масштабе, необходимо на него обратить самое серьезное внимание. Все — и беспартийные и партийные — в один голос жалуются на удручающие вести с родины: у того последнюю лошадь отняли, у другого старика отца посадили, у третьего весь посев забрали, там последнюю корову увели, тут реквизиционный отряд забрал все носильные вещи и т. д.

Обратиться же за разъяснением, за помощью, в которой чувствовалось бы для товарищей, прибегающих к ней, нечто реальное, а не просто сочувствие, не к кому, да и органа такого нет.

На почве всех этих явлений вытекает и нечто весьма существенное: более сорока процентов членов РКП организации Балтфлота вышли из партии. Одни мотивировали свой

уход религиозными убеждениями, другие усталостью: «надоело», третьи разочарованностью в лучшем будущем, четвертые просто порвали партийный билет...»

Единственное, что исправно функционировало в Кронштадтской крепости, — это Особый отдел ВЧК, то есть военная контрразведка.

«Начальник товарищ Грибов поставил работу его на должную высоту: информационная часть вполне удовлетворяет своему назначению; весь информматериал без предварительной проверки не идет в сводку. Грибов сам моряк, имеет самую тесную связь с комиссарами и массой. Вот пример этой тесной связи с ним.

По штату ему полагалось всего пятьдесят осведомителей, он имеет их до ста пятидесяти, и почти все бесплатные. Как только комиссар «Петропавловска» перехватил письмо, через десять минут он уже был у Грибова. Единственное, что ему не удается, это завербовать осведомителей из комсостава...»

Но обилие осведомителей не помогло предупредить восстание моряков, потому что оно не было враждебной акцией иностранных агентов, как потом пытались представить дело. Кронштадский мятеж стал одним из проявлений массового недовольства политикой советской власти, когда крестьянские восстания вспыхивали по всей стране. Это не обошло армию, мобилизованную из крестьян. Впрочем, массовые волнения прошли тогда и в Москве, и в Петрограде.

Известные военные деятели: начальник Всевобуча и частей особого назначения Подвойский, бывший член Реввоенсовета Республики Мехоношин, командующий войсками Московского военного округа Муралов и чекисты — бывший руководитель Особого отдела ВЧК Кедров, новый начальник Особого отдела Менжинский, заместитель начальника Особого отдела Ягода 13 февраля 1921 года обратились с запиской в ЦК:

«Что касается Красной Армии, то завершившийся первый период гражданской войны и последовавшая демобилизация вызвали крайнее ослабление армии и все более и более понижают ее боеспособность, сводя ее в отдельных случаях к нулю. В таком состоянии Красная Армия не может быть надежным оплотом Советской власти.

Вместе с тем изменившееся положение в республике коренным образом изменяет и самый характер военных задач на ближайшее время (вместо борьбы с белогвардейщиной, организованной в военном отношении, — борьба с кресть-

янскими восстаниями)... В связи с этим обнаруживается несоответствие для этих задач самой системы органов управления Красной Армии».

В те же дни Петроградская губчека сообщала в Москву, что военные недовольны отсутствием продовольствия, обмундирования и медленной демобилизацией:

«Красноармейцы, где только возможно, стараются что-нибудь обменять на хлеб, ходят по квартирам обывателей... В некоторых частях были случаи отказа от нарядов из-за отсутствия обуви».

Масштабы бегства из армии и уклонения от службы показывают ежемесячные сводки Центральной комиссии по борьбе с дезертирством. В январе 1921 года губернские комиссии по борьбе с дезертирством и ревтрибуналы рассмотрели почти тридцать тысяч дел. Восемьдесят один дезертир был приговорен к смертной казни, в тюрьму отправили триста пятьдесят шесть красноармейцев, в концлагерь — двести сорок два, в штрафные части — семь тысяч шестьсот шесть человек... В феврале цифры примерно такие же.

Для ликвидации мятежа Троцкий приказал восстановить 7-ю армию (она была переведена на положение трудовой и называлась Петроградской Революционной армией труда) и назначил ее командующим Михаила Николаевича Тухачевского, подчинив ему все войска Петроградского округа и Балтийский флот.

В действующие части отправили примерно триста делегатов X партийного съезда, имевших военный опыт.

Бывший председатель Центробалта Дыбенко, которого рядовая масса моряков уже не воспринимала как своего, подписал обращение к «старым морякам Кронштадта»:

«Спасайте честь славного революционного имени балтийцев, опозоренного ныне предателями. Спасайте Красный Балтфлот!»

Но эти призывы не возымели действия.

В Ораниенбауме Дыбенко принял под командование сводную дивизию Южной группы войск. Красноармейцы не горели желанием сражаться против кронштадтских матросов.

Политотдел Северного боевого участка докладывал о настроениях в воинских частях:

«Красноармейцы в лице комиссара видят своего врага, посылающего их на смерть... В ночь перед наступлением и во время самого наступления — несколько случаев дезертирства. Дисциплины совершенно не существует, и красно-

армейцы часто отказываются исполнять отдельные мелкие распоряжения, даже в боевой обстановке.

Трусость молодых красноармейцев, отсутствие достаточного питания, недостаток обуви толкают красноармейцев на открытые заявления о неисполнении боевого приказа...»

В Южной группе войск, докладывали работники Особого отдела своему начальству, «561-й полк, отойдя полторы версты на Кронштадт, дальше идти в наступление отказался. Причина неизвестна. Тов. Дыбенко приказал развернуть вторую цепь и стрелять по возвращающимся. Комполка 561 принимает репрессивные меры против своих красноармейцев, дабы дальше заставить идти в наступление».

Командовал войсками Южной группы Александр Игнатьевич Седякин (в 1933-м он станет заместителем начальника штаба РККА, в 1936-м — начальником управления противовоздушной обороны Красной армии, в 1938-м его расстреляют).

С Западного фронта отозвали 27-ю Омскую дивизию, но три полка — 235-й Невельский, 236-й Оршанский и 237-й Минский — наотрез отказались штурмовать Кронштадт.

«В два часа дня сегодня, 14 марта 1921 года, — докладывал малограмотный, но бдительный уполномоченный 1-го Особого отдела, — были выстроены три вышеозначенных полка, и когда прибыл тов. Седякин для смотра и стал с ними здороваться, то из полка на приветствие тов. Дыбенко ответило лишь несколько человек.

В рядах говорили, что тов. Дыбенко хотел сказать речь, но красноармейцы говорили, что довольно, мы наслушались ваших речей. Из всего этого можно заключить, что прибывшие части неблагонадежны».

Непокорные части разоружили. Наиболее активных красноармейцев чекисты арестовали. В 237-м полку расстреляли сорок одного красноармейца, в 235-м — тридцать три.

Такими мерами армию заставили штурмовать Кронштадт.

Общий приказ был такой: «Жестоко расправиться с мятежниками, расстреливать без всякого сожаления, пленными не увлекаться». Будущий маршал Тухачевский приказал: «Не позже завтрашнего дня атаковать линкоры «Петропавловск» и «Севастополь» удушливыми газами и ядовитыми снарядами».

К 18 марта восстание было подавлено.

За подавление мятежа, то есть за расстрел недавних товарищей-моряков, Дыбенко получил второй орден.

В приказе Реввоенсовета от 24 марта 1921-го говорилось: «Награждается орденом Красного Знамени... начальник Свод-

ной стрелковой дивизии тов. Дыбенко за подвиги личной храбрости, самоотверженность и искусное управление частями войск, проявленные при штурме крепости Кронштадт и взятия города Кронштадт».

Он вообще не был обижен наградами. С удовлетворением писал в автобиографии, что помимо трех орденов Красного Знамени получил золотые часы от ВЦИК, серебряные часы от Ленинградского Совета, а также лошадь...

После подавления восстания Павел Ефимович ненадолго стал комендантом Кронштадта и крепости, участвовал в работе следственной группы. Все, кто в момент восстания находился в Кронштадте, прошли через трибунал. В общей сложности расстреляли две тысячи сто три человека, шесть с половиной тысяч бывших солдат и матросов посадили. Еще несколько сот семей выселили из Кронштадта.

ПОПЫТКА САМОУБИЙСТВА

После тяжких трудов Дыбенко получил возможность уехать на юг. В мае 1921 года Штаб РККА назначил его начальником Западного Черноморского побережья, а в июне еще и командиром 51-й Краснознаменной Перекопской дивизии вместо Василия Константиновича Блюхера.

Дыбенко экстерном сдал экзамены и в 1922 году окончил Военную академию РККА. После академии он получил повышение — был назначен командиром и комиссаром 6-го стрелкового корпуса, который располагался в Одессе.

Павел Ефимович зажил на широкую ногу, занял особняк в пригороде Одессы на Большом Фонтане, обставил его мебелью и коврами, устраивал гулянки с боевыми товарищами. Говорил, что он заслужил такую жизнь.

Его отношения с Коллонтай ухудшились. Она недолго заведовала женским отделом ЦК, потом опять переехала к мужу и обнаружила неприятные перемены.

Павел Ефимович никогда не был равнодушен к слабому полу. На сей раз отношения с одной из его пассий, Валентиной Александровной Стефеловской, стали поводом для выяснения отношений, что едва не закончилось трагически.

В дневнике Коллонтай записала:

«Объяснение... происходило в саду. Мое последнее и решительное слово сказано:

— Между нами все кончено. В среду я уеду в Москву. Совсем. Ты можешь делать что хочешь, — мне все равно.

Павел быстро, по-военному, повернулся и поспешил к дому. У меня мелькнуло опасение: зачем он так спешит? Но я медлила. Зачем, зачем я тогда не бросилась за ним? Поднимаясь по лестнице террасы, я услышала выстрел...

Павел лежал на каменном полу, по френчу текла струйка крови. Павел был еще жив. Орден Красного Знамени отклонил пулю, и она прошла мимо сердца».

Некоторые современники полагали, что сама Коллонтай из ревности стреляла в Дыбенко. Но нет никаких оснований подозревать ее в этом. Павел Ефимович долго лечился. Руководство страны и армии сделало вид, что ничего не произошло. Его перевели командовать 5-м стрелковым корпусом в Бобруйск.

В 1923-м они с Валентиной Стефеловской поженились.

Александра Михайловна писала Дыбенко:

«Твой организм уже поддался разъедающему яду алкоголя. Стоит тебе выпить пустяк, и ты теряешь умственное равновесие. Ты стал весь желтый, глаза ненормальные».

Понимая, что ей нужно вырваться из этой жизни, Коллонтай обратилась за помощью к Сталину (см. книгу Аркадия Ваксберга «Валькирия революции»). Ленин, Зиновьев и Троцкий ее не любили. А только что ставший генеральным секретарем Сталин охотно обзаводился сторонниками. Коллонтай была еще очень популярна.

Александра Михайловна записала в дневник:

«Я написала Сталину все, как было. Про наше моральное расхождение с Павлом, про личное горе и решение порвать с Дыбенко. Написала, что меня не удовлетворяет работа в международном Женском секретариате и что мне будет трудно работать в ИККИ с Зиновьевым... Я прошу партию отправить меня на другую работу».

Сталин благожелательно отнесся к просьбе Коллонтай и сохранил это отношение до конца ее жизни.

В мае 1923 года Коллонтай отправили полпредом в Норвегию. Она попросила Сталина позволить Дыбенко навестить ее. Разрешение было дано. Павел Ефимович приехал в Норвегию. Они вновь были близки. Но больше уже никогда не жили вместе. Коллонтай занимала одну дипломатическую должность за другой. Дыбенко делал военную карьеру. В последний раз они виделись в мае 1937 года в Хельсинки.

В апреле 1924-го Дыбенко вступил в командование 10-м стрелковым корпусом. 8 мая 1925-го получил повышение. Его перевели в Москву и утвердили начальником Артиллерийского управления РККА. Но его военные позна-

ния оставляли желать лучшего, а руководство артиллерийским делом требовало специальных знаний, поэтому 16 ноября 1926-го его перевели начальником Управления снабжения РККА.

Чиновничья должность мало привлекала Дыбенко. Он жаждал самостоятельности и добился своего — в октябре 1928 года вступил в командование войсками Средне-Азиатского военного округа, штаб которого располагался в Ташкенте. Там еще сражались с остатками басмачей, с контрабандистами.

Валентина не поехала вслед за мужем, предпочитала жить в Москве и сына к отцу не отпустила. Дыбенко, который продолжал писать Коллонтай, жаловался: «Мадам стала совсем невыносимой. Так мало отрадного в личной жизни».

В Ташкенте на стадионе он познакомился с Зинаидой Ерутиной, которая хорошо бегала на короткие дистанции. Они стали жить вместе. Но семьи не получилось. Они прожили всего два года и расстались. Она оставила ему мальчика, которого назвали Тауром — по названию колодца в степи Янга-Таур, где Дыбенко едва не погиб.

С 12 декабря 1930 года и до 6 июня 1931-го Дыбенко с другими командирами Красной армии находился в Германии, изучая опыт рейхсвера.

В декабре 1933 года он принял Приволжский округ и обосновался в Самаре (в 1935-м переименована в Куйбышев) с сыном Тауром, но без жены. Здесь Павел Ефимович познакомился с Зинаидой Викторовной Карповой, двадцатисемилетней учительницей, которая ушла к Дыбенко от мужа. Это был третий, последний и счастливый, брак Павла Ефимовича.

У нее был сын от первого брака Лева, которого Павел Ефимович воспитывал как своего. Таура стали звать Володей, и Зинаида Викторовна стала ему матерью.

СНАЧАЛА СУДЬЯ, ПОТОМ ОБВИНЯЕМЫЙ

22 ноября 1935 года, когда вводились новые воинские звания, президиум ВЦИК утвердил Дыбенко в воинском звании командарма 2-го ранга (генерал-полковника).

Любопытные воспоминания о Дыбенко оставил полковник И. Гостев, который в 1934—1938 годах был старшим инструктором политотдела Приволжского военного округа («Военно-исторический журнал», 1965, № 10):

Владимир Антонов-Овсеенко 25 октября 1917 года взял Зимний дворец

Антонов-Овсеенко, командующий войсками на Украине, в 1919 году

Николай Крыленко, первый советский главком

Николай Подвойский, первый советский руководитель военного ведомства

Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. В центре: Николай Подвойский и будущие члены Реввоенсовета Республики Владимир Невский и Константин Мехоношин. Стоит второй слева — Михаил Кедров, один из первых руководителей особого отдела ВЧК

Супруги-революционеры: молодой Подвойский и его жена Нина Дидрикиль

Николай Подвойский и его жена на склоне жизни: им удалось выжить

Александра Коллонтай, женщина, из-за которой стрелялись, заняла в первом советском правительстве пост наркома государственного призрения

Павел Дыбенко и Александра Коллонтай
в гостях у семейства Дыбенко

Павел Дыбенко, военно-морской министр большевиков

Генерал-лейтенант царской армии Николай Потапов возглавил генеральный штаб после Октябрьской революции

Владимир Бонч-Бруевич был первым управляющим делами Совнаркома и близким к Ленину человеком...

...а его брат генерал Михаил Бонч-Бруевич в 1918-м возглавил Высший военный совет

Матрос-электротехник Балтийского флота Николай Маркин был самым преданным помощником Троцкого

Иоаким Вацетис, главнокомандующий вооруженными силами Советской республики, стал жертвой чекистов

Ленин и Троцкий среди делегатов X съезда партии, подавивших восстание в Кронштадте

Сергей Каменев, слушатель Академии генерального штаба царской армии и будущий главком

Сергей Каменев благополучно дожил до старости и был объявлен «врагом народа» после смерти

Начальник Штаба Красной армии Павел Лебедев (слева) и главком Сергей Каменев

Феликс Дзержинский с товарищами по ВЧК, которая обеспечила жесткий контроль над армией

Феликс Дзержинский, Юлиан Мархлевский и Феликс Кон должны были возглавить правительство народной Польши в 1920 году, но Красная армия потерпела поражение под Варшавой

Председатель Реввоенсовета Республики Троцкий с бойцами Красной армии

Президиум Петроградского Совета рабочих депутатов в 1905 году. Слева Лев Троцкий, рядом с ним Георгий Хрусталев-Носарь, первый председатель Совета

Ленин и Троцкий на Красной площади 7 ноября 1919 года

Ленин выступает в Москве 5 мая 1920 года. Троцкий на ступеньках трибуны ждет своей очереди

Троцкий любил охоту и уважал генерал-лейтенанта царской армии Александра Самойло, которого сделал председателем Центральной комиссии охоты и рыболовства при Штабе Красной армии

Заместитель председателя Реввоенсовета Республики Эфраим Склянский, Лев Троцкий и главком Сергей Каменев

Последний раз вместе: Ворошилов, Троцкий, Калинин, Буденный и Фрунзе на трибуне

Начальник Политического управления Реввоенсовета Республики Сергей Гусев вместе с Серго Орджоникидзе и Михаилом Тухачевским, чья военная звезда взошла очень рано

«Был он высокого роста, широкоплечий, красивый, мужественный темный шатен, с густыми усами и черной бородой. Взгляд острый, как говорят, пронзительный».

Полковнику Гостеву командующий округом запомнился отцом-командиром, справедливым и способным понять человека.

«Работники политуправления узнали, что в Оренбургском летном училище некоторые командиры пьянствуют, нарушают воинскую дисциплину, недостойно ведут себя... Фамилию особенно скомпрометировавшего себя летчика я уже забыл, но хорошо помню, что мы представили материал командующему на увольнение этого летчика из армии.

Мы думали, что командующий согласится с нашими выводами, наложит резолюцию и летчик будет уволен. Но П.Е. Дыбенко решил познакомиться с этим неисправимым человеком и вызвал его в штаб округа. Когда летчик вошел в кабинет командующего и увидел устремленный на него суровый взгляд, он растерялся, видимо ожидая, что командующий начнет его разносить. А получилось все иначе.

— Успокойтесь, не волнуйтесь и давайте с вами поговорим откровенно, — не повышая голоса, сказал ему Павел Ефимович. — Расскажите начистоту, что довело вас до такого состояния? Почему вы, хороший, исполнительный, дисциплинированный летчик, гордость училища, стали таким?

Летчик был совершенно обескуражен. Чтобы он пришел в себя, Павел Ефимович приказал принести чаю. За чаем командарм рассказал молодому человеку, в каких переплетах и передрягах приходилось бывать ему, но он не падал духом, а брал себя в руки.

— На вас поступил такой материал, — по-человечески сказал ему командующий, — что вас надо увольнять из рядов Красной армии. Но мне кажется, что вы не совсем потерянный человек. Подумайте хорошенько и скажите: сможете ли вы исправиться?

Летчик, волнуясь, рассказал о себе все, не утаивая и того плохого, что привело его на путь пьянства и недисциплинированности. А под конец он заявил:

— Товарищ командарм второго ранга, даю честное слово командира, что стану примерным и хорошим летчиком. Положитесь на меня, и я ваше доверие оправдаю. Вы за меня краснеть не будете. Если оставите служить, большое вам спасибо. До последнего дыхания буду честно выполнять военную присягу.

Пожимая на прощание летчику руку, Павел Ефимович сказал:

— Хорошо, я вам верю. Возвращайтесь в училище и передайте, что я вас оставляю, потому что вы дали слово исправиться и стать примерным командиром.

Через несколько месяцев за отличную службу летчик был представлен к награде».

Но вот заместитель Дыбенко комкор Иван Семенович Кутяков постоянно писал на командующего жалобы в Москву, сообщал, что Дыбенко пьет, груб с подчиненными.

Кутяков тоже был героем Гражданской войны, имел те же три ордена Красного Знамени.

До Первой мировой войны Иван Кутяков был пастухом. В 1916 году его призвали в армию. Он дослужился до унтер-офицера. В апреле 1918-го он сформировал в родной Саратовской губернии красногвардейский отряд и с ним вступил во 2-й Николаевский стрелковый полк, которым командовал Василий Иванович Чапаев. Сначала командовал полком, потом бригадой в 25-й дивизии. Когда Чапаев погиб, сменил его на посту комдива.

После Гражданской Кутяков — в отличие от Дыбенко — захотел учиться, окончил Военную академию РККА, командовал дивизиями и корпусами. В 1931-м окончил курсы командиров-единоначальников при Военно-политической академии имени Н.Г. Толмачева.

В декабре 1935-го Кутякова прислали служить вместе с Дыбенко. Но они, оба вспыльчивые по характеру, постоянно ссорились. В конце концов Дыбенко обратился к наркому Ворошилову: «С комкором Кутяковым ни одного дня совместно работать не буду». Просил одного из них перевести в другой округ.

От Кутякова его избавили. Но не так, как ожидал Павел Ефимович. 15 мая 1937 года заместитель командующего округом был арестован — это уже началась большая чистка армии по делу Тухачевского.

Кутякова не любили ни Сталин, ни Ворошилов. Иван Кутяков позволил себе усомниться в боевых успехах Первой конной армии и мудрости советского командования в войне с Польшей в 1920 году. Такого рода сомнения Сталин, причастный к поражению на Польском фронте, воспринимал крайне болезненно.

2 июня 1937 года, выступая на расширенном заседании военного совета при наркоме обороны, вождь рассказал, что

Кутяков написал книгу «Киевские канны» и еще обратился к Сталину с жалобой: почему не печатают?

— Я очень занят, — рассказал Сталин, — спросил военных. Говорят, дрянная. Клима спросил — дрянная штука. Прочитал все-таки. Действительно дрянная штука (в зале смех). Воспевает чрезвычайно польское командование, чернит чрезмерно наше общее командование. И я вижу, что весь прицел в брошюре состоит в том, чтобы разоблачить Первую конную армию, которая там решала дело тогда. Цель брошюры — развенчать Конную армию. А я знаю, что без нее ни один серьезный вопрос не решался на Юго-Западном фронте...

Поскольку вождь уже вынес вердикт, следствие по делу Кутякова было скорым. 15 мая 1937 его арестовали, 28 июля приговорили к расстрелу и в тот же день привели приговор в исполнение.

Но Дыбенко не успел порадоваться тому, что его избавили от непокорного заместителя.

11 мая 1937 года Дыбенко внезапно сняли с должности и назначили членом Военного совета Сибирского военного округа. Павел Ефимович не понимал, за что он наказан, ведь ему никаких претензий не предъявляли. Он не знал, что этот приказ был частью большой комбинации.

На его место в Приволжский военный округ перевели маршала Тухачевского, которого, едва он приехал в Куйбышев, сразу же арестовали. Это была сталинская мера предосторожности. Он предпочитал перед арестом сорвать военачальника с прежнего места службы, отправить подальше от друзей и товарищей. Вождь боялся, что кто-то из военных вздумает сопротивляться да еще поднимет войска...

Дыбенко не пришлось ехать в Сибирь. В конце мая 1937 года его назначили командующим войсками более крупного Ленинградского военного округа. Его принял Сталин, который поручил Дыбенко миссию особой важности.

Павел Ефимович был включен в состав Специального судебного присутствия, которое решало судьбу Тухачевского и его соратников. Дыбенко своим авторитетом должен был подкрепить смертный приговор выдающимся военным.

Тухачевский и Дыбенко не любили друг друга. Маршал не уважал людей, которые не желают учиться и живут старыми представлениями о военном деле. Павел Ефимович считал Тухачевского и его единомышленников высокомерными выскочками и не без удовольствия вынес смертный приговор людям, которые еще недавно смотрели на него свысока.

Дыбенко суждено было руководить Ленинградским округом всего полгода. Причем у него почти сразу начались неприятности. В сентябре 1937 года на окружных маневрах выброска парашютного десанта закончилась трагедией — погибли четыре красноармейца. Ворошилов отстранил Дыбенко от должности. Комиссия признала виновными командира 3-й авиадесантной бригады и командующего военно-воздушными силами округа, их отдали под трибунал. Дыбенко получил строгий выговор с предупреждением.

В ноябре 1937 года на заседании Высшего военного совета при наркоме обороны Дыбенко доложил, что командный и начальствующий состав Ленинградского военного округа очищен органами НКВД. При этом, правда, выяснилось, что теперь дивизиями командуют майоры, танковыми и механизированными бригадами — капитаны.

Бывший нарком уже и сам был на очереди.

Причины для увольнения Дыбенко подыскали пустячные: встречу с американскими представителями — в присутствии сотрудников наркомата иностранных дел — в те годы, когда Дыбенко командовал Средне-Азиатским военным округом. Ну и, разумеется, служебная командировка в Германию была удобным поводом для обвинения в шпионаже в пользу немцев.

21 и 22 января 1938 года в ЦК рассматривали дела маршала Егорова, маршала Буденного и командарма Дыбенко. На них в ЦК были подобраны доносы и показания арестованных.

Счастливчик Буденный отделался легким испугом и остался на своей должности. Дыбенко для начала освободили от должности, как и маршала Егорова.

28 января 1938 года Сталин и Молотов подписали постановление ЦК и Совнаркома:

«СНК СССР и ЦК ВКП(б) считают установленным, что

а) т. Дыбенко имел подозрительные связи с некоторыми американцами, которые оказались разведчиками, и недопустимо для честного советского гражданина использовал эти связи для получения пособия живущей в Америке своей сестре.

б) СНК СССР и ЦК ВКП(б) считают также заслуживающим серьезного внимания опубликованное в заграничной прессе сообщение о том, что т. Дыбенко является немецким агентом. Хотя это сообщение опубликовано во враждебной белогвардейской прессе, тем не менее нельзя пройти мимо этого, так как одно такого же рода сообщение о

бывшей провокаторской работе Шеболдаева при проверке оказалось правильным.

в) т. Дыбенко вместо добросовестного выполнения своих обязанностей по руководству округом систематически пьянствовал, разложился в морально-бытовом отношении, чем давал очень плохой пример подчиненным.

Ввиду всего этого СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Считать невозможным дальнейшее оставление т. Дыбенко на работе в Красной Армии.

2. Снять т. Дыбенко с поста командующего Ленинградским военным округом и отозвать в распоряжение ЦК ВКП(б).

3. Предложить т. Маленкову внести свои предложения о работе т. Дыбенко вне военного ведомства.

4. Настоящее постановление разослать всем членам ЦК ВКП(б) и командующим военными округами».

Конечно, все обвинения против Дыбенко были липовыми. Но думал ли он в тот момент, что столь же нелепыми были обвинения против Тухачевского и других военачальников? А ведь Дыбенко вел себя на процессе очень активно, яростно обличал недавних сослуживцев, нисколько не сомневаясь в том, что подсудимые — враги и немецкие шпионы. Теперь в роли обвиняемого оказался он сам и столкнулся с тем, что никто не желал верить в его невиновность.

Пытаясь спастись и надеясь оправдаться, Дыбенко написал письмо вождю:

«Дорогой тов. Сталин!

Решением Политбюро и Правительства я как бы являюсь врагом нашей родины и партии. Я живой, изолированный в политическом отношении, труп. Но почему, за что?

Разве я знал, что эти американцы, прибывшие в Среднюю Азию с официальным правительственным заданием, с официальными представителями НКИД и ОГПУ, являются специальными разведчиками? На пути до Самарканда я не был ни одной секунды наедине с американцами. Ведь я американским языком не владею.

О провокаторском заявлении Керенского и помещенной в белогвардейской прессе заметке о том, что я якобы являюсь немецким агентом. Так неужели через двадцать лет честной, преданной Родине и партии работы белогвардеец Керенский своим провокаторством мог отомстить мне? Это же ведь просто чудовищно.

Две записки, имеющиеся у тов. Ежова, написанные служащими гостиницы «Националь», содержат известную долю

правды, которая заключается в том, что я иногда, когда приходили знакомые ко мне в гостиницу, позволял вместе с ними выпить. Но никаких пьянок не было.

Я якобы выбирал номера рядом с представителями посольств? Это одна и та же плеяда чудовищных провокаций...

У меня были кулацкие настроения в отношении колхозного строительства. Это чушь...

Я понимаю, что я не буду возвращен в армию, но я прошу, и я на это имею право, дать мне возможность остаток моей жизни отдать целиком и полностью делу строительства социализма в нашей стране, быть до конца преданным солдатом ленинско-сталинской партии и нашей Родины.

Тов. Сталин, я умоляю Вас дорасследовать целый ряд фактов дополнительно и снять с меня позорное пятно, которое я не заслуживаю».

Сталин равнодушно переправил письмо наркому Ворошилову. Участь Дыбенко уже была решена.

19 февраля 1938 года Павла Ефимовича вызвали в Москву.

Его вдова, Зинаида Викторовна, рассказывала много лет спустя, что, когда Дыбенко собирался на вокзал, ему машину не дали и никто из недавних подчиненных или знакомых не пришел провожать. Они приехали вдвоем с женой. Он поставил чемоданчик в купе. С женой вышли в тамбур — постоять последние минуты. Поезд тронулся, она спрыгнула уже на ходу и еще шла по перрону, провожая. Думала, что они больше не увидятся.

Но он вернулся, рассказал, что ему предъявлены серьезные обвинения — в потере революционной бдительности, разглашении военной и государственной тайны, что его уволили из рядов РККА, но назначили заместителем наркома лесной промышленности СССР.

Он немного воспрял духом, надеясь, что худшее позади, поехал в командировку на Урал. Из Свердловска прислал жене телеграмму: «Доехал благополучно. Подробно напишу письмом».

Но в Перми его арестовали и этапировали в Москву. Назначение в наркомат и командировка были все тем же испытанным способом оторвать командарма 2-го ранга от боевых товарищей — на всякий случай.

Следствие шло пять месяцев. Бывшего наркома избивали. Заставили подписать показания о том, что он еще в 1915 году стал агентом царской охранки и выдавал революционных матросов.

В обвинительном заключении говорилось:

«В 1918 году Дыбенко, будучи послан ЦК КП(б)У на подпольную работу в Крым, при аресте его белогвардейцами выдал подпольный большевистский комитет и затем был завербован германскими оккупантами для шпионской работы.

С 1918 года и до момента ареста в 1938 году Дыбенко проводил шпионскую, а затем и пораженческую деятельность по заданию германской разведки...

С 1926 года Дыбенко устанавливает связь с правыми в лице Егорова А.И., бывшего тогда командующим Белорусским военным округом, Левандовским — командующим Кавказской армией и другими и начиная с 1929 года входит в руководство организации правых в РККА, связанной с Рыковым, Бубновым, Томским и другими руководителями правых...»

Поскольку Дыбенко ездил в Германию на маневры рейхсвера, последовало стандартное обвинение:

«По заданию германской разведки и руководства военной организации правых Дыбенко проводил подрывную вредительскую деятельность в боевой подготовке, военном строительстве, укрепрайонах и т. д. Наряду с этим он передавал систематически германской разведке шпионские материалы о Средне-Азиатском, Приволжском и Ленинградском округах, которыми он командовал...»

29 июня 1939 года Военная коллегия Верховного суда рассматривала его дело. Председательствовал неизменный Василий Васильевич Ульрих. Дыбенко задали вопрос, признает ли он себя виновным. В протоколе суда записано, что он признал свою вину...

7 июля его расстреляли.

Жену Дыбенко Зинаиду Викторовну посадили за недонесение о преступных действиях мужа. Она провела восемнадцать лет в карагандинских лагерях. Сыновей отдали в детприемник. Но они выжили. Лев Михайлович Карпов со временем стал полковником авиации, Владимир Павлович Дыбенко окончил Ленинградский транспортный институт, работал инженером.

Повезло одной только невенчаной жене первого наркома по морским делам Александре Михайловне Коллонтай, которая отреклась от всего, что было ей дорого в молодые годы, и от всех, кто ее любил.

Сталин не разрешил ее трогать, и худшие годы она провела далеко от родины в весьма комфортных условиях. Работавшие под посольской крышей чекисты следили за ней, докладывали в Москву о ее поведении. Она пристроила в

Стокгольме своего сына с невесткой, но и это сошло ей с рук.

После трех лет работы в Норвегии Коллонтай в 1926 году отправили полпредом в Мексику, в 1927-м вернули в Норвегию, через три года перевели в Швецию, где она была послом пятнадцать лет, до 1945 года.

Главным в сталинской дипломатии было сознательное самоограничение: каждый должен заниматься тем, что ему поручено, точно и буквально исполнять указания руководства.

В 1933 году после встречи со Сталиным Коллонтай записала в дневник: «В нашей работе не надо быть инициативной. Надо «проводить задания».

17 сентября 1944 года с помощью Коллонтай было подписано перемирие с Финляндией, которая вышла из войны. Это был ее последний дипломатический успех. У нее случился инсульт, после чего последовал паралич левой половины тела и воспаление легких. Но она выкарабкалась. В марте 1945-го, в семьдесят с лишним лет она вернулась в Москву и до конца жизни была советником министерства иностранных дел.

Ей была дарована милость умереть в преклонном возрасте в своей постели. Она скончалась 9 января 1952 года, не дожив двух недель до своего восьмидесятилетия, которое собиралась пышно отметить в особняке министерства иностранных дел на улице Алексея Толстого.

Александра Михайловна Коллонтай пережила своего любимого Павла Ефимовича Дыбенко на четырнадцать лет.

Глава четвертая

СВЯЩЕННИК, КОТОРЫЙ СТАЛ НАРКОМВОЕНМОРОМ

НИКОЛАЙ ИЛЬИЧ ПОДВОЙСКИЙ

Когда Владимир Владимирович Маяковский описывал в знаменитой поэме «Хорошо!» события 25 октября 1917 года, то упомянул и Николая Ильича Подвойского:

До рассвета
осталось
не больше аршина, —
руки
лучей
с востока взмолены.
Товарищ Подвойский
сел в машину,
сказал устало:
«Кончено...
В Смольный».

На самом деле власть досталась большевикам сравнительно легко — не только в Петрограде, где они фактически вообще не встретили вооруженного сопротивления, но и в Москве, где юнкера не захотели сдаваться без боя.

Ночью 25 октября был образован Комитет по военным и морским делам в составе Крыленко, Антонова-Овсеенко и Дыбенко. Подвойский обиделся: почему его забыли? Ведь он столько работал с большевистскими организациями в армии, состоял в Петроградском военно-революционном комитете, готовившем вооруженное восстание в столице, и входил в оперативную тройку, которая 25 октября руководила взятием Зимнего дворца.

Ошибку быстро исправили. Комитет преобразовали в народный комиссариат по военным и морским делам и расширили его состав, включив Подвойского, Мехоношина, Склянского и еще нескольких человек. Николай Ильич,

как наиболее склонный к аппаратной работе, оказался среди них как бы старшим.

Задача народных комиссаров состояла прежде всего в том, чтобы заставить военное ведомство, вооруженные силы в целом принять новую власть и подчиниться большевикам. Вот тут и оказался очень полезен старый друг и родственник Подвойского Михаил Сергеевич Кедров, у которого в военном министерстве оказался свой человек — генерал-лейтенант Николай Михайлович Потапов.

ГЕНЕРАЛ СДАЛ ГЕНШТАБ БЕЗ БОЯ

Потапов, сын вольноотпущенного крепостного крестьянина, окончил 1-й Московский кадетский корпус, артиллерийское училище и Академию генерального штаба. Он служил помощником военного атташе в Австро-Венгрии, двенадцать лет помогал создавать армию Черногории. В разгар войны, в 1915 году, вернулся в Россию и был назначен генерал-квартирмейстером генерального штаба. Во время Февральской революции получил повышение и стал заместителем начальника генштаба.

С Михаилом Сергеевичем Кедровым они подружились задолго до революции и были на «ты». Генерал Потапов и большевик Кедров встречались и сохраняли добрые, товарищеские отношения даже в те времена, когда Михаила Сергеевича разыскивала царская полиция.

Потапов вспоминал потом, как в конце августа 1917 года, провожая кого-то в Москву, случайно встретился с Кедровым на вокзале («Военно-исторический журнал», 1968, № 1). Михаил Сергеевич ошарашил давнего приятеля злой фразой, которая, конечно, не носила личного характера, но сильно встревожила генерала.

— Вскоре мы, большевики, выступим против Керенского, — предупредил его Кедров, — и первое, что мы сделаем, — это вдребезги разобьем ваш генеральный штаб.

— За что же это? — удивился Потапов.

— За то, что ваша контрразведка занимается политическим сыском и после июльского выступления арестовала целый ряд наших товарищей.

— Категорически заявляю, — ответил Потапов, — что наша контрразведка, которая наряду с другими отделами подчинена мне, политическим сыском не занимается и никакого участия в аресте ваших товарищей не принимала.

Вообще она ни в какую политику не вмешивается, а борется исключительно с военным шпионажем.

— Однако же во всех газетах сообщалось, что аресты были произведены именно контрразведкой, — возразил Кедров.

— Совершенно верно. Но в газетах шла речь не о нашей военной контрразведке, а об органе, который под тем же названием создало у себя министерство юстиции. Тот орган действительно занимается политическим сыском.

Главное управление генерального штаба, рассказал раздосадованный Потапов, уже не один раз протестовало против такого злоупотребления названием военного органа. По инициативе генерального штаба было даже направлено специальное письмо за подписью военного министра на имя председателя Совета министров с просьбой отменить неуместно присвоенное сыскному органу военное название.

— Если нужны для подтверждения моих слов документальные доказательства, — предложил генерал, — то я с полной готовностью предоставлю их: приходи ко мне на службу с кем-либо из твоих влиятельных товарищей, и я ознакомлю вас обоих со всей перепиской по этому поводу.

Через день Кедров привел к Потапову Николая Ильича Подвойского. Беседа продолжалась более двух часов. Этот разговор решил судьбу генерала Потапова.

В результате генеральный штаб и пальцем не пошевелил, чтобы спасти Временное правительство и помешать большевикам взять власть. 25 октября 1917 года генеральный штаб и военное министерство вели себя так, словно политические баталии их вовсе не касаются, соблюдали удивительный для военных людей нейтралитет.

После Октябрьской революции сотрудники многих министерств разбежались или саботировали новую власть. «Ярким исключением из этого, — с гордостью писал Потапов, — явилось царское Военное министерство, где работа после Октябрьской революции не прерывалась ни на минуту...»

Военное министерство не руководило боевыми действиями — это была задача Ставки верховного главнокомандования. Министерство занималось обучением и отправкой на фронт подкреплений, обеспечением действующей армии вооружением, боеприпасами, продовольствием, лошадьми и фуражом.

«Гладким переходом к работе с большевиками, — писал Потапов, — царское Военное министерство было в большой степени обязано тому такту, который был проявлен тогдаш-

ним председателем Петроградского военно-революционного комитета, ставшим потом народным комиссаром по военным делам, Николаем Ильичом Подвойским».

27 октября Николай Крыленко приехал в здание военного министерства на Мойку, 67. Отдал свой первый приказ:

«Военно-революционный комитет предписывает всем чинам военного и морского министерства, штаба Петроградского военного округа немедленно приступить к исполнению своих обязанностей».

Военные, уверенные, что большевики не продержатся и нескольких дней, приказ прапорщика Крыленко игнорировали.

В первые дни после революции большевики не пытались непосредственно руководить военным министерством. Народные комиссары, находившиеся в Смольном, хотели наладить сотрудничество с исполняющим обязанности военного министра генералом Маниковским и начальником генерального штаба генералом Марушевским.

Алексей Алексеевич Маниковский во время Первой мировой войны был начальником Главного артиллерийского управления. В марте 1917 года его назначили помощником военного министра. При Керенском, который был военным министром по совместительству, Маниковский фактически управлял министерством.

Причем ни Маниковский, ни Марушевский не желали иметь дело непосредственно с Подвойским, а поддерживали с наркомом отношения через порученца начальника генштаба полковника Одинцова. Они считали, что их задача — руководить армией, а большевиков все равно скоро выгонят из Петрограда.

Маниковский, вспоминает генерал Потапов, разослал во все военные округа циркулярную телеграмму, в которой категорически заявил, что никто не может быть отстранен от должности без его согласия. То есть начальник военного ведомства выступил против принципа выборности командиров. Это был уже прямой вызов правительству большевиков, которые обещали солдатам дать им право самим назначать себе командиров.

Телеграмма Маниковского конечно же не понравилась Подвойскому. Через несколько дней Николай Ильич позвонил Потапову домой (дело было в воскресенье) и выразил желание немедленно переговорить. Генерал предложил побеседовать в его служебном кабинете в генеральном штабе. Уже через десять минут они встретились.

Подвойский без предисловий предложил Потапову вступить в управление военным министерством.

Генерал тактично ответил, что, насколько ему известно, Алексей Алексеевич Маниковский уходить не собирается.

— Нет, — категорически возразил Николай Ильич, — он не останется на этой должности.

Подвойский перешел на другие темы, и Потапов считал, что вопрос остался открытым. Но через несколько дней в пять часов утра ему позвонили домой и сообщили, что Маниковский и Марушевский ночью арестованы и отвезены в Смольный. Накануне их обоих приглашали на беседу, они отказались поехать. Тогда их доставили под конвоем.

Потапов позвонил Подвойскому. Тот, не входя в объяснения, обещал вечером заглянуть к Потапову. Однако Николай Ильич приехал лишь на следующий день около весьми часов вечера в сопровождении Кедрова, Мехоношина и Бориса Васильевича Леграна, будущего полпреда в Армении.

Сообщив, что Следственная комиссия решила задержать Маниковского и Марушевского в Смольном до созыва Учредительного собрания (которое должно было собраться 28 ноября 1917 года, а позднее было перенесено на 5 января 1918-го), Подвойский решительным тоном обратился к Потапову:

— Марушевский и Маниковский больше к своим должностям не вернутся. В управление военным ведомством вступает коллегия под моим председательством. Я предлагаю вам принять на себя управление делами военного министерства на правах помощника руководителя коллегии (по-старому заместителя министра) и быть при коллегии военным консультантом. На тот случай, если вы откажетесь от этого предложения, я заготовил и завтра опубликую приказ о том, чтобы впредь все начальники центральных военных управлений являлись с докладами непосредственно ко мне.

И Николай Ильич вынул из бокового кармана пиджака сложенный лист бумаги.

Потапов попросил сутки — подумать и посоветоваться с сотрудниками военного министерства. Двенадцать управлений высказались за, пять выступили против, пять воздержались. Потапов сообщил Подвойскому, что принимает предложение.

23 ноября 1917 года Совнарком образовал коллегию по управлению военным министерством. В тот же день приказом Подвойского и Кедрова Потапов был назначен началь-

ником генерального штаба вместо арестованного Владимира Владимировича Марушевского.

В газетах за подписью народного комиссара по военным делам Подвойского был напечатан приказ по военному ведомству № 17.

В параграфе первом говорилось, что арестованный по постановлению Совнаркома Маниковский отчисляется от занимаемой должности; второй параграф сообщал, что управление военным ведомством переходит к Подвойскому и к товарищам народного комиссара Мехоношину, Склянскому, Леграну; наконец, третий параграф объявлял, что «при назначенной коллегии на правах помощника управляющего Военным министерством состоит начальник генерального штаба генерал Потапов».

24 ноября генерал Потапов оповестил о своем назначении центральный военный аппарат, а также находившихся за границей военных атташе и представителей, призывая всех к дружной совместной работе.

После этого течение дел в военном министерстве, вспоминал Потапов, приобрело вполне нормальный характер.

Маниковский принял предложение продолжить военную службу и был освобожден из-под ареста. Он служил в Красной армии начальником Главного архивного управления, потом занимался армейским снабжением. Во время служебной командировки в 1920 году его сбросили с поезда, и он погиб.

Марушевского тоже освободили. Он попросил Потапова выхлопотать у Подвойского разрешение для него провести два месяца в санатории в Финляндии, чтобы «оправиться от того сильного нервного потрясения», которое он испытал в связи со своим арестом. Подвойский разрешил. Марушевский не вернулся.

В военном министерстве сократили почти тысячу должностей. Оставшиеся на службе, видимо, стали лояльнее к новой власти, хотя им было крайне трудно привыкнуть к советской системе.

Старший юрисконсульт военного министерства в апреле 1918 года принес Потапову на подпись запрос во ВЦИК с просьбой сообщить, на каком, собственно, основании существует эта организация? Старому юристу трудно было понять, что ВЦИК сам себя назначил высшим органом государственной власти Советской России.

Один из пограничников пожаловался заместителю наркома Склянскому опять же на то, что «какой-то ВЦИК» отме-

нил распоряжение Петроградского окружного штаба о назначении пограничного командира на другую должность.

«Такая грубая невежественность, — пишет Потапов, — привела товарища Склянского в понятное бешенство, и Эфраим Маркович резко разъяснил заявителю, чем является для РСФСР «какой-то» ВЦИК»...

Генерал-лейтенант Потапов возглавлял генштаб с ноября 1917-го по май 1918-го.

После Гражданской войны бывшего генерала Потапова активно использовали в знаменитой операции «Трест», которую проводила советская контрразведка.

В 1924 году Потапова командировали за границу — в Берлин, Варшаву, Париж. Как говорилось в приказе члена Реввоенсовета (и недавнего заместителя председателя ВЧК) Иосифа Станиславовича Уншлихта, «для подбора вышедших после войны французских, немецких, английских, итальянских и польских военных изданий для библиотеки наркома».

В реальности Потапов, выполняя задание чекистов, выдавал себя за активного участника подпольной монархической организации, которая будто бы готовила в стране военный переворот и нуждалась в помощи белой эмиграции и иностранных разведок.

Из всех, кто участвовал в этих играх, генерал Потапов чуть ли не единственный, кто умер своей смертью, — он скончался в феврале 1946 года. Остальных уничтожили. Руководителя операции «Трест» Артура Христиановича Артузова (Фраучи) расстреляли в 1937-м. Его дядю, Михаила Сергеевича Кедрова, старого друга Потапова, — в 1941-м...

СЕМИНАРИСТ СЛАВНО ИГРАЛ НА БАРАБАНЕ

Николай Ильич Подвойский родился 2 февраля 1880 года в селе Чаусы Стародубского уезда Черниговской губернии. Мать — Ольга Акимовна Павловская — происходила из семьи священнослужителя. Отец, Илья Михайлович, был сельским учителем, потом предпочел перейти в священнослужители.

Биограф Подвойского, автор книги о нем в серии «Жизнь замечательных людей» и более поздних публикаций, Николай Степанов считает, что Ильей Михайловичем руководили чисто житейские соображения: большую семью (четверо сыновей и трое дочерей) прокормить на учительскую зарплату трудновато. Священнослужители все же жили лучше.

В частности, юный Николай Подвойский, как сын священника, бесплатно учился в духовном училище Нежина и в Черниговской духовной семинарии.

Одаренный от рождения, с хорошим слухом и голосом, Николай Ильич играл на скрипке, неплохо пел. В семинарском оркестре играл на барабане. Подрабатывал репетиторством, потом устроился помощником регента архиерейского хора мальчиков Троицкого монастыря.

Из семинарии его исключили за связь с социал-демократами и участие в недозволенной деятельности. Более того, его вообще попросили уехать из Чернигова. Подвойский выяснил, что недоучившихся семинаристов принимают в Демидовский юридический лицей в Ярославле, куда и отправился.

Потом мать все-таки добилась разрешения, и он съездил в Чернигов, чтобы сдать семинарские экзамены. Так что, в отличие от недоучившегося семинариста Сталина, Николай Ильич в конце концов прошел полный курс богословия. Но посвятить себя служению Богу он все равно не захотел.

В Ярославле в 1901 году Николай Ильич вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию и стал, как раньше говорили, профессиональным революционером.

Подвойский и здесь тоже организовал «Хор малороссийских студентов» — сначала чтобы заработать, потом, когда начались публичные выступления, часть заработанных денег шла в партийную кассу.

В Ярославле Подвойский познакомился с социал-демократом Михаилом Сергеевичем Кедровым, который со временем возглавит Военный, а затем и Особый отдел ВЧК. Они вместе поселились в пансионе, а их соседом оказался агроном губернского земства Александр Августович Дидрикиль. Он был старше молодых людей, проникся к ним дружескими чувствами, предложил Подвойскому место статистика в земстве, чтобы Николай Ильич мог подработать.

Александр Августович познакомил молодых людей со своими многочисленными и весьма привлекательными сестрами.

Одна из них вышла замуж за швейцарца Фраучи; их сын Артур Фраучи после революции сменит имя и фамилию и превратится в Артура Христиановича Артузова и станет известным чекистом — благодаря своему дяде Михаилу Кедрову, который женился на Ольге Дидрикиль.

А Николай Ильич влюбился в младшую из сестер Нину, блондинку с голубыми глазами. Они пройдут вместе через

всю жизнь. Николая и Нину объединила не только взаимная симпатия, но и политические взгляды и революционные идеи.

Из этой пары Нину Августовну арестовали первой, в 1903 году, и выслали в Нижний Новгород. Но заботливый брат исхлопотал разрешение взять ее на поруки, и она вернулась в Ярославль, где находилась под надзором полиции, что не помешало ей заниматься революционной деятельностью. В полицейских документах Нина Дидрикиль проходила под кличкой Резвая.

В 1904-м и Подвойского и Нину ввели в состав Ярославского комитета РСДРП.

Начальник Ярославского охранного отделения ротмистр В.М. Немчинов, пытаясь избавиться от самых активных бунтовщиков, в разгар первой революции, летом 1905 года, попросил Нину уехать из города. Она осталась и перешла на нелегальное положение, жила у своей сестры Ольги Августовны.

В охранном отделении ярославской полиции сохранилась и характеристика самого Подвойского, написанная осенью 1905 года:

«Подвойский принадлежал к числу членов «Северного комитета РСДРП» и, являясь одним из выдающихся руководителей ярославской организации той же партии, принимал активное участие во всех революционных выступлениях, имевших место в Ярославле в октябре 1905 года.

На устроенном 13 октября 1905 года митинге у Московского вокзала, на коем присутствовало более 1500 забастовавших рабочих, Подвойский произнес речь, в коей призывал рабочих к вооруженному восстанию. Того же числа Подвойский был арестован, но на следующий день освобожден вследствие предъявленного депутацией от митинга, имевшего место 14 октября в здании лицея (на митинге было свыше 3000 человек), требования о немедленном освобождении студента Подвойского.

16 октября в помещении лицея состоялся более многочисленный митинг (свыше 5000 человек)... На этом митинге в числе ораторов выступал также и Николай Подвойский, произнесший революционную речь...»

14 октября 1905 года Подвойского задержала полиция. Социал-демократы провели митинг в его защиту. Трогательно пел его хор. Власти чувствовали себя настолько неуверенно, что через день Николая Ильича выпустили. Но впереди его ждали более серьезные испытания.

19 октября во время демонстрации он был избит участниками контрдемонстрации из числа черносотенцев. Подвойский получил серьезные травмы и нуждался в медицинской помощи. Его пытались укрыть у знакомых, но безуспешно. Арестовали и Николая Ильича и Нину Августовну. Нину приговорили к пятилетней ссылке в Тобольскую губернию. Подвойского — к пятилетней ссылке в Якутию.

Но времена были не худшие. Протесты общественности, возмущенной арестом тяжело раненного человека, привели к желанному результату. В марте 1906 года Подвойскому из гуманных соображений разрешили в сопровождении сестры милосердия выехать за границу на лечение. Причем в роли медсестры его сопровождала Нина, которой сделали паспорт на чужое имя.

Он лечился в Германии, потом они перебрались в Швейцарию, где в Берне зарегистрировали брак. Подвойский изучал немецкий и слушал лекции в местном университете.

В конце 1907 года они вернулись в Россию. Подвойский работал в петербургской организации большевиков, занимался изданием партийной литературы. В апреле 1908 года он вновь был арестован, как и его старый друг Михаил Кедров.

Они оба получили по три года тюрьмы. Отбывая срок, Подвойский читал военную литературу, что ему очень пригодится в будущем, и пытался симулировать нервную болезнь. Это у него не очень получалось, но все равно по состоянию здоровья в июле 1910 года он был выпущен из тюрьмы.

В январе 1911 года Николай Ильич уехал в Баку, но вскоре получил возможность вернуться в столицу. Он участвовал в выпуске большевистских газет, помогал фракции социал-демократов в Государственной Думе. А официально его устроили секретарем больничной кассы Путиловского завода.

В ноябре 1916-го он вновь был арестован. В феврале 1917-го его приговорили к ссылке в Сибирь. Причем перед дальней дорогой его любезно отпустили на три дня домой — собрать вещи. Но поездка за казенный счет в Сибирь отменилась по причине Февральской революции.

Теперь уже Подвойский мог полностью отдаться партийной работе.

31 марта 1917 года была образована Военная комиссия при Петербургском комитете РСДРП, «Военка», — с задачей вести пропагандистскую работу в войсках. Председателем избрали Подвойского. В военной организации большевиков состояли будущий главком Крыленко, будущие члены Реввоен-

совета Республики Владимир Иванович Невский (настоящее имя Феодосий Иванович Кривобоков), химик по профессии, и Константин Алексеевич Мехоношин, служивший в армии рядовым.

Подвойский никогда военной формы не носил, но удивляться его назначению не приходится — военных среди большевиков вообще было немного.

С 16-го по 23 июня 1917 года проходила Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций большевиков. Конференция избрала Всероссийское бюро военных организаций при ЦК, в которое вошли и Подвойский, и его друг Кедров. Михаил Сергеевич окончил медицинский факультет Бернского университета, но успел повоевать в царской армии.

Подвойский принял активное участие в июльских событиях 1917 года в Петрограде, которые Временное правительство расценило как попытку мятежа, и вынужден был скрываться. Военная организация большевиков под страхом уголовного преследования со стороны Временного правительства прекратила свое существование...

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ КРАСНАЯ АРМИЯ

27 ноября 1917 года Подвойский был назначен председателем коллегии Народного комиссариата по военным делам. Крыленко и Антонов-Овсеенко назначались народными комиссарами по военным делам. Заместителями наркомов были назначены Кедров, Мехоношин, Склянский, Легран.

Какие были главные проблемы? Отпустить солдат домой — Кедрова утвердили комиссаром по демобилизации старой армии, а также прекратить выпуск вооружений и боеприпасов.

26 декабря 1917 года Подвойский на заседании Военной организации при ЦК представил план создания трехсоттысячной добровольческой армии, в которую будут принимать не только рабочих, но и крестьян.

15 января Совнарком принял декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной армии на добровольных началах и учредил Всероссийскую коллегию по организации и формированию РККА:

«На указанную коллегию возлагается направление и согласование деятельности местных областных и краевых организаций по формированию, учету вновь формируемых боевых единиц, руководство формированием и обеспечением новой

армии вооружением и снабжением, санитарно-медицинская помощь, финансовое заведование, разработка новых уставов, инструкций и т. д.»

В коллегию вошли Подвойский (председатель), Крыленко, Мехоношин, Валентин Андреевич Трифонов, член Главного штаба Красной гвардии Петрограда (и отец общеизвестного писателя Юрия Трифонова), и Константин Константинович Юренев, которому поручили вести политическую работу в армии.

Подвойский представил на заседании Совнаркома проект декрета о создании новой армии, который после доработки был одобрен:

«Совет Народных Комиссаров постановляет организовать новую армию под названием «Рабоче-Крестьянская Красная армия» на следующих основаниях:

1. Рабоче-Крестьянская Красная армия создается из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся классов.

2. Доступ в ее ряды открыт для всех граждан Российской Республики не моложе 18 лет... Для вступления в ряды Красной армии необходима рекомендация: войсковых комитетов или общественных демократических организаций, стоящих на платформе Советской власти, партийных или профессиональных организаций или, по крайней мере, двух членов этой организации. При вступлении целыми частями требуется круговая порука всех и поименное голосование».

Первоначально предполагалось, что каждый вступающий в Красную армию берет на себя обязательство прослужить не меньше полугода. Никто еще не знал, что предстоит долгая и кровавая Гражданская война.

Вместо прежней военной присяги составили текст торжественного обещания, которое давали красноармейцы:

— Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина Рабочей и Крестьянской армии. Перед лицом трудящихся классов России и всего мира я обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать военное дело и как зеницу ока охранять народное и военное имущество от порчи и расхищения...

Если по злому умыслу отступлю от этого моего торжественнного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона.

В декрете оговаривалась и материальная сторона военной службы:

«1. Воины Рабоче-Крестьянской Красной армии состоят на полном государственном довольствии и, сверх всего, получают 50 рублей в месяц.

2. Нетрудоспособные члены семей солдат Красной армии, находившиеся ранее на их иждивении, обеспечиваются всем необходимым по местным потребительным нормам, согласно постановлений местных органов Советской власти...»

Летом 1918 года одиноким красноармейцам стали платить сто пятьдесят рублей, семейным — на сто рублей больше.

Вопрос о деньгах был важным. Инфляция съедала любую прибавку. Командующий войсками Московского военного округа Николай Иванович Муралов вспоминал, как в начале 1918 года приехал в Петроград просить у наркомвоен Подвойского денег для выплаты жалованья солдатам округа.

Тогда еще бойцам платили пять рублей в месяц. Московский Совет постановил увеличить жалованье до пятидесяти.

Вопрос обсуждался на Совнаркоме. Подвойский поддержал просьбу москвичей, объяснял, что солдатам надо хорошо платить. Наркомат финансов возражал, ссылаясь на недостаток средств в казне. И Совнарком поддержал финансистов, а не военное ведомство. Деньги пока что добывались одним путем.

13 декабря 1917 года народный комиссар по военным делам Подвойский подписал приказ красногвардейскому отряду о занятии одного из банков:

«14 декабря с. г. в 10 час. 15 мин. с отрядом в 125 чел. занять Петроградский местный коммерческий банк, находящийся на Невском проспекте, д. 58.

1. Занять все входы и выходы.

2. Обезоружить охрану в вестибюле, при кассе.

3. Поставить караул у касс, кладовых, в главном операционном зале и обеспечить безопасность ящиков.

4. Расположить караул во всех местах.

5. Вывесить объявление о закрытии банка до завтра, то есть на один день.

6. Вызвать всех директоров, главного кассира и главного артельщика.

7. Потребовать сдачи ключей комиссару по его указанию.

8. Устроить общее собрание служащих с комиссаром.

9. В случае отказа сдать ключи и дела принять меры для отобрания их и не выпускать никого из здания впредь до распоряжения комиссара.

10. Подготовить все необходимое для функционирования банка на другой день.

11. Оставить сильную охрану, внутреннюю и внешнюю; об исполнении донести в штаб — Мойка, 67».

ЧТО МЫ ПРАЗДНУЕМ 23 ФЕВРАЛЯ?

Декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной армии Ленин подписал 28 января 1918 года. Подвойский и предлагал считать этот день праздником Вооруженных сил Советской России. Но днем рождения Красной армии сделали 23 февраля.

В сталинские времена считалось, что в этот день в 1918 году красноармейцы одержали первую победу над наступавшими немецкими войсками под Нарвой и Псковом.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)», который редактировал лично Сталин, написано: «Немецким оккупантам был дан решительный отпор. Их продвижение было приостановлено. День отпора войскам германского империализма — 23 февраля — стал днем рождения молодой Красной армии».

Но «Краткий курс» весьма ненадежный с точки зрения познания исторической истины документ. Даже сам нарком обороны Климент Ворошилов еще в 1933 году в «Правде» выражал сомнение: «Кстати сказать, приурочивание празднества годовщины РККА к 23 февраля носит довольно случайный и трудно объяснимый характер и не совпадает с историческими датами».

Разрозненные отряды красногвардейцев, моряков-балтийцев и остатки старой армии действительно сопротивлялись наступавшим немцам под Псковом и Нарвой, но отстоять оба города не сумели.

23 февраля 1918 года начались бои в нескольких километрах от Пскова. 1-й и 2-й красноармейские полки отступали, мужественно сопротивляясь. Город немцы взяли только 28 февраля. Бои под Нарвой начались 3 марта, на следующий день немцы вошли в город.

А праздником этот день стал потому, что 23 февраля 1919 года был проведен сбор подарков для Красной армии. Вернее, первоначально собирались провести это мероприятие в первую годовщину ленинского декрета о создании РККА, то есть 28 января. Но газета «Правда» оповестила:

«Устройство Дня Красного подарка по всей России перенесено на 23 февраля. В этот день по городам и на фронте

будет организовано празднование годовщины создания Красной Армии, исполнившейся 28 января».

Широко проведенное и описанное во всех газетах мероприятие запомнилось надолго. В дальнейшем этот день и превратился в праздник Рабоче-Крестьянской Красной армии.

После появления декрета о создании Красной армии Подвойский со свойственной ему энергией взялся за организацию добровольческих отрядов, но это было, пожалуй, последнее, что он успел сделать на посту наркома по военным делам.

Положение Советской Республики сильно ухудшилось. Враги советской власти множились на глазах, и все они брались за оружие. В ситуации начинающейся войны Ленин принял решение сменить военное руководство и поручить это дело Троцкому.

Николай Ильич Подвойский, как и Крыленко, лишился своей должности. Впрочем, его отставку оформили как уход по собственной инициативе.

13 марта 1918 года появилось постановление Совнаркома:

«Товарища Подвойского согласно его ходатайству от должности народного комиссара по военным делам освободить».

Он потерял и пост председателя Военной организации при ЦК партии, которая была ликвидирована. 16 марта 1918 года члены «военки» провели прощальное заседание. Военного отдела в партии не было. Все военные полномочия отходили к наркомвоенмору Троцкому, который руководил и политической работой в армии.

Еще 20 октября 1917 года Военно-революционный комитет при Петроградском Совете создал институт военных комиссаров, которые должны были представлять в воинских частях советскую власть, контролировать действия военных специалистов и следить за тем, чтобы они не перебегали к врагу.

Троцкий так и писал в 1918 году: «Комиссары ставятся у нас в первую голову для наблюдения за командным составом. Если командир перебежал, виноват комиссар, и в боевой обстановке он за это отвечает головой».

Но многие военкомы не доверяли бывшим офицерам и стали вмешиваться в чисто военные дела.

8 апреля 1918 года при Высшем военном совете было образовано Всероссийское бюро военных комиссаров. Председателем бюро назначили Константина Константиновича Юренева. Бюро должно было руководить всей политической работой на фронте и в тылу. Профессиональный революцио-

нер Юренев после очередного ареста в 1916 году был мобилизован в армию и отправлен в 26-й запасной пехотный батальон. Но служить будущий член Реввоенсовета Республики не захотел и через полторы недели бежал из казармы. Однако и этот скромный военный опыт сочли полезным, когда в сентябре 1917 года поручили Юреневу формировать в Петрограде отряды Красной гвардии и даже сделали начальником главного штаба. После Гражданской войны Юренева перевели на дипломатическую работу: полпред в Бухаре, Латвии, Чехословакии, Италии, Персии, Австрии, Японии, Германии. В 1937-м Сталин приказал его расстрелять...

Николая Подвойского оставили членом коллегии наркомата по военным и морским делам и в порядке компенсации 19 марта включили в состав Высшего военного совета, который возглавил Троцкий. Высший военный совет существовал до 2 сентября, когда образовали Революционный военный совет Республики, в котором Подвойский состоял до лета 1919 года.

ГЛАВНЫЙ ВОЕННЫЙ ИНСПЕКТОР

Без работы Подвойского не оставили. Специально ради него 24 апреля 1918 года Троцкий подписал приказ об образовании Высшей военной инспекции. Это было достаточно самостоятельное учреждение, чья задача состояла в том, чтобы следить за созданием военных комиссариатов по всей стране и контролировать призыв в армию. Инспекции поручили заниматься формированием новых частей и обучением новобранцев.

Председателем инспекции назначили Подвойского, его заместителем — Константина Алексеевича Мехоношина.

Мехоношина в декабре 1915 года призвали в царскую армию рядовым. После Февральской революции он был членом Всероссийского бюро военных организаций и членом президиума солдатской секции Петроградского Совета.

В ноябре 1917-го его утвердили заместителем «народного комиссара по военным делам по общему управлению Военным министерством». Но в наркомате его скоро заменил Склянский. А Мехоношин работал в Высшей военной инспекции, воевал на Южном, Каспийско-Кавказском и Западном фронтах. Его жена, Вера Леонидовна Павлова, начальник политотдела 11-й армии, весной 1919-го умерла в Астрахани от тифа.

В инспекции у Подвойского работали царский офицер Борис Михайлович Шапошников, будущий маршал и начальник генштаба, и Генрих Григорьевич Ягода, будущий генеральный комиссар государственной безопасности и нарком внутренних дел.

Подвойский сразу двинулся по стране. В приказе наркомата о его первой командировке значилось:

«Член коллегии Народного комиссариата по военным делам и член Высшего военного совета тов. Н.И. Подвойский командируется для производства инспектирования во всех местностях Российской Советской Федеративной Республики всех воинских частей и органов управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии — для выяснения постановки дела организации, формирования, всеобщего обучения, боевой подготовки, всех видов снабжения, а также степени соответствия руководящих органов управления и должностных лиц армии в выполнении ими возложенных на них задач.

Тов. Н.И. Подвойскому предоставляется право самостоятельного разрешения всех вопросов, связанных с инспектированием армии, и издания относящихся сюда приказов и постановлений за своею личною подписью».

Если это было необходимо, Подвойский без колебаний пользовался данными ему широкими правами.

Первую остановку главный военный инспектор совершил в Курске, где власть была в руках анархистов, разогнавших местный Совет. Познакомившись с обстановкой, Николай Ильич издал суровый приказ:

«За неподчинение Советской власти, за антисемитизм, пьянство, ночные налеты приказываю у отряда военных моряков отобрать оружие и военное имущество, принадлежащее РСФСР, и предать всех суду революционного трибунала».

Объезжая Россию, Подвойский распространял воззвания. Одно из них, написанное 29 июля 1918 года в городе Борисоглебске, сохранилось. Подвойский подписывался так: «Народный комиссар по военным делам, член Высшего военного совета». Вот текст воззвания:

«Руководимые наймитами немцев, генералами Красновым и Дудаковым, банды казаков восстали против русских рабочих, крестьян и трудовых казаков.

Цель Краснова — посадить царя и вернуть помещикам землю. В местностях, куда приходят эти банды, царят произвол, насилие, грабежи и убийства. Никому, особенно иногороднему населению, не дается казаками пощады. Сжигаются дома

и села, отнимается хлеб, все мужское население мобилизуется и сгоняется на фронт, на верную гибель.

Население тех мест, куда приближаются банды разбойников, бежит в панике. Волна беженцев расстраивает железные дороги и уничтожает запасы продовольствия. Все это, безусловно, отразится на вас, граждане Борисоглебска и Борисоглебского уезда, и принесет вам непоправимый ущерб.

Крестьяне! Казаки отнимут у вас тот урожай, который вы сейчас собираете.

Все должны стать, как один, на защиту Республики!

Все под ружье!

Не отдавайте бандам Краснова урожая!

Не теряя ни минуты, обучайтесь военному делу с утра до ночи!

Напряжение всех сил даст нам победу.

Товарищи саперы, кавалеристы, пулеметчики, артиллеристы, все бывшие унтер-офицерские чины, идите охотниками и помогите Республике создать и обучить полки.

Вы сейчас особенно нужны для обороны.

Придите со своими познаниями на помощь власти рабочих и крестьян.

Да здравствует Социалистическая Республика!»

Подвойский, находившийся на Южном фронте, оказался вовлеченным в царицынский конфликт, который положил начало вражде между Троцким и Сталиным. Первоначально Николай Ильич уверял, что это он рекомендовал бывшего генерала Павла Павловича Сытина на должность командующего фронтом, и очень хвалил его за распорядительность. Но после общения с находившимся в Царицыне Сталиным, который убирал бывших офицеров со всех постов и не хотел подчиняться Троцкому и Реввоенсовету Республики, изменил свою точку зрения и, вернувшись в Москву, написал на имя Троцкого свои соображения по поводу конфликта.

Подвойский рекомендовал Троцкому:

«1) должно отозвать от командования Сытина, 2) в отступление от принятой Реввоенсоветом Республики инструкции потребовать выставления реввоенсоветом Южфронта кандидата на должность командующего на условиях подчинения первого всем решениям коллегии, предоставив, таким образом, командование армиями Южного фронта самому Реввоенсовету в лице тт. Сталина, Минина и Ворошилова и возложив на весь Реввоенсовет всю тяжесть ответственности за операции на этом фронте».

Подвойский перешел в лагерь Сталина, что впоследствии спасло ему жизнь, но окончательно поссорился с Троцким.

Председатель Реввоенсовета и без того недолюбливал своего предшественника, считая его неумелым организатором, склонным к гигантомании.

Троцкий писал о Подвойском:

«Лицом к лицу с любой практической задачей он органически стремится вырваться за рамки ее, расширить план, вовлечь всех и все, дать максимум там, где достаточно и минимума. На гиперболичности плана можно без труда найти отпечаток его духа».

Подвойский постоянно пытался увеличить подведомственный ему аппарат в центре и на местах, что раздражало Троцкого — в условиях войны люди нужны были на фронте, а не в тыловых комиссариатах и комиссиях.

Троцкий не доверял и информации о ходе призыва, поступавшей от Подвойского, который отвечал за мобилизацию. В его докладах Красная армия росла не по дням, а по часам, в то время как штабные работники располагали куда меньшими цифрами.

Подвойский постоянно жаловался на Троцкого:

«За последнее время к Высшей военной инспекции обнаружилось самое непозволительное отношение со стороны председателя Реввоенсовета, его заместителя и Реввоенсовета в целом, а вслед за сим такое же отношение позволяют себе выражать и руководители некоторых центральных учреждений».

Пытаясь выйти из подчинения Троцкого и мечтая о полной самостоятельности, Подвойский задумал вывести Высшую военную инспекцию из состава Реввоенсовета и превратить ее в общегосударственный контрольный орган, который подчинялся бы только ВЦИК. Это поставило бы Подвойского на один уровень с Троцким.

Для начала Николай Ильич провел инспекцию наркомата путей сообщения и наркомата продовольствия по вопросам снабжения Красной армии, что весьма не понравилось другим наркомам и удивило Троцкого со Свердловым.

Подвойский направил Ленину «Записку о превращении ВВИ в Верховную Инспекцию при Совете Рабоче-Крестьянской Обороны».

Но Ленина эта идея не вдохновила, да и Подвойского он не видел в столь ответственной роли. Наркомат государственного контроля будет создан, но во главе встанет не Подвойский, а сам Сталин.

Видя маневры излишне активного Подвойского, Троцкий решил командировать его подальше от Москвы.

2 января 1919 года председатель Реввоенсовета, который на своем поезде постоянно перемещался по фронтам, прислал Ленину и Свердлову телеграмму:

«Ввиду необходимости обеспечить единство военной организации члены украинского правительства ходатайствуют о назначении тов. Подвойского украинским комиссаром по военным делам. Прошу в этом смысле решения ЦК партии...»

Ленин и Свердлов согласились. Причем самого Николая Ильича никто заранее не поставил в известность.

30 января на заседании Совнаркома удивленный и обиженный Подвойский написал записку Ленину:

«Владимир Ильич!

Я сегодня прочитал в «Правде», «всем, всем, всем...» объявляется, что некий Подвойский вместе с неким Межлауком назначены наркомвоен Украины. По нескромности предполагаю, что радио имеет в виду меня. Может быть, Вы удовлетворите мое естественное любопытство?»

Ленин ответил крайне холодно:

«Видимо, Вас, я знаю только, что Вас просили. Справьтесь у Свердлова».

Неудовлетворенный ответом Подвойский написал новую записку:

«Я знаю тоже, что просили меня — и Пятаков, и Раковский. Но я сказал обоим, что я член Коммунистической партии и мною распоряжается ЦК. Но мне неизвестно постановление ЦК о командировании меня на Украину. Вы полагаете, что я должен ехать на Украину? Если да, то на короткое время или для длительной работы? Может быть, Вы разрешите переговорить мне не только с т. Свердловым, но и с Вами, и в положительном случае, — когда могу с Вами переговорить?»

Ленин встречаться с Подвойским не пожелал и ответил демонстративно коротко:

«Со мной бесполезно, ибо я не знаю.

Свердлов даст справку, было (решение) или еще нет».

БОЛЬШОЙ АППАРАТ

Яков Михайлович Свердлов, который и председательствовал во ВЦИК, и руководил секретариатом ЦК партии, без проволочек оформил назначение.

30 января 1919 года Подвойский был назначен народным комиссаром по военным и морским делам Украинской Советской Социалистической Республики.

10 февраля Николай Ильич специальным поездом выехал на Украину. Причем он прихватил с собой двести (!) работников, чтобы сформировать аппарат республиканского наркомата. Появление такого количества варягов, разумеется, вызвало нескрываемое раздражение руководящего состава украинских коммунистов, справедливо полагавших, что в местных делах они разбираются не хуже москвичей.

Его заместителем в республиканском наркомате стал Валерий Иванович Межлаук.

Подвойский, охваченный административным пылом, сразу потребовал дополнительных полномочий. Но в украинской верхушке и так шла непрекращающаяся борьба за власть. Раздраженный Яков Свердлов ответил Подвойскому телеграммой:

«Полномочия Ваши заранее определены украинским правительством назначением Вас военком. Особых полномочий не требуется. Раковскому дана мною телеграмма о создании условий, благоприятствующих Вашей работе».

Христиан Георгиевич Раковский был в те годы председателем Совнаркома Украины.

Главная задача Подвойского состояла в том, чтобы провести мобилизацию и пополнить части Южного и Украинского фронтов. Южный фронт противостоял Деникину.

Подвойский формировал аппарат наркомата, создавал сеть военкоматов, занимался призывом. Он обещал сформировать армию за пять дней. Но мобилизация продвигалась плохо, люди не шли в армию, когда их сгоняли на мобилизационные пункты — сбегали.

Он сообщал в Москву, что формирование идет полным ходом, а готовых частей не было. Распоряжения помочь Южному фронту не выполнялись. Даже Антонов-Овсеенко жаловался, что нарком Подвойский создал «гигантский аппарат», но работа шла из рук вон плохо.

17 мая 1919 года Троцкий из Харькова телеграфировал в Москву о тяжелом положении на Украинском фронте и предложил ликвидировать фронт и отстранить Подвойского от руководящей деятельности. Ленин сразу согласился.

21 мая он телеграфировал Троцкому:

«По сообщению из Украины, многие безобразия там производятся деятельностью Подвойского. Рузер, Ломов и другие утверждают, что девять десятых безобразий проис-

ходит от его распоряжений, вмешательства во всякие дела, потворства захватам, незаконным конфискациям, распущенности и т. д.

Если сообщения эти хоть сколько-нибудь соответствуют действительности, в чем я почти не сомневаюсь, то настаивайте со всей энергией на немедленном удалении Подвойского и его сотрудников».

28 мая пленум ЦК партии большевиков принял постановление: «Каждую минуту промедления военной помощи Южфронту со стороны Украины считать преступлением, за которое несут полную ответственность Антонов-Овсеенко и Подвойский».

Существование отдельных вооруженных сил Советской Украины было данью политической необходимости: показать, что российские большевики признают самостоятельность Украины. Но в разгар Гражданской войны эта разобщенность была вредной.

Троцкий предложил ввести «единое командование над армиями как России, так и дружественных социалистических республик». ЦК его поддержал.

1 июня 1919 года ВЦИК принял постановление «Об объединении военных сил советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии».

Республиканские военные формирования были влиты в состав единой Красной армии, территория республик рассматривалась как обычные военные округа. Республиканские органы военного управления, в том числе украинский наркомат по военным и морским делам, подлежали расформированию.

Адольф Иоффе, назначенный членом Совета Обороны и наркомом госконтроля Украины, писал 30 июня 1919 года Троцкому и Ленину:

«ЦК постановил, что в военном (и других) отношении Украина подчиняется России. Это значит, что в дальнейшем положен предел прожектерству Подвойского и преступно легкомысленному устремлению Укрправительства на Галицию и Румынию и что впредь украинский наркомвоен делает только то, что ему предписывает Москва. Это я приветствую. Но если округа непосредственно подчиняются фронтам, а наркомвоен все же остается, то получается неразбериха. Кто проводит мобилизацию? Кто формирует тыловые части, которые пора, наконец, формировать? Кому, наконец, должны мы, политики, содействовать, ибо фронт от нас требует одного, а наркомвоен другого?

Нужно либо уничтожить наркомвоен, назвавши просто для декорума одного из окрвоенкомов наркомвоен, или же нужно, чтобы фронты и Реввоенсовет Республики давали свои приказы наркомвоен, который за проведение их ответственен и относительно которого мы знаем, что он получил такое-то задание...»

Ленин хотел вообще убрать Подвойского. Троцкий не был так кровожаден, тем более что за Николая Ильича вступился авторитетный член ЦК Адольф Иоффе.

Недовольный заступничеством Ленин телеграфировал Иоффе:

«Я считаю преступлением с вашей стороны, что вы уговорили Троцкого оставить Подвойского. Ни одно обещание не исполняется...»

Вопрос о судьбе Подвойского и о сохранении украинского наркомата по военным и морским делам рассматривался в августе 1919-го на заседании политбюро и оргбюро. Запросили и мнение Сталина.

Тот ответил, что «считает присутствие тов. Подвойского ущербом для дела и находит необходимым его пребывание в Москве. Относительно украинского наркомвоена — ничего не имеет против его сохранения, но только с тем, чтобы роль его была сведена к роли окружвоенкома. Для успокоения тыла — принятие репрессивных жестоких мер».

Подвойского лишили всех высших должностей, в июле 1919-го вывели из состава Реввоенсовета Республики и в конце августа отозвали в Москву.

КАДРОВАЯ АРМИЯ ИЛИ МИЛИЦИЯ?

В сентябре 1919 года Николаю Ильичу подыскали новую работу — назначили начальником Главного управления военными учебными заведениями. Но он не успел этим заняться, потому что в октябре его отправили в Петроград членом РВС спешно формируемой 7-й армии для борьбы с наступавшими войсками Северо-Западной армии генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича.

Юденич прославился в Первую мировую умелым командованием Кавказским фронтом. С января 1919-го он пытался сформировать белые части на территории Финляндии. Адмирал Колчак назначил его главнокомандующим войсками на северо-западе России. Осенью 1919-го он пытался взять Петроград.

Но 7-я армия красных под командованием бывшего генерал-лейтенанта царской армии Дмитрия Николаевича Надежного 21 октября перешла в наступление и отбросила войска Юденича.

Генерал Надежный в 1918-м вступил в Красную армию, был начальником обороны Финляндского района, военным руководителем Уральского окружного комиссариата, в первой половине 1919-го командовал войсками Северного и Западного округов...

В начале января 1920 года Подвойского командировали на Кавказский фронт членом РВС 10-й армии, которая вела бои с войсками Деникина на Северном Кавказе.

В марте Николай Ильич вернулся в Москву. Ему подыскали новое дело.

Еще 22 апреля 1918 года появился декрет ВЦИК «Об обязательном обучении военному искусству», в соответствии с которым создавалась система военной подготовки боевых резервов Красной армии. В первую очередь военную подготовку должна была пройти молодежь допризывного возраста (пятнадцати — семнадцати лет). Так появился Всевобуч — Главное управление всеобщего военного обучения территориальных войск, оно входило в состав Всероглавштаба.

В ноябре 1919-го оргбюро ЦК приняло решение преобразовать Всевобуч в самостоятельное учреждение. Его и возглавил Подвойский.

Страну разбили на дивизионные, бригадные и полковые округа Всевобуча, а внутри территорию делили на батальонные, ротные и взводные участки. В каждом участке выделялись кадровые военные, которые не только занимались военным обучением населения, но и являлись костяком будущих частей, которые могли быть развернуты в случае мобилизации.

В состав Всевобуча включили и Части особого назначения (ЧОН) — это около ста тысяч человек. Части особого назначения формировали при партийных комитетах на основании постановления ЦК от 17 апреля 1919 года для борьбы с контрреволюцией и несения караульной службы на особо важных объектах. Они же использовались для подавления народных восстаний.

Подвойский был сторонником милиционной системы и на X съезде партии весной 1921 года обосновывал ее полезность.

Николай Ильич считал, что социалистической России нужно не регулярное профессиональное войско, а всена-

родная милиционная армия, которая в мирное время состоит только из кадрового командного состава. Рядовой состав проходит военную подготовку на краткосрочных учебных сборах и подлежит призыву только в случае военных действий. Главное преимущество системы — рабочий не отрывается от созидательного труда, существование большой армии не подрывает экономики страны.

Разрабатывать эту систему Подвойскому помогали герой Первой мировой войны бывший генерал Брусилов, а также старый знакомый бывший генерал Потапов, который руководил Военно-законодательным советом при Реввоенсовете, а потом перешел во Всевобуч.

Лозунг образования всенародной милиции полностью соответствовал марксистской теории. Но большинство военных, прошедших через Гражданскую войну, были категорически против. Они доказывали, что территориальная милиция не получит достаточной военной подготовки, отсутствие боеспособных частей не позволит надежно прикрыть границы, а в случае внезапной войны мобилизация окажется непозволительно долгой.

Профессиональные военные боялись остаться без дела — кем командовать, если солдаты появляются только во время коротких сборов?

Мнение военных возобладало над заветами Маркса и Энгельса. X съезд партии предложение Подвойского отверг.

В постановлении съезда по военному вопросу идея милиционной системы комплектования армии называлась «неправильной и практически опасной для настоящего момента». Красная армия в основе своей должна была остаться регулярной.

Тем не менее предусматривалась возможность формирования некоторых частей и на милиционной основе. Это не понравилось военным. Они нашли аргументы, способные произвести впечатление на руководителей партии и государства.

10 марта 1921 года Михаил Николаевич Тухачевский, будущий маршал, а тогда командующий 7-й армией, брошенной на подавление кронштадтского мятежа, обратился к Ленину с личным и секретным письмом:

«Глубокоуважаемый Владимир Ильич!

Я не могу не беспокоить Вас кое-какими соображениями относительно нашей вооруженной силы, имея в виду разрешение этого вопроса на X съезде.

Вопрос о милиционной системе пугает меня не только теоретически, но главным образом практически со всеми его последствиями.

Я лично считаю, что только коммунистическое общество позволит впервые после социалистической революции провести милиционную систему, оставляя вовсе в стороне вопрос о том, будет или не будет существовать «коммунистическое общество в капиталистическом окружении».

И конечно, на фактическое проведение милиционной системы никто у нас, кроме тов. Подвойского, не согласился бы, и потому, казалось бы, и беспокоиться не о чем.

Но в том-то и вся беда, что приходится беспокоиться и волноваться.

Уступая милиционному параграфу программы, многие, например тов. Смилга, отрицая проведение милиции, допускают и предлагают проведение ее в некоторых рабочих районах наряду с существованием Красной Армии.

Оставляя в стороне всю организационную непоследовательность и ненастойчивость такого решения, мне особенно странно и смешно слушать такие предложения сейчас, при выполнении моей пренеприятной задачи в Петрограде.

Если бы дело сводилось к одному восстанию матросов, то оно было бы проще, но ведь осложняется оно хуже всего тем, что рабочие в Петрограде определенно не надежны. В Кронштадте рабочие присоединились к морякам. На Западном фронте я также видел неважное настроение рабочих... Выборы большого числа меньшевиков в Смольненский городской Совет, забастовка в Клинцах и проч.

С таким настроением рабочих придется считаться во все время непоборенной разрухи и тяжелых усилий по хозяйственному строительству.

И если провести милицию в рабочем районе, даже в таком, как Петроградский, то никто не может гарантировать, что в тяжелую минуту рабочая милиция не выступит против Советской власти. По крайней мере, сейчас я не могу взять из Петрограда бригады курсантов, так как иначе город с плохо настроенными рабочими было бы некому сдерживать.

Что касается подавления восстаний, то здесь, конечно, для нашей Красной Армии громадная разница, бить ли матросов и кулаков или же рабочих.

А если бы рабочая милиция где-нибудь восстала против Советской власти? Вот потому меня и беспокоят эти фантазерства об экспериментах милиционной системы. Эти опы-

ты никому не нужны, и их предлагают лишь из раболепства перед «милиционным параграфом».

Мне лично смешно, когда «милиционщики» рассчитывают на соответствие своей системы с экономическим мирным строительством. Но такого строительства не будет. Мы все время будем строить в военной обстановке. Из этого положения мы должны исходить. И для того, чтобы обеспечить социалистическое строительство в столь военное время, надо задаться небольшой армией, наиболее боеспособной, и мне кажется, что нам никакого дела нет до того, какая армия выгоднее в мирное время, так как такого времени у нас не будет.

Я очень извиняюсь за длинное изложение, но слишком меня волнуют все эти прожекты и эксперименты. Лучше держаться от этого греха подальше.

Эти эксперименты могут при случае поставить нашу Красную Армию против рабочей милиции, и тогда возможны всякие неустойки Красной Армии и всяческие последствия.

Еще раз извиняюсь за беспокойство.

С коммунистическим приветом

Тухачевский».

Ленин, весьма встревоженный восстанием матросов и рабочих Кронштадта, вполне понимал и принимал доводы Тухачевского насчет того, как опасно давать оружие в руки рабочих. Но в отличие от будущего маршала, который верил в собственную армию, Ленин понимал, что в определенной ситуации и кадровые воинские части могут оказаться ненадежными. Можно ли, скажем, посылать Красную армию, сформированную из крестьянских сыновей, на подавление крестьянских восстаний?

Поэтому Ленин хотел иметь в своем распоряжении разные и не зависящие друг от друга силы — регулярную армию, Части особого назначения, войска ВЧК.

Но, учитывая соображения Тухачевского и других военных, милиционные части договорились создавать лишь в крупных промышленных центрах на основе «испытанных в боях кадров полевых частей с очищением их от неустойчивых элементов».

На основе решения ЦК от 24 марта 1921 года в состав милиционных частей включили «здоровые элементы территориальных кадров Всевобуча» и Части особого назначения, также подчиненные Подвойскому. В 1924—1925-м ЧОН расформируют, но к тому времени Николая Ильича окончательно устранят из военной сферы.

ЗДОРОВОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТЕЛУ

В роли руководителя Всевобуча Николай Ильич занимался еще и физкультурно-спортивной подготовкой допризывной молодежи. По всей стране строились простейшие спортивные площадки, стали проводиться состязания в разных видах спорта.

По приказу Подвойского не только юноши, но и девушки разделись, чтобы заниматься спортом. Первоначально девушки приходили на занятия в юбках. Подвойский распорядился, чтобы летом на тренировки и состязания юноши приходили в трусах, девушки — в трусах и легких блузах.

«Мне вспоминается лето 1920 года, — писал Подвойский. — На улицах города в тот год появились большие массы загорелой на солнце молодежи, занимавшейся в трусиках на спортплощадках. Я сообщил об этом Владимиру Ильичу, он сказал: «В народе нарождается правильное, более естественное, здоровое отношение к человеческому телу».

В августе 1920 года при Главном управлении всеобщего военного обучения создали Высший совет физической культуры. Председателем совета стал Подвойский.

22 июня 1921 года был создан Красный спортивный интернационал — объединение рабоче-крестьянских организаций физического воспитания. Председателем тоже избрали Подвойского. Спортинтерн объединял революционные спортивные организации разных стран. Николай Ильич первоначально возражал против состязаний с «буржуазными» спортсменами, но все же решили, что спорт выше политики и состязаться надо со всеми.

Полевой штаб Всевобуча находился на Воробьевых горах в большой даче, которая до революции принадлежала яхт-клубу. Это у Подвойского возникла идея превратить Воробьевы горы в спортивный центр Москвы. Причем спорт для него ассоциировался не с изнурительными состязаниями профессионалов, а с массовыми физкультурными праздниками, носящими театрализованный характер.

Подвойский нашел единомышленника в лице выдающегося режиссера Всеволода Эмильевича Мейерхольда, который искал новые формы театрального искусства, созвучные революционной эпохе.

Весной 1923 года Всеволод Эмильевич Мейерхольд поставил спектакль «Земля дыбом». Спектакль был о Гражданской войне. Когда на экране зажглась надпись — «Спектакль по-

свящается народному военному комиссару Льву Давидовичу Троцкому», то зал встал и зааплодировал.

Троцкий тоже пришел в театр с группой высших командиров Красной армии. Мейерхольд пытался соединить искусство с жизнью, поэтому во время спектакля на сцене появлялись броневики, грузовики с красноармейцами. И в какой-то момент увлеченный действием Троцкий встал и прошел на сцену.

Артисты расступились, и председатель Реввоенсовета произнес короткую, но оказавшуюся вполне уместной речь по поводу пятилетия РККА. Потом Троцкий вернулся в свою ложу, а спектакль продолжился, вспоминал присутствовавший на представлении художник Юрий Анненков.

Спектакль, посвященный Троцкому, Мейерхольду припомнят, когда будут закрывать его театр...

Захваченный идеями революции, Мейерхольд принял на себя обязанности руководителя театрального отдела Главполитпросвета и увлекся идеей массовых действ, соединения массового театрального действа с физической культурой.

Подвойский организовывал на Воробьевых горах рабочие гулянья. Играли военные оркестры, устраивались танцы. Вечером жгли костры. Знаменитая танцовщица Айседора Дункан, в которую влюбился Сергей Есенин, помогала Подвойскому ставить массовые спортивные танцы.

«Невольно в памяти встают замечательные зрелища — «массовые действа», которыми отмечались на площадях и стадионах все великие праздники, — писала в своих заметках популярная некогда актриса Рина Зеленая. — Они родились и с огромным энтузиазмом проводились под талантливым руководством Николая Ильича Подвойского».

Он привлек энтузиастов: актеров, режиссеров, спортсменов, любителей и профессионалов, — и в течение нескольких лет эти своеобразные спектакли собирали на Воробьевы (Ленинские) горы, где они проводились обычно, тысячи людей...

«Массовые действа» чем-то были похожи на карнавальные шествия: участникам раздавали простейшие костюмы — бумажные значки, шапки, колпаки, палки, и разыгрывался несложный сюжет, включавший гимнастические и акробатические упражнения, построения и перестроения, фигурную маршировку, эстафеты. Использовались даже какие-то элементы борьбы, различных игр.

«Массовые действа» в дальнейшем оказали определенное влияние на театр. Александр Яковлевич Таиров даже пригла-

сил Николая Ильича Подвойского в художественный совет Камерного театра и писал ему:

«Ваше привлечение в состав совета вызвано тем, что Вы являетесь давнишним и горячим поборником и проводником искусства физкультуры и широких массовых представлений на открытом воздухе».

Потом противники этого начинания куда-то писали, на что-то жаловались, подмечая неизбежные во всем новом промахи и ошибки, началось угасание «массовых действ»...

СТАЛИН ЕГО ПОМИЛОВАЛ

Крайне неуважительно писал о Подвойском Борис Бажанов в своих «Воспоминаниях бывшего секретаря Сталина»:

«В правительственной верхушке имя Подвойского обычно сопровождалось эпитетом «старый дурак». Во время октябрьского переворота он входил в Петроградский военно-революционный комитет, руководивший восстанием. Благодаря этому он считал себя исторической фигурой.

Между тем по его глупости и неспособности выполнять какую-либо полезную работу власти всегда испытывали затруднение — куда его деть. Наконец нашли для него нечто вроде синекуры — начальником Всевобуча. Это было учреждение, занимавшееся военной подготовкой гражданского населения. Подвойский был очень ущемлен и обижен — он претендовал на ответственный руководящий пост.

Когда был создан Спортинтерн, Подвойского поставили во главе и этим несколько удовлетворили его самолюбие».

Вероятно, у сталинского помощника Бориса Бажанова были какие-то причины столь уничижительно изображать Подвойского. В принципе бажановские мемуары не самый надежный источник информации. Впрочем, возможно, он невольно воспроизводил презрительную интонацию, которая звучала в сталинском секретариате. Сам Сталин — в своем кругу, когда ему не надо было притворяться — ни о ком хорошо не отзывался.

В его аппарате Подвойского не любили, как и вообще всех старых большевиков. В глазах Сталина они были виноваты уже хотя бы потому, что так поздно разглядели его таланты...

Что касается понятного желания Подвойского возвеличить свою роль в истории, то больше всего этому способствовали массовые репрессии и тотальное переписывание истории, которое началось после изгнания Троцкого.

Когда имя Льва Давидовича исчезло из истории Красной армии и Гражданской войны, на первый план выдвинулись его противники, оппоненты и просто обиженные им люди.

Подвойский терпеть не мог Троцкого, который давно хотел выставить его из армии, потому что считал неумелым руководителем. В январе 1922 года Николай Ильич написал письмо Сталину как секретарю ЦК:

«Целесообразно ли и в интересах ли партии и военного строительства, чтобы я ушел из военного дела, не участвовал в нашем военном деле, основы которого заложил и в котором специализировался на учебной работе, и притом в период, когда система Всевобуча и милиционной организации Вооруженных Сил становится в основу нашего военного дела, становится краеугольным камнем организации Вооруженных Сил РСФСР и когда дело физической культуры (связанный с нею Спортинтерн), заложенное Всевобучем и руководимое мною с его Высшим и местными Советами физической культуры, пока более всего связано с военным строительством?

Я не могу дать партии больше, чем могу, но я не хочу давать ей меньше, чем могу. Поэтому необходимо устранить все, что мешает мне дать партии столько, сколько я могу, и так, как я могу».

Но Троцкий не хотел оставлять Подвойского в военном ведомстве. В июне 1922 года решением оргбюро ЦК Подвойский получил полуторамесячный отпуск для лечения в Германии. Пока он отсутствовал, Реввоенсовет Республики принял решение включить Всевобуч в состав Штаба РККА.

Подвойский запротестовал, доказывая, что это приведет к разрушению всей системы допризывной подготовки молодежи. Он обратился к главкому Сергею Сергеевичу Каменеву и начальнику Штаба РККА Павлу Павловичу Лебедеву, которые склонны были согласиться с мнением Подвойского.

Но заместитель председателя Реввоенсовета Склянский считал, что передача всей допризывной подготовки молодежи Штабу РККА — разумное решение, позволяющее сконцентрировать всю работу в одних руках и сократить непомерно раздутый в годы Гражданской войны аппарат.

23 ноября 1922 года политбюро (в заседании участвовал и Ленин) поддержало идеи Реввоенсовета. Подвойский потерял работу. Он много раз пытался попасть к Троцкому на прием. Отчаявшись, написал Троцкому подробное письмо, упрекая председателя Реввоенсовета в том, что тот «провел в Политбю-

ро ЦК постановление, которое нельзя не рассматривать как игнорирование всего трехлетнего опыта Всевобуча и тем самым игнорирование меня, руководившего этой работой».

Подвойский писал:

«Разве кем-либо может оспариваться моя компетенция в решении вопросов Всевобуча после совершенной Всевобучем работы?.. Вы, конечно, понимаете, что я добивался свидания с вами и пишу вам это письмо не с тем, чтобы разрешить персональные вопросы...

Как создатель оправдавшей себя системы Всевобуча и как ответственный участник военного строительства еще раз заявляю о своей исключительной заинтересованности в судьбе Всевобуча. Экстренное свидание необходимо не для меня, а для дела».

Но его хлопоты были напрасными. В феврале 1923 года председатель Реввоенсовета Республики назвал работу Всевобуча «неделовой» и заявил, что Подвойский занимается не своим делом.

Поскольку иной должности ему не предложили, Николай Ильич перешел в коллегию Комиссии для собирания и изучения материалов по истории РКП(б) и Октябрьской революции, сокращенно — Истпарт.

Подвойский руководил отделом истории Красной армии и собирал военные мемуары. По его просьбе многие участники Гражданской войны представили в Истпарт свои воспоминания.

Но издать практически ничего не удалось — основные авторы были вскоре уничтожены. И он сам, работая над воспоминаниями, не мог упомянуть людей, уже расстрелянных или сгинувших в лагерях, — даже друга юности, а потом еще и заместителя в наркомате, и родственника Михаила Сергеевича Кедрова, уничтоженного осенью 1941-го.

Одни имена нельзя было упоминать, другие не хотелось. Он считал себя несправедливо отстраненным от руководящей работы в армии. И, записывая воспоминания, конечно же пытался показать ту роль, которую, как он считал, первый военный министр Советской России Николай Ильич Подвойский сыграл в появлении Красной армии.

Его чуть ли не единственного из всего первого состава советской военной верхушки Сталин помиловал, и по мере уничтожения старых революционеров роль Подвойского в революции и Гражданской войне становилась все большей. Он совершил революцию, он создал армию, он под водительством Сталина сокрушал белых...

Подвойский когда-то поддержал Сталина в борьбе против Троцкого и долгое время был предан вождю. Николай Ильич в начале 1925 года принял участие в чистке ленинградской партийной организации, которая была оплотом Григория Евсеевича Зиновьева.

Смерть Ленина лишила Зиновьева поддержки, и Сталин 5 января 1925 года снял его с поста председателя Ленинградского Совета и разогнал весь ленинградский партийный аппарат.

Зиновьев верил в то, что рабочие Ленинграда преданы ему лично, и говорил:

— Нашу крепость не взять.

Он сильно ошибался. Сопротивляться партийной машине было невозможно.

В нарушение устава партии Сталин распустил губком и назначил новый состав во главе с Сергеем Мироновичем Кировым. В Ленинград отправили большую группу членов ЦК и ЦКК, чтобы сменить руководство всех райкомов, которые тоже поддерживали Зиновьева. В северную столицу прибыл и Подвойский, как член ЦКК. Он остановился в гостинице «Астория», куда приглашал ленинградцев, согласившихся выступить против Зиновьева, и их инструктировал.

Сторонники ЦК собирались в помещении кавалерийского училища на Лермонтовском проспекте и под руководством приехавших из Москвы инструкторов очищали райкомы партии и комсомола от зиновьевцев.

Киров писал Орджоникидзе 10 января 1926 года:

«Как и следовало ожидать, встретили здесь не особенно гостеприимно. Особенно потому, что мы сразу пошли по большим заводам и начали опрокидывать коллективы... Через неделю, я думаю, кончим все большие коллективы... Обстановка горячая, приходится очень много работать, а еще больше — драть глотку».

В официальной истории партии борьба с ленинградской партийной организацией изображалась как избавление от зиновьевских чиновников. В реальности это питерские рабочие поддержали своих лидеров. Дольше других не сдавался знаменитый Путиловский завод.

16 января Киров отправил другу новое письмо:

«Дорогой Серго!

Уже почти две недели, как я подвизаюсь в своей новой и очень трудной роли. Дело обстоит так: Выборгский район, Петроградский, Городской, Володарский — сплошь с нами. Осталось несколько маленьких заводов. Московско-

Нарвский — в большинстве наши. Путилов — пока нет. Здесь все приходится брать с боя. И какие бои! Вчера были на Треугольнике, коллектив — 2200 человек. Драка была невероятная. Характер собрания такой, какого я с октябрьских дней не только не видел, но даже не представлял, что может быть такое собрание членов Партии.

Временами в отдельных частях собрания дело доходило до настоящего мордобоя! Говорю, не преувеличивая. Словом, попал я в обстановочку. В других районах перелом большой. На днях удастся в трех районах произвести перевыборы бюро райкомов и избрать наших организаторов.

Словом, кто любит скандалы, пожалуйте сюда. Собрания изводят. Две недели говорим, и все одно и то же...»

В 1928 году Подвойский возглавил комиссию, которая проверяла исполнение решение пленума ЦК «Об улучшении подготовки новых специалистов». Комиссия работала полгода, безотрадные итоги подвел Подвойский на заседании Совнаркома 2 октября 1929 года.

Николай Ильич Подвойский не был таким простым и одномерным человеком, каким его привыкли изображать.

В перестроечные годы был опубликован интереснейший дневник бывшего партийного работника профессора Александра Григорьевича Соловьева.

6 декабря 1930 года в Москве в Доме союзов открылся съезд рабочих-ударников. Открыл его секретарь ВЦСПС, который предложил избрать в почетный президиум членов политбюро во главе с товарищем Сталиным. Такого еще не было, замечает автор записок. На съезде Александр Соловьев встретил Подвойского и по свежим следам записал впечатления от беседы:

«Он работает членом Ревизионной комиссии ЦК. Работой не удовлетворен. Говорит, что нужна живая организационная деятельность, а приходится проверять канцелярию ЦК и бухгалтерские расчеты. Сильно недоволен отношением т. Сталина. Отрицательно высказался и против избрания политбюро в почетный президиум. Говорит, это отрыв политбюро от партии и подмена ее. Такого в партии никогда не бывало. Выходит, верхушка над партией».

25 декабря Соловьев разговаривал с Подвойским на сессии ЦИК СССР. В эти дни страна пышно отмечала пятидесятилетие Сталина:

«В перерыве встретился с Подвойским, возмущается слишком крикливым чествованием. Говорил, что у т. Сталина было такое множество ошибок, что следовало бы го-

ворить скромнее, а не выпячивать себя наравне с Лениным и даже выше».

В октябре 1930-го Александр Соловьев увидел Подвойского на сессии Комакадемии. Подвойский жаловался, что у него нет настоящего дела.

Он постепенно лишился всех должностей. Его больше не избирали членом Центральной контрольной комиссии партии. Он писал письмо руководителям, просил дать ему работу.

Осенью 1930-го Николаю Ильичу предложили возглавить Центральное управление социального страхования. Он согласился, вспомнив, что до революции был на Путиловском заводе секретарем больничной кассы. Но поработать не успел — его перебросили во Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию. Комитет возглавлял академик Глеб Максимилианович Кржижановский. Подвойского взяли членом коллегии и государственным инспектором. Эта работа ему не нравилась.

После заседания Подвойский и Соловьев вышли на улицу, к ним присоединился известный в партии человек — Сергей Иванович Сырцов, снятый с должности председателя Совнаркома РСФСР за несогласие со сталинской линией:

«Против здания Комакадемии рабочие ломают гигантское мраморное сооружение храма Христа Спасителя, — записал в дневнике Соловьев. — Мы подошли посмотреть. Вошли в собор. Там рабочие пытаются осторожно снять васнецовскую стенопись. Но ничего не получается. Сырцов и Подвойский возмущаются уничтожением собора как памятника Отечественной войне 1812 года. Сырцов говорит, что это инициатива т. Сталина и особенно Кагановича».

В феврале 1933 года, вспоминал Соловьев, в фойе Дома союзов, где проходил первый съезд колхозников, был выставлен «написанный художником Герасимовым огромный портрет т. Сталина во весь рост. Он в шинели, с отвернутым от ветра нижним краем полы, уверенно шагает вперед.

Около портрета — Подвойский, Крыленко, Мануильский. Присоединившись, я услышал порицание Подвойского — генсеку надо быть скромнее. Ленин не мог терпеть подобных самореклам. Но Мануильский с обычным юмором возразил: не стоит обращать внимания. С кем не случается подобная человеческая слабость. Величие партии от этого не уменьшится. Потом мы заняли в буфете столик и попросили чаю...».

В конце мая 1935 года было ликвидировано Общество старых большевиков. В Коммунистической академии Соловьев

встретил Николая Подвойского, председателя Всеукраинского ВЦИК Григория Ивановича Петровского и Владимира Ивановича Невского, некогда члена Реввоенсовета Республики, а потом директора Библиотеки имени В.И. Ленина.

«Они возмущаются ликвидацией Общества старых большевиков, — писал в дневник Соловьев. — Петровский считает, что теперь совсем прекратят издание мемуарной литературы. В последнее время стали сильно подправлять и искажать... Подвойский добавил, что это инициатива т. Сталина. Ему надо подправить свою биографию, а старые большевики, хорошо знающие историю партии, мешают. Вот и результат...»

7 ноября 1935 года Соловьев встретил Подвойского на торжественном заседании в Большом театре:

«Над сценой большой транспарант: «Да здравствует великий Сталин — организатор наших побед». Выход за стол президиума членов политбюро, президиумов ЦИК, ВЦИК, Моссовета и бюро МК встречен аплодисментами. Едва показался т. Сталин, устроили бурную овацию стоя. Крики «Да здравствует великий Сталин!», «Да здравствует гений революции Сталин!», «Ура!» и т. д. После доклада еще более бурная овация.

В перерыве перед концертом Подвойский резко стал порицать чрезмерное возвеличивание. Но Николай Вознесенский (будущий член политбюро и первый заместитель главы правительства. — *Авт.*), мы сидели вместе, напустился на Подвойского с решительными возражениями. Назвал его консерватором, не видящим огромных заслуг Сталина в гениальном руководстве соцстроительством.

Неужели не видишь, говорил он, как т. Сталин умеет удивительно прозорливо и своевременно давать боевые партлозунги и мобилизовывать партмассы. Разве не гениально: «Кадры решают все», «Человек — самый ценный капитал»...

Сегодня был на Красной площади, на параде войск и демонстрации. Принимал парад Ворошилов на великолепном коне в новой маршальской форме. На мавзолее вместе с членами политбюро стояли первые пять маршалов: Ворошилов, Буденный, Блюхер, Егоров, Тухачевский.

Войска тоже в новой форме. У всех введены погоны, их не было восемнадцать лет. У низшего комсостава: ефрейторов, сержантов, старшин — опять введены лычки-нашивки, у офицеров золотые погоны: у лейтенантов, майоров, полковников. На первый взгляд как-то странно, отвыкли. Но говорят, пока это только на параде. Будут вводить постепен-

но, по мере изготовления. А пока без погонов, с металлическими знаками различия на воротниках: треугольники, кирпичики, кубики.

Подвойскому тоже не нравится возвращение старой царской формы. Говорит, революция ввела свою оригинальную форму в Красной Армии, одобренную Лениным, и свои звания. Это и надо было увековечить. Незачем занимать у царской армии.

Между прочим, он сообщил интересную новость. Тухачевский как заместитель наркома обороны и начальник генштаба упорно предупреждает об усиленном сколачивании Гитлером блока против нас...»

В мае 1936 года Соловьев побывал на открытии музея Ленина—Сталина, который разместился в здании бывшей городской думы на площади Революции:

«В обширном вестибюле обращает всеобщее внимание огромная групповая скульптура «Ленин и Сталин беседуют на скамейке в Горках». В залах очень много портретов, фотографий, зарисовок, скульптурных изображений Ленина и Сталина, подчеркивающих их великую дружбу и неразрывность во всех событиях с самых ранних лет и до конца...

Подвойский сказал, что нескромное рекламирование т. Сталина мешает правильному впечатлению. Подвойский добавил, что нам, старикам, отлично видно, где фальшь и искажение. А вот молодое поколение будет все принимать за чистую монету и будет неправильно ориентировано по истории партии...»

Даже по дневнику Соловьева видно, что настроение бывшего наркомвоенмора ухудшалось с каждым годом.

4 января 1935 года Подвойского свалил очередной инфаркт. Ему назначили годичный отпуск для лечения. Но медицина оказалась бессильной. В мае 1936-го у него произошел инсульт, отнялась правая рука. Отпуск продлили, потом врачи категорически запретили ему работать, а Николаю Ильичу было всего пятьдесят четыре года. Подвойскому оформили персональную пенсию.

Но пессимизм Николая Ильича определялся не только неприятными событиями его собственной жизни.

6 ноября 1936 года в Большом театре во время торжественного заседания Соловьев опять беседовал с Николаем Ильичом, теперь уже пенсионером.

«Подвойский очень удручен событиями, массовыми арестами, заостренными политическими статьями. Говорит, что много преувеличений, но приходится молчать.

После концерта, около полуночи, он пригласил меня посмотреть невиданную диковину. Мы прошли через площадь Революции на Никольскую улицу. Он провел в старый дом против ГУМа. В небольшой комнате люди толпились у какого-то крошечного аппаратика с экраном вроде спичечной коробки. Кто-то сказал, что показывает Москва. Экраник осветился, появились крошечные фигурки, видимые только по грудь, и стали представлять какие-то сцены. Но это было так крошечно и неясно, что понималось смутно. Говорят, что это какое-то новое, зачатное какое-то телевидение, которое должно показывать на любом расстоянии любую обстановку. Здесь в полночь производятся опыты. Я ничего из этого не понял...»

Подвойский не хотел бездельничать. Если позволяло состояние здоровья, выступал перед работницами ткацкой фабрики «Трехгорная мануфактура», где он состоял на партийном учете.

6 июля 1937 года на собрании пропагандистов в Московском комитете партии Соловьев встретил Подвойского. Только что были приговорены к смерти и расстреляны маршал Тухачевский и его соратники, обвиненные в шпионаже и попытке организовать заговор. В Красной армии полным ходом шла большая чистка. Все эти военачальники выдвинулись на глазах Подвойского. Николай Ильич негодовал:

«Он крайне возмущен расстрелом военачальников. Говорит, всех отлично знает как честных революционеров и не верит в их предательство».

И последняя запись в дневнике Соловьева о разговоре с Подвойским датирована 27 февраля 1939 года:

«Скончалась жена и друг великого Ленина — Н.К. Крупская. У гроба я встретил Подвойского. Пожаловался, поразительно быстро уходят старые ленинские кадры. Обвиняет т. Сталина — не бережет их, наоборот, ускоряет уход, либо причиняя неприятности, как Ульяновой и Крупской, либо путем насильственных массовых репрессий.

Я прервал его, неужели он разуверился в партии. Отвечает, нет, в партии твердо уверен. Она непреклонно идет по ленинскому пути. Но вот генеральный секретарь со своими ближайшими подручными слишком зарывается, действуя под флагом партии. Я прекратил этот опасный разговор».

До последнего времени Николай Ильич собирал в архивах документы, относящиеся к созданию Красной армии и писал воспоминания. Они были опубликованы уже после его смерти.

Несмотря на неважное самочувствие, в 1939 году Подвойский писал Сталину:

«Вследствие серьезной болезни (грудная жаба) значительное время я был оторван от государственной работы. Сейчас я в силах выполнить любые задачи, которые ЦК возложит на меня. Конечно, больше всего тянет меня к делу укрепления обороны, делу коммунистического воспитания кадров Красной Армии».

Ответа он не получил.

Наверное, в эти последние годы жизни он искал утешения в семье. У него было пятеро своих детей и двое приемных. Во время засухи 1921 года Подвойские усыновили двух эвакуированных из Поволжья мальчиков, которые прожили у них несколько лет.

Николай Ильич скончался 28 июля 1948 года. Похоронили его на Новодевичьем кладбище. Нина Августовна, которая работала в Институте Маркса—Энгельса—Ленина, пережила мужа на пять лет — она ушла из жизни в ноябре 1953 года, уже после смерти Сталина.

Глава пятая

СОЗДАТЕЛЬ КРАСНОЙ АРМИИ

ЛЕВ ДАВИДОВИЧ ТРОЦКИЙ

В одно из октябрьских воскресений 1923 года председатель Реввоенсовета Республики, народный комиссар по военным и морским делам, член политбюро Лев Давидович Троцкий поехал на охоту, сильно промочил ноги и простудился.

«Я слег, — писал он в автобиографической книге. — После инфлюэнцы открылась какая-то криптогенная температура. Врачи запретили вставать с постели. Так что я пролежал остаток осени и зиму. Это значит, что я прохворал дискуссию 1923 года против «троцкизма». Можно предвидеть революцию и войну, но нельзя предвидеть последствия осенней охоты на утку».

Болезнь действительно оказалась роковой. На столь печально окончившуюся для него охоту Троцкий отправился в роли второго человека в стране, чья популярность была сравнима с ленинской. Когда он через несколько месяцев выздоровеет, то обнаружит, что превратился в гонимого оппозиционера, лишенного власти и окруженного непримиримыми врагами.

И все это, по мнению Троцкого, произошло оттого, что неизвестная болезнь выбила его из колеи.

Врачи прописали председателю Реввоенсовета постельный режим, и он старательно лечился. Пока партийный аппарат поднимали на борьбу с «троцкизмом», Лев Давидович находился в подмосковном санатории и, занятый своей болезнью, плохо понимал, какие перемены происходят в стране.

Ну что, в самом деле, можно требовать от человека, которого измучила высокая температура, который вынужден ограничивать свое общение кругом кремлевских врачей?

Не трудно, впрочем, заметить разительный контраст между Троцким и Лениным: уже смертельно больной Владимир Ильич, несмотря на строжайшие запреты врачей, пытался уча-

ствовать в политической жизни страны и влиять на нее. Троцкий же, заболев, решительно отдаляется от всех дел, размышляет, вспоминает, пишет. Ленин рвется к делу. Троцкий охотно принимает рекомендации врачей: отдыхать и лечиться.

Большевистские лидеры, компенсируя себе трудности и неудобства былой жизни, быстро освоили преимущества своего нового положения. Они лечились за границей, в основном в Германии, ездили в санатории, уходили в длительный отпуск. И не спорили, когда врачи, тонко чувствовавшие настроения своих высокопоставленных пациентов, предписывали им отдых в комфортных условиях.

Врачи, лечившие Троцкого, так и не могли поставить окончательный диагноз его болезни, но настоятельно посоветовали ему отправиться на южный курорт — до полного выздоровления. 8 января 1924 года в «Правде» появился бюллетень о состоянии здоровья Троцкого, подписанный шестью врачами. Они считали, что ему нужно предоставить отпуск не меньше чем на два месяца и отправить на лечение на Кавказ. Политбюро с удовольствием предоставляет ему отпуск. Глаза бы их его не видели в Москве...

Знаменитый писатель Михаил Афанасьевич Булгаков записал в дневнике:

«8 января. Сегодня в газетах: бюллетень о состоянии здоровья Л.Д. Троцкого.

Начинается словами: «Л.Д. Троцкий 5-го ноября прошлого года болел инфуэнцией...», кончается: «отпуск с полным освобождением от всяких обязанностей, на срок не менее 2-х месяцев». Комментарии к этому историческому бюллетеню излишни.

Итак, 8 января 1924 г. Троцкого выставили. Что будет с Россией, знает один Бог...»

Булгакову все было ясно: Троцкий отстранен от власти. Один Троцкий ничего не понимал и верил в себя. Лев Давидович не стал спорить с медициной и отправился на юг, в солнечную Абхазию. Пока он ехал на юг, скончался Владимир Ильич Ленин.

«Шифрованная телеграмма о смерти Ленина застала нас с женой на вокзале в Тифлисе, — вспоминал потом Троцкий. — Я сейчас же послал в Кремль по прямому проводу шифрованную записку: «Считаю нужным вернуться в Москву. Когда похороны?» Ответ прибыл из Москвы примерно через час: «Похороны состоятся в субботу, не успеете прибыть вовремя. Политбюро считает, что Вам, по состоянию здоровья, необходимо ехать в Сухум. *Сталин*». Требо-

вать отложения похорон ради меня одного я считал невозможным. Только в Сухуме, лежа под одеялами на веранде санатория, я узнал, что похороны были перенесены на воскресенье».

Троцкий был уверен, что Сталин сознательно его обманул: не хотел, чтобы Лев Давидович присутствовал на похоронах. Троцкий с его склонностью к внешним эффектам и ораторским даром у гроба Ленина казался бы очевидным наследником. А в его отсутствие в верности ленинским идеям клялся Сталин.

Но разве Троцкий не должен был сам сообразить, что ему нужно немедленно возвращаться? И не только для того, чтобы участвовать в дележе власти. Смерть Ленина была серьезным потрясением для страны. В такую минуту председатель Реввоенсовета и член политбюро Троцкий не мог не быть в Москве. Если бы он не успевал доехать на поезде, его бы доставили в столицу на аэроплане. Вместо этого он преспокойно отправляется в санаторий.

В Сухуме Лев Давидович лежал целыми днями на балконе лицом к солнцу, смотрел на море и пальмы и вспоминал свои встречи с Лениным, думая о том, какую книгу о революции ему следует написать. А в Москве тем временем формировалось новое руководство, которое твердо решило прежде всего избавиться от опасного соперника — Льва Троцкого.

«Меня не раз спрашивали, спрашивают иногда и сейчас: как вы могли потерять власть?» — так начинает Троцкий одну из глав своих воспоминаний. И раздраженно отвечает: «Чаще всего за этим вопросом скрывается довольно наивное представление об упущении из рук какого-то материального предмета: точно потерять власть это то же, что потерять часы или записную книжку».

Троцкому неприятно было обсуждать эту тему, но он конечно же утратил власть, которой обладал. Он потерял все — положение, репутацию, сторонников, детей, убитых по приказу Сталина, и, наконец, саму жизнь. И причиной тому была, разумеется, не простуда, свалившая с ног председателя Реввоенсовета осенью 1923 года...

В те годы имена Ленина и Троцкого звучали вместе. И враги и друзья называли их вождями революции.

Выдающийся русский философ Николай Бердяев писал: «Бесспорно, Лев Троцкий стоит во всех отношениях многими головами выше других большевиков, если не считать Ленина. Ленин, конечно, крупнее и сильнее, он глава революции, но Троцкий более талантлив и блестящ...»

Троцкий был необыкновенно яркой фигурой. Но ему не хватало того, что в избытке было у Ленина, а потом и у Сталина, — жажды власти. Он не был фанатиком власти. Он наивно полагал, что ему достаточно и того, что у него уже есть. Он не понимал, что борьбу за власть ведут до последнего смертного часа, а не только в годы революции и войны.

ПОДАРОК КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Личные отношения Ленина и Троцкого складывались непросто. Троцкий был очень близок к Ленину в первые годы их участия в социал-демократическом движении, когда Льва Давидовича именовали «ленинской дубинкой». Потом Троцкий примкнул к меньшевикам, и их пути разошлись — до 1917 года.

В эмиграции они жестоко ссорились, в том числе из-за денег, которые были добыты путем «экспроприаций» (большей частью в результате ограбления банков) и которые социал-демократы не могли поделить. При этом они выражались весьма недипломатично. В те годы это было привычным стилем в среде социал-демократов. Ленин в своих статьях и письмах ругался, как ломовой извозчик. Троцкий не оставался в долгу.

В 1904 году Троцкий замечал: «Там, где надо было связать, скрутить, накинуть мертвую петлю, там на первое место выступал Ленин».

В 1913 году Троцкий писал в частном письме: «Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения. Каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую разжигает мастер сих дел Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении». Это письмо Сталин потом прикажет опубликовать как свидетельство антибольшевизма Троцкого.

Но Ленин знал цену такой публицистике и легко менял гнев на милость, если недавний оппонент превращался в политического союзника. Люди, которых он бранил, оставались его ближайшими соратниками, помощниками и личными друзьями. Он все-таки был человеком XIX века. Он мог с легкостью рассуждать о необходимости расстреливать тех, кого считал врагами советской власти, но споры и по-

литические разногласия не считал поводом для вражды и репрессий.

Об этом на июльском 1928 года пленуме ЦК заговорил председатель ЦИК СССР Михаил Иванович Калинин:

— Тот, кто из вас часто имел дело с Владимиром Ильичом и куда-нибудь уезжал, где дело нужно было делать, где были плохие обстоятельства, люди что-нибудь плохо сделали, — тот знает, как Ленин, например, говорил: поезжайте и расстреляйте там, расстреляйте их. Так и говорил: расстреляйте! Если бы вы его не знали, так у вас была бы уверенность, что действительно нужно было расстрелять этих людей. Буквально можно было понять именно так. Но если бы человек поехал и в точности исполнил поручение...

У сидевшего рядом Анастаса Ивановича Микояна, наркома внутренней и внешней торговли, вырвалось:

— Его бы тоже могли расстрелять.

Калинин закончил более мягко:

— Это было бы абсолютное извращение поручения Владимира Ильича...

В 1917 году Троцкий присоединился к большевикам, считая, что прежние разногласия не имеют значения. Он полностью поддержал Ленина, и дальше они шли вместе. На заседании Петроградского комитета партии сразу после революции Ленин сказал, что отныне нет лучшего большевика, чем Троцкий. Эту речь Ленина до перестройки не публиковали — именно из-за слов о Троцком.

В революционный год Лев Давидович оказался одной из самых заметных фигур в бурлящем Петрограде. Он отсидел в царских тюрьмах четыре года, еще два года был в ссылке. Дважды бежал из Сибири. Это прибавляло ему авторитета в дискуссиях. Он был фантастически умелым оратором. Его выступления буквально завораживали.

«Троцкий в истории нашей партии явился несколько неожиданно и сразу с блеском, — так Луначарский начинает свой очерк о председателе Реввоенсовета, написанный в 1919 году. — Я считаю Троцкого едва ли не самым крупным оратором нашего времени.

Эффектная наружность, красивая широкая жестикуляция, могучий ритм речи, громкий, совершенно не устающий голос, замечательная складность, литературность фразы, богатство образов, жгучая ирония, парящий пафос, совершенно исключительная, поистине железная по своей ясности логика — вот достоинства речи Троцкого...

Я видел Троцкого говорящим по два с половиной — три часа перед совершенно безмолвной, стоящей притом же на ногах аудиторией, которая как зачарованная слушала этот огромный политический трактат».

Иван Куторга, активист партии кадетов, оставивший воспоминания об ораторах 1917 года, писал о Троцком:

«На крестьянском съезде он выступал среди предельно враждебной ему аудитории. Казалось, большевистский оратор не сможет сказать ни единого слова. И действительно, вначале оборончески и эсеровски настроенные делегаты прерывали Троцкого на каждом слове. Через несколько минут своей находчивостью и страстностью Троцкий победил аудиторию настолько, что заставил себя слушать. А окончив речь, он даже услышал аплодисменты».

В те годы проявился и публицистический талант Троцкого, весьма литературно одаренного. Блистательный социолог Питирим Сорокин, в те месяцы принимавший активное участие в политической жизни, вспоминал не без удовольствия:

«Великолепны были саркастические статьи Троцкого, в которых он бичевал и осмеивал своих оппонентов, в том числе и меня. Отличная сатира».

Но Троцкий блистал не только на митингах. У него был организаторский дар. Это проявилось еще в первую русскую революцию. В октябре 1905 года председателем Петербургского Совета рабочих депутатов избрали адвоката-меньшевика Петра Алексеевича Хрусталева (настоящее имя — Георгий Степанович Носарь, партийный псевдоним Ю. Переяславский).

Хрусталев-Носарь начинал революционную деятельность, еще будучи студентом Петербургского университета вместе с эсером-боевиком Борисом Викторовичем Савинковым, потом примыкал к меньшевикам.

«Роль Хрусталева-Носаря, — вспоминал художник Юрий Анненков, — была в той революции значительной, и его прозвали даже «вторым премьером». Как известно, премьером (председателем Совета министров) тогда был граф С.Ю. Витте.

Мне запомнился посвященный им обоим шутливый куплет, бывший популярным среди петербургской публики:

Премьеров стал у Росса
Богатый инвентарь:
Один премьер — без носа,
Другой премьер — Носарь.

У графа Витте нос был скомканный и в профиль был незаметен, как у гоголевского майора Ковалева».

Но очень быстро в Петербургском Совете главной фигурой стал Лев Троцкий. Анатолий Васильевич Луначарский, будущий нарком просвещения, вспоминал потом, как кто-то сказал в присутствии Ленина:

— Звезда Хрусталева закатывается, и сейчас сильный человек в Совете — Троцкий.

Ленин как будто омрачился на мгновение, а потом сказал:

— Что ж, Троцкий заслужил это своей неустанной и яркой работой.

После ареста в ноябре Носаря-Хрусталева председателем Петросовета избрали Троцкого. Впрочем, скоро арестовали и самого Льва Давидовича. Ни допросы, ни камера его не испугали. На суде он вел себя очень смело.

«Популярность Троцкого среди петербургского пролетариата, — продолжает Луначарский, — ко времени ареста была очень велика... Я должен сказать, что Троцкий из всех социал-демократических вождей 1905—1906 гг., несомненно, показал себя, несмотря на свою молодость, наиболее подготовленным, меньше всего на нем было печати некоторой эмигрантской узости, которая, как я уже сказал, мешала в то время даже Ленину; он больше других чувствовал, что такое государственная борьба. И вышел он из революции с наибольшим приобретением в смысле популярности: ни Ленин, ни Мартов не выиграли, в сущности, ничего. Плеханов очень много проиграл... Троцкий же с тех пор стал в первый ряд».

Его предшественника Петра Алексеевича Хрусталева-Носаря после первой революции сослали в Сибирь. Он бежал из ссылки, интерес к революционной деятельности утратил. После Февральской революции перебрался на Украину. Власти большевиков не принял. Летом 1919 года его расстреляли в родном городе Переяславле.

Обстоятельства смерти Хрусталева-Носаря описал в ноябре 1935 года в письме, отправленном в Институт Маркса—Энгельса—Ленина, А.В. Яновский, который трудился тогда в политотделе свиносовхоза «Социалистический реконструктор» в Одесской области:

«По постановлению уездного ревкома Переяславщины была послана в монастырь комиссия по отбору помещения для госпиталя. В комиссию вошли русские и один врач еврей Шефтель.

Монахи пустили слух, что пришли «жиды-коммунисты отбирать ключи от церквей». Это было подхвачено Волко-

вым, фельдшером. Этот Волков стал вести агитацию насчет погрома евреев и собрал народ. Тут же оказался и Хрусталев-Носарь и стал руководить этим делом. Когда вышли красноармейцы, он начал их агитировать, мол, вы — подчиняетесь «жидам-коммунистам», которые вам сядут на шею. Но все-таки парторганизации удалось предотвратить этот погром.

Еще до этого Хрусталев-Носарь вел подпольную работу, организуя кулаков на селе против комитетов бедноты — их разбивали, убивали... Приехал его младший брат из белой армии и начал вести контрреволюционную работу. Безусловно, нельзя было давать возможность открыто охаивать советскую власть и партию. Комитет партии решил уничтожить врага диктатуры пролетариата, и такое решение было вынесено революционным комитетом под председательством Крадожена Ивана Ивановича.

Волкова и брата Хрусталева, Носаря Евгения, офицера белой армии, я сам лично расстрелял и бросил в Днепро. Хрусталев-Носарь расстрелян отрядом черниговцев, фамилии командира не помню...»

ПОКАЗАНИЯ НАЧАЛЬНИКА КОНТРРАЗВЕДКИ

Троцкий сыграл ключевую роль в событиях лета и осени 1917 года, когда Ленин, спасаясь от ареста, покинул Петроград и скрывался.

Борис Владимирович Никитин, начальник военной контрразведки Петроградского военного округа в 1917 году, считал лидеров большевиков платными немецкими агентами и пытался их посадить. 1 июля 1917 года он подписал двадцать восемь ордеров на арест. Список открывался именем Ленина.

Никитин взял с собой помощника прокурора и пятнадцать солдат и поехал на квартиру Ленина, который жил на Широкой улице.

«Оставив на улице две заставы, мы поднялись с тремя солдатами по лестнице, — писал потом Никитин. — В квартире мы застали жену Ленина Крупскую. Не было предела наглости этой женщины. Не бить же ее прикладами. Она встретила нас криками: «Жандармы! Совсем как при старом режиме!» — и не переставала отпускать на ту же тему свои замечания в продолжение всего обыска... Как и можно было ожидать, на квартире Ленина мы не нашли ничего существенного...»

Воспоминания об октябре 1917 года не оставляют сомнений: Ленин, спасаясь от ареста, исчез. Многие обвиняли его в трусости, в том, что он сбежал в решающий момент. Казнь старшего брата, Александра Ульянова, возможно, наложила неизгладимый отпечаток на психику Владимира Ильича.

Контрразведке удалось через какого-то сапожника, чинившего ботинки родственнице Троцкого, выяснить, где находится Лев Давидович. Туда выехал энергичный офицер комендантского управления капитан Соколов с караулом.

Около пяти утра капитан Соколов вернулся с унылым видом и без арестованного.

— Что случилось? — удивленно спросил Никитин.

— Войдя в дом, где живет Троцкий, я встретил Чернова, — доложил капитан. — Он приказал вам передать, что Керенский и Временное правительство отменили арест Троцкого.

Виктор Михайлович Чернов, один из основателей партии эсеров, был министром земледелия Временного правительства. Он был обязан Троцкому жизнью.

Это произошло в разгар июльских событий в Петрограде, когда машину Чернова возле Таврического дворца захватила толпа, готовая его растерзать. Но на счастье Чернова откуда-то появился Троцкий. Эту сцену описал Федор Раскольников, который привел к дворцу балтийских матросов:

«Трудно сказать, сколько времени продолжалось бы бурливое волнение массы, если бы делу не помог тов. Троцкий. Он сделал резкий прыжок на передний кузов автомобиля и широким энергичным взмахом руки человека, которому надоело ждать, подал сигнал к молчанию. В одно мгновение все стихло, воцарилась мертвая тишина.

Громким, отчетливым металлическим голосом Лев Давидович произнес короткую речь, закончив ее вопросом:

— Кто за насилие над Черновым, пусть поднимет руку.

Никто даже не приоткрыл рта, никто не вымолвил слова возражения.

— Гражданин Чернов, вы свободны, — торжественно произнес Троцкий, оборачиваясь всем корпусом к министру земледелия и жестом руки приглашая его выйти из автомобиля.

Чернов был ни жив ни мертв. Я помог ему сойти с автомобиля, и с вялым, измученным видом, нетвердой нерешительной походкой он поднялся по ступенькам и скрылся в вестибюле дворца. Удовлетворенный победой, Лев Давидович ушел вместе с ним».

Долг платежом красен. Узнав о готовящемся аресте Троцкого, Чернов нашел главу Временного правительства Алек-

сандра Федоровича Керенского, который взял на себя еще и обязанности военного и морского министра, и убедил его отменить приказ, а сам бросился спасать своего недавнего спасителя.

Никитин был возмущен и отправился к командующему Петроградским военным округом генералу Половцеву. Он спал в маленькой комнате при штабе. Никитин бесцеремонно потряс генерала за плечо и выпалил:

— Прошу сейчас меня уволить в отставку. Я больше служить не могу и не хочу.

— Подожди, подожди, — пытался успокоить его Половцев. — Да ты объясни сначала, в чем дело.

Никитин коротко доложил.

— Вот как? — удивился уже окончательно проснувшийся генерал. — Что же я могу сделать, если это приказание военного министра? Могу тебе только посоветовать одно — поезжай к генерал-прокурору и обжалуй распоряжение.

Через два часа Никитин явился в дом министра юстиции. Эти обязанности временно исполнял Скарятин. Он выслушал начальника контрразведки и обещал немедленно внести протест.

В одиннадцать утра Скарятин позвонил Никитину и извиняющимся голосом сообщил, что постановление правительства об отмене ареста Троцкого является окончательным.

О намерении арестовать Троцкого узнал весь Петроград. К начальнику контрразведки с протестом явилась группа возмущенных членов Петроградского Совета, что характерно — не симпатизировавших большевикам.

— Как? Вы хотели арестовать Троцкого? — В их вопросе Никитин услышал даже не упрек, а некое сострадание, словно начальник контрразведки был не в своем уме.

— Да, и сейчас этого требую!

— Но ведь это Троцкий! Поймите — Троцкий! — наперебой говорили депутаты.

По словам Никитина, постановление об аресте Ленина протеста не вызвало.

Тем временем следственные органы Временного правительства пришли к выводу, что лидеры большевиков в первых числах июля пытались поднять вооруженное восстание против государственной власти. Большевиков объявили контрреволюционерами.

Ленин обреченно сказал Троцкому:

— Теперь они нас перестреляют. Самый для них подходящий момент.

Судебное следствие вела Петроградская окружная палата. Следователи (журнал «Отечественная история», 1999, № 5) опирались на показания некоего прапорщика Д.С. Ермоленко, который был задержан в мае 1917 года при попытке перейти линию фронта. О нем начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Антон Иванович Деникин 16 мая доложил военному министру Керенскому.

Ермоленко на допросах показал, что в начале войны попал в плен, а в 1916-м был завербован немцами и обещал им добиваться сепаратного мира с Германией и отделения Украины. Прапорщик утверждал, что Ленин послан в Россию с той же целью. Ермоленко был несколько раз контужен еще в Русско-японскую войну и производил впечатление психически нездорового человека. На допросах он выдвигал совершенно фантастические идеи.

Тем не менее именно на основании его показаний Ленину, Зиновьеву, Троцкому, Луначарскому, Коллонтай, Раскольникову и другим вождям большевиков намеревались предъявить обвинение в том, что они совместно с агентами враждебных государств, которые дали им денег, дезорганизовали армию и тыл и подняли в Петрограде 3—5 июля вооруженное восстание.

В качестве свидетеля был привлечен Георгий Валентинович Плеханов. Один из основателей российской социал-демократии не любил Ленина. С его точки зрения, «неразборчивость» Ленина могла толкнуть его на то, что он «для интересов своей партии» мог воспользоваться средствами, «заведомо для него идущими из Германии».

Плеханов обратил внимание на то, что немецкая печать «с нежностью» говорит о Ленине как об «истинном воплощении русского духа». Но и Плеханов счел своим долгом заметить, что говорит «только в пределах психологической возможности» и не знает ни одного факта, который бы свидетельствовал о том, что эта возможность «перешла в преступное действие».

Министр юстиции Временного правительства и верховный прокурор Павел Николаевич Малянтович распорядился «Ульянова-Ленина Владимира Ильича арестовать в качестве обвиняемого по делу о вооруженном выступлении третьего и пятого июля в Петрограде».

Ленин и близкий к нему Григорий Евсеевич Зиновьев, член ЦК и один из редакторов «Правды», скрылись из города, боясь суда и тюрьмы. «Ленина нет, — вспоминал потом Николай Иванович Муралов, который стал первым команду-

ющим Московским военным округом, — а из остальных один Троцкий не растерялся».

Троцкий не убежал из Петрограда. Он написал открытое письмо Временному правительству: если Ленина осмеливаются называть немецким шпионом, тогда и он просит считать его шпионом. Троцкий сам требовал ареста и гласного суда.

23 июля Троцкого арестовали. Он дал показания в письменной форме. Он утверждал, что ни он сам, ни ЦК большевиков не призывали солдат к вооруженному восстанию и выступление 1-го пулеметного полка было для всех неожиданностью. Разумеется, он наотрез отвергал возможность сговора большевиков с германским правительством.

Исполнявший в тот момент обязанности министра юстиции во Временном правительстве А. Демьянов вспоминал:

«Троцкий был привлечен к уголовной ответственности по делу о большевиках. Но событие, в котором он принимал участие, стояло во всем деле совершенно особняком. Его обвиняли, и это было исключительно одно обвинение, в том, что, будучи на каком-то собрании рабочих в Народном Доме, он произнес зажигательную речь, призывая к убийству Керенского.

Сообщение об этом сделали двое офицеров, якобы слышавших эту речь. Троцкого арестовали. Он полностью отрицал возводимое на него обвинение. Был допрошен ряд свидетелей, посторонних Троцкому, участвовавших в собрании, которые мало того что отрицали приписываемые Троцкому слова, но показали, что Троцкий старался наоборот успокоить расходившуюся тогда толпу. Никаких призывов он тогда вообще не делал.

Сообщал мне о ходе предварительного следствия прокурор палаты Карчевский, сказав, что Троцкого в тюрьме по такому обвинению держать абсолютно нельзя. Я отлично понимал, что судебная следственная власть не решится, хотя имеет право, совершенно самостоятельно решать такой вопрос, выпустить на волю такую птицу, как Троцкий, без благословения свыше. Это благословение я ей и дал.

Однако я понимал, что освобождение Троцкого из-под ареста вредно. Поэтому я попросил предварительно освобождения Троцкого доставить мне весь следственный материал, его касающийся, и ознакомился с ним подробно.

Освобожденного Троцкого встретили в Совете рабочих и солдатских депутатов с триумфом. А в тот же день управляющий делами Совета Министров Гальперн предупредил меня, что в вечернем заседании Совета Министров у меня

попросят объяснения по делу Троцкого. Я этого ожидал, и предупреждение Гальперна не застало меня врасплох.

В Совете во время заседания я получил записку сначала от Гальперна, который вновь предупреждал меня о готовящемся запросе, а затем получил записку и со стороны Терещенко, председательствовавшего тогда в Совете. Объяснение мне предстояло дать в конце заседания, когда вопросы по повестке будут исчерпаны.

Я дал свое объяснение в твердом тоне. Я рассказал, в чем заключается обвинительный материал по делу Троцкого, объяснил, что определение об освобождении Троцкого из-под ареста дано судебно-следственною властью, что авторитет ее должен быть во всяком случае поддержан, что по существу она в данном деле совершенно права, сказал далее, что Министерство Юстиции должно всегда стоять на страже закона и не допускать, чтобы его могли не только обвинять, но даже подозревать в том, что по его распоряжению могут содержать людей в тюрьме по одним лишь политическим соображениям, что во всяком случае я, пока буду во главе Министерства, этого никогда не допущу.

Объяснения мои были приняты благосклонно. Многие говорили мне, что они вполне разделяют мою точку зрения и что запрос не имел другой цели, как ознакомление с делом. Один только Министр Внутренних дел Никитин (московский присяжный поверенный, по партии социал-демократ) мимоходом заметил, что о выпуске на волю Троцкого нужно было предупредить Министерство Внутренних дел, что таково было соглашение с Министерством Юстиции, когда дело касалось заметного лица.

Никитин был в известном смысле прав; но я лично не знал, что существовало такое соглашение. Я виноват только, что не догадался, по собственному почину, предупредить Никитина. Но никто не мешал Никитину, как Министру Внутренних дел, сделать, если он находил это нужным, распоряжение о новом аресте Троцкого в административном порядке. На его месте я бы это сделал и не побоялся бы сделать это».

Но никто во Временном правительстве не решился оставить популярного Троцкого за решеткой. Его продержали в «Крестах» два месяца и вынуждены были освободить 4 сентября под залог в три тысячи рублей. Деньги выделил совет профсоюзов Петрограда. Внесла залог его сестра — Ольга Давидовна, жена видного большевика Льва Борисовича Каменева. Тюремное заключение еще прибавило Троцкому уважения среди петроградских рабочих.

СТАЛИН О ТРОЦКОМ В 1918 ГОДУ

Вся подготовка вооруженного восстания шла практически без Ленина.

«После июльского бегства личное влияние Ленина падает по отвесной линии: его письма опаздывают, — писал полковник Никитин. — Чернь подымается. Революция дает ей своего вождя — Троцкого... Троцкий на сажень выше своего окружения...

Чернь слушает Троцкого, неистовствует, горит. Клянется Троцкий, клянется чернь. В революции толпа требует позы, немедленного эффекта. Троцкий родился для революции, он не бежал... Октябрь Троцкого надвигается, планомерно им подготовленный и технически разработанный. Троцкий — председатель Петроградского Совета с 25-го сентября — бойкотирует предпарламент Керенского. Троцкий — председатель Военно-революционного комитета — составляет план, руководит восстанием и проводит большевистскую революцию...

Троцкий постепенно, один за другим переводит полки на свою сторону, последовательно день за днем захватывает арсеналы, административные учреждения, склады, вокзалы, телефонную станцию...»

В отсутствие Ленина Троцкий оказался на главных ролях. Он методично привлек на свою сторону весь столичный гарнизон. Уже 21 октября гарнизон Петрограда признал власть Совета. С этого дня столица принадлежала не Временному правительству, а Троцкому.

На стороне Временного правительства оставалась только Петропавловская крепость. Туда поехал Троцкий. Он выступил на собрании гарнизона, и солдаты приняли решение поддержать Совет рабочих и солдатских депутатов.

II съезд Советов, к которому был приурочен военный переворот в Петрограде, открылся в день рождения Троцкого — 25 октября. Такой вот он сделал себе подарок.

Решающую ночь октябрьского восстания Троцкий провел на третьем этаже Смольного в комнате Военно-революционного комитета. Оттуда он руководил действиями военных частей. К нему пришел Лев Борисович Каменев, который был против восстания, но счел своим долгом быть рядом в решающую минуту.

В первую годовщину Октябрьской революции Сталин писал в «Правде»:

«Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председа-

теля Петроградского Совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом т. Троцкому».

Член ЦК и Военно-революционного комитета Урицкий восхищенно говорил в те дни Луначарскому:

— Вот пришла великая революция, и чувствуется, что как ни умен Ленин, а начинает тускнеть рядом с гением Троцкого.

Оценка неточная, писал Луначарский, «но действительно в тот период, после первого громового успеха его приезда в Россию и перед июльскими днями, Ленин несколько стушевался, не очень часто выступал, не очень много писал, а руководил, главным образом, организационной работой в лагере большевиков, между тем как Троцкий гремел в Петрограде на митингах...».

Пока брали Зимний дворец, в Смольном институте заседал съезд Советов. На трибуну вышел Троцкий:

— От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временного правительства больше не существует!

Юрий Анненков в своих замечательных воспоминаниях «Дневник моих встреч», пишет, что в зале вспыхнула овация.

— Отдельные министры подвергнуты аресту, — продолжал Троцкий. — Другие будут арестованы в ближайшие часы.

Зал опять зааплодировал.

— Нам говорили, что восстание вызовет погромы и потопит революцию в потоках крови. Пока все прошло бескровно. Обыватель мирно спал и не знал, что одна власть сменялась другой.

И тут Троцкий увидел, что в зале появился Ленин:

— В нашей среде находится Владимир Ильич Ленин, который в силу целого ряда условий не мог до сего времени появиться среди нас... Да здравствует возвратившийся к нам товарищ Ленин!

Троцкий по значимости в революционном движении был человеком того же уровня, что и Ленин. Из всех вождей большевиков только они двое обладали качествами, необходимыми для того, чтобы взять власть и не уступить ее.

Уже известный нам Жак Садуль, наблюдавший обоих вождей, писал:

«Ленин и Троцкий — люди действия, вожди толпы, каких я еще не видел. Они смогли завоевать и удержать, несмотря на всю клевету, в самых сложных условиях поразительный

авторитет. Они обладают в высшей степени всеми качествами и недостатками великих политических и религиозных вождей — железной волей, невероятной выдержкой, восторженной убежденностью, верой, которая сдвигает горы и разбивает все преграды...

Представляю, что у учеников Лютера, сторонников Робеспьера, старой гвардии Наполеона не было столь слепой веры в их идола, столько почитания, сколько их проявляют по отношению к Ленину и Троцкому красногвардейцы, матросы и рабочие, составляющие главное и прочное ядро большевистских сил.

Троцкий часто рассказывает мне, как глубоко его впечатляют неизменное бескорыстие, абсолютная преданность своему лидеру, которые проявляют к нему его обездоленные друзья, и какую силу придает ему эта любовь. Когда он говорит о своих пламенных и самоотверженных бойцах, его голос, столь часто насмешливый и резкий, смягчается. Самого его охватывает какое-то нежное чувство, какое очень редко заметишь у этого нервного, холодного и желчного человека...»

Не только в октябре 1917-го, до конца Гражданской войны у большевиков было два вождя — Ленин и Троцкий. Остальных армия и страна почти не знали.

— Я Троцкого по авантюризму, властолюбию, жестокости ставлю на одну доску с Лениным, — говорит академик Александр Яковлев, бывший член политбюро, который больше кого бы то ни было в России видел архивных документов. — Это были способные люди. Умели писать, умели убеждать. Находили серьезные аргументы.

Жестокость Троцкого и Ленина все же не носила тотального характера. Этим они отличались от Сталина.

Историки любят цитировать фразу Троцкого, прозвучавшую 16 декабря 1917 года, когда он выступал на Всероссийском съезде крестьянских депутатов:

— Не в белых перчатках по лаковому полу пройдем мы в царство социализма.

Эти слова трактуются как предвестие большого террора. В реальности Троцкий всего лишь предупреждал о ждущих впереди трудностях. Месяц с небольшим спустя после революции о терроре никто еще не думал.

Дочь Льва Николаевича Толстого Александра Львовна, попавшая в руки чекистов, так описывала ход процесса, когда в зале суда появился Троцкий, чтобы заступиться за одного из подсудимых:

«Вдруг все заволновались в зале, засуетились, задвигались, даже среди судей произошло какое-то едва заметное движение. Незаметно по зале рассыпалась толпа подозрительных штатских, в дверях и проходах показались остроконечные шапки чекистов. И не спеша, уверенной, спокойной походкой вошел человек в пенсне с взлохмаченными черными волосами, острой бородкой, оттопыренными мясистыми ушами.

Он стал спокойно и красиво говорить, как привычный оратор. Говорил он о молодом ученом, о том, что такие люди, как этот ученый, нужны республике, что он столкнулся с его работой и был поражен ее ценностью. Говорил недолго и, когда смолк, так же спокойно вышел, а в зале, как после всякого выдающегося из обычных рамок события, — на секунду все смолкло. Стала постепенно удаляться ворвавшаяся в залу охрана, рассеялись подозрительного вида штатские, и суд пошел своим чередом.

Мне было непонятно, почему этому временно выброшенному на поверхность, обладавшему неограниченной властью человеку, под руководством которого были расстреляны тысячи, почему ему пришла фантазия заступиться за молодого ученого?»

«ПУСТЬ БЕРЕТ ИНОСТРАННЫЕ ДЕЛА»

Троцкий мечтал быть писателем, журналистом. Власть пришла к большевикам так быстро и неожиданно, что Лев Давидович еще и не успел решить, чем он станет заниматься.

На заседании ЦК Ленин предложил назначить Троцкого председателем Совета Народных Комиссаров. Тот отказался.

— Почему же? — настаивал Ленин. — Вы же стояли во главе Петроградского Совета, который взял власть.

Но Троцкий понимал, что этот пост должен принадлежать Ленину, как лидеру победившей партии.

Тогда Ленин потребовал, чтобы Троцкий возглавил ведомство внутренних дел: борьба с контрреволюцией важнее всего. Лев Давидович отказался и от этого предложения. Среди прочего привел в качестве аргумента свое национальное происхождение: еврею не стоит занимать эту должность.

Владимир Ильич всей душой ненавидел и презирал антисемитов, поэтому он вспылил:

— У нас великая международная революция, какое значение могут иметь такие пустяки?

— Революция-то великая, — ответил Троцкий, — но и дураков осталось еще немало.

— Да разве ж мы по дуракам равняемся?

— Равняться не равняемся, а маленькую скидку на глупость иной раз приходится делать: к чему нам на первых же порах лишнее осложнение?

Троцкий стал говорить, что охотнее всего он продолжил бы занятия журналистикой. Тут уже был против секретарь ЦК Яков Свердлов:

— Это мы поручим Бухарину.

Практичный Свердлов и нашел работу для Троцкого:

— Льва Давидовича нужно противопоставить Европе. Пусть берет иностранные дела.

— Какие у нас теперь будут иностранные дела? — недоуменно пожал плечами Ленин, как и все ожидавший мировой революции, но, подумав, согласился.

Таким образом первым министром иностранных дел Советской России стал Троцкий. Он занимал этот пост меньше пяти месяцев, с 8 ноября 1917-го до 13 марта 1918-го.

В студенческие годы автор этой книги участвовал в научной конференции в Московском государственном институте международных отношений (кузнице кадров МИД), посвященной «первому министру иностранных дел Чичерину». Будущим советским дипломатам не следовало знать, что первым все-таки был Троцкий...

К своей дипломатической деятельности он отнесся несколько легкомысленно, потому что ясно было, что сейчас не это главное. С утра до вечера он был занят делами Петроградского Совета и Военно-революционного комитета.

Когда один из старых большевиков попросился к Троцкому в наркомат, тот ответил:

— Жаль брать вас на эту работу. Там у меня уже работают Поливанов и Залкинд. Больше не стоит брать туда старых товарищей. Я ведь сам взял эту работу только затем, чтобы иметь больше времени для партийных дел. Дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку.

Конечно, эти слова Троцкого — или вежливый отказ, или шутка. Хотя он явно исходил из того, что судьба революции решается не на дипломатическом поприще.

Троцкий говорил, что мировому пролетариату дипломатия не нужна, трудящиеся поймут друг друга и без посредников. По словам историков, он вообще не мог понять, как это революционер может хотеть быть дипломатом? Дипло-

матия считалась в Смольном бранным словом, тайная дипломатия безусловно осуждалась.

Более того, ожидание мировой революции делало дипломатию ненужной. Ленин недаром говорил: «Наше дело — есть дело всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной Советской республики». А если во всем мире победит революция, то какая может быть дипломатия между революционерами?

Перед Троцким стояла одна практическая задача — вывести Россию из войны. Для этого следовало связаться с воюющими державами. Кроме того, быстро выяснилось, что революционная власть, взявшись управлять государством, все же должна исполнять определенные обязанности — по крайней мере, до наступления мировой революции.

Аппарат министерства иностранных дел советское правительство не признавал и исполнять его приказы не собирался.

Леонид Борисович Красин не без злорадства писал своей семье, заблаговременно отправленной подальше от России:

«Большевики, видимо, обескуражены единодушным бойкотом всех и вся (рассказывали курьеры о визитах новых «министров» в свои министерства, где все их встречали заявлением о непризнании — начиная с товарища министра и кончая швейцарами и курьерами), бойкот этот угрожает остановить вообще всю жизнь столицы, и всем начала делаться ясной необходимость какого-то выхода, а именно — образования нового министерства, несомненно уже социалистического, ответственного перед Советами...

Большевистское правительство в отчаянном положении, ибо бойкотистская тактика всех учреждений создала вокруг него торричеллиеву пустоту, в которой глохнут все его декреты и начинания... Разруха растет, с каждым днем близится призрак голода, и, если так пойдет дальше, мы можем докатиться до стихийного взрыва анархии, которая помимо неслыханных бедствий отдаст страну в руки какого-нибудь крутого, взявшего в руки палку капрала».

Красин считал необходимым сформировать коалиционное правительство разных социалистических партий. В принципе в те первые дни большевики были готовы частично делиться властью — они отдали несколько министерских постов левым эсерам. Но правые эсеры и правые меньшевики проявили удивительный максимализм: требовали либо полного ухода большевиков, либо, как минимум, отстранения Ленина и Троцкого, что было невозможно. Правые социали-

сты не понимали, что теряют последний шанс направить Россию по нормальному пути развития.

Через неделю Красин сообщал семье в новом письме:

«Прошла неделя, а воз и поныне там! Большевики, разбив Керенского и завладев Москвой, не идут ни на какие соглашения, жарят себе ежедневно декреты, работа же всякая останавливается, транспорт, продовольствие гибнут, армии на фронтах начинают умирать с голода.

Все видные большевики (Каменев, Зиновьев, Рыков (Алексей-заика) etc.) уже откололись от Ленина и Троцкого, но эти двое продолжают куролесить, и я очень боюсь, не избежать нам полосы всеобщего и полного паралича всей жизни Питера, анархии и погромов.

Соглашения никакого не получается, и виноваты в этом все: каждый упрямо, как осел, стоит на своей позиции, как большевики, так и тупицы социалисты-революционеры и талмудисты меньшевики. Вся эта революционная интеллигенция, кажется, безнадежно сгнила в своих эмигрантских спорах и безнадежна в своем сектантстве...»

Даже Красин, который близко знал лидеров большевиков, не понимал овладевшей ими жажды власти. Ленин был готов отдать полстраны, лишь бы оставалась возможность управлять другой половиной.

Через день после революции в министерство иностранных дел приехал угрюмый и молчаливый Урицкий, который со временем станет председателем Петроградской ЧК и будет убит. Урицкий предъявил мандат Военно-революционного комитета, которым он назначался «комиссаром при Министерстве Иностранных Дел». Он обошел здание министерства и уехал. Мидовскими делами он больше не занимался.

Когда в министерстве появился Троцкий, он обратился к дипломатам с небольшой речью. Но в этой аудитории он большого впечатления не произвел. Никто не верил, что большевики сумеют сохранить власть. А раз так, то что с ними церемониться?

Директор департамента общих дел министерства иностранных дел Владимир Лопухин вспоминает, как бывший исполняющий обязанности поверенного в делах в Абиссинии Борис Чемерзин пытался укорить Троцкого:

— Вы Бронштейн, а не Троцкий. Присваивая себе не принадлежащее вам имя, вы являетесь самозванцем.

Троцкий спокойно ответил, что сколько-то лет непрекращающейся борьбы и подполья, чередовавшихся с заключениями в царских тюрьмах, когда по необходимости приходи-

лось измышлять себе «боевую кличку» политического борца, в достаточной степени оправдывают присвоенное конспиративное имя, под которым он, Троцкий, и наиболее известен в политических кругах. По словам возмущенного этим эпизодом дворянина Лопухина, «выходка Чемерзина прозвучала фальшью конфузной фанфаронады». В приличном обществе считалось постыдным раскрывать псевдонимы, чтобы тыкать в нос еврейским происхождением...

Сам Троцкий вспоминал об этой встрече так:

«Я НКИД долго не посещал, так как сидел в Смольном. Вопрос был военный — наступление на нас Краснова, были собрания представителей от заводов и масса других дел...

Ни входов, ни выходов мы не знали, не знали, где хранятся секретные документы; а Петербургский Совет довольно нетерпеливо ждал секретных документов. У меня лишнего времени не было съездить посмотреть. Когда я один раз приезжал, причем это было не в первый день, а дней через 5—7 после взятия нами власти, то мне сказали, что никого здесь нет...

Я потребовал собрать тех, которые явились, и оказалось потом, что явилось колоссальное количество... В двух-трех словах я объяснил, что, кто желает добросовестно служить, тот останется на службе. Но я ушел несолоно хлебавши...»

Тогда Троцкий потребовал, чтобы все руководители отделов сдали дела его новым помощникам.

Утром старшие по должности дипломаты собрались и решили, что они не станут служить большевистскому правительству. Не по политическим причинам, а потому что они были напуганы и обижены радикальными речами большевиков, которые собирались покарать всех царских чиновников. Как же служить тем, кто желает твоей смерти? Был и другой мотив: а ну как большевиков скоро свергнут? Вернутся те, кто ушел, и накажут за сотрудничество с Лениным и Троцким.

Троцкий в назначенный день не приехал. Появились его помощники по наркомату: меньшевик Евгений Поливанов и большевик Иван Залкинд.

Поливанов, племянник царского военного министра, окончил Санкт-Петербургский университет, причем обучался одновременно на двух факультетах — историко-филологическом и восточных языков. Он слыл полиглотом и действительно говорил на многих языках.

Он возглавил в НКИД отдел отношений с Востоком. Но его карьера будет недолгой: скоро выяснится, что он до ре-

волюции входил в черносотенный Союз русского народа, кроме того, еще сильно пил и вроде бы даже употреблял кокаин и морфий и посещал китайские курильни опиума в Петрограде. В пьяном виде Поливанов упал с платформы под поезд, и ему отрезало руку...

Иван Залкинд, который окончил Сорбонну в Париже и был доктором биологии, с юности примкнул к социал-демократам. Он стал заведовать отделом стран Запада.

Залкинд вспоминал позднее, как они с Поливановым объезжали виднейших чиновников министерства иностранных дел, требуя, чтобы те явились в министерство для «решающих переговоров». Многих им застать не удалось, кое-кто сказался больным. Один из дипломатов, утверждавший, что он серьезно захворал, залез под одеяло в костюме и ботинках...

На другой день Поливанов и Залкинд приехали в министерство, запасшись на всякий случай ордерами на арест за подписью Урицкого. Это было, собственно, постановление Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, в котором говорилось:

«Военно-революционный комитет по предложению Народного Комиссара по Иностранным делам постановляет:

бывшего... бывшего... бывшего... бывшего... арестовать и доставить в Петроград для предания Военно-Революционному Суду. Всем местным Советам, Военно-Революционным Комитетам и всем пограничным органам Власти вменяется в обязанность принять все меры к выполнению этого постановления».

Фамилии в это постановление можно было вписать любые. Но этот грозный документ не понадобился. Во всех окнах министерства горел свет, вешалки были переполнены, а на верхнем этаже предстало зрелище, напоминавшее парадный прием: явились не только все званые, но и многие вовсе не званые. Министерство было в полном сборе.

Бывший товарищ (заместитель) министра Александр Петряев представил помощникам Троцкого заведующих департаментами и отделами. Залкинд произнес небольшую речь о служебном долге чиновников, напомнил, что время военное, а функции министерства иностранных дел таковы, что не терпят — в интересах страны — даже краткого перерыва.

Бывшие руководители бывшего министерства пошептались, и Петряев сказал, что их решение остается неизменным: данному правительству они служить не могут, но готовы на компромисс — вести текущие дела, не связанные

с политикой: исполнять консульские обязанности, заниматься пленными и так далее.

Посланцы Троцкого пришли к выводу, что это усовершенствованная форма саботажа, при которой чиновники сохранили бы за собой возможность вредить Совнаркому и помогать своим друзьям. Залкинд категорическим тоном произнес, что чиновники министерства могут остаться на работе только в том случае, если они признают революционное правительство.

— Товарищ Троцкий, — громким голосом сказал Поливанов, — сегодня не может быть у вас. Занят неотложными делами в Смольном. Будет завтра с утра. Просит вновь собраться к десяти часам.

На следующий день действительно приехал Троцкий, который внешне до крайности не понравился Владимиру Лопухину:

«Сухощавый, чернявый, некрасивый в бросающейся в глаза чрезвычайной степени. Желтоватая кожа лица. Клювообразный нос над жидкими усиками с опущенными книзу концами. Небольшие, пронзительно черные глаза. Давно не стриженные, неопрятные, всклокоченные черные волосы. Широкие скулы, чрезмерно растягивающие тяжелый, низкий подбородок. Длинный, узкий обрез большого рта с тонкими губами. И — непостижимая странность! Чрезвычайно развитые лобные кости над висками, дающие иллюзию зачатка рогов. Эти рогоподобные выпуклости, большие уши и небольшая козлиная бородка придавали приближавшемуся ко мне человеку поразительное сходство с чертом, созданным народною фантазиею».

Многие современники говорили о «дьявольском» и «хищном» выражении лица Троцкого. Другие находили общение с ним интересным и приятным. Видимо, все дело в том, как эти люди относились к Троцкому.

Одет нарком был в потертый сюртук, заношенную рубашку и мятые брюки. Но заговорил он приятным мелодичным голосом и очень вежливо:

— С кем имею честь?.. Я Троцкий.

Он немедленно стал уговаривать Лопухина остаться на своем посту. Директор департамента общих дел наотрез отказывался.

— Что вы имеете против нас? — в упор спросил его Троцкий. — Ответьте конкретно! Вам не нравится, что мы заканчиваем войну, передаем землю крестьянам, национализируем фабрики и заводы?

Лопухин покачал головой. Он не хотел ссориться с человеком, чье слово в Петрограде решало все.

— Окончание войны я могу только приветствовать, — ответил Лопухин, — так как для меня очевидно, что армии как боеспособной силы у нас нет. И народ устал от войны. Ее надо закончить... Но не в этом дело! Я служил иным принципам. Если сегодня я им изменю и с завтрашнего дня буду служить другим идеям, вы ни уважения, ни доверия ко мне иметь не сможете. И еще! Простите меня, но, в конце концов, не верится в прочность вашей власти.

— Вот в этом, — воскликнул Троцкий, — вы ошибаетесь. Мы — единственная политическая партия с темпераментом! Нет, власть наша прочная. Давайте решим так. Отложим нашу беседу. Когда вы увидите, что мы не ушли, тогда возвращайтесь.

— А пока, — Лопухин воспользовался хорошим настроением наркома, — отпустите меня с миром. Вы не поверите, как я устал, работая в крайнем напряжении чуть не с начала войны. Надо отдохнуть. Вы должны меня понять. Я убежден, что в вашей политической борьбе и вы основательно утомились.

Нарком только усмехнулся наивности дипломата.

— Я лично, — ответил Троцкий, — успел отдохнуть в тюрьме, откуда только что вышел. Вы свободны. Можете использовать вашу свободу, как хотите. Хотите здесь остаться — оставайтесь. Хотите уехать — уезжайте. Даже за границу можете выехать. Мы вам препятствовать не будем.

Эти слова много значили. Дело в том, что уже 3 ноября Петроградский военно-революционный комитет отправил комиссару пограничной станции Торнео (на финляндско-шведской границе — в условиях войны это был единственный безопасный путь из России в Европу) короткую телеграмму: «Граница временно закрыта. Без особого распоряжения ВРК никто пропущен быть не может».

Позже последовало разъяснение. Иностранным дипломатам дозволялся проезд в обе стороны. Граждане России имели право покинуть родину только со специального разрешения Военно-революционного комитета. А беспрепятственно возвращаться в Россию могли политэмигранты...

Троцкий, вполне расположившись к Лопухину, между делом рассказал ему, что портфель министра иностранных дел взял, подчиняясь партийной дисциплине, а по профессии он журналист и хотел бы работать в газетном деле.

Тем временем новые помощники наркома потребовали показать им расположение всех служебных помещений, сдать

деньги, имеющиеся в министерстве, и представить сотрудника, отвечающего за сохранность архивов и шифров.

Появился заведующий канцелярией граф Татищев, который организовал новому начальству экскурсию по министерству.

«Директор канцелярии Татищев, — писал Троцкий, — провел по всем комнатам, отчетливо показал, где какой ключ, как его вертеть и т. д. Тогда были опасения, не спрятаны ли какие-нибудь бумаги. Но это не подтвердилось.

Когда мы спросили его, а где же секретные документы, он сказал, что наше представление о них страдает, так сказать, некоторым фетишизмом, что они обязательно должны быть написаны на пергаменте и т. д. Эти грабительские соглашения создавались просто путем шифрованной телеграфной передачи, и копии их лежали в довольно прозаичном виде, спрятанные в шкафах...»

Потом Залкинд отобрал у Татищева все четыре связки ключей и отпустил графа.

Троцкий выделил двух проверенных товарищей, которые умели печатать на пишущих машинках, и прислал караул из Павловского полка. Вооруженную охрану поставили у входа в бронированные комнаты, где в пяти громадных несгораемых шкафах хранились картонные папки с копиями посольских депеш и договорами.

11 ноября 1917 года в «Известиях Петросовета» опубликован приказ Троцкого: чиновники МИД, которые не приступят к работе до утра 13 ноября, будут уволены без права на пенсию.

Нарком исполнил свое обещание.

14 ноября в «Известиях» появился длинный список бывших сотрудников министерства, которые «за отказ от подчинения СНК увольняются от должности без права на пенсию».

Троцкий исходил из того, что дипломатия — не ахти какая сложная наука и если чиновники не хотят подчиняться новой власти, то наркомат обойдется и без них.

13 ноября Троцкий впервые в качестве главного советского дипломата принимал в Смольном институте бельгийского посланника, который пришел просить, чтобы ему вернули реквизированный красногвардейцами автомобиль, и заодно решил выяснить ситуацию в стране.

«С ходу на этой первой же встрече с западной дипломатией Троцкий находит свой стиль, — писал Жак Садуль. — Стиль, однако, несколько резкий, чуть высокомерный. Настороженный, учтивый, умело уходящий от прямых ответов

на затруднительные конкретные вопросы, Троцкий явно настроен не делать никаких уступок по сути и по форме».

16 ноября уволили еще несколько десятков человек.

22 ноября НКИД разослал циркулярную телеграмму всем дипломатическим представительствам России за границей с одним вопросом: согласны ли они служить новой власти?

26 ноября двадцать восемь глав российских миссий были уволены со службы «за неполучением ответа».

В НКИД пришли работать рабочие с завода военных и морских приборов «Сименс и Шуккерт», солдаты. Шифровальщиков нашли в Главном морском штабе.

Из мидовских сотрудников остались курьеры и прислуга, изъявившие желание служить новой власти. Потом к ним присоединились некоторые дипломаты, которые прекратили забастовку.

Александр Доливо-Добровольский, бывший директор правового департамента МИД, через газету «Наша жизнь» обратился к коллегам с призывом последовать его примеру:

«Большевики захватили власть, свергнув коалиционное правительство. В первое же мгновение все отступили перед фактом захвата, перед призраком разорванных хартий свободы. Но нам было предоставлено время, много дней, чтобы заметить, что перед нами не кондотьеры с еще горячими ружьями после уличной схватки, но фактическая власть большой народной партии».

В те времена еще многое было позволено. Будущий знаменитый писатель Илья Григорьевич Эренбург печатал в московских газетах статьи, в которых писал о Ленине без тени почтения к руководителю нового правительства:

«Лет десять тому назад юнцом наивным и восторженным прямо из Бутырской тюрьмы попал я в Париж. Утром приехал, а вечером сидел уж на собрании в маленьком кафе «Avenue d'Orleanes». Приземистый лысый человек за кружкой пива, с лукавыми глазами на красном лице, похожий на добродушного бюргера, держал речь. Сорок унылых эмигрантов, с печатью на лице нужды, безделья, скуки, слушали его, бережно потягивая гренадин. «Козни каприйцев», легкомыслие «впередовцев» тож «отзовистов», соглашательство «троцкистов» тож «правдовцев», «уральские мандаты», «цека, цека, ока» — вещал оратор, и вряд ли кто-либо, попавший на это собрание не из Бутырок, а просто из Москвы, понял бы сии речи...»

Очень скоро бывшие дипломаты увидели, что у них нет иного выбора, кроме как проситься назад на государствен-

ную службу. Никакой иной работы в Советской России не осталось, потому что частный бизнес был уничтожен. К тому же в 1918 году в Петрограде вспыхнула эпидемия холеры, и безработных заставляли копать могилы.

— Довольно покобенились и поголодали, — говорил коллегам бывший сотрудник второго департамента МИД Андрей Сабанин. — Пора приняться за дело. Но работать как следует можно только по специальности. Предложу услуги наркоминделу.

И его взяли, как и многих других молодых дипломатов, которые быстро сделали в НКИД карьеру.

Троцкий придавал большое значение скорейшему опубликованию секретных документов из архива МИД. Он хотел, чтобы все увидели, как вся Европа была вовлечена в кровавую мировую войну. Сохранилась его записка Залкинду, написанная 7 ноября, на бланке наркома:

«Посылаю Вам специальный караул, которому отданы строжайшие инструкции. Непременно достаньте еще одного или двух работающих на машинке, переводите и перепишите как можно большее количество интересующих нас документов и отложите все оригиналы отдельно, их придется хранить особо. Точно сверяйте копии, снимаемые переписчиками (точность дат, имен и пр.), скрепляйте подписями и печатью.

Оригиналы отберите с таким расчетом, чтобы их можно было спрятать в надежном месте (у чиновников могут быть дубликаты ключей).

Жму руку. Ваш *Троцкий*».

Найденные документы сразу публиковались. Это были секретные договоры с Италией, Румынией, Францией, переписка императора Николая II, депеши послов Временному правительству. По личному указанию Ленина немедленно опубликовали перехваченное донесение румынского военного атташе, в котором говорилось, что генерал Корнилов намерен сдать Ригу с целью борьбы против «пораженчества».

Сам Троцкий ненавидел тайную дипломатию. После него еще и восторжествует привычка по секрету договариваться об одном, а на публике провозглашать другое.

Сталин считал дипломатию доведенным до совершенства искусством обмана: «Слова дипломата не должны иметь никакого отношения к действиям — иначе что это за дипломатия? Слова — это одно, а дела — другое... Искренняя дипломатия невозможна...»

Троцкий обладал даром привлекать к себе людей, которые шли за ним, как за вождем. Помощником наркома был назначен матрос-электротехник Балтийского флота Николай Григорьевич Маркин, талантливый самоучка и очень храбрый человек. Ему было двадцать пять лет, он вырос в бедной семье, рано начал работать, пристрастился к чтению нелегальной литературы, был арестован за попытку поджечь магазин своего хозяина. В тюрьме сблизился с политическими заключенными. После Февральской революции принимал участие в выпуске вечерней газеты «Рабочий и солдат», работал в Петроградском Совете, делегатом от Балтийского флота вошел во ВЦИК.

Маркин установил в наркомате большевистский порядок.

Троцкий восхищался своим помощником:

«Я был занят в Смольном общими задачами революции. Тогда Маркин стал на время негласным министром иностранных дел.

Он сразу разобрался по-своему в механизме комиссариата, производил твердой рукой чистку родовитых и вороватых дипломатов, устраивал по-новому канцелярию, конфисковал в пользу беспризорных контрабанду, продолжавшую поступать в дипломатических вализах из-за границы, отбирал наиболее поучительные тайные документы и издавал их за своей ответственностью и со своими примечаниями отдельными брошюрами...»

Маркин обзавелся парой переводчиков и составил из обнаруженных документов шесть сборников, которые отпечатал в типографии бывшего министерства иностранных дел.

Его энергии хватило бы на троих. Он с увлечением занимался всем, за что бы ни брался, — разбором дипломатической переписки или починкой пулемета. Маркину принадлежала идея продавать с аукциона подарки, которые заграничные друзья присылали чиновникам МИД. Чего там только не было — от статуэток до принадлежностей дамского туалета.

Первые контакты с иностранными дипломатами страшно веселили новых дипломатов. Залкинд не без удовольствия вспоминал, как к нему приехал секретарь испанского посла, которого отзывали на родину, и убеждал помощников Троцкого, что советскому правительству следует наградить посла орденом. Орденов было предостаточно — их обнаружили в министерстве в большом количестве. Залкинд выложил на стол целую кучу и великодушно предложил испанцу выбрать любой.

Персидский посланник под Новый год прислал по традиции руководителям наркомата шампанское и коньяк. Большевики торжественно вылили спиртное в камин и на следующий день еще заставили любезного посланника извиняться...

Реальные отношения были только с германо-австрийской миссией по делам о военнопленных, которая прибыла в Петроград после заключения соглашения о перемирии. В перемирие никто не верил, хотя Маркин вывесил на здании наркомата громадный плакат, оповещавший о прекращении боевых действий.

Когда началась Гражданская война, Николай Маркин стал заместителем Федора Федоровича Раскольникова, который возглавил Волжскую флотилию, чтобы сражаться с белогвардейскими кораблями. 1 октября 1918 года пароход «Ваня-коммунист», на котором находился Маркин, возле селения Пьяный Бор попал под огонь белой артиллерии и затонул. Троцкий крайне сожалел о гибели верного своего помощника...

В этом походе флотилии участвовала и писательница Лариса Рейснер (жена Раскольникова, а потом Карла Радека). Она написала стихотворение «Реквием» в память комиссара Волжской военной флотилии Николая Маркина:

Давно вернулись в море миноносцы,
Как лебеди, они ушли на юг —
За вами, павшие, за вами, крестоносцы,
Прислали рать железнокрылых вьюг.
Наверх, наверх, окоченевший Маркин!
Срывайте лед с кровоточащих ран.
Потоком медленным, густым и жарким
В безудержный вольется океан
Бунтующая кровь от ваших ран...

ГРАФ МИРБАХ В МОСКВЕ

Германо-австрийскую миссию возглавлял граф Вильгельм Мирбах, который потом вернется в Россию в роли немецкого посла и будет убит в июле. «Мирбах, — описал его Жак Садуль, — высокий, изысканный, моложавый, производит впечатление человека активного и умного, наделенного яркой индивидуальностью». Когда Мирбах приходил в наркомат, то всякий раз морщился при виде висевшего на стене портрета немецкого коммуниста Карла Либкнехта.

Сотрудники немецкой миссии были лишены права свободного передвижения по городу. Гостиницу охраняли мрачные и неподкупные латышские стрелки. Мирбах постоянно жаловался на притеснения, но наркомат оставался равнодушен к страданиям немецких и австрийских дипломатов, потому что такие же ограничения были введены в Брест-Литовске для прибывшей туда на переговоры советской делегации.

Мирбах даже пытался чисто по-человечески объяснить, что сотрудники его миссии «люди молодые» и нуждаются в моционе... Одного такого молодого человека, который все-таки выбрался в город, где-то изрядно поколотили. Но на это Мирбах жаловаться не стал.

Переговоры с немцами о судьбе военнопленных вели Александр Доливо-Добровольский, бывший директор правового департамента МИД, и Федор Петров, который впоследствии стал заведовать хозяйственным отделом наркомата.

Некоторые другие чиновники бывшего министерства завели разговор о возвращении на работу, но обставили это условиями, показавшимися неприемлемыми, посему на здании наркомата появилось залихватское объявление: «Старых чиновников просят предложениями своих услуг не беспокоить». Набрали совсем новых людей. Всем объясняли, что иностранную политику государства будут определять не они, а Совет Народных Комиссаров. Ставки жалованья были весьма демократичными: руководителям наркомата платили пятьсот рублей, водителям — четыреста пятьдесят, курьерам — триста.

1 декабря 1917 года в наркомате по иностранным делам насчитывалось тридцать человек, к Новому году — больше ста, а в январе 1918-го — уже двести. В аппарате наркомата собралась разношерстная публика, левые эсеры, анархисты. Несколько человек арестовали как белогвардейцев, а одного болгарина обвинили в том, что он немецкий шпион.

Народный комиссариат по иностранным делам занял здание бывшего царского министерства на Дворцовой площади. Сам нарком и его секретариат по-прежнему находились в Смольном, в комнате № 7. Это было время, когда Ленин и Троцкий работали в четыре руки. Переехав в Москву, в Кремле они даже поселились рядом. Это был период близких, почти дружеских отношений.

Ленин занимался фантастическим делом — пытался своими декретами и решениями коренным образом перевернуть всю жизнь огромной страны. Некоторые документы тех лет написаны ими совместно. Начало писал Троцкий, окончание Ленин. Они постоянно переговаривались и советовались.

А в наркомате по иностранным делам были образованы два основных отдела, один занимался Востоком, другой Западом. Кроме того, действовали отдел, занимавшийся военнопленными, отдел денежных переводов за границу, правовой отдел, шифровальный, экономический, отдел печати, отдел виз, отдел личного состава и хозяйственный.

Больше всего работы было у отдела виз, потому что иностранцы покидали Советскую Россию толпами. Бежали и свои — с поддельными документами. Один активист партии кадетов сумел уехать, предъявив паспорт китайского дипломатического курьера, который ему преспокойно отштамповали в НКИД.

Заграничные представительства Советской России были весьма немногочисленны. В Лондоне будущий нарком Максим Литвинов открыл «Русское народное посольство», и в Стокгольм Вацлаву Воровскому с первым советским дипломатическим курьером были отправлены верительные грамоты «Полномочного представителя Народного Комиссара по иностранным делам в Скандинавских странах».

«Никаких дипломатических переговоров в те времена не велось, — вспоминал Троцкий. — Наша дипломатическая деятельность происходила в Смольном без всякого аппарата НКИД. Только когда приехал тов. Чичерин и был назначен в состав НКИД, началась работа в самом здании, подбор новых сотрудников, но в очень небольших размерах...»

Троцкий вызволил бывшего царского дипломата Георгия Васильевича Чичерина из английской тюрьмы, где он сидел за пропаганду идеи немедленного окончания войны, и сделал своим заместителем в наркомате. Чичерина Троцкий знал давно: Георгий Васильевич еще в первую русскую революцию 1905 года примкнул к социал-демократам.

Никакой нормальной дипломатической работы в эти месяцы не было, потому что ни одно государство не признавало Совет Народных Комиссаров. Но пока в Брест-Литовске не был заключен мир с немцами, иностранные миссии в Петрограде поддерживали какие-то официальные отношения с советской властью.

Дипломаты приходили в наркомат, надеясь убедить новую власть не проводить национализацию иностранной собственности и не отказываться от своих обязательств по сделанным в Европе займам. Шведского посланника обидели, назвав его правительство буржуазным. Он энергично запротестовал, уверяя, что у него в стране правительство не буржуазное, а демократическое. Сербский посланник надеялся найти в нар-

комате какое-то понимание, но с ним завели разговор о «великосербском империализме». Он не остался в долгу и заявил, что большевики сами империалисты и большой разницы между Троцким и царским министром иностранных дел Сазоновым он не видит.

Французская миссия отказывалась именовать комиссариат по иностранным делам «народным», но у них просто не принимали никаких документов. Французам пришлось пойти на попятную.

К иностранным дипломатам сотрудники наркомата относились достаточно пренебрежительно.

Когда в Соединенных Штатах были приговорены к смертной казни несколько анархистов, питерские анархисты решили провести демонстрацию протеста под окнами американского посольства. Сотрудники НКИД не без злорадства предупредили об этом посла. Тот немедленно обратился к Ленину с требованием обеспечить безопасность посольства. Ленин сделал наркомату выговор: зачем лишний раз пугать послов?

31 декабря 1917 года был арестован румынский посланник Диаманди. Весь дипломатический корпус потребовал встречи с председателем Совета Народных Комиссаров. Ленин дал согласие. Сотрудники НКИД не хотели устраивать такую беседу в парадном зале, украшенном разноцветными половиками и зеркальным трюмо. А кабинет Ленина был слишком маленьким. Но все же остановились на этом варианте. Натащили туда побольше стульев и пошли встречать дипломатов.

Первым появился американский посол. Как дуайен дипломатического корпуса, он представлял Ленину всех дипломатов, и они обменивались рукопожатиями.

Затем американский посол, а вслед за ним французский решительно потребовали освободить румынского посланника. Им зачитали телеграмму Троцкого, в которой говорилось о нападении румын на российские войска. Дипломаты объяснения не приняли и не могли согласиться с превращением посла в заложника, считая такой шаг проявлением средневековья. Особенно возмутился сербский посланник Спалайкович, который произнес целую речь. Ленина эта картина страшно развеселила. Никаких гарантий иностранным дипломатам он не дал. На сем встреча, которая произвела сильное впечатление на иностранных дипломатов, закончилась.

Некоторые принципы советской внешней политики были заложены в первые же месяцы после революции. Это глубо-

кое неуважение суверенитета государств и презрение к международным договорам. Советские руководители исходили из того, что «пролетарское государство имеет право на красную интервенцию, походы Красной Армии являются распространением социализма, пролетарской власти, революции».

ПОЧЕМУ ОН УЕХАЛ ИЗ БРЕСТА?

От Троцкого требовали одного — прекращения войны и немедленного заключения мира. Солдаты покидали фронт и грозили советскому правительству: если вы не заключите мир, мы повернем оружие против вас.

Сразу после революции Троцкий по радиотелеграфу предложил всем воюющим государствам заключить мир. 22 ноября было подписано соглашение о приостановке военных действий на русском фронте от Балтийского моря до Черного. Страны Антанты отказались вести переговоры. Государства четверного союза — Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария — согласились. Они терпели поражение и хотели заключить сепаратный мир на востоке, чтобы продолжить войну на западе.

Большая часть короткой дипломатической карьеры Троцкого пришлась на самое сложное — переговоры с военными противниками о заключении мира. Умение вести переговоры считается высшим дипломатическим искусством. В другое время — кто знает? — из Троцкого мог бы получиться неплохой дипломат.

Созданная при Сталине версия: Троцкий сорвал переговоры в Брест-Литовске и позволил немцам оккупировать пол-России — не соответствует истине.

Принято считать, что Ленин и Сталин заботились об интересах родины, а Троцкий думал только о мировой революции и во имя ее готов был пожертвовать Россией.

На самом деле в Бресте Троцкий действовал не вопреки решениям партии, а в соответствии с ними. Затягивать переговоры, не подписывать мир, сколько возможно, — это была линия Ленина. Борьба вокруг заключения мира с немцами шла не между Лениным и Троцким, а между Троцким и значительной частью партии, которая требовала воевать во что бы то ни стало...

Троцкий потом говорил на съезде партии, что уже в ноябре 1917 года с немцами можно было договориться — и на очень выгодных условиях, но «все, в том числе т. Ленин, го-

ворили: «Идите и требуйте от немцев ясности в формулировках, уличайте их, при первой возможности оборвите переговоры и возвращайтесь назад».

9 декабря в Брест-Литовске начались переговоры российской делегации с представителями Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Российскую делегацию возглавил член ЦК Адольф Иоффе. Он в девятнадцать лет присоединился к социал-демократам, в Вене вместе с Троцким издавал газету «Правда», потом вернулся в Россию и в 1912 году был арестован и приговорен к пожизненной ссылке, которую отбывал в Сибири. Его освободила Февральская революция.

В дни Октябрьской революции Иоффе был председателем Петроградского военно-революционного комитета, который передал власть Совету Народных Комиссаров. Вести переговоры ему поручили, потому что он хорошо говорил по-немецки.

В Брест-Литовске немецкие и австрийские дипломаты расспрашивали Адольфа Иоффе о том, что же происходит в России. Он с воодушевлением рассказывал о целях социалистической революции. Опытные дипломаты воспринимали его слова скептически. Его партнер на переговорах австрийский дипломат граф Оттокар Чернин записывал в дневнике: «Удивительные люди — эти большевики. Они говорят о свободе и общем примирении, о мире и согласии, а при этом они, по-видимому, сами жесточайшие тираны, каких только видел мир, — буржуазию они попросту вырезывают, а единственными их аргументами являются пулеметы и виселица».

Представители четверного союза в принципе согласились с формулой мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. Немецкое правительство заявило, что готово отозвать оккупационные войска и предоставить народам Польши, Литвы и Курляндии право самим определить свою судьбу.

Но большая часть ЦК вообще исключала возможность подписания какого-то документа с империалистической державой. Владимир Ильич сказал Троцкому, что остается одно — затягивать переговоры в надежде на скорые революционные перемены в Германии. И попросил это сделать самого Троцкого, которому пришлось ехать в Брест-Литовск.

После бурлящего Петрограда Троцкому там было просто скучно. Деятельный нарком не хотел терять времени зря. Он усадил стенографисток и между делом надиктовал им очерк об октябрьских событиях. На переговорах он выступал очень умело и убедительно. Но в Бресте Троцкий, по словам исто-

риков, желал слишком многого: закончить войну, поднять немецкий рабочий класс на восстание и сохранить престиж России. Выполнить эти задачи одновременно оказалось невозможным.

Граф Оттокар Чернин писал потом: «Троцкий, несомненно, интересный, умный человек и очень опасный противник».

Как бы ни старался Троцкий затянуть переговоры, наступил момент принятия решения.

Они с Лениным не очень хотели подписывать официальный мир с немцами еще и по другой причине: и без того поговаривали о том, что большевики продались немцам. Они оказались в безвыходном положении. Тогда изобретательный Троцкий и придумал формулу, которую предложил Ленину:

— Войну прекращаем, армию демобилизуем, но мира не подписываем. Если немцы не смогут двинуть против нас войска, это будет означать, что мы одержали огромную победу. Если они еще смогут ударить, мы всегда успеем капитулировать.

— Это было бы так хорошо, что лучше не надо, если бы немцы оказались не в силах двинуть свои войска против нас, — озабоченно отвечал Ленин. — А если немцы возобновят войну?

— Тогда мы вынуждены будем подписать мир. Но тогда для всех будет ясно, что у нас нет другого исхода. Этим одним мы нанесем решительный удар легенде о нашей закулисной связи с немецким правительством.

Большинство руководителей партии требовало войны с немцами. Темпераментный Феликс Дзержинский заявил, что подписание мира — это полная капитуляция. Григорий Зиновьев, будущий председатель Исполкома Коминтерна, считал, что мир ослабит революционное движение на Западе и приведет к гибели социалистической республики в России. Урицкий сказал, что у него «рука не поднимется подписать похабный мир».

Партия вышла из повиновения, и Ленин остался в меньшинстве. Точка зрения Троцкого оказалась единственно возможным компромиссом.

На заседании ЦК Сталин говорил об этом:

— Ясности и определенности нет по вопросу о мире, так как существуют различные течения. Надо этому положить конец. Выход из тяжелого положения дала нам средняя точка зрения — позиция Троцкого.

На заседании ЦК компромиссное предложение Троцкого получило большинство голосов.

9 февраля руководители немецкой и австро-венгерской делегации подписали мирный договор с представителями Украинской Народной Республики. И сразу же ультимативно потребовали от Троцкого принять их условия мира.

Вот тогда Троцкий в соответствии с решением ЦК на заседании в Брест-Литовске заявил:

«В ожидании того, мы надеемся, близкого часа, когда угнетенные трудящиеся классы всех стран возьмут в свои руки власть, подобно трудящемуся народу России, мы выводим нашу армию и наш народ из войны.

Наш солдат-пахарь должен вернуться к своей пашне, чтобы уже нынешней весной мирно обрабатывать землю, которую революция из рук помещиков передала в руки крестьянина. Наш солдат-рабочий должен вернуться в мастерскую, чтобы производить там не орудия разрушения, а орудия созидания и совместно с пахарем строить новое социалистическое хозяйство...

Мы не можем поставить подписи русской революции под условиями, которые несут с собой гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ.

Правительства Германии и Австро-Венгрии хотят владеть землями и народами по праву военного захвата. Пусть они свое дело творят открыто. Мы не можем освящать насилия. Мы выходим из войны, но мы вынуждены отказаться от подписания мирного договора».

Почему Троцкий не подписал мир с немцами?

Принять грабительские требования немцев он, как коммунист, считал немыслимым для себя и позором для России. Он рассчитывал, что немцы не решатся наступать. Но в любом случае полагал, что подписать с ними мир можно, только уступая силе, а не демонстрируя готовность поддаться до того, как положение станет крайним.

Уже в наши дни известный российский дипломат Юлий Квицинский так оценивает поведение Троцкого:

«Ни мира, ни войны», — говорил в Бресте Троцкий не потому, что не слушался Ленина, а потому что отказ от Прибалтики, Украины, западных областей Белоруссии был страшен для большевиков, ставя на них клеймо предателей интересов России, подкрепляя обвинения в адрес Ленина как агента германского генштаба. Почитайте Троцкого и увидите, что ЦК РКП(б) своей тактикой «ни мира, ни войны» специально провоцировал новое наступление немцев, их приближение к Петрограду, чтобы еще раз показать народу, что иного выхода, как подписать Брестский мир, не остается...»

Выслушав заявление Троцкого, делегации Германии и Австро-Венгрии склонялись к тому, чтобы принять состояние мира де-факто. Российская делегация вернулась в Москву в уверенности, что немцы наступать не будут.

14 февраля высший орган государственной власти Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял резолюцию: «Заслушав и обсудив доклад мирной делегации, ВЦИК вполне одобряет образ действий своих представителей в Бресте».

Однако немецкое командование сообщило, что с 18 февраля будет считать себя в состоянии войны с Россией.

Не все в России сокрушались, когда немцы начали наступление. Напротив, были люди, которые надеялись, что немцы уничтожат большевиков, и сожалели, что немецкое правительство готово в обмен на подписание мира фактически заключить союз с большевиками.

Писательница Зинаида Гиппиус, ненавидевшая революцию, 7 февраля 1918 года записывала в дневнике:

«Германия всегда понимала нас больше, ибо всегда была к нам внимательнее. Она могла бы понять: сейчас мы опаснее, чем когда-либо, опасны для всего тела Европы (и для тела Германии, да, да!). Мы — чумная язва. Изолировать нас нельзя, надо уничтожать гнездо бацилл, выжечь, если надо, — и притом торопиться, в своих же, в своих собственных интересах!»

Когда немцы начали наступление, французы и англичане предложили России помощь. Часть членов советского руководства была против вообще каких-либо соглашений с империалистами. Троцкий считал, что, если предлагают помощь, надо этим воспользоваться. Ленин сформулировал решение так: уполномочить тов. Троцкого принять помощь разбойников французского империализма против немецких разбойников.

Тем не менее было ясно, что с немцами придется договариваться, и желательно — быстрее. Но немцы выставили такие условия, идти на которые казалось заведомо невозможным.

Возмущенный Ленин сказал Троцкому:

— Да, придется драться, хоть и нечем. Иного выхода, кажется, уже нет.

Но минут через пятнадцать, когда Троцкий вновь зашел к нему, Ленин уже успокоился:

— Нет, нельзя менять политику.

Зинаида Гиппиус:

«Большевики совершенно потеряли голову. Мечутся: священная война! нет, — мир для спасения революционного Петрограда и советской власти! нет, — все-таки война, умрем сами! нет, — не умрем, а перейдем в Москву, а возьмут Москву, — мы в Тулу, и мы... Что, наконец? Да все, — только власти не уступим, никого к ней не подпустим, и верим, германский пролетариат... Когда? Все равно когда...»

В Москве между лидерами большевиков шли ожесточенные споры. ЦК отказывался подписывать мир с немцами, требовал защищать революцию с оружием в руках.

Теперь условия мира были еще хуже: Россия теряла Прибалтику и часть Белоруссии. Города Карс, Батум и Ардаган надо было отдать Турции. Признать независимость Украины, немедленно демобилизовать армию и уплатить Германии шесть миллиардов марок контрибуции.

Ленин доказывал необходимость капитуляции — никакие потери не имеют значения, можно отказаться от Польши, Финляндии, признать независимость Украины, лишь бы сохранить власть. Троцкий не был с ним согласен, но, понимая опасность ситуации, воздержался при голосовании. Ленинская точка зрения была принята. Если бы Троцкий проголосовал против Ленина, немцы могли взять Москву и Петроград и власть большевиков, возможно, кончилась бы...

Николай Васильевич Устрялов, приверженец идеологии национал-большевизма, который одним из первых пришел к выводу, что большевизм имеет глубокие национальные корни, считал, что политика Троцкого на переговорах с немцами — «наилучший выход из того положения», в какое попали большевики. И был возмущен Брестским миром: «Мир с Германией — моральное самоубийство русской революции».

Академик Александр Яковлев считает так:

— В отношении Брестского мира Троцкий занял более-менее приличную позицию. Ленин одним руководствовался — отдай хоть половину страны, но власть сохрани. А Троцкий был против мира с немцами. Дело не только в территориях, которые они могли захватить. Дело в контрибуции — и золото и сырье поехало на Запад, к немцам. Вопрос с территориями после поражения Германии был решен, а что ушло в счет контрибуции, не вернулось, там осталось.

Что же потом десятилетиями вызывало раздражение советских историков, описывавших историю Брестского мира? То, что тогда члены ЦК посмели голосовать не по указанию Ленина, а по собственному разумению... Тогда еще не было ни рабского послушания, ни чиновничьего безразличия. У

участников этой исторической драмы были собственные взгляды, и они считали своим долгом их защищать.

Карл Радек описал споры, которые шли накануне заключения Брестского мира. Ленин говорил:

— Войну ведет не партия. Войну должен вести мужик. А разве вы не видите, что мужик голосовал против войны?

— Позвольте, как это голосовал? — удивленно переспросил Радек.

— Ногами голосовал, бежит с фронта.

«И этим дело для него было решено, — пишет Радек. — Брестская передышка давала тень надежды, хотя бы на несколько месяцев, и это решало все. Надо было, чтобы мужик дотронулся руками до данной ему революцией земли, надо было, чтобы встала перед ним опасность потери этой земли, и тогда он будет ее защищать».

Члены ЦК возмущенно говорили: «Как же мы будем заключать мир с правительством Гогенцоллернов?»

Ленин отвечал им:

— Вы хуже курицы. Курица не решается перешагнуть через круг, очерченный вокруг нее мелом, но она может для своего оправдания хотя бы сказать, что этот круг очертила вокруг нее чужая рука. Но вы-то начертали вокруг себя собственной рукой формулу и теперь смотрите на нее, а не на действительность. Вы хотите, чтобы мы погибли и чтобы победили капиталистические правительства во имя нашей революционной формулы...

Троцкий сказал Ленину:

— Мне кажется, что политически было бы целесообразно, если бы я, как наркоминдел, подал в отставку.

— Зачем? Мы, надеюсь, этих парламентских приемов заводить не будем.

— Но моя отставка будет для немцев означать радикальный поворот политики и усилит их доверие к нашей готовности действительно подписать на этот раз мирный договор.

Лев Давидович подал в отставку. На заседании ЦК Сталин, как записано в протоколе, сказал, что «он не делает ни тени упрека Троцкому, он также оценивает момент как кризис власти, но все же просит его выждать пару дней».

В этот период Троцкий еще оставался романтиком, революционером, не столкнувшимся с кровавой практикой революции. Но они с Лениным быстро менялись. Первым это ощутил Горький. Он писал в газете «Новая жизнь»:

«Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное от-

ношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия... Надо понять, что Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата».

— Троцкий с Лениным были люди, для которых власть — это все, — говорит академик Яковлев. — Ради власти они были готовы на многое. До этого все дискуссии носили теоретический характер. Одни говорили — лучше без насилия, другие — а чего церемониться... А тут начали убивать, и все — судьба была определена. Запах крови их опьянил. Они уже были готовы к большой крови.

13 марта 1918 года Совет Народных Комиссаров постановил: «Товарища Троцкого согласно его ходатайства освободить от должности наркома по иностранным делам. Временным заместителем народного комиссара по иностранным делам назначить товарища Чичерина».

Отставка Троцкого была облегчением для него самого и для Ленина, который поручил Льву Давидовичу куда более важное дело — создавать армию в качестве наркома и председателя Реввоенсовета Республики.

На переговоры с немцами отправили новую делегацию. Ее возглавил член ЦК Григорий Сокольников. Вместе с ним поехали нарком внутренних дел Григорий Петровский и от наркоминдела Лев Карахан и Григорий Чичерин.

В брест-литовских переговорах с немцами принимал участие Леонид Борисович Красин, остроумный и талантливый человек. Он пользовался немалым уважением в Москве, потому что в свое время сыграл важнейшую роль в финансировании партии большевиков. Это он, в частности, убедил миллионера Савву Морозова и мебельного фабриканта Николая Шмита передать большевикам огромные по тем временам деньги. Борьба за эти деньги была долгой, большевики ничем не гнушались, использовали даже фиктивные браки с богатыми невестами...

Красин занимался и нелегальной закупкой оружия для большевистских боевых отрядов. Царская полиция его арестовала. Он сидел в Таганской тюрьме, где сумел выучить немецкий язык, прочитал в оригинале всего Шиллера и Гете. После ссылки он отошел от революционных дел, окончил Харьковский технологический институт, четыре года строил в Баку электростанции, а потом и вовсе уехал в Германию, где успешно работал по инженерной части. Немцы его высоко ценили.

Красин был одним из немногих большевиков, которые понимали, что такое современная экономика и торговля. Поэтому Ленин привлек Красина к государственной работе — Леонид Борисович некоторое время возглавлял Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной армии и наркомат путей сообщения, потом был наркомом внешней торговли, полпредом и торгпредом во Франции и Англии.

Красин в письме объяснял жене:

«Переговоры с немцами дошли до такой стадии, на которой необходимо формулировать если не самый торговый и таможенный договор, то, по крайней мере, предварительные условия его.

У народных комиссаров, разумеется, нет людей, понимающих что-либо в этой области, и вот они обратились ко мне, прося помочь им при этой части переговоров в качестве эксперта-консультанта.

Мне, уже отклонявшему многократно предложения войти к ним в работу, трудно было отклонить в данном случае, когда требовались мои специальные знания и когда оставлять этих политиков и литературоведов одних значило бы, может быть, допустить ошибки и промахи, могущие больно отразиться на русской промышленности и на русских рабочих».

3 марта советская делегация подписала договор с четверным союзом. Первая мировая война для России закончилась. 22 марта договор был ратифицирован германским рейхстагом.

Никакой ненависти к Германии советское руководство не питало. Напротив, большевики проявили интерес к сближению с Берлином. Ведь немецкое правительство признало советскую власть и, более того, предлагало военное сотрудничество — против белой армии и войск Антанты, высадившихся на территории России.

Летом 1918 года Красин подписал с германским министерством торговли и промышленности соглашение о поставке в Россию ста тысяч тонн угля и кокса в обмен на лен, пеньку и другие товары традиционного экспорта.

Кое-кого из большевиков сближение с Германией смутило, например, Вацлава Воровского, который был советским представителем в Швеции. Ленин успокоил его короткой запиской: «Помощи» никто не просил у немцев, а договорились о том, когда и как они, немцы, осуществят их план похода на Мурманск и Алексеева. Это совпадение интересов. Не используя этого, мы были бы идиотами».

По постановлению Совнаркома от 5 апреля 1918 года Адольф Иоффе поехал полпредом в Берлин. Немецким послом в Москву был назначен граф Мирбах. Посольство Германии обосновалось в доме № 5 по Денежному переулку.

Судьба первых послов сложится трагически. Мирбаха в июле убьют левые социалисты-революционеры, которые так и не приняли Брестский мир и восстали против большевиков. Иоффе через девять лет, тяжелобольной и лишенный работы, как единомышленник Троцкого, застрелится.

Зинаида Гиппиус 26 апреля 1918 года записала в дневнике:

«Я хочу сказать два слова не о том, будет или не будет Германия свергать большевиков, а о некотором внутреннем ужасе, новом, дыхание которого вдруг почувствовалось. Это так называемая ГЕРМАНСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ. Уже не большевики (что большевики!), но все другие слои России как будто готовы повлечься к Германии, за Германиею, пойти туда, куда она прикажет, послужить ей не только за страх, но и за «порядок», если немцы его обещают, за крошечный кусок хлеба...

Я понимаю, изнутри понимаю это склонение России к тому, что зовется «германской ориентацией»... Это измученная, заглотанная большевиками, издыхающая Россия. Одуревшая, оглупевшая, хватающаяся за то, что видит пред собой. Что, мол, союзники! Далеко союзники! У них свои дела. А Германия уже здесь близко. Она может устроить нам власть, дать порядок, дать завтра хоть кусочек хлеба...»

Но кайзеровская Германия сама не выдержала четырехлетней войны. Первыми восстали моряки, которые требовали мира.

4 ноября 1918 года в багаже советских посланцев нашли революционные листовки на немецком языке.

5 ноября кайзеровское правительство, считая, что начинающаяся революция — это результат подрывной деятельности русского большевизма, разорвало дипломатические отношения с Советской Россией и потребовало выезда из Берлина советского полпредства во главе с Иоффе.

В тот же день германское правительство обратилось к державам Антанты с просьбой о перемирии.

6 ноября советских дипломатов привезли на железнодорожный вокзал и отправили на родину. Только в ноябре 1921 года полпред Николай Крестинский вручил верительные грамоты в Берлине. Полноценные дипломатические отношения были восстановлены лишь после Рапалльского договора в апреле 1922 года.

9 ноября 1918 года Германию охватила всеобщая забастовка, в Берлине шли массовые демонстрации. Моряков поддержали солдаты. Рейхсканцлер принц Макс Баденский утром обнародовал сообщение об отречении от трона кайзера Вильгельма II. В час дня принц объявил и о своей отставке. Часом позже Филипп Шейдеман, один из лидеров немецкой социал-демократии, объявил о создании республики, а в четыре часа дня один из руководителей коммунистического «Союза Спартака» Карл Либкнехт провозгласил создание социалистической республики.

Кайзер Вильгельм ночью тайно бежал в Голландию. На следующий день Берлинский совет рабочих и крестьянских депутатов передал власть Временному правительству, главой которого стал лидер германских социал-демократов Фридрих Эберт.

В Москве торжествовали. Казалось, сбывались надежды на мировую революцию.

13 ноября ВЦИК заявил: «Условия войны с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишились силы и значения. Брест-Литовский договор в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным».

Заодно аннулировались и Русско-германский добавочный договор и финансовое соглашение, подписанные в Берлине 27 августа, о выплате Россией Германии огромной контрибуции.

ВОЖДЬ КРАСНОЙ АРМИИ

Когда большевики в октябре 1917 года приняли декрет о мире, началась стихийная демобилизация, солдаты бросали фронт. Совнарком решил создавать новую, революционную армию на добровольческой основе. При наркомате по военным делам появилась Всероссийская коллегия по организации и формированию новой армии.

4 марта 1918 года Ленин подписал постановление об учреждении Высшего военного совета. Ему поручалось «руководство всеми военными операциями с безусловным подчинением Высшему совету всех без исключения военных учреждений и лиц».

Военным руководителем Высшего военного совета назначили генерала Михаила Бонч-Бруевича. Он предложил отменить добровольческий принцип формирования армии и иметь вооруженные силы численностью полтора милли-

она человек, ликвидировать коллегиальное управление войсками, отменить выборность командиров и ввести единоначалие.

8 мая 1918 года Всероссийскую коллегию по формированию Красной армии упразднили. Вместо нее был создан подчиненный Высшему военному совету Всероссийский главный штаб (Всероглавштаб), занимавшийся мобилизацией, формированием и обучением войск.

Председательствовать в Высшем военном совете по должности полагалось наркомвоенмору.

Но кого поставить во главе вооруженных сил? Николай Подвойский, Николай Крыленко, Владимир Антонов-Овсеенко, которых первоначально определили в наркомат по военным делам, не годились. Требовался чрезвычайно авторитетный в партии человек с железной волей и организаторскими способностями.

По существу, Ленин мог положиться только на одного человека — Троцкого. Эта же мысль пришла в голову и другим видным членам ЦК.

11 марта 1918 года член Петроградского бюро ЦК Адольф Иоффе телеграфировал Ленину в Москву, куда уже переехало правительство:

«Вчера на заседании питерской части ЦК единогласно было принято мое предложение о назначении Троцкого главным народным комиссаром по военным делам. Должны быть опрошены остальные члены ЦК. Троцкий согласен принять этот пост.

Вчера здесь организован Военно-революционный комитет Петроградской коммуны под председательством Троцкого. На сегодняшнем заседании произошел инцидент. Большинство — против Троцкого, меня, Благонравова — решило взять на себя оборону Петрограда, внешнюю и внутреннюю, со вмешательством также в стратегические и военно-технические распоряжения военных специалистов.

Мы настаивали на предоставлении самых широких полномочий политическим комиссарам, включительно до права расстрела на месте генералов в случае их измены, но без права вмешательства в их распоряжения, носящие стратегический военно-технический характер.

После провала этого предложения мы трое заявили о своем выходе. Ясно, что не только в Питере, но и во всероссийском масштабе дело организации новой армии и воссоздания боевой мощи погибнет, если осуществлено будет принятое здесь большинством решение, ибо ни один честный и уважа-

ющий себя военный специалист в таких условиях работать не будет.

Единственным спасением было бы немедленное назначение Троцкого главным народным комиссаром по военным делам, ибо тогда он мог бы просто не считаться с этими мальчишескими бреднями...»

13 марта 1918 года Совет Народных Комиссаров РСФСР принял постановление:

«Ввиду ходатайства Члена высшего военного совета товарища Шутко об освобождении его от занимаемой им должности члена Высшего военного совета, это ходатайство удовлетворить; тов. Троцкого назначить членом Высшего военного совета и исполняющим обязанности председателя этого совета.

Товарища Троцкого согласно его ходатайства освободить от должности народного комиссара по иностранным делам.

Временным заместителем народного комиссара по иностранным делам назначить товарища Чичерина.

Товарища Подвойского согласно его ходатайству от должности народного комиссара по военным делам освободить.

Народным комиссаром по военным делам назначить тов. Троцкого».

Постановление подписали председатель Совнаркома Ленин, наркомы Карелин и Сталин, управляющий делами правительства Владимир Бонч-Бруевич.

Владимир Александрович Карелин, один из организаторов партии левых эсеров, вошел в первое советское правительство наркомом имуществ Республики. Через несколько дней он выйдет из правительства в знак протеста против Брестского мира...

14 марта Троцкий приступил к исполнению обязанностей наркома по военным и морским делам.

Троцкий хотел сохранить Высший военный совет и удержать на своем посту генерала Бонч-Бруевича. Но генерал вскоре подал рапорт об отставке, сославшись на то, что фронтами должны управлять «не плохо осведомленные, привлеченные больше для консультации, нежели для управления, военспецы», а лица, «облеченные полным доверием правительства и пользующиеся авторитетом в Красной Армии».

Тогда и создали Революционный военный совет Республики, РВСР. Наступил звездный час Троцкого.

«Для личного взлета во время революции, — пишет известный историк академик Юрий Поляков, — нужно было по-

мимо личных качеств два фактора: понять неординарность времени и действовать с адекватной неординарностью.

Троцкий стремительно взлетел во время революции. Он стал ее трибуном и организатором. Он доказал, что может действовать в любых условиях, как бы они ни менялись. Летом и осенью 1917 года он действовал так, как будто родился вожаком миллионов рабочих и крестьян, поднявшихся на революцию. В 1918—1920 годах он проявил себя как прирожденный военный руководитель вооруженного народа.

Троцкий нашел себя в революции, а революция нашла в нем одного из самых блестящих военных и политических лидеров».

Впрочем, вначале казалось, что Троцкий взялся за невыполнимое дело и советская власть долго не протянет. Он должен был создать новую армию. В мае 1918 года в РККА было триста тысяч бойцов, осенью — уже больше миллиона.

Карл Радек писал, что, когда гибла старая царская армия, военный министр в правительстве Керенского генерал-майор Александр Иванович Верховский предложил отпустить старшие возрасты и влить в армию молодых людей: «Когда мы пришли к власти и когда окопы оказались пустыми, многие из нас предлагали то же самое. Но нельзя было в бегущую царскую армию вливать новые силы. Две эти волны друг друга перерезали и распыляли. Старая армия должна была умереть».

В апреле 1918 года в кабинете Подвойского собрались бывшие царские офицеры, чтобы разработать план реорганизации армии. Радек свидетельствует: «Троцкий — я помню, великолепно помню эту сцену — в продолжение многих дней прислушивался к их планам молча. Это были планы людей, не понимающих переворота, на их глазах происшедшего. Они не понимали перемен, которые произошли в человеческом материале, на котором строится армия. Выслушав все предложения, Троцкий выдвинул собственное: создание добровольческой армии. Военные молчали, но считали это бесполезной затеей».

Военные считали, что армия может быть построена только на началах общеобязательности, на началах железной дисциплины. Они не понимали, писал Радек, что «крестьянина и рабочую массу можно будет только тогда снова призвать под военные знамена, когда опасность смерти будет смотреть в глаза народным массам.

Ни на минуту не допуская мысли, что добровольческая армия может спасти Россию, Троцкий строил ее как аппарат,

нужный ему для создания новой армии. Но если уже в этом выражался организаторский гений Троцкого, смелость его мысли, то еще более яркое выражение она нашла в мужественном подходе к идее использования военных специалистов для строения армии».

Троцкий в армии не служил и о военном деле имел весьма относительное представление. Но он умел учиться и сразу обратился за помощью к тем, кто дал ему правильные советы. Троцкий сразу занял принципиальную позицию: военными делами должны заниматься профессионалы, то есть кадровые офицеры.

Белая и Красная армии по социально-сословному составу не слишком различались. В Белой армии три четверти составляли крестьяне, рабочие и казаки. В Красной крестьяне составляли те же три четверти.

До революции армейское и флотское офицерство не очень интересовалось политикой. В дни Февральской революции они поддержали свержение царя, считая, что это неизбежно и этой неизбежности следует подчиниться. Многие из них считали, что нельзя идти против народа. Это привело их в Красную армию.

В Белой армии было сто тысяч офицеров, в Красной немногим меньше — семьдесят пять тысяч.

Причем в РККА служило даже больше выпускников Николаевской академии генерального штаба, чем у белых. Поступить в академию было очень сложно, ее выпускники получали прекрасное образование, считались элитой российской армии и быстро занимали высшие командные посты. По мнению военных историков, офицеры-генштабисты внесли заметный вклад в победы Красной армии.

Историк Сергей Константинов приводит такой факт: начальником штаба у одного из самых видных полководцев Красной армии Михаила Васильевича Фрунзе был генерал Николай Семенович Махров, а начальником штаба у Врангеля служил генерал Петр Семенович Махров, то есть братья сражались друг с другом. В штабе Тухачевского, наступавшего на Варшаву, служил Николай Владимирович Соллогуб. А в штабе Пилсудского, оборонявшего Варшаву, — двоюродный брат граф Владимир Александрович Соллогуб.

Правда, Деникину офицеры служили все-таки с большим удовольствием, потому что в Белой армии их не унижали так, как в Красной.

Николай Ильич Подвойский вместе со старым большевиком Константином Степановичем Еремеевым разработа-

ли декларацию прав солдата. Ее рассмотрел Совет народных военных комиссаров (коллегия наркомвоена), а 16 декабря 1917 года за подписями Ленина, Крыленко и Подвойского были опубликованы декреты «Об уравнении всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и об организации власти в армии». Власть в армии передавалась солдатским комитетам. Солдаты получили право выбирать себе командиров.

Крыленко самокритично писал: «Конечно, тут не обошлось без тяжелых эксцессов, страданий для части ни в чем не повинного младшего офицерства, повсеместно смещенного солдатами с должностей и поставленного на уровень рядовых; самоубийства офицеров, брошенных в землянки, приставленных конюхами, кашеварами и т. д., эпидемией прошли по армии, но зато революция была поставлена на ноги в армии».

Но очень быстро большевики столкнулись с тем, что такая армия воевать не может, потому что это была не армия, а толпа.

Французская разведка, докладывая в начале января 1918 года в Париж о ситуации в России, отмечала:

«Народные массы хотят мира любой ценой, полагая, что он немедленно покончит с нищетой и обеспечит легкую жизнь. Желают, ничего в этом не понимая, раздела всего и полного равенства без офицеров в армии, инженеров на фабриках и т. д.

Опьянены громкими словами, в которых совсем не разбираются: «демократический мир», «право наций на самоопределение», «без аннексий и контрибуций»... Единственный стимул — боязнь побоев. Только палка в твердой руке заставит маршировать тысячи».

24 сентября 1918 года член Реввоенсовета 1-й армии Сергей Павлович Медведев писал Ленину о положении на фронте борьбы с чехословаками:

«Я убедился, что у нас есть толпы вооруженных людей, а не крепкие воинские части. Зло, которое причиняли эти толпы делу борьбы с чехословаками и белогвардейцами, прямо неописуемо. Как только они занимали какую-нибудь деревню или село, они вызывали своей неорганизованностью и распущенностью величайшее озлобление всего населения.

Всякий мало-мальски самостоятельный житель и его дом рассматривался как белогвардейское пристанище и подвергался и явному, и тайному ограблению. Самовольные захва-

ты лошадей, фуража, продуктов питания, обыски в домах и при этом грабеж...

Во всех этих вооруженных толпах не проявлялось никакого понятия о дисциплине, о подчинении командному составу во время операций. Сам же командный состав оказался настолько слабым, безвольным, терроризированным негодными элементами части, что не он командовал частями, а его части тянули, куда хотели.

Даже самые стойкие и решительные из них собирались порою бежать, чтоб не нажить себе горя... Каждую минуту можно было ожидать, что все дело борьбы рухнет безвозвратно...

Части нашей Красной Армии формировались в различных местах и совершенно по-разному. Большая часть из них состоит из добровольцев. Никакой военной выучке они не подвергались, и поэтому слишком трудно совершать с ними военные операции. Они могут совершить партизанский набег, но чуть только попадут под военный, а не под партизанский огонь — они обнаруживают всю слабость свою и панически бегут от жалкой горстки опытного противника...

У нас есть некоторое количество честных бывших офицеров. Они знают, что нужно сделать, чтобы превратить нашу борьбу в борьбу военную, но сделать это, по их характеру, им не дано. Те же из них, кои могли бы это сделать, терроризированы негодным в военном отношении, а часто и в моральном, элементом...»

(После войны Сергей Павлович Медведев перейдет в профсоюзы, возглавит Союз металлистов и станет одним из вождей «рабочей оппозиции». Его исключат из партии и уничтожат: сначала отправят на Беломорско-Балтийский канал, потом в Челябинский политизолятор, в 1935-м приговорят к пяти годам лагерей, в 1937-м расстреляют...)

Создать чисто добровольческую армию не удалось ни одной из сторон. Поэтому прибегли к мобилизации. 23 ноября 1918 года появился приказ Реввоенсовета о призыве на военную службу бывших офицеров младше пятидесяти лет, штаб-офицеров младше пятидесяти пяти лет и бывших генералов в возрасте до шестидесяти лет. И за малым исключением они преданно служили советской власти.

«Троцкий не только сумел, благодаря своей энергии, подчинить себе бывшее кадровое офицерство, — писал Радек, — он достиг большего. Он сумел завоевать себе доверие лучших элементов специалистов и превратить их из врагов Советской России в ее убежденных сторонников».

Радек вспоминает, как военные эксперты, которые были в Брест-Литовске, работали из-под палки, но потом почувствовали доверие к Троцкому. Бывший контр-адмирал и помощник начальника морского генерального штаба Василий Михайлович Альтфатер, который не за страх, а за совесть помогал Советской России, ночью пришел в комнату Радека и сказал:

— Я приехал сюда, потому что был принужден. Я вам не верил, теперь буду помогать вам и делать свое дело, как никогда я этого не делал, в глубоком убеждении, что служу родине.

Альтфатера в феврале 1918-го включили в коллегию наркомата по морским делам, а в октябре назначили членом Реввоенсовета и первым командующим всеми морскими силами республики. Он умер в 1919 году всего в тридцать шесть лет...

«Одна из величайших побед Троцкого, — заключал Радек, — состоит в том, что он сумел людям, пришедшим к нам по принуждению из вражеского лагеря, внушить убеждение, что Советское правительство есть правительство, борющееся за благо русского народа».

2 сентября 1918 года постановление ВЦИК объявляло республику военным лагерем: «Во главе всех фронтов и всех военных учреждений республики ставится Революционный военный совет с одним Главнокомандующим».

На роль главкома Троцкий выбрал Иоакима Иоакимовича Вацетиса, бывшего царского офицера. Вацетис окончил Академию генерального штаба, в 1917 году командовал на фронте 5-м Земгальским латышским полком, вместе с которым перешел на сторону революции. Весной 1918-го он сформировал Латышскую советскую стрелковую дивизию, которая охраняла Кремль и подавила мятеж левых эсеров. С тех пор Вацетис пользовался у Ленина особым доверием.

В июле 1918 года Вацетис был назначен командующим Восточным фронтом, а в сентябре — главнокомандующим вооруженными силами республики.

А вот многие военные были удивлены и недовольны быстрым ростом Вацетиса, в первую очередь Михаил Бонч-Бруевич, у которого Вацетис когда-то учился в генеральном штабе и который, видимо, не высоко ценил своего ученика.

Троцкий писал, что латышские стрелки — «это была единственная часть, сохранившаяся от старой армии. Латышские батраки, рабочие, бедняки-крестьяне ненавидели балтийских баронов. Эту социальную ненависть использовал царизм в

войне с немцами. Латышские полки были лучшими в царской армии. После февральского переворота они почти сплошь обольшевичились и в октябрьской революции сыграли большую роль...

Через год Вацетиса обвинили в сомнительных замыслах и связях, так что пришлось его сместить. Но ничего серьезного за этими обвинениями не крылось. Возможно, что на сон грядущий он почитывал биографию Наполеона и делился нескромными мыслями с двумя-тремя молодыми офицерами...».

Вацетиса не любили в ВЧК, что погубило его военную карьеру. Возможно, потому что он держался независимо и не скрывал своих взглядов.

18 апреля 1919 года главком в подробном докладе Ленину вступился за высокообразованных офицеров, которые тащили на себе всю штабную работу, трудились «в высшей степени добросовестно, честно и с гораздо большей затратой энергии, чем это делалось и требовалось условиями службы старой императорской армии».

Вацетис писал об оскорбительном недоверии к бывшим офицерам, которые по своей воле пошли служить советской власти, жаловался на несправедливое отношение к ним со стороны комиссаров:

«Скажу откровенно, что каждый комиссар, назначенный контролировать деятельность какого-нибудь отдела в штабе, имеет своим затаенным желанием поймать в контрреволюционности и предательстве какое-нибудь лицо генштба... Такими замашками страдали жандармы старого режима, служебное повышение которых находилось в сильной степени в зависимости от того, сколько удастся раскрыть заговоров против самодержавного строя...»

Вацетис перечислил ряд бывших офицеров, которые были арестованы без всякой вины, и добавил, что такие аресты внушают страх остальным офицерам. Он просил проверить правомерность действий начальника Особого отдела ВЧК Кедрова:

«Товарищ Кедров мне известен по весьма неудачному командованию им 6-й армией, во время которого он совершенно незаконно, не имея никаких прав на это, приказал арестовать командующего 2-й армией товарища Блохина и весь штаб 2-й армии, добавив в телеграмме, что если надо, то и расстрелять.

2-я армия Кедрову подчинена не была. За этот поступок Кедров был уволен с должности командующего 6-й армией.

Этим своим незаконным и необдуманным арестом Кедров совершенно разбил управление 2-й армии, вследствие чего развалилась 2-я армия, и это было в тяжелые дни, когда чехословаки захватили Казань и грозили продвижением в центр Республики...»

Кедров и представить себе не мог, что со временем его самого арестуют точно так же — без какой-либо причины, а после оправдания в суде (что само по себе было невиданным делом!) все равно расстреляют...

А тогда борьба с главкомом кончилась тем, что Особый отдел ВЧК арестовал бывшего офицера, состоявшего при Вацетисе, и доложил Дзержинскому, что в Полевом штабе Реввоенсовета созрел белогвардейский заговор. Дзержинский доложил Ленину, тот подписал приказ об освобождении Вацетиса.

Полевой штаб РВС существовал с 22 октября 1918 года и руководил всеми боевыми операциями.

Вместе с Вацетисом был арестован начальник Полевого штаба Федор Васильевич Костяев (он руководил штабом с октября 1918-го по июнь 1919-го) и еще несколько ключевых штабистов. Эти аресты были проведены летом 1919 года, когда положение на фронтах было отчаянное!

Доволен был, кажется, один Сталин, который считал всех бывших офицеров предателями и требовал убрать их с военной службы. Аресты словно подтвердили его просьбу. Он писал Ленину: «Не только Всеросглавштаб работает на белых, но и Полевой штаб Реввоенсовета Республики во главе с Костяевым».

Обвинения против Вацетиса, как и следовало ожидать, оказались липовыми. Но советская власть своих ошибок не признавала. 7 октября 1919-го ВЦИК принял постановление:

«Поведение бывшего главкома, как оно выяснилось из данных следствия, рисует его как крайне неуравновешенного, неразборчивого в своих связях, несмотря на свое положение. С несомненностью выясняется, что около главкома находились элементы, его компрометирующие.

Но, принимая во внимание, что нет оснований подозревать бывшего главкома в непосредственной контрреволюционной деятельности, а также принимая во внимание бесспорно крупные его заслуги в прошлом, дело прекратить и передать Вацетиса в распоряжение военного ведомства».

Освободили и остальных офицеров, дела прекратили за отсутствием состава преступления. Но ущерб для Красной армии был значительным. В 1938-м чекисты вспомнят о бы-

лой близости Вацетиса, который преподавал в Военной академии имени М.В. Фрунзе, к Троцкому и бывшего главкома расстреляют.

После Вацетиса главкомом стал Сергей Сергеевич Каменев, еще один выпускник Академии генерального штаба, который тоже командовал в царской армии полком. 1 апреля 1918 года он вступил в Красную армию, в сентябре 1918 года сменил Вацетиса на посту командующего Восточным фронтом и сражался против войск адмирала Колчака.

Весной 1919-го Каменев вступил в конфликт с Троцким, отказавшись исполнить приказ Троцкого и Вацетиса прекратить наступление на Восточном фронте, чтобы можно было перебросить силы на Южный фронт против Деникина.

За невыполнение приказа Троцкий отстранил его от должности: «Напряженная и непрерывная работа командующего Восточным фронтом вызвала потребность во временном отдыхе. Увольняя Каменева в шестинедельный отпуск и выражая ему благодарность от имени Красной Армии, твердо надеюсь, что войска Восточного фронта под руководством нового командующего А.А. Самойло разовьют уже полученные успехи и дадут Советской Республике полную победу над Колчаком».

Каменеву было вдвойне неприятно: его не только сняли с должности, но и заменили бывшим генерал-лейтенантом Александром Александровичем Самойло, с которым он находился в неприязненных отношениях.

Еще до Первой мировой войны молодой капитан Каменев попросил Самойло взять его в штаб Киевского военного округа.

«Офицер, — писал Самойло, — мне не понравился. Я отказался содействовать его просьбе, тем более что знал о прибытии в скором времени хорошо рекомендованного штабс-капитана Литовского полка Духонина. Разумеется, я никак не предчувствовал, что оба кандидата ко мне в отделение — будущие главнокомандующие, — один всеми вооруженными силами, а другой даже верховный. Духонин вскоре стал работать у нас в штабе. С Каменевым же я встретился лишь после революции в Симбирске, сменив его на посту командующего армиями Восточного фронта».

Самойло командовал 6-й армией, которая сражалась на севере страны. Его вызвал к прямому проводу бывший сослуживец по генеральному штабу Федор Васильевич Костяев, начальник Полевого штаба Красной армии, и от имени главкома предложил принять должность командующего армиями

Восточного фронта. За ним прислали салон-вагон, в котором он прибыл в Симбирск.

Появлению Самойло в штабе фронта не обрадовались. Дело в том, что снятый с должности Каменев из Симбирска не уехал. Он жил на одной квартире вместе с влиятельным членом военного совета фронта Сергеем Ивановичем Гусевым. «И через него, — писал Самойло, — пытался влиять на все проводимые мной решения. Неоднократно бывало, что Гусев, соглашаясь со мной по какому-либо вопросу утром, во вторую половину дня, вернувшись с обеда и переговорив, очевидно, с Каменевым, отказывался от своего прежнего мнения».

Действиями Самойло был недоволен и командующий Южной группой войск Восточного фронта Михаил Васильевич Фрунзе. Самойло изменил план боевых действий и собирался расформировать группу Фрунзе, чтобы основной удар нанести на другом участке фронта. Обиженный Михаил Васильевич по прямому проводу сообщил Самойло о своем несогласии:

«Должен откровенно сознаться, что директивой я сбит с толку и поставлен в самое неопределенное положение... Я глубоко не согласен и с основной идеей нанесения удара на север от Бугульмы... Свое теперешнее положение считаю ложным и вредным для дела...»

Гусев и другие члены Реввоенсовета фронта жаловались на Самойло Ленину и просили вернуть Каменева.

Троцкий, желая сосредоточить все силы против самого опасного врага — Деникина, оказался прав. Но Каменев был нужен, и его восстановили в должности. Он вспоминал: «Склянский сообщил, что мне приказано возвращаться в Симбирск и вновь принять командование Восточным фронтом. Такого оборота дела я никак не ожидал».

Самойло вернули командовать 6-й армией.

В августе 1919 года Каменев первым в Красной армии был награжден Почетным революционным оружием — шашкой с прикрепленным к ней орденом Красного Знамени. За всю войну этой награды удостоились всего двадцать человек, половину Сталин со временем расстреляет...

После Вацетиса Троцкий предлагал на пост главкома Михаила Бонч-Бруевича. Но всякое кадровое решение становилось поводом для схватки различных групп в высшем эшелоне власти. Главной причиной бесконечных интриг было стремление различных групп повсюду расставить своих людей. Ленин старался максимально учитывать интересы разных групп и группировок...

Сергей Иванович Гусев, член Реввоенсовета Восточного фронта, убедил членов ЦК, что Бонч-Бруевича нельзя назначать по политическим соображениям и что наилучший кандидат — Сергей Каменев. 8 июля 1919 года Каменев вступил в должность главкома.

Каменев забрал с собой с Восточного фронта и начальника штаба Павла Павловича Лебедева, бывшего генерал-майора и сослуживца. Его последняя должность в старой армии — генерал-квартирмейстер в штабе Западного фронта. Лебедев был назначен начальником Полевого штаба Реввоенсовета. Сергея Гусева тоже перевели в Москву, утвердили комиссаром Полевого штаба и членом Реввоенсовета Республики.

В 1924-м Лебедева освободили от должности начальника Штаба РККА как человека, связанного с Троцким. Но Иона Эммануилович Якир, командовавший войсками Украинского военного округа, попросил его к себе начальником штаба. Лебедев переехал в Харьков. В 1926-м у него случился инсульт. Он выкарабкался, его лечили в Германии под чужим именем. Еще несколько лет он прослужил в должности помощника командующего округом. В 1933 году Лебедев умер...

Троцкий переборол себя и относился к Каменеву с полным уважением. С этой стороны главкому ничто не угрожало. Но Каменев столкнулся и со Сталиным.

В феврале 1920-го Каменев распорядился перебросить часть войск с Украины на поддержку Кавказского фронта. Сталин, член Реввоенсовета Юго-Западного фронта, высказался против, потребовал от Ленина вызвать его в Москву и выслушать.

Ленин не согласился: «Я против вызова Сталина. Он придирается. Главком прав вполне: сначала надо победить Деникина, потом переходить на мирное положение».

Сам Ленин попросил Сталина помочь Кавказскому фронту. Сталин ответил грубовато: «Мне не ясно, почему забота о Кавфронте ложится прежде всего на меня... Забота об укреплении Кавфронта лежит всецело на Реввоенсовете республики, члены которого, по моим сведениям, вполне здоровы, а не на Сталине, который и так перегружен работой».

Ленин отправил другую телеграмму: «На Вас ложится забота об ускорении подхода подкрепления с Юго-Запфронта на Кавфронт. Надо вообще помочь всячески, а не препираться о ведомственных компетенциях».

Но ленинские увещевания не действовали на Сталина. В ноябре 1919 года, недовольный решениями главкома, он пи-

сал Ленину, не стесняясь в выражениях: «Что же заставляет Главкома (Ставку) отстаивать старый план? Очевидно, одно лишь упорство, если угодно — фракционность, самая тупая и самая опасная для Республики фракционность, культивируемая в Главкоме «стратегическим» петушком Гусевым».

Весь будущий арсенал Сталина — обвинения оппонентов в фракционности, ни на чем не основанные подозрения и элементарное хамство — налицо... К этому перечню надо добавить еще и злопамятность.

В январе 1921 года Каменев получил высшую на тот момент воинскую награду — Почетное огнестрельное оружие, то есть маузер с прикрепленным к нему орденом Красного Знамени.

После Гражданской войны Сергей Сергеевич Каменев был главным инспектором армии, начальником Штаба РККА, заместителем наркома обороны, начальником управления противовоздушной обороны. Ему присвоили звание командарма 1-го ранга. Он умер своей смертью в августе 1936 года — до того, как в Красной армии начались массовые репрессии, и был подвергнут поношениям уже после смерти...

Троцкий смело привлекал в Красную армию бывших офицеров, отдав им почти все высшие командные посты.

Выступая на VIII съезде партии, он говорил, что надо шире привлекать людей из «старого командного состава, которые либо внутренне стали на точку зрения Советской власти, либо силой вещей увидели себя вынужденными добросовестно служить ей».

В 1918 году в Красную армию добровольно вступили или были призваны двадцать две тысячи бывших офицеров.

Троцкий, с одной стороны, требовал расстреливать комиссаров и командиров дивизий и полков, если у них офицеры перебегают к противнику (из-за этого у него в октябре 1918 года вышел конфликт с командованием Восточного фронта, которое справедливо воспротивилось таким жестоким мерам), а с другой — предложил Ленину, Свердлову и Дзержинскому выпустить из тюрем офицеров, против которых нет серьезных обвинений, если они согласятся служить Красной армии.

В приказе Троцкого говорилось:

«1. Комиссар не командует, а наблюдает, но наблюдает зорко и твердо.

2. Комиссар относится с уважением к военным специалистам, добросовестно работающим, и всеми средствами Советской власти ограждает их права и человеческое достоинство».

По подсчетам историков, в Красной армии в Гражданскую войну служило почти пятьдесят тысяч бывших офицеров. Из них более шестисот бывших генералов и офицеров генерального штаба. Из двадцати командующих фронтами семнадцать были кадровыми офицерами, все начальники штабов — бывшие офицеры. Из ста командующих армиями — восемьдесят два в прошлом офицеры.

Все эти назначения дались Троцкому с большим трудом. В большевистском руководстве бывших офицеров и генералов на дух не принимали.

Дмитрий Фурманов, комиссар чапаевской дивизии, писал: «Спецы — полезный народ, но в то же время народ опасный и препотешный. Это какое-то особое племя — совершенно особое, ни на кого не похожее. Это могикане. Больше таких Россия не наживет: их растила нагайка, безделье и паркет».

17 апреля 1918 года на заседании малого Совнаркома было принято решение «о нежелательности назначать в качестве командного состава в Красную армию генералов».

29 мая 1918 года ВЦИК принял постановление о переходе ко всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян в Рабоче-Крестьянскую Красную армию.

Пятый Всероссийский съезд Советов в июле 1918 года принял первую советскую конституцию, в которой говорилось, что все граждане обязаны защищать социалистическое отечество. С этого момента началось комплектование армии по призыву. Но съезд запретил представителям буржуазии служить в строевых частях Красной армии — «вооружать буржуазию — значило бы вооружать врага».

10 апреля 1919 года вышел декрет Совнаркома «О призыве на военную службу в городах Москве и Петрограде и Петроградской, Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Нижегородской, Костромской, Иваново-Вознесенской и Рязанской губерниях всех рабочих и крестьян 1890—1896 годов рождения, не эксплуатирующих чужого труда».

Даже само название — Рабоче-Крестьянская Красная армия — подчеркивало классовый характер вооруженных сил социалистической России. И когда Троцкий ставил на высшие командные должности бывших генералов, он противопоставлял себя немалой части партии.

Бюро печати при ВЦИК 10 августа 1918 года сообщало: «Для обеспечения тыла от попыток восстания в Петрограде арестованы все офицеры».

Но без офицеров сражаться было невозможно. Поначалу Гражданская война носила в основном партизанский харак-

тер, сражались между собой отдельные отряды. Но в 1918 году в дело вступили регулярные армии, образовались фронты военных действий. Воевать надо было профессионально. Вот поэтому Троцкий привечал людей талантливых, быстро выдвигал их на высокие должности, не обращая внимания, есть партийный билет или его нет.

Положение офицеров на Гражданской войне было трудным и опасным — причем по обе стороны фронта.

Генерал Деникин с ненавистью относился к бывшим офицерам, которые оказались на службе Красной армии. В ноябре 1918 года он издал приказ: «Всех, кто не оставит безотлагательно ряды Красной армии, ждет проклятие народное и полевой суд Русской армии — суровый и беспощадный». И попавших в плен к белым бывших офицеров действительно казнили.

«В армейской среде, — отмечает академик Поляков, — солдаты с неприязнью и недоверием относились к офицерам. Это сказывалось (разумеется, в различных формах) и в красной, и в белой армиях. Старые офицеры не рвались в бой против своих сограждан (Деникин с горечью писал о нежелании старых офицеров идти на новую войну), но в глазах солдат они выглядели орудием принуждения к войне, к которой солдаты отнюдь не стремились.

В белых армиях офицер для солдата оставался барином, ощущая тяжесть генетически унаследованной холопской вражды. В Красной армии старый офицер ощущал недоверие и революционного начальства, и солдатской массы».

Обе армии состояли в основном из крестьян, которые иногда по нескольку раз переходили из одного войска в другое. С февраля по декабрь 1919 года из Красной армии дезертировали миллион семьсот тысяч человек.

«В сдавшемся подразделении, — пишет академик Поляков, — расстреливали командиров, коммунистов, а солдаты, сменив красные звездочки на кокарды, снова становились в строй. В сдавшемся же белом полку расстреливали офицеров, на солдатские фуражки вешали звездочки, и полк под новым командованием направлялся в бой против «белых».

Ленин первоначально сильно заблуждался насчет того, как строить армию. В ноябре 1918 года он говорил: «Теперь, строя новую армию, мы должны брать командиров только из народа. Только красные офицеры будут иметь среди солдат авторитет и сумеют упрочить в нашей армии социализм». Но Ленин быстро убедился в правоте Троцкого.

Постановление ЦК РКП(б) «О политике военного ведомства» от 25 декабря 1918 года полностью поддержало деятельность Троцкого и сняло с него все обвинения в том, что он дал много прав царским офицерам.

Но одни считали, что Троцкий, продвигая бывших офицеров, отступает от принципов революции. Другие сами метили на высшие должности и хотели избавиться от конкурентов. На этой почве у Троцкого появилось много врагов.

Главным среди них был Сталин, вокруг которого объединялись обиженные Троцким красные командиры.

ПЕРВАЯ СТЫЧКА СО СТАЛИНЫМ

В конце мая 1918 года Сталина утвердили «общим руководителем продовольственного дела на Юге России». Именовался он так — чрезвычайный уполномоченный ВЦИК по заготовке и вывозу хлеба с Северного Кавказа в промышленные районы.

Сталин обосновался в Царицыне (ныне Волгоград) и телеграфировал оттуда Ленину: «Гоню и ругаю всех, кого нужно... Можете быть уверены, что не пощадим никого — ни себя, ни других, а хлеб все же дадим».

Вот тогда он и привык к тому, что зерно у крестьян не покупают, а отбирают, и если они сопротивляются, то надо просто прибегнуть к военной силе.

В Царицыне Сталин, наверное, впервые в жизни почувствовал в себе неодолимое желание никому не подчиняться и стать главным.

22 июня 1918 года Сталин телеграфировал из Царицына Ленину и Троцкому:

«Я не хотел брать на себя никаких военных функций, но штаб округа сам втягивает меня в свои дела, и я чувствую, что иначе нельзя, просто-таки невозможно иначе. Теперь я вижу, что было бы полезно для дела иметь мне прямое формальное полномочие смещать и назначать, например, комиссаров при отрядах, «штабах» и пр., обязательно присутствовать на заседаниях штаба округа и вообще представлять центральную военную власть на юге».

11 июля Сталин опять обратился к Троцкому:

«Дело осложняется тем, что Штаб Северо-Кавказского округа оказался совершенно неприспособленным к условиям борьбы с контрреволюцией. Дело не только в том, что

наши «специалисты» психологически не способны к решительной войне с контрреволюцией, но также в том, что они, как «штабные» работники, умеющие лишь «чертить чертежи» и давать планы переформировки, абсолютно равнодушны к оперативным действиям...

Смотреть на это равнодушно я считаю себя не вправе. Я буду исправлять эти и многие другие недочеты на местах, я принимаю ряд мер (и буду принимать) вплоть до смещения губящих дело чинов и командармов, несмотря на формальные затруднения, которые при необходимости буду ломать...»

Если в Москве не примут такого решения, предупреждал Сталин, он все равно будет «сам, без формальностей свергать тех командармов и комиссаров, которые губят дело. Так мне подсказывают интересы дела, и, конечно, отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит».

Ленин поговорил с Троцким, и Сталин получил от Реввоенсовета военные полномочия.

Сталин назначил себя председателем Реввоенсовета Северо-Кавказского военного округа. Округ был сформирован на территории Донской, Кубанской, Терской и Дагестанской областей в мае 1918 года. Штаб находился в Царицыне. Военным руководителем округа назначили бывшего генерал-лейтенанта царской армии Андрея Евгеньевича Снесарева, который добровольно вступил в Красную армию.

В распоряжении Снесарева регулярных войск вообще не было, лишь партизанские отряды и бойцы Красной гвардии, не организованные и не обученные. Катастрофически не хватало опытного командного состава. Снесарев пытался свести разрозненные части в регулярную армию для обороны города и Царицынской железной дороги.

Ему противостояла сорокатысячная казачья армия под командованием генерала Петра Николаевича Краснова, да еще началось наступление Добровольческой армии генерала Деникина.

Генерал Краснов двинул войска к Царицыну, чтобы отрезать центральные районы России от хлебного юга. Краснову противостояли отряды красного казачества во главе с Филиппом Кузьмичом Мироновым. 12 января 1919 года Троцкий отправил ему приветственную телеграмму: «Вся Россия смотрит с ожиданием на Вас».

Одним из главных противников сотрудничества с казаками был Сталин. Пока Филипп Миронов оборонял Царицын, Сталин писал из города Ленину, что казаки «не могут, не

хотят вести решительную борьбу с казачьей контрреволюцией». Миронов же намерен получить оружие и увести казачьи полки к генералу Краснову. Хотя в действительности именно Миронов сыграл важнейшую роль в разгроме Краснова.

Переход казаков то на одну, то на другую сторону отражал реальные настроения людей, которым не нравилась ни та, ни эта власть.

«Расказачивание» как массовый террор против казаков и попытка растворить их среди переселенных из других районов России крестьян было политикой Донского бюро ЦК во главе с Сергеем Ивановичем Сырцовым.

Сергея Сырцова приметил Сталин. Со временем возьмет в аппарат ЦК руководить учебно-распределительным отделом, потом агитационно-пропагандистским. Сырцов станет кандидатом в члены политбюро и председателем Совнаркома РСФСР, но начнет сопротивляться политике раскулачивания, лишится всех постов, а в 1937-м будет расстрелян.

В своей правоте Сырцов и Донское бюро ЦК убедили в Москве секретаря ЦК Якова Михайловича Свердлова.

В секретном циркулярном письме оргбюро ЦК от 24 января 1919 года говорилось:

«1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо принять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб...»

Против политики террора выступили работавшие на Дону Григорий Яковлевич Сокольников, член ЦК и член Реввоенсовета Южного фронта, и Валентин Андреевич Трифонов, бывший член Всероссийской коллегии по организации и управлению Красной армии...

К ним не прислушались. Уже после смерти Свердлова, 22 апреля 1919 года, оргбюро ЦК, которым теперь фактически руководил Сталин, приняло решение: «По отношению к южному контрреволюционному казачеству проводить террор; заселять казачьи хутора выходцами из Центральной России».

Стремление максимально жестоко покарать выступления казаков против советской власти разделяли не только большевики. Андрей Лукич Колегаев был одним из организаторов партии левых эсеров, то есть крестьянской партии, и наркомом земледелия. Потом он отошел от эсеров, в 1919 году был

членом Реввоенсовета Южного фронта. Он подписывал чудовищные директивы. Скажем, 16 марта 1919 года он приказал Реввоенсоветам 8-й, 9-й, 10-й армий немедленно подавить казачье восстание, используя такие меры, как:

«а) сожжение восставших хуторов;

б) беспощадные расстрелы всех без исключения лиц, принимавших прямое или косвенное участие в восстании;

в) расстрелы через пять или десять человек взрослого мужского населения восставших хуторов;

г) массовое взятие заложников из соседних к восставшим хуторов...»

Массовый террор создавал советской власти новых врагов. Но Сталина это не беспокоило. Он начал выявлять врагов в собственном штабе.

Иосифу Виссарионовичу не понравился командир округа Снесарев — во-первых, военспец, во-вторых, недостаточно почтителен. Сталин информировал Троцкого, что провел совещание и совещание решило «предложить Вам удалить Снесарева».

Совещался Сталин исключительно со своими единомышленниками. Скажем, брат Валентина Трифонова — Евгений Андреевич, назначенный в апреле 1918 года комендантом Ростова-на-Дону и правительственным военным комиссаром Южнорусских областей, полностью поддержал план Снесарева. Этого Сталин Трифонову не забудет. В 1924-м Евгения Трифонова демобилизовали из армии. Он работал в Осоавиахиме. В 1937 году его уволили и исключили из партии. Он ждал ареста, но, прежде чем за ним пришли, его сразил инфаркт. А Валентина Трифонова расстреляли в 1938 году...

Неожиданно к белым перебежал бывший генерал-майор царской армии А.Л. Носович, военный комиссар Северо-Кавказского военного округа. Как потом выяснилось, он вступил в Красную армию по заданию командования белых. Его бегство стало желанным поводом для нападок на бывших офицеров.

Сталин обвинил всех военспецов в «преступной небрежности и прямом предательстве», отстранил от должности и приказал арестовать командующего округом Снесарева. Вслед за ним по приказу Сталина чекисты арестовали многих офицеров штаба округа, их поместили в плавучую тюрьму, потом эту баржу просто затопили.

Впрочем, в своей карательной деятельности Сталин находил полнейшую поддержку со стороны Ленина.

Ленин писал:

«Когда Сталин расстреливал в Царицыне, я думал, что это ошибка, думал, что расстреливают неправильно. Моя ошибка раскрылась...»

Когда войсками командовал Снесарев, ситуация была вполне благоприятной. Действия Сталина привели к тому, что Царицын был окружен. При этом Сталин вместе со своими помощниками самоуверенно телеграфировали в Москву:

«Благодаря, между прочим, аресту военных специалистов, произведенному нами, положение на фронте изменилось к лучшему. В приезде специалистов нет необходимости.

Сталин, Минин, Ворошилов».

Троцкий отправил в Царицын комиссию, которая пришла к выводу, что арестованные офицеры ни в чем не виноваты. Снесарева и офицеров, которых не успели расстрелять, выпустили.

Возмущенный Троцкий потребовал от Сталина дать командованию округа возможность работать нормально. Сталин на телеграмме написал: «Не принимать во внимание».

Снесарева от греха подальше перевели командующим Западным участком отрядов завесы, которые прикрывали линию перемирия с немцами. Вся эта трагическая история описана в сборнике статей «Реввоенсовет Республики», который появился уже после перестройки.

В Царицыне у Сталина появились первые поклонники, которые искали у него защиты от Троцкого.

Как раз в июле 1918 года Климент Ефремович Ворошилов с остатками 3-й и 5-й украинских армий, которых с Украины выбили немецкие войска, вышел в район Царицына.

Ворошилов и другие выдвинувшиеся после революции командиры не хотели идти в подчинение к бывшим офицерам, потому что полюбили партизанскую вольницу, при которой они никому не подчинялись. Ворошилов на многие годы стал самым преданным помощником Сталина. Иосифа Виссарионовича поддержал и председатель Царицынского комитета партии и председатель штаба обороны Царицынского Совета Сергей Константинович Минин.

В соответствии с решением ВЦИК главнокомандующий войсками Республики включался в состав Реввоенсовета и получал «полную самостоятельность во всех вопросах стратегически-оперативного характера».

Точно так же строились взаимоотношения Реввоенсоветов фронтов и командующих.

На базе Северо-Кавказского округа образовали Южный фронт, но во главе опять поставили бывшего генерала Павла Павловича Сытина. Троцкий распорядился перевести РВС Южного фронта и штаб в город Козлов, откуда было удобнее управлять войсками и связываться с центром.

Комфронта Сытин намеревался вести боевые операции, не спрашивая совета ни у Сталина, ни у Ворошилова. Он продемонстрировал им приказ Реввоенсовета Республики: «Командующему фронтом Сытину предоставляется полная власть в ведении операций. В оперативные распоряжения командующего никто не должен вмешиваться».

Сталин отказался признать приказ Реввоенсовета Республики и полномочия командующего фронтом Сытина. Иосиф Виссарионович своей волей образовал Военно-революционный совет Южного фронта и сказал, что останется в Царицыне.

Находившийся в Царицыне член Реввоенсовета Республики Константин Александрович Мехоношин телеграфировал в Ставку:

«Товарищ Сталин, Минин и Ворошилов выдвигают как наиболее целесообразную в настоящий момент коллегиальную систему управления фронтом и коллегиальное решение всех оперативных вопросов. Мои и командующего фронтом Сытина разъяснения не привели к желательным результатам.

Принимая во внимание, что каждый день отсрочки в образовании объединяющего фронт центра имеет самое пагубное влияние на военное положение на столь серьезном боевом участке, где наши неудачи объясняются главным образом отсутствием Реввоенсовета, считаю необходимым принять самые энергичные меры к решению этого вопроса...»

Главком Вацетис и член Реввоенсовета Карл Христианович Данишевский просили Сталина наладить сотрудничество с командующим фронтом и телеграфировали в Царицын:

«Никаких перегруппировок частей войск без разрешения командующего фронтом Сытина не производить».

Троцкий, получив сообщение от Мехоношина, что Сталин не признает командующего фронтом, отправил телеграмму:

«Приказываю Сталину, Минину немедленно образовать РВС Южного фронта на основе невмешательства комиссаров в оперативные дела, штаб поместив в Козлове. Неисполнение в течение двадцати четырех часов этого предписания заставит меня предпринять суровые меры».

У Троцкого были широчайшие полномочия, которыми председателя Реввоенсовета Республики наделил ВЦИК,

объявивший страну военным лагерем. По существу, Реввоенсовет обладал не меньшими правами, чем Совнарком, правительство страны.

Троцкий обращался к Сталину как к своему подчиненному, которым тот был лишь отчасти, приняв на себя обязанности члена Реввоенсовета фронта. Но Иосиф Виссарионович был еще наркомом, и — главное! — членом политбюро, поэтому считал себя равным Троцкому по положению.

Сталин, не обращая внимания на приказы председателя Реввоенсовета и главкома, сместил Сытина и поставил командовать фронтом Ворошилова, а Москве объяснил: Сытин «не может, не желает и не способен защищать Царицын».

Троцкий, прибыв в Козлов, подписал приказ, адресованный войскам Южного фронта:

«Бывало даже не раз, что командиры отдельных отрядов не выполняли боевых приказов, шедших сверху. Этот пагубный преступный образ действий будет отныне уничтожен с корнем.

Во главе всех армий Южного фронта поставлен Революционный военный совет... Командующий П.П. Сытин — опытный боевой военачальник — на деле доказал свою верность рабочей и крестьянской революции».

Ворошилов и Минин отказались публиковать этот приказ и знакомить с ним войска

Тогда уже Троцкий обратился в ЦК. Пленум ЦК 2 октября 1919 года поддержал Реввоенсовет и постановил: «Вызвать Сталина к прямому проводу и указать ему, что подчинение Реввоенсовету абсолютно необходимо».

Секретарь ЦК Яков Свердлов, исполняя решение пленума, телеграфировал в Царицын: «Все решения Реввоенсовета обязательны для военсоветов фронтов. Без подчинения нет единой армии. Убедительно предлагаем провести в жизнь решения Реввоенсовета. В случае, если считаете их вредными, неправильными, предлагаем приехать сюда, обсудить совместно, принять надлежащее решение».

Сталин и Ворошилов написали Ленину письмо, обвиняя Троцкого в том, что он «грозит отдать все дела фронта и революции на Юге в руки генерала Сытина, человека не только не нужного на фронте, но и не заслуживающего доверия и потому вредного. Губить фронт ради одного ненадежного генерала мы, конечно, не согласны».

Сталин и Ворошилов требовали «обсудить в ЦК партии вопрос о поведении Троцкого, третирующего виднейших чле-

нов партии в угоду предателям из военных специалистов и в ущерб интересам фронта и революции. Поставить вопрос о недопустимости издания Троцким единоличных приказов... Пересмотреть вопрос о военных специалистах из лагеря беспартийных контрреволюционеров. Все эти вопросы мы предлагаем ЦК партии обсудить на первоочередном заседании, на которое, в случае особенной надобности, мы вышлем своего представителя».

Ленин их не поддержал и оставил в силе распоряжения председателя Реввоенсовета. Но тут уже потребовал наведения порядка Троцкий: «Категорически настаиваю на отозвании Сталина. На Царицынском фронте неблагополучно, несмотря на избыток сил. Ворошилов может командовать полком, но не армией в пятьдесят тысяч солдат. Тем не менее я оставлю его командующим армией при условии подчинения командующему Южного фронта Сытину».

Троцкий заявил, что, если Ворошилов и Минин не подчинятся приказам, он отдаст их под суд:

«У нас успехи во всех армиях, кроме Южной, в особенности Царицынской, где у нас колоссальное превосходство сил, но полная анархия на верхах. С этим можно совладать в двадцать четыре часа при условии вашей твердой и решительной поддержки. Во всяком случае, это единственный путь, который я вижу для себя».

Сталина вызвали в Москву. С ним разговаривали Ленин и Свердлов. «Ильич в бешенстве», — сообщил Сталин Ворошилову. Сталин сгоряча подал в отставку с поста члена РВС Республики и Южного фронта. Но сообразил, что все проиграл, и пошел на попятную, сообщил Свердлову, что забирает свое заявление.

Он опять разговаривал с Лениным, который телеграфировал Троцкому, что Сталин все же хочет продолжать действовать на Южном фронте, что он снимает свое требование убрать Сытина и что Ворошилов будет подчиняться центру.

Ленин обратился к Троцкому с личной просьбой:

«Сообщая Вам, Лев Давидович, обо всех этих заявлениях Сталина, я прошу Вас обдумать и ответить, во-первых, согласны ли Вы объясниться лично со Сталиным, для чего он согласен приехать, а во-вторых, считаете ли Вы возможным, на известных конкретных условиях, устранить прежние трения и наладить совместную работу, чего так желает Сталин.

Что же касается меня, то я полагаю, что необходимо приложить все усилия для налаживания совместной работы со Сталиным».

Ворошилов и Минин были выведены из Реввоенсовета фронта (Сергея Минина потом сделают членом РВС Первой конной армии. В состав Реввоенсовета Южного фронта дополнительно ввели Мехоношина, Бориса Леграна и Алексея Окулова. Штаб фронта, как и требовал Троцкий, перевели из Царицына в Козлов.

А Царицын попал в исключительно трудное положение. К городу приближались казачьи части генерала Краснова. И пока Сталин воевал с собственным штабом и военспецами, белые успешно наступали, захватили Северный Кавказ и едва не взяли Царицын. Главком Вацетис телеграфировал командованию 10-й армии (командующим стал Ворошилов): «Катастрофическое положение Царицына всецело ложится на вашу ответственность, ибо произошло исключительно от вашего нежелания работать с комфронтом Сытиным».

Город спас бывший генерал Сытин. Но Сталин и Ворошилов продолжали обвинять во всем военспецов и требовали заменить «генштабистов коммунистами».

Троцкий отвечал им: «Больше всего вопят против применения офицеров либо стоящие далеко от всей работы военного механизма, либо такие партийные деятели, которые сами хуже всякого саботажника: не умеют ни за чем присмотреть, странствуют, бездельничают, а когда проваливаются — взваливают вину на генштабистов».

Кончился этот конфликт тем, что Сытина из Царицына все-таки выжили. Для начала его арестовали по совершенно надуманному обвинению, сообщив в Москву:

«В связи со сбивчивыми показаниями и объяснениями Сытина по поводу командированных им лиц без ведома и согласия членов Реввоенсовета и самовольной отправки в Тамбов вагона с невыясненным грузом Сытин подвергнут временному домашнему аресту...»

Арест был лишь удобным поводом избавиться от бывшего генерала. Павла Павловича Сытина отправили в Москву, где он стал начальником военно-административного отдела управления делами Реввоенсовета.

Сталин и Ворошилов, сражаясь с кадровым офицерством, покровительствовали партизанщине. Кончилось это трагически.

Иван Лукич Сорокин, бывший хорунжий, в 1918 году организовал казачий отряд и выступил против Добровольческой армии. Он окончил военно-фельдшерскую школу и 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков, в Первую мировую служил в 3-м Линейном полку Кубанского казачьего войс-

ка. В Красной армии Сорокина назначили сначала командующим Ростовским боевым участком, потом командующим Красной армией Северного Кавказа, поставили под его начало 11-ю армию.

Иван Сорокин, видя, что самовольство поощряется, тоже желал быть единоличным хозяином. Под предлогом невыполнения боевого приказа он 8 октября 1918 года расстрелял командующего Таманской армией Ивана Ивановича Матвеева. 21 октября 1918 года Сорокин расстрелял руководителей Северо-Кавказской республики. 27 октября его объявили вне закона и арестовали. В тюрьме убили.

На закрытом заседании VIII съезда Ленин сказал:

— Товарищ Ворошилов говорит: у нас не было никаких военных специалистов и у нас шестьдесят тысяч потерь. Это ужасно... Вы говорите: мы героически защищали Царицын... В смысле героизма это громаднейший факт, но ясно, что по шестьдесят тысяч мы отдавать не можем и что, может быть, нам не пришлось бы отдавать эти шестьдесят тысяч, если б там были специалисты, если бы была регулярная армия...

Натолкнувшись на сопротивление Троцкого, Сталин перестал с ним общаться и стал бомбардировать Ленина телеграммами, обвиняя председателя Реввоенсовета в том, что он запрещает партийному руководству вмешиваться в дела военных специалистов, которые в реальности контрреволюционеры, и тем самым «губит фронт»:

«Прошу, пока не поздно, унять Троцкого и поставить его в рамки, ибо боюсь, что сумасбродные приказы Троцкого, если они будут повторяться, отдавая все дело фронта в руки заслуживающих полного недоверия так называемых военных специалистов из буржуазии, внесут разлад между армией и командным составом и погубят фронт окончательно...

Я уже не говорю о том, что Троцкий, вчера только вступивший в партию, старается учить меня партийной дисциплине, забыв, очевидно, что партийная дисциплина выражается не в формальных приказах, но прежде всего в классовых интересах пролетариата.

Я не любитель шума и скандалов, но чувствую, что, если сейчас же не создадим узду для Троцкого, он испортит нам всю армию в угоду «левой» и «красной» дисциплины, от которой тошно становится самым дисциплинированным товарищам».

Ворошилов фактически отказался подчиняться приказам Троцкого и слушался только Сталина. Эта преданность по-

могла Клименту Ефремовичу сделать фантастическую карьеру и сохраниться в годы чисток.

Вместе с Ворошиловым Сталин требовал от Ленина: «Необходимо обсудить в ЦК партии вопрос о поведении Троцкого, третирующего виднейших членов партии в угоду предателям из военных специалистов в ущерб интересам фронта и революции».

Троцкий в свою очередь тоже жаловался Ленину, писал, что дела под Царицыном идут из рук вон плохо.

ЦК Сталина не поддержал, и Ворошилову пришлось подчиняться приказам Троцкого.

2 октября ЦК партии постановил: «Вызвать т. Сталина к прямому проводу и указать ему, что подчинение Реввоенсовету абсолютно необходимо. В случае несогласия Сталин может приехать в Москву и апеллировать к ЦК, который и может вынести окончательное решение».

Более того, Троцкий настоял на том, чтобы Сталина вообще отозвали из Царицына. За ним поехал сам Свердлов, зная болезненное самолюбие Сталина. В пути они все встретились. Свердлов стал осторожно предлагать Троцкому поговорить со Сталиным, которого он увозил из Царицына. Встреча состоялась, но перемирием не закончилась.

— Неужели вы хотите всех их выгнать? — спрашивал Сталин Троцкого, имея в виду свое царицынское окружение. — Они хорошие ребята.

— Эти хорошие ребята погубят революцию, которая не может ждать, доколе они выйдут из ребяческого возраста, — твердо ответил ему председатель Реввоенсовета.

«Помню конкретный случай, — вспоминал потом Никита Хрущев, — когда Сталин прямо выражал неудовольствие Лениным. Когда Сталин, по его рассказу, находился в Царицыне, он поехал на хлебозаготовки и принимал тогда же меры по организации обороны Царицына. Туда вместе с 5-й армией отступил с Украины Ворошилов, и там они сошлись со Сталиным.

Сталин рассказывал, что Ленин вызвал его в Москву с докладом о положении вещей. Потом Ленин ему говорит: «Батенька, я получил сведения, что вы там пьянствуете: сами пьете и других спаиваете. Нельзя это делать!»

Сталин и не отрицал, что он там пил. В чем же дело? «Вот видите, кто-то ему наговорил. Это спецы наговорили, а он мне нотацию читал...»

Ворошилов стал доказывать Троцкому, что он прав, когда исполняет только те приказы, которые признает правиль-

ными. Председатель Реввоенсовета холодно сказал, что, если Ворошилов не обяжется точно и безусловно выполнять приказы и оперативные задания, он отправится под конвоем в Москву для предания трибуналу.

Климент Ефремович, глядя Троцкому в глаза, понял, что тот не шутит. Ворошилов хмуро ответил, что будет верен дисциплине, но отныне он вошел в число самых непримиримых врагов Троцкого. Климент Ефремович методично избавлялся от всех, кто был поставлен Троцким.

В конце 1918 года Ворошилов, Щаденко, Пархоменко и еще ряд командиров 10-й армии обратились к Ленину с просьбой убрать члена Реввоенсовета армии Алексея Ивановича Окулова, назначенного Троцким. Письмо заканчивалось словами: «Если товарищ Окулов не будет немедленно отозван отсюда, мы, нижеподписавшиеся, слагаем с себя всякую ответственность за гибель порученного нам дела и просим освободить нас от наших обязанностей».

Встревоженные Ленин и Свердлов переслали письмо Троцкому, добавив: «Ввиду крайне обострившихся отношений Ворошилова и Окулова считаем необходимым замену Окулова другим».

Но Троцкий думал иначе, и Ленин вновь с ним согласился. Ворошилов потерял пост командарма, а его враг Окулов получил повышение и был назначен членом Реввоенсовета Республики.

Вернувшись в Москву, Окулов рассказывал, что делали Сталин и Ворошилов в Царицыне:

— Преданных командиров из старых военных кадров гнали, уничтожали, вывозили на баржах, что привело к тому, что оставшиеся уходили, убегали и военные части оставались без командиров, терпели поражение.

После Гражданской войны Окулов ушел с военной службы, преподавал. В 1936 году на партийном собрании бросил опасную фразу: «Троцкий — человек талантливый». Его исключили из партии, арестовали и дали десять лет лагерей.

Он обратился из заключения к прокурору СССР Андрею Януарьевичу Вышинскому с просьбой помочь:

«Товарищи из райкома заговорили о моей военной работе во время Гражданской войны. Они случайно знали, что я одно время командовал 10-й Царицынской армией. Они спросили, при каких обстоятельствах это было. Я ответил, что сменил там Ворошилова и Сталина, которые были отозваны ЦК на другой участок Южного фронта.

Товарищи из райкома спросили меня, чем вызвалось это отозвание тт. Ворошилова и Сталина. Я ответил, что подлинных мотивов не знаю, но предполагаю, что в 10-й армии необходимо было подтянуть партизанское командование, с которым тт. Ворошилов и Сталин связаны были различными старыми отношениями, а мне, человеку совершенно чужому, сделать это было легче.

Тогда один из райкомовцев начал повторно (два или три раза) подсовывать мне один и тот же нелепый вопрос:

— Так выходит, что вы тт. Сталина и Ворошилова «разогнали» из 10-й армии?

Вопрос злобный и носил явно провокационный характер. Я ответил, что ЦК никого сменять в командовании 10-й армии мне не поручал и мотивов своих распоряжений не излагал».

Через два года Окулов умер в отделении Амурлага в городе Свободный.

В борьбе с Троцким Сталин даже угрожал отставкой. На что политбюро 14 ноября 1919 года ответило: «Сообщить тов. Сталину, что политбюро считает совершенно недопустимым подкреплять свои деловые требования ультиматумами и заявлениями об отставках».

Так зародилась ненависть, которая закончится только со смертью Троцкого. Отстраняя Сталина от принятия ключевых военных решений, Лев Давидович и не понимал, с каким опасным противником имеет дело. Самоуверенность — опасное качество.

Тем более, что другие видные большевики уже почувствовали особую страсть Сталина к власти. В октябре 1919 года Юрий Леонидович Пятаков, член Реввоенсовета 13-й армии, просил Сталина направить Серго Орджоникидзе на военную работу в 13-ю армию. Записка эта сохранилась:

«Его Высокопревосходительству
Члену РВС Южного фронта т. И. Джугашвили-Сталину

Ваше Высокопревосходительство!

Осмеливаюсь всепокорнейше, почтительнейше и настоятельнейше просить Вас отдать нам Серго. Пара дней совместной работы еще более утвердила меня во мнении, что Серго должен быть в 13-й армии.

Егорка Пятаков».

Записка шуточная. Но с Лениным или Троцким никто бы так шутить не стал. А Сталину такой тон нравился...

МЯТЕЖ ЧЕХОСЛОВАКОВ И РАССТРЕЛ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

Реальная опасность для большевиков возникла в июле 1918 года, когда подняли восстание левые социалисты-революционеры, единственные политические союзники большевиков. Они больше всех возмущались миром с немцами.

Вообще Брестский мир, с одной стороны, спас правительство большевиков, с другой — настроил против них пол-России.

ЦК правых эсеров после Брестского мира заявил, что «правительство народных комиссаров предало демократическую Россию, революцию, интернационал, и оно должно быть и будет низвергнуто... Партия социалистов-революционеров приложит все усилия к тому, чтобы положить предел властвованию большевиков».

Из-за Брестского мира среди врагов советской власти оказался чехословацкий корпус. Дело в том, что с началом Первой мировой войны чехи и словаки, которые находились под властью Австро-Венгерской империи, рассматривались в России как союзники (журнал «Родина», июнь 2001).

Совет министров России еще 30 июля 1914 года принял решение сформировать Чехословацкую дружину. Чехи охотно воевали против немцев, надеясь, что после поражения Германии и Австро-Венгрии будет создана независимая Чехо-Словакия.

Сначала на территории России сформировали чехословацкий стрелковый полк имени Яна Гуса. Через год полк развернули в бригаду, еще через год это уже была 1-я Гуситская стрелковая дивизия, а затем и корпус.

После Октябрьской революции будущий президент Чехо-Словакии Томаш Масарик попросил Францию принять чехословацкий корпус под французское командование. И с декабря 1917-го чехи подчинялись французам, оставаясь на территории России.

Чехи продолжали честно сражаться против немцев. В марте 1918 года командующий советскими войсками на Украине Антонов-Овсеенко издал приказ: «Революционные войска не забудут той братской услуги, которая оказана была чехословацким корпусом в борьбе рабочего народа Украины с бандами хищного империализма. Оружие, передаваемое чехословаками, революционные войска принимают как братский подарок».

Франция решила вывести чехов из России и перебросить их на свой фронт, потому что испытывала острую нехватку

людских ресурсов. Чехи двинулись на восток по Транссибирской железной дороге во Владивосток, чтобы сесть там на пароходы.

Советское правительство не возражало, тем более что чехи сдали свою артиллерию, большую часть пулеметов и даже определенную часть винтовок. Но немцы конечно же не хотели, чтобы сорокатысячный чехословацкий корпус появился на Западном фронте. Немецкий посол в Москве граф Мирбах стал давить на Чичерина, который обратился к Троцкому. А тот совершил большую ошибку, приказав местным властям остановить продвижение чехословацких отрядов.

Составы по нескольку суток стояли на каждой станции. Чехи стали возмущаться, возникла напряженность. Теперь уже они воспринимались как враги.

Троцкий 25 мая 1918 года приказал всей местной власти от Пензы до Омска: «Под страхом тяжкой ответственности разоружить чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден вооруженным на железнодорожных линиях, должен быть выброшен из вагона и заключен в лагерь военнопленных... Одновременно посылаю в тыл чехословацким эшелонам надежные силы, которым поручено проучить мятежников... Всем железнодорожникам сообщается, что ни один вагон с чехословаками не должен продвинуться на восток...»

Отряды Красной гвардии атаковали эшелоны, но они столкнулись с хорошо обученными и дисциплинированными частями. Чехословаки не собирались сдавать оружие. Они решили пробиваться на восток. В результате вся Транссибирская магистраль оказалась в руках чехословаков. Тогда у руководителей Белой армии и союзников возникла мысль использовать чехословаков против советской власти; их попросили остаться в России и развернуть на Волге фронт против немцев, австрийцев и их союзников, большевиков.

Леонид Красин писал жене: «Самое скверное — это война с чехословаками и разрыв с Антантой... Много в этом виновата глупость политики Ленина и Троцкого, но я немало виню и себя, так как определенно вижу — войди я раньше в работу, многих ошибок можно было бы предупредить...»

Чехословаки легко подавили все очаги сопротивления, и власть большевиков над Сибирью и Дальним Востоком перестала существовать. Под защитой чехословаков возникла Народная армия Комитета членов Учредительного собрания в Поволжье.

Некоторое количество членов разогнанного большевиками Учредительного собрания собрались в Самаре. Вначале их было всего пять человек, в основном это депутаты от Самарской губернии, но они прилагали усилия, чтобы собрать в городе всех депутатов Учредительного собрания и возобновить работу единственного законно избранного органа власти. Им удалось доставить в Самару около ста депутатов.

Они исходили из того, что правление большевиков приведет либо к восстановлению монархии, либо к немецкой оккупации всей России, и решили установить настоящее демократическое, республиканское правление. Они образовали Комитет членов Учредительного собрания, который вошел в историю как Самарский Комуч.

Между прочим, в его состав в качестве управляющего ведомством труда вошел Иван Михайлович Майский, будущий посол в Англии, а тогда член ЦК партии меньшевиков.

Майский приехал в Самару в августе 1918 года:

«Выставки магазинов были полны всевозможными товарами, являя резкий контраст с товарной пустотой, зиявшей в то время в московских магазинах. Вся картина города носила хорошо знакомый, привычный, «старый» характер, еще не нарушенный горячим дыханием социалистической революции. И это невольно ласкало наш глаз, глаз противников советского режима.

Высшего пункта наше настроение достигло, когда мы пришли на рынок. Эти горы белого хлеба, свободно продававшегося в ларях и на телегах, это изобилие мяса, битой птицы, овощей, масла, сала и всяких иных продовольственных прелестей нас совершенно ошеломило. После Москвы 1918 года самарский рынок казался какой-то сказкой из «Тысячи и одной ночи». Причем цены на продукты были сравнительно умеренны».

Руководители Самарского Комуча создали Народную армию и заявили, что намерены в первую очередь освободить Россию от немецкой оккупации и во вторую — избавить страну от большевиков. Народная армия заняла Уфу, Симбирск, Казань...

Народная армия задумывалась как добровольческая, но почти сразу решили провести мобилизацию. Армия достигла тридцати тысяч бойцов. С помощью мобилизованных офицеров развернули восемь пехотных полков.

Несколько частей Красной армии присоединились к Народной армии именно под лозунгом борьбы и с немцами, и с большевиками. Например, командующий Восточным фрон-

том Михаил Артемьевич Муравьев повернул оружие против правительства большевиков, потому что возмутился миром с немцами.

Крестьянин по происхождению, Муравьев окончил юнкерское училище, в Первую мировую дослужился до подполковника. В 1917-м присоединился к левым эсерам. На третий день после Октябрьской революции он был назначен начальником обороны Петрограда, а еще через день поставлен командовать войсками по ликвидации антисоветского мятежа Керенского и Краснова.

По словам Тухачевского, «Муравьев отличался бешеным честолюбием, замечательной личной храбростью и умением наэлектризовать солдатские массы. Теоретически Муравьев был очень слаб в военном деле, почти безграмотен. Однако знал историю войн Наполеона и наивно старался копировать их, когда надо и когда не надо. Мысль «сделаться Наполеоном» преследовала его, и это определенно сквозило во всех его манерах, разговорах и поступках».

С декабря 1917 года Муравьев служил начальником штаба наркома по борьбе с контрреволюцией на юге России, затем его перевели командовать войсками Южного фронта. 13 июня 1918-го он возглавил Восточный фронт, созданный для борьбы с чехословаками. С опозданием в Москве осознали масштаб опасности, исходящей от восставших чехословаков. В Симбирской, а затем и в Пензенской губерниях была объявлена первая в Советской России мобилизация бывших офицеров.

Но служба Муравьева в Красной армии быстро закончилась.

10 июля в Симбирске Муравьев заявил, что разрывает Брестский мир, прекращает борьбу с чехословаками и намерен вместе с ними сражаться против немцев. Он арестовал местных партийных работников.

Командовавший тогда 1-й армией Тухачевский вспоминал:

«11 июля Муравьев прибыл на пароходе в Симбирск. Я им был вызван для доклада, но как только явился на пристань, то тотчас же был арестован. С сумасшедшими, горящими глазами Муравьев после ареста заявил мне:

— Я поднимаю знамя восстания, заключаю мир с чехословаками и объявляю войну Германии».

К Муравьеву присоединился бронедивизион, стоявший в Симбирске. Командовавший 2-й армией Восточного фронта Федор Евдокимович Махин, бывший полковник царской ар-

мии, эсер, перешел на сторону Комуча и стал военным руководителем Народной армии.

Ленин и Троцкий объявили Муравьева вне закона. Мятеж ликвидировал председатель Симбирского губкома Иосиф Варейкис. Он вызвал Михаила Муравьева в губком для переговоров. Там его убили верные Варейкису солдаты. Оставшийся без командования отряд легко разоружили.

Справиться с чехословацким корпусом было значительно сложнее. Волжская станция Свияжск летом 1918 года стала штабом по организации борьбы против чехословацкого корпуса и войск Самарского комитета членов Учредительного собрания. Туда прибыли и Троцкий, и главком Вацетис.

Находясь в Свияжске, Троцкий создавал полноценную военную машину. Он привлек к военной работе умелых организаторов. Членом Реввоенсовета стал Аркадий Павлович Розенгольц, чьими талантами восхищалась писательница Лариса Рейснер в книге «Свияжск»:

«Розенгольц в своем вагоне сразу, чуть ли не с первого дня оброс канцелярией Реввоенсовета, обвесился картами, затрещал машинками, бог знает откуда появившимися, — словом, стал строить крепкий, геометрически правильный организационный аппарат, с его точной связью, неутомимой работоспособностью и простотой схемы.

И впоследствии, в какой бы армии, на каком бы фронте ни расклеивалась работа, — сейчас же, как пчелиную матку в мешке, привозили туда Розенгольца, сажали в разоренный улей, и сразу же он начинал неудержимо отстраиваться, выводить ячейки, жужжать телеграфными проводами.

Несмотря на шинель и большущий пистолет за поясом, в самой фигуре и белом, немного мягком лице Розенгольца не было ничего воинственного. И огромная его сила лежала вовсе не в том, а в органической способности возрождать, связывать, доводить до взрывчатой скорости тип остановившегося, засоренного кровообращения».

Розенгольц был членом Реввоенсовета Восточного фронта, 5-й армии Южного фронта, которой командовал Михаил Тухачевский. После Гражданской войны он возглавлял Красный воздушный флот. Потом был полпредом в Англии, наркомом внешней торговли. В марте 1938 года Розенгольца расстреляли вместе с Николаем Бухариным и Алексеем Рыковым.

Чрезвычайную комиссию по производству военного снаряжения в августе 1918 года возглавил Леонид Борисович Красин. В начале сентября она была реорганизована в Чрезвычай-

ную комиссию по снабжению Красной армии (Чрезкомснаб). Ей подчинялись все предприятия, которые выпускали военную технику и боеприпасы.

В начале октября 1919 года комиссию упразднили, а эти дела поручили Чрезвычайному уполномоченному Совета Обороны по снабжению Красной армии и Красного флота (Чусоснабарм) Алексею Ивановичу Рыкову. До этого Рыков был членом коллегии наркомата продовольствия. Он ведал продовольственными отрядами, которые конфисковывали хлеб в деревне и доставляли его в город. Рыкова ввели в Реввоенсовет. Ему подчинили Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной армии. Рыков создал централизованную систему обеспечения вооруженных сил оружием, снаряжением, продовольствием и фуражом.

При Чрезвычайном уполномоченном образовали Совет военной промышленности (Военпром), и Рыков руководил всеми военными предприятиями. Они с Троцким придумали первые советские танки — бронированные тракторы «катерпиллер».

В 1920 году Троцкий говорил:

— Под руководством товарища Рыкова наша расстроенная промышленность дала максимум того, что она могла дать...

16 августа 1921 года Чрезвычайную комиссию по снабжению армии ликвидировали. Алексей Рыков стал заместителем Ленина в правительстве. После смерти Владимира Ильича он возглавил Совнарком...

Когда чехословаки свергли советскую власть в Сибири и на Дальнем Востоке, в Омске возникло сибирское правительство, образованное теми, кто намеревался восстановить Учредительное собрание. Некоторые историки считают, что это было самое законное правительство из всех, которые после осени 1917 года возникли на территории России (подробнее см. журнал «Отечественная история», 1999, № 6).

Правительство возглавил правый эсер Николай Дмитриевич Авксентьев; он был министром внутренних дел во Временном правительстве. Но реальная власть в регионе принадлежала военным, им Авксентьев не нравился. В поисках популярной фигуры они обратились к адмиралу Александру Васильевичу Колчаку.

Колчак с отличием окончил морской кадетский корпус, много лет провел в полярных экспедициях. Во время Русско-японской войны 1904—1905 годов участвовал в обороне Порт-Артура, командовал миноносцем.

После трагической гибели русского флота в войне с Японией группа офицеров с разрешения морского министра образовала полуофициальный кружок с целью разработки путей воссоздания и реформирования флота. Председателем кружка стал капитан 2-го ранга Александр Васильевич Колчак, автор трудов по океанографии и гидрологии. Члены кружка подали министру записку с предложением создать морской генеральный штаб. Весной 1906 года штаб был создан, естественно, в генштаб зачислили капитана 2-го ранга Колчака.

Ему не нравилось, как осуществлялась программа военного кораблестроения. Строили не тот корабль, который был нужен, а тот, который соответствовал ассигнованным средствам. Из-за этого флот получал корабли, которые ему не были нужны. В 1908 году Колчак ушел из генштаба и увлекся гидрографическими изысканиями, научными экспедициями. В 1910-м он вернулся в морской штаб на прежнюю должность. В 1912-м получил под командование эскадренный миноносец. Во время Первой мировой командовал минной дивизией на Балтике. За высадку десанта в немецком тылу получил Георгия IV степени. В июле 1916-го вице-адмирал Колчак стал командующим Черноморским флотом.

В июле 1917 года Колчака во главе военно-морской миссии отправили в США. После Октябрьской революции он попросил англичан взять его на службу, чтобы продолжить войну с немцами. Ему предложили отправиться в Бомбей и получить там назначение на месопотамский фронт. Он добрался до Сингапура, но там англичане предложили ему вернуться в Россию, чтобы бороться с большевиками.

Сначала он отправился в китайский город Харбин, где было много беженцев из России. Они сформировали эмигрантское правительство во главе с генерал-лейтенантом Дмитрием Леонидовичем Хорватом, который был управляющим Китайско-Восточной железной дорогой. Колчак присоединился к генералу Хорвату, но тут же оказался в конфликте с атаманом Григорием Михайловичем Семеновым, которого поддерживали японцы.

Тогда Колчак решил вступить в Добровольческую армию, из Харбина по железной дороге он отправился на юг России. В октябре 1918 года он оказался в Омске, ему предложили включиться в работу Временного сибирского правительства. 4 ноября его утвердили военным и морским министром. В этой должности он пробыл меньше двух недель. 18 ноября генералы свергли правительство Авксентьева и предложили Колчаку стать единоличным диктатором.

Он не отказался и объявил себя верховным правителем России. Но адмирал совершенно не был готов к этой роли. Он оставался военным до мозга костей. Он не верил в демократию, парламент, законы. Колчак разогнал остатки Учредительного собрания. И совершил ошибку.

Военный переворот в Омске настроил против него эсеров, которые призвали солдат «прекратить гражданскую войну с Советской властью и обратить оружие против диктатуры Колчака». А за эсеров на выборах в Учредительное собрание проголосовало почти девяносто процентов избирателей. Таким образом, симпатии сибиряков были не на стороне Колчака.

Колчак хотел было раздать землю крестьянам, но так и не решился, и утерял поддержку крестьян, которые в Сибири были настроены против большевиков. Реквизиция продовольствия и насильственная мобилизация в армию окончательно превратили основную массу крестьян во врагов Колчака.

Верховный правитель России заявил: «Гражданская война должна быть беспощадной. Я приказываю начальникам частей расстреливать всех пленных коммунистов. Или мы их перестреляем, или они нас». А генералы его армии и без того жестоко расправлялись с местным населением, обирали и грабили крестьян. Колчак вообще совершил множество ошибок.

Когда генерал-лейтенант Николай Николаевич Юденич готовился взять Петроград, финский генерал Карл Густав Маннергейм информировал Колчака, что он тоже готов начать боевые действия против большевиков, если Колчак официально признает независимость Финляндии. Судьба Петрограда в буквальном смысле висела на волоске. Но адмирал ответил, что идея единой и неделимой России для него важнее всего.

Маннергейм не стал вмешиваться, большевики удержали Петроград, войска Юденича потерпели поражение.

Башкиры требовали признать их право на самостоятельность. Колчак отказался. Башкиры перешли на сторону большевиков, которые согласились в феврале 1919 года на создание Башкирской республики.

Первое время Колчак одерживал победы. У него в руках оказался вывезенный из столицы золотой запас России, которым он оплачивал военные поставки не только для своих войск, но и для армии Деникина. Однако постепенно Восточный фронт под командованием Михаила Васильевича Фрунзе набрал силу и перешел в наступление.

Летом 1919 года армия Колчака начала отступать, потом она побежала. 14 ноября 1919 года Омск пал. В тылу начались восстания против Колчака.

Ему предлагали назначить главой правительства видного промышленника Сергея Николаевича Третьякова, который возглавлял Экономический совет при Временном правительстве. Колчак не захотел: Третьяков мало знает Сибирь и «не подходит как представитель крупного капитала».

Главой кабинета стал Виктор Николаевич Пепеляев, правый кадет. Третьякова назначили его заместителем. Пепеляев пытался сговориться с эсерами и меньшевиками для создания единого антибольшевистского фронта. Но те не верили Пепеляеву.

Эсеры, меньшевики и другие политические силы сформировали в Иркутске подпольный Политический центр, который поднял восстание против Колчака и взял власть в городе.

4 января 1920 года Колчак сложил с себя полномочия и подписал указ об утверждении генерала Деникина «верховным правителем Российского государства», а всю полноту власти на территории Российской восточной окраины передал генерал-лейтенанту Григорию Михайловичу Семенову, атаману Сибирского казачьего войска.

5 января Колчак распустил свою охрану и перешел в поезд союзников под охрану чехословаков, которые обещали вывезти его из России.

Колчак рассчитывал на поддержку чехословацкого корпуса, но большого желания сражаться с большевиками у чехов не было, поэтому, когда Красная армия, набравшись сил, стала наступать, чехи отошли в сторону.

15 января чехословаки на станции Иннокентьевской (неподалеку от Иркутска) передали Колчака и председателя Совета министров Пепеляева представителям Политического центра.

21 января власть в Иркутске перешла к большевикам, которые арестовали Колчака и Пепеляева и собирались их судить.

Когда к Иркутску подошли остатки колчаковских войск и потребовали освободить адмирала, член Реввоенсовета 5-й армии и председатель Сибирского ревкома Иван Никитич Смирнов распорядился Колчака и Пепеляева «немедленно расстрелять». Смирнов боялся, что белые войска освободят адмирала и Гражданская война в Сибири возобновится.

Военно-революционный комитет 6 февраля принял постановление о расстреле. В ночь на 7 февраля их обоих казнили. Колчак отказался от предложения завязать глаза. Оба трупа сбросили под лед Ангары.

Сергею Николаевичу Третьякову, которого Колчак не захотел поставить во главе правительства, повезло больше. Он уехал в эмиграцию и обосновался в Париже. Обнищал и в 30-х годах стал работать на советскую разведку...

Иван Никитич Смирнов, член Реввоенсовета Республики, отправленный Троцким на Восточный фронт, пользовался в Красной армии уважением. Лариса Рейснер восторженно писала о нем:

«Он олицетворял революционную этику, был высшим моральным критерием, коммунистической совестью Свияжска.

Даже среди беспартийных солдатских масс и среди коммунистов, не знавших его раньше, сразу же была признана удивительная чистота и порядочность тов. Смирнова. Вряд ли он сам знал, как его боялись, как боялись показать трусость и слабость именно перед ним, перед человеком, который никогда и ни на кого не кричал, просто оставаясь самим собой, спокойным и мужественным.

Никого так не уважали, как Ивана Никитича. Чувствовалось, что в худшую минуту именно он будет самым сильным и бесстрашным. С Троцким умереть в бою, выпустив последнюю пулю в упоении, ничего уже не понимая и не чувствуя ран... А с тов. Смирновым (так нам казалось тогда, так говорили между собой шепотом, лежа на полу вповалку в холодные уже осенние ночи), с тов. Смирновым — ясное спокойствие у стенки, на допросе белых, в грязной яме тюрьмы. Да, так говорили о нем в Свияжске».

Пророчество рано умершей Ларисы Рейснер сбылось. Только допрашивали Ивана Смирнова не белые, а свои, чекисты. Он оставался одним из преданных Троцкому людей, это и сломало его карьеру. После войны он был членом ЦК и наркомом почт и телеграфа СССР. В ноябре 1927-го его как троцкиста сняли с должности, арестовали и постановлением особого совещания при ОГПУ выслали на три года. К потере высокой должности он отнесся на редкость спокойно:

— Всем нам пошло бы на пользу некоторое время побыть рядовыми.

В 1929 году его вроде как помиловали, сделали управляющим трестом «Саратовкомбайнстрой», в 1932-м перевели

начальником управления новостроек наркомата тяжелой промышленности. Но Сталин уничтожал всех, кто был рядом с Троцким. В 1933 году Ивана Смирнова арестовали и приговорили к пяти годам тюремного заключения, а в 1936-м еще раз судили и расстреляли...

ШЕСТОЕ ИЮЛЯ

Особенно опасным для советской власти оказалось восстание левых эсеров в Москве. Первое время Ленин дорожил союзом с эсерами, которых поддерживало крестьянство. Но это сотрудничество постепенно угасало, потому что они все больше расходились с большевиками. После того как левые эсеры вышли из правительства, они оставались только в ВЧК и в армии.

4 июля в Большом театре открылся Пятый Всероссийский съезд Советов. Председательствовал Яков Михайлович Свердлов. Настроения в зале были скорее антиправительственные. Они усилились, когда выступил представитель Украины, который говорил, что Украина уже восстала против Германии, и призывал революционную Россию прийти на помощь.

«Неистовое негодование, возмущение, — писал француз Жак Садуль, — особенно заметно на скамьях левых эсеров, расположенных справа от президиума. Крики «Долой Брест!», «Долой Мирбаха!», «Долой германских прислужников!» раздаются со всех сторон. Дипломатической ложе грозят кулаками.

В течение дня Троцкий произносит две речи. Он устал и нервничает. Его голос перекрывают выкрики левых эсеров, которые обзывают оратора Керенским, лакеем Мирбаха...»

Троцкий потребовал расстреливать всех, кто ведет враждебные действия на демаркационной линии с немцами: раз уж подписали мир, не надо постоянно провоцировать немцев.

Эсеры, требовавшие войны с немцами, приняли слова Троцкого на свой счет. С револьвером на боку член ЦК эсеров Борис Камков, заместитель председателя ВЦИК, обрушился с бранью на немецкого посла графа Вильгельма Мирбаха и назвал большевиков «лакеями германского империализма». Камков пообещал большевикам:

— Ваши продотряды и ваши комбеды мы выбросим из деревни за шиворот.

А через день, 6 июля, несколько членов ЦК эсеров демонстративно покинули Большой театр, где шел съезд Советов, и собрались в штабе левоэсеровского кавалерийского отряда в Большом Трехсвятительском переулке.

В тот же день в два часа дня сотрудники ВЧК Яков Блюмкин и Николай Андреев прибыли в германское посольство. Они предъявили мандат, на котором была подпись Дзержинского и печать ВЧК, и потребовали встречи с послом Мирбахом. Немецкий посол принял их в малой гостиной.

«Я беседовал с ним, смотрел ему в глаза, — рассказывал потом Блюмкин, — и говорил себе: я должен убить этого человека. В моем портфеле среди бумаг лежал браунинг. «Получите, — сказал я, — вот бумаги», — и выстрелил в упор. Раненый Мирбах побежал через большую гостиную, его секретарь рухнул за кресло. В большой гостиной Мирбах упал, и тогда я бросил гранату на мраморный пол...»

Это было сигналом к вооруженному восстанию. Левые эсеры располагали вооруженными отрядами в Москве и вполне могли взять власть. Деревня вся голосовала за эсеров.

Через час Ленин позвонил Дзержинскому и сообщил об убийстве посла: ВЧК еще не была тогда всевластной организацией и многие новости узнавала со стороны.

После подавления эсеровского мятежа было проведено следствие, в связи с чем Дзержинский временно сложил с себя полномочия председателя ВЧК.

По указанию Ленина допросили и самого Дзержинского: он тоже был под подозрением, поскольку в мятеже участвовали его подчиненные. И кроме того, как мог он проморгать, что на его глазах готовится убийство немецкого посла и зреет заговор? Дзержинский рассказал на допросе:

«Приблизительно в половине июня мною были получены сведения, исходящие из германского посольства, подтверждающие слухи о готовящемся покушении на жизнь членов германского посольства и о заговоре против Советской власти.

Членами германского посольства был дан список адресов, где должны были быть обнаружены преступные воззвания и сами заговорщики. Это дело мною было передано для расследования товарищам Петерсу и Лацису. Предпринятые комиссией обыски ничего не обнаружили. В конце июня мне был передан новый материал о готовящихся заговорах... Я пришел к убеждению, что кто-то шантажирует нас и германское посольство».

Подпись Дзержинского на мандате, который Блюмкин предъявил в посольстве, была поддельной, а печать подлин-

ной. Ее приложил к мандату заместитель председателя ВЧК Вячеслав Александрович Александрович (настоящая фамилия — Дмитриевский, партийный псевдоним Пьер Оранж), левый эсер, которого уважали за порядочность и честность. Он шесть лет провел на каторге, бежал, кочегаром на судне из Мурманска пришел в Норвегию. С фальшивым паспортом на имя Федора Темичева летом 1916-го вернулся в Россию. В 1917-м был избран в исполком Петроградского Совета от левых эсеров.

В ВЧК Вячеслав Александрович руководил отделом «по борьбе с преступлениями по должности». Он был абсолютно бескорыстным человеком, мечтал о мировой революции и всеобщем благе. Ради великой цели считал возможным прибегать к террору. Он был пружиной мятежа левых эсеров и убийства Мирбаха.

Дзержинский объяснял на допросе:

«Александрович был введен в комиссию в декабре месяце прошлого года по категорическому требованию эсеров. У него хранилась большая печать, которая была приложена к подложному удостоверению от моего якобы имени, при помощи которого Блюмкин и Андреев совершили убийство. Блюмкин был принят в комиссию по рекомендации ЦК левых эсеров».

О своих действиях в день мятежа Дзержинский рассказал следующее:

«Сведения об убийстве графа Мирбаха я получил шестого июля, около трех часов дня от Председателя Совета Народных Комиссаров по прямому проводу. Сейчас же поехал в посольство с отрядом, следователями и комиссаром, для организации поимки убийц.

Лейтенант Миллер встретил меня громким упреком: «Что вы теперь скажете, господин Дзержинский?» Мне показана была бумага-удостоверение, подписанное моей фамилией...»

Импульсивный Дзержинский из посольства помчался в подчиненный ему отряд ВЧК, которым командовал левый эсер Попов, поскольку полагал, что там, вполне возможно, укрылись убийцы Мирбаха:

«Я с тремя товарищами (Трепаловым, Беленьким и Хрусталевым) поехал в отряд, чтобы узнать правду и арестовать Блюмкина. В комнате штаба было около десяти—двенадцати матросов. Попов в комнату явился только после того, как мы были обезоружены, стал бросать обвинения, что наши декреты пишутся по приказу «его сиятельства графа Мирбаха»...»

Попов не только отказался выдать Блюмкина и Андреева, но и арестовал самого Феликса Эдмундовича.

Руководители ВЧК, органов государственной безопасности, растерялись и ничего не могли сделать. Не растерялся только наркомвоенмор Троцкий.

Под предлогом проведения совещания из Большого театра вывели всех делегатов съезда Советов, кроме левых эсеров.

«К восьми часам вечера, — писал Жак Садуль, — в зале, не считая нескольких журналистов, остаются только делегаты левых эсеров и их сторонники. Театр окружен красноармейцами. Выходы охраняются...

Большевики проявили хладнокровие, замечательную быстроту в принятии решений, задержав в этом зале почти всех делегатов и большинство лидеров эсеров, в том числе и Спиридонову. Они завладели драгоценными заложниками и оставили эсеров без их самых самоотверженных агитаторов; Камков и Карелин, вероятно, возглавили бы восстание.

Делегаты чувствуют, что они в руках безжалостного противника. Они понимают, что их положение серьезно. Им, без сомнения, придется расплачиваться за тех, кого сейчас здесь нет. В пустом на три четверти зале, который кажется темным при ярком свете люстр, царит трагическая тишина.

Левые эсеры принимают решение организовать митинг. Они выбирают бюро, председательствует Спиридонова. Может быть, им уже вынесен приговор?

Стоя, все, как один, низкими голосами они поют похоронный марш, затем «Интернационал», потом другие революционные песни, пронзительно грустные. Вскоре, однако, эти молодые, готовые бороться, пылкие люди берут себя в руки. Их охватывает чуть нервное веселье. Ораторы произносят проникновенные или юмористические речи...»

Большевики арестовали всю фракцию. В ответ вооруженные эсеры захватили телеграф и телефонную станцию, напечатали свои листовки, члены их ЦК разъехались по воинским частям и заводам. Но поднять Москву эсерам не удалось: рабочие и солдаты довольно спокойно относились к Брестскому миру.

Левые эсеры хотели показать большевикам, а заодно и немецкому военному командованию свою силу. Они исходили из того, что без поддержки мировой революции в России подлинный социализм не построить. Лидер эсеров Мария Спиридонова, объясняя, что Брестский мир задержал германскую революцию на полгода, писала Ленину: «В июле мы не свергали большевиков, мы хотели одного —

террористический акт мирового значения, протест на весь мир против удушения нашей Революции. Не мятеж, а полустихийная самозащита, вооруженное сопротивление при аресте. И только».

Военные, присоединившиеся к левым эсерам, предлагали взять Кремль штурмом, пока у восставших перевес в силах. Но руководители эсеров удерживали военных: их задача — оборона штаба! Эсеры действовали нерешительно, потому что боялись, что прямая схватка с большевиками пойдет на пользу мировой буржуазии.

В те дни председатель ВЦИК и секретарь ЦК Свердлов подписал распоряжение, которым отменил все ранее выданные пропуска. Действующими признавались пропуска «за подписью одного из следующих лиц: председателя Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянова (Ленина), председателя Центрального Исполнительного Комитета Я. Свердлова и народного комиссара по военным делам Л. Троцкого».

Сравнительно пассивная позиция эсеров позволила большевикам взять инициативу в свои руки. Наркомвоенмор Троцкий вызвал из-под Москвы два латышских полка, верные большевикам, подтянул броневики и приказал обстрелять штаб отряда Попова из артиллерийских орудий. Через несколько часов левым социалистам-революционерам пришлось сложить оружие.

К вечеру 7 июля мятеж был подавлен.

Дзержинский сам арестовал своего заместителя Вячеслава Александровича и потребовал расстрелять его. Александра Михайловна Коллонтай, которая знала Александровича («Славушку») еще по временам эмиграции, пыталась за него вступиться. Но Дзержинский сказал, что его уже расстреляли, как и еще двенадцать чекистов из отряда Попова.

Коллонтай записала в дневнике:

«Провела бессонную ночь. Нет больше нашего Славушки. Ведь он безумно хотел своим выстрелом разбудить немецкий пролетариат от пассивности и развязать революцию в Германии... Под утро мы вышли на улицу. Светлая, бело-сизая ночь, любимая ночь в любимейшем городе, переходила в день, но Славушки уже нет и не будет. Милый мой Исаакиевский собор. Зеленый скверик. Пока пустынно. Скоро город заполнится спешащими по делам людьми. Кто и что для них Славушка? А ведь он жил и страдал за них!»

Коллонтай написала об Александровиче статью в «Правду»:

«Даже Троцкий признал, что Александрович умер мужественной смертью как истинный революционер. Значит,

есть что-то, что заставляет склонить голову перед его светлой памятью... Пусть мы и осуждаем террор, но моральный облик тех, кто беззаветно, во имя идеи интернациональной солидарности и ускорения мировой революции, пожертвовал собою, остается чистым и незапятнанным. Такие бойцы навсегда с нами».

Статью конечно же не опубликовали.

Убийцы Мирбаха, начальник отдела ВЧК по борьбе с международным шпионажем Яков Блюмкин и его напарник Николай Андреев, получили по три года, но и этого срока не отсидели.

К личности Блюмкина и мотивам его участия в убийстве посла Мирбаха мы еще вернемся. Но надо отметить, что нападение на немецкого посла в Москве не было единичным актом.

Член Всероссийской боевой организации партии левых эсеров Борис Михайлович Донской 30 июля убил в Киеве командующего германскими оккупационными войсками генерал-фельдмаршала фон Эйхгорна. Донского схватили и казнили.

Всех причастных к теракту немецкий военно-полевой суд приговорил к повешению. Но одна из осужденных, Ирина Константиновна Каховская, между прочим член ВЦИК, сумела бежать. Она готовила убийство генерала Деникина, но вся ее группа заболела сыпным тифом, и покушение сорвалось. В 1921 году Каховскую арестовала ВЧК...

Июльский мятеж имел трагические последствия для нашей истории. Социалисты-революционеры были изгнаны из политики и из государственного аппарата и, таким образом, уже не имели возможности влиять на судьбы страны. Позднее, уже при Сталине, всех видных эсеров уничтожили, российское крестьянство лишилось своих защитников, а советская власть стала однопартийной и получила дополнительный повод для репрессий.

Эсеры и меньшевики фактически были поставлены вне закона: их судьбу решали закрытые инструкции ВЧК, в суд дела социалистов не передавали.

Политбюро поручило чекистам сделать упор «на постановке осведомления, внутренней информации и извлечении всех контрреволюционных и антисоветских деяний во всех областях». Социалистов-революционеров методично уничтожали. Последних расстреляли 11 сентября 1941 года в лесу под Орлом. Это были уже старики и старухи, но Сталин все равно их боялся.

В орловской тюрьме провели остаток жизни многие лидеры эсеров. Среди них была и легендарная Мария Александровна Спиридонова. 29 января 1906 года 20-летняя Спиридонова, член тамбовской эсеровской боевой дружины, из револьвера смертельно ранила жандармского полковника Луженовского, который беспощадно усмирял крестьянские бунты в Тамбовской области. Спиридонову приговорили тогда к смертной казни через повешение, но заменили бессрочной каторгой.

После Февральской революции она стала вождем левых эсеров. В 1917-м Спиридонову называли самой популярной и влиятельной женщиной в России. Большую часть жизни она провела в заключении, причем в неизмеримо худших условиях, чем те, что существовали в царских тюрьмах. В ноябре 1937 года она написала большое письмо своим мучителям, где писала, что в царское время ее личное достоинство не задевалось. В царское время она ощущала незримую поддержку народа, в первые годы советской власти старые большевики, включая Ленина, щадили ее, принимали меры, чтобы над ней не измывались.

Потом все изменилось:

«Бывали дни, когда меня обыскивали по десять раз в день. Обыскивали, когда я шла на оправку и с оправки, на прогулку и с прогулки, на допрос и с допроса. Ни разу ничего не находили на мне, да и не для этого обыскивали. Чтобы избавиться от щупанья, которое практиковалось одной надзирательницей и приводило меня в бешенство, я орала во все горло, вырывалась и сопротивлялась, а надзиратель зажимал мне потной рукой рот, другой притискивал к надзирательнице, которая щупала меня и мои трусы; чтобы избавиться от этого безобразия и ряда других, мне пришлось голодать, так как иначе просто не представлялось возможности какого-либо самого жалкого существования. От этой голодовки я чуть не умерла...»

Марию Спиридонову тоже расстреляли 11 сентября 1941 года. Она потеряла все, включая свободу, поскольку выступала против сотрудничества с Германией, и тем не менее ее уничтожили из опасения, что она перейдет на сторону немцев!

ОСОБИСТЫ В АРМИИ

6 февраля 1919 года ВЦИК утвердил «Положение об особых отделах при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии». Они должны были бороться с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте.

Но ввиду высокого положения и авторитета наркомвоенмора Троцкого подчеркивалось, что особые отделы будут действовать под контролем Реввоенсовета Республики (это положение отменят в 1931 году, и с этого момента военная контрразведка окончательно выйдет из подчинения армии).

Так появилась военная контрразведка, которая не только выявляла шпионов и предателей, но и следила за военачальниками, изучала настроения в армии.

Кроме того, поскольку при ВЧК еще не было Иностранного отдела, Особый отдел должен был заниматься разведывательной работой за границей и на территориях, занятых Белой армией и иностранными державами.

Особые отделы изначально формировались за счет партийцев с большим стажем и с опытом подпольной работы, потому что военная контрразведка появилась как реакция на измену военачальников, которые ушли к белым.

Троцкому постоянно предъявляли обвинения в том, что он назначает потенциальных предателей на высокие посты.

Председатель Реввоенсовета ответил так:

«У нас ссылаются нередко на измены и перебеги лиц командного состава в неприятельский лагерь. Таких перебегов было немало, главным образом со стороны офицеров, занимавших более видные посты. Но у нас редко пишут о том, сколько загублено целых полков из-за боевой неподготовленности командного состава... И если спросить, что причиняло нам до сих пор больше вреда: измена бывших кадровых офицеров или неподготовленность многих новых командиров, то я лично затруднился бы дать на это ответ».

В военной контрразведке, в отличие от других чекистских подразделений, с самого начала был низкий уровень образования, поскольку для работы в армии этого и не требовалось.

Первым начальником Особого отдела стал Михаил Сергеевич Кедров, который до этого (с сентября 1918 года) руководил Военным отделом ВЧК. В марте 1919-го Кедрова сделали членом коллегии ВЧК, но уже в мае его отправили особоуполномоченным на фронт. Он вообще в ВЧК не задержался. В 1920-м его включили в правительственную комиссию по расследованию злодеяний интервентов и белогвардейцев на Севере. Потом он работал в наркомате просвещения...

В августе 1919-го руководить Особым отделом ВЧК Центральный Комитет партии поручил самому Дзержинскому.

Но уже 15 сентября в Особом отделе ВЧК появился Вячеслав Рудольфович Менжинский, будущий глава госбезо-

пасности. Для начала его назначили особоуполномоченным. Через полгода он — уже заместитель начальника отдела, а еще через несколько месяцев возглавил особистов. В июле 1922-го его утвердили членом коллегии ВЧК.

Менжинский докладывал о работе особых отделов, о ситуации в армии (и не только в армии) и Дзержинскому и Троцкому. Причем Троцкий был куда более важной фигурой, чем председатель ВЧК. Поэтому военные чувствовали себя уверенно и не боялись чекистов. Лишь после ухода Троцкого из армии ситуация радикально изменится. А в Гражданскую войну разгневанный командарм запросто мог арестовать начальника Особого отдела, если у них не складывались отношения.

Менжинский был исключительно лоялен по отношению к наркому по военным и морским делам. Троцкий вспоминает:

«Он явился ко мне в вагон с докладом по делам особых отделов в армии.

Закончив с официальной частью визита, он стал мяться и переминаться с ноги на ногу с той вкрадчивой своей улыбкой, которая вызывает одновременно тревогу и недоумение. Он кончил вопросом: знаю ли я, что Сталин ведет против меня сложную интригу?

— Что-о-о? — спросил я в совершенном недоумении, так как был далек тогда от каких бы то ни было мыслей или опасений такого рода.

— Да, он внушает Ленину и еще кое-кому, что вы группируете вокруг себя людей специально против Ленина...

— Да вы с ума сошли, Менжинский, проспитесь, пожалуйста, а я разговаривать об этом не желаю.

Менжинский ушел, перекосив плечи и покашливая. Думаю, что с этого самого дня он стал искать иных осей для своего круговращения».

Доверительность отношений Менжинского с Троцким не стоит переоценивать. Тут не было ничего личного. Начальник Особого отдела ответственно исполнял свои обязанности, не более того.

На посту начальника Особого отдела ГПУ—ОГПУ Менжинского сменил Генрих Григорьевич Ягода, который позже возглавил и все секретно-оперативное управление, то самое, которое занималось борьбой с антисоветскими элементами.

Едкий в оценках наркомвоенмор Троцкий так характеризовал приходившего к нему на доклад нового начальни-

ка Особого отдела: «Ягода очень точен, чрезмерно почтителен и совершенно безличен. Худой, с землистым цветом лица (он страдал туберкулезом), с коротко подстриженными усиками, в военном френче, он производил впечатление усердного ничтожества».

Троцкий, как это бывало с ним часто, недооценивал других. Генрих Ягода не был ничтожеством.

А традиция докладывать высшему руководству о политической ситуации и о поведении политиков, как мы видим, заложена была в органах госбезопасности еще в те годы.

2 марта 1920 года ЦК направил циркулярное письмо «Всем губернским комитетам Р.К.П. и Политотделам армий и флотов»:

«Особое внимание контрреволюционеры направляют на Красную Армию, стремясь внести как можно больше дезорганизации в дело транспорта, обслуживание больных, раненых красноармейцев, снабжение и формирование войсковых частей, чтобы вызвать тем самым в тылу и на фронте волнения, восстания и массовый переход на сторону противника...

Для более быстрого и рационального уничтожения контрреволюции и в этой области Ц.К., во-первых, вменяет в обязанность всем комиссарам и коммунистам, работающим в Армии, быть постоянными осведомителями Особоотделов. Во-вторых, предлагает всем Политотделам Армии и флота, а также Политуправлению Республики и крупным партийным организациям для работы в Особоотделах командировать наиболее ответственных, испытанных и старых партийных работников».

Война заканчивалась, но чекисты уверяли, что врагов становится больше. Все проявления недовольства среди населения сваливали на козни скрытых врагов и изменников, которых следовало вскрывать и разоблачать.

Чекисты были недовольны тем, что решение ЦК плохо исполняется. После совещания начальников особых отделов фронтов и армий летом 1920 года ВЧК направило циркулярное письмо всем особоотделам фронтов, армий и губчека:

«Все сведения с мест, полученные за истекший период, говорят о том, что письмо ЦК РКП в большинстве случаев в жизнь не проведено. Одни сообщения говорят, что оно не проведено в жизнь благодаря неправильному толкованию задач Особых Отделов партийными организациями на местах, другие — что сами руководители Особых Отделов не усвоили себе понятия, какими путями нужно это письмо использовать...

Так, например, в одном Особом Отделе, основываясь на письме ЦК, партийных товарищей, находящихся на службе в советских учреждениях, заставляли переодеваться, чуть ли не гримироваться и заниматься слежкой за контрреволюционными элементами...

Прежде всего нужно помнить, что альфой и омегой нашей работы является информация, к сожалению еще до сих пор слабо поставленная, но если принять во внимание, что кадр осведомителей будет при помощи письма ЦК усилен преданными делу Революции товарищами, то ясной станет вся существенность помощи партийных сил. Все учреждения, предприятия, части войск и населенные пункты будут освещены в желательном отношении партийными товарищами, находящимися в них, но для этого нужно, чтобы все партийные комитеты и все члены партии точно знали всю важность нашей работы...»

Это были первые шаги по созданию системы полного контроля над обществом, всеобщего доносительства, в том числе и в армии.

ВОЕННАЯ ОППОЗИЦИЯ

Хотя в девяти случаях из десяти Ленин его поддерживал, Троцкий все равно оставался недоволен, когда политбюро в его отсутствие (он почти постоянно находился на фронте) принимало решение, которое ему не нравилось.

Он даже подавал в отставку с поста члена политбюро и председателя Реввоенсовета и наркома:

«Условия моей работы на фронтах лишают меня возможности постоянного участия в работе военного центра и Политбюро ЦК. Это, в свою очередь, лишает меня нередко возможности брать на себя ответственность перед партией и работниками военного ведомства за ряд шагов центра, которые я считаю рискованными и прямо опасными нарушениями военной системы, у нас установившейся и одобренной съездом партии».

Ленин тут же набросал проект совместного постановления оргбюро и политбюро:

«Орг.- и Политбюро ЦеКа сделают все, от них зависящее, чтобы сделать наиболее удобной для т. Троцкого и наиболее плодотворной для Республики ту работу на Южном фронте, самом трудном, самом опасном и самом важном в настоящее время, которую избрал сам т. Троцкий...

Орг.- и Политбюро ЦеКа предоставят т. Троцкому полную возможность всеми средствами добиваться того, что он считает исправлением линии в военном вопросе и, если он пожелает, постараться ускорить съезд партии.

Твердо убежденные, что отставка т. Троцкого в настоящий момент абсолютно невозможна и была бы величайшим вредом для Республики, Орг.- и Политбюро ЦеКа настоятельно предлагают т. Троцкому не возбуждать более этого вопроса и исполнять свои функции...»

17 мая 1919 года Ленин отправил Троцкому телеграмму: «Политбюро ЦК всецело поддерживает решительность и одобряет Ваши планы...» Понятно, почему в советские времена такие документы хранились за семью печатями.

Когда вышел очередной спор в политбюро и Троцкий возмутился принятым решением, то Ленин поспешил все уладить.

17 июня 1919 года Ленин написал Каменеву:

«Мы категорически протестуем против всякой попытки найти или усмотреть в нашем заявлении что-либо обидное для Троцкого. Напротив, мы настойчиво подчеркиваем, что руководствовались всецело и исключительно соображениями о международном значении товарища Троцкого вообще и его роли в советской и партийной работе в РСФСР».

Ленин и ЦК в те годы неизменно поддерживали Троцкого. Но против него объединились весьма влиятельные в партии люди — образовалась так называемая военная оппозиция. На VII съезде в марте 1919 года она попыталась дать бой председателю Реввоенсовета.

Оппозиция хотела сохранить в армии выборность командиров, предоставить всю полноту власти комиссарам, чтобы они могли руководить и боевыми операциями, а военных специалистов превратить в консультантов.

Троцкий в работе съезда не участвовал — вынужден был срочно выехать на фронт. Активистам оппозиции, напротив, разрешили остаться в Москве, чтобы они могли изложить свое мнение. Тезисы Троцкого изложил Григорий Сокольников, член Реввоенсовета Южного фронта. Он выступал за безусловную дисциплину в армии и против выборности командиров:

— Мы были за выборность, когда мы агитировали солдат против верхов, которые служили царскому, помещичьему и буржуазному режиму...

Он имел в виду, что 16 декабря 1917 года большевики приняли два декрета — «О выборном начале и об органи-

зации власти армии» и «Об уравнении всех военнослужащих в правах». Потом ЦК отменил принцип добровольческого формирования Красной армии с выборным командным составом.

Сокольников отстаивал необходимость широкого использования кадровых офицеров:

— Выяснилось, что там, где военные специалисты были привлечены, — там был достигнут военный успех. И наоборот, там, где присланных из центра военных специалистов отсылали обратно или сажали на баржу, как это было в кавказской армии, там мы пришли к полному разложению и исчезновению самих армий...

Представители военной оппозиции во главе с Ворошиловым утверждали, что бывшие офицеры все равно тяготеют к белым и будут к ним перебегать, так что напрасно им дают больше прав, чем комиссарам. Оппозиция возражала против принятого 12 декабря 1918 года Совнаркомом положения о правах и обязанностях командира армии и фронта.

Командующий получал полную самостоятельность в вопросах стратегически-оперативного характера и право назначения всего командного состава. Если член Реввоенсовета не был согласен с действиями командующего, он должен был обращаться в РВС Республики. Военная оппозиция оставалась недовольна тем, что в результате комиссару остались функции только политического контроля, а не право командовать.

Задача военной оппозиции состояла в том, чтобы настроить Ленина против Троцкого, а затем свалить его с поста председателя Реввоенсовета. Но Ленин выступил в защиту военной политики и самого Троцкого, поэтому материалы дискуссии по военным вопросам никогда при советской власти не публиковались.

От имени военной оппозиции Филипп Голощекин, представлявший Сибирь, будущий член ЦК, заявил, что «политика ЦК не проводится военным ведомством». Ленин ответил ему:

— Если вы такие обвинения ставите, если вы, выступая ответственным оратором на партийном съезде, можете Троцкому ставить обвинение в том, что он не проводит политику ЦК, — это сумасшедшее обвинение. Вы ни тени доводов не приведете. Если вы это докажете, ни Троцкий не годится, ни ЦК. Какая же это партийная организация, когда она не может добиться, чтобы проводилась эта политика. Из членов съезда ни один серьезно этого не думает.

Ленин со всей страстью накинулся на оппозицию и добился того, что она фактически капитулировала и тезисы Троцкого съезд принял единогласно.

Но Владимир Ильич не хотел ссориться с влиятельными людьми, поэтому заставлял и Троцкого идти на уступки. От председателя Реввоенсовета требовали, чтобы он устраивал ежемесячные заседания с партийными работниками и больше к ним прислушивался. В решении ЦК даже записали: просить Ленина поговорить на этот счет с Львом Давидовичем.

26 марта 1919 года Ленин, Крестинский, Сталин и Каменев подготовили проект постановления ЦК:

«Просить т. Троцкого увольнять и перемещать военных работников-коммунистов не иначе как через партийную организацию (оргбюро ЦК)... Указать т. Троцкому на необходимость как можно более внимательного отношения к работникам-коммунистам на фронте, без полной товарищеской солидарности с которыми невозможно проведение политики ЦК в военном деле».

Институт военных комиссаров был введен решением Военно-революционного комитета при Петроградском Совете еще 20 октября 1917 года, чтобы контролировать действия командиров и заставить их подчиняться приказам большевиков. Но многие комиссары, побыв на военной работе, как Ворошилов, начали считать себя полководцами и обижались на то, что Троцкий все равно предпочитал им профессионалов.

На IX съезде в апреле 1920 года за пренебрежительное отношение к комиссарам Троцкого критиковал Константин Юренев, член РВС Восточного фронта и бывший председатель Всероссийского бюро военных комиссаров. Бюро существовало при Высшем военном совете и должно было руководить всей политической работой на фронте и в тылу.

— Смещение политработников вызвало смятение на фронтах, — обиженно говорил Юренев, — и, по заявлению одного авторитетного товарища, создало неустойчивое положение в среде комиссарского аппарата, который, видя, что этот аппарат шельмуется, как будто признается негодным, растерялся, а спецы говорят: «Ваша песенка спета», и естественно, что комиссары чувствовали себя неуверенно — шатание было велико.

Летом 1920 года Юренев покинул армию и стал председателем Курского губисполкома. Потом перешел на дипломатическую работу. В 1938-м его уничтожили.

Ленин уже не надеялся помирить двух самых важных членов политбюро, но старался по крайней мере избежать их прямого столкновения.

Осенью 1919 года Северо-Западная армия генерала Николая Юденича наступала на Петроград. 17 октября ситуация стала критической. Ленин распорядился об эвакуации. Он готов был сдать город, чтобы высвободить силы для активной обороны. Троцкий не согласился, отправился в Петроград, и город удалось отстоять.

21 октября войска 7-й армии, которой командовал Дмитрий Николаевич Надежный, бывший генерал-лейтенант царской армии, не только остановили Юденича, но и перешли в наступление.

«18 октября в Питере настроение было довольно неважное, — писал Леонид Красин семье, — наши войска отступили, белые же, хорошо вооруженные, с танками и сильной артиллерией продвинулись вперед. В воскресенье, 19-го, положение еще ухудшилось, мы потеряли Павловск и Детское Село (так теперь называется Царское) и создалась угроза самой Николаевской дороге, которая могла быть перерезана...

Приказ был дан такой — не сдавать Питера, вести бои на улицах города, в крайнем случае отступать на правый берег Невы и, разводя мосты, обороняться там до прихода подкреплений. Подкрепления тем временам подтягивались успешно, и со вторника 21-го наши перешли в наступление от Колпина, ударив неприятелю в правый фланг.

Наши силы все время были более значительны, чем у белых, но наша слабая сторона — вялое и неумелое командование: своих офицеров нет или почти нет, а кадровые офицеры душой если не на стороне белых, то, во всяком роде, не очень-то склонны особенно распинаться за Советскую Россию и большой инициативы не проявляют.

Солдаты устали изрядно и дерутся хорошо лишь при условии руководства, без этого же превращаются в стадо овец, шарахаются при каждой световой ракете. Как только эта масса получает хоть малое руководство и командование берет на себя инициативу — люди идут и дерутся хоть куда.

Вообще вся наша война идет так, что, пока мы не получим хорошего подзатыльника, мы деремся вяло, но, когда положение сделается опасным, — напрягут силы и, так как их у нас в общем больше, — глядишь и есть успех. Так было и на сей раз с Питером».

Обрадованный победой под Петроградом, Ленин требовал во что бы то ни стало поскорее завершить операцию против Юденича, чтобы повернуть все силы против Деникина.

22 октября Ленин писал Троцкому:

«Покончить с Юденичем (именно покончить — добить) нам дьявольски важно. Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих плюс 10 тысяч буржуев, поставить позади их пулеметы, расстрелять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича?»

За оборону Петрограда политбюро наградило Троцкого недавно учрежденным орденом Красного Знамени.

Постановление ВЦИК от 20 ноября 1919 года гласило:

«В ознаменование заслуг тов. Л.Д. Троцкого перед мировой пролетарской революцией и Рабоче-Крестьянской Красной Армией РСФСР Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановил:

наградить Л.Д. Троцкого орденом Красного Знамени.

Товарищ Лев Давидович Троцкий, взяв на себя по поручению ВЦИК задачу организации Красной Армии, проявил в порученной ему работе неутомимость, несокрушимую энергию. Блестящие результаты увенчали его громадный труд.

Товарищ Троцкий руководил Красной Армией рабочих и крестьян не только из центра, но неизменно переносил свою работу на те участки фронта, где задача была всего труднее, с неизменным хладнокровием и истинным мужеством идя наряду с героями красноармейцами навстречу опасности.

В дни непосредственной угрозы красному Петрограду товарищ Троцкий, отправившись на Петроградский фронт, принял ближайшее участие в организации блестяще проведенной обороны Петрограда, личным мужеством вдохновлял красноармейские части на фронте под боевым огнем».

И тут же председатель Моссовета Лев Каменев, который в отсутствие Ленина вел заседание политбюро, предложил наградить орденом и Сталина.

— За что? — спросил простодушный председатель ВЦИК Михаил Калинин. — За что Сталину орден, не могу понять?

В перерыве Николай Иванович Бухарин, главный редактор «Правды», стал вразумлять Калинина:

— Как же ты не понимаешь? Это Ильич придумал: Сталин не может жить, если у него нет чего-нибудь, что есть у другого. Он этого не простит.

На процедуру награждения орденоносцев в Большом театр Иосиф Виссарионович не пришел. Это был праздник, на

котором был только один герой — Троцкий, вождь Красной армии. Сталин не хотел присутствовать на торжестве в честь человека, которого он ненавидел.

Лев Давидович считал себя неуязвимым и не обращал внимания на то, как быстро множится когорта его неприятелей:

«Мне часто, почти на каждом шагу, приходилось наступать на мозоли личных пристрастий, приятельства или самолюбия. Сталин старательно подбирал людей с отдавленными мозолями. У него для этого было достаточно времени и личного интереса».

Новое столкновение Троцкого и Сталина произошло во время войны с Польшей.

Первый бой между российской и польской армиями был 16 февраля 1919 года в Белоруссии у местечка Береза Картуская, тогда в плен попали восемьдесят красноармейцев. Эту дату можно считать началом российско-польской войны.

Во время Первой мировой войны территорию Польши, входившей в состав Российской империи, оккупировали немецкие и австрийские войска. Оккупанты именовали Польшу «Польским королевством», но всем управляли немецкий и австрийский генерал-губернаторы.

11 ноября 1918 года, когда в Германии вспыхнула революция, поляки разоружили немецкие войска, а власть передали самому популярному политическому лидеру — Юзефу Пилсудскому.

После многих десятилетий неволи поляки получили свое государство. У Пилсудского созрел грандиозный план создания Восточной Федерации, которая объединила бы Польшу, Украину и Литву. Но очень быстро он убедился, что создание федерации невозможно — ни украинцы, ни литовцы этого не желают. Тогда идея трансформировалась в более простую идею Великой Польши, которая присоединит к себе и украинские, белорусские и литовские земли. Когда польские легионеры захватили столицу Литвы — Вильнюс, это был подарок любимому лидеру, который родился и ходил в школу в Вильно.

Далеко идущие планы Пилсудского привели его к войне с Советской Россией.

У Ленина в 1920 году тоже были причины для войны с Пилсудским. Он решил, что, если Красная армия через территорию Польши подойдет к Берлину, то в Германии вспыхнет социалистическая революция. Сейчас историкам ясно, что Германия не была готова к революции и даже появление

Красной армии мало что изменило бы. Но тогда в Москве мечтали о соединении русской и немецкой революций. Две крупнейшие континентальные державы смогли бы решать судьбу всех остальных европейских стран, в первую очередь Франции, где революционные силы тоже были на подъеме.

6 мая 1920 года польские войска под командованием генерала Эдварда Рыдз-Смиглы (после смерти Пилсудского он станет главнокомандующим польской армией) вошли в Киев. В Варшаве царила эйфория.

Но уже 26 мая Красная армия перешла в контрнаступление, и линия фронта покатилась на запад. Удар был настолько мощным, что польские части бежали, бросая оружие. 12 июня поляков выбили из Киева. 11 июля Красная армия освободила Минск, 14 июля — Вильнюс.

11 июля английское правительство предложило советскому правительству прекратить военные действия и вступить в переговоры с Польшей. Англичане готовы были играть роль посредников. Лорд Джордж Керзон, британский министр иностранных дел, нарисовал на карте очень выгодную для России линию границы. В Москве это понимали. Троцкий предложил подписать мир с Пилсудским.

Но Красная армия наступала, и казалось, ничто не может ее остановить. Сталин телеграфировал Ленину:

«Польские армии совершенно разваливаются, поляки потеряли связь, управление, польские приказы вместо того, чтобы попасть по адресу, все чаще попадают в наши руки, словом, поляки переживают развал, от которого они не скоро оправятся. Это обстоятельство, очевидно, хорошо известно Керзону, который старается теперь спасти поляков своим предложением о перемирии...

Я думаю, что никогда не был империализм так слаб, как теперь, в момент поражения Польши, и никогда не были мы так сильны, как теперь, поэтому чем тверже будем вести себя, тем лучше будет и для России, и для международной революции».

У Ленина возникла надежда, что удастся свергнуть правительство Пилсудского, поэтому «ультиматум Керзона» высокомерно отвергли.

Керзон ссылался на позицию Лиги Наций. Советское правительство ответило так: «Российскому правительству так называемая Лига Наций никогда не сообщала о своем конституировании и существовании, и Советское правительство никогда не имело случая принимать постановления о признании или непризнании им этого сообщества».

В узком партийном кругу Ленин сказал проще:

— Что такое Лига Наций? Она плевка не стоит.

Потом Ленин откровенно объяснял: политбюро пришло к выводу, что оборонительный этап войны закончился, настало время наступать: «Мы должны штыками пощупать — не созрела ли социальная революция пролетариата в Польше?»

Еще 17 марта 1920 года Ленин писал Сталину:

«Только что пришло известие из Германии, что в Берлине идет бой и спартаковцы завладели частью города. Кто победит, неизвестно, но для нас необходимо максимально ускорить овладение Крымом, чтоб иметь вполне свободные руки, ибо гражданская война в Германии может заставить нас двинуться на Запад на помощь коммунистам».

Вооруженное восстание в Германии было подавлено. Но в Москве надеялись, что польские рабочие и крестьяне только и ждут прихода Красной армии.

23 июля 1920 года, когда Красная армия наступала на Варшаву, Ленин телеграфировал Сталину в Харьков: «Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может, также Чехию и Румынию».

24 июля Сталин, вдохновленный видениями близкой мировой революции, ответил Ленину:

«Теперь, когда мы имеем Коминтерн, побежденную Польшу и более или менее сносную Красную Армию, когда, с другой стороны, Антанта добивается передышки в пользу Польши для того, чтобы реорганизовать, перевооружить польскую армию, создать кавалерию и потом снова ударить, может быть, в союзе с другими государствами — в такой момент и при таких перспективах было бы грешно не поощрять революцию в Италии...

На очередь дня Коминтерна нужно поставить вопрос об организации восстания в Италии и в таких еще не окрепших государствах, как Венгрия, Чехия (Румынию придется разбить)... Короче: нужно сняться с якоря и пуститься в путь, пока империализм не успел еще мало-мальски наладить свою разлаженную телегу, а он может еще наладить ее кое-как на известный период...»

План польской кампании был одобрен ЦК 28 апреля 1920 года. Против Пилсудского действовали два фронта. Западный фронт (командующий Михаил Тухачевский, член Реввоенсовета Ивар Смилга) наступал в направлении на Варшаву. Юго-Западный (командующий Александр Егоров,

члены Реввоенсовета Сталин и Рейнгольд Иосифович Берзин) действовал и против армии Врангеля, засевшей в Крыму, и против поляков на львовском направлении. Потом предполагалось, что основные силы Юго-Западного фронта будут включены в состав Западного для окончательного удара по полякам.

Раздел Южного фронта на два — Южный и Юго-Восточный — вызвал недовольство Сталина. Он ответил Ленину поразительно высокомерно: «Вашу записку о разделении фронтов получил, не следовало бы Политбюро заниматься пустяками».

Штаб Юго-Западного фронта расположился в Харькове. Туда отправили большую группу слушателей Академии генерального штаба, в том числе будущего начальника генерального штаба маршала Кирилла Афанасьевича Мерецкова. Он вспоминал, что с ними пожелал встретиться член Реввоенсовета фронта Сталин, которого интересовало только одно — хорошо ли штабные работники, мозг армии, ездят верхом?

— Умеете ли вы обращаться с лошадьми? — это был первый вопрос Сталина.

— Мы все прошли кавалерийскую подготовку, товарищ член Реввоенсовета.

— Следовательно, знаете, с какой ноги влезают в седло?

— А это кому как удобнее! Чудаки встречаются всюду.

— А умеете под седловкой выбивать кулаком воздух из брюха лошади, чтобы она не надувала живот, не обманывала всадника, затягивающего подпругу?

— Вроде бы умеем.

— Учтите, товарищи, речь идет о серьезных вещах. Необходимо срочно укрепить штабы Первой конной армии, поэтому вас туда и посылают. Тому, кто не знает, как пахнет лошадь, в Конармии нечего делать!..

Будущий маршал Михаил Тухачевский командовал наступлением на Польшу под лозунгами «Даешь Варшаву! Даешь Берлин!». Речь, разумеется, шла не о захвате Польши и Германии, а об экспорте революции. В Москве говорили о «революционной войне в целях помощи советизации Польши».

30 июля в Белостоке сформировали Временный революционный комитет Польши во главе с Феликсом Дзержинским. В него вошли все видные поляки-большевики. Это было будущее правительство советской Польши. Началось и создание специальной бригады из немцев, которой предстояло стать ядром будущей немецкой Красной армии.

Дневник польской войны оставил писатель Исаак Эммануилович Бабель, который проделал этот поход в качестве сотрудника газеты Первой конной армии «Красный кавалерист». Его дневник был опубликован через много лет после его смерти:

«*Белёв. 15 июля 1920 года*

Взяли воззвание Пилсудского к воинам Речи Посполитой. Трогательное воззвание. Могилы наши белеют костьми пяти поколений борцов, наши идеалы, наша Польша, наш светлый дом, ваша родина смотрит на вас, трепещет, наша молодая свобода, еще одно усилие, мы помним о вас, все для вас, солдаты Речи Посполитой.

Трогательно, грустно, нету железных большевистских доводов — нет посулов, и слова — порядок, идеалы, свободная жизнь. Наша берет!»

«*Новоселки — Мал. Дорогостай. 18 июля 1920 года*

Получен приказ из Югзапфронта, когда будем идти в Галицию — в первый раз советские войска переступают рубеж, — обращаться с населением хорошо. Мы идем не в завоеванную страну, страна принадлежит галицийским рабочим и крестьянам, и только им, мы идем им помогать установить советскую власть. Приказ важный и разумный, выполнял ли его барахольщики? Нет».

«*Лешнюв. 26 июля 1920 года*

Украина в огне. Врангель не ликвидирован. Махно делает набеги в Екатеринославской и Полтавской губерниях. Появились новые банды, под Херсоном — восстание. Почему они восстают, короток коммунистический пиджак?»

«*Житомир. 3 июня 1920 года*

Рынок. Маленький еврей философ. Невообразимая лавка — Диккенс, метлы и золотые туфли. Его философия — все говорят, что они воюют за правду, и все грабят. Если бы хоть какое-нибудь правительство было доброе...

Полки вошли в город на три дня, еврейский погром, резали бороды, это обычно, собрали на рынке сорок пять евреев, отвели в помещение скотобойни, истязания, резали языки, вопли на всю площадь. Подожгли шесть домов, дом Конюховского на Кафедральной — осматриваю, кто спасал — из пулеметов, дворнику, на руки которому мать сбросила из горящего окна младенца — прикололи, ксендз приставил к задней стене лестницу, таким способом спасались...»

«*Хотин. 28 июля 1920 года*

Бой за переправу у Чуровице. 2-я бригада в присутствии Буденного — истекает кровью. Весь пехотный батальон —

ранен, избит почти весь. Поляки в старых блиндированных окопах. Наши не добились результата. Крепнет ли у поляков сопротивление?..

История — как польский полк четыре раза клал оружие и защищался вновь, когда его начинали рубить.

Вечер, тихо, разговор с Матяж, он беспредельно ленив, томен, сонлив и как-то приятно, ласково похотлив. Страшная правда — все солдаты больны сифилисом. Матяж выздоравливает (почти не лечась). У него был сифилис, вылечил за две недели, он с кумом заплатил в Ставрополе десять копеек серебром, кум умер, у Миши есть много раз, у Сенечки, у Гераси сифилис, и все ходят к бабам, а дома невесты. Солдатская язва. Едят толченый хрусталь, пьют не то карболку, размолоченное стекло. Все бойцы — бархатные фуражки, изнасилования, чубы, бои, революция и сифилис. Галиция заражена сплошь».

«*Броды. 30 июля 1920 года*

Шоссе, проволока, вырубленные леса и уныние, уныние без конца. Есть нечего, надеяться не на что, война, все одинаково плохи, одинаково чужие, враждебные, дикие, была тихая и, главное, исполненная традиции жизнь.

Буденновцы на улицах. В магазинах — только ситро, открыты еще парикмахерские. На базаре у мегер — морковь, все время идет дождь, беспрерывный, пронзительный, удушающий. Нестерпимая тоска, люди и души убиты».

«*Белавцы. 2 августа*

Приезжаем ночью. Все это время ели морковь и горох — сырые, пронзительный голод, грязные, не спали. Я выбрал хату на окраине Радзивиллова. Угадал, нюх выработался. Старик, девушка. Кислое молоко великолепное, съели, готовится чай с молоком, Иван идет за сахаром, пулеметная стрельба, грохот обозов, выскакиваем, лошадь захромала, так уж полагается, убегаем в панике, стреляют по нас, ничего не понимаем, провалились в болото, дикая паника, валяется убитый, брошенные подводы, снаряды, тачанка. Пробка, ночь, страх, обозы стоят бесконечные, двигаемся, поле, стали, спим, звезды.

Во всей этой истории мне больше всего жаль погибшего чая, до странности жаль. Я об этом думаю всю ночь и ненавижу войну».

«*Белавцы. 3 августа*

После сражения, встречаю начдива, где штаб, потеряли Жолнаркевича. Начинается бой, артиллерия кроет, недалеко разрывы, грозный час, решительный бой — остановим

польское наступление или нет, Буденный Колесникову и Гришину — расстреляю, они уходят бледные пешком.

До этого — страшно поле, усеянное порубленными, нечеловеческая жестокость, невероятные раны, проломленные черепа, молодые белые нагие тела сверкают на солнце, разбросанные записные книжки, листки, солдатские книжки, Евангелия, тела в жите».

«*Берестечко. 7 августа 1920 года*

Берестечко переходило несколько раз из рук в руки. Исторические поля под Берестечком, казачьи могилы. И вот главное, все повторяется — казаки против поляков, больше хлоп против пана...

Ненависть к полякам единодушна. Они грабили, мучили, аптекарю раскаленным железом к телу, иголки под ногти, выщипывали волосы за то, что стреляли в польского офицера — идиотизм. Поляки сошли с ума, они губят себя».

«*Сокаль. 26 августа 1920 года*

Сапожник, сакальский сапожник, пролетарий. Сапожник ждал Советскую власть — он видит жидоедов и грабителей, и не будет заработку, он потрясен и смотрит недоверчиво...

Лавчонки, все открыты, мел и смола, солдаты рыщут, ругают жидов, шляются без толку, заходят в квартиры, залезают под стойки, жадные глаза, дрожащие руки, необыкновенная армия.

Организованное ограбление писчебумажной лавки, хозяин в слезах, все рвут...

Ночью будет грабеж города — это все знают».

Сегодня многие историки полагают, что Тухачевский в любом случае не сумел бы полностью разгромить польскую армию. Но это лишь гипотеза. Некоторые военные историки, как известно, умудряются на своих картах любую проигранную битву превратить в блистательную победу и наоборот.

Во всяком случае, войска Западного фронта подошли к Варшаве, и казалось, что Польша вот-вот падет.

Для последнего удара Тухачевскому требовалось подкрепление. Сталин отказался исполнить решение политбюро о переброске Первой конной и 12-й армий на помощь Тухачевскому. Он упрямо требовал, чтобы его Юго-Западный фронт поскорее взял Львов. Ему хотелось увенчать себя лаврами победителя.

13 августа главком Каменев потребовал немедленно начать переброску войск. Сталин возразил: приказ Каменева «только запутывает дело и неизбежно вызывает ненужную и вредную заминку в делах».

14 августа секретариат ЦК отправил Сталину телеграмму: «Трения между Вами и Главкомом дошли до того, что... необходимо выяснение путем совместного обсуждения при личном свидании, поэтому просим возможно скорее приехать в Москву».

17 августа Сталин был в Москве. Первая конная получила приказ идти на помощь Тухачевскому. Бойцы, не знавшие ситуации на фронте, недоумевали.

Бабель записывал в дневнике:

«*Нивица. 18 августа 1920 года*

Гремит ура, поляки раздавлены, едем на поле битвы, маленький полячок с полированными ногтями трет себе розовую голову с редкими волосами, отвечает уклончиво, виляя, «мекая», ну, да, Шеко, воодушевленный и бледный, отвечай, кто ты — я, мнется — вроде прапорщика, мы отъезжаем, его ведут дальше, парень с хорошим лицом за его спиной заряжает, я кричу — Яков Васильевич!

Он делает вид, что не слышит, едет дальше, выстрел, полячок в кальсонах падает на лицо и дергается. Жить противно, убийцы, невыносимо, подлость и преступления.

Гонят пленных, их раздевают, странная картина — они раздеваются страшно быстро, мотают головой, все это на солнце, маленькая неловкость, тут же командный состав, неловкость, но пустяки, сквозь пальцы. Не забуду я этого «вроде» прапорщика, предательски убитого.

Впереди — вещи ужасные. Мы перешли железную дорогу у Задвурдзе. Поляки пробиваются по линии железной дороги к Львову. Атака вечером у фермы. Побоище. Ездим с военкомом по линии, умоляем не рубить пленных. Апанасенко умывает руки. Шеко обмолвился — рубить, это сыграло ужасную роль.

Я не смотрел на лица, прикалывали, пристреливали, трупы покрыты телами, одного раздевают, другого пристреливают, стоны, крики, хрипы, атаку произвел наш эскадрон, Апанасенко в стороне, эскадрон оделся как следует, у Матусевича убили лошадь, он со страшным, грязным лицом бежит, ищет лошадь. Ад. Как мы несем свободу, ужасно. Ищут в ферме, вытаскивают. Апанасенко — не трать патронов, зарежь. Апанасенко говорит всегда — сестру зарезать, поляков зарезать...

Продвижение к Львову. Батареи тянутся все ближе. Малоудачный бой под Островом, но все же поляки уходят. Сведения об обороне Львова — профессора, женщины, подростки. Апанасенко будет их резать — он ненавидит интеллигенцию,

это глубоко, он хочет аристократического по-своему, мужицкого, казацкого государства.

Прошла неделя боев — 21 августа наши части в четырех верстах у Львова.

Приказ — всей Конармии перейти в распоряжение Запфронта. Нас двигают на север — к Люблину. Там наступление. Снимают армию, стоящую в четырех верстах от города, которого добивались столько времени. Нас заменит 14-я армия. Что это — безумие или невозможность взять город кавалерией?»

Но было уже поздно — Пилсудский нанес внезапный удар, и Красная армия покатилась назад. После поражения под Варшавой Сталин, сделав вид, что его все это не касается, попросил освободить его от должности члена Реввоенсовета Юго-Западного фронта. 1 сентября политбюро приняло его отставку.

Ленин и Троцкий, по существу, обвинили Сталина в провале наступления на Варшаву и всей войны с Польшей.

Троцкий рассказывал на IX партконференции:

— У меня были разговоры с тов. Сталиным, и я говорил, что нельзя успокаиваться всякими сообщениями о том, что разбиты силы польской армии, потому что силы польской армии не разбиты, так как у нас слишком мало пленных по сравнению с нашими успехами и слишком мало мы захватили материальной части. Тов. Сталин говорил: «Нет, вы ошибаетесь. Пленных у нас меньше, чем можно было бы ожидать в соответствии с нашими успехами, но польские солдаты боятся сдаваться в плен, они разбегаются по лесам. Дезертирство в Польше получает характер явления огромного, которое разлагает Польшу, и это главная причина наших побед». Что же, я должен сказать, что тов. Сталин подвел меня и ЦК. Тов. Сталин ошибался и эту ошибку внес в ЦК...

Сталин обвинения со стороны Ленина и Троцкого воспринял очень болезненно, отвечал им резко и зло, не испытывая ни малейшего пиетета перед Владимиром Ильичом.

Говорят, что идея польского контрнаступления принадлежит генералу Максиму Вейгану, который в тот момент возглавлял французскую миссию в Варшаве. Поляки ловко воспользовались тем, что фронт Красной армии растянулся, и ударили в стык между армиями Западного фронта.

В историю эта победа Пилсудского вошла как «чудо на Висле». Красная армия покатилась назад.

Бабель записывал в дневнике:

«Чесники. 31 августа 1920 года

Ворошилов и Буденный все время с нами. Ворошилов, коротенький, седеющий, в красных штанах с серебряными лампасами, все время торопит, нервирует, подгоняет Апанасенку, почему не подходит 2-я бригада. Ждем подхода 2-й бригады. Время тянется мучительно долго. Не торопить меня, товарищ Ворошилов. Ворошилов — все погибло.

Буденный молчит, иногда улыбается, показывая ослепительные белые зубы. Надо сначала пустить бригаду, потом полк. Ворошилову не терпится, он пускает в атаку всех, кто есть под рукой. Полк проходит перед Ворошиловым и Буденным. Ворошилов вытянул огромный револьвер, не давать панам пощады, возглас принимается с удовольствием. Полк вылетает нестройно, ура, даешь, один скачет, другой задерживает, третий рысью, кони не идут, котелки и ковры.

Наш эскадрон идет в атаку. Скачем версты четыре. Они колоннами ждут нас на холме. Чудо — никто не пошевелился. Выдержка, дисциплина. Офицер с черной бородой. Я под пулями. Мои ощущения. Бегство. Военкомы заворачивают. Ничего не помогает. К счастью, они не преследуют, иначе была бы катастрофа. Стараются собрать бригаду для второй атаки, ничего не получается...

Комсостав подавлен, грозные признаки разложения армии. Веселый дураковатый Воробьев, рассказывает о своих подвигах, подскочил, четыре выстрела в упор. Апанасенко неожиданно оборачивается, ты сорвал атаку, мерзавец.

Апанасенко мрачен.

Разговоры о том, что армия не та, пора на отдых. Что дальше. Ночуем в Чесники — смерзли, устали, молчим, непролазная, засасывающая грязь, осень, дороги разбиты, тоска. Впереди мрачные перспективы».

«Теребин. 1 сентября 1920 года

Выступаем из Чесники ночью. Постояли часа два. Ночь, холод, на конях. Трясемся. Армприказ — отступать, мы окружены, потеряли связь с 12-й армией, связи ни с кем...

Начало конца 1-й Конной. Толки об отступлении».

«Теребин-Метелин. 2 сентября 1920 года

Армприказ — сдерживать противника, стремящегося к Бугу, выступать на Вакиево—Гостиное. Толкаемся, но успехов не удерживаем. Толки об ослаблении боеспособности армии все усиливаются. Бегство из армии. Массовые рапорты об отпусках, болезнях.

Главная болячка дивизии — отсутствие комсостава, все командиры из бойцов. Апанасенко ненавидит демократов, ничего не смыслят, некому вести полк в атаку. Эскадронные

командуют полками. Дни апатии... Тяжело служить в атмосфере армии, давшей трещину».

«Киверцы. 12 сентября 1920 года

Утром — паника на вокзале. Артстрельба. Поляки в городе. Невообразимо жалкое бегство, обозы в пять рядов, жалкая, грязная, задыхающаяся пехота, пещерные люди, бегут по лугам, бросают винтовки, ординарец Бородин видит уже рубящих поляков. Поезд политотдела армии отправляется быстро, солдаты и обозы бегут, раненые с искаженными лицами скачут к нам в вагон, политработник, задыхающийся, у которого упали штаны...

Вагонная жизнь, грязная, злобная, голодная, враждебная друг к другу, нездоровая. Курящие и жрущие москвички, без обличья, много жалких людей, кашляющие москвичи, все хотят есть, все злы, у всех животы расстроены...»

Боевые действия продолжались и в сентябре (перемирие было заключено 18 октября 1920 года), но исход войны решила варшавская битва. Красная армия отступала, и десятки тысяч красноармейцев попали в плен.

О количестве пленных идет большой спор. Цифры называют разные: от ста тысяч до ста шестидесяти тысяч. По польским данным, было сто десять тысяч пленных. Вернулись на Украину и в Советскую Россию от шестидесяти до восьмидесяти тысяч. А что же с остальными?

Еще в сентябре 1921 года нарком по иностранным делам Георгий Чичерин, обращаясь к поверенному в делах Польши в России, называл страшную цифру: «В течение двух лет из ста тридцати тысяч русских пленных в Польше умерли шестьдесят тысяч».

Поляки говорят о том, что остальные либо предпочли остаться в Польше, либо скончались в лагерях от болезней и голода. Действительно, это было время эпидемий, когда тиф и дизентерия косили людей, а условия в лагерях были ужасными. Но это часть правды. К пленным относились отвратительно, их избивали. Некоторые российские историки полагают, что российских пленных сознательно сгноили в лагерях.

Часть попавших в польскую кампанию русских пленных не захотели возвращаться под власть большевиков, а перешли в антисоветские формирования Бориса Викторовича Савинкова, генерала Станислава Николаевича Булак-Булаховича, Тютюника.

Один из сотрудников Пилсудского Казимеж Свитальский, будущий премьер-министр Польши, записал в дневнике 22 июня 1920 года:

«Казаки сдаются в плен охотно. Они хотят, чтобы их отправляли к Врангелю... Разложение боевого духа большевистской армии дезертирством на нашу сторону затруднено в результате остервенелого и безжалостного вырезания пленных нашими солдатами...»

Польская война была жестокой с обеих сторон. Ворошилов 4 сентября 1920 года писал старому другу Орджоникидзе:

«Мы ждали от польских рабочих и крестьян восстаний и революции, а получили шовинизм и тупую ненависть к «русским»... Поляков истреблено нами изрядное количество. Одних пленных взяли до двадцати тысяч. Изрублено и уничтожено вообще больше двадцати тысяч. Вас может поразить и удивить большое количество истребленных панов по отношению к пленным, но этому удивляться не следует, так как «паны» дерутся зверски и наносят нам большой урон.

Озлобление бойцов бывает доводимо упорством поляков до максимальных пределов, а в таких случаях наши ребята рубят беспощадно.

Наши потери на белопольском фронте также огромны. Мы потеряли почти весь свой комсостав, военкомов и до десяти тысяч бойцов, столько же приблизительно лошадей...»

Ленин говорил потом о «катастрофическом поражении». После войны он объяснил товарищам по партии, что произошло:

— Россия сказала: а мы посмотрим, кто сильней в войне. Вот как встал вопрос. Это — перемена всей политики, всемирной политики. Каковы же были результаты этой политики? Конечно, главным результатом было то, что сейчас мы оказались потерпевшими громадное поражение.

Но Ленин мало огорчался по этому поводу и на IX конференции РКП(б) говорил:

— Мы на этом будем учиться наступательной войне. Будем помогать Венгрии, Италии, рискнем...

По существу, проигранная война с Польшей наложила серьезный отпечаток на всю предвоенную советскую политику. Ленин в 1920 году говорил, что «Польша является опорой всего Версальского договора. Современный империалистический мир держится на Версальском договоре... Польша — такой могущественный элемент в этом Версальском мире, что, вырывая этот элемент, мы ломаем весь Версальский мир...».

Ленин пытался объяснить партийным работникам, зачем он затеял неудачную войну с Польшей, то есть фактически оправдывался и при этом невольно переоценивал значение

Польши. Но эти преувеличенные представления о роли поляков в европейской политике прижились, и для сталинского руководства Польша до самого 1939 года, до последнего ее раздела, все еще оставалась главным врагом.

После успешного контрнаступления польской армии осенью 1920 года Москве пришлось согласиться провести границу восточнее «линии Керзона». Эта граница была для России значительно хуже той, что установилась после мирного договора с немцами в Брест-Литовске. Ленин утешал товарищей: мы идем на территориальные уступки, потому что нам надо поскорее разбить Врангеля, а с Польшей мы еще сквитаемся.

Летом 1920 года в Минске открылись переговоры о прекращении войны и заключении мирного договора между Россией, Украиной и Польшей. Но революционная дипломатия сильно отличалась от привычных норм и традиций.

Представители советской делегации 19 августа пожаловались Чичерину в Москву: «Только что получена инструкция от Политбюро, подписанная т. Троцким, которая заключает указания, проведение в жизнь которых означает срыв переговоров».

Чичерин обратился к Ленину: «Со всей энергией присоединяюсь к заявлению о безусловной недопустимости применения к польской делегации каких-нибудь внешне унизительных скандальных аксессуаров вроде колючей проволоки, которая будет означать немедленный срыв переговоров в самой одиозной для нас форме в глазах всего польского народа...

Я уже полагал, что, основываясь на озлоблении населения против поляков, можно окружить их в их же интересах почетными телохранителями, предоставить им для хождения несколько определенных улиц, никого к ним не подпуская и не давая им возможности входить в какие-либо дома».

Чичерин обратился и к Троцкому, надеясь его переубедить. Но Троцкий уже на следующий день ответил:

«Считаю совершенно неосновательным протест Наркоминдела против решения Политбюро ЦЕКА относительно режима для польской делегации. В моей телеграмме сказано буквально следующее: «Нельзя ли поместить ее за городом, обнести колючей изгородью известную площадь, запретив выходить за пределы изгороди?»

Что унизительного в помещении делегации в помещичьей усадьбе, обнесенной колючей изгородью на протяжении нескольких десятин?

В Брест-Литовске значительная часть площади была обнесена колючей изгородью с надписью: «Всякий русский, застигнутый здесь, будет убит на месте»...

Лев Давидович не мог забыть, как немцы обошлись с российской делегацией в Брест-Литовске. На его записке Ленин написал: «Я согласен с Троцким».

Мелкие каверзы, устроенные для того, чтобы потрепать польским дипломатам нервы, были психологической компенсацией за неудачу в войне и необходимость принять крайне невыгодные условия мира.

В октябре 1921 года в Риге был подписан мирный договор с Польшей. К Польше отошли Западная Украина и Западная Белоруссия. Россия заплатила Польше тридцать миллионов золотых рублей в качестве контрибуции.

Польская кампания показала, что интересы мировой революции входили в противоречие с интересами Российского государства. Уже в феврале 1918 года на заседании ЦК, наверное, в первый раз прозвучала эта формула: в мировой политике «государство принуждено делать то, чего не сделала бы партия».

Но неужели сиюминутные интересы государства должны поставить крест на великой цели мировой революции? Вот вопрос, которым многие тогда задавались.

Ведь Ленин сам провозгласил лозунг всемирной пролетарской революции, сам призывал к созданию всемирной Советской Республики. Это же Владимир Ильич сказал:

— Как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы незамедлительно схватим его за шиворот.

У руководителей страны периодически возникало желание погрозить Западу кулаком. За этим стояла не покидавшая советских руководителей уверенность, что они со всех сторон окружены врагами, и договариваться о чем-то можно только с позиции силы.

В июле 1921 года Ленин вдруг предложил отправить одного из самых заметных военачальников Михаила Тухачевского — демонстративно — в Минск, поближе к западным границам, а заодно опубликовать интервью Ленина или Троцкого с грозным предупреждением: «сунься — вздуем!»

Нарком иностранных дел Чичерин тут же ответил Ленину, что грозить никому не надо:

«Один из лейтмотивов наших врагов — якобы в порыве отчаяния для своего спасения Советское правительство бросится на своих соседей. Наши враги распространяют ле-

генды то о всеобщей мобилизации у нас, то о таинственных приготовлениях Троцкого. Грозные интервью и демонстративные поездки нисколько не внушат убеждения в нашей силе, но дадут богатейший материал для провокационной работы наших врагов...»

Разговоры о грядущей мировой революции не утихали. Тем более, что руководители Советского государства всячески старались ее разжечь, особенно в Германии. Немецким коммунистам посылали деньги и оружие для организации всеобщего восстания. Советская печать сообщала, что кипит Германия, что восстали коммунисты в Болгарии.

Михаил Афанасьевич Булгаков записал в дневнике:

«*30 сентября 1923 года*

Для меня нет никаких сомнений в том, что эти второстепенные славянские государства, столь же дикие, как и Россия, представляют великолепную почву для коммунизма».

«*5 октября 1923. Пятница*

В «Известиях» передовая Виленского-Сибирякова о том, что всюду неспокойно и что белогвардейцы опять ухватились за мысль об интервенции. Письмо Троцкого к артиллерийским частям Западно-Сибирского округа еще красочнее. Там он прямо говорит, что, в случае чего, «он рассчитывает на красноармейцев, командиров и политработников».

«*18 октября 1923 года. Четверг. Ночь*

Сегодня берусь за мой дневник с сознанием того, что он важен и нужен.

Теперь нет уже никаких сомнений в том, что мы стоим накануне грандиозных и, по всей вероятности, тяжких событий. В воздухе висит слово «война». Второй день, как по Москве расклеен приказ о призыве молодых годов (последний 1898 г.). Речь идет о так называемом «территориальном сборе». Дело временное, носит характер учебный, тем не менее вызывает вполне понятные слухи, опасения, тревогу...

Будто бы в Петербургском округе призван весь командный состав 1890 года! В Твери и Клину расклеены приказы о территориальном обучении. Сегодня мне передавали... что есть еще более веские признаки войны. Будто бы журнал «Крокодил» собирается на фронт.

События же вот в чем. Не только в Германии, но уже и в Польше происходят волнения... Заголовки в «Известиях» — «Кровавые столкновения в Берлине», «Продовольственные волнения»... В Польше, по сообщению «Известий», забастовка горнорабочих, вспыхнувшая в Домбровском районе и рас-

пространившаяся на всю (?) страну. Террор против рабочих организаций и т. д.

Возможно, что мир действительно накануне генеральной схватки между коммунизмом и фашизмом.

Если развернутся события, первое, что произойдет, это война большевиков с Польшей.

Теперь я буду вести записи аккуратно».

Надо отдать должное прозорливости талантливого писателя. Вторая мировая война действительно началась в сентябре 1939 года войной Германии и Советского Союза против Польши...

Когда других советских руководителей охватывали воинственные настроения, Троцкий занимал умеренную позицию.

Михаил Булгаков:

«*22 октября. Понедельник. Ночь*

Сегодня (на самом деле 21 октября) в «Известиях» помещена речь Троцкого, которую он на днях произнес на губернском съезде металлистов: «Тов. Троцкий о международном положении. (Доклад на губернском съезде металлистов)».

Вот выдержки из нее:

«Германская коммунистическая партия растет из месяца в месяц...

В Германии наметились два плацдарма предстоящих боев: фашистская Бавария и пролетарские Саксония и Тюрингия...

Мы подошли к открытой войне...

Уже теперь некоторые нетерпеливые товарищи говорят, что война с Польшей неизбежна. Я этого не думаю, наоборот, есть много данных за то, что войны с Польшей не будет...

Мы войны не хотим...

Война — это уравнение со многими неизвестными...

Физической помощи германской революции не надо...»

«ПРОШУ ДАТЬ МНЕ ОТПУСК»

Ленин и Троцкий победили в Гражданской войне, но какой ценой!

Гражданская война была тотальной, считает академик Юрий Поляков, потому что вне войны не остался ни один район, ни один город, она втянула в мясорубку все население и привела к огромным потерям и разрушению экономики. Озлобление и ожесточение людей сделали войну особенно кровавой. Даже приказывать убивать не было нужды. Убивали по собственному желанию.

Данные о количестве погибших в Гражданскую войну очень разнятся. По мнению историков, которые специально занимаются этой темой, погибло четыре с лишним миллиона человек.

Общие потери РККА в 1918—1922 годах составили около миллиона человек, примерно столько же потеряла Белая армия.

Еще минимум два миллиона бежали из Советской России — это цифра получателей так называемых нансеновских паспортов. Известный исследователь Арктики норвежец Фритьоф Нансен, верховный комиссар Лиги Наций по делам беженцев, выдавал людям, оставшимся без родины и документов, удостоверения личности...

Социолог Питирим Сорокин так писал о последствиях революции и Гражданской войны:

«Мирная жизнь тормозит акты насилия, убийства, зверства, лжи, грабежа, обмана, подкупа и разрушения. Война и революция, напротив, требуют их, прививают эти рефлексы, благоприятствуют им всячески... Война и революция требуют беспрекословного повиновения (в противовес творчеству, праву и т. п.), душат личную инициативу, личную свободу... отрывают и отучают от мирного труда... Следствием войны и революции является «оголение» человека от всякого культурного поведения. С него спадает тонкая пленка подлинно человеческих форм поведения, которые представляют нарост над рефлексами и актами чисто животными».

Первая мировая и Гражданская войны разорили страну. Ленин желал скорее сократить военные расходы.

18 марта 1921 года Реввоенсовет запросил 4,6 миллиона пудов импортного угля для Балтийского флота. В тот же день это обсуждалось на заседании Совета Труда и Обороны. Ленин написал свое мнение: «Я против выдачи 4,6 миллиона тонн угля на флот».

21 марта Владимир Ильич писал Троцкому:

«Не «прикрыть» ли нам на год флот совсем? К чему он? А уголь отдать железным дорогам или текстильным фабрикам, чтобы дать мужикам ткань? По-моему, надо бы здесь пойти на решительные меры. Пусть флот пострадает. А совласть выиграет».

Троцкий с ним не согласился и настоял на своем. 6 апреля Совет Труда и Обороны принял окончательное решение: «Принять к сведению сообщение т. Лядова о достигнутом соглашении по вопросу о дополнительной закупке за границей и предоставлении Балтфлоту 4 600 000 пудов угля».

11 декабря 1920 года был издан первый приказ о демобилизации. К концу 1920 года в Красной армии насчитывалось пять с половиной миллионов человек.

Но как шла демобилизация!

5 апреля 1921 года Ленин писал Зиновьеву, что он прикинул: при нынешних темпах демобилизации (двести тысяч человек в месяц) сокращение армии затянется на полтора года:

«Явно невозможная вещь.

Вся суть в том, что военная бюрократия желает сделать «по-хорошему»: вези на железных дорогах!

А на железных дорогах и два года провозят.

«Пока» давай одежу, обувь, хлеб.

Надо в корне изменить: перестать давать что бы то ни было.

Ни хлеба, ни одежи, ни обуви.

Сказать красноармейцу: либо уходи сейчас пешком «без ничего». Либо жди год на $^1/_8$ фунта (хлеба. — *Авт.*) и без одежи, без обуви.

Тогда он уйдет сам и пешком».

Жестокое отношение к бывшим красноармейцам никого не смутило. На следующий день члены политбюро поддержали вождя:

«Признать необходимым радикально изменить быстроту демобилизации. Для этого: не вести демобилизуемых по железным дорогам, а отпускать пешим хождением...

Отменить правила и постановления о снабжении демобилизуемых одеждой, обувью и прочим.

Задачей поставить, чтобы армия была доведена к осени до одного миллиона...»

8 апреля политбюро вновь рассмотрело этот вопрос и поручило заместителю председателя Реввоенсовета Склянскому организовать исполнение партийного решения. Там были еще два пункта:

«Поручить т. Склянскому разработать также вопрос о возможности омоложения армии, т. е. привлечения 18-летних...

Обсудить вопрос о том, как обеспечить состав армии преимущественно из населения неземледельческих губерний (мотив — неразрушение сельского хозяйства)...»

12 апреля Склянский доложил политбюро о принимаемых мерах. Политбюро поручило ему внести предложения в Совет Труда и Обороны. 13 апреля СТО принял решение о сокращении армии, о демобилизации военнослужащих 1892—1896 годов рождения и о сохранении обмундирования за красноармейцами, уволенными в бессрочный отпуск.

К октябрю 1922 года армия сократилась до восьмисот тысяч. Но и эта цифра оказалась слишком большой, поэтому к 1 октября 1924 года решили сократить еще на двести с лишним тысяч.

Из войны Лев Троцкий вышел в ореоле победителя. Он создал армию, он разгромил контрреволюцию и обеспечил безопасность страны.

Всю войну он провел на фронтах. Его поезд стремительно перемещался по стране — Троцкий отправлялся туда, где революции грозила опасность. Никто не мог отказать ему в смелости и решительности.

Член Реввоенсовета Республики Семен Иванович Аралов ездил с Троцким на его поезде и рассказывал корреспонденту газеты «Известия» (беседа с ним была опубликована 23 февраля 1919 года):

«Очень большую роль в создании Красной Армии сыграл Троцкий своими объездами фронта, налаживанием связи центра с местами, указаниями центру на слабые места фронта. Где бы ни появлялся тов. Троцкий, положение немедленно изменялось к лучшему, и нередки были случаи, когда благодаря его присутствию мы переходили от поражений к победам. Много посодействовал тов. Троцкий устойчивости нашей армии, ее революционности, ее живой и тесной связи с рабоче-крестьянскими массами».

Семен Аралов служил в армии с 1914 года, стал штабс-капитаном, был награжден орденами, последняя должность в царской армии — старший адъютант штаба 174-й пехотной дивизии. Он стал начальником сначала оперативного отдела, а потом и оперативного управления наркомвоена, то есть фактически руководил повседневной деятельностью фронтов...

Вот каким Троцкий запомнился британскому дипломату Роберту Брюсу Локкарту:

«Я имел случай убедиться в физической смелости Троцкого. Я разговаривал с ним в военном комиссариате на площади позади храма Спасителя. Вдруг в комнату влетел его помощник в состоянии совершенной паники. Снаружи собралась огромная толпа вооруженных матросов. Им не платили жалованья, или оно было недостаточно. Они желали видеть Троцкого. Если он не выйдет, они разнесут дом.

Троцкий тотчас же вскочил со сверкающими глазами и вышел на площадь. Он не сделал попытки уговорить матросов. Он обрушился на них с яростной руганью. Это были псы, недостойные флота, который сыграл такую славную роль в ре-

волюции. Он рассмотрит их жалобы. Если они справедливы, они будут удовлетворены. Если нет, он заклеймит их как предателей революции. Они должны вернуться в казармы, или он отберет у них оружие и лишит их прав. Матросы поплелись обратно, как побитые дворняжки, а Троцкий вернулся ко мне продолжать прерванный разговор...

Он производит удивительно сильное впечатление, пока он сохраняет самообладание. У него прекрасная свободная речь, и слова льются потоком, который кажется неиссякаемым.

Это был человек действия... Он разбивал своих оппонентов с решимостью и явным удовольствием. Он вызывал необыкновенный энтузиазм.

Май 1918 года начался внушительным парадом Красной Армии на Красной площади. Троцкий принимал парад в присутствии дипломатических представителей... В этих плохо одетых, неорганизованных людях, которые маршировали мимо него, была несомненная живая сила. На меня это произвело сильное впечатление».

Эту способность Троцкого справляться с толпой высоко ценил Ленин. Когда в Саратове восстала Уральская дивизия, Ленин и Свердлов попросили Троцкого немедленно отправиться туда, «ибо Ваше появление на фронте производит действие на солдат и на всю армию».

Троцкому нравилась созданная им военная машина, ему импонировала свойственная профессиональным военным дисциплина и четкость. Американец Арманд Хаммер через несколько десятилетий вспоминал, как он попал на прием к наркому Троцкому. Военное ведомство разительно отличалось от всех остальных советских учреждений: скучающие сотрудники не курили в коридорах, все были заняты своим делом, царили чистота и порядок — ни окурков на полу, ни грязных стаканов на заваленных бумагами столах.

Хаммера пригласили к четырем часам дня. Без трех минут четыре секретарь наркомвоенмора сказал:

— Товарищ Троцкий ждет вас, следуйте, пожалуйста, за мной.

Художнику Юрию Анненкову предложили написать потрет Троцкого для выставки, посвященной пятилетию Красной армии. Он подробно описал, как познакомился с наркомом по военным и морским делам:

«В здании Реввоенсовета, на Знаменке, поднявшись на второй этаж и пройдя по ряду коридоров с расставленными

у дверей молодцеватыми подтянутыми часовыми, проверявшими пропуска с неумолимым бесстрастным видом, я очутился в приемной Троцкого.

Огромный высокий зал был наполнен полумраком и тишиной. Тяжелые шторы скрывали морозный свет зимнего дня. На стенах висели карты Советского Союза и его отдельных областей, испещренные красными линиями. За столом, у стены, сидели четверо военных. Зеленый стеклянный абажур, склоненный над столом, распространял по комнате сумеречный уют и деловитость.

Как только я вошел в комнату, все четверо немедленно встали, и один из них, красивый и щеголеватый дежурный адъютант, поспешно подошел ко мне по малиновому ковру.

— Художник Анненков? — спросил он.

— Да, — ответил я, едва удержавшись, чтобы не сказать «так точно».

— Лев Давидович вас сейчас примет.

Щеголеватый адъютант снял телефонную трубку и через несколько секунд снова обратился ко мне:

— Можете пройти в кабинет.

Он проводил меня до двери и, слегка приоткрыв ее, вполголоса прибавил:

— Налево, к окну...

Троцкий был хорошего роста, коренаст, плечист и прекрасно сложен. Его глаза, сквозь стекла пенсне, блестели энергией. Он встретил меня любезно, почти дружественно...

Троцкий был интеллигентом в подлинном смысле этого слова. Он интересовался и был всегда в курсе художественной и литературной жизни не только в России, но в мировом масштабе. В этом отношении он являлся редким исключением среди «вождей революции»...

Культурный уровень большинства советских властителей был не высок. Это были очень способные захватчики, одни с идеологическим уклоном, другие — как Сталин — с практической «неуклонностью». Несовместимость интеллигентов с захватчиками обнаружилась уже в первые годы революции. Объединение и совместные действия этих столь разнородных элементов были только результатом случайного совпадения: рано или поздно они должны были оказаться противниками. И как всегда в такой борьбе, интеллигенции было предназначено потерпеть поражение.

Если из междоусобной гражданской войны с прежним режимом Троцкий вышел победителем, то лишь потому, что это была война за идейную, идеологическую победу. Но

когда наступила борьба за практическую демагогию, он, как интеллигент, неминуемо должен был проиграть».

Знакомство с Троцким оказалось для Анненкова крайне полезным. Однажды он забыл ключ от квартиры и полез в окно — он жил на первом этаже. Едва он стал карабкаться на подоконник, как появились два милиционера и потребовали объяснений.

«Рассказ о забытом ключе их не убедил.

— По ночам через окна порядочные не лазают! Предъявить документы!

Голос милиционера был неумолим. Ни «личной карточки», ни иных документов у меня с собой не оказалось, но в бумажнике нашлась моя фотография с Троцким. Я показал ее милиционерам. Они сразу же узнали «любимого вождя», и, возвращая мне карточку, один из них сказал изменившимся голосом:

— Ладно, лезьте!

— Молчи! — прервал его другой милиционер и, повернувшись ко мне, произнес: — Мы приносим вам, уважаемый товарищ, наши извинения. Вы видели, как советская милиция бдительна.

Подтолкнув меня на подоконник и откозыряв, они твердым шагом удалились в бесфонарную ночную тьму тогдашней Москвы».

Армейские проблемы все меньше интересовали Троцкого. Он провел демобилизацию и думал о том, как использовать вооруженные силы в восстановлении экономики.

В 1920—1922 годах существовали трудовые армии — формирования Красной армии, которые использовались в народном хозяйстве. Они в военном отношении подчинялись Реввоенсовету, в хозяйственном отношении — Совету рабочей и крестьянской обороны (с апреля 1920 года — Совету Труда и Обороны).

Ленин вообще считал, что армия должна способствовать развитию сельского хозяйства, особенно путем разведения мелких животных — свиней, кроликов. Но 30 декабря 1921 года Совет Труда и Обороны распорядился расформировать трудармии — в связи с введением нэпа.

Лев Давидович был бесспорно вторым человеком в стране, и в советских учреждениях висели только два портрета — Ленина и Троцкого.

Тогдашний сотрудник Коминтерна Виктор Серж (настоящее имя Виктор Львович Кибальчич, он из семьи известных революционеров) писал о председателе Реввоенсовета:

«В сорок один год — на вершине власти, популярности и славы, трибун Петрограда во время двух революций, создатель Красной Армии, которую он, по словам Ленина, буквально «вытащил из небытия», внесший непосредственный вклад в победу во многих решающих битвах, признанный организатор победы в гражданской войне...»

В те годы даже школьные тетрадки выпускались с портретом Троцкого и цитатой, взятой из одной из его речей: «Грызите молодыми зубами гранит науки».

«В годы войны в моих руках сосредоточивалась власть, которую практически можно назвать беспредельной, — не без удовольствия вспоминал потом Троцкий. — В моем поезде заседал революционный трибунал, фронты были мне подчинены, тылы были подчинены фронтам, а в известные периоды почти вся не захваченная белыми территория республики представляла собой тылы и укрепленные районы».

Ленин доверял ему полностью. Летом 1919 года Ленин сделал фантастический для такого хладнокровного человека жест. Он взял бланк председателя Совета Народных Комиссаров и написал на нем:

«Товарищи!

Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело.

В. Ульянов-Ленин».

Ленин добавил:

— Я вам даю такой бланк и могу дать их вам сколько угодно, потому что я ваши решения заранее одобряю. Вы можете написать на этом бланке любое решение, и оно уже утверждено моей подписью.

Эту поразительную записку Ленина Троцкий после смерти Владимира Ильича, в 1925 году, сдал в Институт Ленина. Так что этот пример невиданного доверия Ленина к Троцкому — не вымысел.

В последние годы открылись не только записки, но и целые речи, произнесенные Лениным в поддержку и защиту Троцкого от критических нападок товарищей по партии. Он считал военное ведомство образцовым. Но эти документы долгое время оставались секретными, при Сталине — и после него — ничего хорошего о Троцком сказано быть не могло.

Об отношении Ленина к Троцкому лучше всего говорят слова самого Ленина, записанные Горьким:

— А вот указали бы другого человека, который способен в год организовать почти образцовую армию, да еще завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть... Да, да, я знаю. Там что-то врут о моих отношениях к нему. Врут много, и, кажется, особенно много обо мне и Троцком.

Троцкий, отдавая должное талантам Ленина, мысленно ставил себя рядом с вождем русской революции. Похоже, он заблуждался. Природа щедро его одарила, но к Ленину была более благосклонна.

«Мне кажется, что Троцкий несравненно более ортодоксален, чем Ленин, — писал проницательный Луначарский. — Троцкий всегда руководствовался, можно сказать, буквою революционного марксизма. Ленин чувствует себя творцом и хозяином в области политической мысли и очень часто давал совершенно новые лозунги, которые нас всех ошарашивали, которые казались нам дикостью и которые потом давали богатейшие результаты. Троцкий такою смелостью мысли не отличался...

Ленин в то же время гораздо больше оппортунист в самом глубоком смысле слова. Я говорю о том чувстве действительности, которая заставляет порою менять тактику, о той огромной чуткости к запросу времени, которая побуждает Ленина то заострять оба лезвия своего меча, то вложить его в ножны.

Троцкий менее способен на это. Троцкий прокладывает свой революционный путь прямолинейно...

Он чаще способен ошибаться, не обладая почти непогрешимым инстинктом Ленина, и, будучи человеком вспыльчивым и по темпераменту своему холериком, он способен, конечно хотя бы и временно, быть ослепленным своей страстью, между тем как Ленин, ровный и всегда владеющий собою, вряд ли может хотя когда-нибудь впасть в раздражение.

Не надо думать, однако, что второй великий вождь русской революции во всем уступает своему коллеге: есть стороны, в которых Троцкий бесспорно превосходит его: он более блестящ, он более ярок, он более подвижен.

Ленин как нельзя более приспособлен к тому, чтобы, сидя на председательском кресле Совнаркома, гениально руководить мировой революцией, но, конечно, не мог бы справиться с титанической задачей, которую взвалил на свои плечи Троцкий, с этими молниеносными переездами с места на

место, этими горячечными речами, этими фанфарами тут же отдаваемых распоряжений, этой ролью постоянного электризатора то в том, то в другом месте ослабевающей армии. Нет человека, который мог бы заменить в этом отношении Троцкого».

В качестве создателя армии Лев Давидович был на месте — тут-то и пригодились его бешеная энергия, природные способности к организаторской деятельности, интеллект, мужество, решительность и жестокость. Всю войну Троцкий железной рукой держал армию. Когда война окончилась, он остался без дела.

После войны жизнь вообще изменилась. Леонид Красин с гордостью писал жене: «Москва внешне упорядочилась. В некоторые часы уличное движение настолько интенсивно, что почти нельзя в автомобиле по улицам проехать».

Создается такое ощущение, что Троцкому стало скучно. Напряжение борьбы спало, и его охватила какая-то апатия. Обычная повседневная работа или аппаратное интриганство — это было не для него. Пошли разговоры о том, что он болен.

Летом 1921 года Горький озабоченно сказал писателю Константину Федину:

— Троцкий жестоко болен. Он на границе смерти. У него сердце.

Лев Давидович не знал, чем заняться. Пристрастился к охоте, положив начало этому повальному увлечению советских руководителей. 10 октября 1921 года появился приказ Реввоенсовета о создании Центральной комиссии охоты и рыболовства при Штабе РККА, а в округах — окружных комиссий для руководства охотничьим спортом и рыболовством в войсках. Председателем центральной комиссии стал бывший генерал-майор Александр Александрович Самойло, который преподавал в Военной академии РККА.

В 1921 году при РВС Республики была образована Центральная комиссия помощи голодающим. В первую очередь этим занимался Московский военный округ во главе с Николаем Мураловым. Красноармейцы отчисляли деньги из своей зарплаты, отдавали продукты. Особенно заботились о детях в голодающих районах, брали на себя обеспечение детских домов-приютов.

Ленин тоже искал Троцкому занятие. 16 июля 1921-го Ленин предложил назначить его наркомом продовольствия Украины, где был голод. Троцкий не захотел. Ленин велел

отменить постановление политбюро. В конце июля решили другое:

«Т. Троцкий вправе взять (в расстоянии не слишком далеком от Москвы, чтобы не отрываться от работы в центре) один или несколько находящихся в владении Военного ведомства совхозов; к этим совхозам в виде опыта применяется закон о расширении финансовой и материальной самостоятельности крупных предприятий; эти совхозы берут в аренду окрестные промышленные предприятия в целях соединения земледелия с промышленностью и создания хозяйственного целого с особой задачей проверки снизу правильности и целесообразности наших декретов, анализа условий найма и применения невоенной рабочей силы...»

Ленин предлагал Льву Давидовичу пост своего заместителя в правительстве. Троцкий вновь отказался. Ему не хотелось быть заместителем. На посту председателя Реввоенсовета он привык к полной самостоятельности. Но война окончилась, и другой такой должности не было.

В конце января 1922 года Троцкий написал заявление в политбюро:

«Я не хотел просить отпуска до февраля — марта, хотя за последние полтора-два месяца бессонница и невралгия головы сильно меня парализует.

Отчасти я предполагал провести месяц на положении полуотдыха. Но сейчас я вынужден просить о немедленном отпуске. Производительность моей работы минимальна, как по причине нездоровья, так и по причине «клочкообразного» характера самой работы: множество разрозненных поручений, отнимающих время главным образом на переход от одного к другому, причем по глубочайшему моему внутреннему убеждению почти каждое из этих поручений Политбюро или Оргбюро могло бы быть выполнено легче и лучше тем, кому этим ведать надлежит.

Помимо физического расходования времени я психически не выношу этого режима, как не выношу окурков на лестнице.

Из-за этого непрерывного и, по-моему, бессмысленного расхищения моего рабочего времени я нахожусь в состоянии постоянной неуверенности и тревоги, что совершенно парализует мою работоспособность.

Прошу Политбюро дать мне месячный отпуск».

Отпуск ему дали, но с условием, что он сохранит контроль за военными делами и Гохраном, а заодно напишет брошю-

ру «Между империализмом и революцией. Основные вопросы революции на частном примере Грузии».

Освободившись от военных забот, Троцкий занялся внутриполитическими делами. Он сразу обратил внимание на то, что всевластие партийного аппарата приобретает опасный характер.

10 марта 1922 года Троцкий написал всем членам политбюро: «Без освобождения партии, как партии, от функции непосредственного управления и заведования нельзя очистить партию от бюрократизма, а хозяйство от распущенности. Это основной вопрос. Такая «политика», когда на заседаниях губкома мимоходом решаются вопросы о посевной кампании губернии, о сдаче или несдаче в аренду завода, является пагубной...

Партия твердо устанавливает, что можно и чего нельзя. Но партия не руководит коммерческими операциями, ибо не способна на это. Партия не воспитывает для хозяйственной деятельности, и в частности для коммерческой, ибо не способна для этого. Партия имеет в своих руках власть, но она управляет только через правильно действующий государственный аппарат...»

Но обращение Троцкого вызвало с трудом скрываемую иронию. Он наивно взывал к людям, которые как раз делали ставку на диктатуру партии и опирались на бюрократический аппарат.

На октябрьском (1927 года) пленуме Сталин пренебрежительно говорил:

— Троцкий утверждает, что в миллионной партии, в ВКП(б), можно «захватить» власть... Почему же в таком случае Троцкому не удалось «захватить» власть в партии? Чем это объяснить? Разве товарищ Троцкий более глуп или менее умен, чем Бухарин или Сталин? Разве он менее крупный оратор, чем нынешние лидеры нашей партии? Не вернее ли будет сказать, что как оратор Троцкий стоит выше многих нынешних лидеров нашей партии? Чем объяснить в таком случае, что Троцкий, несмотря на его ораторское искусство, несмотря на его волю к руководству, несмотря на его способности, оказался отброшенным прочь от руководства великой партией, называемой ВКП(б)?..

Ответ мы теперь знаем: в борьбе за власть Троцкий во всем уступал Сталину.

Анастас Иванович Микоян рассказал в мемуарах, как в январе 1922 года его, секретаря Нижегородского губкома, вызвали в Москву. Сталин пригласил его к себе домой в

Кремль. Он занимал две комнаты в здании, на месте которого позже построили Дворец съездов. Речь шла о подготовке к XI съезду партии.

Сталин втолковывал Микояну: «Главная опасность может идти от Троцкого и его сторонников. Пока они ведут себя тихо. Но от Троцкого можно всего ожидать... Если в ЦК будет избрано относительно много бывших троцкистов, то это представит опасность для дальнейшей работы ЦК».

— Поэтому, — сказал Сталин, — мы озабочены тем, какие делегаты приедут на предстоящий съезд и много ли среди них будет троцкистов. В этом отношении нас беспокоит Сибирь. Там еще довольно много троцкистов, они пользуются определенным доверием и влиянием в своих организациях, и поэтому есть опасность, что многие из них окажутся в числе избранных делегатов съезда.

Сталин от имени Ленина поручил Микояну поехать в Сибирь и сделать все, чтобы поменьше сторонников Троцкого получили мандаты на съезд. Анастас Иванович выполнил поручение, вошел в число ближайших сотрудников Сталина и сохранил себе жизнь.

БЛОК, ШАЛЯПИН, ЕСЕНИН И ДРУГИЕ

Освободившись от неотложных дел, Троцкий стал писать критические заметки о литературе.

30 июня 1922 года Троцкий отправил в политбюро записку «О молодых писателях, художниках и прочих»:

«Мы, несомненно, рискуем растерять молодых поэтов, художников и пр., тяготеющих к нам. Никакого или почти никакого внимания к ним нет... Необходимо поставить своей задачей внимательное, почти индивидуализированное отношение к представителям молодого советского искусства...

Уже сейчас выделить небольшой список несомненно даровитых и несомненно сочувствующих нам писателей, которые борьбой за заработок толкаются в сторону буржуазии и могут завтра оказаться во враждебном или полувраждебном нам лагере...

Цензура наша должна иметь педагогический уклон... Запрещать их печатание надлежит лишь в самом крайнем случае. Предварительно же нужно попытаться свести автора с товарищем, который действительно компетентно и убедительно сможет разъяснить ему реакционные элементы произведения с тем, что если автор не убедится, то его произве-

дение печатается (если нет серьезных доводов против напечатания), но в то же время появляется под педагогическим углом зрения написанная критическая статья.

Вопрос о форме поддержки молодых поэтов подлежит особому рассмотрению. Лучше всего, разумеется, если бы эта поддержка выражалась в форме гонорара (индивидуализированного), но для этого нужно, чтобы молодым авторам было где печататься... Во всяком случае на это придется, очевидно, ассигновать некоторую сумму денег.

Те же меры нужно перенести и на молодых художников...»

3 июля на записку откликнулся Сталин:

«Возбужденный тов. Троцким вопрос о завоевании близких к нам молодых поэтов путем материальной и моральной их поддержки является, на мой взгляд, вполне своевременным... Сплотить советски настроенных поэтов в одно ядро и всячески поддерживать их в этой борьбе — в этом задача... Материальная поддержка вплоть до субсидий, облеченных в ту или иную приемлемую форму, абсолютно необходима...»

Председатель Реввоенсовета был ценителем настоящей литературы — в отличие от своих коллег по политбюро. Это ярко проявилось, когда решалась судьба поэта Александра Блока. Он не только голодал в революционном Петрограде, но и тяжело заболел. Врачи рекомендовали немедленно отправить его в санаторий в соседнюю Финляндию. Но чекисты не хотели его выпускать. Справиться с вооруженным мятежом им было не под силу, а сломать жизнь великому поэту — пожалуйста.

28 июня 1921 года начальник Иностранного отдела ВЧК Л. Давыдов написал секретарю ЦК Вячеславу Михайловичу Молотову:

«В ИноВЧК в настоящее время имеются заявления ряда литераторов, в частности Венгеровой, Блока, Сологуба — о выезде за границу.

Принимая во внимание, что уехавшие за границу литераторы ведут самую активную кампанию против Советской России и что некоторые из них, как Бальмонт, Куприн, Бунин, не останавливаются перед самыми гнусными измышлениями, — ВЧК не считает возможным удовлетворять подобные ходатайства.

Если только у ЦК РКП нет особых соображений, чтобы считать пребывание того или иного литератора за границей более желательным, чем в Советской России, — ВЧК со своей стороны не видит оснований к тому, чтобы в ближайшем будущем разрешать им выезд.

Во всяком случае, мы считали бы желательным разрешение подобных вопросов передавать в Оргбюро».

Через день Молотов с готовностью ответил, что «ЦК согласен на внесение в Оргбюро вопросов о выезде литераторов за границу в тех случаях, когда ВЧК находит это нужным».

А уже 2 июля 1921 года Молотов получил от управляющего делами Совнаркома Николая Петровича Горбунова секретный пакет:

«Посылаю Вам дело о выдаче разрешения поэту А.А. Блоку выехать за границу — на пяти страницах. Из переписки Вы увидите, что ВЧК отказывается решать такие вопросы и просит пересылать их предварительно к Вам на заключение.

Заключение Ваше по этому делу прошу Вас прислать мне со всеми прилагаемыми при сем материалами».

Дело в том, что Максим Горький и нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский обращались ко всем власть имущим с просьбой отпустить Блока за границу.

Луначарский написал письмо, которое отправил в наркоминдел Георгию Васильевичу Чичерину, в ВЧК Менжинскому и в управление делами Совнаркома Горбунову:

«Блок сейчас тяжело болен цингой и серьезно психически расстроен, так что боятся тяжелого психического заболевания.

Мы в буквальном смысле слова, не отпуская поэта и не давая ему вместе с тем необходимых удовлетворительных условий, замучили его...»

Против был начальник Особого отдела ВЧК Вячеслав Рудольфович Менжинский. Луначарский и Горький обратились лично к Ленину с просьбой «повлиять на т. Менжинского в благоприятном для Блока отношении».

Ленин 11 июля запросил мнение Менжинского, сославшись на то, что Луначарский ручается за Блока.

Начальник Особого отдела ВЧК ответил в тот же день:

«Уважаемый товарищ!

За Бальмонта ручался не только Луначарский, но и Бухарин. Блок натура поэтическая; произведет на него дурное впечатление какая-нибудь история, и он совершенно естественно будет писать стихи против нас. По-моему, выпускать не стоит, а устроить Блоку хорошие условия где-нибудь в санатории».

На следующий день, 12 июля, ходатайство Луначарского и Горького отпустить Блока в Финляндию рассматривалось на заседании политбюро. Троцкий и Каменев предложили

отпустить поэта. Председатель Реввоенсовета не считал, что поэты представляют собой угрозу для советской власти. Но Ленин, Молотов и Зиновьев проголосовали против. Мнение большинства восторжествовало.

В решении политбюро записали:

«Отклонить. Поручить Наркомпроду позаботиться об улучшении продовольственного положения Блока».

Горький, возмущенный, вновь написал письмо Ленину: «А.А. Блок умирает от цинги и астмы, его необходимо выпустить в Финляндию, в санаторию. Его не выпускают...»

Луначарский 16 июля тоже обратился в ЦК: «Выезд Блока за границу признан врачами единственным средством спасти его от смерти». Предупредил, что «Блок умрет недели через две».

Эти слова произвели впечатление на Ленина. Он передумал. Тогда Лев Борисович Каменев поставил вопрос на новое голосование в политбюро:

«Я и Ленин предлагаем:

Пересмотреть вопрос о поездке за границу А.А. Блока. На прошлом ПБ за голосовали Троцкий и я, против — Ленин, Зиновьев, Молотов. Теперь Ленин переходит к нам...»

23 июля политбюро пересмотрело свое прежнее решение и разрешило Блоку выехать за границу. Но пока в политбюро думали, что делать с Блоком, 7 августа великий поэт умер.

Впрочем, Троцкий не всегда так заботливо относился к деятелям литературы и искусства. Интересы армии были для него важнее всего.

Выдающегося певца Федора Ивановича Шаляпина в Большом театре артисты просили похлопотать перед начальством, чтобы им увеличили пайки.

«Случай представился, — вспоминал Шаляпин. — Был в театре большой коммунистический вечер, на котором, между прочим, были представители правящих верхов. Присутствовал в театре и Троцкий. Сидел в той самой ложе, которую раньше занимал великий князь Сергей Александрович. Ложа имела прямое соединение со сценой, и я как делегат от труппы отправился к военному министру.

Министр меня, конечно, принял. Я представлял себе Троцкого брюнетом. В действительности это скорее шатен-блондин со светловатой бородкой, с очень энергичными и острыми глазами, глядящими через блестящее пенсне. В его позе — он, кажется, сидел на скамейке — было какое-то грузное спокойствие.

Я сказал:

— Здравствуйте, тов. Троцкий!

Он, не двигаясь, просто сказал мне:

— Здравствуйте!

— Вот, — говорю я, — не за себя, конечно, пришел я просить у вас, а за актеров. Трудно им. У них уменьшили паек, а мне сказали, что это от вас зависит — прибавить или убавить.

После секунды молчания, оставаясь в той же неподвижной позе, Троцкий четко, буква к букве, ответил:

— Неужели вы думаете, товарищ, что я не понимаю, что значит, когда не хватает хлеба? Но не могу же я поставить на одну линию солдата, сидящего в траншеях, с балериной, весело улыбающейся и танцующей на сцене.

Я подумал: «Печально, но резонно». Вздохнул и сказал:

— Извините.

И как-то стушевался.

Я замечал не раз, что человек, у которого не удается просьба, всегда как-то стушевывается».

Иногда Троцкий бывал неоправданно резок в выражении своих литературных пристрастий.

Он почему-то плохо относился к замечательному детскому поэту и тонкому литературному критику Корнею Ивановичу Чуковскому — еще до революции, когда это не имело значения, и после революции, когда его слова приобрели иное звучание.

Троцкий в 1922 году в «Правде» раскритиковал книгу Чуковского о Блоке: «Этакая душевная опустошенность, болтология дешевая, дрянная, постыдная!»

Поэт и переводчик Самуил Маршак иронически откликнулся на статью Троцкого:

Расправившись с бело-зелеными,
Прогнав и забрав их в плен, —
Критическими фельетонами
Занялся Наркомвоен.
Палит из Кремля Московского
На тысячи верст кругом.
Недавно Корнея Чуковского
Убило одним ядром.

На самом деле, конечно, не убило. Для Корнея Чуковского статья Троцкого была ударом, но не катастрофой. Это у Сталина критический отзыв о писателе заканчивался часто расстрельным приговором.

Зато Троцкий очень симпатизировал Сергею Есенину, которого многие поносили. Когда Есенин покончил с собой, Троцкий писал о нем в «Правде»:

«Мы потеряли Есенина — такого прекрасного поэта, такого свежего, такого настоящего. И так трагически потеряли...

Есенин слагал острые песни хулигана и придавал свою неповторимую, есенинскую напевность озорным звукам кабацкой Москвы. Он нередко кичился дерзким жестом, грубым словом. Но надо всем этим трепетала совсем особая нежность неогражденной, незащищенной души. Полунаносной грубостью Есенин прикрывался от сурового времени, в какое родился, — прикрывался, но не прикрылся...

Эпоха же наша — не лирическая. В этом главная причина того, почему самовольно и так рано ушел от нас и от своей эпохи Сергей Есенин.

Корни у Есенина глубоко народные... Есенин интимен, нежен, лиричен, — революция публична, — эпична, — катастрофична. Оттого-то короткая жизнь поэта оборвалась катастрофой...»

ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИНА

26 мая 1922 года у Ленина случился удар — частичный паралич правой руки и правой ноги, расстройство речи. В узком кругу Сталин хладнокровно сказал:

— Ленину капут.

Иосиф Виссарионович несколько поторопился, после первого удара Владимир Ильич оправился. Впрочем, к полноценной работе уже не вернулся.

Все партийное хозяйство оказалось в руках Сталина. Его ближайший помощник Амаяк Назаретян по-дружески писал Серго Орджоникидзе в июле: «Ильич совсем поправился. Ему разрешено немного заниматься. Не беспокойтесь. Сейчас совсем хорошо. Вчера Коба был у него. Ему приходится бдить Ильича и всю матушку Расею».

Ленин быстро почувствовал, что ему не на кого опереться. В эти месяцы Владимир Ильич обращается к Троцкому как к единственному союзнику и единомышленнику.

Когда разгорелась дискуссия о внешней торговле, мнения Ленина и Сталина разошлись. 12 декабря 1922 года Ленин написал своим единомышленникам:

«Ввиду ухудшения своей болезни я вынужден отказаться от присутствия на пленуме. Вполне сознаю, насколько неловко и даже хуже чем неловко поступаю по отношению к Вам, но все равно выступить сколько-нибудь удачно не смогу.

Сегодня я получил от тов. Троцкого прилагаемое письмо, с которым согласен во всем существенном, за исключением, может быть, последних строк о Госплане. Я напишу Троцкому о своем согласии с ним и о своей просьбе взять на себя ввиду моей болезни защиту на пленуме моей позиции».

15 декабря Ленин информировал Сталина, что заключил «соглашение с Троцким о защите моих взглядов на монополию внешней торговли... и уверен, что Троцкий защитит мои взгляды нисколько не хуже, чем я». Это напомнило Сталину о том, чего он боялся больше всего, — о блоке Ленина с Троцким.

Сталин тут же изменил свою позицию, чтобы не оказаться под двойным ударом. В тот же день, 15 декабря, он написал членам ЦК: «Ввиду накопившихся за последние два месяца новых материалов, говорящих в пользу сохранения монополии, считаю своим долгом сообщить, что снимаю свои возражения против монополии внешней торговли».

Ленин попросил соединить его по телефону с членом ЦК Емельяном Ярославским, который возглавлял комиссию Совнаркома по ревизии работы торговых представительств РСФСР за рубежом, и попросил — тайно ото всех! — сообщить ему о ходе прений на пленуме ЦК.

16 декабря Надежда Константиновна Крупская по просьбе Ленина сказала секретарю Совнаркома Лидии Александровне Фотиевой: надо позвонить Ярославскому и подтвердить, что он должен «записывать речи Бухарина и Пятакова, а по возможности и других по вопросу о внешней торговле».

18 декабря пленум ЦК единогласно принял решение ввести монополию внешней торговли и отменил прежнее решение, против которого выступал Ленин.

Емельян Ярославский выполнил данное ему поручение. Он написал отчет и отдал его дежурному секретарю Ленина М.А. Володичевой. Но отчет попал не к Ленину, а к Сталину. Володичева, смущаясь, объяснила Ярославскому, что произошла ошибка: она дала отчет перепечатать, и «машинистка, вообразив почему-то, что это рукопись т. Сталина, обратилась к нему за справкой по поводу неясно написанного слова. Записка не была передана В.И. Ленину только потому, что состояние здоровья его ухудшилось».

Есть другая версия происшедшего: ленинские секретари обо всем важном, что они узнавали, немедленно докладывали Сталину. Возможно, поэтому и Фотиева и Володичева дожили до глубокой старости, когда практически все ленинские соратники были уничтожены.

Сталин, встревоженный союзом Ленина и Троцкого, настоял, чтобы пленум ЦК принял такое решение:

«Отчеты т. Ярославского ни в коем случае сейчас не передавать и сохранить с тем, чтобы передать тогда, когда это разрешат врачи по соглашению с т. Сталиным.

На т. Сталина возложить персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки».

Сделано это было под флагом заботы о здоровье вождя, хотя теперь мы знаем, что самочувствие Владимира Ильича генсека абсолютно не беспокоило. Это была попытка Сталина отрезать больного Ленина от всех источников информации, помешать ему участвовать во внутрипартийной борьбе и связываться с Троцким. А именно в этом и нуждался Ленин.

21 декабря он продиктовал Крупской записку Троцкому с просьбой продолжить совместные действия:

«Как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление и для этого провести предложение поставить на партсъезде вопрос об укреплении внешней торговли и о мерах к улучшению ее проведения. Огласить это на фракции съезда Советов. Надеюсь, возражать не станете и не откажетесь сделать доклад на фракции».

Надежда Константиновна просила Троцкого позвонить и сообщить свое решение: согласен ли он с предложением Ленина?

Троцкий, видя, что Сталин, Зиновьев и Каменев злятся, не нашел ничего лучше, как показать им, что намерен играть по правилам. Лев Давидович позвонил Каменеву, пересказал ему записку Ленина и предложил обсудить это в ЦК. Каменев тотчас же сообщил обо всем Сталину, который пришел в бешенство: как мог Ленин организовать переписку с Троцким, когда ему это запрещено?

Генсек быстро выяснил, что с Троцким связывалась Крупская. Сталин не сдержался и обрушился на Надежду Константиновну с грубой бранью. Он требовал, чтобы она не смела втягивать Ленина в дела, и угрожал, что ею займется партийная инквизиция — Центральная контрольная комиссия.

Никто не смел так разговаривать с Крупской. Она была потрясена. Сестра Ленина, Мария Ильинична Ульянова, в записках, найденных после ее смерти, вспоминала:

«Надежду Константиновну этот разговор взволновал чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу и пр.»

Крупская 23 декабря обратилась за защитой к Льву Борисовичу Каменеву, который во время болезни Ленина председательствовал в политбюро:

«Лев Борисыч,

по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все тридцать лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину.

Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичом, я знаю лучше всякого врача, так как знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина.

Я обращаюсь к Вам и к Григорию (Зиновьеву. — *Авт.*), как наиболее близким товарищам В.И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности».

Каменев, надо полагать, беседовал со Сталиным. Тот позвонил Крупской и попытался погасить конфликт.

Ее собственный муж защитить Надежду Константиновну не мог. Состояние Ленина стремительно ухудшалось. В ночь на 23 декабря у него наступил паралич правой руки и правой ноги. Тем не менее именно 23 декабря, возможно предчувствуя худшее, он начал диктовать знаменитое «Письмо к съезду», которое воспринимается как завещание.

Первая, более нейтральная, часть «Письма» касалась необходимости увеличить состав ЦК и «придать законодательный характер на известных условиях решениям Госплана, идя навстречу требованиям т. Троцкого».

Затем Ленин продиктовал главную часть завещания, где охарактеризовал главных лидеров партии — Сталина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина и Пятакова. Все характеристики очень жесткие, разоблачительные.

Троцкого и Сталина он назвал «выдающимися вождями» партии, но предположил, что их столкновение погубит партию.

По мнению Ленина, «тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уве-

рен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью...

Тов. Троцкий... отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела».

4 января 1923 года Ленин продиктовал важнейшее добавление к письму:

«Сталин слишком груб... Этот недостаток становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от т. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив... меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью... Но с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношениях Сталина и Троцкого это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».

Вскоре Ленин вновь обратился к Троцкому за помощью в так называемом «грузинском деле».

Руководители компартии Грузии во главе с Буду Мдивани подали в отставку в знак протеста против действий первого секретаря Закавказского крайкома Серго Орджоникидзе, который попросту ими командовал, не допуская самостоятельности, и, ведя себя очень грубо, даже ударил члена ЦК компартии Грузии Кабахидзе, который назвал его «сталинским ишаком».

Кабахидзе подал жалобу. Но ходу ей не дали, поскольку партийным аппаратом руководил Сталин, покровительствовавший Орджоникидзе.

Начальник сталинской канцелярии Амаяк Назаретян написал другу Серго, что Матвей Шкирятов, председатель Центральной комиссии по проверке и чистке рядов партии, «хохотал и говорил: жаль, мало попало, только один раз ударил!».

Грузины предлагали, чтобы Грузия напрямую входила в состав СССР, минуя ненужную надстройку — Закавказскую Федерацию, как это и произошло потом.

Ленин назначил Дзержинского председателем комиссии, которая должна была разобраться с жалобами грузинских коммунистов. Дзержинский решительно встал на сторону

Орджоникидзе. Феликс Эдмундович был против всего, что можно толковать как национализм и сепаратизм.

Прочитав доклад комиссии и встретившись с Феликсом Эдмундовичем, Ленин зло обвинил Дзержинского вместе со Сталиным и Орджоникидзе в великорусском шовинизме, добавив обидное: «Известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения».

Ленин распорядился перепроверить все материалы комиссии Дзержинского «на предмет исправления той громадной массы неправильностей и пристрастных суждений, которые там несомненно имеются». И приписал: «Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского». Уже стоял вопрос о том, чтобы снять Дзержинского, но Ленину опять стало крайне плохо. И в этот момент он узнал, что политбюро утвердило выводы комиссии Дзержинского.

5 марта 1923 года Владимир Ильич обратился к единственному человеку, которому мог довериться, — Троцкому, по существу предлагая ему союз против Сталина:

«Уважаемый товарищ Троцкий.

Я просил бы вас очень взять на себя защиту грузинского дела на Ц.К. партии. Дело это находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем наоборот. Если бы вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным...»

Но остаться спокойным Ленину не удается. С большим опозданием он узнал о том, как Сталин кричал на Надежду Константиновну. Особенно неприятно ему было узнать, что Каменеву и Зиновьеву все известно, следовательно, слухи об этой истории могли распространиться достаточно широко.

В тот же день, 5 марта, утром, после того как Крупская уехала в наркомат просвещения, где она работала, Владимир Ильич продиктовал личное и строго секретное письмо:

«*Товарищу Сталину*

Копия тт. Каменеву и Зиновьеву

Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хоть она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня.

Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения».

Ленин велел Володичевой запечатать письмо и отправить Сталину. Когда вернулась Крупская, она попросила не спешить с отправкой письма. Вероятно, она справедливо опасалась, что эта история может сказаться на здоровье Владимира Ильича и хотела как-то успокаивающе поговорить с мужем, а возможно, и со Сталиным — пусть он сам извинится, и об этой истории можно будет забыть.

Но разговор не состоялся. 6 марта Ленину стало хуже.

7 марта Володичева вручила Сталину письмо Владимира Ильича. Абсолютно уверенный в себе генсек тут же написал еле живому Ленину высокомерно-снисходительный ответ:

«*Т. Ленину от Сталина*

Только лично

Т. Ленин!

Недель пять назад я имел беседу с т. Н. Константиновной, которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: «Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем Вы, Надежда Константиновна, оказывается, нарушаете этот режим; нельзя играть жизнью Ильича» и пр.

Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное, предпринятое «против» Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрейшего Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут, да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения «отношений» я должен «взять назад» сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя «вина» и чего, собственно, от меня хотят».

Это письмо Ленин уже не прочитал. Сначала не хотели показывать сталинский ответ, чтобы ему не стало хуже. А 10 марта его разбил третий удар, от которого Владимир Ильич уже не оправился и влиять на политическую жизнь страны больше не мог. Руки у Сталина были развязаны...

После Гражданской войны отношения Ленина и Троцкого усложнились. Пока шла война, у них практически не было разногласий. Когда встал вопрос, как восстанавливать нор-

мальную жизнь, начались споры, иногда очень жесткие. Впрочем, и Ленин и Троцкий считали споры и дискуссии естественным и необходимым делом. На личных отношениях это не отражалось.

В середине июля 1922 года уже тяжело больной Ленин, откликаясь на какое-то обострение отношений в политбюро, писал Каменеву: «Выкидывать за борт Троцкого — ведь на то Вы намекаете, иначе нельзя толковать — верх нелепости. Если Вы не считаете меня оглупевшим уже до безнадежности, то как Вы можете это думать???? Мальчики кровавые в глазах...»

На одном партийном совещании во время XI съезда партии в марте 1921 года Ленин говорил, что, несмотря на разногласия, «мы с Троцким сойдемся». И тут же добавил: «Он в аппарат влюблен, а в политике ни бе ни ме». Троцкий, наверное, обиделся, узнав, что о нем говорил Владимир Ильич. Но Ленин был недалек от истины...

Почему Троцкий вел себя так вяло и безынициативно, когда Ленин фактически выталкивал его на первые роли? Председатель Реввоенсовета оказался наивен, он не верил в то, что его могут свергнуть с вершины власти. По-настоящему он не стремился к первой роли. Ему нравилась его роль мудреца, который с недосягаемой вершины взирает на происходящее. Он не был охвачен этой неутихающей страстью к власти, поэтому и проиграл.

Завещание Ленина, как его ни толкуй, содержит только одно прямое указание: снять Сталина с должности генсека, остальных менять не надо, хотя Ленин и указал — довольно болезненным образом — недостатки каждого из самых заметных большевиков. Но получилось совсем не так, как завещал Владимир Ильич. Сталин — единственный, кто остался на своем месте. Остальных он со временем уничтожил.

Более того, само письмо Ленина стали считать троцкистским документом, чуть ли не фальшивкой. Сам Сталин предпочитал говорить о так называемом «завещании Ленина».

Ленин готовил это письмо к очередному, то есть XII съезду, который состоялся еще при его жизни. Как и всякий человек, он не верил в скорую смерть и надеялся на выздоровление. Но Сталин сделал все, чтобы письмо Ленина не дошло до делегатов съезда, которые — при жизни Владимира Ильича — могли бы и потребовать исполнения ленинских указаний.

Троцкий, обиженный резкостью ленинских слов и совершенно не понимая, что последует дальше, не позаботился о том, чтобы письмо Ленина стало известно делегатам.

На съезде выступление Троцкого было встречено такой бурной овацией, таким длительным, несмолкаемым громом аплодисментов, что Сталин и другие члены политбюро позеленели от зависти и злобы. А Ворошилов сказал, что «подобные овации просто неприличны, так можно встречать только Ленина».

Увидев, как вслед за Троцким в зал заседаний входит член ЦК Карл Радек, Ворошилов сказал:

— Вот идет Лев, а за ним его хвост.

Остроумный Радек ответил ему четверостишием:

У Ворошилова тупая голова,
Все мысли в кучу свалены,
И лучше быть хвостом у Льва,
Чем задницей у Сталина.

Делегации, которые приходили приветствовать съезд, провозглашали: «Да здравствуют наши вожди Ленин и Троцкий!» Имя Сталина они не вспоминали.

Троцкий увидел в этом признание партией его таланта и авторитета. А Сталин и другие твердо решили, что от Троцкого нужно избавиться. После XII съезда Сталин и его сторонники повели против председателя Реввоенсовета открытую борьбу.

Еще во время так называемой дискуссии о профсоюзах, когда партийная печать получила из аппарата команду атаковать Троцкого, Лев Семенович Сосновский, редактор газеты «Беднота», встретил Сталина во дворе Кремля и спросил:

— Почему вы обостряете эту борьбу?

Сталин объяснил наивному журналисту:

— Вы думаете, речь идет о судьбе профсоюзной резолюции? Речь идет о том, кому руководить партией.

Троцкий, окруженный множеством восторженных поклонников, не считал нужным готовить себе базу поддержки. Он не понимал, что это необходимо. За послереволюционные годы он привык к аплодисментам, восторженному приему, восхвалениям и считал, что так будет всегда. Западные коммунисты вообще говорили о нем как о символе революции.

В октябре 1922 года, когда Ленин еще был жив и действовал, Карл Радек выдал порцию комплиментов председателю Реввоенсовета:

«Если т. Ленина можно назвать разумом революции, господствующим через трансмиссию воли, то т. Троцкого мож-

но охарактеризовать как стальную волю, обузданную разумом. Как звук колокола, призывающего к работе, звучала речь Троцкого...»

14 марта 1923 года «Правда» выпустила специальный номер, посвященный двадцатипятилетию образования социал-демократической партии в России. Все видные большевики представили в этот спецвыпуск свои статьи.

Самой заметной оказалась статья Карла Радека «Лев Троцкий — организатор побед»:

«Государственная машина наша скрипит и спотыкается. А что у нас вышло действительно хорошо, — это Красная Армия. Создатель ее, волевой центр ее, это — РКП в лице товарища Троцкого. Русская революция в военном деле действовала через мозг, через нервную систему и сердце этого великого своего представителя...

Только человек, так работающий, как Троцкий, только человек, умеющий так говорить солдату, как говорил Троцкий, — только такой человек мог сделаться знаменосцем вооруженного трудового народа...

Без него создание Красной Армии и ее победы требовали бы во много раз больше жертв. Если наша партия войдет в историю как первая партия пролетариата, которая сумела построить великую армию, то эта блестящая страница истории русской революции будет навсегда связана с именем Льва Давидовича Троцкого как человека, труд и дело которого будут предметом не только любви, но и науки новых поколений рабочего класса, готовящихся к завоеванию всего мира».

Статья Радека была воспринята однозначно: место заболевшего Ленина по праву может занять только один человек — Лев Давидович Троцкий. Можно представить себе, с какой ненавистью читал эту статью Сталин...

Но так думал не один только Радек.

Луначарский по-прежнему ставил Троцкого рядом с Лениным: «Ленин и Троцкий давно уже числились в наших рядах людьми столь огромного дарования, столь бесспорными вождями, что особенного удивления колоссальный рост их во время революции ни в ком вызывать не мог».

Поэт Сергей Есенин после встречи с Троцким сказал, что председатель Реввоенсовета — «идеальный тип человека».

Троцкий обладал даром увлекать за собой людей и не меньшим даром рождать врагов. Сталин возненавидел его в Царицыне, Зиновьев, председатель исполкома Коминтерна и хозяин Петрограда, — осенью 1919 года, когда он боялся, что наступающие войска Юденича возьмут город, и струсил, а

Троцкий не счел нужным скрыть своего презрения к петроградскому вождю.

Троцкий сторонился этих людей и демонстративно остался в одиночестве.

«Хождение друг к другу в гости, прилежное посещение балета, коллективные выпивки, связанные с перемыванием косточек отсутствующих, никак не могли привлечь меня. Новая верхушка чувствовала, что я не подхожу к этому образу жизни. Меня даже и не пытались привлечь к нему. По этой самой причине многие групповые беседы прекращались при моем появлении, и участники расходились с некоторым конфузом за себя и с некоторой враждебностью ко мне. Вот это и означало, если угодно, что я начал терять власть».

Его положение в партии зависело от Ленина. Когда Ленин умер, звезда Троцкого закатилась, потому что он ничего не сделал ради удержания власти.

И по сей день историки ведут споры, кто же был вторым человеком в стране и партии после Ленина — Сталин или Троцкий? Рассекреченные спецсводки ОГПУ, которые после смерти Ленина составлялись ежедневно, свидетельствуют о том, что народ считал наследником Троцкого:

«Население не верит, что Троцкий болен... Среди масс наблюдается недовольство тем, что т. Троцкий отстранен... В связи с партдискуссией и болезнью т. Троцкого ходят толки, что портреты т. Троцкого уничтожаются, что т. Троцкий выступает против коммунистов ввиду того, что угнетают рабочих, что он арестован и находится в Кремле...»

Имя Сталина в спецсводках не упомянуто ни разу. В народе его просто не знали. Именно потому, что Троцкий многими воспринимался как законный преемник Ленина, он вызывал страх и ненависть у товарищей по политбюро.

Они все сплотились против Троцкого. И Зиновьев, и Каменев, и другие подозревали, что, если Лев Давидович станет во главе партии и государства, он выбросит их из партийного руководства. Поэтому недавние соратники сделали ставку на Сталина, ненавидевшего Троцкого. И тем самым подписали себе смертный приговор — со временем Сталин их всех уничтожит...

Троцкого фактически изолировали. Шестеро других членов политбюро собирались без него и все решали, на официальное заседание выносился уже готовый документ. Если Троцкий возражал, он оставался в полном одиночестве.

12 июля 1923 года «Правда» поместила его статью с протестом против широкой продажи водки — страна еще фак-

тически жила в условиях сухого закона. В тот же день Сталин от имени политбюро (из семи членов политбюро наличествовали только двое — Сталин, Каменев, а также кандидат в члены политбюро Ян Эрнестович Рудзутак) потребовал «воздержаться от помещения в «Правде» дискуссионных статей по вопросу о продаже водки».

Во время отпуска Бухарина обязанности ответственного редактора газеты исполнял Евгений Алексеевич Преображенский, известный экономист, в недавнем прошлом секретарь ЦК и член оргбюро. Преображенский возмутился:

«Никакое новое решение в направлении возврата к продаже водки не может быть проведено без всестороннего и публичного обсуждения вопроса и без твердого большинства в партии за эту меру. Поэтому, не касаясь вопроса по существу (я лично против продажи водки), я нахожу совершенно ошибочным решение Политбюро от 12 июля и прошу об его отмене».

Сталин даже рад был поводу убрать из «Правды» Преображенского, сторонника Троцкого. 25 июля генсек писал Зиновьеву, отдыхавшему в Кисловодске:

«Вы, должно быть, знаете, что в связи с известным фельетоном Наркомвоена (в «Правде») против водки политбюро предложило «Правде» воздержаться от дискуссии по вопросу о водке. В ответ на это Преображенский прислал заявление в политбюро об ошибочности этого решения, «принятого частью ЦК» (то есть — политбюро), с просьбой отозвать его из «Правды».

Одновременно он сказал Сольцу (Аарон Александрович Сольц — член президиума Центральной контрольной комиссии партии. — *Авт.*), что «дело может дойти до раскола». Видимо, некоторые товарищи ищут «удобного» повода для очередного шума. Я думаю, что придется удовлетворить просьбу Преображенского, освободив его от тяжелой работы в «Правде» и создав какую-нибудь «временную редакционную группу»...»

Через день, 27 июля, политбюро постановило: «Признать, что письмо т. Преображенского является недопустимым по тону и непозволительным по содержанию. Удовлетворить просьбу т. Преображенского об освобождении его от работы в «Правде».

Преображенского заменила коллегия из шести человек во главе с Андреем Бубновым.

Редактор «Правды» Бухарин, отдыхавший в Кисловодске, возмущенно писал Каменеву, что Сталин «даже меня вывел

из терпения, передав «Правду» Бубешке, даже не запросив меня. В результате М.И. Ульянова вызывает меня в Москву, все бунтуют. Не написали даже толком, почему выставили Преображенского. Так швыряться людьми нельзя, даже если они не правы».

Но Сталин не обратил внимания на протесты Бухарина.

Преображенский впоследствии отошел от политической деятельности, работал в наркомате финансов, Госплане, наркомате совхозов. В 1937 году его расстреляли...

Троцкий пытался сопротивляться, говорил, что в партии исчезает демократия, дискуссии становятся невозможными, партийные организации привыкают к тому, что не избранные, а назначенные сверху секретари ими просто командуют.

5 октября 1923 года Троцкий отправил письмо в политбюро, в котором писал, что «секретарскому бюрократизму должен быть положен предел... Партийная демократия должна вступить в свои права, без нее партии грозит окостенение и вырождение».

Верх в партии брали именно назначенные сверху секретари, но в партийных массах Троцкий все еще был популярен. И политбюро вынуждено было заявить:

«Будучи несогласным с т. Троцким в тех или иных отдельных пунктах, политбюро в то же время отметает как злой вымысел предположение, будто в ЦК партии есть хотя бы один товарищ, представляющий себе работу политбюро, ЦК и органов государственной власти без активнейшего участия т. Троцкого...» Это означало, что исход борьбы был еще неясен.

Но в решающий момент Троцкий сам вышел из игры, сильно заболев осенью 1923 года. Пока он лежал в постели, Сталин, Зиновьев и Каменев убирали сторонников Троцкого со всех ответственных постов.

ПУТЬ В ССЫЛКУ

В вооруженных силах Сталина практически не знали. Для военных безусловным лидером был Лев Троцкий, поэтому генеральный секретарь предпринял особые усилия для того, чтобы лишить опасного соперника его опоры.

В сентябре 1923 года на пленуме Центрального Комитета люди Сталина предложили ввести в Реввоенсовет Республики нескольких членов ЦК — для укрепления партийного влияния. Троцкий выступил против, ловко сославшись

на то, что новый состав РВС за границей истолкуют «как переход к новой, то есть агрессивной политике».

Сталин попытался ввести в Реввоенсовет хотя бы преданного ему Ворошилова «специально для наблюдения за военной промышленностью». Троцкий отбил и это предложение: как сможет Ворошилов заниматься промышленными делами, если он командует войсками Северо-Кавказского военного округа и постоянно находится в Ростове-на-Дону?

8 октября 1923 года Троцкий написал письмо всем членам ЦК и ЦКК, сообщая, что ему понятны причины атаки на военное ведомство. Он процитировал слова председателя Центральной контрольной комиссии, то есть партийной инквизиции, Валериана Куйбышева, который откровенно сказал Троцкому:

— Мы считаем необходимым вести против вас борьбу, но не можем вас объявить врагом; вот почему мы вынуждены прибегать к таким методам.

Троцкий критиковал ЦК за распространяющийся в партии бюрократизм и свертывание демократии и предупреждал, что аппарат встал над партией. «Партия живет на два этажа, — писал председатель Реввоенсовета, — в верхнем решают, в нижнем только узнают о решениях». Мнение рядовых членов партии не спрашивают, а они не смеют возражать против мнения начальства. Такая система сводит на нет внутрипартийную жизнь. А любые возражения рассматриваются как проявление фракционности.

Выступая потом на съезде, Троцкий говорил:

— Если я, по мнению иных товарищей, напрасно рисовал те или другие опасности, то я, со своей стороны, считаю, что я выполняю свой долг члена партии. Не только у отдельного члена партии, но даже у самой партии могут быть отдельные ошибки...

Сталин не признавал за собой никаких ошибок.

15 октября 1923 года сорок шесть известных в стране людей, старые большевики, активные участники революции и Гражданской войны, члены ЦК и наркомы, независимо от Троцкого обратились в ЦК и ЦКК с письмом: «Продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии» — и требовали создать внутри партии режим «товарищеского единства и внутрипартийной демократии».

«Заявление 46» не было связано с обращением Троцкого, но Сталин искусно превратил оба письма в фракционное выступление, что считалось тяжким преступлением против

партии. Всякое высказывание Троцким его точки зрения классифировалось как фракционная борьба, хотя он выступал только от своего имени и не пытался сформировать вокруг себя группу.

Причем Сталин не торопился, понимая, что слишком резкие выступления против Троцкого удивят партию, и старался сделать так, чтобы партийная масса не поняла, в чем суть разногласий между Троцким и большинством политбюро.

В ноябре 1923 года секретарь Полтавского губкома партии прислал Сталину личное письмо, жалуясь на то, что «секретари губкомов абсолютно не в курсе дела, не информируются ЦК о внутрипартийном состоянии, когда к величайшему нашему прискорбию об этом всюду говорят, об этом сплетничают в беспартийных кругах.

Я особенно имею в виду последнее разногласие в ЦК РКП, заявление тов. Троцкого и платформу 46. Ни заявления тов. Троцкого, ни платформу 46, само собой разумеется, читать не пришлось».

Что уж говорить о рядовых членах партии и вообще о стране, если даже крупный партийный руководитель не знал, что послужило поводом для бешеной атаки на Троцкого?

Сталин ответил в самых успокоительных тонах:

«Беда в том, что нельзя обо всем писать. Например, ЦК постановил не сообщать партийным организациям резолюции Пленума ЦК и ЦКК в октябре этого года по поводу некоторых разногласий внутри Политбюро. Разногласия эти, в сущности, не велики, они уже разрешены Пленумом ЦК и ЦКК, сами недоразумения отпали целиком или почти целиком, ибо мы продолжаем работать дружно».

В реальности атаки на Троцкого усиливались по мере того, как становится ясно, что Ленин уже не вернется к работе. За неделю до смерти Владимира Ильича XII Всероссийская партконференция осудила и высказывания Троцкого, и «письмо 46». Хотя, надо понимать, большая часть делегатов конференции следовала за политбюро, не очень понимая, за что и против чего воюет Лев Давидович.

Троцкого обвинили в том, что он создает в партии оппозицию, представляющую опасность для государства, поскольку в поддержку председателя Реввоенсовета высказывались партийные организации в вооруженных силах и молодежь. Выступления Троцкого для пущей убедительности именовались «мелкобуржуазным уклоном».

Судя по всему, эти решения партконференции, разносящие Троцкого в пух и прах, доконали Ленина. Он порвал со

Сталиным и просил Троцкого отстаивать его позиции в политбюро. Когда Владимиру Ильичу прочитали материалы конференции, писала Надежда Константиновна Крупская, Ленин стал «волноваться». Это было 20 января 1924 года. На следующий день, 21 января, ему стало плохо, а вечером он умер от кровоизлияния в мозг.

Через несколько дней после его смерти Крупская написала Троцкому письмо:

«Дорогой Лев Давидович.

Я пишу, чтобы рассказать вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечесть ему это место, слушал очень внимательно, потом еще просматривал сам.

И еще вот что хочу сказать: то отношение, которое сложилось у Владимира Ильича к вам тогда, когда вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти. Я желаю вам, Лев Давидович, сил и здоровья и крепко обнимаю».

Но Ленина больше не было, и сталинский аппарат методично уничтожал Троцкого.

На январском 1924 года пленуме ЦК было решено образовать комиссию для проверки состояния Красной армии.

В комиссию вошли новый секретарь ЦК Андрей Андреев, заведующий отделом ЦК Андрей Бубнов, командующий Северо-Кавказским округом Климент Ворошилов, первый секретарь Закавказского крайкома Серго Орджоникидзе, переведенный из ГПУ в Реввоенсовет Иосиф Уншлихт, член Реввоенсовета Михаил Фрунзе, член президиума ЦКК и нарком рабоче-крестьянской инспекции Николай Шверник...

Руководителем комиссии стал Сергей Иванович Гусев, которого после возвращения из Туркестана, где он боролся с басмачами и занимался объединением Туркестана, Хорезма и Бухары, сделали руководителем инспекции Центральной контрольной комиссии партии по армии и флоту.

Гусев имел все основания ненавидеть Троцкого.

В январе 1921 года Сергей Иванович был утвержден начальником Политического управления Реввоенсовета Республики. Но Троцкий его с этой должности убрал.

7 ноября 1921-го Троцкий отправил Ленину записку:

«Я уже несколько раз говорил в Политбюро, что у нас фактически нет Пура. Это значит, что мы не можем как следует провести ни одной серьезной меры.

Член Реввоенсовета Украинского фронта Андрей Бубнов и руководители Первой конной армии Климент Ворошилов и Семен Буденный в 1919 году

Командующий Южным фронтом Александр Егоров и член Реввоенсовета Сталин

Андрей Бубнов, член Военно-революционного комитета в Петрограде, в 1917 году

Михаил Фрунзе — студент экономического отделения Петербургского политехнического института

Командующий Северо-Кавказским военным округом Ворошилов и член РВС округа Бубнов в 1921 году

Андрей Бубнов, начальник Политического управления Красной армии, в своем кабинете

Новые руководители Красной армии Фрунзе и Бубнов на параде в Москве

После изгнания Троцкого и уничтожения знаменитых полководцев погибший в 1919 году при странных обстоятельствах начальник 1-й Украинской советской дивизии Николай Щорс остался одним из немногих героев Гражданской войны

Михаил Лашевич (слева, в военной форме), будущий заместитель председателя Реввоенсовета Республики и оппозиционер, рядом с Лениным

Сталин в своем рабочем кабинете в Кремле

Ленин и Сталин. Даже проницательный Владимир Ильич не понимал, кого он сделал генеральным секретарем

Надежде Константиновне Крупской пришлось непросто. Сначала у нее на руках тяжело умирал Владимир Ильич, потом на ее глазах уничтожили почти всех его соратников

Товарищ Гусев — устал, всегда опаздывает и запаздывает, не слушает, не проявляет никакой инициативы. Товарищу Гусеву нужен длительный отпуск.

На его место нужно поставить энергичного, опытного, политически авторитетного работника. Мы выдвигали кандидатуры И.Н. Смирнова, Серебрякова, Белобородова. Они получали другие назначения. Со своей стороны Оргбюро никаких кандидатур не выдвигает.

Я считаю, что Центральный комитет недооценивает чрезвычайной критичности положения армии. У нас теперь не армия 1919/20 гг., а совершенно новая:

1) обиженный и недовольный комсостав;

2) сырой крестьянский молодняк в качестве красноармейской массы;

3) децимированный и расшатанный чисткой коммунистический состав.

В известный момент может оказаться, что у нас не армия, а карточный домик.

В этих условиях роль Пура огромна. А у нас Пура нет».

В январе 1922 года Гусев покинул свою должность, а в феврале был отправлен на Туркестанский фронт.

Два года спустя Сергей Иванович получил вожделенную возможность сквитаться.

3 февраля 1924 года пленум ЦК рассмотрел вопрос о ситуации в армии. Докладывал Гусев. Он опять обрушился на Троцкого за выдвижение военных специалистов:

— Во всех наших главных управлениях имеется засилье старых спецов, генералов... Реввоенсоветом не велось политики, направленной к тому, чтобы постепенно сменять старых спецов и ставить новых работников, которые у нас выросли в годы Гражданской войны, которые после Гражданской войны обучались и которые способны теперь занимать более высокие посты и справляться с делом лучше, чем старые спецы...

Пленум ЦК постановил: «Заслушав доклад комиссии и единогласно принятые ею резолюции, пленум ЦК констатирует наличие в армии серьезных недочетов (колоссальная текучесть, полная неудовлетворительность постановки дела снабжения и пр.), угрожающих армии развалом».

Пленум образовал комиссию в составе секретаря ВЦСПС Михаила Томского, заместителя председателя Госплана Георгия Пятакова, командующего войсками Сибирского военного округа Михаила Лашевича и Сергея Гусева «для обсуждения и выработки совместно с тов. Троцким

проекта срочных мер, необходимых для оздоровления и укрепления армии».

Всю вину за бедственное положение армии возложили на Реввоенсовет.

Троцкий отверг обвинения, считая их интригами политбюро против армии, писал, что «всякими обиняками, а иногда и довольно открыто Реввоенсовет противопоставляется партии». Он резонно замечал, что беспособность армии «зависит сейчас на девять десятых не от военного ведомства, а от промышленности». Троцкий говорил, что армии сознательно не дают денег.

И был прав.

Исследование, опубликованное в «Военно-историческом журнале» (2001, № 11), показывает, что бюджет армии резко сократили после того, как Ленин, заболев, перестал работать.

После Гражданской войны началось сокращение ассигнований на вооруженные силы. Первоначально они были совершенно разумны, потому что быстрыми темпами шло сокращение армии. Но когда сокращение закончилось, военные ассигнования все равно урезали и урезали.

В феврале 1924 года Реввоенсовет принял решение: «Поставить перед правительством вопрос о неизбежности в случае неассигнования необходимых сумм, либо сокращения национальных формирований, либо сокращения армии».

Через две недели Реввоенсовет констатировал: «Ассигнования, произведенные на армию на февраль и март, ставят армию нынешней численности в совершенно тяжкое положение, еще более ухудшающее ее нынешнее положение». Уже не на что стало кормить армию и проводить боевую учебу.

Тем не менее сокращение военных расходов продолжалось. Предложенную правительством смету расходов Реввоенсовет признал «совершенно неприемлемой и противоречащей интересам обороны». 17 августа 1924 года Реввоенсовет сообщил, что дальнейшее сокращение расходов требует новых сокращений армии. Результат предсказать несложно: «армия такой численности, то есть ампутированная на треть, ни в коем случае не может отвечать задачам обороны, имея в виду реальные силы возможных врагов».

Беспристрастный анализ экономического и финансового положения страны показывает, что не было нужды доводить армию до такого положения. Все это делалось только для того, чтобы подорвать позиции Троцкого, обвинить его в плохом управлении вооруженными силами и настроить против него Красную армию.

Как только Троцкого убрали из армии, деньги нашлись. На том же январском (1925 года) пленуме ЦК, который утвердил Фрунзе председателем Реввоенсовета, Михаил Васильевич попросил дополнительно выделить армии пять с половиной миллионов рублей. И пленум выделил эти деньги! Осенью 1925 года по просьбе Фрунзе было принято решение повысить денежное содержание всему начальствующему составу Красной армии. В 1928-м на армию тратили вдвое больше, чем в 1924-м.

Февральский пленум 1924 года поручил провести оздоровительную работу в армии. В Сухуми, где лечился Троцкий, приехала делегация ЦК — член политбюро Михаил Томский, член ЦК Пятаков, Фрунзе и Гусев, — чтобы согласовать с ним кадровые перемены в Реввоенсовете Республики. По словам Троцкого, «это была чистейшая комедия» — все было решено заранее.

Первой жертвой стал заместитель председателя Реввоенсовета Эфраим Маркович Склянский, верный помощник Троцкого на протяжении всей Гражданской войны.

«На нем прежде всего выместил Сталин свои неудачи под Царицыном, свой провал на Южном фронте, свою авантюру под Львовом», — писал Троцкий.

Военному врачу Склянскому не было и тридцати лет, когда он стал человеком номер два в военном ведомстве Советской России. Принимал активное участие в Октябрьском вооруженном восстании. 25 октября 1917 года Склянский с отрядом красногвардейцев занял штаб Петроградского военного округа.

Он был включен в состав коллегии наркомата по военным и морским делам, возглавил Военно-хозяйственный совет и занимался организацией и снабжением Красной армии. 23 ноября 1917-го его утвердили заместителем наркома по военным делам, возложив на него обязанности осуществлять общее управление военным министерством.

Когда наркомом стал Троцкий, он сразу оценил организационные таланты своего заместителя. В марте 1918-го Склянского ввели в Высший военный совет, затем в РВС Республики. 26 октября 1918-го Склянский был утвержден заместителем председателя Реввоенсовета. Он, по словам Троцкого, отличался «деловитостью, усидчивостью, способностью оценивать людей и обстоятельства», то есть он был умелым администратором, или, как сейчас бы сказали, менеджером.

Склянский вспоминал, с чего начиналась Красная армия: «Действующая армия слагалась сначала из отдельных мелких

отрядов, действующих на далеких окраинах. Армии, как таковой, в сущности, не было, и Народному комиссариату по военным делам приходилось руководить этими небольшими отрядами, иной раз не выше роты, находящимися вдобавок вне пределов досягаемости».

Сергей Иванович Гусев, который приложил руку к отставке Склянского, и тот должен был признать на пленуме ЦК:

— Вы знаете, что сначала был Реввоенсовет, состоящий из огромного количества членов, которые фиктивно числились, а фактически руководил делом товарищ Склянский, который сидел в Москве.

«Склянский, — писал Троцкий, — председательствовал в мое отсутствие в Реввоенсовете, руководил всей текущей работой комиссариата, то есть главным образом обслуживанием фронтов, наконец, представлял военное ведомство в Совете Обороны, заседавшем под председательством Ленина... Он был всегда точен, неутомим, бдителен, всегда в курсе дела. Большинство приказов по военному ведомству исходило за подписью Склянского...»

Сохранилась обширная переписка Ленина со Склянским, который был для вождя главным источником информации о положении на фронтах и главным исполнителем ленинских приказов. На протяжении всей Гражданской войны практически всякий документ по военным делам Ленин переправлял Склянскому на отзыв и полагался на его мнение.

Ленин очень высоко его ставил и говорил: «Прекрасный работник!» Ленин сделал Склянского членом ВЦИК и Совета Обороны. Владимир Ильич ценил Эфраима Марковича и как постоянного партнера по шахматам, хотя обыкновенно ему проигрывал.

Сталин, ясное дело, ненавидел Склянского, который требовал от него полного подчинения приказам Реввоенсовета.

3 марта 1924 года политбюро приняло решение освободить Склянского от должности и назначить вместо него Фрунзе. 11 марта это решение утвердил пленум ЦК. Сменивший Склянского Михаил Васильевич Фрунзе говорил на пленуме ЦК:

— Не хочу и не могу упрекать товарища Склянского в том, что он виноват в непринятии каких-либо мер. Сам он сделал все, что было в его силах, для того, чтобы отстоять интересы армии в соответствующих инстанциях. Его работа протекала у меня на глазах, и я свидетельствую, что она выполнялась с должной энергией. Но беда в том, что он не

имел достаточного партийного авторитета, благодаря чему все эти усилия сплошь и рядом не могли дать военному ведомству и Красной армии необходимых результатов.

Пока жив был Ленин, он прислушивался к Склянскому. После его смерти Склянского рассматривали как человека Троцкого, которого необходимо убрать вне зависимости от того, полезно это или вредно для дела.

Дзержинский, ценивший умелых работников, попросил перевести Склянского в Высший совет народного хозяйства, который ведал всей промышленностью страны. Бывшего заместителя военного министра поставили во главе треста «Моссукно».

Летом 1925 года Склянский перед поездкой в Соединенные Штаты, где он намеревался закупить новые станки для суконной промышленности, зашел к Троцкому. Они ностальгически вспоминали прошлое, и Склянский вдруг спросил своего недавнего начальника:

— Скажите мне, что такое Сталин?

Склянский сам прекрасно знал Сталина. Он, видимо, ждал, что Троцкий объяснит, каким образом этот человек добился власти. Но бывший председатель Реввоенсовета удовлетворился высокомерной формулой:

— Сталин — это наиболее выдающаяся посредственность нашей партии.

Склянский понимающе кивнул. Они оба сильно ошиблись в Иосифе Виссарионовиче.

В Соединенных Штатах Склянский трагически погиб. Его смерть показалась более чем странной.

Вместе с председателем «Амторга» Исаем Яковлевичем Хургиным они пошли на озеро кататься. Поднялся сильный ветер, лодка, на которой они катались, перевернулась. Оба утонули.

20 сентября 1925 года урну с прахом Эфраима Склянского похоронили на Новодевичьем кладбище.

Троцкий произнес прощальную речь в Клубе красных директоров. Она была напечатана в «Правде» 23 сентября 1925 года:

«Это была превосходная человеческая машина, работавшая без отказа и без перебоев. Это был на редкость даровитый человек, организатор, собиратель, строитель, каких мало... Он сразу же сумел внушить к себе доверие и уважение своей деловитостью, своей проницательностью, своей твердой рукой, своим метким глазом. Я бы сказал, что у него был подлинно «хозяйский глаз»...

Я его никогда не видел в испуге или панике, а между тем за все годы гражданской войны он был тем средоточием, где собирались прежде всего все сведения, донесения, рапорты о всех злоключениях и бедствиях на наших фронтах... Был период, когда казалось, что все рушится, рассыпается, что почва исчезает из-под ног. А Склянский непоколебимо сидел у телефона, принимал донесения, рапорты, сносился по прямому проводу, запрашивал, приказывал, проверял...

В любое время дня и ночи можно было позвонить по кремлевскому проводу: «Дайте Склянского», — и Склянский всегда своим осипшим от переутомления голосом давал последние справки о том, как обстоит дело на таком-то фронте, — кратко, деловито, точно».

Первым заместителем наркомвоенмора и председателя РВС сделали Михаила Фрунзе, как лицемерно сказал на партийном съезде Зиновьев, «в помощь товарищу Троцкому», а в реальности ему на смену.

В Реввоенсовет против воли Троцкого ввели его врагов — Бубнова, Буденного, Орджоникидзе, Ворошилова, которого, наконец, перевели в столицу и назначили командующим Московским военным округом вместо преданного Троцкому Николая Муралова.

В апреле 1927 года на пленуме ЦК член политбюро и глава профсоюзов Михаил Павлович Томский вспоминал:

— Как с Троцким боролись? Троцкого оставляли в руководстве, а троцкинят снимали везде и всюду.

Антонова-Овсеенко на посту начальника политуправления сменил Андрей Бубнов, который до этого заведовал отделом агитации и пропаганды ЦК партии. Он проводил чистку армии от сторонников Троцкого под предлогом введения в армии единоначалия («Военно-исторический журнал», 2001, № 10).

Бубнова никто не включал в сталинскую группу, потому что Андрей Сергеевич в 1923 году подписал «заявление 46» с протестом против ущемления демократии в партии. Но Бубнов довольно быстро открестился от своей подписи, о чем написал короткую статью в «Правде».

— И в тот же день, — рассказывал Бубнов на пленуме ЦК в 1929 году, — не кто иной, как тов. Сталин позвонил мне по телефону и по этой статье умозаключил, что я на всех драках с Центральным Комитетом в тот период поставил крест, и точка.

С этой минуты Сталин знал, что завоевал себе еще одного сторонника и мог твердо рассчитывать на Андрея Бубнова.

Троцкий в 1923 году издал приказ № 511, который сужал права комиссара в воинской части и вообще допускал отсутствие комиссара даже при беспартийном командире. Бубнов возмутился: как же без комиссаров! — и добился отмены приказа.

Но четырнадцать крупных военачальников обратились в ЦК с предложением отказаться от института военных комиссаров и ввести единоначалие, потому что комиссарам в мирное время заняться нечем и они только пишут доносы на своих командиров. А военачальники, прошедшие Гражданскую войну, члены партии, сами обрели политический опыт и вполне могут обойтись без комиссаров.

После долгих обсуждений в июне 1924 года оргбюро ЦК образовало комиссию по военным делам во главе с Бубновым, которая занялась отбором военачальников, которые могли бы стать командирами-единоначальниками, то есть одновременно исполнять и обязанности комиссара.

Военные политработники испугались, что им вообще придется уйти из армии. Но им объяснили, что, если они займут правильную позицию во внутрипартийных дискуссиях, то останутся на политработе, а то и сами станут командирами.

ЦК принял постановление «О единоначалии в Красной Армии». 2 марта 1925 года новый председатель Реввоенсовета Михаил Васильевич Фрунзе издал приказ Реввоенсовета «О введении единоначалия в РККА». Сначала командиры-единоначальники появились в армии, а потом на флоте.

Многих видных политработников, сторонников Троцкого, убрали из армии и разбросали по стране. Остальные стали голосовать исключительно за Сталина.

Бубнов приказал исключить из программы политзанятий беседу с красноармейцами на тему «Вождь Красной армии тов. Троцкий». Портреты Троцкого исчезли из казарм и военных городков. Перестали изучать его биографию и труды, выбирать его в почетный президиум. Красные уголки стали заменяться ленинскими уголками. Против Троцкого боролись, поднимая Ленина, пытаясь представить Владимира Ильича крупным военным теоретиком и единственным руководителем вооруженных сил в Гражданской войне.

Пока Троцкий лежал с температурой и молчал, страну мобилизовали на борьбу с троцкизмом. Он вернулся в Москву только во второй половине апреля 1924 года, когда Ленина уже похоронили, а его, по существу, лишили власти.

В августе 1924 года большая группа членов ЦК заключила союз против Троцкого. Отныне все решения принимала «се-

мерка» — все члены политбюро, кроме Троцкого, и председатель Центральной контрольной комиссии Валериан Куйбышев. Они собирались накануне заседаний политбюро и обсуждали все вопросы. На формальных заседаниях политбюро утверждалось то, что уже решила «семерка».

Причем «семерка» действовала практически официально. Кандидатами в состав «семерки» утвердили председателя ВЧК Дзержинского, председателя ЦИК Калинина, секретаря ЦК Молотова, первого секретаря МК и МГК партии Николая Александровича Угланова и заместителя наркомвоенмора Фрунзе.

Михаил Иванович Калинин был смущен такой политикой и написал Сталину письмо, в котором обращал его внимание на то, что «семерку» обвиняют «в узурпации прав членов партии, самодержавности». Более того, ее создание форсирует «раскол в партии», ведь фактически речь идет о создании фракции, которая всем управляет, а политбюро и ЦК превращаются в декоративные органы...

Текст письма найден в бумагах Калинина. Но неизвестно, рискнул ли Михаил Иванович отправить его адресату. «Семерка» действовала. Троцкий был отстранен от реальной политики.

Корней Чуковский записал в дневнике:

«26 ноября 1924. В Госиздате снимают портреты Троцкого, висевшие чуть не в каждом кабинете».

Бубнов провел совещание начальников политорганов армии и флота, которое обратилось в ЦК с предложением рассмотреть вопрос о пребывании Троцкого на высших военных постах. Это давало ЦК желанный повод сменить председателя Реввоенсовета. И опять же Лев Давидович ничего не предпринял, чтобы удержать за собой столь важный пост.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХИКИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Но может быть, это жестоко — укорять Троцкого за бездействие, если он был так болен, что не мог подняться с постели? Чем же он был болен? Его преследовала какая-то таинственная инфекция, у него постоянно держалась высокая температура. Поразительно, что лучшие врачи того времени так и не смогли поставить диагноз.

Весной 1926 года политбюро крайне неохотно позволило Льву Давидовичу отправиться в Берлин — он надеялся с помощью немецких врачей избавиться от преследовавшей его

температуры. Немецкие врачи постановили вырезать миндалины. Болезненная операция делалась без наркоза. Троцкому собирались связать руки, как это было принято тогда, но он вынес операцию стоически. Через некоторое время температура опять повысилась и никак не желала спадать.

По мнению врача и писателя Виктора Тополянского, вождь и организатор Красной армии страдал неврозом. Преследовавшая Троцкого лихорадка — психосоматический феномен, встречающийся у впечатлительных и сверхэмоциональных людей. Таким Лев Давидович и был; известно, что он даже иногда терял сознание, падал в обморок.

Пока Троцкий был занят сжигавшим его делом, пока он готовил вооруженное восстание в Петрограде или сдерживал напор Белой армии, он был целиком поглощен этим. Ни о каких неврозах не могло быть и речи. А когда война закончилась, в его жизни образовалась пустота. И он стал болеть...

Это предположение подкрепляется словами Георгия Валентиновича Плеханова, писавшего о Троцком: «Он обладает взрывным характером и при успехе может сделать очень многое в короткое время, но при неудаче легко впадает в апатию и даже растерянность».

Врачам, которые его лечили, считает Виктор Тополянский, это и не приходило в голову. Они боялись пропустить какую-то ужасную, неизвестную им инфекцию и тем самым усиливали в Троцком болезненные ощущения.

Но возможно, врачи, лечившие Троцкого, не так уж плохо понимали особенности его психического склада. Об этом свидетельствует документ, недавно извлеченный из секретного архива. Еще в мае 1921 года нарком здравоохранения Николай Семашко писал Ленину:

«Здоровье т. Троцкого опять ухудшилось. Я назначил консилиум из указанных здесь докторов и профессоров.

Как видно, две причины обострения болезни: 1) переутомление и 2) несоблюдение диеты вследствие отсутствия продуктов. Между тем ему необходима строгая продовольственная диета (куры, сливочное масло, белая мука).

Я очень прошу строжайше выдавать т. Троцкому продукты, как это предписано врачами, и в точности выполнять постановление ЦК по этому поводу».

Еще 23 апреля политбюро постановило: «Предписать т. Троцкому выехать для лечения на дачу, сообразуясь при выборе места и срока с предписанием врачей. Наблюдение за выполнением т. Троцким постановления возложить на т. Дзержинского».

Консилиум, состоявший из самых известных врачей того времени — Д.Д. Плетнева, Ф.А. Гетье и Л.С. Минора, пришел к такому выводу:

«У Л.Д. Троцкого хронический колит. Возможно, здесь есть неправильность морфологии толстых кишок. Необходим рентгеновский снимок для решения вопроса.

Обмороки — сосудисто-спастические рефлекторно со стороны кишок, быть может и самостоятельно, т. е. спазм сосудов психического происхождения (переутомление). Необходима поездка во вторую половину лета на Кавказ (Кисловодск—Ессентуки)».

Особенности психики не мешали Троцкому сохранять хладнокровие в самые опасные минуты. Он никогда не терял присутствия духа, даже когда его сажали в тюрьму или когда в него стреляли.

Троцкий проиграл Сталину не потому, что ему мешала слабая психика, а потому, что он фактически и пальцем не пошевелил для того, чтобы сохранить свое место в партийном руководстве.

Троцкий был необыкновенно яркой фигурой. Но ему не хватало того, что в избытке было у Ленина, а потом и у Сталина, — жажды власти. Он не был фанатиком власти. Он наивно полагал, что ему достаточно и того, что у него уже есть. Он не понимал, что борьбу за власть ведут до последнего смертного часа, а не только в годы революции и войны.

«О Троцком принято говорить, что он честолюбив, — писал Луначарский. — Это, конечно, совершенный вздор. Я помню одну очень значительную фразу, сказанну́ю Троцким по поводу принятия Черновым министерского портфеля:

— Какое низменное честолюбие — за портфель, принятый в неудачное время, покинуть свою историческую позицию.

Мне кажется, в этом весь Троцкий. В нем нет ни капли тщеславия, он совершенно не дорожит никакими титулами и никакой внешней властностью; ему бесконечно дорога, и в этом он честолюбив, его историческая роль».

И Луначарский вновь возвращается к этой мысли:

«Троцкий чрезвычайно дорожит своей исторической ролью и готов был бы, вероятно, принести какие угодно личные жертвы, конечно не исключая вовсе и самой тяжелой из них — жертвы своей жизнью, для того чтобы остаться в памяти человечества в ореоле трагического революционного вождя».

Так и вышло. Ради сохранения своего положения и власти Троцкий не пожелал пожертвовать своими убеждениями.

У него была масса достоинств — искрометный блеск ума, неисчерпаемый запас энергии, страстное красноречие и мужество, храбрость, решительность и способность брать на себя ответственность. Но это лишь часть портрета — Троцкий был еще самоуверенным и безапелляционным, колючим, нетерпимым и властным. Он демонстрировал свое превосходство окружающим и не мог рассчитывать на любовь партийного аппарата, ненавидевшего людей ярких.

Сталин, который не был в эмиграции, в отличие от Ленина, Троцкого, Зиновьева и других, оказался своим для партийной массы, которая поспешила присоединиться к правящей партии, не зная ни ее истории, ни существа споров внутри руководства. Старые большевики почувствовали себя неуютно в собственно партии. Причем это началось при жизни Ленина.

Сохранилось любопытнейшее письмо Владимира Ильича, адресованное Григорию Львовичу Шкловскому, члену партии с 1898 года. Они вместе были в эмиграции, сблизились, Ленин Григорию Львовичу доверял.

После революции его отправили работать в Германию. Именно Шкловскому в июне 1921 года Ленин жаловался на то, что новое поколение не очень к нему прислушивается:

«Тут интрига сложная. Используют, что умерли Свердлов, Загорский и др. Есть и предубеждение, и упорная оппозиция, и сугубое недоверие ко мне... Это мне крайне больно. Но это факт...

«Новые» пришли, стариков не знают. Рекомендуешь — не доверяют. Повторяешь рекомендацию — усугубляется недоверие, рождается упорство. «А мы не хотим»!!!

Ничего не остается: сначала, боем, завоевать новую молодежь на свою сторону».

Если уж сам Ленин сетовал на то, что к нему не прислушиваются, то каково было другим старым революционерам!

Новая партийная молодежь в основном досталась Сталину. Старая гвардия в 1922 году составляла всего два процента численности партии, но занимала почти все руковоящие посты. Сталин возмущенно говорил, что «старики» вроде как мешают новым кадрам продвигаться, а в реальности ловко натравил новых членов партии на оппозицию, которая была представлена членами партии еще с подпольным стажем.

Генсек использовал и то, что многие оппозиционеры в царские времена эмигрировали. Пока был жив Ленин, это считалось достоинством — «уехал из страны, спасаясь от полиции». После ухода Ленина Сталин стал говорить, что эти

люди «на самом деле партии не знали, от партии стояли далеко и очень напоминали людей, которых следовало бы назвать чужестранцами в партии».

Новые члены партии, пожалуй, даже не очень понимали Троцкого, который не считал необходимым быть понятным и доходчивым для партийной массы. На пленуме ЦК в 1927 году Михаил Иванович Калинин ехидно поддел его:

— Товарищ Троцкий на олимпах вместе с богами юпитерски произносит...

Что Троцкий мог предложить партийному аппарату? Бесконечную революцию? Этим профессиональные партийные работники уже были сыты по горло. Суровый и требовательный в работе, Троцкий был поразительно безразличен к личным интересам аппарата. Сталин, напротив, не упускал случая оказать благодеяние, понимая, что такое не забывается.

Сталин был хозяином для местных партийных секретарей, которые не только определяли настроения масс, но и прямо руководили отбором делегатов на съезды.

Троцкий не умел или не хотел держаться с партийными секретарями по-свойски, как Ленин или Сталин в первые годы.

«Огромная властность и какое-то неумение или нежелание быть сколько-нибудь ласковым и внимательным к людям, отсутствие того очарования, которое всегда окружало Ленина, осуждали Троцкого на некоторое одиночество», — писал Анатолий Луначарский.

Он не умел сплачивать вокруг себя своих сторонников, расставлять нужных людей на ключевые должности, поощрять в сотрудниках личную преданность.

«Троцкий появлялся одетый во что-то вроде белой униформы без знаков различия, — вспоминал Виктор Серж, — в широкой плоской фуражке, тоже белой; хорошая выправка, широкая грудь, очень темные бородка и волосы, блеск пенсне, не такой свойский, как Ленин, что-то авторитарное в манере держаться.

Быть может, таким видели его мы с друзьями, критически мыслящие коммунисты, относившиеся к нему с восхищением, но без любви. Его суровость, неукоснительная требовательность в работе и в бою, абсолютная корректность манер в эпоху всеобщего панибратства давали пищу для нападок исподтишка и демагогического недоброжелательства».

Сталин заботливо относился к аппарату, создавал все условия для приличной по тем временам жизни, раздавал привилегии. Молодые карьеристы в кожанках жаждали власти и

комфортной жизни и славили человека, который обещал им все это.

Старый большевик Давид Борисович Рязанов, директор Института Маркса и Энгельса, говорил на партийном форуме:

— Все товарищи, которым приходится выступать с критикой (я, боже сохрани, далек от оппозиции), критиковать политику ЦК, попадают в затруднительное положение. Наш ЦК совершенно особое учреждение. Говорят, что английский парламент — все может; он не может только превратить мужчину в женщину. Наш ЦК куда сильнее: он уже не одного очень революционного мужчину превратил в бабу, и число таких баб невероятно размножается...

Корней Иванович Чуковский записывал в дневнике:

«*1 ноября 1919.* Вчера я был в Доме литераторов: у всех одежа мятая, обвислая, видно, что люди спят не раздеваясь, прикрываясь пальто. Женщины — как жеваные. Будто их кто жевал — и выплюнул...

14 ноября. Обедал в Смольном — селедочный суп и каша. За ложку залогу — сто рублей».

Зато жизнь советских чиновников с каждым днем все больше отличалась от жизни народа. Причем потребности аппарата росли на глазах.

2 января 1920 года Чуковский побывал в Смольном у одного из начальников:

«У его дверей сидит барышня-секретарша, типичная комиссариатская тварь: тупая, самомнительная, но под стать принципалу: с тем же тяготением к барству, шику, high life'у. Ногти у нее лощеные, на столе цветы, шубка с мягким ласковым большим воротником, и говорит она так:

— Представьте, какой ужас, — моя портниха...

Словом, еще два года — и эти пролетарии сами попросят — ресторанов, кокоток, поваров, Монте-Карло, биржу и пр., и пр., и пр.»

Корней Иванович Чуковский не ошибся в своих прогнозах. И этим стремлением аппарата к комфортной жизни воспользовался Сталин. Он был гением политической интриги и аппаратной борьбы. В конце декабря 1926 года Сталин в письме Молотову заметил: «Наши оппозиционеры — дурачье. Черт толкнул их полезть сечься, — ну и высекли». Сталин был прав. В аппаратной борьбе за власть Троцкий не годился Сталину в подметки.

На XIII съезде партии, летом 1924 года, первом после смерти Ленина, Троцкого еще встречали бурными аплодис-

ментами, хотя весь год его уничтожали как лидера оппозиции и его портреты стали исчезать из служебных кабинетов.

В конце 1924 года в Кисловодске он написал большой очерк «Уроки Октября», который наносил удар по революционной репутации лидеров партии — и Сталина, и Зиновьева, и Каменева, поскольку их роль в октябрьских событиях выглядела обидно маленькой.

Михаил Булгаков записал в дневнике:

«В ночь с 20 на 21 декабря.

Опять я забросил дневник. И это, к большому сожалению, потому, что за последние два месяца произошло много важнейших событий. Самое главное из них, конечно, — раскол в партии, вызванный книгой Троцкого «Уроки Октября», дружное нападение на него всех главарей партии во главе с Зиновьевым, ссылка Троцкого под предлогом болезни на юг и после этого — затишье. Надежды белой эмиграции и внутренних контрреволюционеров на то, что история с троцкизмом и ленинизмом приведет к кровавым столкновениям или перевороту внутри партии, конечно, как я и предполагал, не оправдались. Троцкого съели, и больше ничего.

Анекдот:

— Лев Давыдыч, как ваше здоровье?

— Не знаю, я еще не читал сегодняшних газет.

(Намек на бюллетень о его здоровье, составленный совершенно в смехотворных тонах.)...

В Москве событие — выпустили 30-градусную водку, которую публика с полным основанием назвала «рыковкой». Отличается она от царской водки тем, что на десять градусов слабее, хуже на вкус и в четыре раза ее дороже. Бутылка ее стоит 1 р. 75 коп. Кроме того, появился в продаже «Коньяк Армении», на котором написано 31 градус. (Конечно, Шустовской фабрики.) Хуже прежнего, слабей, бутылка его стоит 3 р. 50 коп.

Москва после нескольких дней мороза тонет в оттепельной грязи. Мальчишки на улицах торгуют книгой Троцкого «Уроки Октября», которая шла очень широко. Блистательный трюк: в то время как в газетах печатаются резолюции с преданием Троцкого анафеме, Госиздат великолепно продал весь тираж...

Ходили, правда, слухи, что Шмидта выгнали из Госиздата именно за напечатание этой книги, и только потом сообразили, что конфисковать ее нельзя, еще вреднее, тем более

что публика, конечно, ни уха ни рыла не понимает в этой книге и ей глубоко все равно — Зиновьев ли, Троцкий ли, Иванов ли, Рабинович...»

Январский пленум 1925 года принял решение освободить Троцкого от должности наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета. 26 января это было оформлено президиумом ЦИК. Новым военным министром и председателем Реввоенсовета стал Фрунзе, а Ворошилов его заместителем.

Зиновьев и Каменев потребовали вывести Троцкого из политбюро. Но в тот момент позиции Троцкого были еще сильны, и осторожный и неторопливый Сталин заявил: «Политбюро не мыслит свою работу без участия Троцкого».

Как тогда в армии относились к Троцкому?

Через четырнадцать лет, в феврале 1937 года, на пленуме ЦК, где речь шла о военном заговоре в армии, нарком обороны Климент Ворошилов говорил:

«Троцкому к 1923 году удалось — об этом нужно прямо сказать — с помощью своей агентуры добиться немалых успехов в Красной Армии.

В 1923—1924 годах троцкисты имели за собой, как вы помните, об этом помнить следует, почти весь Московский гарнизон. Военная академия почти целиком, школа ВЦИК, артиллерийская школа, а также большинство других частей гарнизона Москвы были тогда за Троцкого...»

Начальник Политуправления РККА Ян Гамарник добавил с места: «И штаб Московского округа, где сидел Муралов, был за Троцкого».

Николай Иванович Муралов принадлежал к тем, кто в 1917-м взял власть в Москве. Александр Яковлевич Аросев, член Военно-революционного комитета в Москве, вспоминал, как именно это происходило:

«Рядом со мной на диване Розенгольц, наклонившись к моему плечу, тихо, устало и по-дружески сказал:

— Надо будет заготовить приказ, что Муралов назначается командиром... или нет, комиссаром округа.

— Комиссаром или командующим? — спросил я.

— Комиссаром округа, но это и значит командующим.

Написал. Барышня на машинке отхлопала этот приказ. Потом его голосовали, и Муралов стал не Муралов, а командующий округом.

Через час Муралов стоял уже во дворе Совета возле автомобилей. Вокруг него стояли Коган, Саблин, Лопашев, я и еще несколько товарищей. Все мы толкались в ожидании автомобилей.

Муралов, будто от нечего делать, ткнув пальцем в сторону Лопашева, спросил:

— Ну, вы какую должность будете нести?

— А там, кажется, есть должность «дежурный генерал», — сказал кто-то.

— Ха-ха-ха, «дежурный генерал», — весело хохотали все.

— Ну ладно, — заключил Муралов, — вы будете дежурным генералом.

— А я у тебя буду генералом для поручений, хочешь? — спросил Коган Муралова.

— Валяй! — ответил Муралов.

И поехали мы на двух автомобилях в Александровское училище, а оттуда в штаб».

Во время Гражданской войны Муралов был на Южном фронте членом РВС 12-й армии. На ненадежном самолете он перелетел через линию фронта в южную часть Правобережной Украины в группу войск Ионы Якира. Три дивизии — 45-я, 48-я и 58-я — оказались в окружении. В августе 1919-го их свели в боевую группу под командованием начальника 45-й дивизии Якира.

Муралов вместе с Якиром и членами Реввоенсовета Яном Гамарником и Владимиром Затонским разработали план прорыва. Войска Якира прошли по тылам противника, освободили Житомир, прорвали фронт и соединились с основными силами Красной армии.

С осени 1922 года впервые после Гражданской войны в Московском военном округе начались учения в обстановке, приближенной к боевой. В 1923 году Московский округ был признан лучшим в стране. Когда людей Троцкого стали убирать с высоких должностей, Муралова перевели в Северо-Кавказский округ. Но уже на следующий год вернули в Москву. Командующий округом слишком самостоятельная должность. Его назначили на безвластный пост начальника Военно-морской инспекции.

7 ноября 1927 года Муралов участвовал в последнем публичном выступлении оппозиции, которую разгоняли. Его сняли со всех постов, исключили из партии. В 1936-м его арестовали и обвинили в попытке убить Молотова, приговорили к высшей мере наказания и в ночь на 1 февраля 1937 года расстреляли.

Сына Муралова арестовали, приговорили к восьми годам концлагерей, он умер в лагере Дальстроя.

Сестру Веру посадили, она тоже умерла в лагере.

Брата Муралова Александра Ивановича, заместителя наркома земледелия, расстреляли в 1937-м.

Жену Анну Семеновну арестовали в 1937-м. Она вернулась после смерти Сталина.

На свободе оставили только несовершеннолетнюю дочь Муралова. До 1956 года отмечалась в органах госбезопасности как дочь врагов народа.

Борьба с Троцким пагубно сказалась на состоянии армии. В октябре 1925 года Дзержинский писал Сталину, что ситуация меняется к худшему, а ведь еще несколько лет назад «у нас была целиком наша победоносная, еще не перешедшая на мирное положение, еще насквозь пропитанная боевым порохом Красная Армия, еще не тронутая дискуссией по развенчанию официального ее вождя Троцкого...».

«ТОВАРИЩ ТРОЦКИЙ БОЛЬШЕ НИЧЕГО НЕ РЕШАЕТ»

Освобожденный от должности наркомвоенмора, Троцкий изъявил желание поработать в промышленности. Его назначили членом президиума Высшего совета народного хозяйства. Отраслевых наркоматов тогда не было, и ВСНХ занимался всей промышленностью. Троцкий возглавил Главконцесском и Научно-техническое управление.

В маленьком особняке на Петровке, где находился Главконцесском, собралось все окружение Троцкого — молодые люди, которые прошли со своим шефом всю войну, прежде всего его верные и бессменные секретари — Николай Сермукс, Виктор Эльцин, бывший дивизионный комиссар, Игорь Познанский, один из организаторов красной кавалерии.

Сюда к Троцкому приезжали люди со всей страны.

«В обширной приемной Главконцесскома, — вспоминал Виктор Серж, — два бородатых крестьянина в овчинных тулупах и лаптях просили Сермукса, чтобы их принял Троцкий, которому они хотели рассказать о своей бесконечной тяжбе с властями далекой деревни.

— Раз товарищ Ленин умер, — упрямо повторяли они, — только товарищ Троцкий может решить по справедливости.

— Он примет вас, — терпеливо отвечал Сермукс, элегантный и улыбающийся, — но он ничего уже не решает, он больше не член правительства.

Мужики качали головой, видимо огорченные попыткой уверить их, будто Троцкий больше ничего не решает...»

За штаб-квартирой Троцкого следили сотрудники госбезопасности.

Один из его секретарей предупредил Виктора Сержа:

— Сделайте вид, что сморкаетесь, когда будете выходить. ГПУ посадило фотографов в доме напротив...

Когда летом 1926 года скончался председатель ОГПУ Феликс Дзержинский, Троцкий еще стоял на трибуне. Вид у него был весьма печальный. А циничный Карл Радек сказал:

— Феликс умер вовремя. Он подчинялся схемам и не поколебался бы обагрить руки нашей кровью.

Это сделают и без Феликса Дзержинского.

Одновременно Троцкий руководил комиссией по строительству Днепрогэса и много сделал, чтобы гидроэлектростанция вошла в строй. Сталин был против и в апреле 1926 года укорял Троцкого за то, что он потратил так много средств на Днепрогэс. Страну приучали считать плохим и вредным все, исходящее от Троцкого. Когда Льва Давидовича отстранили от всех дел, Сталин переменил свой взгляд и стал считать строительство Днепрогэса важнейшей задачей.

Свалив Зиновьева и Каменева, Сталин боялся их объединения с Троцким. Конечно, он уже держал в руках все нити управления. Но для огромной страны эти трое все еще оставались вождями революции и соратниками Ленина.

Поэтому Сталин сначала завел туманный разговор с самим Троцким, а через некоторое время пригласил к себе еще и его союзника Леонида Петровича Серебрякова.

В Гражданскую Сталин и Серебряков были вместе членами Реввоенсовета Южного фронта. В 1920—1921-м Серебряков был секретарем ЦК и членом оргбюро, но их пути со Сталиным быстро разошлись — слишком разными они были людьми.

А тут вождь вспомнил о старом знакомом и завел с ним разговор о сотрудничестве и возвращении сторонников Троцкого на видные посты. Сам Серебряков работал в 1926 году в наркомате путей сообщения. Леонид Петрович принял сталинскую игру за чистую монету и 27 марта удивленно писал генсеку:

«Т. Сталин!

Я говорил с несколькими товарищами по поводу выраженного Вами от имени нескольких членов Политбюро желания объясниться относительно положения в партии и создать условия более дружной работы под руководством ЦК.

Это предложение встретило, конечно, полное сочувствие тех немногих товарищей, с которыми я говорил.

Но все они в это время ставили тот вопрос, какой и я Вам ставил. Если ЦК хочет устранить лишние и ненужные помехи к работе тех, которые принимали участие в оппозиции 1923 года, то чем же объяснить, что как раз за последние недели так усилилась травля против бывшей оппозиции, особенно в Московской организации, причем все видят, что эта кампания без всяких причин и поводов ведется сверху, из МК, и никто не может верить, что это делается без ведома секретариата ЦК.

Вы говорили несколько раз о настороженности партии, но ведь эта настороженность сейчас именно и создается сверху, и атмосфера в партии ухудшается. Все товарищи спрашивают: если ЦК хочет облегчить согласованную работу, то почему как раз в это время усугубляется ничем ровно не вызванная кампания?..

Я говорил с Троцким, Пятаковым и Радеком. Они выразили полную готовность продолжать разговор, который у Бухарина и у Вас был с т. Троцким и у Вас со мною, с целью довести этот разговор до положительных практических результатов. О времени и месте лучше всего договориться с т. Пятаковым.

С коммунистическим приветом

Серебряков».

Разумеется, никакого продолжения этот разговор не имел. Но самое поразительное, что и Троцкий верил в возможность мира со Сталиным и возвращения к власти. Лев Давидович писал Серебрякову 2 апреля 1926 года:

«Я понимал дело так, что частная беседа имеет своей целью устранение обвинений и инсинуаций насчет камня за пазухой и создания условий более дружной работы, разумеется, на почве решений XIV съезда. Правда, мне показалось несколько странным, что Сталин, с которым мы вместе работаем в Политбюро, обращается таким кружным путем после того, как у нас с ним был разговор на эти же темы. Но я считал, что было бы нелепо по формально-организационным причинам отказываться от разговора, который Сталин предлагал от определенной части Политбюро (кажется, от имени четырех его членов)».

Даже удивительно, что такой опытный политик сохранял большую дозу наивности и думал, что Сталин, потративший столько сил на борьбу с Троцким, вдруг протянет ему руку помощи и скажет: «Возвращайтесь, Лев Давидович!»

Но и он сам, и его помощники еще на что-то надеялись. Пошли разговоры о том, что Сталин намерен предложить Троцкому ключевой пост наркома промышленности. В окружении бывшего председателя Реввоенсовета не знали, с кем вступить в союз — со Сталиным или с Зиновьевым и Каменевым.

Сергей Витальевич Мрачковский, один из друзей Троцкого, обреченно сказал:

— Нам смыкаться не с кем. Зиновьев в конце концов предаст нас, а Сталин надует.

Мрачковский, человек очень мужественный, был недалек от истины. Сталину нужно было всего лишь выиграть время, запутать своих оппонентов и не дать им объединиться, пока партийный аппарат и пропагандистская машина не уничтожат остатки их влияния в партии и стране.

Сергей Мрачковский в Гражданскую войну получил за храбрость два ордена Красного Знамени, после войны командовал Приуральским, затем Западно-Сибирским военными округами. В 1925-м его тоже убрали из армии, перевели на хозяйственную работу, поручили возглавить трест «Госшвеймашина».

В какой-то момент Сталин принял его самым дружеским образом и пожаловался на свое окружение:

— Пирамида дураков! Нам нужны такие люди, как ты.

Разумеется, генсек и не собирался возвращать его на военную работу. Напротив, в 1932 году Сергея Мрачковского отправили подальше от Москвы — строить Байкало-Амурскую железнодорожную магистраль.

Сталин спешил избавиться от людей, которые постоянно говорили: «Когда я беседовал с Лениным» или «Ленин сделал бы это по-другому».

В 1936 году Мрачковского вывели на процесс «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Отвечая на вопросы обвинителя, он откровенно сказал, что признал все, что от него хотели, поскольку это нужно партии. Мрачковского расстреляли.

23 октября 1926 года объединенный пленум ЦК и ЦКК вывел Троцкого из состава политбюро, Каменева — из состава кандидатов в члены политбюро, Зиновьев потерял пост председателя Исполкома Коминтерна. В этот же день открылась XV партконференция, которая одобрила план «построения социализма в одной отдельно взятой стране».

Это был первый шаг. Партийная машина обрушилась на Троцкого всей своей силой. В борьбе с ним не гнушались ничем.

Причем сам Троцкий сталинским соколам был не по зубам. В июне 1927 года Троцкого вызвали на заседание Центральной контрольной комиссии и обвинили в нарушении партийной дисциплины. Прочитав стенограмму, Сталин, который в те дни отдыхал на юге, был возмущен и писал Молотову: «Получается впечатление сплошного конфуза для ЦКК».

Допрашивал и обвинял Троцкий. Члены комиссии ничего не могли противопоставить его аргументам. Но судьба страны решалась не в открытой дискуссии, а в тиши секретарских кабинетов.

Борьбу с Троцким вели такие новые функционеры, как Матвей Шкирятов, настолько безграмотный, что его было трудно понимать. Сохранились некоторые его письма того периода.

10 октября 1927 года он писал Орджоникидзе:

«Здравствуй дорогой Серго.

Пишиш и не знаеш прочтеш ли, буду надеятся, что прочтеш. Дорогой Серго как плохо, что тебе нет вообще в данное время. Я уже работаю несколько дней. отдых провел все время с Климом, хорошее зее кончили с удовольствием. Трепались в Крыму. приехал среду, окунулся в работу. а работы сейчас так много и не легкая. Я знаю как ты там переживаеш все эти соббытия происходящие здесь.

Дорогой Серго. Что они делают. Еслим был пириод когда они скрывали, что они ведут фракции работу, то в данное время этого уже нет. Они не скрывают и привлекают к своей работе всякого, лиш был бы против ЦК. Они борятся всячискими способами чтобы подорват авторитет к парти и расшатат ея дисциплину...»

Выступления Троцкого на митингах и собраниях оппозиции срывались. Даже на пленуме ЦК его пытались стащить с трибуны. Товарищи по партии бросали в него книгами, стаканами. Удивительно, что митинги и собрания оппозиции еще проходили — люди не понимали, что их ждет.

Они не слышали слов Сталина на одном из пленумов ЦК, где он предупреждал оппозицию:

— Придется их погромить, придется помять им бока. Пусть нас извинят товарищи, что в случае нежелания ликвидировать свои ошибки нам придется поневоле помять бока кое-кому. Уж закон борьбы таков, ничего не поделаешь

В основном за Троцким шла учащаяся молодежь, студенты, которые жаждали полнокровной политической жизни, борьбы различных мнений и которым Троцкий импонировал

своей критикой партийной бюрократии. Но даже со стороны было видно, что оппозиция терпит крах.

Борьба против оппозиции имела еще одно пагубное для страны последствие — уничтожение всякой критики и малейших сомнений в правоте высшей власти.

Это заметил и сам Троцкий:

«Случайно я слышал по трансляции речи на юбилейном собрании московского комсомола несколько дней тому назад. Не буду останавливаться на казенных преветствиях и благодарственных ответах. Ни одной живой мысли!

Тов. Тер-Ваганян попытался сделать в своей речи несколько крайне скромных и осторожных замечаний. Указав на гигантскую историческую работу, выполненную комсомолом, тов. Тер подчеркнул недостаточность интернационального момента в воспитании пролетарской молодежи.

Он указал, в частности, на то, что «Комсомольская правда» посвящает интернациональным темам слишком мало места. На этих словах его стали злобно прерывать. Попытки тов. Тера продолжать встретили ожесточенную обструкцию...»

ВНОВЬ В ПОДПОЛЬЕ

Сталин долго не знал, как поступить с Троцким. О том, чтобы арестовать его, не могло быть и речи. Страна еще не готова была признать ближайшего ленинского соратника врагом.

Осенью 1927 года на партийных конференциях показывали документальный фильм, снятый к десятилетию революции. На экране постоянно возникал Троцкий — в октябрьские дни, в Брест-Литовске, на фронте — и зал в темноте взрывался аплодисментами. Его героический ореол еще не исчез.

В начале июня 1927 года Сталину пришла в голову мысль: а не отправить ли Троцкого, который еще оставался членом ЦК, послом в Японию — подальше от Москвы? Он даже предложил это в письме Молотову. Но сам понял, что Троцкий не примет такого назначения.

15 октября 1927 года в Ленинграде прошла юбилейная сессия ВЦИК, посвященная десятилетию революции. На сессию приехали Троцкий и Зиновьев. Перед Таврическим дворцом устроили демонстрацию.

«Лидеров оппозиции, — писал Виктор Серж, — поместили на трибуне отдельно от официальной группы. Толпа смот-

рела только на них. Прокричав по сигналу здравицы новому председателю Ленсовета Комарову, процессия достигла возвышения, где стояли легендарные люди, ничего больше не значащие в государстве. В этом месте манифестанты молча замедляли шаг, тянулись тысячи рук, машущих платками или фуражками. Немой, сдавленный, трогательный клич приветствия.

Зиновьев и Троцкий принимали его с открытой радостью, уверенные, что видят свидетельство своей силы. «Массы с нами!» — говорили они вечером. Но что могли массы, смирившиеся до такой степени обуздания своих чувств? На самом деле каждый в этой толпе знал, что малейшим неосторожным жестом он рискует своим хлебом, хлебом своей семьи...»

Встречи с Троцким устраивались у кого-то на квартире. Его сторонники собирались полулегально, готовые немедленно разойтись, если появятся агенты ОГПУ.

Виктор Серж провожал Троцкого после одной из таких встреч:

«На улице Лев Давидович поднял воротник пальто и опустил козырек фуражки, чтобы не бросаться в глаза. Еще крепкий, несмотря на двадцать лет изнутрительной борьбы и ряд блестящих побед, он стал похож на старого интеллигента-нелегала из прошлого.

Мы остановили извозчика, я начал торговаться, так как у нас было мало денег. Извозчик, бородатый старорусский крестьянин, наклонился и сказал:

— Ради вас — бесплатно. Седайте, товарищ. Ведь вы Троцкий?

Фуражка слабо маскировала вождя революции. Позабавленный, Троцкий слегка улыбнулся:

— Только про эту поездку молчок, каждый знает, извозчик — элемент мелкобуржуазный, ваша поддержка может нам только навредить...»

В 1927 году оппозиция была практически полностью разгромлена. Всех видных оппозиционеров (в общей сложности почти полтораста человек) выслали из Москвы в отдаленные города страны под надзор представителей ОГПУ.

Летом 1927-го как активного троцкиста выслали в Сибирь, в село Колпашево, Ивара Тенисовича Смилгу, бывшего члена ЦК и Реввоенсовета. В последние годы он был ректором Института народного хозяйства имени Г.В. Плеханова.

9 июня проводить его в ссылку на Ярославском вокзале собралось полторы тысячи человек, в основном рабочие.

Приехал Троцкий. Он выступил с речью. Пели «Интернационал». Смилга сказал, что, несмотря на трудные времена, нужно оставаться верными ленинцами.

Заместитель председателя Центральной контрольной комиссии Янсон доложил в ЦК: «Приходится констатировать, что это вылилось в своего рода уличную демонстрацию, направленную против ЦК...»

Массовые проводы Смилги были неприятным сюрпризом для партийного руководства: столько людей не побоялось продемонстрировать свои симпатии оппозиции.

В 1929 году Смилга, Радек и некоторые другие бывшие соратники Троцкого заявили, что рвут с троцкизмом и хотят вернуться в партию. Смилгу восстановили в партии, назначили заместителем начальника мобилизационного управления ВСНХ.

После убийства Кирова в 1934-м его арестовали. Отправили в Верхне-Уральский политизолятор, а в феврале 1938 года расстреляли. Арестовали и его жену Надежду Васильевну Полуян, которой летом 1917 года ЦК поручил поддерживать связь с Лениным, ушедшим в подполье...

24 июня 1927 года Троцкого вызвали за заседание президиума ЦКК, требуя прекратить всякую критику партии. Он возмущенно отказался:

— Вы думаете и впрямь намордник надеть на партию?

Троцкий на пленуме ЦК едко откликнулся на слова Сталина насчет того, что надо вымести оппозицию из партии:

— Как заходит речь о метле, вы в своей тарелке. Бляху вам и метлу, — вот и вся ваша платформа полностью.

Лидеры оппозиции во главе с Троцким отправили в ЦК «Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б) (Кризис партии и пути его преодоления)».

В прежние времена оппозиция имела право накануне съезда опубликовать свои документы в партийной печати и получить слово на съездовской дискуссии. На сей раз политбюро запретило распространение этого документа.

Тогда его решили все-таки где-то напечатать. Но ОГПУ устроило настоящую провокацию. Секретный сотрудник госбезопасности получил задание близко познакомиться с человеком, который работал в типографии, где оппозиция печатала свои материалы. Однажды к кому-то из окружения Троцкого пришел человек, предложивший помочь распечатать документы оппозиции на гектографе: до появления ксероксов это была высоко ценимая услуга. Доброхот активно взялся за дело.

И в решающий момент в типографию нагрянули оперативники ОГПУ и всех задержали. Организацией подпольной типографии ведал прошедший Гражданскую войну Яков Осипович Охотников, которого за принадлежность к левой оппозиции отчислили из военной академии.

Видные деятели оппозиции Леонид Серебряков и Евгений Преображенский, которые при Ленине были секретарями ЦК, обратились в ЦК и ЦКК с возмущенным письмом:

«Имея в руках все типографии, всю печать, все партийные ресурсы, вы не даете нам, старым большевикам, защитить перед партией накануне съезда наши взгляды и заставляете нас прибегать к этим кустарным способам размножения наших предсъездовских материалов. Мы требуем немедленного освобождения всех арестованных по этому делу...»

И тут чекисты выбросили свой главный козырь: добровольный помощник оппозиции оказался «бывшим офицером-врангелевцем». Политбюро и президиум Центральной контрольной комиссии сообщили всей стране о том, что троцкисты связаны с белой эмиграцией, с контрреволюционерами. Оппозиционеров обвинили в сотрудничестве с «военно-путчистской организацией», готовящей в стране военный переворот. Это уже не внутрипартийные споры, а антигосударственное преступление.

Но у оппозиции еще были свои люди в государственном аппарате, и выяснилось, что все произошедшее — интрига ОГПУ.

Оппозиционеры требовали опровергнуть это вранье. Председатель ОГПУ Менжинский признал, что «врангелевский офицер» — на самом деле агент госбезопасности. И Сталин это прекрасно знал. На пленуме ЦК он как ни в чем не бывало говорил:

— Говорят о бывшем врангелевском офицере, обслуживающем ОГПУ в деле раскрытия контрреволюционных организаций. Оппозиция скачет и играет, подымая шум по поводу того, что бывший врангелевский офицер, к которому обратились союзники оппозиции, оказался агентом ОГПУ. Но что же тут плохого, если этот самый бывший врангелевский офицер помогает советской власти раскрывать контрреволюционные заговоры?

Как говорилось в заявлении лидеров оппозиции, дело сделано: «легенда о «врангелевском офицере» гуляет по стране, отравляя сознание миллиона членов партии и десятков миллионов беспартийных».

На основании этого обвинения Троцкого вывели из ЦК.

2 ноября 1927 года «Правда» опубликовала отчет о последней речи Троцкого, произнесенной на пленуме. Собственно, говорить ему не дали. Члены ЦК, как гласила стенограмма, кричали бывшему председателю Реввоенсовета:

— Меньшевик! Предатель! Сволочь! Либерал! Лжец! Каналья! Презренный фразер! Ренегат! Гад!

7 ноября 1927 года состоялось последнее публичное выступление оппозиции.

Один из будущих создателей ракетно-космической техники Борис Евсеевич Черток, в то время школьник, стал свидетелем последней попытки открытого выступления сторонников Троцкого на Моховой:

«На доме ЦИК, где была приемная Калинина, был вывешен портрет Троцкого. С балкона четвертого этажа выступил Зиновьев. Неожиданно на балконе появились военные и начали длинными шестами срывать портрет Троцкого.

Народ внизу неистовствовал. Нельзя было разобрать, кого здесь больше — сторонников или противников Троцкого. Из ворот МГУ с пением «Интернационала» вышла колонна университетских троцкистов. На улице началась потасовка, в которой трудно было разобрать, кто за кого».

В разгоне оппозиции участвовал оперативный состав ОГПУ и специально подобранные группы партработников и рабочих — им разъяснили, что троцкисты намерены захватить власть в стране.

Один из участников этой акции записывал в дневнике: «Был на параде. Но до парада участвовал в разгоне троцкистов. Они ночью захватили МВТУ. Собрали там всех отщепенцев. Хотели пойти на Красную площадь своей колонной, с контрреволюционными лозунгами, дезорганизовать парад и поднять мятеж против ЦК и СНК. Но мы встретили их у Елоховского собора. Была сильная стычка. Троцкистов рассеяли».

Борис Черток пишет, что на следующий день в его седьмом «А» классе вчерашние события были главной темой обсуждения:

«Во время большой перемены с криком «Бей троцкистов!» мы ворвались в соседний седьмой «Б». Там были готовы к обороне. На доске был начертан лозунг «Огонь по кулаку, нэпману и бюрократу!». После легкой потасовки мы договорились проводить дискуссии более цивилизованным образом».

В окружении Сталина договорились об обратном.

Бывших членов ЦК выселяли из Кремля. Троцкий переехал к своему другу Александру Георгиевичу Белобородову,

недавнему наркому внутренних дел, который жил в Доме Советов в Шереметьевском переулке (ныне улица Грановского. — *Авт.*).

Через десять дней у себя дома застрелился старый товарищ Троцкого Адольф Иоффе, бывший член ЦК, лишенный работы и безнадежно больной. Он оставил предсмертное письмо, адресованное Троцкому. Иоффе писал Льву Давидовичу не только о дружбе, которая их связывала не одно десятилетие:

«Я всегда считал, что Вам недостает ленинской непреклонности, неуступчивости, его готовности остаться хоть одному на признаваемом им правильным пути в предвидении будущего большинства, будущего признания всеми правильности этого пути.

Вы политически всегда были правы, начиная с 1905 года, и я неоднократно Вам заявлял, что собственными ушами слышал, как Ленин признавал, что и в 1905 году не он, а Вы были правы. Перед смертью не лгут, и я еще раз повторяю это теперь... Но Вы часто отказывались от собственной правоты в угоду переоцениваемым Вами соглашению, компромиссу. Это ошибка...

Залог победы Вашей правоты — именно в максимальной неуступчивости, в строжайшей прямолинейности, в полном отсутствии всяческих компромиссов, точно так же, как всегда в этом именно был секрет побед Ильича.

Это я много раз хотел сказать Вам, но решился только теперь, на прощание».

Похороны Иоффе устроили с музыкой и почетным караулом, но в рабочее время, чтобы пришло поменьше людей. Тем не менее его проводили в последний путь несколько тысяч человек.

«Высокий, с заостренным профилем, в кепке, подняв воротник легкого пальто, Троцкий шел рядом с Иваном Никитичем Смирновым, худощавым и светловолосым, все еще наркомом почт и телеграфа, и Христианом Раковским, — описывал процессию Виктор Серж. — На подходе к кладбищу начались инциденты. Сапронов, с седой (в сорок лет) шевелюрой, топорщившейся вокруг постаревшего изможденного лица, прошел по рядам:

— Спокойно, товарищи, не будем поддаваться на провокации. Преграды обойдем.

Один из руководителей большевистского восстания в октябре 1917 года организовывал теперь скорбную баталию перед воротами кладбища. Некоторое время мы топтались перед

высокими зубчатыми воротами: ЦК дал указание пропустить только двадцать человек.

— Тогда, — ответили Троцкий и Сапронов, — гроб не внесут, и речи будут произнесены прямо на дороге.

Иногда казалось, что начнется драка. Вмешались представители ЦК, мы вошли. В последний раз гроб в тишине и холоде проплыл над головами, затем его опустили в могилу. Не помню, кто из высокопоставленных деятелей произнес соболезнование от имени ЦК. Поднялся ропот:

— Хватит! Пусть он уйдет!

Раковский, массивный и гладко выбритый, овладел вниманием толпы, далеко разносились его чеканные слова:

— За этим знаменем — мы пойдем — как ты — до конца — клянемся в этом — на твоей могиле!»

На траурном митинге на Новодевичьем кладбище выступал Троцкий. Это было его последнее выступление перед ссылкой.

Постановлением политбюро и президиума ЦКК 14 ноября 1927 года, за две недели до съезда, Троцкого исключили из партии. Одновременно из состава ЦК и ЦКК вывели еще остававшихся там деятелей оппозиции. XV съезд исключил из партии около ста оппозиционеров.

Изгнание Троцкого было главным событием политической жизни, все разговоры вертелись вокруг личности бывшего председателя Реввоенсовета. А партийный аппарат старательно выжигал всякое воспоминание о Троцком. Пострадал даже драматург, написавший пьесу о французской революции, потому что бдительные цензоры увидели в ней напоминание о лидере оппозиции.

16 ноября 1927 года заместитель заведующего агитпропотделом ЦК С.Н. Крылов обратился к секретарю ЦК Молотову:

«Вячеслав Михайлович!

Камерный театр поставил, как юбилейную пьесу, «Заговор равных» бульварного фельетониста Михаила Левидова.

Автор под видом «исторического» изображения периода Директории и заговора Бабефа дает пасквиль на историю.

Пьеса пестрит словечками «могильщики революции», «устроившиеся, вскормленные, вспоенные революцией», «предатели революции», «народ устал», «при Робеспьере жилось лучше», «революция кончилась», «я старый мастер политики (Баррас)» и тому подобные выраженьица, взятые напрокат из платформы и речей оппозиции.

Пьеса эта нынешним летом читалась Левидовым группе оппозиционеров в Кисловодске и получила там одобрение.

Затем читал ее А.В. Луначарский и тоже одобрил. Затем одобрил Главрепертком (по литере А, то есть по первой категории, вне всяких сомнений)...

На просмотре пьесы в театре 5 ноября я заявил Главреперткому, что была совершена большая ошибка с допущением на сцену упадочной, пасквильной вещи, что я лично за снятие, но должен согласовать вопрос с т. Криницким (Александр Иванович Криницкий, бывший первый секретарь ЦК компартии Белоруссии, в 1927-м возглавил отдел агитации и пропаганды ЦК. — *Авт.*). В тот же вечер я Криницкому рассказал о своем заключении. Криницкий захотел ознакомиться с пьесой.

Прочтя пьесу, он в день отъезда в Вятку оставил письмо, которое прилагаю и прошу Вас прочесть. Мнение Криницкого совпало с моим...

О пьесе уже с лета идут слухи, пущенные, видимо, оппозицией. Пьеса явно рассчитана на то, чтобы у зрителя вызывать аналогии: Директория — Политбюро, Бабеф — Троцкий, период термидора и фруктидора — наше время, хвосты у булочных — наши хвосты и т. д.

Публика уже, еще до премьеры, заинтригована спектаклем: все билеты на объявленные четыре спектакля расхватаны.

Во время спектаклей возможны демонстративные выходки.

В настоящей политической обстановке меньше вреда будет от немедленного снятия пьесы с репертуара, чем от оставления пасквиля на сцене.

Прошу срочно дать мне директиву, имея в виду, что завтра, 17-го, идет премьера и затем три дня подряд спектакли «Заговора»...»

На следующий день (!), чтобы не допустить появления спектакля на сцене Камерного театра, политбюро приняло постановление о снятии пьесы «Заговор равных». Спектакль отменили. В решении среди прочего говорилось:

«Поручить Секретариату ЦК установить лиц, виновных в том, что Политбюро было поставлено перед необходимостью снять пьесу, разрешенную к постановке без предварительной надлежащей проверки».

Пьесу пытался защищать нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский. Но он был известен своими либеральными взглядами и не понимал, как важно было Сталину поскорее исключить из общественной жизни все, что могло напомнить о Троцком.

Ознакомиться с пьесой и постановкой поручили комиссии. В нее включили члена политбюро, наркома по военным и морским делам Климента Ефремовича Ворошилова, члена политбюро и главу профсоюзов Михаила Павловича Томского, члена оргбюро и секретаря ЦК Николая Афанасьевича Кубяка и члена ЦК, а также директора Института Ленина Ивана Ивановича Скворцова-Степанова.

Художественный руководитель Камерного театра выдающийся режиссер Александр Яковлевич Таиров обратился к Томскому с личным письмом:

«Глубокоуважаемый Михаил Павлович.

Позвольте поставить Вас в известность, что просмотр нашей последней постановки «Заговор равных» специальной комиссией, в которой Вы состоите, назначен в понедельник 21 ноября в 9 час. вечера. Это, так сказать, официальное извещение.

А кроме него, разрешите мне со всей горячностью и убедительностью попросить Вас непременно освободить это время и приехать на просмотр.

Вы, конечно, без моих пояснений понимаете моральную и жизненную важность этого вопроса для нашего театра, и я глубоко верю, что Вы приедете на просмотр и тогда убедитесь лично, что нами проделана громадная и честная работа, имеющая все права занять свое место в ряду постановок к 10-летию Октября».

Таиров, разумеется, не видел написанного на спектакль доноса и не знал, что постановка обречена, поскольку вызывает ассоциации с изгнанием Троцкого. Письмо Томскому было ошибкой, потому что член политбюро был разгневан осведомленностью режиссера.

Томский переслал письмо Молотову с сопроводительной запиской:

«Дорогой Вячеслав!

Прилагаю при сем копию письма Таирова ко мне от 19 сего месяца. Не пора положить конец бесстыдной болтовне о Политбюро и его постановлениях? Как узнал Таиров о постановлении ПБ? Зачем ему надо?»

24 ноября судьба постановки в Камерном театре и самой пьесы Левидова была решена. В постановлении политбюро учло и пожелание Томского:

«а) Принять к сведению сообщение комиссии Политбюро о признании ненужным разрешать постановку в театрах пьесы «Заговор равных».

б) Признать работу комиссии законченной.

в) Просить ЦК закончить в недельный срок расследование виновных в разглашении постановления Политбюро о пьесе «Заговор равных».

г) Поручить Оргбюро рассмотреть в двухнедельный срок вопрос о составе Главреперткома под углом зрения его изменения и подбора лиц, обеспечивающих правильную работу Главреперткома, и внести в Политбюро свое предложение по этому вопросу».

В тот же день секретарь Центральной контрольной комиссии ЦК Н.М. Янсон доложил Сталину, что «расследование привело к тов. Луначарскому. Но так как т. Луначарского нет в настоящее время в Москве и спросить его не удастся, то придется отложить до его возвращения из-за границы».

Наркому просвещения пришлось давать объяснения. После чего 30 декабря 1927 года партколлегия ЦКК постановила «указать т. Луначарскому, что разглашение постановления Политбюро ЦК ВКП(б) стало возможным потому, что о предстоящем просмотре пьесы членами комиссии Политбюро он сообщил работникам театра». Политбюро утвердило взыскание, наложенное на наркома просвещения.

Через два месяца политбюро сформировало новую коллегию Главреперткома. Ее возглавил Федор Федорович Раскольников.

ССЫЛКА И ИЗГНАНИЕ ИЗ СТРАНЫ

Некоторое время Троцкий жил у Белобородова, продолжая сопротивляться огромному партийно-государственно-чекистскому аппарату. Несколько самых преданных сотрудников оставались с ним. Свидетельствует Виктор Серж, сам участник оппозиции:

«Старик принял меня в маленькой комнате окнами на двор, где стояла лишь английская кровать и стол, заваленный картами всего мира. В куртке с сильно потертой подкладкой, бодрый и высокий, с пышной, почти совсем седой шевелюрой и нездоровым цветом лица, он, как зверь в клетке, маялся беспокойной энергией.

В соседней комнате снимали копии с посланий, только что им продиктованных; в столовой принимали товарищей со всех уголков страны, с которыми он торопливо разговаривал в перерывах между телефонными звонками...»

Сталин не вынес присутствия в Москве даже лишенного всех постов Троцкого. Его отправили в ссылку в Алма-Ату «за контрреволюционную деятельность».

Льва Давидовича это не испугало и не лишило энергии и темперамента. Он писал оттуда всем своим сторонникам, которые продолжали сохранять ему верность и попытались создать нечто вроде параллельной партийной организации.

«Его стойкость в эпоху морального оскудения, — писал Виктор Серж, — делала из Троцкого образец, само существование которого, даже с кляпом во рту, возвращало веру в человека. Поношения больше не имели власти над его именем, расточавшиеся потоками клевета и оскорбления, в конце концов, бессильные, оборачивались против самих себя, создавая вокруг него новый странный ореол; и он, никогда не умевший строить партию — его способности идеолога и организатора были иного, совершенно отличного свойства, нежели качества оргсекретарей, — приобрел, благодаря своей моральной силе, несколько тысяч непоколебимо верных сторонников».

Глава правительства Алексей Иванович Рыков, выступая на ноябрьском (1928 года) пленуме ЦК, говорил:

— Решением съезда мы открытых троцкистов исключаем.

Голос из зала:

— Уже арестованы.

Рыков продолжал:

— Мне подсказывают — «уже арестованы». Я боюсь, что вы немного преуменьшаете опасность. Во-первых, не все открытые троцкисты арестованы, а во-вторых, и в недрах партии есть до сих пор элементы, сочувствующие троцкизму и разделяющие эту идеологию. Чтобы это показать, достаточно одного примера: в Ленинграде если не в лучшей, то, во всяком случае, в одной из лучших организаций целая ячейка была возглавлена троцкистским бюро. Думать, что троцкизм не улавливает новых сторонников, кроме тех, которых в тюрьму сажаем, значит недооценивать троцкистскую опасность в партии. Конечно, та демонстрация троцкистов, которая была в Киеве перед зданием ОГПУ и местного совета, небольшая.

Голос из зала:

— Тридцать человек.

Рыков:

— Я не знаю точное число участников, но небольшая. Но в этом случае мы имели, как бы то ни было, открытое выступление троцкистов. Троцкизм является еще организацией,

которая до сих пор обладает способностью проводить свои выступления если не во всесоюзном масштабе, то, во всяком случае, как-то руководить отдельными выступлениями в ряде городов...

Впрочем, ОГПУ постепенно сумело почти полностью изолировать Троцкого. Его письма и статьи перехватывались. Чекисты следили за всеми, кто был заподозрен в симпатиях к Троцкому. У кого-то при обысках находились листовки, написанные Троцким. Самой популярной была листовка «Партию с завязанными глазами ведут к катастрофе». Это была запись беседы Каменева, тоже исключенного из партии, с Бухариным, который еще был членом политбюро. Николай Иванович Бухарин, напуганный всевластием Сталина, вдруг пришел к опальному Каменеву и стал говорить с ним откровенно о том, что генеральный секретарь ведет страну к катастрофе.

Когда Бухарин ушел, Каменев записал всю беседу и послал своему другу Зиновьеву. Каким-то образом запись попала и к Троцкому, который увидел в растерянности Бухарина не только свидетельство разлада в политбюро, но и признаки скорого крушения сталинской группы.

Зиновьев и Каменев всерьез думали, что очень скоро Сталин предложит им вернуться в руководство, и составляли список условий, которые они ему выставят: отдать им Ленинград, ввести их людей в органы печати, сформировать политбюро в прежнем составе...

В ноябре 1928 года к Каменеву зашли двое сторонников Троцкого. Они записали беседу и переслали ее Троцкому. Запись, ясное дело, оказалась в руках чекистов.

Каменев, пытавшийся возобновить отношения со Сталиным, вроде бы упрекал Троцкого за неуступчивость:

«Льву Давидовичу следовало бы подать документ, в котором надо сказать: «Зовите, мол, нас, вместе будем работать». Но Лев Давидович человек упорный. Он не сделает этого и будет сидеть в Алма-Ате до тех пор, пока за ним не пришлют экстренный поезд. Но ведь когда этот поезд пошлют, положение в стране будет таким, что на пороге будет стоять Керенский».

А в Алма-Ате Троцкий, получая такую информацию, тем более думал, что если в партии раскол, то скоро неминуемо обратятся к нему за помощью — не только вернут из ссылки, но и вынуждены будут дать ему высокий пост.

Раскола, однако, не было: сталинская группа составляла абсолютное большинство в руководстве партией, и Ста-

лин довольно быстро избавился и от Бухарина с Рыковым, как он уже избавился от всех остальных, кто ему не сразу подчинился.

Но само присутствие Троцкого в стране по-прежнему мешало Сталину. Имя Троцкого возникало на каждом шагу и выводило Сталина из себя. Иосиф Виссарионович ненавидел, но все еще и боялся этого человека.

7 января 1929 года политбюро приняло решение о высылке Троцкого за границу «за антисоветскую работу». Решение не было единогласным. Молотов в апреле на пленуме ЦК приоткрыл завесу тайны над секретным заседанием политбюро:

— В вопросе о высылке Троцкого голоса раскололись. Вначале Бухарин, Рыков и Томский заняли особую позицию.

Из зала задали вопрос:

— Что они предлагали?

— Они предлагали не высылать, оставив Троцкого либо в прежнем положении, либо приняв другие меры, — уточнил Молотов. — Надо сказать, что по Москве это быстро разнеслось. Очень скоро заговорили во всех уголках Москвы, что такие-то три товарища были против высылки Троцкого из СССР.

Сталин и Молотов вели борьбу против Бухарина, Рыкова и Томского, поэтому не упустили случая обвинить их в либеральном отношении к Троцкому как к главному врагу советской власти.

Рыков в своем выступлении поправил Молотова:

— Товарищ Молотов сказал, что я голосовал против высылки. Верно. Голосовал против, но никому об этом не говорил. Во всех выступлениях перед рабочими я защищал решение политбюро. Вскоре после этого решения я выступал на многих заводах Москвы и везде защищал высылку Троцкого. Вопрос о высылке Троцкого, ясное дело, крупный вопрос. Мы по нему спорили внутри политбюро. Голосовали против высылки Троцкого я, товарищи Томский и Куйбышев. Товарищ Бухарин голосовал за высылку.

Раздраженный Ворошилов заметил с места:

— Но об этом можно было бы не говорить.

— Но я нигде за пределами политбюро не говорил об этом, — ответил Рыков. — А теперь приходят и раззванивают везде и всюду о наших разногласиях по этому вопросу. Мы действительно спорили, высказывая аргументы в пользу того или иного решения. Я доказывал, что боюсь, во-первых, того, что Троцкого убьют, так как он был орга-

низатором Красной армии. В период Гражданской войны нами было расстреляно большое количество белых, контрреволюционеров, и личную ответственность за это молва возлагала в значительной степени на Троцкого. Многие родственники и друзья этих расстрелянных живут за границей. Элементы их личной ненависти огромны, и вероятность убийства Троцкого в связи с этим большая.

Упоминание о том, что Троцкий был организатором Красной армии, еще больше разозлило Ворошилова. А мысль о том, что Троцкого убьют, у них со Сталиным и вовсе не вызывала протеста... Ворошилов вновь буркнул:

— Об этом можно было бы здесь не говорить.

Рыков резонно отозвался:

— Так зачем же вы тогда вытаскивали этот вопрос на объединенный пленум?

— Была сказана сотая доля того, что ты говоришь, — защищался Ворошилов.

Рыков продолжал:

— Раз уж я вынужден был начать говорить о Троцком, позвольте с этим вопросом закончить. Второе мое соображение против высылки заключалось в том, что за границей Троцкий может развить легче, чем здесь, свою контрреволюционную, антисоветскую работу.

Молотов попросил слово для справки:

— Товарищ Рыков заявил, что по вопросу о высылке Троцкого товарищ Бухарин голосовал за решение политбюро. Фактически положение было такое. Вопрос о высылке Троцкого обсуждался в политбюро несколько раз. Товарищ Бухарин вначале голосовал против высылки Троцкого. Только после того, когда решение уже стало проводиться в жизнь, когда Троцкий уже был в пути, при последнем обсуждении этого вопроса товарищ Бухарин проголосовал за принятое политбюро решение...

Сталин настоял на высылке и тем самым продлил Троцкому жизнь. Если бы его оставили в Советском Союзе, то расстреляли бы еще в середине тридцатых. А перед этим он прошел бы через все круги ада в тюрьмах.

18 января 1929 года особое совещание при коллегии ОГПУ оформило принятое политбюро решение о высылке Троцкого за пределы СССР. Но только через три года, в 1932-м, его лишат советского гражданства.

Троцкого с семьей на поезде доставили в Одессу. Архив и библиотеку заранее погрузили на борт парохода «Ильич». 10 февраля 1929 года Троцкого привезли на пароход. Ка-

питан получил запечатанный конверт с указанием вскрыть в море.

Но даже изгнанный, Троцкий еще долго продолжал присутствовать в политической жизни страны. Чекисты задерживали бывших или реальных сторонников Троцкого, искали его статьи и материалы архива. 28 октября 1929 года заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода и начальник секретно-политического отдела Яков Агранов сообщили Сталину о найденном архиве Троцкого, который хранился в Алма-Ате у одного из ссыльных. Наиболее интересные документы были доложены Сталину и политбюро. Материалы архива внимательно изучались и анализировались. Сталин боялся тайных сторонников бывшего председателя Реввоенсовета.

На одном из пленумов ЦК секретарь ЦК Вячеслав Молотов сообщил:

— Есть новые документы, с которыми необходимо ознакомить пленум. Я имею в виду то, что добыто ГПУ в Алма-Ате. Из этих документов следует, что Троцкий придавал особое значение вопросу о влиянии на молодежь и организации комсомола. В числе найденных в Алма-Ате директив Троцкого есть специальная директива такого рода: «Исключительно важно быть в курсе всего, что делается среди комсомола, в частности в его аппарате, в редакции «Комсомольской правды». Необходимо выделить для этой работы хорошую группу...» Из этого видно, как внимательно нужно прощупать нам аппарат таких органов, как «Комсомольская правда». Мы должны очистить все наши организации, в частности комсомольские, от всяких остатков этих контрреволюционных «групп»...

На апрельском пленуме ЦК в 1929 году Карл Янович Бауман, первый секретарь Московского горкома, вдруг вспомнил ленинское завещание:

— Вот, например, одно место, на которое я лично обратил большое внимание: «Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК (речь идет о Сталине и Троцком) способны ненароком привести к расколу. «Двух выдающихся вождей» — то есть в данном контексте Ленин называл Сталина выдающимся вождем современного ЦК. С Троцким у нас вопрос покончен, Троцкий не учел указаний, которые давал Ленин, и теперь он находится в лагере буржуазии. Теперь у нас, согласно указанию Ленина, остался один выдающийся вождь — товарищ Сталин.

Бауман был верным сталинцем, он хотел польстить вождю, но сделал это неумело, вновь напомнив, что Ленин це-

нил Троцкого, как минимум, не меньше Сталина, поэтому абзац, посвященный Льву Давидовичу, из стенограммы, рассылавшейся местным парторганизациям, вычеркнули.

Микоян на апрельском (1929 года) объединенном пленуме ЦК и ЦКК говорил:

— Те репрессии, которые мы применяем против Троцкого и троцкистов, вовсе не вытекают из того, что мы кровожадны. Мы немало колебались, прежде чем перейти к этим репрессиям. Мы вынуждены перейти к ним потому, что этого требуют интересы революционной диктатуры...

Первые годы после изгнания Троцкого, пока еще живо было поколение, совершившее революцию, отношение к первому председателю Реввоенсовета оставалось достаточно уважительным.

Один из немногих партийных работников, посмевших открыто восстать против сталинского произвола, Мартемьян Николаевич Рютин в качестве платформы созданного им подпольного «Союза марксистов-ленинцев» в 1932 году написал объемный антисталинский документ под названием «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». В этом документе Рютин вернулся к оценке деятельности Троцкого:

«В оценке внутрипартийного положения и роли Сталина Троцкий и троцкисты оказались в основном правы. Троцкий раньше других увидел те процессы внутри партии, которые уже в 1923 году начали развиваться. Троцкий раньше других увидел и вожделения Сталина утвердить свою личную диктатуру в партии.

Когда Троцкий еще в 1924 году в своем «Новом курсе» писал, что партия живет на два этажа: «в верхнем — решают, в нижнем — только узнают о решениях», когда он говорил, что партийный аппарат, несмотря на идейный «рост партии», продолжает упорно думать и решать за нее, то партийные работники отвечали на это, что утверждения Троцкого — сплошная клевета. Кто, однако, в настоящее время, не кривя душой, может сказать, что Троцкий тогда ошибался?

Но тогда, по сравнению с настоящим моментом, пульс внутрипартийной жизни бился все еще нормально, тогда, по крайней мере, признавали жизнь партии «на два этажа» ненормальным явлением...

В страстном стремлении Троцкого вернуть партию на путь внутрипартийной демократии и здорового демократического централизма заключается огромная историческая и революционная заслуга Троцкого, которую не отнимет у него никакая клевета и никакие его прошлые ошибки».

Рютин долгое время поддерживал Сталина и против Троцкого, и против Зиновьева. В 1925—1928 годах Рютин был секретарем Краснопресненского райкома партии в Москве и кандидатом в члены ЦК. Когда он разошелся во взглядах со Сталиным, его перевели в ВСНХ председателем управления фотокинопромышленности.

Любопытно, как Рютин, который прежде не был поклонником Троцкого, оценивал первого председателя Реввоенсовета:

«Слабые и сильные стороны Троцкого известны. Не гений, а только крупный талант, универсально и европейски образованный; блестящий, острый, но не глубокий ум; не глубокий теоретик, а лишь несравненный по стилю, первый во всей мировой марксистской литературе публицист, склонный к красивой схеме, к яркой революционной фразе, заменяющей порой конкретный трезвый анализ; железная воля, переходящая, однако, порой в упрямство; яркая крупная индивидуальность; замечательный организатор, мировой трибун, искренне и глубоко преданный делу коммунизма — таков Троцкий как вождь.

Троцкий не цельная монолитная фигура гения, как Ленин. Он страдает рядом крупных недостатков и противоречий.

И все же, несмотря на все усилия вычеркнуть имя Троцкого из истории Октябрьской революции, он навсегда останется первым после Ленина ее вождем и трибуном, ее знаменосцем, ее творцом и организатором! С именем Ленина и Троцкого навсегда будет связано торжество пролетарской революции, ее невиданный подъем, ее лучший героический период.

С именем Сталина, в лучшем случае, будут связаны годы лихолетья пролетарской революции, годы мрачной реакции, годы величайшего опозорения учения Маркса и Ленина».

Рютин был арестован, несколько лет провел в тюрьме, а в 1937-м был расстрелян.

СОН В МЕКСИКАНСКУЮ НОЧЬ

В изгнании Троцкий несколько раз пытался приехать в Англию. Об этом стало известно совсем недавно, когда англичане рассекретили документы министерства иностранных дел. Его просьбу поддерживали выдающиеся писатели Бернард Шоу и Герберт Уэллс, но британское правительство не

хотело раздражать Советский Союз, принимая злейшего врага Сталина.

Приют Троцкий смог найти только в Мексике, далекой от основных политических битв того времени.

Его сторонники были постепенно уничтожены. После убийства Кирова в 1934 году в аппарате госбезопасности по всей стране были сформированы подразделения, которые занимались троцкистами.

Сталин называл троцкистов «оголтелой и беспринципной бандой вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств». Слово «Троцкий» стало звучать как обвинение.

Был в 30-х годах известный ученый-филолог, который написал, например, предисловие к «Илиаде» Гомера, Иосиф Моисеевич Троцкий. Ему пришлось поменять фамилию и стать Тронским.

На московских процессах говорили, что Троцкий вместе с Гитлером и при помощи маршала Тухачевского готовил расчленение Советского Союза и восстановление власти буржуазии. Бывших руководителей Советского государства уничтожали за связь с Троцким. Многие верили в эти бредни, а кто-то верит и сейчас...

После очередного ареста группы революционеров — участников Великой французской революции — двести лет назад прозвучали горькие слова:

«Либо это правда, что главнейшие руководители страны были изменниками, либо это неправда. Если это правда, то что следует думать о республике, в которой такие подлецы были руководителями? Если это неправда, то что следует думать о государстве, которое смеет так обращаться со своими лучшими слугами?»

Троцкий в эмиграции писал очень много и не всегда точно. Но несколько его исторических прогнозов сбылись. В 1931-м он предсказал, что фашисты могут прийти к власти в Германии. В 1933-м — что Гитлер готовится к войне.

В своих заметках Троцкий полагал, что со временем возникнут Соединенные Штаты Европы, что между европейскими странами исчезнут таможенные преграды и законодательство станет единым.

Весной 1939 года Троцкий писал, что Сталин созрел для союза с Гитлером. Осенью того же года этот союз, вызвавший изумление во всем мире, был заключен. 2 сентября 1939-го Троцкий предупреждал, что через два года Гитлер

нападет на Советский Союз. И двух лет не прошло, как этот трагический прогноз оправдался...

Весной 1940 года в своем завещании Троцкий писал: «Я умру пролетарским революционером, марксистом, диалектическим материалистом и, следовательно, непримиримым атеистом... При каких бы обстоятельствах я ни умер, я умру с непоколебимой верой в коммунистическое будущее».

Он был уже тяжело болен: «Если склероз сосудов примет затяжной характер и мне будет грозить длительная инвалидность... то я сохраняю за собой право самому определить срок своей смерти».

Но Сталин избавил его от необходимости принимать это трудное решение.

Сторонников по всему миру у Троцкого было не так уж много, притягательная сила его идей слабла. Он ведь не был ни крупным теоретиком, ни народным вождем, он был революционером-практиком. Но Сталину казалось, что Троцкий по-прежнему опасен.

Убить Троцкого, который после изгнания из России жил в Мексике, было страстным желанием Сталина. Мало кого он ненавидел так сильно, как Троцкого. Тут было много личного.

Лев Давидович от души презирал Сталина, считал посредственностью и не скрывал своих чувств. Сталин никак не мог забыть, как в первые годы после революции окружающие почему-то упорно не замечали его достоинств и продолжали восхищаться революционными заслугами, военными успехами, ораторскими и литературными достоинствами Льва Давидовича.

Иосиф Виссарионович не мог простить себе, что позволил Троцкому уехать.

6 июля 1936 года из Сочи Сталин писал Кагановичу:

«Прочитал я показания мерзавцев Дрейцера и Пикеля. Хотя и раньше было ясно, но они со всеми подробностями раскрывают истинное бандитское лицо убийц и провокаторов — Троцкого, Зиновьева, Каменева и Смирнова. Теперь абсолютно ясно, что главным вдохновителем этой шайки является эта продажная стерва Троцкий. Пора бы его объявить «вне закона», а остальных подлецов, сидящих у нас, расстрелять».

Ефим Александрович Дрейцер в Гражданскую был комиссаром дивизии, сторонником Троцкого, но со временем совершенно отошел от политики и в 1936 году работал заместителем директора завода «Магнезит» в Челябинской

области. Его обвинили в подготовке покушения на Сталина.

Ричард Витольдович Пикель — бывший помощник Зиновьева — давно расстался со своим бывшим начальником. Пикель сначала работал в Реперткоме — Главном управлении по контролю над репертуаром и зрелищами (театральная цензура), потом его и оттуда убрали. Он сотрудничал в журнале «Театр и драматургия», несколько лет был директором популярного тогда Камерного театра. На арест Пикеля откликнулся известный артист Михаил Иванович Жаров, любимец публики: «Чувство непередаваемого омерзения охватило нас, актеров Камерного театра, когда мы узнали, что среди подлых заговорщиков оказался Пикель, бывший директор нашего театра. Мне только теперь становится понятным, почему этот двурушник всегда стремился отдалить себя от коллектива...» И Дрейцер и Пикель, надеясь спастись, подписали показания, сочиненные чекистами.

Поначалу Троцкий нашел временный приют в Норвегии.

После процесса над мнимыми убийцами Кирова, 27 августа 1936 года, советское правительство потребовало от норвежского правительства лишить Троцкого права убежища.

Утвержденный Сталиным текст официального заявления гласил:

«Можно считать установленным, что проживающий в Норвегии Л. Троцкий является организатором и руководителем террористических действий, имеющих целью убийство членов Советского правительства и вождей советского народа...

Советское правительство полагает, что дальнейшее предоставление убежища Л. Троцкому, организатору террористических действий, может наносить ущерб существующим между СССР и Норвегией дружественным отношениям и противоречило бы современным понятиям о нормах международных отношений.

Можно по этому случаю вспомнить, что, в связи с убийством югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Барту, отношение правительств к подготовке на их территории террористических действий против членов других правительств было предметом обсуждения в Совете Лиги Наций 10-го декабря 1934 года, когда была констатирована обязанность членов Лиги Наций помогать друг другу в борьбе с терроризмом и даже признано было желательным заключение с этой целью международной конвенции.

Советское правительство рассчитывает, что Норвежское правительство не преминет принять соответствующие меры для лишения Троцкого дальнейшего права убежища на норвежской территории».

Норвегия, не желая ссориться с Советским Союзом, сначала приняла решение интернировать Троцкого, а в конце 1936 года он был выслан в Мексику.

Достать врага на другом конце света оказалось трудновато. Но Сталин считал, что Троцкий должен быть уничтожен.

В конце мая 1940 года было совершено первое покушение на Троцкого. Два десятка человек в полицейской форме разоружили охрану его дома в Койоакане (неподалеку от Мехико), забросали дом взрывчаткой и обстреляли из пулеметов.

Троцкий чудом остался жив, но с того дня жил в атмосфере обреченности. Каждое утро он говорил жене:

— Видишь, они не убили нас этой ночью, а ты еще чем-то недовольна.

Но, как говорил товарищ Сталин, нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики-ленинцы. В 1940 году Берия поручил это дело заместителю начальника внешней разведки Павлу Анатольевичу Судоплатову. Непосредственно операцией руководил будущий генерал Леонид Эйтингон. На роль исполнителя нашли испанца Рамона Меркадера. Выпускник кулинарного училища, он работал в отеле «Ритц» в Барселоне, где его завербовали советские разведчики. Его мать Мария Каридад тоже была агентом НКВД.

Уже через пять дней после первого покушения будущий убийца проник в дом Троцкого. Он называл себя Жаком Морнаром, сыном бельгийского дипломата, а пользовался фальшивым канадским паспортом на имя Фрэнка Джексона.

20 августа Меркадер пришел к Троцкому, несмотря на жару, в плаще и шляпе и попросил прочитать его статью. Когда Троцкий взялся за чтение, Меркадер вынул ледоруб (еще у него с собой был молоток и пистолет) и, закрыв глаза, со всей силой обрушил его на голову Троцкого. Он надеялся убить Троцкого одним ударом и убежать. Но Троцкий вступил с ним в борьбу. И от растерянности Меркадер даже не сумел воспользоваться пистолетом. Услышав шум, вбежали охранники и схватили убийцу.

На следующий день Троцкий умер в больнице. Проститься с ним пришли триста тысяч человек.

6 июня 1941 года нарком внутренних дел Лаврентий Павлович Берия отправил Сталину записку с просьбой наградить

шестерых работников НКВД, которыми в 1940-м было «успешно выполнено специальное задание». Ордена получили Рамон Меркадер, Судоплатов, Эйтингон... Сталин написал на записке: «За (без публикации)».

Убили и почти всю семью Троцкого. Это тоже был сталинский принцип — за врага отвечают все его родные.

Один из сыновей Троцкого инженер Сергей Седов (оба сына носили фамилию матери, не хотели незаслуженно пользоваться славой отца) занимался не политикой, а наукой. Он отказался уехать с отцом, остался в Советской России. Он преподавал в Высшем техническом училище в Москве, подчеркнуто не участвовал даже в разговорах на политические темы, наивно полагая, что к нему у власти претензий быть не может.

Разумеется, это его не спасло. В 1936 году Сергея Седова для начала отправили в ссылку в Воркуту. Потом новый арест — и расстрел. Расстреляли также обоих зятьев Троцкого. Одна его дочь умерла от чахотки в 1927-м в Москве, вторая в 1933-м в Берлине. Третья сидела с 1937-го в сибирских лагерях, но выжила. Только в 1961 году КГБ перестал за ней следить.

Второй сын Троцкого — Лев Седов унаследовал от отца бойцовский характер. Историк литературы Эмма Герштейн вспоминает, как в школе она влюбилась в младшего сына Троцкого:

«По мнению старших школьниц, он был похож на амура — пухлые розовые губы и ослепительно ровные зубы, он был косоглаз, но у него был прелестный взгляд, у него был сочный, свежий, уже не ломающийся голос и широкие плечи, а лицо освещалось прекрасным чистым лбом, тонкими выписанными бровями и широким нежным виском, точную копию такого лба можно было увидеть на портретах, в то время висевших всюду рядом с портретами Ленина, Маркса и Энгельса...

Мой мальчик пошел в мать — русскую женщину, а лоб взял у отца. Речь идет о Л.Д. Троцком и его старшем сыне».

Уже после окончания школы они встретились вновь.

«В то время шла партийная дискуссия о профсоюзах. Он сказал, что его отец пишет в «Правду» полемические статьи, но Бухарин их не печатает.

Я заметила, что ненавижу Зиновьева и Каменева, потому что они олицетворяют надвигающуюся косность и тривиальность.

Каменев не так плох, не согласился он со мной, правда, он — «подаванец». Оказывается, Каменеву ставилось в вину,

что он в свое время подавал прошение на высочайшее имя о помиловании.

Он сказал: отец уверен, что партия в конце концов убедится в его правоте.

И еще он упомянул, что Ленин болен, а популярности его отца мешает то, что он еврей...»

Сын Троцкого даже обиделся на то, что «я упомянула о влиянии на него отца, и решительно заявил, что взял фамилию матери, ушел из Кремля, поступил на рабфак, бросив школу, и поселился в студенческом общежитии.

Видимо, он был благородным человеком, потому что после падения отца стал ему другом и верным помощником, хотя фамилию его не носил уже никогда».

Лев Седов последовал за родителями в эмиграцию и стал верным помощником отца. Он жил в Париже и пытался сплотить единомышленников, не подозревая, что окружен осведомителями советской разведки.

В начале 1938 года его оперировали по поводу аппендицита. Операция прошла благополучно, но через четыре дня его состояние ухудшилось, пришлось сделать повторную операцию. 16 февраля Лев Седов умер в парижской клинике. Мало кто сомневался в том, что это дело советской разведки.

Из всех родственников Троцкого уцелела только его двоюродная сестра, известная писательница Вера Инбер. Странным образом Сталин запретил ее трогать. Ее муж, академик И.Д. Страшун, был ученым секретарем министерства здравоохранения. В 1949 году, в период борьбы с «космополитизмом», его уволили, но не арестовали.

ЕВРЕИ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Троцкий был одним из отцов-основателей Советского государства. Судьба щедро отпустила ему славы и восторгов, несчастий и горя, писал его биограф Исаак Дейчер. Троцкий видел, как осуществились его самые смелые мечты, как мгновенно реализовывались его идеи, он был триумфатором. И он видел крушение всех своих надежд и собственное падение.

В конце жизни Лев Давидович по-иному взглянул на Ленина. Он жалел, что так много спорил с ним.

Историки говорят, что Ленин несколько настороженно относился к Троцкому, потому что недолюбливал идеалис-

тов, предпочитал практиков, которым ничто не мешает делать повороты на крутой дороге истории. А Лев Давидович в определенной степени остался романтиком. Во всяком случае, из первой плеяды победителей он единственный сохранил веру в марксизм и революцию.

Незадолго до того, как его убили по приказу Сталина, Троцкий записал в дневнике: «Прошлой ночью мне приснилось, что я разговаривал с Лениным. Он с тревогой спрашивал о моей болезни: «У вас нервное утомление, вы должны отдохнуть. Вы должны серьезно посоветоваться с врачами». Я, пишет Троцкий, рассказал Ленину о своей поездке в Берлин на лечение в 1926 году и хотел добавить: это случилось после вашей смерти, но сдержался и заметил: это было после вашей болезни.

Как странно... В конце жизни в своих снах и грезах Лев Троцкий, демон революции, как его любили называть, видел себя под защитой заботы и любви Ленина.

С годами Лев Давидович, конечно, изменился. Он уже не был похож на того железного председателя Реввоенсовета, каким он представал перед многочисленными посетителями, искавшими его помощи и расположения.

«Взгляд его голубых глаз был холодным и пронизывающим, весьма отличавшимся от ленинского, теплого и дружеского. В течение всей встречи он ни разу не улыбнулся, — вспоминал американский бизнесмен Арманд Хаммер, побывавший у Троцкого осенью 1921 года. — Мне трудно удержаться и не думать, что случилось бы с Россией да и со всем миром, если бы у него был другой характер. Что бы случилось, например, если бы он проявлял больше теплоты, был менее ортодоксальным и более дипломатичным по отношению к людям, не разделявшим его взглядов.

Тогда после смерти Ленина он вполне мог бы стать главой Советского государства вместо Сталина, и в этом случае последующая история Советского Союза, да и всего мира, могла бы значительно отличаться от сегодняшней».

Сталин не только приказал убить Троцкого. Пропагандистская машина превратила его в воплощение зла. И после смерти Сталина, и даже после крушения социалистического режима мало что изменилось.

В Европе, прежде всего во Франции, по-прежнему существует троцкистское движение, причем в последние годы оно стало более заметным. Многие французы на выборах охотно голосуют за кандидатов-троцкистов. А на родине Троцкого одни считают его злейшим врагом Ленина, революции и со-

ветской власти, другие, напротив, фанатиком-русофобом, вознамерившимся разрушить Россию во имя мировой революции.

Троцкий считал, что построение социализма в России возможно только одновременно со всей Европой. Отсюда многие историки делают вывод, что Россия Троцкого не интересовала, а Сталин, напротив, думал только о России. И что Троцкий презирал русскую культуру, а Сталин ценил. Но на деле Сталин планомерно уничтожал русскую интеллигенцию, а Троцкий всего лишь писал литературно-критические статьи о писателях и поэтах.

И по сей день Лев Давидович Троцкий остается для многих демоном революции, историческим врагом России или просто самим сатаной, предводителем мирового еврейства и погубителем страны.

Редактор журнала «Наш современник» пишет, что «век XX обернулся для России кошмаром противоборства, которое я называю битвой Троцкого с Ротшильдом... Так и высятся они по обеим сторонам русской судьбы, как чудовищные ветхозаветные великаны Гог и Магог... Почему они усмехаются? Да потому что русские люди тузят друг друга, ставят к стенке, гноят в лагерях, избивают дубинками, поливают из водометов ради их потехи. Да не ради потехи, нет — «вигоды».

В журнале «Молодая гвардия» можно прочитать, что Троцкий был союзником Гитлера. Этот журнал попроще, для совсем уж невзыскательной аудитории:

«Политическая карьера Троцкого началась с удачной женитьбы на Седовой, дальней родственнице Ротшильдов... К Троцкому тянутся нити убийства в Сараеве, спровоцировавшего Первую мировую войну. Это за деньги Ротшильдов были доставлены в запломбированном вагоне в Россию известные революционеры; это за эти же средства маленькая партия большевиков превратилась в крупную и влиятельную партию России, это ради Троцкого убили Ленина, устроив знаменитое «завещание вождя», которое должно было удалить с политического горизонта Сталина и передать всю полноту власти в России Троцкому...»

Десятилетиями авторы, не скрывающие своего антисемитизма, пишут о том, что жестокость Троцкого объясняется его еврейским происхождением: он не жалел ни России, ни русских.

В недавние времена, когда председателем КГБ был Юрий Владимирович Андропов, стала распространяться версия о масонском и еврейском характере Февральской революции.

Связанные с КГБ и с самим Андроповым историки доказывали, что Россия в 1917 году вовсе не переживала кризис и если бы не чуждое и подрывное влияние, то никакой революции не произошло.

Изданные с помощью КГБ книги были сигналом к новой атаке на масонов и евреев, которых винили во всех бедах России. В обществе проснулся интерес к таинственным масонам. Конечно, порядочный историк не мог позволить себе участвовать в столь низкопробной кампании и подыгрывать черносотенцам и антисемитам. Но желающие нашлись. Андропов с помощью Главлита запрещал любую полемику с этими авторами.

Интересно, что Николай II в свое время запретил использовать печально знаменитые «Протоколы сионских мудрецов», когда Столыпин представил доказательства того, что это фальшивка. Император брезговал подделкой. Андропов же преспокойно пустил в ход механизм КГБ, чтобы внедрить версию о еврейско-масонском характере революции.

Почему председатель КГБ Андропов заинтересовался этой темой, далекой от насущных интересов его ведомства?

Нерусская фамилия матери Андропова Евгении Карловны — Файнштейн — служила основанием для слухов о его еврейском происхождении. Встречавшиеся с Юрием Владимировичем даже находили в его внешности семитские черты. Возможно, они хотели их увидеть...

Горбачев называл Андропова полукровкой. Активные русские националисты вроде бы даже посылали на родину Андропова гонцов изучать его генеалогическое древо.

Если Андропов знал, что товарищи считают его анкету не совсем чистой, то он всем своим поведением пытался доказать им, что они ошибаются. Его ведомство постоянно подпитывало антисемитизм и строго следило за тем, чтобы «лица некоренной национальности» не занимали слишком видные посты.

В годы перестройки и после распада Советского Союза подрывная деятельность евреев-большевиков стала одной из самых популярных тем. Многие авторы просто помешались на этом, составляя списки евреев в тех или иных учреждениях, особенно в органах госбезопасности.

Самым подробным образом история евреев в русской революции описана известным историком Геннадием Васильевичем Костырченко в книге «Тайная политика Сталина».

Если бы не раздел Польши, евреев в России вовсе бы не было. Но, прихватив немалую часть польского королевства,

императрица Екатерина II обрела и еврейских подданных. Сначала им было обещано равенство в правах, но они его так и не увидели.

Евреи в силу давних религиозных предрассудков воспринимались как нежелательный элемент. Ведь только в 1965 году Второй Ватиканский собор убрал из церковных текстов упоминания о вине еврейского народа за распятие Иисуса Христа. Долгое время евреи жили в своих местечках совершенно обособленно. Это власть тоже не устраивало. Правительственный указ 1845 года предписал евреям отказаться от традиционной одежды и одеваться, как все. Обучение русскому языку открыло двери еврейских местечек.

Разрушение традиционной еврейской общины вело к вовлечению евреев в общую жизнь России. Они стали учить русский язык и получать образование. Но устроить свою жизнь евреям было трудно — государственная служба была для них закрыта, военная карьера невозможна. Земледелие исключено — потому что не разрешали покупать землю. Работать в промышленности было нельзя, потому что запрещалось селиться в крупных городах, где были заводы.

Оставались медицина, наука, культура, но не может же целый народ этим заниматься! Основная масса евреев существовала в беспросветной нищете, перебивалась ремесленничеством, кустарничеством, мелкой торговлей, отсюда и пошло представление о евреях как о торгашах, которые ни к чему другому не пригодны.

Как сейчас жалуются на засилье выходцев с юга в московской торговле, так сто с лишним лет назад боялись конкуренции с евреями в торгово-экономической сфере. Почему-то исходили из того, что русские заведомо неконкурентоспособны рядом с евреями. Русские консерваторы предлагали изыскать способ либо полностью выселить евреев за пределы Российской империи, либо, по крайней мере, переселить всех на территорию Польши.

Образованная еврейская молодежь, видя, что русский крестьянин находится в столь же безысходной нужде, из лучших побуждений стала присоединяться к народническому движению, заниматься просветительской деятельностью. Народники считали, что судьба евреев неразрывно связана с историей России и что евреи получат равноправие только тогда, когда жизнь всей страны изменится к лучшему.

Среди них было много романтиков и идеалистов. Но борьба за социальную справедливость и права человека в услови-

ях империи быстро превращала романтика в профессионального революционера-подпольщика.

Если до этого евреев упрекали в том, что они живут замкнуто, не хотят интересоваться делами всей страны, то тут уже посыпались обвинения в излишней политической активности. И начались погромы, которые рождали у еврейской молодежи ненависть к существующему политическому строю.

Еврейские национальные организации были против участия евреев в революционном движении. Они считали, что Россия все равно будет относиться к евреям как к чужим. К началу Первой мировой войны из России бежало больше полутора миллионов евреев. В основном они обосновались в Соединенных Штатах, немало содействуя процветанию Америки.

Сионистские организации хотели, чтобы еврейская молодежь готовилась к переезду в Палестину и не участвовала в революции и вообще не влезала в российские дела.

У нас часто говорят о «сионистах», видимо плохо представляя себе значение этого термина.

Сионисты — люди, считающие, что все евреи должны вернуться на историческую родину, а не стараться ассимилироваться в странах, куда их привело изгнание. До момента возвращения в Израиль они должны избегать всякого участия в политической жизни страны, их приютившей.

Но многие молодые евреи рассматривали Россию как свою страну, полагали, что не имеют права оставаться в стороне, когда решается судьба родины. Так появилось целое поколение революционеров, борцов за общее дело, для которых еврейское происхождение не имело никакого значения. Они не делили людей по национальному или религиозному признаку. Лев Троцкий был одним из них.

Председатель Совета министров Петр Столыпин безуспешно пытался убедить императора Николая II дать евреям равные права с другими подданными. Столыпин считал, что тогда евреи перестанут присоединяться к русским революционерам. Убедить императора ему не удалось. А сам он был убит евреем-революционером, который видел в нем угнетателя русского народа.

Положение евреев резко ухудшилось с началом Первой мировой войны. Российское еврейство полностью поддержало правительство в войне, евреи записывались в армию добровольцами. Только рядовыми в армии служило полмиллиона евреев; доля евреев в армии и доля убитых сол-

дат-евреев превышала долю евреев среди населения Российской империи.

Еврейские общины собирали деньги и создавали госпитали для раненых солдат.

В синагогах проводились богослужения о даровании победы русскому оружию. В Петрограде после молитвы в хоральной синагоге верующие вышли на улицу с флагами и портретами царя. Еврейский хор пел «Боже, царя храни...».

Газета «Новое время» писала:

«Толпа евреев, вышедших из синагоги, встретила по дороге к Дворцовой прощади манифестацию русских и здесь, при общих восторженных криках, слилась с русскими в одно неразрывное целое. Такие минуты не забываются...»

Еврейская газета «Новый восход» писала:

«Наша любимая страна, великая Россия, была втянута в ужасную и кровавую бойню. Это беспощадная борьба за целостность и величие России. Все верные сыны России поднялись, как один человек, чтобы грудью заслонить родину от вражеской атаки. По всей Российской империи евреи, наши братья по религии, полны решимости исполнить свой долг...»

Но неудачи на фронте привели к поиску виновных, одни обвиняли императрицу и ее немецкое окружение, другие — по привычке — евреев.

Начальником штаба верховного главнокомандующего в 1914 году был назначен генерал от инфантерии Николай Николаевич Янушкевич, которого привечали в царской семье. Янушкевич был ярым антисемитом. Еще до войны он требовал удалить всех евреев из рядов вооруженных сил России. А с началом войны Янушкевич стал утверждать, что евреи ждут прихода немцев, шпионят в их пользу и поэтому их всех надо убрать из прифронтовой зоны.

Из родных мест изгнаны были сотни тысяч евреев, которые оказались в самом бедственном положении, старики, дети, женщины — без денег, без жилья и без возможности что-либо заработать. Так они оказались в крупных городах, где прежде было очень мало евреев. Солдаты-евреи были возмущены тем, как поступают с их родными, и присоединялись к большевикам.

В августе 1915 года выселение евреев из прифронтовой зоны обсуждалось в правительстве. Министр внутренних дел князь Щербатов говорил:

— Всемогущий Янушкевич совершенно не принимает во внимание интересы государства. Все, что он хочет, это воспользоваться предрассудками против евреев, чтобы возло-

жить на них вину за все наши поражения. Эта политика принесла свои плоды, и в армии усилились погромные тенденции. Я подозреваю, что Янушкевич хочет использовать евреев в качестве алиби...

Генерал Самойло, служивший в Первую мировую в Ставке, вспоминал: «Генерал Янушкевич, вопреки «Положению о полевом управлении войск в военное время», никакого участия в оперативной работе не принимал, отказываясь от нее под предлогом малого знакомства со стратегией».

В конце концов Государственная Дума настояла на отстранении его от должности начальника штаба.

В 1915 году Янушкевича перевели на Кавказ помощником наместника, он отвечал за снабжение Кавказского фронта. «Прощаясь с работниками штаба перед отъездом на Кавказ, — пишет Самойло, — Янушкевич чистосердечно и справедливо признался в своей вине за наши военные неудачи первого года войны». В 1917 году Временное правительство уволило его в отставку. В 1918 году ненавидимый на фронте Янушкевич стал жертвой солдатского самосуда...

Нужна ли была революция евреям — вот главный вопрос, ответить на который однозначно невозможно.

Еврейскую массу, как и всю Россию, раздирали внутренние противоречия. Никакого единства в еврейской среде не было. Одни поддержали Октябрьскую революцию, другие бежали из страны, третьи ждали, когда, наконец, закончится эта смута.

Во время Гражданской войны евреи пережили страшную трагедию, в погромах гибли десятки тысяч людей. Триста тысяч еврейских детей остались сиротами. Это происходило в основном на Украине, где долгое время не было крепкой власти и где хозяйничали такие атаманы, как Нестор Махно и Николай Григорьев. Антисемитизм процветал на территориях, которые занимала Белая армия. Да и многие части Красной армии мало чем отличались от махновцев.

Весной 1919 года части Украинского фронта участвовали в погроме в Бердичеве. В приказе командующего фронтом Антонова-Овсеенко говорилось:

«Враг в нашу красную семью ввел своих подлых слуг... Удалось натравить солдат Красной Армии на грабеж, на дикое насилие над беззащитными жителями — евреями. Подлое дело совершено. Опозорена Красная Армия...

Приказываю революционному трибуналу армии произвести немедленно расследования. Весь командный состав участвовавших в бесчинствах частей объявляется под судом.

Полки должны сами выдать суду провокаторов, предателей, подстрекающих к пьянству и погромам».

Но справедливо было бы сказать, что еврейские погромы были составной частью общероссийского погрома, жертвами которого стал почти миллион человек.

Основная масса евреев, которые после Октябрьской революции еще оставались в местечках, только проиграла от того, что власть перешла к большевикам. Вся их жизнь разрушилась. Они жили ремеслом и торговлей, которые теперь были запрещены. Их лишали избирательных и других прав. Вместе с православными храмами закрывались и синагоги. Еврейских религиозных деятелей сажали. Иудаизм жестоко преследовался.

Спасаясь от голода, в поисках работы еврейская молодежь хлынула в города. Появление большого количества евреев на заметных должностях после Октябрьской революции, особенно в партийном аппарате, в ВЧК, объяснялось тем, что большевиков вообще было мало. Должностей оказалось больше, чем кандидатов. Евреи-большевики были абсолютно преданы революции, надежны и лояльны к новой власти. Они были ярыми сторонниками крепкого централизованного государства, это новая власть особенно ценила, когда страна распадалась на куски.

Многие годы полагают, что евреи-чекисты или евреи-комиссары вели себя особенно жестоко и их жестокость объясняется просто: они не жалели ни России, ни русских. В реальности евреи-большевики порвали всякие связи с еврейской средой, которая боялась революции. Они перестали говорить по-еврейски и вообще воспринимали себя как русских. Что касается безумной, ничем не оправданной жестокости, то в Гражданской войне по этой части отличились решительно все.

Если они вспоминали о своем еврейском происхождении, то скорее для того, чтобы доказать свой российский патриотизм.

Убийца германского посла Мирбаха Яков Блюмкин, который в ВЧК руководил отделом по борьбе с международным шпионажем, на суде так объяснил свои мотивы: он хотел вступиться за честь российских евреев.

Во время Первой мировой войны евреев обвиняли в германофильстве, а после революции — в заключении сепаратного Брестского мира, который позволил Германии оккупировать полстраны. Стреляя в немецкого посла, Блюмкин хотел показать, что есть евреи — противники Брестского

мира и они желают, чтобы этот постыдный для России договор с Германией был разорван...

А много ли в самом Троцком было подлинно еврейских черт, если вообще можно говорить о чертах, характерных для целого народа?

Еще в январе 1918 года в газете «Петроградский голос», критически относящейся к большевикам, известный писатель Александр Амфитеатров опубликовал статью под названием «Троцкий великоросс». Амфитеатров полемизировал с обычной оценкой: Троцкий — «инородец», чужой для России человек.

Амфитеатров писал, что «Троцкому, напротив, не хватает традиционных еврейских черт — осторожности, образования, умения приспосабливаться к обстоятельствам. Беда как раз в том, что Троцкий слишком хорошо усвоил типичные черты великоросса, причем великоросса-шовиниста: похвальба, драчливость, нахрапистость, легкомыслие, злоба, умение утереться».

На самом деле национальность имела для Троцкого столь же малое значение, как для Дзержинского или Сталина. Эти люди не чувствовали себя ни евреем, ни поляком, ни грузином. Они ставили перед собой задачи всемирного характера. Выбирая себе друзей и врагов, они отнюдь не руководствовались этническими принципами. Не случайно маленький сын Сталина по секрету сказал сестре: «А наш папа раньше был грузином...» Поздний антисемитизм Сталина, выселение им целых народов — явление другого порядка.

Люди, которые ненавидят Троцкого, говорят: слава богу, что не он пришел к власти, а то было бы хуже, чем при Сталине... А разве могло быть хуже?

Глава шестая

КРАСНЫЙ БОНАПАРТ?

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ФРУНЗЕ

Слухи о том, что председатель Реввоенсовета СССР, нарком по военным и морским делам Михаил Васильевич Фрунзе умер в результате неудачно проведенной хирургической операции, сразу пошли по Москве. А вскоре заговорили о том, что Фрунзе вообще не нуждался в хирургическом вмешательстве, что его, можно сказать, насильно уложили на операционный стол — и не для того, чтобы он выздоровел, а совсем наоборот. Зачем? Говорили, что Фрунзе оказался жертвой жестокой политической борьбы в Кремле. Он мешал Сталину.

Михаил Фрунзе принадлежал к числу сторонников Григория Евсеевича Зиновьева, который в 1925 году был еще на вершине власти — председатель Исполкома Коминтерна, член политбюро, хозяин Ленинграда. Вдвоем с председателем Моссовета и членом политбюро Львом Борисовичем Каменевым они казались мощной силой. Некоторое время, до и после смерти Ленина, страной фактически правила тройка — Сталин, Зиновьев и Каменев.

Бывший помощник Сталина Борис Бажанов, бежавший за границу, писал:

«Фрунзе Сталина не очень устраивал, но Зиновьев и Каменев были за него, и в результате длинных предварительных торгов на тройке Сталин согласился — назначить Фрунзе на место Троцкого наркомвоеном и председателем Реввоенсовета, а Ворошилова его заместителем...

Фрунзе был очень способным военным. Человек очень замкнутый и осторожный, он производил на меня впечатление игрока, который играет в какую-то большую игру, но карт не показывает. На заседаниях политбюро он говорил очень мало и был целиком занят военными вопросами».

Бажанов, пожалуй, единственный, кто писал о замкнутости Фрунзе, кто увидел в нем политического игрока. Другие, кто знал Михаила Васильевича, напротив, вспоминали его

открытость, дружелюбие и полное отсутствие интриганства. «Его любила, — мало любить, — его обожала Красная Армия. Он пользовался колоссальным авторитетом и доверием», — писал один из военачальников той поры.

Может быть, на Бориса Бажанова повлияло то, что в окружении Сталина к Фрунзе действительно относились настороженно? Фрунзе, возглавив военное ведомство, отменил институт военных комиссаров и поставил во главе военных округов и соединений командиров, «подобранных по принципу их военной квалификации, но не по принципу их коммунистической преданности». Бывший сталинский помощник разглядел в этом далеко идущий замысел:

«Я был тогда уже скрытым антикоммунистом. Глядя на списки высшего командного состава, которые провел Фрунзе, я ставил себе вопрос: «Если бы я был на его месте, какие кадры привел бы я в военную верхушку?» И я должен был себе ответить: именно эти. Это были кадры, вполне подходившие для государственного переворота в случае войны. Конечно, внешне это выглядело и так, что это были очень хорошие военные».

Бажанов пересказал свой разговор с еще одним личным помощником Сталина — Львом Захаровичем Мехлисом, который со временем станет заместителем наркома обороны и начальником Политуправления Красной армии.

Бажанов осторожно поинтересовался мнением генерального секретаря относительно новых назначений в армии.

— Что думает Сталин? — переспросил Мехлис. — Ничего хорошего. Посмотри на список: все эти тухачевские, корки, уборевичи, авксентьевские — какие это коммунисты? Все это хорошо для 18 брюмера, а не для Красной армии.

18 брюмера 1799 года молодой генерал Бонапарт произвел во Франции государственный переворот и со временем стал императором Наполеоном. Брюмер — второй месяц (с 22 октября по 20 ноября) французского республиканского календаря, принятого после революции (иначе говоря, генерал Бонапарт взял власть 9 ноября).

— Это ты от себя, — уточнил Бажанов, — или это сталинское мнение?

Мехлис надулся и с важностью ответил:

— Конечно, и его и мое.

Мехлис в изображении Бажанова предстает несколько карикатурным. Но Лев Захарович в Гражданскую воевал на Южном фронте, был комиссаром 46-й дивизии, ситуацию в армии и людей Фрунзе знал неплохо.

«Между тем Сталин вел себя по отношению к Фрунзе скорее загадочно, — писал Бажанов. — Я был свидетелем недовольства, которое он выражал в откровенных разговорах внутри тройки по поводу его назначения. А с Фрунзе он держал себя очень дружелюбно, никогда не критиковал его предложений.

Что бы это могло значить? Может, Сталин делает вид, что он против зиновьевского ставленника Фрунзе, а на самом деле заключил с ним секретный союз против Зиновьева? На это не похоже. Фрунзе не в этом роде, и ничего общего со Сталиным у него нет.

Загадка разъяснилась только в октябре 1925 года, когда Фрунзе, перенеся кризис язвы желудка (от которой он страдал еще со времен дореволюционных тюрем), вполне поправился. Сталин выразил чрезвычайную заботу об его здоровье: «Мы совершенно не следим за драгоценным здоровьем наших лучших работников». Политбюро чуть ли не силой заставило Фрунзе сделать операцию, чтобы избавить от язвы...

Мои неясные опасения оказались вполне правильными. Во время операции хитроумно была применена как раз та анестезия, которой Фрунзе не мог вынести. Он умер на операционном столе, а его жена, убежденная в том, что его зарезали, покончила с собой...

Почему Сталин организовал это убийство Фрунзе? Только ли для того, чтобы заменить его своим человеком — Ворошиловым? Я этого не думаю: через год-два, придя к единоличной власти, Сталин мог без труда провести эту замену. Я думаю, что Сталин разделял мое ощущение, что Фрунзе видит для себя в будущем роль русского Бонапарта. Его он убрал сразу, а остальных из этой группы военных (Тухачевского и прочих) расстрелял в свое время.

Троцкий в своей книге «Сталин» категорически отрицает мою догадку о Фрунзе, но Троцкий искажает мою мысль. Он приписывает мне утверждение, что Фрунзе стоял во главе военного заговора. Я никогда ничего подобного не писал (тем более что совершенно очевидно, что никакие заговоры в это время в советской России не были возможны). Я писал, что Фрунзе, по-моему, изжил свой коммунизм, стал до мозга костей военным и ожидал своего часа...»

Лучшие хирурги страны, оперировавшие Фрунзе, видимо, действительно допустили роковую ошибку, стоившую ему жизни. Но была ли эта ошибка следствием роковой

случайности, врачебного недосмотра или результатом злого умысла? У историков, надо признать, есть основания подозревать такой умысел.

Фрунзе возглавил военное ведомство в результате политического компромисса между Зиновьевым и Сталиным, который еще не настолько окреп, чтобы решать крупные кадровые вопросы единолично. И дело не только в том, что у Сталина уже давно был свой кандидат на пост военного министра. Михаил Васильевич, человек вполне самостоятельный, мог мешать далеко идущим сталинским планам. Во-первых, Фрунзе был человеком Зиновьева, во-вторых, к Троцкому относился вполне уважительно.

А разговоры о «красном Бонапарте» и в самом деле имели место. И, выступая в Военной академии, Фрунзе говорил:

— Многим уже наяву и во сне грезится близость советского термидора. Высказываются затаенные надежды на то, что Красная армия окажется ненадежным орудием в руках Советской власти, что она не пойдет за политическим руководством той партии, которая руководит советским кораблем. Конечно, на все эти разговоры мы можем только улыбнуться...

9 термидора по французскому революционному календарю (то есть 27 июля) 1784 года буржуазия свергла диктатуру якобинцев, что стало концом революции. А глава якобинцев Робеспьер и его соратники были казнены. Страх перед термидором не покидал советское руководство. И военные казались самой реальной силой, способной сбросить большевиков.

Уже в наши дни академик Юрий Поляков, оценивая личность Фрунзе, приходит к выводу, что Михаила Васильевича ждало большое политическое будущее:

«Фрунзе обладал всеми качествами, необходимыми выдающемуся революционеру: горячее сердце и холодный ум, романтизм и прагматизм, смелость, личное мужество, бесстрашие без рисовки и авантюризма. Скромный в быту, не увлекшийся возможностями, которыми обладали обитатели Кремля, Фрунзе являл собой образец подлинного революционера.

Без нервозности, издерганности Дзержинского, без сталинского дальноприцельного честолюбия, умения закулисно приближать будущее, сочетая без самовлюбленности Троцкого и Зиновьева деловитость Рыкова и разумное спокойствие Каменева. Подпольщик, партийный руководитель, крупнейший полководец Гражданской войны, выдающийся деятель

мирного строительства, он более всего подходил к роли преемника Ленина».

Так что же, смерть Фрунзе — он ушел из жизни всего в сорок лет — тоже на совести Сталина?

«ПОВЕСТЬ НЕПОГАШЕННОЙ ЛУНЫ»

В майском номере «Нового мира» за 1926 год появилась «Повесть непогашенной луны» известного писателя Бориса Андреевича Пильняка (настоящая фамилия Вогау).

В повести рассказывалось о том, как героя Гражданской войны командарма Гаврилова, страдавшего язвенной болезнью, кладут на операционный стол, но не по рекомендации врачей, а по приказу главы государства. Командарм, предчувствуя гибельный исход операции, все равно исполняет волю первого человека в стране. И он действительно умирает на операционном столе по вине анестезиолога, который дал больному слишком большую дозу наркоза, — «это был сердечный шок: организм, не принимавший хлороформа, был хлороформом отравлен».

Все, кто прочитал Пильняка, увидели в повести историю смерти Михаила Васильевича Фрунзе, хотя автор сделал попытку избежать этой параллели и в предисловии указал:

«Фабула этого рассказа наталкивает на мысль, что поводом к написанию его и материалом послужила смерть М.В. Фрунзе. Лично я Фрунзе почти не знал, едва был знаком с ним, видел его раза два. Все это я нахожу необходимым сообщить читателю, чтобы читатель не искал в нем подлинных фактов и живых лиц».

Но предисловие только усилило интерес к сочинению Пильняка.

Разразился невероятный скандал. Получалось, что руководство партии обвиняется в смерти Фрунзе. Тираж пятого номера «Нового мира» был конфискован. Руководителям редакции пришлось объясняться в ЦК.

Повести Пильняка было посвящено отдельное решение политбюро. Немногие произведения советской литературы удостаивались такого внимания высшего руководства партии и государства.

Политбюро ЦК ВКП(б) 13 мая 1926 года решило:

«а) Признавая, что «Повесть о непогашенной луне» Пильняка является злостным, контрреволюционным и клеветни-

ческим выпадом против ЦК и партии, подтвердить изъятие пятой книги «Нового мира».

б) Поставить на вид членам редакционной коллегии «Нового мира» Луначарскому и Степанову-Скворцову за помещение в «Новом мире» этого рассказа Пильняка, а тов. Полонскому, как члену редколлегии, ответственному за художественный отдел, объявить строжайший выговор.

в) Предложить т. Воронскому письмом в редакцию «Нового мира» отказаться от посвящения Пильняка с соответствующей формулировкой, которая должна быть согласована с Секретариатом ЦК.

г) Редакционной коллегии «Нового мира» одновременно с письмом тов. Воронского опубликовать свое заявление о том, что, присоединяясь к мнению тов. Воронского, она считает напечатание этого рассказа явной и грубой ошибкой.

д) Снять Пильняка со списка сотрудников журналов «Красная новь», «Новый мир» и «Звезда» (Ленинград).

е) Запретить какую-либо перепечатку или переиздание рассказа Пильняка «Повесть о непогашенной луне».

ж) Поручить тов. Бройдо пересмотреть договор, заключенный Государственным издательством с Пильняком, в целях устранения из издания тех сочинений Пильняка, которые являются неприемлемыми в политическом отношении.

з) Поручить отделу печати ЦК распространить то же и на остальные советские издательства.

и) Предложить отделу печати ЦК дать печати закрытую директиву по вопросам, связанным с закрытием «Новой России» и изъятием пятой книги «Нового мира», особенно подчеркнув в ней необходимость строго соблюдать разграничение между критикой, направленной на укрепление советской власти, и критикой, имеющей своей целью ее дискредитировать.

к) Констатировать, что вся фабула и отдельные элементы рассказа Пильняка «Повесть о непогашенной луне» не могли быть созданы Пильняком иначе, как на основании клеветнических разговоров, которые велись некоторыми коммунистами вокруг смерти тов. Фрунзе, и что доля ответственности за это лежит на тов. Воронском. Объявить тов. Воронскому за это выговор».

В сталинской команде повесть Пильняка истолковали как попытку оппозиции опорочить генерального секретаря в разгар борьбы против Троцкого.

Иван Михайлович Гронский, партийный работник, а затем редактор «Известий» и «Нового мира», вспоминал:

«Содержание «Повести непогашенной луны», по словам Пильняка, было ему подсказано троцкистами — А.К. Воронским, К.Б. Радеком и В.В. Полонским. Последний напечатал ее, не согласовав с двумя другими редакторами — И.И. Скворцовым-Степановым и А.В. Луначарским.

Этой повестью троцкисты намеревались нанести удар по руководству партии. Частично это удалось. По поводу этой повести я беседовал с Радеком и Воронским, ссылаясь на устное заявление Пильняка в разговоре со мной. Оба они подтвердили правильность заявления Пильняка.

Я назвал повесть Пильняка идеологической диверсией».

До появления повести Бориса Пильняка тоже говорили, что смерть Фрунзе подозрительна. Но сходились в том, что операция была плохо проведена. Нарком внешней торговли Леонид Борисович Красин, которого через месяц после смерти Фрунзе положили в ту же Кремлевскую больницу, написал жене: «Лечиться здесь я все равно не буду — особенно после того, когда на Фрунзе наши эскулапы так блестяще демонстрировали свое головотяпство».

В «Повести непогашенной луны» речь фактически шла о заговоре.

Когда Фрунзе скончался, Борис Пильняк был за границей. Вернувшись, узнал о смерти председателя Реввоенсовета, наделавшей много шума, и засел за письменный стол. В считанные недели повесть была закончена.

Многое Пильняку рассказал редактор журнала «Красная новь» литературный критик Александр Константинович Воронский, давно друживший с Фрунзе. Они вместе работали еще в Иваново-Вознесенске, где Воронский редактировал ежедневную газету «Рабочий край».

Потрясенный смертью Фрунзе, Воронский, похоже, и в самом деле считал, что в этом повинно политбюро, которое настаивало на том, что Михаил Васильевич должен активно лечиться. Уже после выхода повести Воронский писал Горькому:

«С высокими людьми после пильняковской вещи у меня довольно натянутые отношения. Меня обвиняют в инспирации Пильняка. Кое-что он, правда, узнал от меня, но в самом главном я неповинен».

У Пильняка, не имевшего медицинского образования, явно был врач-консультант.

История смерти Фрунзе много десятилетий волнует историков и врачей. Детальное медико-историческое исследование этой загадочной смерти предпринял врач и писатель Вик-

тор Тополянский в книге «Вожди в законе». Тополянский полагает, что ход операции, приведшей к смерти Фрунзе, писателю рассказал профессор Дмитрий Дмитриевич Плетнев.

Профессор Института функциональной диагностики и консультант Лечебно-санитарного управления Кремля Плетнев был очень известным медиком, к его помощи прибегали самые видные люди в стране. Близость к власти оказалась для профессора губительной. Чекисты пристегнули его к первому «делу врачей».

8 июня 1937 года в «Правде» появилось письмо некой пациентки профессора Плетнева:

«Будьте прокляты, преступник, надругавшийся над моим телом! Будьте прокляты, садист, применивший ко мне свои гнусные извращения. Будьте прокляты, подлый преступник, наградивший меня неизлечимой болезнью, обезобразивший мое тело. Пусть позор и унижение падут на вас, пусть ужас и скорбь, плач и стенания станут вашим уделом, как они стали моим, с тех пор как вы, профессор-преступник, сделали меня жертвой вашей половой распущенности и преступных извращений».

Это письмо было опубликовано для того, чтобы подорвать репутацию профессора. Вскоре последовал арест. Плетнева и еще нескольких видных врачей обвинили в том, что они умертвили Горького и его сына, председателя ОГПУ Менжинского... В 1938 году Плетнева приговорили к смертной казни вместе с бывшим членом политбюро Бухариным, бывшим наркомом внутренних дел Ягодой и многими видными партийными работниками...

Автора «Повести непогашенной луны» фактически включили в черный список запрещенных писателей. 27 мая 1926 года Главлит разослал издательствам специальный циркуляр:

«С е к р е т н о.

Предлагается вам впредь не допускать помещения произведений Б. Пильняка в толстых партийно-советских журналах и сборниках и вычеркивать фамилию названного писателя из списка сотрудников этих журналов.

Начальник Главлита *Лебедев-Полянский*».

Однако дальнейшие репрессии не последовали. Пильняку разрешили печататься и даже ездить за границу. Это несказанно удивило его коллег по перу.

7 ноября 1935 года, находясь в Крыму, Алексей Максимович Горький написал секретарю ЦК Андрею Андрееви-

чу Андрееву, которому поручили заниматься культурой, обширное письмо о ситуации в писательском мире.

В частности, Горький писал:

«Отношение к литераторам очень пестрое. Существует «меценатство», и весьма часто литератор ценится не по заслугам его, а по симпатии. Пильняку прощается рассказ о смерти т. Фрунзе — рассказ, утверждающий, что операция была не нужна и сделали ее по настоянию ЦК... Это, разумеется, создает в среде литераторов рассуждения и настроения дрянные».

Подумав, Горький упоминание о Пильняке из письма, которое он послал Андрееву 8 декабря, все же вычеркнул. Видимо, понял, что писателю не пристало призывать власть быть более жестокой, чем она есть.

Борис Андреевич Пильняк был уничтожен десятилетие спустя, во время массовых репрессий.

КРЕСТЬЯНИН-ИНТЕЛЛИГЕНТ

Михаил Васильевич Фрунзе родился 21 января 1885 года в городе Пишпеке Семиреченской области Туркестанского края. Мать, Мавра Ефимовна, — русская. Отец, Василий Михайлович, молдаванин, работал фельдшером в городской аптеке Пишпека. Михаил Васильевич в анкетах указывал, что родители его из крестьян, и на вопрос о собственном социальном положении отвечал: «крестьянин-интеллигент».

Отец умер рано, в сорок три года. В семье осталось пятеро детей: двое сыновей и три дочери. Мавре Ефимовне пришлось обратиться в Пишпекское общественное городское управление с просьбой выдать стипендию на образование сыновей.

Собрание уполномоченных Пишпека рассмотрело обращение и назначило воспитаннику Верненской мужской гимназии Михаилу Фрунзе годовое пособие в сто двадцать рублей. На казенные деньги получал образование и старший брат, Константин.

Михаил Фрунзе прекрасно учился. В аттестате зрелости у него были одни пятерки, поэтому он получил золотую медаль. Более того, у будущего военного министра в юности обнаружились все задатки настоящего ученого.

Летом 1903 года гимназист Фрунзе вместе с соучениками предпринял двухмесячное путешествие по Семиречью. Он

неплохо поохотился (эту страсть привил ему отец, который зимой охотился на фазанов), но и занимался делом, всерьез изучая природу края.

Он писал приятелю:

«Мы объехали огромное пространство; были в Пржевальске, объехали кругом озеро Иссык-Куль; затем перевалили Тянь-Шань, спустились к китайской границе; оттуда воротились в Нарын, из Нарына поехали на Сонкуль — тоже озеро, раза в три меньше Иссык-Куля; с Сонкуля на долину Джумгал, с Джумгала на Сусамыр, с Сусамыра в Фергану, к Андижану...

Экспедиция наша увенчалась полным успехом. Мы собрали 1200 листов растений, 3000 насекомых. Коллекции мы уже отправили в Императорское географическое общество и Ботанический сад».

Собранный им гербарий и по сей день хранится в Ботаническом институте Академии наук в Петербурге.

Старший брат, Константин, поступил на медицинский факультет Казанского университета. Михаил не захотел стать врачом, выбрал экономическое отделение Петербургского политехнического института.

Забавная для будущего военного министра деталь встречается в его письме брату от 10 февраля 1905 года:

«В военное поступать не советую, испортишь всю жизнь. У меня прямо сжалось сердце, когда я в бытность в Москве увидел наших земляков. Боже, что из них делает военщина: ничего не знают, ничего не слышат...»

Михаил Фрунзе был человеком тонко чувствующим, неравнодушным к страданиям других людей. Это привело его к революционной деятельности, но помешало получить образование — он окончил только три курса института.

Фрунзе вступил в партию большевиков в ноябре 1904 года. В 1905-м оказался в Иваново-Вознесенске, где два года участвовал в революционной борьбе. Здесь он познакомился с Андреем Сергеевичем Бубновым, который будет у него в Реввоенсовете начальником политуправления.

В октябре 1905 года Фрунзе арестовали. Но власти отнеслись к нему на редкость мягко. Через две недели выпустили с обязательством переехать в Казань и оттуда не отлучаться. Нарушив обязательство, Фрунзе уехал в соседнюю Шую. Он, как заправский охотник, с детства владевший оружием (первым оружием был самодельный пистолет, стрелявший дробью), организовал боевую дружину. Собирался захватить оружейный склад.

17 января 1907 года Фрунзе организовал захват типографии в Шуе, чтобы напечатать революционные листовки. Типография работала на большевиков весь день, отпечатали две тысячи листовок. Эта операция не прошла ему даром. В марте его взяли с оружием в руках. Поэтому полиция действовала грубо, ему изрядно досталось ружейным прикладом.

Теперь уже власти взялись за него всерьез.

Фрунзе предъявили целый букет обвинений, среди которых самые серьезные — принадлежность к боевой организации и руководство боевыми выступлениями. Это само по себе грозило ему длительным сроком лишения свободы. Но его еще и обвинили в попытке убить полицейского урядника Никиту Перлова. Фрунзе стрелял в урядника, но промахнулся. Это преступление каралось высшей мерой наказания.

Военный суд Московского военного округа 27 января 1909 года приговорил Фрунзе к «смертной казни через повешение». Но ему повезло с защитником. Тот нашел юридически убедительные основания и добился того, что Главный военный суд удовлетворил кассационную жалобу. Дело Фрунзе рассматривалось еще раз. Но 23 сентября 1910 года его вновь приговорили к смертной казни.

Медики полагают, что язвенная болезнь чаще всего является результатом тяжелых стрессов. Стоит ли удивляться, что эта болезнь прицепилась к человеку, который столько времени провел в камере смертников?

Но ему повезло. Командующий военным округом заменил Фрунзе смертную казнь шестью годами каторжных работ. До лета 1912 года он сидел в знаменитом Владимирском централе, оттуда его перевели отбывать наказание в каторжную тюрьму города Николаева Херсонской губернии.

На каторге он был садовником, огородником, научился проводить водопровод, делать ведра, кастрюли и чинить самовары. В сентябре 1914 года его выпустили из тюрьмы.

22 сентября он писал матери из села Манзурка Иркутской губернии, которое было определено ему как место ссылки:

«Чувствуется как-то странно и дико; знаете, словно ребенок, который учится ходить. Восемь лет заключения совершенно почти отучили действовать самостоятельно. Но это скоро пройдет. После, когда осмотрюсь и разберусь в своих впечатлениях, напишу подробно обо всем. Пока же в голове у меня один туман».

Он не знал, чем заняться, собирался столярничать или учить детей. Особенно хорошо у него получались табуретки. Но постепенно приходил в себя и просил прислать ему

ружье, чтобы он мог охотиться. Он собрал молодежь в хор, сам пел приятным тенором.

Ссылку Фрунзе отбывал вместе с эсером Флорианом Флориановичем Федоровичем. Тот играл ключевую роль в Политическом центре, состоявшем из эсеров и меньшевиков, который взял власть в Иркутске после свержения адмирала Колчака.

В 1922 году Федорович был одним из обвиняемых на процессе эсеров, инспирированном чекистами, которые методично уничтожали партию социалистов-революционеров. Весь процесс был построен на разоблачительных показаниях двух видных эсеров — Григория Ивановича Семенова, руководившего центральным боевым отрядом при ЦК партии социалистов-революционеров, и входившей в этот отряд Лидии Васильевны Коноплевой. Теперь раскрыты документы, из которых следует, что они оба были секретными агентами ГПУ и играли роль провокаторов.

Во время процесса Фрунзе прислал к старому товарищу своего адъютанта, передал, что хотел бы повидаться. Федорович ответил, что должен спросить мнение товарищей, и отказался от встречи. После смерти Фрунзе он жалел, что так ответил...

Уже в августе 1915 года Фрунзе бежал из ссылки, добрался до Иркутска. Ему сделали паспорт на имя Владимира Григорьевича Василенко. Он уехал в Читу, где получил место временного агента в справочном бюро статистического отдела губернского переселенческого управления. Здесь он познакомился со своей будущей женой Софией Алексеевной Поповой.

В газете «Забайкальское обозрение» Фрунзе со знанием дела писал о ходе Первой мировой войны. Эти статьи свидетельствуют о литературной одаренности автора и о его очевидном интересе к военной стратегии, что очень скоро окажется кстати.

Из Сибири он перебрался в Москву, жил у друзей. Знакомые отдали ему документы своего пропавшего без вести сына — Михаила Александровича Михайлова, и под этим именем его устроили работать от Всероссийского земского союза в Минский район. Земцы помогали правительству в снабжении действующей армии и организации ее тыла — создавали банно-прачечные отряды, питательные пункты, пошивочные мастерские. В мае 1916 года он даже поступил на военную службу «охотником на правах вольноопределяющегося 1 разряда в 56-ю артиллерийскую бригаду». В ре-

альности занимался снабжением армии и стал заведовать хозяйственным отделом Всероссийского земского союза при 10-й армии.

После Февральской революции, в марте 1917 года, он — все еще под именем Михайлова — стал начальником минской милиции и членом Минского Совета рабочих депутатов. Он разоружил городскую милицию и выпустил заключенных из тюрьмы.

Летом 1917 года его позиции были далеки от ленинских. Владимир Ильич был безусловным сторонником скорейшего окончания войны с Германией. А Михаил Фрунзе писал в минской газете «Звезда» совсем другое:

«Задача революционной армии — остановить натиск германских войск. Не место теперь никаким сомнениям и колебаниям в ее рядах. Каждый солдат, идя ныне в бой, должен понять, что иначе поступать он не может, не подвергая гибели нашу и международную революцию...

Мы никогда не были пораженцами, как это пытаются представить наши враги... Спасая фронт, мы спасаем и нашу, и международную революцию».

ВОЕННАЯ КАРЬЕРА

Осенью Фрунзе вернулся в края, где он участвовал в первой русской революции и где его знали партийные товарищи.

В сентябре 1917-го Фрунзе избрали председателем Шуйского уездного Совета и уездным комиссаром юстиции. В октябре он уже был в Иваново-Вознесенске. Именно Фрунзе после Октябрьской революции провел собрание офицеров местного гарнизона, объявил им о государственном перевороте и предложил всем принять присягу советской власти. Тем, кто отказался, рекомендовал подать в отставку. Почти все офицеры присягнули советской власти.

Михаил Васильевич не был военным человеком, но в нем проснулся интерес к военным делам. Причем он сразу заговорил о том, что советской власти нужна своя армия.

В апреле 1918 года Фрунзе писал:

«Если народ хочет жить, хочет улучшить свой быт, он должен заставить себя уважать. А для этого нужна вооруженная сила. Не та сила, которую представляла из себя наша Красная гвардия, часто недисциплинированная, не обладающая сознанием долга перед страной и революцией, и не те разрозненные, партизанские отряды, которые могут храбро по-

гибать, но не спасать положение. Необходима организованная, дисциплинированная, технически хорошо обставленная сила».

В марте 1918 года его избрали председателем Иваново-Вознесенского губернского исполкома, затем еще и председателем губернского совета народного хозяйства.

Летом 1918 года одновременно с восстанием левых эсеров в Москве вспыхнул и мятеж в Ярославле.

14 июля из Иваново-Вознесенска Фрунзе обратился с личным письмом к командующему войсками Московского военного округа Николаю Ивановичу Муралову, сообщая, что ярославский мятеж еще не подавлен, хотя местное начальство поспешило сообщить в Москву, что все кончено:

«Главная причина — отсутствие надежного и опытного руководителя. У отрядов не было даже связи, каждый действовал самостоятельно. В войсках началась деморализация, наблюдаются случаи грабежей... Состав окружного штаба в лице Аркадьева, по-видимому, очень слаб...

Прошу лично Вас отнестись ко всей этой истории как можно серьезнее. Поставьте в известность и т. Троцкого».

Муралов, надо понимать, не только выполнил просьбу Фрунзе, поставив в известность председателя Реввоенсовета, но и положительно охарактеризовал самого Михаила Васильевича. В первых числах августа Троцкий предложил ему должность военного комиссара Ярославского окружного комиссариата по военным делам. Фрунзе 8 августа 1918-го телеграфировал Троцкому: «Случае отсутствия лучших кандидатов центре согласен тчк желательно назначение Позерна».

Он имел в виду своего товарища Бориса Павловича Позерна, студента-медика, который в 1917 году был членом президиума Минского Совета. С Позерном они встретятся: Борис Павлович был членом Реввоенсовета 7-й армии, а затем и членом РВС Восточного фронта, которым командовал Фрунзе...

Троцкий настоял на своем. В результате Василий Платонович Аркадьев, комиссар Ярославского военного округа, был освобожден от должности, и 13 августа его место занял Фрунзе.

После мятежа в Ярославле управление военного округа было переведено в Иваново-Вознесенск. В Ярославский военный округ входили восемь губерний — Архангельская, Вологодская, Владимирская, Северо-Двинская, Костромская, Иваново-Вознесенская, Тверская и Ярославская. Задача ко-

миссара состояла в формировании новых боевых частей для Красной армии. Военным руководителем округа был генерал-лейтенант царской армии Федор Федорович Новицкий.

Активного и деятельного военкома заметили, и 26 декабря 1918 года приказом Троцкого Фрунзе был назначен командующим 4-й армией Восточного фронта.

Главком Вацетис возражал против назначения Фрунзе командующим армией, потому что не верил в военные способности партийных выдвиженцев. Михаил Васильевич поступил благоразумно — понимая, как и Троцкий, что он нуждается в военных специалистах, начальником штаба взял бывшего генерала Новицкого.

Новицкий в своих воспоминаниях рассказывал, что первоначально его самого прочили на должность командующего армией, но он настоятельно рекомендовал Михаила Васильевича, обещав помогать ему всячески по военной части. Они работали вместе на Восточном, а затем и на Туркестанском фронте.

До Фрунзе 4-й армией командовал бывший генерал-лейтенант Александр Алексеевич Балтийский. Он сдал Фрунзе должность и остался при нем «для поручений» — фактически в качестве военного советника. Обладая такой сильной командой, Фрунзе сделал минимальное число ошибок и быстро учился у своих военных наставников.

Восточный фронт образовали для борьбы с чехословацким корпусом, который восстал против советской власти, а затем с войсками адмирала Колчака.

4-я армия должна была действовать на южном фланге фронта, против оренбургских и уральских казаков. Армия была наскоро сколоченной из разрозненных партизанских и красногвардейских отрядов, которые не знали, что такое дисциплина. Солдаты запросто убивали командиров и комиссаров, если те пытались навести порядок.

11 февраля 1919 года Фрунзе телеграфировал председателю ВЦИК Якову Михайловичу Свердлову:

«Прибыл лично в расположение армии, ознакомился с составом и настроением, а равно с командным составом и политработниками. Требуются большие персональные изменения. Необходимо тщательное расследование всей деятельности не только мятежных частей, но и всего руководящего персонала армии...»

Командовать армией оказалось сложным делом. Один командир бригады, получив от Фрунзе выговор, обратился за помощью к своим подчиненным, и командный состав

бригады вызвал Фрунзе для объяснений. Другой командир бригады потребовал отвести его часть в тыл на отдых, угрожая в противном случае просто бросить позиции. Третий вообще отказался исполнить боевой приказ...

Но он научился ладить со своими подчиненными, где уговором, а где и жесткостью. Михаил Васильевич был человеком обаятельным, умевшим внушать к себе уважение.

Его карьера развивалась стремительно.

В январе 1919 года он вступил в командование армией, через месяц с небольшим ему подчинили еще одну, Туркестанскую, армию. Еще через месяц ему передали две другие армии, в том числе 5-ю, которой командовал будущий маршал Михаил Николаевич Тухачевский.

В апереле 1919-го он официально вступил в командование Южной группой войск Восточного фронта.

За умелые действия при взятии Уфы летом 1919 года Фрунзе получил орден Красного Знамени.

13 июля Фрунзе стал командующим войсками Восточного фронта — вместо Сергея Сергеевича Каменева, назначенного главкомом. Но уже 11 августа фронт разделили на два — Восточный и Туркестанский. Фрунзе возглавил Туркестанский фронт. Штаб разместился в Ташкенте.

Членом Реввоенсовета он попросил себе Валериана Владимировича Куйбышева. Тот был членом РВС у Фрунзе в Южной группе армий Восточного фронта. Они дружили. В 1921-м Куйбышева забрали в Москву членом президиума ВСНХ. В апреле 1922-го его избрали секретарем ЦК, и он оставался им год. В 1923-м он стал наркомом рабоче-крестьянской инспекции и одним из верных сотрудников Сталина.

Огромный Туркестанский край состоял из Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской, Закаспийской и Семиреченской областей. Основную массу населения составляли узбеки, казахи, киргизы, таджики, туркмены, каракалпаки...

В марте 1918 года Красная гвардия пыталась взять Бухару штурмом, при этом город грабили, женщин насиловали, мирное население убивали. Бухара поднялась против советской власти, началась резня русских. Погибли тысячи людей.

На некоторое время Бухарское ханство оставили в покое.

Но Фрунзе и Куйбышев были сторонниками насильственного свержения эмира и присоединения Бухары к Советской России. С помощью начальника особого отдела Туркестанского фронта Глеба Ивановича Бокия были устранены все сторонники мирных отношений с Бухарой. Чекисты Бокия соорудили дело «Бухарской шпионской организации» и поса-

дили сотрудников Туркестанской комиссии. Дело оказалось липовое, и сами особисты признали позднее: «следствием фактического шпионажа не установлено, а есть только намеки...»

29 августа 1919 года части Туркестанского фронта внезапно атаковали Бухару, ее обстреливала артиллерия Фрунзе и даже бомбили с аэропланов. Город сожгли, а потом взяли штурмом, после чего Бухару просто разграбили. Краденое отправляли в Москву целыми поездами.

Фрунзе с помощью своих дивизий установил в крае советскую власть, присоединил к Советской России территории бывших вассалов Российской империи — Хивинское и Бухарское ханства. И подавил сопротивление так называемых басмачей — отрядов местных жителей, которые хотели сохранить свою независимость.

Войска Фрунзе действовали крайне жестоко, что, впрочем, определялось приказами сверху. 30 августа 1919 года Михаил Васильевич получил шифротелеграмму от Ленина:

«Особо обсудите внимательнейше, как захватить нефть в Гурьеве, это обязательно, действуйте и подкупом, и угрозой поголовного истребления казаков, если они сожгут нефть в Гурьеве. Отвечайте скорее и точнее».

Михаил Васильевич исполнил приказ. В результате Уральско-Гурьевской операции (2 ноября 1919-го — 10 января 1920 года) возглавляемый им Туркестанский фронт восстановил советскую власть в Уральской области. Гурьев войска Фрунзе взяли 5 января 1920 года, нефть сжечь казаки не успели.

В результате успешных боевых действий на территории края в апреле 1921 года была образована Туркестанская Советская Социалистическая Республика, которая входила в состав РСФСР. В конце 1924 года на территории Туркестана были образованы Узбекская и Туркменская союзные республики, Таджикская автономная республика, Кара-Киргизская и Каракалпакская автономные области.

Завоевывая Среднюю Азию, советские руководители строили далеко идущие планы похода в Индию. Фрунзе рассуждал об этом как о вполне реальном деле.

Осенью 1919 года в Оренбурге председатель ВЦИК Михаил Иванович Калинин проводил массовый митинг взятых в плен бывших солдат колчаковских армий, в основном казаков. Вслед за Калининым выступал Фрунзе. Он, в частности, говорил:

— Вас, казаков, дураков, бросали в эти голодные степи, чтобы вашим потом, вашей кровью защищать, прикрывать

английскую Индию. Теперь вы знаете, что путь в Ташкент уже открыт, и, может быть, то, что не удалось Петру Великому и другим императорам России — их мечта о приближении к Индии, может быть, это удастся нам — измученной трудовой России. Мы взорвем английский капитал в Индии. Поэтому англичане предпринимают все усилия, чтобы не допустить соединения России с Индией...

Но индийский поход был отложен до лучших времен.

В сентябре 1920 года Михаилу Васильевичу поручили возглавить другой, Южный, фронт с задачей уничтожить войска Врангеля.

ВРАНГЕЛЬ СМЕНЯЕТ ДЕНИКИНА

Весной 1919 года Красная армия взяла Крым, но не сумела его удержать. Уже летом генерал-майор Добровольческой армии Яков Александрович Слащев высадился в Крыму, выбил оттуда красных и удерживал полуостров весь год.

Если бы не Слащев, Гражданская война закончилась раньше, потому что армия Колчака вовсе перестала существовать, а войска Деникина в беспорядке отступали с Кубани. Благодаря Слащеву разгромленные белые части смогли отойти в Крым и перевести дух (журнал «Военно-исторический архив», 2000, № 8).

Яков Слащев происходил из военной семьи, воевал всю Первую мировую, дослужился до полковника, имел много наград. В 1917 году получил под командование лейб-гвардии Московский полк. После революции покинул армию, но в январе 1918 года приехал в Новочеркасск, к генералу Алексееву, который формировал Добровольческую армию.

Сначала стал начальником штаба в казачьем отряде, которым командовал полковник Андрей Григорьевич Шкуро. В апреле 1919 года Слащева произвели в генерал-майоры. В ноябре он стал командовать 3-м армейским корпусом.

Жизнь у него была непростой. Он был многократно ранен, страдал от боли и пристрастился к кокаину. Слащев был очень популярен в армии. Он не допускал мародерства, приказывал пойманных на месте грабителей расстреливать. Он демонстративно не носил погоны, объяснив генералу Деникину:

— Добрармия живет грабежом, не следует позорить наши старые погоны грабежами и насилиями.

Моральное разложение Добровольческой армии произошло потому, что она так и не стала регулярной армией, а ос-

талась в значительной степени партизанской. А принцип самоснабжения открывал широкие возможности для наживы.

Добровольческая армия прославилась грабежами и погромами. Деникин не сумел этого остановить. Он лишь бессильно возмущался: «Каждый день — картины хищений, грабежей, насилий по всей территории вооруженных сил. Русский народ снизу доверху пал так низко, что не знаю, когда ему удастся подняться из грязи. Помощи в этом деле ниоткуда не жду. В бессильной злобе обещал каторгу и повешенье. Но не могу же я сам, один ловить и вешать мародеров фронта и тыла».

Генерал Врангель поступал жестче. В своей армии он публично вешал грабителей.

Грабежи процветали в армии генерала Владимира Зеноновича Май-Маевского, которого блистательно сыграл в известном фильме «Адъютант его превосходительства» Владислав Стржельчик. Генерал Май-Маевский, к примеру, отдал взятый им Харьков армии на разграбление. В отличие от благообразного киногенерала реальный Май-Маевский еще и пил запойно.

Однажды Деникин спросил генерала Александра Павловича Кутепова, командира корпуса, подчинявшегося Май-Маевскому, почему тот ничего не рассказывал о поведении командующего. Кутепов ответил:

— Вы могли подумать, что я подкапываюсь под командующего, чтобы самому сесть на его место...

В конце концов Деникин освободил Май-Маевского от командования. Врангель описывал, как он заехал к Май-Маевскому, который жил в гостинице «Кист» в Севастополе.

— На войне, — внушал Май-Маевский Врангелю, — для достижения успеха должно использовать все, не только положительные, но и отрицательные побуждения подчиненных. Настоящая война особенно тяжела. Если вы будете требовать от офицеров и солдат, чтобы они были аскетами, то они воевать не станут.

Врангель возмутился:

— Ваше превосходительство, какая же разница будет между нами и большевиками?

Май-Маевский быстро нашелся:

— Ну вот большевики и побеждают...

Дмитрий Лехович, служивший в Добровольческой армии, в своей книге «Белые против красных. Судьба генерала Деникина» находит более веские причины победы большевиков.

Антон Иванович не был способен сыграть роль вождя. Он не умел воодушевлять людей, вести их за собой. Он не был политиком. И не стал диктатором, не сумел, в частности, навести дисциплину в армии, которая занималась грабежами. При том, что сам оставался бессребреником и вел аскетический образ жизни. Жена сама готовила, он ходил в дырявых сапогах. Он смог прилично одеться, когда англичане прислали большое количество военного обмундирования.

20 февраля 1919 года у Деникиных родилась дочь Марина. Роды у Ксении Васильевны Деникиной были тяжелыми, врачи телеграфировали генералу на фронт, что, возможно, придется выбирать между жизнью матери и ребенка. Он просил сохранить жизнь жены. Выжили обе... Он жил замкнуто, дружил только со своим начальником штаба генералом Иваном Павловичем Романовским.

Антон Иванович Деникин обещал не предрешать будущее устройство России, хотя от него требовали ответа: за какую Россию он сражается — монархическую или республиканскую? Генерал уклонился от ответа, что, вероятно, было ошибкой. Но он предполагал, что любой ответ приведет к тому, что половина его офицеров покинет армию. Единого мнения относительно будущего России в лагере белых не было, и это тоже предопределило их поражение.

Постоянные реквизиции лошадей, продовольствия и фуража настроили крестьянство против Белой армии. Деникин, конечно, мог завоевать симпатии крестьян, которые после революции захватили и земли помещиков, и все их имущество. Если бы Антон Иванович твердо заявил, что земля у них и останется, крестьяне бы, возможно, отнеслись к белым иначе.

Но Деникин сказал, что судьбу земли решит Учредительное собрание после войны. Он опять же не хотел ссориться с собственными офицерами. Основу Белой армии составляли офицеры из дворян, многие были землевладельцами...

И если преимущество в Гражданской войне все-таки оказалось на стороне Красной армии, то потому, что в конечном итоге крестьянство поддержало советскую власть в благодарность за декрет о земле.

«Троцкий, — отмечал Карл Радек, — сумел при помощи всего аппарата нашей партии внушить крестьянской армии, усталой от войны, глубочайшее убеждение в том, что она борется за свои интересы».

Впрочем, некоторые историки полагают, что, потерпев политическое и военное поражение, Деникин одержал побе-

ду моральную. Доктор исторических наук Андрей Зубов пишет, что Деникин пытался восстановить законы Российской империи, собственность возвращалась прежним владельцам, бывшим владельцам земли требовали отдать треть урожая:

«Но как же иначе могли поступать честные люди с бандитски попранными законами и награбленным имуществам? Неужели согласиться на беззаконие, оставить похищенное в руках грабителей? Крестьянство в годы революции не пошло за белыми, забыв непреложность восьмой заповеди Божией «не укради», и вскоре лишилось и своих, и награбленных имений. Разве белые должны были потакать пагубным страстям народа ради своей узкой выгоды?»

Деникин недооценил советских полководцев, которые быстро учились воевать и осенью 1919 года перешли в контрнаступление. Белые войска остановились, а потом стали отходить, не выдерживая напора противника.

Отступление породило массовое разочарование в войсках. Первым об отставке Деникина заговорил барон Петр Николаевич Врангель. Он окончил Горный институт и сдал офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище, со временем окончил и Академию генерального штаба.

Он начинал службу в лейб-гвардии Конном полку. Участвовал в войне с Японией и в Первой мировой, которую закончил командиром корпуса в звании генерал-майора. В Добровольческой армии командовал бригадой, 1-й конной дивизией и 1-м конным корпусом, Кавказской Добровольческой армией. Это он в 1919-м взял Царицын, Сталин и Ворошилов так и не сумели отстоять город.

Генерал Врангель, выражая свое неудовольствие, подал прошение об отставке. Он написал Деникину письмо, обвиняя его в жажде власти и неспособности посмотреть правде в глаза. Врангель хотел сменить Деникина, обсуждал это с другими генералами. Антон Иванович своей властью выслал Врангеля из Крыма. Сам Деникин считал, что его должен сменить начальник штаба генерал-лейтенант Иван Павлович Романовский, но тот не пользовался популярностью в войсках.

Отставки Деникина фактически потребовал и генерал Александр Павлович Кутепов, который командовал Добровольческим корпусом (в него преобразовали малочисленную Добровольческую армию). Кутепова, как прямого и мужественного человека, Деникин уважал. И мнение Александра Павловича стало для него ударом.

Деникин предложил собрать 21 марта в Севастополе военный совет для избрания главнокомандующего.

Моряки выдвинули Врангеля, который на британском миноносце срочно прибыл из Константинополя в Крым.

Помимо Врангеля на место главкома претендовали генералы Слащев и Покровский.

Виктор Леонтьевич Покровский был военным летчиком, он прошел Первую мировую, командовал 12-м армейским авиационным отрядом. В январе 1918-го сформировал на Кубани боевой отряд, который в марте влился в Добровольческую армию. Командовал Кубанской конной бригадой, 1-й Кубанской конной дивизией, 1-м конным корпусом, с декабря 1919-го по февраль 1920-го Кавказской армией. В мае 1920-го генерал-лейтенант Покровский покинул Крым и обосновался в Болгарии.

Но большинству армии нравился бывший офицер старой императорской гвардии барон Врангель. Правда, поклонники Деникина считали Врангеля ограниченным человеком, говорили: «Врангель так и остался ротмистром кавалергардского его величества полка».

22 марта 1920 года Деникин отдал последний приказ:

«Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России.

Всем, шедшим честно со мною в тяжелой борьбе, — низкий поклон. Господи, дай победу армии и спаси Россию».

На том же британском миноносце, который привез Врангеля, Деникина и его близких вывезли из Крыма. Когда Деникин и Романовский в апреле прибыли в Константинополь, они отправились в здание русского посольства, где скопилось огромное количество беженцев-офицеров, злых на Деникина и на Романовского. Кто-то из них убил Романовского, когда тот шел по коридору посольства, — дважды выстрелил генералу в спину из парабеллума. Убийство осталось нераскрытым...

В начале апреля 1920 года британский министр иностранных дел лорд Джордж Керзон отправил наркому по иностранным делам Советской России Георгию Васильевичу Чичерину ноту с предложением прекратить Гражданскую войну. В послании британского министра говорилось:

«Я употребил все свое влияние на генерала Деникина, чтоб уговорить его бросить борьбу, обещав ему, что, если он поступит так, я приложу все усилия, обеспечив неприкосновенность его соратников, а также населения Крыма. Генерал Деникин в конце концов последовал этому совету и покинул Россию, передав командование генералу Врангелю».

Деникин был возмущен посланием Керзона и ответил письмом в «Таймс», что он отвергает предложение британского военного представителя о перемирии и считает необходимым продолжить вооруженную борьбу с большевиками до полного их поражения, а его уход в отставку не имеет никакого отношения к лорду Керзону. Мириться не хотели и в Москве. Одержав столько побед, советские руководители не сомневались, что сумеют добить остатки вражеской армии.

Врангель переименовал подчиненные ему войска в Русскую армию и свел ее в три корпуса. 1-м армейским корпусом командовал генерал Кутепов, 2-м армейским корпусом — Слащев, произведенный в генерал-лейтенанты, и Сводным корпусом — генерал Петр Константинович Писарев. Писарев окончил Первую мировую в звании полковника. При Врангеле сначала был комендантом Севастополя. В Сводный корпус входили Марковская, Дроздовская и Корниловская дивизии — лучшие части Добровольческой армии.

В общей сложности под командованием Врангеля оставалось двадцать пять тысяч штыков и сабель, сто двадцать шесть орудий и примерно четыреста пятьдесят пулеметов.

Врангель понимал, что его попытка продолжить войну безнадежна. Он откровенно сказал главному военному священнику митрополиту Вениамину:

— Почти нет никаких надежд на дальнейший успех Добровольческого движения. Армия разбита, дух пал. Оружия почти нет. Конница погибла. Финансов никаких. Территория ничтожна. Союзники ненадежны. Большевики неизмеримо сильнее нас и человеческими ресурсами, и вооруженным снаряжением.

Тем не менее принял командование. Сначала ему сопутствовал успех.

Летом Слащев высадился в Северной Таврии, взял Мелитополь, вел кровопролитные бои за Каховку, но потерпел поражение. Врангель выразил свое недовольство нераспорядительностью генерала. Слащев сильно обиделся на Врангеля и подал в отставку. В боях за полуостров он участия не принимал. В ноябре 1920 года уехал в Турцию.

В эмиграции он продолжал резко критиковать Врангеля. В ответ суд чести уволил Слащева с воинской службы и лишил права носить форму. Практического смысла в эмиграции это не имело, но стало болезненным ударом для генерала.

Скандал не остался незамеченным в Москве. С санкции Троцкого к Слащеву отправили человека, который предло-

жил ему вернуться в Россию. Слащев согласился и в ноябре 1921 года вернулся в Советскую Россию с женой и группой офицеров. Встречать его в Севастополь приехал сам председатель ВЧК Феликс Эдмундович Дзержинский.

24 ноября 1921 года в «Правде» появилось «Обращение ген. Слащева к офицерам и солдатам армии Врангеля, беженцам» с призывом возвращаться в Россию.

С 1922 года бывший генерал преподавал тактику в школе «Выстрел», писал воспоминания. Но тяготился преподавательской работой, просился на штабную. Возможно, и получил бы ее, но 11 января 1929 года Слащева в собственной квартире из пистолета застрелил Лазарь Львович Коленберг, бывший командир взвода Красной армии, — из мести за расстрелянного в Николаеве брата. Коленберга признали душевнобольным, и дело прекратили...

Борьба против Врангеля была поручена Юго-Западному фронту, воевавшему главным образом против поляков. Врангель воспользовался тем, что на него обращали мало внимания, и усилил нажим на Красную армию. Тогда в сентябре 1920 года выделили Южный фронт с задачей ликвидировать армию Врангеля.

Фрунзе сам хотел сразиться с Врангелем.

Ленин писал Троцкому:

«Я просил Фрунзе поговорить с Вами поскорее. Фрунзе говорит, что изучал фронт Врангеля, готовился к этому фронту, знает (по Уральской области) приемы борьбы с казаками».

Михаил Васильевич приехал в Москву из Ташкента на спецпоезде. Когда поезд прибыл на Казанский вокзал, появились чекисты и оцепили поезд. У чекистов был мандат на производство обыска и в самом поезде, и сотрудников Фрунзе. Красноармейские части грабили Бухару. Чекисты думали, что и Фрунзе везет с собой трофеи. Фрунзе был разгневан, пошел к Ленину. Оргбюро ЦК постановило все же провести обыск в поезде, но в присутствии Дзержинского или начальника Особого отдела (военная контрразведка) ВЧК Менжинского.

Фрунзе написал в ЦК еще одно письмо, выражая возмущение относительно «способа произведения в его поезде обыска, после которого его сотрудники чувствуют себя морально оскорбленными». Оргбюро 15 октября решило: «Уполномочить т. Фрунзе выразить его сотрудникам доверие от имени ЦК».

21 сентября Троцкий образовал Южный фронт. Командующим утвердили Фрунзе, членами Реввоенсовета — Сергея Ивановича Гусева и венгерского коммуниста Белу Куна.

В Южный фронт включили 6-ю армию (командующий Константин Алексеевич Авксентьевский, он был у Фрунзе членом Реввоенсовета в Южной группе войск Восточного фронта, потом его сменил Август Иванович Корк), 13-ю армию (ею командовал Иероним Петрович Уборевич), 2-ю Конную армию (командующий Филипп Кузьмич Миронов, после его отстранения — Ока Иванович Городовиков). И позднее сформировали 4-ю армию, которую возглавил еще один человек Фрунзе — Владимир Саламанович Лазаревич (он был начальником штаба в Южной группе войск Восточного фронта).

На Южный фронт с польского перебросили 1-ю Конную Буденного, которая двигалась так медленно, что Фрунзе был вынужден жаловаться Ленину. Михаил Васильевич просил навести порядок в армии Буденного, но это никому не удалось. Фрунзе упустил возможность разгромить войска Врангеля в Северной Таврии и позволил белым уйти в Крым.

Отбросив дивизии Буденного, Врангель ушел под защиту заранее подготовленных укреплений на Перекопском перешейке.

НА ЧОНГАРЕ В 1920-М

У меня сохранились записки моего дедушки, Владимира Михайловича Млечина, который семнадцати лет, в 1918-м, пошел добровольцем в Красную армию, а на Южном фронте был комиссаром полевого отдела управления военных сообщений 4-й армии. Он участвовал во взятии Крыма и описал запомнившийся ему эпизод с Фрунзе:

«Тогда юг Таврии и Крым соединяли длинный, с четверть версты, Чонгарский деревянный мост на сваях — по гужевому тракту — и унылый железнодорожный мост, который с юга упирался в узкую дамбу, длиною в километр или полтора, насыпанную по Сивашу. Когда поезд шел по дамбе, через окно казалось, будто он движется по воде, зеркально сверкавшей на солнце или свинцово-рябой в непогоду.

Отступая, врангелевцы сожгли деревянный мост и взорвали два пролета железобетонного. Сложнейшая система укреплений превращала этот — левый — фланг Крымского фронта в твердыню неприступную. Вдобавок в распоряжении Красной армии во время операции было мало артиллерии, особенно тяжелой, разрушенный транспорт не справлялся с перевозками. Не было и надежных понтонных

средств. А белогвардейцы оснастили укрепления мощной артиллерией вплоть до крепостных орудий из Севастополя.

Что на Перекопе, что на Чонгаре сложнейшие естественные рубежи обороны были многократно усилены фортификационными сооружениями, созданными под руководством французских инженеров. И рубежи эти охраняли лучшие полки белой армии, насыщенные офицерами, прошедшими школу трехлетней войны с немцами. И они дрались с ожесточением обреченных, с отчаянием смертников.

Казалось, и сама природа решила помочь белым: наступили необычные для этого времени морозы — до двенадцати, тринадцати, иногда до пятнадцати градусов, дули холодные злые ветры. Врангелевцы сидели в оборудованных блиндажах, были сыты и тепло одеты: «союзники» — французы, англичане — подкинули экипировки из бесполезных после окончания войны интендантских запасов; было вино, был спирт.

А наши красноармейцы? Даже сейчас, спустя столько лет после событий, сердце сжимается, когда вспоминаешь, как были одеты и обуты части 30-й Иркутской дивизии, увековечившие себя в Чонгарском сражении, или славные полки 51-й дивизии, обессмертившие себя штурмом Турецкого вала.

Под утро шестого ноября стал я пробираться к Чонгарскому полуострову. В полевом штабе 4-й армии сказали, что там я найду начальника 30-й дивизии Ивана Кенсориновича Грязнова. Хотелось уточнить: какие из грузов дивизии двигать в первую очередь.

Конечно, все можно было узнать в дивизионных штабах. Но какой девятнадцатилетний комиссар тех лет упустил бы случай и благовидный предлог, чтобы добраться до передовых позиций дивизии, которая вот-вот должна начать решительные действия против Врангеля.

По направлению к станции Чонгар двигались на парной повозке санитары с перевязочным материалом. Лошади бежали ходко, да мороз и ветер пробирался сквозь шинель и гимнастерку, стыли ноги. Мы по очереди слезали и бежали за повозкой.

Все вопросы вертелись вокруг одного: когда, наконец, начнется наступление, или, как выражались многие красноармейцы, «когда будем его кончать». В этой главной мысли сплелось многое и разное: понимание грозных бедствий новой зимней кампании, извечные заботы о запущенном хозяйстве, тоска по дому, по семье, заброшенным ребятишкам. Война до печенок

обрыдла всем. А затяжка войны теперь связывалась только с именем барона Врангеля, естественно, что вся ненависть сосредоточилась на нем. «Кончать его» означало ликвидировать последний очаг Гражданской войны, покончить с разором в стране, вернуться по домам.

Так начались дни и ночи, полные неповторимого напряжения, десять дней, за которые раздетая, разутая, почти без артиллерии армия, руководимая профессиональным революционером и бывшим каторжником, разгромила прекрасно вооруженную и оснащенную армию, оборонявшуюся в первоклассной крепости. Да, именно десять дней! В ночь с седьмого на восьмое ноября Иван Иванович Оленчук повел вброд через Сиваш на Литовский полуостров первую штурмовую группу, а семнадцатого была взята Ялта, последнее прибежище белой гвардии.

Наступила такая лихорадочная пора, когда теряется ощущение дня и ночи и собственное существование становится иллюзорным. Я носился между станциями — на паровозах, дрезинах, верхом, бегал от депо к эшелонам, от телеграфного аппарата к телефонному, докладывал, приказывал, спорил, просил, умолял, грозил... Не помню, где и когда я ел в течение этих дней и ночей. Знаю твердо: не спал; во всяком случае, не спал в своей теплушке; может быть, дремал у телеграфного аппарата Морзе, может быть, засыпал в седле или на дубовой железнодорожной скамье у начальника депо, пока готовили паровоз под сверхсрочный состав.

До сознания моего доходили разные сообщения, которые одним могли поддержать бодрость в эти лихорадочные и бессонные дни и ночи: то мы, наконец, после трех безуспешных атак «в лоб» взяли Турецкий вал, то, преодолев укрепления, захватили Тюп-Джанкой и вырвались на оперативный простор. Особенно радостно прозвучала весть о взятии Джанкоя. Значит, позади топкий Сиваш, позади колючие траншеи Чонгара...

И все же казалось, что войны впереди немало и надо продвигать к наступающим частям боепитание, продовольствие, фураж, санпоезда, надо эвакуировать составы с ранеными, больными. Появились сыпнотифозные. Каждый состав с больными, застрявший на любой станции, давил сердце. И только ночью пятнадцатого, когда я узнал, что части Блюхера и 1-й Конной заняли Севастополь, а 9-я стрелковая с боем овладела Феодосией, я направился к теплушке с твердым намерением спать.

И тут мне вручили бланк телеграммы:

«Полевое управление военных сообщений 4-й армии. Военкому Млечину. Начальник штаба Южного фронта приказал: в Крыму, в районе станции Таганаш-Джанкой сформировать поезд в составе трех классных, трех крытых и пяти платформ. Подать к девяти ноль-ноль шестнадцатого ноября с крымской стороны взорванного моста».

Трижды, может, четырежды перечитывал я телеграмму. Что за наваждение! Где к утру взять целый состав, да еще с классными вагонами и горячим паровозом? Что это, Харьков или хотя бы Мелитополь? Это ведь Крым, где только-только тайфуном пронеслась война! Ну, крытые — так на профессиональном языке именовались двухосные товарные вагоны — и платформы я, возможно, найду. Но классные вагоны!

Не прошло и получаса, как мы мчались к Чонгарскому полуострову. «Мчались» надо, разумеется, понимать с поправкой на темпы тех времен, когда главным средством передвижения оставалась лошадь. Но мы сил не жалели, и дрезинка катилась лихо. На станции Чонгар удалось связаться с Джанкоем. На проводе оказался дежурный помощник начальника станции. Я изложил приказ начальника штаба Южного фронта. Ответ последовал точный: крытые и платформы имеются, классных — ни одного. Он обещал дать указание послать для меня дрезину или паровоз. Я сунул в карман переговорную ленту, побежал к дрезине, и мы довольно быстро добрались до взорванного моста.

Теперь предстояло двигаться пешком: идти по мосту, потом по дамбе и дальше по путям. На дрезине нас было трое, был огонь — скудный железнодорожный фонарик. Теперь надо пробираться по шпалам в кромешной ноябрьской тьме и в полном одиночестве.

Я вынул браунинг из кобуры, которую носил под шинелью, загнал патрон, поставил на предохранитель и сунул за ремень. Брать ли с собой огонь? Огонь — мишень, и леший знает, кто на пустынных путях может встретиться — притаившийся белогвардеец, пьяный махновец или заурядный уголовник. Пожалуй, безопаснее идти без огня. Но если не брать фонаря, чем задержать встречную дрезину, тем более паровоз?

Человек не любит лишаться огня. Как только я подумал о встречном транспорте, стало легче на душе. Взял я в левую руку фонарь и двинулся.

Кто ходил по шпалам, знает, как это неудобно, как утомительно: нельзя шагать ритмично, мерно — шпалы разные, интервалы между ними тоже различные. Но одно дело ходить

по шпалам в мирное время. А тут — адская темень, с двух сторон вода, вязкая, соленая, а впереди «белые», «зеленые», «черные». Крым был наводнен всяким сбродом.

Сколько я отшагал? Километр, два, пять? Не знаю. Я скорее почувствовал, чем увидел, слабый свет, мелькнувший впереди. Я остановился: нет сомнения, кряхтит паровоз. Повернув фонарик, посемафорил остановку. Пронзительно-высокими гудками машинист ответил на сигнал, и через минуты локомотив остановился, громко и прерывисто дыша. Это был маленький слабосильный паровозик «времен Очакова и покоренья Крыма». Подобных я, кажется, не видел ни на Южной дороге, ни на дорогах Западного фронта.

Я поднялся в будочку, машинист дернул веревочку, паровозик свистнул фальцетиком и дал задний ход. Машинисту было лет сорок. Люди такого возраста казались мне стариками.

В Таганаше меня ждал начальник станции. Он по всей форме доложил, что паровоз подать сумеет, что имеются хорошо оборудованные и продезинфицированные теплушки — с печами, нарами, но есть только один вагон третьего класса, правда в хорошем состоянии. Туда направлен проводник, которому приказано «продраить весь вагон» и запастись топливом.

Вскоре начальник станции доложил, что состав готов и можно ехать. Вагон мерно потряхивало на стыках, было чисто, уютно, так и тянуло прилечь. Но я знал: ложиться не следует. Лучше умыться и встретить гостей как должно.

Было ясное осеннее утро. Я увидел блистающую гладь воды и горы сверкающей на солнце соли. Правильными громадами конусов они высились слева и справа. Кристаллы соли играли, искрились на солнце, соляные холмы отражались в воде, и все — вода, небо, соль — меняли краски по мере того, как поднималось солнце и прибавляло повсюду крепких румян.

Впервые ощутил я дыхание мирного неба над соляными вулканами, впервые подумал о том, что хорошо бы всю эту красоту погрузить в вагоны и отправить «в Россию», где порой пекли хлеб без соли и глотали несоленую затируху.

Я медленно брел по Сивашскому мосту, всматривался в шпальные клетки, сооруженные нашими саперами под вражеским огнем, бил сапогами по уложенному ими крепкому настилу, по которому всего несколько суток назад солдаты 30-й Иркутской дивизии двинулись в последнюю атаку.

Донесся отдаленный шум, и я поспешил к станции. Скоро поезд приблизился настолько, что можно было отчетливо

рассмотреть прекрасный пассажирский локомотив, сверкающие свежей краской четырехосные вагоны с большими зеркальными стеклами. Поезд плавно подошел и остановился. Из вагонов вышли одетые в форму проводники и стали у подножек. Потом начали спускаться командиры. Затем появился человек, который показался мне странно знакомым. Он был в длинном мундире кавалерийского образца с большой звездой на рукаве и в кавалерийской фуражке. Удивила меня шашка на ремне через плечо: советские высшие командиры обычно шашек не носили. Я подошел ближе, и меня пронзило: да это же Фрунзе!

Оторвав глаза от Фрунзе, я увидел длинное, бледное лицо Ивара Тенисовича Смилги, которого встречал еще на Западном фронте. Теперь он был членом Реввоенсовета Республики. Вокруг я рассмотрел еще несколько знакомых лиц: бывшего руководителя венгерского советского правительства, теперь члена Военного совета нашего фронта Белу Куна, Розалию Самойловну Землячку, начальника политотдела Южного фронта. Говорили, что она будет одним из секретарей нового Крымского обкома партии.

Но всеобщее внимание отвлекли лошади, которых стали по трапам выводить из крытых вагонов. Туда подошел Фрунзе в сопровождении группы высших командиров. Сотрудник штаба армии сказал, что лошади привезены из Туркестана, что все они чистейших кровей.

Два конюха осторожно вывели совсем молодую кобылу прекрасной золотистой масти. Лошадь не шла, она танцевала, танцевала легко, грациозно, пугливо озираясь огромными блестящими глазами. Казалось, в ней вибрирует каждый нерв, до того она была напряжена. И было в ее влажных глазах что-то покоряюще-трогательное, как у обиженного ребенка, который из гордости старается не плакать и не жаловаться.

Когда подошел Фрунзе, лошадь искоса посмотрела на него, сначала подалась в сторону, но сразу успокоилась, едва он сказал несколько слов и стал гладить ее по спине, по великолепно выгнутой шее.

И тут мелькнула мысль, от которой стало не по себе: «так вот для кого нужны «крытые» — для лошадей! А платформы — для фуража! А я пригнал оборудованные теплушки, как будто лошадям нужны нары и чугунные печи. Ах, простофиля, простофиля! То-то будут смеяться надо мной. Угнетало смешное положение, в какое я попал: «Фрунзе и Смилге удружил — вагон третьего класса предоставил, лошадям — теплушки с нарами, да еще и дровишек велел подкинуть...»

Я уже равнодушно наблюдал за тем, как Фрунзе подали оседланную лошадь — крупную, темно-гнедой масти, как он, не торопясь, устроился в седле и шагом двинулся в сторону моста. Я уныло побрел в том же направлении.

Горечь, однако, скоро выветрилась: радостные вести с фронта, оживленные лица приехавших не способствовали развитию меланхолии. Да и чуждо моему характеру было это состояние. Мысли вновь вернулись к Фрунзе, который ехал по дамбе.

Что это за человек, думал я, который вот так, в полном одиночестве, едет точно с прогулки, как будто не он, а кто-то другой, вчера еще, третьего дня держал на плечах страшное бремя ответственности за исход операции, от которой зависела судьба десятков и десятков тысяч людей, готовых по его приказу кинуться в огонь и воду! Не в переносном смысле, — они действительно бросались в стылую и вязкую грязь Гнилого моря и шли под шквальным огнем.

Что должен был пережить этот человек, когда ему доложили, что ветер переменился, вода в Сиваше прибывает, вот-вот под воду уйдут броды, и дивизии наши, с таким трудом захватившие плацдарм на Литовском полуострове, окажутся отрезанными и будут обречены на уничтожение?

Ветер гнал воду обратно в Сиваш. Дорога была каждая минута. В прорыв, пока не поздно, надо бросить свежие силы. В два часа утра в Строгановку пришла 7-я кавалерийская дивизия. Фрунзе немедленно направил ее в Сиваш. Такой же приказ был отдан махновскому «командарму» Каретникову.

Была ли у Михаила Васильевича уверенность в том, что его приказ будет выполнен? Дважды махновские вожаки уходили совещаться. Какая нужна была выдержка, какая душевная сила, чтобы в этих условиях сохранить хладнокровие: махновцам не трудно было уничтожить охрану штаба дивизии и самого командующего. Но Фрунзе холодно и жестко повторил приказ, как будто был полным хозяином положения и мог в любую минуту покарать ослушников. Махновцы не выдержали тона, взгляда Фрунзе, и тачанки двинулись в Сиваш.

Какие нервы, какое сердце нужны были, чтобы выслушать донесение о том, что атаки на Турецкий вал отбиты, что наступающие понесли тяжелые потери и залегли, прижатые к земле смертоносным огнем?

Сколько горьких минут выпало на долю Фрунзе уже с первых дней подготовки операции. Ведь поначалу он планировал ударить левым флангом: исторические дороги вели в Крым через Арабатскую стрелку. Не случайно, надо ду-

мать, там сосредоточилась 9-я дивизия Николая Владимировича Куйбышева, а на Чонгаре 30-я Иркутская Грязнова, одно из самых мощных соединений фронта.

Обстоятельства сложились против этого плана: наши суда не могли поддержать наступающих по Арабатской стрелке. Артиллерии, особенно тяжелой, было мало. На море господствовали корабли врангелевцев, и фланг наш был совершенно беззащитен. Фрунзе оказался готовым быстро перестроиться и осуществить новый план — ударить сначала силами 6-й армии через Сиваш. И точно выбрал день и час, когда нужно было ввести в бой дивизии 4-й армии, чтобы добиться уже не перелома, а разгрома врага!.. И вот прошло всего трое суток, и Крым свободен...

Фрунзе доехал до укрепленного обрывистого берега, господствовавшего над дамбой и, пожалуй, над всем Чонгарским полуостровом. Потом проехал с полверсты налево, вернулся и проехал по фронту укреплений на запад.

Шесть рядов траншей. Впереди каждого — колючая проволока в три, местами в четыре кола. Отличные блиндажи, хорошо укрытые артиллерийские позиции, пулеметные гнезда... Сейчас во многих местах проволока была прорвана, орудия валялись без замков, иные перевернуты вверх колесами.

Всего четверо суток назад это была мощная крепость. А теперь — прах, развороченные канавы, ямы, груды проволоки, хаос. В глубоком раздумье Фрунзе поехал назад.

Тут я решил: доложу лично командующему. Уж если виниться, лучше перед ним. Я козырнул и попросил разрешения доложить.

— Докладывайте, только стойте вольно.

Я назвал себя, доложил, что состав подан, но классный вагон — единственный: ближе Симферополя классных вагонов больше нет.

Михаил Васильевич выслушал и сказал:

— Что же, в тесноте, да не в обиде, доедем. — И так как я механически продолжал держать руку у фуражки, повторил: — Стойте вольно.

— Еще есть теплушки, товарищ командующий, с нарами и печами.

— Зачем? Не в Сибирь собрались. Вполне разместимся в классном.

— Тогда разберем нары, товарищ командующий, и перевезем лошадей.

— Не надо. Лошадей пока оставим, здесь им будет вольготней. И так застоялись, пусть погуляют.

У меня отлегло от сердца. Значит, все в порядке. Как бы опасаясь, что Михаил Васильевич передумает, я поспешил подкрепить его решение:

— Мост, товарищ командующий, можно бы восстановить. У нас имеются готовые фермы. И сразу переведут лошадей.

Фрунзе едва заметно усмехнулся.

Я спохватился: дал маху. Командующий имел все основания скептически отнестись к предложенному мной способу восстановления моста. Незадолго перед тем стандартная деревянная ферма была установлена вместо взорванного пролета на мосту под Александровском (теперь город Запорожье). Ферма выдержала испытания балластным составом, сцепленными локомотивами, но дала трещину и осела, едва по ней двинулся поезд. Эпизод этот причинил немало хлопот управлению военных сообщений, да и Реввоенсовету 4-й армии.

— Сколько вам лет? — спросил Фрунзе.

— Дев... Двадцать, товарищ командующий.

Фрунзе почувствовал заминку.

— Исполнилось?

— Нет, восьмого сентября будет.

— Значит, девятнадцать. А что делали до армии?

— Учился, работал.

— В армию как попали, по призыву?

— Нет, товарищ командующий, добровольно, через партийную организацию. Перед началом польского похода.

— Что намерены делать после войны, об этом думали?

— Наверное, учиться, если можно будет.

— А в армии остаться не хотите? Пойдете в Военную академию...

— Так ведь война кончается, товарищ командующий...

— И больше войн не будет?

— Не знаю, товарищ командующий.

— И никто не знает. Думаю, однако, что на наш век войн хватит. А вот образованных командиров-большевиков у нас еще мало. Так что, если склонность есть, идите в Военную академию. Можете стать и военным инженером. У нас военных инженеров совсем мало. Врангеля вот консультировали французы. Смотрели укрепления?

— Смотрел, товарищ командующий. Страшные укрепления.

— Страшные? Пожалуй. А вот взяли ведь.

— Как же иначе! — бодро воскликнул я.

Фрунзе пристально посмотрел на мена, в усах явно мелькнула усмешка. Вдруг лицо опять стало серьезным.

— Кстати, о вагонах. Ведь их в Крыму должно быть немало. Какие сведения в управлении военных сообщений?

— Начальник управления говорил, товарищ командующий, что в южных портах, особенно в Севастополе, должно быть много подвижного состава, в частности, отличных пассажирских вагонов — салонов старого министерства путей сообщения, начальников дорог и служб. И много загнано туда паровозов.

— Паровозы нам очень нужны. А без салонов мы пока обойдемся. А вот как с товарными? Нам бы соль начать грузить. В Центральной России, да и во многих областях Сибири соли мало.

— Если белые не уничтожили вагоны.

— В Севастополе, пожалуй, не успели.

— Нам бы, товарищ командующий, побольше угля, — сказал я, — с порожняком как-нибудь обернемся. И надо скорее этот мост восстанавливать...

— Надо... И надо еще войну кончить, военком: Керчь не взята, в Ялте группировка белых... Они, конечно, обречены, но опасно благодушествовать. Будем двигаться в Симферополь.

— Состав под парами, товарищ командующий!

Я козырнул. Михаил Васильевич дал лошади чуть заметный посыл и поехал через мост к своему поезду. А минут через пятнадцать группы людей потянулись к мосту, к «моему» поезду. Конечно, разумнее всего было бы забраться в одну из теплушек и поспать. Но я чувствовал себя до некоторой степени именинником, а говоря точнее, кем-то вроде капитана на корабле. Как-никак, это я раздобыл состав, в этом составе едут командующий фронтом, член Революционного Военного Совета Республики, едут такие люди, как Бела Кун, Розалия Землячка. Где же мне находиться, как не в «боевой рубке», сиречь в будке локомотива?

Мы довольно быстро проехали километров тридцать до Джанкоя. Погода стояла отменная, все высыпали из вагонов. И сразу распространилась радостная весть: наши войска взяли Керчь. Об этом Михаил Васильевич тут же из Джанкоя доложил Ленину телеграммой:

«Оперативная вне очереди

Предсовнарком т. Ленину

Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован.

Команд Южфронта *Фрунзе* Член РВ Совета *Бела Кун*».

В Джанкое я уже перешел в вагон. Все пассажиры устроились довольно уютно. И мест свободных оказалось много.

Купе проводника заняли Михаил Васильевич, Бела Кун, Смилга и адъютант командующего. Я остановился у открытой двери купе и довольно бесцеремонно стал рассматривать его пассажиров. В это время принесли обед. И должен признаться, обед начисто испортил мне настроение и сильно притушил в моих глазах ореол величия, который до того ярко сиял вокруг пассажиров «отдельного» купе.

Особенно велика почему-то была моя досада на Смилгу. Его бледное, тонкое, вдохновенное, как мне казалось, лицо сразу обрело выражение сытого самодовольства и мещанского благополучия.

И всему виной была... рисовая каша. Да еще нарзан. Что такое нарзан, я тогда не знал. По непривычному характеру букв на этикетках я решил, что это экзотический, едва ли не заморский напиток, недоступный простым смертным и несовместимый с аскетическим кодексом, который был тогда и нашей вынужденной добродетелью, и символом веры.

Но доконали меня котлеты с рисовой кашей, поданные после довольно жидкого супа. Заурядные рубленые котлеты с обыкновенной кашей, сваренной на воде.

В моем представлении котлеты вообще были символом роскоши. Мы, дети, очень любили рисовую кашу. Но ее давали крайне редко — по большим праздникам. А здесь — нате вам, в обычный день, в будни — рисовая каша! Котлеты! Как теперь вспоминаю, котлеты были убогие — не больше старого медного пятака. Но мой тогдашний ригоризм с этим примириться не мог.

Мои размышления прервал комендант поезда:

— Идите, военком, обедать.

Я было хотел огрызнуться, сказать, что к деликатесам не привык, да вовремя спохватился: в вагоне люди обедали — кто хлебал суп из котелков, поставленных на столики, кто держал тарелки с теми же котлетами. Проводник поставил судок с дымящимся супом и изрядный кус черного хлеба. Все этические проблемы улетучились, я умял и суп, и хлеб, и котлеты с рисовой кашей...

Мне приснилось, будто поезд сошел с рельсов, вагон грохочет по шпалам и меня кидает вверх и вниз. Я проснулся от сильной тряски: проводник изо всех сил тормошил меня.

— Подъезжаем к Симферополю, пожалуйста, вставайте, гражданин товарищ!

— Разве я спал? — спросил я обалдело.

Кругом засмеялись, но добродушно.

Вслед за проводником я соскочил на платформу. Михаил Васильевич и сопровождающие его лица быстро проследовали к выходу на станцию. И тут я заметил в стороне большую группу железнодорожников, построенных в две шеренги. Чуть впереди стоял духовой оркестр, тоже обряженный в железнодорожную форму. С правого фланга отделился пожилой человек и подошел ко мне:

— Скажите, пожалуйста, кто тут будет товарищ комиссар военных сообщений?

Не понимая намерений железнодорожников, я спросил:

— А зачем он вам?

— Мы тут построили служащих, свободных от дежурства, хотим поздравить с победой и рапорт отдать представителю Красной армии, нашему новому начальнику, так сказать.

Все стало ясно: о приезде командующего фронтом и нового состава Крымского правительства железнодорожники не знали. Но по моей телеграмме в Джанкой подумали, что к ним едет важное и грозное упвосовское начальство. И решили встретить его с помпой — с оркестром и надлежащими приветствиями.

— А вы кто? — спросил я.

— Я исполняю обязанности начальника станции.

— Так вот, уважаемый товарищ, вы упустили случай рапортовать командующему фронтом и члену Реввоенсовета Республики. А рапортовать военкомам из управления военных сообщений у нас не принято. Тем более, что я не начальник управления, а только комиссар полевого отдела. Так что попрошу вас отпустить людей. А мне расскажите о состоянии станции и путей, о вагонном хозяйстве. Прошу также вызвать начальника паровозного депо, если он не убежал.

Эти слова, видимо, огорчили моего собеседника.

— У нас со станции, товарищ комиссар, не убежал ни один человек. Только из управления дороги — и то всего, кажется, двое или трое. Железнодорожникам не по пути с белой гвардией, товарищ комиссар.

Ближайшим следствием искреннего и доброго расположения железнодорожников было то, что через несколько часов я уже хорошо знал положение узла. Как и предполагалось, основную массу вагонов и паровозов белые загнали в Севастополь. Туда я несся этой же ночью в маленьком, отлично оборудованном двухосном салончике, прицепленном к воинскому эшелону, направлявшемуся на юг. Впереди еще была война с Махно, бессонные ночи и тревоги. Но это впереди...»

Эти записки мой дедушка писал в 60-х годах, желая достоверно передать мысли и настроения молодого человека, охваченного революционным энтузиазмом начала XX века. Он не знал того, что известно современному читателю.

Сегодня историки, скажем, иначе относятся к Махно.

Нестор Иванович, бывший учитель, оказался прирожденным военачальником. Это он посадил своих бойцов на тачанки, создав мобильную пехоту, которая успешно противостояла регулярной армии. Махно в Москве невзлюбили, считали врагом революции и постоянно пытались уничтожить. Хотя он был полезен и успешно сражался с войсками генерала Деникина.

Правда, Антонов-Овсеенко считал, что лучше иметь Махно в союзниках, доказывал: если большевики начнут борьбу с Махно, то развалится Украинский фронт и Деникин двинется вперед. 29 апреля 1919 года Антонов-Овсеенко приехал в Гуляйполе и остался доволен тем, что он увидел. В начале мая к Махно в Гуляйполе приехал и член политбюро Лев Борисович Каменев в качестве уполномоченного Совета Труда и Обороны. Он тоже одобрил союз с Махно.

Нестора Махно терпели, пока он был нужен. Его кавалерия в 1920 году вместе с частями Красной армии прорвала оборону белых и ворвалась в Крым. На этом сотрудничество с Махно закончилось. Антимахновские настроения взяли верх. Фрунзе разделался со своими союзниками-махновцами, хотя они выполнили все свои обязательства.

Упомянутый в записках моего дедушки Семен Никитич Каретников командовал Крымской группой войск Революционной повстанческой армии, воевавшей против Врангеля, 24 ноября 1920-го его вызвали в штаб Фрунзе, арестовали и расстреляли.

Сам Махно еще держался в Гуляйполе, но долго сопротивляться Красной армии он не мог. 28 августа 1921 года он с остатками своей повстанческой армии перешел румынскую границу, остаток жизни он провел в эмиграции.

Долгое время преувеличивались и силы белых, оборонявших Крым.

В сентябре 1920-го Врангель еще раз переформировал свои войска. Теперь они состояли из 1-й армии Кутепова (1-й армейский и Донской корпуса), 2-й армии генерал-майора Д.П. Драценко (2-й и 3-й армейские корпуса), конной группы генерала Бабиева и конного корпуса генерала Барбовича.

Николай Гаврилович Бабиев окончил Первую мировую командиром полка, командовал полком у Кутепова. У Врангеля командовал Кубанской казачьей дивизией. Он попал к красным в плен и бежал. Был ранен семнадцать раз, восемнадцатое ранение в 1920-м оказалось смертельным.

Иван Гаврилович Барбович окончил Первую мировую командиром 10-го Ингерманландского гусарского полка, георгиевским кавалером. Врангель произвел его в генерал-лейтенанты.

Петру Николаевичу Врангелю удалось несколько увеличить свою армию, но их общая численность в сравнении с войсками Фрунзе была невелика — сорок одна тысяча штыков, семнадцать тысяч сабель, около тысячи пулеметов, двести пятьдесят орудий, девятнадцать бронепоездов, девятнадцать танков, двадцать шесть бронеавтомобилей и тридцать четыре самолета.

Петр Николаевич Врангель понимал слабость своей армии. На что же он рассчитывал?

Василий Витальевич Шульгин, один из идеологов белого движения, в книге «1920 год» описывал свою встречу с командующим в Севастополе:

«Я не видел генерала Врангеля около года. Тогда (это было в Царицыне) он не нервничал. Он только что пережил Exanthematicus (сыпной тиф. — *Авт.*), у него были сильно запавшие глаза, но еще что-то кроме этого. Какое-то беспокойство, недовольство «общего порядка». Он сдерживался, привычный к дисциплине, но что-то в нем кипело...

Меня поразила перемена в его лице. Он помолодел, расцвел. Казалось бы, что тяжесть, свалившаяся на него теперь, несравнима с той, которую он нес там, в Царицыне. Но нет, именно сейчас в нем чувствовалась не нервничающаяся энергия, а спокойное напряжение очень сильного постоянного тока...

— Когда я принял командование, дело было очень безнадежно... Но я хотел хоть остановить это позорище, это безобразие, которое происходило... Уйти, но хоть, по крайней мере, с честью... И спасти, наконец, то, что можно...

Мы сели.

— Ну, эта первая задача более или менее удалась... и тогда вдруг оказалось, что мы можем еще сопротивляться... Мы их выгнали из Крыма... Но я должен сейчас же сказать, что я не задаюсь широкими планами... Того, что у меня сейчас есть, не может хватить на удержание большой территории... Я чего добиваюсь? Я добиваюсь, чтобы в Крыму, чтобы хоть на этом

клочке, сделать жизнь возможной... Ну, словом, чтобы, так сказать, — показать остальной России... вот у вас там коммунизм, то есть голод и чрезвычайка, а здесь: идет земельная реформа, вводится волостное земство, заводится порядок и возможная свобода... Никто тебя не душит, никто тебя не мучает — живи, как жилось... Итак, мне надо выиграть время... чтобы, так сказать, слава пошла: что вот в Крыму можно жить. Так можно будет двигаться вперед, — медленно, не так, как мы шли при Деникине, медленно, закрепляя за собой захваченное. Тогда отнятые у большевиков губернии будут источником нашей силы, а не слабости, как было раньше... Я надеюсь удержать Крым...

— И зимовать?

— Да, зимовать, конечно...»

Но времени осуществить свои планы у Врангеля не оказалось. Фрунзе не позволил ему зимовать в Крыму. Армия Врангеля была слишком слаба, чтобы противостоять войскам Фрунзе.

В военной истории утвердилось представление о том, что построенные под руководством французских и английских инженеров укрепления превратили Перекоп в неприступную крепость и при штурме Красная армия несла огромные потери. Это не так, пишет Константин Колонтаев, научный сотрудник Музея героической обороны и освобождения Севастополя.

Укрепления строили военные инженеры Белой армии под руководством коменданта Севастопольской крепости генерала Субботина. Но строительство шло медленно, потому что крестьяне работать не хотели, не хватало рабочих рук, а строительные материалы разворовывались. Строительство началось летом 1919 года, а осенью уже прекратилось, потому что ждали, что белые вот-вот возьмут Москву.

С декабря 1919 года работы возобновились, но не были завершены. Что успели? Воздвигли земляной вал высотой от шести до десяти метров, перед ним выкопали ров глубиной восемь—десять метров. Перед рвом отрыли линию окопов и установили проволочные заграждения в четыре ряда. За валом разместилась артиллерия.

Но о том, что ров можно обойти через Сиваш, белые генералы почему-то вовсе не подумали, хотя именно так поступали русские войска во время войн с Турцией в 1735—1739 и 1768—1774 годах.

В ночь на 8 ноября части 15-й стрелковой дивизии 6-й армии обошли перекопский вал через Сиваш. Они вырвали ко-

лья проволочных заграждений, и в прорыв вошли части 52-й дивизии. К концу дня они заняли Литовский полуостров и зашли в тыл к белым, которые защищали перекопский вал.

А тем временем 51-я дивизия под командованием Блюхера безуспешно штурмовала позиции белых в лоб. Артиллерия красных была настолько изношена, что снаряды не попадали в цель и не могли даже разрушить проволочные заграждения. Наступавшие красноармейцы попали под губительный пулеметный огонь. Только с третьей попытки бойцам 51-й дивизии удалось ворваться в линию окопов.

В ночь на 9 ноября, боясь окружения, белые отошли. Иначе говоря, бои шли одни сутки.

Потери 6-й армии, по донесению ее командующего Августа Ивановича Корка, составили шестьсот пятьдесят человек убитыми и около пяти тысяч ранеными. В сравнении с другими кровопролитными битвами Гражданской войны взятие Крыма далось относительно легко.

Когда Красная армия прорвала оборону, в Крыму никто в это не поверил. Все были уверены, что оборона неприступна и красные на полуостров не ворвутся. Но 10 ноября сопротивление белых практически прекратилось.

11 ноября Фрунзе по радио обратился к Врангелю. Он предложил сложить оружие и обещал амнистию всем, кто прекратит сопротивление. Ленин был недоволен инициативой Фрунзе: «Крайне удивлен непомерной уступчивостью условий... Если противник не примет этих условий, то, по-моему, нельзя больше повторять их и нужно расправиться беспощадно».

О ленинском недовольстве командование Белой армии, разумеется, не знало, но жестокость расправы предвидело. Поэтому Врангель принял решение эвакуировать армию. Он, правда, понимал, что не сумеет забрать всех желающих, да и судьба покидающих родину не внушала оптимизма.

11 ноября появилось правительственное сообщение:

«Ввиду объявления эвакуации для желающих офицеров и их семейств, других служащих, Правительство Юга России считает своим долгом предупредить всех о тех тяжких испытаниях, какие ожидают приезжающих из пределов России.

Недостаток топлива приведет к большой скученности на пароходах, причем неизбежно длительное пребывание на рейде и в море. Кроме того, совершенно неизвестна судьба отъезжающих, так как ни одна из иностранных держав не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи как в пути, так и в дальнейшем.

Все это заставляет Правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственная опасность от насилия врага, — остаться в Крыму».

Врангель приказал войскам оторваться от противника и двигаться к портам — погрузка на корабли шла в Севастополе, Евпатории, Ялте, Феодосии, Керчи.

Командование Белой армии мобилизовало весь флот для вывоза не только военнослужащих, но и пожелавшего уехать гражданского населения. Военное имущество армия бросала, коней выпускала на волю.

Французский адмирал Дюмениль, обеспечивавший эвакуацию, направил советским властям радиограмму:

«По приказу главнокомандующего все войска Русской Армии на юге России и гражданское население, желающие уехать вместе с ним из Крыма, могут уезжать...

Я дал указание всем судам, находящимся под моей властью, оказать помощь в эвакуации и предлагаю вам дать немедленный приказ вашим войскам, чтобы они не мешали вооруженной силой проведению погрузки на суда.

Я сам не имею никакого намерения разрушать какое бы то ни было русское заведение, однако информирую вас, что, если хотя бы один из моих кораблей подвергнется нападению, я оставлю за собой право использовать репрессивные меры и подвергнуть бомбардировке либо Севастополь, либо другой населенный пункт на Черном море».

Всем уже погрузившимся на борт было предложено еще раз подумать, действительно ли они хотят уехать, и самоходная баржа обошла все суда и решивших остаться забрала и доставила на пристань. Последние суда ушли из Крыма на рассвете 15 ноября. После этого полуостров оказался в полной власти Красной армии, и началось массовое уничтожение белых офицеров, которые не решились покинуть родину. Это была просто резня.

Фрунзе, а также назначенную секретарем Крымского обкома партии Розалию Землячку и члена Реввоенсовета Южного фронта Белу Куна, одного из организаторов Венгерской советской республики, будут обвинять в беспримерной жестокости.

Но расстрел врангелевских офицеров — это была идея Сталина. 28 июля 1920 года он отправил Троцкому телеграмму:

«Приказ о поголовном истреблении врангелевского комсостава намереваемся издать и распространить в момент нашего общего наступления».

Это обещание Сталин выполнил.

Известный писатель Виктор Викторович Вересаев вспоминал:

«Когда после Перекопа красные овладели Крымом, было объявлено во всеобщее сведение, что пролетариат великодушен, что теперь, когда борьба кончена, предоставляется белым на выбор: кто хочет, может уехать из РСФСР, кто хочет, может остаться с Советской властью.

Мне редко приходилось видеть такое чувство всеобщего облегчения, как после этого объявления: молодое белое офицерство, состоявшее преимущественно из студенчества, отнюдь не черносотенное, логикой вещей загнанное в борьбу с большевиками... давно уже тяготилось своей ролью и с отчаянием чувствовало, что пошло по ложной дороге, но что выхода на другую дорогу ему нет. И вот вдруг этот выход открывался, выход к честной работе в родной стране.

Вскоре после этого предложено было всем офицерам явиться на регистрацию и объявлялось, что те, кто на регистрацию не явятся, будут находиться вне закона и могут быть убиты на месте. Офицеры явились на регистрацию. И началась бессмысленная кровавая бойня. Всех явившихся арестовывали, по ночам выводили за город и там расстреливали из пулеметов. Так были уничтожены тысячи людей».

«Я НИ НА ЧТО НЕ ПРЕТЕНДУЮ»

Фрунзе виноват в том, что допустил эту бойню. Но он не был ни ее инициатором, ни организатором. Он вообще не был ни жестоким, ни фанатичным. Напротив, даже в годы революции и войны он оставался весьма чувствительным человеком. Летом 1917 года он подарил близкому человеку свою фотокарточку с надписью в стихах:

Быть свободным, несвязанным,
Как движенье мечты, —
Никогда не рассказанным
До последней черты.

Николай Иванович Бухарин писал: «Этот железный полководец, перед которым трепетали враги, обладал душой исключительно нежной и мягкостью поистине изумительной. Благородный характер, открытый и прямой...»

Федор Иванович Шаляпин рассказывал, как он впервые увидел Фрунзе и других известных военачальников — в по-

езде Буденного, стоявшем на запасном пути Киевско-Воронежской железной дороги:

«В Буденном, знаменитом кавалерийском генерале, приковали мое внимание сосредоточенные этакие усы, как будто вылитые, скованные из железа, и совсем простое со скулами солдатское лицо. Видно было, что это как раз тот самый российский вояка, которого не устрашает ничто и никто, который если и думает о смерти, то всегда о чужой, но никогда о своей собственной.

Ярким контрастом Буденному служил присутствовавший в вагоне Клим Ворошилов: добродушный, как будто слепленный из теста, рыхловатый. Если он бывший рабочий, то это был рабочий незаурядный, передовой и интеллигентный. Меня в его пользу подкупало крепкое, сверхсердечное пожатие руки при встрече и затем приятное напоминание, что до революции он приходил ко мне по поручению рабочих просить моего участия в концерте в пользу их больничных касс. Заявив себя моим поклонником, Ворошилов с улыбкой признался, что он также выпрашивал у меня контрмарки.

Я знал, что у Буденного я встречу еще одного военачальника, Фрунзе, про которого мне рассказывали, что при царском режиме он во время одной рабочей забастовки, где-то в Харькове, с колена расстреливал полицейских. Этим Фрунзе был в партии знаменит... Я думал, что встречу человека с низким лбом, взъерошенными волосами, сросшимися бровями и с узко поставленными глазами. Так рисовался мне человек, с колена стреляющий в городовых. А встретил я в лице Фрунзе человека с мягкой русой бородкой и весьма романтическим лицом, горячо вступающего в спор, но в корне очень добродушного...

Вагон второго класса, превращенный в комнату, был прост, как жилище простого фельдфебеля. Была, конечно, «собрана» водка и закуска, но и это было чрезвычайно просто, опять-таки как за столом какого-нибудь фельдфебеля. Какая-то женщина, одетая по-деревенски, кажется, это была супруга Буденного, приносила на стол что-то такое: может быть, селедку с картошкой, а может быть, курицу жареную — не помню, так как это было все равно. И простой наш фельдфебельский пир начался.

Пили водку, закусывали и пели песни — все вместе. Меня просили запевать, а затем и спеть. Была спета мною «Дубинушка», «Как по ельничку да по березничку», «Снеги белые пушисты». Меня слушали, но особенных переживаний я не заметил. Это было не так, как когда-то, в ранней молодости

моей, в Баку. Я пел эти самые песни в подвальном трактире, и слушали меня тогда какие-то беглые каторжники — те подпевали и плакали...»

«За особо понесенные труды по ликвидации врангелевского фронта» Михаила Васильевича Фрунзе наградили чайным серебряным сервизом и почетным революционным оружием.

Приказом Реввоенсовета Республики Фрунзе причислили к генеральному штабу, отмечая его «крупные природные военные дарования». Это была унаследованная от царской армии традиция — к генеральному штабу причисляли окончивших Академию генерального штаба по первому разряду. В Красной армии в 1920 году генерального штаба не было, но лестное для высших военных отличие сохранялось.

3 декабря 1920 года Фрунзе был назначен командующим войсками Украины, а в январе 1921 года еще и войсками Крыма (его должность на советском новоязе именовалась в одно слово — командвойскукркрыма). Его избрали членом ЦК партии, в 1922-м сделали заместителем председателя Совнаркома Украины.

Военная карьера Фрунзе на этом могла и окончиться. Собственно, он никогда и не думал о себе как о профессиональном военном.

10 марта 1920 года Фрунзе писал из Ташкента матери в Пишкек (этот город после смерти Михаила Васильевича несколько десятилетий носил его имя, а ныне столица Киргизии переименована в Бишкек):

«Пишу тебе в первый раз после долгого, долгого перерыва. Ты уже, конечно, знаешь, что я в Ташкенте и состою в роли командующего армиями Туркестанского фронта. Как видишь, я вынужден был силою обстоятельств подвизаться на военном поприще».

Михаил Васильевич и Ленину писал из Туркестана:

«Я как-то раздвоился — не то быть военным, не то переходить и вплотную браться за партийную или хозяйственную работу. Впрочем, я ни на что не претендую и буду там, где укажут».

После окончания Гражданской войны Ленина и Троцкого армейские дела мало интересовали. Все внимание сосредоточилось на хозяйственных проблемах. В феврале 1921 года Фрунзе возглавил украинскую комиссию по топливу и продовольствию. Подчиненные ему войска заготавливали дрова и фураж.

Летом 1921 года Фрунзе назначили уполномоченным Совета Труда и Обороны по вывозу соли, которой не хватало по всей стране. Ленин писал ему: «Главное — соль. Все забрать, обставить тройным кордоном войска все места добычи, ни фунта не пропускать, не давать раскрасть... Вы — главком соли».

28 февраля 1921 года на заседании политбюро рассматривался вопрос о топливном положении в стране. Постановили:

«Вызвать немедленно в Москву тт. Пятакова и Фрунзе для переговоров с ними с целью выяснить возможность поставить одного из них во главе всего топливного дела в республике».

Так что Фрунзе мог пойти по хозяйственной части и не стал бы военным министром. Но наладить топливные дела взялся Пятаков и стал начальником Главного управления топливной промышленности в Высшем совете народного хозяйства.

Фрунзе остался на Украине командовать Украинским военным округом. Надо сказать, что Ленин холодно относился к Фрунзе, и при жизни Владимира Ильича особых перспектив у Михаила Васильевича не было. Но все изменилось после смерти Ленина, когда началась атака на Троцкого.

ЧЕЛОВЕК ЗИНОВЬЕВА

Михаил Васильевич Фрунзе держался в стороне от политической борьбы, но его вовлекли в эти интриги. Фрунзе сблизился с Григорием Евсеевичем Зиновьевым, который вошел в советскую историю жалким и презираемым человеком.

Никита Сергеевич Хрущев уже на пенсии вспоминал, как главный партийный идеолог Михаил Андреевич Суслов возражал против публикации повести Эммануила Казакевича «Синяя тетрадь». Казакевич писал о том, как Ленин накануне Октябрьской революции укрывался от ареста в Разливе. Вместе с ним находился его верный сотрудник Зиновьев.

Но после многих лет сталинской фальсификации истории Суслов никак не мог примириться с тем, что имя Зиновьева упоминается рядом с именем вождя.

Хрущев рассказывал:

«Разослали книгу всем членам президиума, и вопрос о ней был включен в повестку дня очередного заседания.

— Кто имеет какие-нибудь соображения? Почему эту книгу не следует печатать? — спросил я.

— Ну, товарищ Хрущев, — Суслов вытянул шею, смотрит недоуменно, — как же можно напечатать эту книгу? У автора Зиновьев называет Ленина «товарищ Ленин», а Ленин называет Зиновьева «товарищ Зиновьев». Ведь Зиновьев — враг народа.

Меня поразили его слова. Разве можно извращать действительность и преподносить исторические факты не такими, какими они были на самом деле? Даже если мы отбросим то обстоятельство, что Зиновьев враг или не враг народа, то сам факт бесспорен: действительно, в шалаше находились вместе Ленин и Зиновьев. Как же они общались между собой? Как обсуждали текущие вопросы или хотя бы разговаривали за чаем в шалаше? Видимо, называли друг друга словом «товарищ». А я даже думаю, что Ленин обращался к Зиновьеву по имени — Григорий, ведь у них были тогда близкие товарищеские отношения. В первые месяцы после Февральской революции они придерживались по всем вопросам единого мнения...»

Не только в первые месяцы после революции, а и до самой смерти Ленина Григорий Зиновьев входил в ближайшее окружение вождя и пользовался его полным расположением. Они вместе провели в эмиграции почти десять лет, вместе вернулись в Россию в апреле 1917-го, вместе написали книгу «Против течения». Зиновьев высказался против, когда Ленин предложил силой свергнуть Временное правительство в октябре, но этот знаменитый эпизод не испортил их личные отношения.

Зиновьев при Ленине был одним из самых влиятельных людей в стране. Владимир Ильич сделал его членом политбюро и хозяином Петрограда и всего северо-запада.

Кроме того, Ленин поставил Зиновьева во главе Третьего Интернационала. В те годы эта должность имела особое значение. Российские коммунисты были всего лишь одной из секций Коминтерна, таким образом, Зиновьев формально оказался руководителем всего мирового коммунистического движения.

При этом Григорий Зиновьев был человеком недалеким, бесхарактерным, напыщенным. В минуты опасности начинал паниковать. Оказавшись у власти, вел себя очень жестоко. Максим Горький, пытавшийся защищать питерскую интеллигенцию от репрессий, ненавидел Зиновьева.

Горький рассказывал Корнею Чуковскому о заседании, в котором участвовал хозяин Ленинграда Григорий Зиновьев:

— Ну потом — шуточки! Стали говорить, что в Зоологическом саду умерли детеныши носорога. И я спрашиваю: чем вы зверей кормить будете? Зиновьев отвечает: буржуями. И начали обсуждать вопрос: резать буржуев или нет? Серьезно вам говорю. Серьезно...

Зиновьев вел себя по-барски, наслаждаясь всеми благами жизни в голодном и нищем городе.

Корней Чуковский записывал в дневнике:

«*24 ноября 1919.* Вчера у Горького, на Кронверкском. У него Зиновьев. У подъезда меня поразил великолепный авто, на диване которого небрежно брошена роскошная медвежья полость... Зиновьев прошел — толстый, невысокого роста. Говорит сиплым и сытым голосом».

Федор Шаляпин вспоминает, как, устав от постоянных обысков и конфискаций, он решил обратиться к Зиновьеву.

«Долго мне пришлось хлопотать о свидании в Смольном. Наконец я получил пропуски. Их было несколько. Между прочим, это была особенность нового режима. Дойти при большевиках до министра или генерал-губернатора было так же трудно, как при старом режиме получить свидание с каким-нибудь очень важным и опасным преступником. Надо было пройти через целую кучу бдительных надзирателей, патрулей и застав».

Григорий Евсеевич наслаждался своим высоким положением, но в минуту откровенности признался художнику Юрию Анненкову, что скучает по Парижу.

«Осенью двадцать третьего года, — пишет Анненков, — мне случилось ехать в Москву с Григорием Зиновьевым (Аппельбаумом), в его личном вагоне. Глаза Зиновьева были печальны, жесты — редкие и ленивые. Он мечтательно говорил о Париже, о лиловых вечерах, о весеннем цветении бульварных каштанов, о Латинском квартале, о библиотеке Святой Женевьевы, о шуме улиц и опять — о каштанах весны.

Зиновьев говорил о тоске, овладевшей им при мысли, что Париж теперь для него недоступен. В Петербурге Зиновьев жил в гостинице «Астория», перед которой на площади — Исаакиевский собор, похожий на парижский Пантеон, построенный из сажи и купол которого Зиновьев ежедневно видел из своей парижской комнаты. Перед входом в Пантеон — зеленая медь роденовского «Мыслителя» (упрятанного нынче в музей)... Багровые листья осеннего Люксембургского сада; на скамейке — японский юноша, студент Сорбонны, размышляющий над французским томом химии или философии; золо-

то рыб в темной влаге фонтана Медичи; осенние листья, порхающие над аллеями; эмигрантские споры за бутылкой вина в угловом бистро...

Вспоминая о Париже, Зиновьев рассказал, как Ленин, по вечерам, «бегал на перекресток» за последним выпуском вечерних газет, а ранним утром — в булочную за горячими подковками.

— Его супружница, — добавил Зиновьев, — предпочитала, между нами говоря, бриоши, но старик был немного скуповат...

Я никогда не забуду зиновьевской фразы (не имеющей, впрочем, отношения к Ленину):

— Революция, Интернационал — все это, конечно, великие события. Но я разревусь, если они коснутся Парижа!

Часа в четыре утра Зиновьев неожиданно воскликнул:

— Жратва!

Обслуженные его охранниками, мы съели копченый язык и холодные рубленые куриные котлеты, запивая их горячим чаем. Около пяти часов утра Зиновьев промычал:

— Айда дрыхать! — и, растянувшись на кушетке, сразу же захрапел, не раздевшись».

В 1923-м и 1924 годах Сталин еще не воспринимался как лидер партии. В те годы особенно выделялся Зиновьев как председатель Исполкома Коминтерна. Он привык много выступать, и его часто приглашали выступить перед различными аудиториями.

Леопольд Треппер, будущий знаменитый разведчик, слушал выступления Зиновьева, когда учился в Москве в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада имени Ю.Ю. Мархлевского:

«Зиновьев производил на меня странное впечатление, и это, несомненно, потому, что неизменно пламенные и вдохновенные речи никак не соответствовали резкому и высокому голосу, который ему так и не удалось поставить.

Никогда не забуду, как однажды, подчеркивая слова соответствующей жестикуляцией, он визгливо воскликнул:

— Я приникаю ухом к земле и слышу приближение революции, но боюсь, как бы социал-демократия не оказалась самой главной контрреволюционной силой».

Григорий Евсеевич Зиновьев был человеком малых талантов, о чем не подозревал. Не понимал, что своим высоким положением обязан лишь особым отношениям с Лениным. Он считал, что он вправе быть наследником вождя и что единственный его соперник — это Троцкий. Ради унич-

тожения Троцкого Зиновьев заключил союз со Сталиным, наивно полагая, что Иосиф Виссарионович готов быть на вторых ролях.

Сталин, еще не уверенный в своих силах, вел себя осторожно и некоторое время не мешал Зиновьеву изображать из себя хозяина страны. На последнем при жизни Ленина партийном съезде, когда сам Владимир Ильич уже не мог выступать, политический доклад произнес Зиновьев.

В январе 1924 года на XIII партконференции, обращаясь к новым вождям партии, едкий Давид Рязанов, директор Института Маркса и Энгельса, сказал:

— Как вы, друзья, ни садитесь, все же в Ленины не годитесь. Пойте соло, запевайте дуэт, трио, квартет и квинтет, но вам не заменить Ленина.

Эти слова, как и призыв «Долой кандидатов в вожди!» из стенограммы изъяли. Зиновьев в душе полагал, что вполне способен заменить Владимира Ильича.

«Зиновьев имел вид чрезвычайно самоуверенный, — вспоминал Виктор Серж. — Тщательно выбритый, бледный, с несколько одутловатым лицом, густой курчавой шевелюрой и серо-голубыми глазами, он просто чувствовал себя на своем месте на вершине власти, будучи самым старым соратником Ленина в ЦК; однако от него исходило также ощущение дряблости и скрытой неуверенности...

На митингах на Петроградском фронте я видел, как молодые военные карьеристы в новых блестящих кожанках заставляли Зиновьева краснеть и в смущении опускать голову, откровенно подбрасывая ему глупейшую лесть.

— Мы победим, — кричал один из них, — потому что нами командует наш славный вождь товарищ Зиновьев!»

В июле 1923 года Зиновьев и Бухарин, редактор «Правды», кандидат в члены политбюро и оргбюро ЦК, отдыхали в Кисловодске. Они были обеспокоены ростом влияния Сталина и придумали, как его нейтрализовать: упразднить оргбюро и избрать секретариат в составе Зиновьева, Сталина и Троцкого. «Тройка» и решала бы все организационные и кадровые вопросы. Это предложение поддержали члены ЦК, которые отдыхали в Кисловодске, в том числе и Фрунзе.

В конце июля в Москву уехал Орджоникидзе, который на правах старого друга взял на себя миссию переговорить со Сталиным. Зиновьев и Бухарин написали короткую записку Сталину и Каменеву:

«Серго расскажет Вам о мыслях, которые бродят в головах двух кисловодских обывателей. Само собой разумеется,

что об этом нужно нам всем двадцать раз переговорить раньше, чем на что-нибудь решиться».

Пока Зиновьев и Бухарин, прогуливаясь, вели неспешный разговор о том, как переустроить систему власти, оставшийся в Москве Сталин вовсе не хотел делиться властью и решал все единолично. Ленин болел, Троцкий отсутствовал, Каменев в силу мягкости характера со Сталиным не спорил.

На Льва Каменева же и обрушился с упреками Зиновьев — от своего и Бухарина имени:

«Дорогой Лев Борисович!

Позволь тебе сказать, что на этот раз мы совершенно всерьез и глубоко возмущены. В самом деле! Мы находимся здесь на лечении не без вашего согласия. Ты — в Москве. У тебя — немалое влияние. И ты позволяешь Сталину прямо издеваться. Факты? Примеры?

Изволь!»

Зиновьев и Бухарин привели целый список решений, принятых в Москве без консультации с ними: новые назначения, принципиально важные шаги во внешней политике.

Бухарина, редактора «Правды», особенно возмутила смена редколлегии газеты: «Что это, как не издевка? Что сказал бы Сталин, если во время его отпуска, не известив его и не посоветовавшись с ним, мы назначили бы новый секретариат ЦК или коллегию Наркомнаца?!»

Зиновьев, председатель Исполкома Коминтерна, был недоволен новыми директивами иностранным компартиям: «Владимир Ильич уделял добрую десятую часть времени Коминтерну, каждую неделю беседовал с нами об этом часами, знал международное движение как свои пять пальцев и то никогда не отрезывал, не спросив двадцать раз всех. А Сталин пришел, увидел и разрешил! А мы с Бухариным — вроде «мертвых трупов» — нас и спрашивать нечего. Да и тебя, верно, не спросил и нашей телеграммы не показал.

Мы пишем телеграммой, что приедем на политбюро, бросив отпуск, если политбюро хочет заняться этим важным вопросом. Нас даже не удостаивают ответом».

В тот момент Зиновьев был настроен весьма решительно. Он называл действия Сталина диктатурой и пришел к выводу, что Ленин был прав в оценке Сталина («Письмо к съезду») и в предложении переместить его с поста генсека.

«Мы этого терпеть больше будем, — писал Зиновьев Каменеву. — Если партии суждено пройти через полосу (вероятно, очень короткую) единодержавия Сталина — пусть

будет так. Но прикрывать все эти свинства я, по крайней мере, не намерен.

Во всех платформах говорят о «тройке», считая, что и я в ней имею не последнее значение. На деле нет никакой тройки, а есть диктатура Сталина. Ильич был тысячу раз прав. Либо будет найден серьезный выход, либо полоса борьбы неминуема. Ну, для тебя это не ново. Ты сам не раз говорил то же.

Но что меня удивило — так это то, что Ворошилов, Фрунзе и Серго думают почти так же...»

Зиновьев глубоко ошибался: положиться он мог только на Фрунзе. Ворошилов и Орджоникидзе были сталинскими людьми. Они могли на короткий момент попасть под чье-то влияние, но одного сталинского слова было достаточно, чтобы они заняли нужную тому позицию.

Характерно, что, обращаясь буквально на следующий день непосредственно к Сталину, только что бушевавший Зиновьев не решился высказать ему свои претензии.

Григорий Евсеевич робко заметил:

«В очень ответственных делах хорошо бы, если дело терпит, советоваться...

Вашего мнения по поводу разговора Серго жду с нетерпением. Не примите и не истолкуйте это в дурную сторону. Обдумайте спокойно».

А Сталину и думать было нечего: с какой стати он будет отказываться от практически единоличной власти в партии? Если секретариат ЦК будет состоять из трех человек — Зиновьева, Сталина и Троцкого, то Иосиф Виссарионович утратит все рычаги управления.

Сталин стал отговаривать от этой идеи мягкого и податливого Каменева и убедил его.

Орджоникидзе писал Ворошилову:

«Дорогой Клим!

Предложение Зиновьева и Бухарина Коба считает как назначение политкомов и, конечно, соответственно и реагирует. Говорил я с Каменевым, он считает, что Зиновьев и Бухарин преувеличивают. Коба их предложение сделал достоянием Рудзутака и Куйбышева. Они решительно отвергают и хохочут...»

Удостоверившись в поддержке своего окружения, Сталин ответил Бухарину и Зиновьеву:

«Не пойму, что именно я должен сделать, чтобы вы не ругались, и в чем, собственно, тут дело? Не думаю, чтобы интересы дела требовали маскировки, было бы лучше, если

бы прислали записочку, ясную, точную. А еще лучше, если переговорим при первой возможности.

Все это, конечно, в том случае, если вы считаете в дальнейшем возможной дружную работу (ибо из беседы с Серго я стал понимать, что вы, видимо, не прочь подготовить разрыв, как нечто неизбежное). Если же не считаете ее возможной, — действуйте, как хотите, — должно быть, найдутся в России люди, которые оценят все то и осудят виновных».

Забавно, что Сталин постоянно говорит о «дружной работе» с людьми, которых потом всех уничтожит...

Написав такое жесткое письмо, генсек сделал приписку, желая снять напряжение и, может быть, свести все к шутке:

«Счастливые вы, однако, люди: имеете возможность измышлять на досуге всякие небылицы, обсуждать их и пр., а я тяну здесь лямку, как цепная собака, изнывая, причем я же оказываюсь «виноватым». Этак можно извести хоть кого. С жиру беситесь вы, друзья мои».

Зиновьев и Бухарин с тревогой восприняли нескрываемо раздраженный тон Сталина:

«При свидании переговорим и, разумеется, найдем удовлетворительное решение. Разговоры о «разрыве» — это же, конечно, от Вашей усталости. Об этом не может быть и речи».

Зиновьев в попытке ограничить власть Сталина мог рассчитывать и на Каменева, и на Троцкого, и на авторитет Ленина. Таким образом он получил бы в политбюро большинство голосов и исполнил ленинскую волю — убрать Сталина с поста генерального секретаря. Но Зиновьев еще больше, чем Сталина, не любил Троцкого и не хотел ни о чем с ним сговариваться. Кроме того, Григорию Евсеевичу не хватало качеств политического бойца.

Увидев, что Зиновьеву недостает решимости пойти до конца и настоять на своем, добиться того, что он хочет, Сталин почувствовал себя уверенно и заявил, что незачем ставить над ним никаких политкомиссаров.

На что Зиновьев, не желавший столкновения, ответил совсем уже в примирительном тоне:

«Ильича нет. Секретариат ЦЕКА поэтому объективно (без злых желаний Ваших) начинает играть в ЦК ту же роль, что секретариат в любом Губкоме, то есть на деле (не формально) решает все. Это факт, который отрицать нельзя. Никто не хочет ставить политкомов (Вы даже Оргбюро, Политбюро и Пленум зачисляете в Политкомы!).

Но действительное (а не фиктивное) существование «группы» и равноправное сотрудничество и ответственность

при нынешнем режиме невозможны. Это факт. Вы поневоле (сами того не желая) ставили нас десятки раз перед свершившимися фактами. А положение (и с Троцким, и с разными «платформами») осложняется, и недовольство в партии растет (не смотрите на поверхность). Отсюда — поиски лучшей формы сотрудничества.

О «разрыве» нечего зря говорить. Его партия не допустит. Мы его не хотим. Максимум — отойдем в сторонку. Другого ядра нет. И оно вполне справится, если Вы захотите. Без Вас его себе не мыслим.

Где Вы будете отдыхать? Мы скоро (к концу месяца) будем в Тифлисе. Если захотите, с удовольствием на день к Вам приедем.

Ни минуты не сомневаемся, что сговоримся».

Предложение Зиновьева не реализовалось. Оргбюро как главный кадровый орган оставили. В него ввели, правда, на короткий срок Бухарина, Зиновьева и Троцкого, но власть Сталина над аппаратом сохранилась.

Приблизив к себе Фрунзе, Зиновьев сделал все, чтобы Михаил Васильевич возглавил военное ведомство.

11 марта 1924 года Фрунзе постановлением правительства был назначен заместителем председателя Реввоенсовета СССР и заместителем наркома по военным и морским делам.

1 апреля его назначили по совместительству начальником и комиссаром Штаба РККА. Помощниками Фрунзе в Штабе сделали будущих маршалов Бориса Михайловича Шапошникова и Михаила Николаевича Тухачевского.

19 апреля Фрунзе сделали еще и начальником Военной академии РККА. При Военной академии открылись Курсы усовершенствования высшего командного состава и Военно-политические академические курсы. Через эти курсы прошло большинство крупных советских военачальников. После смерти Фрунзе академии присвоили его имя.

6 мая 1924 года Михаил Васильевич получил второй орден Красного Знамени. 2 июня 1924 года, на пленуме ЦК, избранного XIII съездом партии, Фрунзе ввели кандидатом в члены политбюро и кандидатом в члены оргбюро ЦК. Ему оставался всего один шаг до того, чтобы войти в состав высшего руководства страны. И этот шаг был сделан в самом начале следующего года.

17 января 1925 года пленум ЦК решил снять Троцкого с поста председателя Реввоенсовета СССР и наркома по военным и морским делам.

«Ввиду того, что руководство армией невозможно без полной поддержки этого руководства авторитетом всей партии; что без такой поддержки создается опасность подрыва железной дисциплины в армии; что конференция политработников, с одной стороны, и фракция РВС СССР — с другой уже высказались за снятие Троцкого с военной работы... признать невозможным дальнейшую работу Троцкого в РВС СССР».

Вместо Льва Давидовича назначили Фрунзе.

5 февраля Фрунзе подписал приказ Революционного военного совета СССР № 139/594:

«Волей рабоче-крестьянского правительства, выраженной в постановлении Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик от 26 января 1925 года, я вступил в исполнение обязанностей Народного комиссара по военным и морским делам и Председателя Революционного Военного Совета ССС Республик».

Но на высшем военном посту Михаилу Васильевичу было суждено пробыть меньше года.

МЕЧТА О БОЛЬШОЙ АРМИИ

После Гражданской войны Красная армия насчитывала пять миллионов человек. И ее сократили в десять раз. В 1925 году численность армии довели до шестисот пятидесяти тысяч человек, это втрое меньше старой царской армии.

Ленин в соответствии с марксистскими представлениями считал, что регулярная армия не нужна, достаточно иметь народное ополчение, вооруженный народ сам себя защитит. Люди учатся военному делу без отрыва от работы и встают в строй только в случае военной опасности. А в мирное время достаточно кратких учебных сборов.

С 1923 года началась радикальная реформа вооруженных сил. 8 августа ЦИК и Совнарком приняли декрет «Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся». Этот документ определил порядок формирования территориально-милиционной системы.

Красная армия строилась на сочетании кадровых частей и территориально-милиционных формирований, в которые призывали граждан на кратковременные сборы для обучения военному делу.

Деньги, отпущенные на армию, позволяли обучать в кадровых частях примерно четверть призывного контингента. В кадровых частях служили два года.

Больше половины дивизий строились на территориально-милиционной основе, что позволяло крестьянам-красноармейцам не слишком отрываться от хозяйства. В середине 1925-го в Красной армии было семьдесят семь стрелковых дивизий, из них сорок шесть территориальных.

В территориальной дивизии кадровым был только командный состав, а красноармейцев призывали на несколько месяцев в году на учебные сборы, чтобы они овладевали военным делом. Остальное время они жили дома и работали. В случае войны их всех предполагалось призвать на службу и развернуть полноценные части и соединения. В зависимости от рода войск переменный состав в течение пяти лет находился на сборах в общей сложности от восьми до двенадцати месяцев.

18 сентября 1925 года ЦИК и Совнарком СССР приняли «Закон об обязательной военной службе», в котором подчеркивался классовый характер армии. На воинскую службу призывались только трудящиеся в возрасте от девятнадцати до сорока лет. Нетрудовые элементы несли службу в тыловых частях.

Новый закон об обязательной военной службе, принятый 8 августа 1928 года, запрещал всем «лишенцам» (то есть нетрудовым элементам, лишенным гражданских прав) служить в армии, они получали «белый билет», числились в тыловом ополчении и платили большой военный налог. Представители «нетрудящихся классов» составляли почти восемь процентов городского и три с половиной процента сельского населения.

В пехоте, артиллерии и кавалерии служили два года, в авиации и береговой обороне — три, на флоте — четыре.

Нехватка денег поставила армию и флот в тяжелое положение. Фрунзе вынужден был ужать штаты тыловых органов армии и отказаться от призыва части молодежи — их не на что было обучать. Но после ухода Троцкого с военной работы ассигнования на вооруженные силы были увеличены. Фрунзе смог повысить зарплату командного и политического состава на треть. Это прибавило ему популярности в войсках. Даже рядовые красноармейцы вместо тридцати пяти копеек в месяц стали получать рубль двадцать. В 1925 году всех снабдили обмундированием, но постельного белья в казармах не хватало.

Платили командирам все равно очень мало.

Фрунзе, выступая на Третьем съезде Советов в мае 1925 года, говорил:

— Командир взвода у нас, в Советском Союзе, получает 42 рубля, во Франции — 57 рублей, в Германии — 62 рубля, в Польше — 76 рублей, в Англии — 212 рублей... Командир дивизии: у нас — 110 рублей, в Германии — 280 рублей, Франции — 321 рубль, Польше — 323 рубля, Англии — 1020 рублей. Товарищи, из этой лестницы цифр вы видите, что положение командного состава у нас является худшим, чем в армии любой буржуазной страны. Нормы заработной платы комсостава по отношению к нормам старой царской армии составляют только тридцать процентов.

Точно так же трудно было с квартирами, сообщил председатель Реввоенсовета. Только треть командиров были сносно устроены. Остальные маялись без жилья. Да и кормили в армии неважно, признавал Фрунзе:

— В нашей армии в калориях нормы ежедневного продовольствия определяются числом 3012. В румынской армии нормы меньше — 2714. В польской армии они равны 2797, то есть тоже несколько меньше, чем у нас, но уже в итальянской армии они определяются числом 3330, а в Америке — 3658. Я считаю необходимым просить вашего директивного указания союзному правительству относительно некоторого повышения нормы нашего красноармейского довольствия на следующий год.

Фрунзе, конечно, вел дело и к увеличению армии: «Нам нужно беспощадно разбивать эти иллюзии, этот детский лепет о том, что в современной мировой обстановке нам можно обойтись маленькой кадровой армией».

Он говорил, что нужна постоянная кадровая армия такой численности, «через ряды которой мы могли бы пропустить весь рабоче-крестьянский молодняк, который подрастает ежегодно». Он приводил такие цифры: каждый год призывного возраста достигает примерно миллион двести тысяч молодых людей. Чуть больше трехсот тысяч физически не пригодны для несения службы. Значит, призвать можно около девятисот тысяч.

— Между тем сейчас кадровая армия имеется в количестве пятисот шестидесяти двух тысяч человек. Если отбросить командный и политический состав, то при двухгодичном сроке службы ежегодно можно пропустить черед ряды армии только двести семьдесят тысяч человек, включая сюда Красную армию, Красный флот, караульные войска, конвойную, погра-

ничную стражу и так далее. Выходит, что около полумиллиона молодняка мы обучить не в состоянии...

Как покажет Великая Отечественная, главная проблема Красной армии состояла в низком уровне подготовки кадрового состава вооруженных сил, а вовсе не в том, что допризывной военной подготовкой охватили не всю молодожь. В годы войны призванных из запаса все равно приходилось обучать заново.

Новый военный министр, сам еще молодой человек, добивался омоложения командных кадров.

Командиры старшего поколения, бывшие царские офицеры, были отодвинуты. На высшие посты назначались более молодые партийные военачальники, которые прошли обучение на разного рода курсах. Перед молодыми командирами открылась дорога наверх, и они всячески поддерживали нового наркома.

Фрунзе добивался жесткого соблюдения принципа единоначалия, отнимая у комиссаров их власть. Он требовал, чтобы командир обладал всей полнотой власти в своей части, независимо от того, член он партии или беспартийный. Но по существу, вооруженные силы очистили от беспартийных военных профессионалов.

Фрунзе писал: «Люди с идеологией, враждебной идеям труда, должны быть изъяты из Красной Армии. Надо добиться такого положения, чтобы командный состав стал фактически советским, чтобы исчезла всякая почва для каких бы то ни было подозрений политического порядка по его адресу, чтобы у него с низами, с рядовой красноармейской массой, чувствовалась полная спайка и взаимное понимание».

На апрельском (1928 года) пленуме ЦК начальник политуправления Красной армии Андрей Бубнов говорил:

— Я должен здесь указать вам на один момент в жизни армии, который касается последнего периода и который связан с так называемой военной реформой 1924 года, когда мы произвели радикальную перегруппировку наших командных кадров. Эта перегруппировка состояла в том, что мы выдвинули на ответственнейшие посты в армии тех наших боевых командиров, которые получили боевую выучку в годы Гражданской войны и которых мы соприкоснули с военной наукой после окончания Гражданской войны, в последующие мирные годы. Это дало нам возможность накопить в военном ведомстве такие командные кадры, которые сделали остро необходимой ту радикальную перегруппировку, которую мы проделали в 1924 году...

При Фрунзе упростилась схема управления вооруженными силами. Должность главкома ликвидировали — в мирное время она не нужна.

Еще в феврале 1921 года Всероссийский главный штаб и Полевой штаб Реввоенсовета слили в единый Штаб РККА.

Главное управление РККА занималось повседневными нуждами армии. Инспекторат РККА во главе с бывшим главкомом Сергеем Сергевичем Каменевым ведал ходом боевой подготовки. По предложению Фрунзе инспекторат был влит в Штаб РККА.

Заместителем Фрунзе был назначен Иосиф Станиславович Уншлихт, который занимался сокращением и модернизацией центрального военного аппарата.

Уншлихт вырос и учился в Польше. В 1900 году он стал членом партии «Социал-демократия Польши и Литвы». Шесть раз арестовывался, трижды его отправляли в ссылку, в последний раз в 1916 году сослали в Иркутскую губернию. После революции Уншлихт — член коллегии наркомата внутренних дел, председатель центральной коллегии по делам пленных и беженцев. Член ЦК Коммунистической партии Литвы и Белоруссии, народный комиссар по военным делам Литвы и Белоруссии. Когда Красная армия ушла из Вильно и Минска, Уншлихта сделали членом Реввоенсовета 16-й армии, потом Западного фронта.

В апреле 1921 года Иосифа Станиславовича назначили заместителем председателя ВЧК. В августе 1923-го перевели членом Реввоенсовета Республики и начальником снабжения РККА с задачей сократить расходы и раздутые штаты тыловых учреждений. 6 февраля 1925 года он был назначен заместителем наркома и председателя Реввоенсовета и оставался на этом посту до 2 июня 1930 года. Впоследствии был начальником Главного управления Гражданского воздушного флота и секретарем Союзного Совета ЦИК СССР. В 1938-м Уншлихта расстреляли.

При Фрунзе изменились структура и статус политорганов в армии. Политическое управление вывели из состава Реввоенсовета, оно стало называться Политуправлением РККА и работало на правах военного отдела ЦК. Политорганы стали подчиняться не местным партийным органам и военному командованию, а напрямую ЦК и Сталину.

Руководил политуправлением старый знакомый Фрунзе Андрей Сергеевич Бубнов. Он родился в Иваново-Вознесенске в семье управляющего текстильной фабрикой, окончил реальное училище и учился в Московском сельскохозяй-

ственном институте. В Иваново-Вознесенске они вели подпольную работу вместе с Фрунзе.

После революции Бубнова назначили членом коллегии наркомата путей сообщения, он входил в правительство Советской Украины, был членом Реввоенсовета Украинского фронта, 14-й армии, Северо-Кавказского военного округа.

В 1922 году Сталин приблизил к себе Бубнова — назначил заведующим агитпропотделом ЦК, летом 1923-го пытался поставить его во главе «Правды», а в апреле 1925-го даже сделал секретарем ЦК партии. Но видимо, решил, что это слишком большой пост для Бубнова, и перевел его кандидатом в члены секретариата ЦК, зато ввел в состав оргбюро ЦК. Это обеспечило начальнику политуправления высокий статус в партийном аппарате и возможность влиять на кадровые решения.

Бубнов был не только ответственным редактором армейской газеты «Красная звезда», но и, как начальник ПУР, руководил всей военной печатью и попросил начальника Главлита СССР (цензура) Павла Ивановича Лебедева-Полянского «дать по линии Главлита директиву, чтобы ни одно издание военно- или военно-политического характера по вопросам обороны или военизации СССР, предназначенное как для армии, так и для населения, не было бы допущено к печати, если не имеет визы отдела печати ПУРа».

Андрей Бубнов руководил Политуправлением Красной армии пять лет. В 1929 году Сталин перевел Бубнова на политически менее важный пост наркома просвещения РСФСР, в 1938-м приказал расстрелять...

Бубнов прежде всего выполнил указание Сталина — заставить армию забыть о Троцком.

Бубнов направил Фрунзе служебную записку, подписанную заместителем начальника политуправления армии и начальником отдела агитации и пропаганды и адресованную армейским политорганам:

«В программе политзанятий с красноармейцами в текущий зимний период значится беседа «Вождь Красной Армии тов. Троцкий» (сборник приказов и циркуляров ПУРа № 36).

Формулировку этой беседы нужно, на основании постановления совещания начальников политуправлений округов, переменить следующим образом: «Вождь Красной Армии — РВС СССР», содержание беседы: «РВС СССР, президиум РВС СССР, биографии членов президиума РВС СССР». Найдите достаточно удобную форму замены, произведя ее возможно осторожнее, не вызывая лишних разговоров.

В готовящемся пособии к программе беседа разработана по предлагаемому новому варианту. Таким образом, материал для беседы будет получен всеми политруками».

На одном из заседаний 10 декабря 1924 года Фрунзе переправил эту бумагу Сталину с запиской:

«Скажи твое мнение об этом документе».

Сталин тут же ответил:

«Узнать надо автора формулировки «Троцкий как вождь Красной Армии» и наказать его. Заменить эту формулировку нужно обязательно».

Фрунзе согласился:

«Формулировку, конечно, надо заменить. Но мне не нравится формула «вождь — президиум РВС». Я думаю, было бы лучше говорить как о вожде — о партии. О вождях же в узкоармейском смысле не говорить, просто ознакомить всю армию с биографиями лиц, стоящих во главе армии».

ПРОЛЕТАРСКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

В 1920—1921 годах шла дискуссия о будущем армии. Победитель Врангеля Михаил Фрунзе, которому предстояло сменить Троцкого в военном ведомстве, исходил из того, что армия должна быть классовой, пролетарской, а военная доктрина опираться на опыт Гражданской войны.

После окончания Гражданской войны многие военные теоретики гордо утверждали, что Красная армия создала свою пролетарскую стратегию. Так думали не только Фрунзе, но и Тухачевский, Гусев, Буденный, Ворошилов. Троцкий возражал: не может быть какой-то особой пролетарской военной науки. Он ехидно замечал: «Тот, кто думает, что с помощью марксизма можно наладить производство на свечном заводе, слабо разбирается и в марксизме, и в изготовлении свечей».

Фрунзе обижался на Троцкого, который возражал против идеализации опыта Гражданской войны, и правильно делал: воспоминания о лихих атаках конницы сыграют роковую роль на первом этапе Великой Отечественной.

В статье «Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство» Троцкий призывал учить командиров проявлять инициативу на поле боя, думать самим, а не заглядывать по каждому поводу в уставы и инструкции.

Многие командиры пренебрежительно относились к военной науке и учебе. Военные историки обращают внимание

на то, что Троцкий от всех требовал учиться, даже на фронте в момент затишья. Доказывал, что нельзя считать огромные потери проявлением военного искусства. Критерий военного искусства — достижение наибольших результатов с наименьшей тратой сил.

23 февраля 1921 года Троцкий писал Ленину:

«Владимир Ильич.

У нас сейчас в партийно-военных кругах идет дискуссия по вопросу о военной доктрине. Думаю, что в последнем счете от дискуссии будет польза, но сейчас много ахинеи и отсебятины. В частности, против Красной Армии выдвигается обвинение в том, что в ее «военную доктрину» (вокруг этого напыщенного словечка и крутится весь спор) не входит идея наступательных революционных войн...»

Общение с профессиональными военными пошло Троцкому на пользу. Троцкий увидел, что зарождающаяся советская военная наука недооценивает оборону. Он писал, что одним «фактором наступления еще не обеспечивается успех». Армию надо учить и обороняться тоже. Надеяться на мировую революцию пока нет оснований.

Фрунзе поспешил ему возразить и даже высокомерно посоветовал Льву Давидовичу выкинуть из брошюры «рассуждения, прославляющие оборону». Сам Фрунзе писал и говорил только о наступлении. В те времена было принято по примеру Суворова клеймить оборону «подлой» и буквально «вытравливать дух обороны из Красной Армии».

Большую дискуссию вызвала статья Фрунзе «Единая военная доктрина и Красная Армия», которая появилась в июле 1921 года в первом номере журнала «Армия и революция», выпущенном штабом командующего войсками Украины и Крыма.

Михаил Васильевич исходил из неизбежности военного противоборства с капиталистическим миром:

«Между нашим пролетарским государством и всем остальным буржуазным миром может быть только одно состояние долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть... Совместное параллельное существование нашего пролетарского советского государства с государствами буржуазно-капиталистического мира длительное время невозможно.

Это противоречие может быть разрешено и изжито только силой оружия в кровавой схватке классовых врагов. Иного выхода нет и быть не может».

Михаил Васильевич Фрунзе был сторонником мировой революции, которой Красная армия должна помочь. Он пи-

сал, что победит лишь тот, кто найдет в себе решимость наступать, обороняющаяся сторона обречена на поражение:

«Самим ходом исторического революционного процесса рабочий класс будет вынужден перейти к нападению, когда для этого сложится благоприятная обстановка... Отсюда вытекает необходимость воспитывать нашу армию в духе величайшей активности, подготовлять ее к завершению задач революции путем энергичных, решительно и смело проводимых наступательных операций...»

Фрунзе доказывал, что нужна доктрина революционной наступательной войны, на основе которой Красная армия будет готовиться к войне с капиталистическим миром (журнал «Отечественная история», 2001, № 2).

Такая война казалась ему неизбежной, потому что пролетарское государство обязано с помощью пролетариата разных стран нанести поражение всему капиталистическому миру. Это был призыв к осуществлению мировой революции с помощью вооруженных сил: «Победит лишь тот, кто найдет в себе решимость наступать...»

Троцкий решительно возразил Фрунзе. Он доказывал, что нельзя ставить перед Красной армией наступательные задачи: мировое революционное движение переживает спад, положение в России тяжелое, люди устали от войны и надо «отстоять для рабочих и крестьян возможно длительный период мира».

Да и сами красноармейцы не горят желанием начинать новую войну. Поэтому, считал Троцкий, задача другая: «Мы учимся военному делу, вооружаемся, строим большую армию для того, чтобы обороняться, если на нас нападут».

Конечно, Красная армия может прийти на помощь восставшим трудящимся в других странах, но ее роль будет «вспомогательной».

Фрунзе и его единомышленников, жаждавших мировой революции и готовых разжечь ее с помощью армии, Троцкий назвал «нетерпеливыми стратегами».

Фрунзе считал, что у Красной армии должна быть революционная стратегия, в основе которой наступательность и маневренность: это «совершенно естественно, ибо в армии, создаваемой и руководимой пролетариатом, иного настроения, кроме активного, и быть не могло». Наступательный порыв решит исход будущих войн, потому что вражеские армии «окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником». Красная армия должна прежде всего учиться наступать...

Троцкий говорил, что принятие только наступательной стратегии — авантюризм, непростительная ошибка, которая приведет к колоссальным жертвам. Армия должна учиться обороне, к которой придется прибегнуть на первом этапе войны. Возможно и стратегическое отступление, которое позволяет выиграть время для мобилизации и развертывания собственных сил.

Он считал, что не надо выдумывать какую-то особую стратегию и тактику, а надо учить красноармейцев и создавать современную боевую технику.

Обо всем этом молчали десятилетиями. Троцкому приписывали какие-то чудовищные глупости, а между тем выяснилось, что он рассуждал глубоко и точно — в отличие от «признанного военного стратега» Фрунзе. Предположения Троцкого оказались правильными, как показала Великая Отечественная...

«Пролетарскую военную доктрину» удалось отвергнуть. В постановлении по военным вопросам XI партийного съезда она даже не упоминается. Дело в том, что в рамках съезда на совещании делегатов-военных с докладом выступил Троцкий, а с содокладом — Михаил Фрунзе, восходящая военная звезда. Фрунзе командовал тогда войсками Украины.

Но перед съездом с ним беседовал Ленин и дал понять, что намерен поддержать Троцкого. Михаил Васильевич сразу же пошел на попятную.

3 марта 1925 года Фрунзе выступал на заседании литературной комиссии ЦК. Он напомнил о том, как несколько лет назад предложил теорию «единой военной доктрины»:

— В чем была сущность моих предложений? Она сводилась к пересмотру всех вопросов военной науки и искусства под углом зрения пролетариата, к установлению основ пролетарского учения о войне. В этой своей попытке я натолкнулся на жестокий отпор со стороны товарища Троцкого. Тогда я не стал развертывать широкой борьбы и сейчас скажу почему.

Решительную роль сыграл мой разговор с товарищем Лениным. Я изложил ему свою точку зрения, и он ответил мне так: «Вы, военные коммунисты, здесь не правы. С точки зрения перспектив ваш подход, конечно, правильный. Разумеется, вы должны готовиться к задаче полного овладения военным делом и соответствующую работу вести. Пожалуйста, учитесь, выдвигайте молодые силы, но ежели вы сейчас станете выступать с теорией пролетарского военного искусства, то впадете в опасность комчванства. Мне кажется, что

наши военные коммунисты еще недостаточно зрелы, чтобы претендовать на руководство всем военным делом»...

После беседы с вождем Фрунзе предпочел заявить, что у него нет разногласий с председателем Реввоенсовета Республики. В 1922 году он сказал: «Я не являлся и не являюсь сторонником той идеи, что мы создаем особую пролетарскую стратегию и тактику».

Но в 1925 году Фрунзе, став военным министром, вспомнил о пролетарской военной науке:

— Практически мы задачу, поставленную мною при формулировании основных положений военной доктрины, в значительной части выполнили. Все основные позиции в военном деле мы прочно держим в своих руках. Мы создали свой красный генеральный штаб. Но теоретически задача создания пролетарского учения о войне еще не выполнена. Перед нами колоссальная работа. И в ней мы допускаем сотрудничество лиц, которые по своим принципиальным взглядам зачастую если не враждебны нам, то, во всяком случае, не могут считаться вполне нашими. Тем не менее мы этих людей всячески используем, потому что у них, по нашему мнению, нам можно многому поучиться...

Как начальник Штаба РККА Фрунзе так формулировал задачу: «Необходимо поставить работу высших штабов так, чтобы Красная Армия могла выполнить свои задачи на любом операционном направлении и в любом участке возможного грядущего фронта. Границы же этого фронта в ближайшую очередь определяются пределами всего материка Старого Света».

С уходом Троцкого из вооруженных сил пренебрежение к обороне усилилось.

В своем кругу Михаил Васильевич объяснял, что его публичные рассуждения насчет оборонительного характера советской политики — это дипломатия. Трубить в газетах, заявлять на собраниях о наступательных войнах — «вреднейшая, глупейшая и ребячья затея», но политработники в армии должны, конечно, «говорить о том, что в известной обстановке, при известных условиях мы можем пойти в наступление за пределы нашей земли... Наш комсостав и армия должны это знать. Нельзя в этой части воспитание вести в духе оборончества».

Главная задача Красной армии остается прежней: «Расширение нашей революции, укрепление диктатуры пролетариата в нашей победившей стране путем этого расширения, путем ее распространения на другие страны». Когда будут соответ-

ствующие условия, «пролетарская армия перейдет в решительное наступление».

Фрунзе продолжал утверждать: «Мы рассматриваем отступление как часть наступления... Наступление является самым лучшим видом обороны... Сторона, держащая инициативу, сторона, имеющая в своем распоряжении момент внезапности, часто срывает волю противника и этим самым создает наиболее благоприятные для себя условия».

Эти слова Фрунзе нравились генеральному секретарю.

Сам Сталин на пленуме ЦК 19 января 1925 года сказал:

— Если что-то серьезно назреет, то наше вмешательство, не скажу обязательно активное, не скажу обязательно непосредственное, оно может оказаться абсолютно необходимым. Это не значит, что мы должны обязательно идти на активное выступление против кого-нибудь. Это неверно. Если у кого-нибудь такая нотка проскальзывает — это неправильно. Если война начнется, мы, конечно, выступим последними, для того чтобы бросить гирю на чашу весов, гирю, которая могла бы перевесить...

10 марта 1925 года Сталин в письме курсантам Нижегородской пехотной школы писал: «Будем надеяться, что нам удастся превратить нашу Рабоче-Крестьянскую Красную Армию из оплота мира, каким она является теперь, в оплот освобождения рабочих капиталистических государств от ига буржуазии».

Сталинское письмо опубликовали только в феврале 1930 года. В апреле 1939 года начальник Политуправления Красной армии Лев Захарович Мехлис заявил, что в этом письме «изложена программа нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

Став наркомом и председателем Реввоенсовета, Фрунзе опять принялся доказывать, что Маркс и Ленин учат пролетариат тому, что «нападение, а не защита, должно стать лозунгом масс». Михаил Васильевич вообще предлагал искать ответы на все вопросы военного дела у классиков марксизма, хотя в свое время Троцкий пытался ему объяснить, что «нельзя научиться сражаться «по Марксу».

Троцкий был образованным марксистом и понимал, что такое марксизм. Фрунзе не понимал и потому требовал учиться у Маркса и Ленина тому, чему они научить никак не могли.

Зато именно Фрунзе после смерти стали именовать «выдающимся марксистским теоретиком военного дела», хотя теоретиком он как раз и не был.

ЗАЧЕМ ЕГО ОПЕРИРОВАЛИ?

Фрунзе скончался 31 октября 1925 года после операции, проведенной ему в Солдатенковской (ныне Боткинской) больнице. У него остановилось сердце. И сразу пошли разговоры о том, что «Фрунзе зарезали». Версии обсуждались разные. Одни полагали, что операция вовсе не была нужна. Другие настаивали, что хирурги действовали нарочито неумело. Третьи утверждали, что ему сознательно ввели двойную дозу хлороформа, убийственную для его слабого сердца.

Разговоры о том, что Фрунзе убили врачи, возникли потому, что его оперировал в Солдатенковской больнице Владимир Николаевич Розанов, а тот был известен как сталинский врач. В начале 20-х он сделал удачную операцию Сталину — вырезал ему аппендикс в сложных условиях.

Писали о том, что в марте 1923 года Сталин сам позвонил Розанову и попросил его участвовать в лечении Ленина, хотя тому не требовалось хирургическое вмешательство. В этом звонке увидели хитрый ход генсека, который желал держать возле больного Ленина доверенного врача.

В реальности Владимир Николаевич Розанов, старший врач хирургического отделения Солдатенковской больницы, с 1919 года был консультантом Лечебно-санитарного управления Кремля. Розанов ассистировал во время операции, когда Ленину удаляли пулю, которая сидела в нем с 1918 года (после покушения Фанни Каплан).

Нуждался ли Фрунзе в операции? Язвенную болезнь можно лечить и консервативно, не прибегая к оперативному вмешательству.

Константин Фрунзе, его старший брат, врач по профессии, нашел у Михаила Васильевича желудочную болезнь еще в 1906 году. Когда Михаил отбывал срок во Владимирском централе, то жаловался на боли в желудке.

В 1916 году его оперировали по поводу острого аппендицита. 11 октября Фрунзе писал из Минска сестре Людмиле: «Завтра я ложусь в больницу. Делаю операцию аппендицита». После операции Фрунзе ездил в Москву, отдыхал. Но операция была сделана не очень удачно и еще даст о себе знать.

Фрунзе много лет страдал от болей в желудке, у него диагностировали язвенную болезнь двенадцатиперстной кишки. Потом у него начались опасные кишечные кровотечения, которые надолго укладывали его в постель.

В годы Гражданской войны ему иногда приходилось руководить боевыми действиями, не вставая с постели. Ле-

читься он не любил, когда мучили боли, глотал разведенную в воде пищевую соду. В 1922 году его хотели отправить пить лечебные воды в Карлсбад (Карлови-Вари), что помогает многим язвенникам. Он наотрез отказался.

Тяжесть болезни Фрунзе была очевидной тем, кто его близко знал. 20 апреля 1923 года известный партийный работник Сергей Константинович Минин, работавший в Петрограде секретарем Северо-Западного областного бюро ЦК, обратился к Ворошилову, Сталину и Орджоникидзе, с которыми был в дружеских отношениях:

«*Климу. Сталину. Серго.*

Меня удивляет, почему вы не обращаете необходимого внимания на болезнь Фрунзе. Правда, ЦК в прошлом году постановил, что Фрунзе должен лечиться, и дал средства. Но этого мало. Нужно проследить выполнение. Недуг у него жестокий (язва желудка) и может оказаться роковым. Врачи рекомендуют четыре месяца серьезного лечения. На будущий год это будет шесть месяцев и т. д. А потом будем, при выбытии из строя Михаила Васильевича, говорить, что вот-де как работал, забывая тяжелую болезнь и тому подобное.

Как вижу, Фрунзе совсем не собирается как следует лечиться: там-де будут маневры и проч.

Необходимо по-товарищески и партийным путем заставить лечиться, как это, кажется, со многими делал т. Ленин».

В 1925 году Михаил Васильевич ко всем прочим неприятностям трижды попадал в автомобильные аварии. Причем в начале сентября он выпал из машины на полном ходу и сильно ушибся. Он взял отпуск и 7 сентября уехал в Крым. В Мухалатке отдыхали Сталин и Ворошилов. Фрунзе хотел ездить на охоту, уверял, что на свежем воздухе все пройдет. Но врачи, боясь за жизнь высокопоставленного пациента, почти насильно уложили его в постель.

29 сентября все трое уехали в Москву. По дороге Михаил Васильевич еще и простудился. В Москве Фрунзе сразу же положили в Кремлевскую больницу.

8 октября под руководством наркома здравоохранения РСФСР Николая Александровича Семашко дюжина врачей осмотрела Фрунзе. Они пришли к выводу, что существует опасность прободения язвы, поэтому больному показана хирургическая операция. Хотя некоторые врачи высказывались за консервативное лечение. В частности, в необходимости операции сомневался Владимир Николаевич Розанов.

Рассказывают, будто Розанова приглашали Сталин и Зиновьев, спрашивали его мнение о состоянии Фрунзе. Роза-

нов предлагал отсрочить операцию, а Сталин будто бы просил не медлить: председатель Реввоенсовета нужен стране и партии. Может быть, не стоит обвинять известного хирурга в сервильности и неспособности отстоять свое мнение.

«В двадцатых числах октября 1925 года, — говорится в воспоминаниях Анастаса Ивановича Микояна (тогда он был секретарем Северо-Кавказского крайкома партии), — я приехал по делам в Москву и, зайдя на квартиру Сталина, узнал от него, что Фрунзе предстоит операция. Сталин был явно обеспокоен, и это чувство передалось мне.

— А может быть, лучше избежать этой операции? — спросил я.

На это Сталин ответил, что он тоже не уверен в необходимости операции, но на ней настаивает сам Фрунзе, а лечащий его виднейший хирург страны Розанов считает операцию «не из опасных».

— Так давай переговорим с Розановым, — предложил я Сталину.

Он согласился. Вскоре появился Розанов, с которым я познакомился годом раньше в Мухалатке.

Сталин спросил его:

— Верно ли, что операция, предстоящая Фрунзе, не опасна?

— Как и всякая операция, — ответил Розанов, — она, конечно, определенную долю опасности представляет. Но обычно у нас такие операции проходят без особых осложнений, хотя вы, вероятно, знаете, что и обыкновенные порезы приводят иной раз к заражению крови. Но это очень редкие случаи.

Все это было сказано Розановым так уверенно, что я несколько успокоился. Однако Сталин все же задал еще один вопрос, показавшийся мне каверзным:

— Ну а если бы вместо Фрунзе был, например, ваш брат, стали бы вы делать ему такую операцию или воздержались бы?

— Воздержался бы, — последовал ответ.

— Почему?

— Видите ли, товарищ Сталин, — ответил Розанов, — язвенная болезнь такова, что, если больной будет выполнять предписанный режим, можно обойтись и без операции. Мой брат, например, строго придерживался бы назначенного ему режима, а ведь Михаила Васильевича, насколько я его знаю, невозможно удержать в рамках такого режима. Он по-прежнему будет много разъезжать по стране, участвовать в во-

енных маневрах и уж наверняка не будет соблюдать предписанной диеты. Поэтому в данном случае я за операцию...»

Потом Анастасу Ивановичу Микояну рассказывали, будто сам Фрунзе в письмах жене возражал против операции, писал, что ему вообще стало гораздо лучше и он не видит необходимости предпринимать что-то радикальное, не понимает, почему врачи твердят об операции.

«Это меня поразило, — пишет Микоян, — так как Сталин сказал мне, что сам Фрунзе настаивает на операции. Мне сказали, что Сталин разыграл с нами спектакль «в своем духе», как он выразился. Розанова он мог и не вовлекать, достаточно было ГПУ «обработать» анестезиолога...»

Мемуарная литература не является самым надежным источником, когда речь идет о конкретных фактах, поскольку воспоминания создаются через много лет после описываемых событий. К тому же мемуары обыкновенно правятся, а иногда дописываются редакторами и составителями.

В реальности Фрунзе не только не сопротивлялся операции, а, напротив, просил о ней. Об этом свидетельствуют письма жене, Софии Алексеевне, которая лечилась в Ялте от туберкулеза. Фрунзе посылал ее и в Финляндию, и в Крым, но ничто не помогало. София Алексеевна чувствовала себя плохо, не вставала. Врачи рекомендовали ей провести в Ялте всю зиму. Она тревожилась: хватит ли денег?

Фрунзе ответил:

«С деньгами как-нибудь справлюсь. При условии, конечно, что ты не будешь оплачивать из своих средств всех визитов врачей. На это никаких заработков не хватит. В последний раз взял из ЦК денег. Думаю, что зиму проживем. Лишь бы только ты прочно стала на ноги...»

20 октября 1925 года Фрунзе написал жене:

«Я все еще в больнице. В субботу будет новый консилиум. Я сейчас совсем здоров. Боюсь, как бы не отказались от операции».

В следующем консилиуме 24 октября приняли участие уже семнадцать специалистов. Они пришли к прежнему выводу:

«Давность заболевания и наклонность к кровотечению, могущему оказаться жизненно опасным, не дают права рисковать дальнейшим выжидательным лечением».

При этом врачи предупредили Фрунзе, что операция может оказаться трудной и серьезной и не гарантирует стопроцентного излечения. Тем не менее Михаил Васильевич, как рассказывал впоследствии профессор Греков, «пожелал подвергнуться операции, так как считал, что его состояние

лишает его возможности продолжать ответственную работу».

Иван Михайлович Гронский встретил Фрунзе в Кремлевской больнице, которая располагалась тогда в Потешном дворце:

«Больница, несмотря на ее громкое название, была более чем маленькой. Да и больных в ней, как я узнал, было немного: всего лишь человек десять—пятнадцать.

В небольшой чистенькой комнате — палате на втором этаже, куда меня поместили, не было ничего примечательного: простая металлическая кровать, два или три венских стула, тумбочка и простой стол, вот, пожалуй, и вся обстановка. Поразили меня только, пожалуй, толстенные стены Потешного дворца...»

Гронского предупредили, что его, может быть, придется оперировать.

— Ну что же, — сказал ему Фрунзе, — если понадобится операция, то поедем в Боткинскую больницу вместе.

— Почему в Боткинскую больницу? — поинтересовался Гронский.

— Хирургического отделения в Кремлевской больнице нет, поэтому хирургических больных и отправляют туда.

— А почему вас, Михаил Васильевич, отправляют туда? Требуется операция? Что-нибудь серьезное?

— Врачи находит что-то не в порядке с желудком. То ли язва, то ли что-то другое. Одним словом, требуется операция...

Через день Гронский вновь встретил Фрунзе:

«Он стоял у гардероба, расположенного рядом с лестницей. Он был в тяжелом состоянии. Лицо приобрело необычный темный цвет. Михаил Васильевич получал одежду. Поздоровавшись, я спросил: уж не в Боткинскую ли больницу он собирается?

— Вы угадали. Еду туда. Когда вы приедете, известите. Продолжим наши беседы.

М.В. Фрунзе был, как всегда, спокоен. Говорил ровно. Только на лице не было обычной приветливой улыбки. Оно было сосредоточенно-серьезным. Мы крепко пожали друг другу руки. Я пошел на консилиум и не подозревал, что больше уже никогда не увижу этого обаятельного человека...

О смерти Фрунзе я узнал от профессора Розанова, который должен был оперировать и меня. К счастью, мне операция не потребовалась».

Накануне операции Фрунзе написал последнее письмо жене Софии Алексеевне в Ялту:

«Ну вот, наконец, подошел и конец моим испытаниям! Завтра утром я переезжаю в Солдатенковскую больницу, а послезавтра (в четверг) будет и операция. Когда ты получишь это письмо, вероятно, в твоих руках уже будет телеграмма, извещающая о ее результатах.

Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым и даже как-то смешно не только идти, а даже думать об операции. Тем не менее оба консилиума постановили ее делать. Лично я этим решением удовлетворен. Пусть уж раз навсегда разглядят хорошенько, что там есть, и попытаются наметить настоящее лечение.

У меня самого все чаще и чаще мелькает мысль, что ничего серьезного нет, ибо в противном случае как-то трудно объяснять факты моей быстрой поправки после отдыха и лечения. Ну, уж теперь недолго ждать...

Надо попробовать тебе серьезно взяться за лечение. Для этого надо прежде всего взять себя в руки. А то у нас все как-то идет хуже и хуже. От твоих забот о детях выходит хуже тебе, а в конечном счете и им. Мне как-то пришлось услышать про нас такую фразу: «Семья Фрунзе какая-то трагическая... Все больны, и на всех сыплются все несчастья!..» И правда, мы представляем какой-то непрерывный, сплошной лазарет. Надо попытаться изменить это все решительно. Я за это дело взялся. Надо сделать и тебе...»

Это письмо объясняет, почему Фрунзе сам хотел операции. Ему надоело числиться среди больных. Он надеялся разом избавиться от своих хвороб. Предсмертное письмо жена не получила. Пришла телеграмма о смерти Михаила Васильевича...

Тем не менее при всем своем мужестве Фрунзе, как и любой человек, боялся операции. После его смерти эти слова покажутся предчувствием смерти. Но он вел себя так, как любой человек, ожидающий серьезной хирургической операции. Кто и когда с радостью ложился под нож хирургов?

Жене Михаила Павловича Томского, члена политбюро и секретаря ВЦСПС, зашедшей его проведать, сказал:

— Вот побрился и новую белую рубашку надел. Чувствую, Мария Ивановна, что на смерть иду, а умирать-то не хочется.

Старого друга Иосифа Карловича Гамбурга, с которым отбывал ссылку в Сибири, он попросил, если умрет под ножом, похоронить его в Шуе. Лежа на больничной койке, Фрунзе будто бы говорил:

— Если что-то произойдет со мной, я прошу тебя пойти в ЦК и сказать о моем желании быть похороненным в Шуе.

Мне думается, это будет иметь и политическое значение. Рабочие будут приходить на мою могилу и вспоминать о бурных днях 1905 года и Великой Октябрьской революции. Это будет помогать им в их большой работе в будущем.

Если Михаил Васильевич и в самом деле говорил нечто подобное, это свидетельствовало бы о настоящей мании величия. Но поскольку ни в чем таком Фрунзе замечен не был, то остается предположить, что его старый друг, назначенный в 1925-м помощником начальника военно-воздушных сил Красной армии, приукрасил разговор в духе того времени...

В воспоминаниях маршала Буденного тоже есть рассказ о посещении Фрунзе в больнице.

— Прямо не верится, что сегодня операция, — сказал Буденному Фрунзе.

— Тогда зачем вам оперироваться, если все хорошо? — удивился маршал. — Кончайте с этим делом, и едем домой. Моя машина у подъезда.

Отличавшийся богатырским здоровьем Семен Михайлович прожил до девяноста с лишним лет, к врачам обращался редко и искренне не понимал, что Фрунзе делает в больнице.

Буденный бросился к шифоньеру, подал Фрунзе обмундирование и сапоги. Михаил Васильевич, казалось, согласился. Он надел брюки и уже накинул на голову гимнастерку, но на мгновение задержался и снял.

— Да что я делаю? — недоуменно проговорил он. — Собираюсь уходить, даже не спросив разрешения врачей.

Буденный не отступал:

— Михаил Васильевич, одевайтесь, а я мигом договорюсь с докторами.

Но Фрунзе отказался от этой услуги. Он решительно разделся и снова лег в постель.

— Есть решение ЦК, и я обязан его выполнять...

Воспоминания Буденному писали военные журналисты, специально прикрепленные к маршалу Главным политическим управлением Советской армии и Военно-морского флота, так что и к этому рассказу надо относиться с осторожностью.

Операция началась 29 октября после полудня. Оперировал Розанов, ассистировали известнейшие хирурги Иван Иванович Греков и Алексей Васильевич Мартынов, наркоз давал Алексей Дмитриевич Очкин. За ходом операции наблюдали сотрудники Лечебно-санитарного управления Кремля.

Фрунзе с трудом засыпал, поэтому операцию начали с получасовым опозданием, пишет Виктор Тополянский. Вся

операция продолжалась тридцать пять минут, а наркоз ему давали больше часа. Судя по всему, ему сначала дали эфир, но, поскольку Фрунзе не засыпал, прибегли к хлороформу — это очень сильное и опасное средство. Передозировка хлороформа смертельно опасна. Во время операции использовали шестьдесят граммов хлороформа и сто сорок граммов эфира. Это значительно больше, чем можно было использовать.

Выступая перед правлением общества старых большевиков (председательствовал Николай Ильич Подвойский), нарком здравоохранения Семашко прямо говорил, что причиной смерти Фрунзе стало неправильное проведение наркоза, и добавил, что если бы он присутствовал на операции, то прекратил бы наркоз...

Во время операции у Фрунзе стал падать пульс, и ему стали вводить препараты, стимулирующие сердечную деятельность. В те годы таким средством был адреналин, потому что еще не было известно, что сочетание хлороформа и адреналина приводит к нарушению сердечного ритма.

А сразу после операции сердце стало отказывать. Попытки восстановить сердечную деятельность не дали успеха. Через тридцать девять часов, в пять тридцать утра 31 октября, Фрунзе скончался от сердечной недостаточности.

Буквально через десять минут в больницу приехали Сталин, глава правительства Алексей Иванович Рыков, заместитель председателя Реввоенсовета Иосиф Станиславович Уншлихт, начальник Политуправления РККА Алексей Сергеевич Бубнов, секретарь президиума ЦИК Авель Софронович Енукидзе и секретарь Северо-Кавказского крайкома партии Микоян.

Правительственное сообщение гласило, что «в ночь на 31 октября от паралича сердца умер после операции председатель Реввоенсовета СССР Михаил Васильевич Фрунзе».

В «Бюллетене о смерти М.В. Фрунзе» говорилось:

«После 24 часов 30 октября тов. Фрунзе М.В., несмотря на все принятые меры для поднятия сердечной деятельности, при непрерывной консультации профессоров И.И. Грекова, А.В. Мартынова, Д.Д. Плетнева, В.Н. Розанова, П.Н. Обросова и врачей А.Д. Очкина и Б.О. Ноймана, в 5 час. 40 мин. 31 октября скончался при явлениях паралича сердца. Затемнение сознания началось за 40 мин. до кончины».

Перед вскрытием тела руководители ЦК, правительства, Реввоенсовета вновь приехали в анатомический театр Солдатенковской больницы.

Профессор Алексей Иванович Абрикосов (будущий академик и Герой Социалистического Труда), который произвел вскрытие, составил заключение, также опубликованное 1 ноября 1925-го в «Правде»:

«Заболевание Михаила Васильевича, как показало вскрытие, заключалось, с одной стороны, в наличности круглой язвы двенадцатиперстной кишки, подвергшейся рубцеванию и повлекшей за собой развитие рубцовых разрастаний вокруг двенадцатиперстной кишки, выхода желудка и желчного пузыря; с другой стороны, в качестве последствий от бывшей в 1916 году операции — удаления червеобразного отростка, имелся старый воспалительный процесс в брюшной полости.

Операция, предпринятая 29 октября 1925 года по поводу язвы двенадцатиперстной кишки, вызвала обострение имевшего место хронического воспалительного процесса, что повело за собой острый упадок сердечной деятельности и смертельный исход. Обнаруженные при вскрытии недоразвития аорты и артерий, а также сохранившаяся зобная железа являются основой для предположения о нестойкости организма по отношению к наркозу и в смысле плохой сопротивляемости его по отношению к инфекции.

Наблюдавшиеся в последнее время кровотечения из желудочно-кишечного тракта объясняются поверхностными изъязвлениями (эрозиями), обнаруженными в желудке и двенадцатиперстной кишке и являющимися результатом упомянутых выше рубцевых разрастаний».

Вскрытие подтвердило диагноз, поставленный Михаилу Васильевичу: он действительно по всем показателям нуждался в хирургической операции. «Резкое органическое сужение выходной части желудка (стеноз привратника), повторные кишечные кровотечения и наличие глубокой каллезной язвы, не поддающейся терапевтическому вмешательству, были и остаются прямыми показаниями к хирургическому вмешательству», — пишет Виктор Тополянский.

Но вскрытие не давало четкого ответа на вопрос: почему Фрунзе умер сразу после операции?

Владимир Николаевич Розанов был опытнейшим и талантливым хирургом, очень заботливо относившимся к пациентам. Столь же высоко оцениваются и его ассистенты, принадлежавшие к числу лучших хирургов страны. Так что сомнений в хирургической бригаде быть не может. Но врач, дававший наркоз, по мнению специалистов, не имел достаточного опыта.

Алексей Дмитриевич Очкин — известный врач, ему поставлен памятник по дворе Боткинской больницы. Москов-

ская публика знала его хорошо еще и потому, что он женился на сестре основателя МХАТа Константина Сергеевича Станиславского.

Действия Очкина вызывают подозрения у Виктора Тополянского: Очкин в январе 1920 года был назначен главным врачом хирургического госпиталя имени Буденного в Первой конной армии. «Скорее всего, Очкина привлекли к исполнению не свойственных ему профессиональных обязанностей по распоряжению инстанций, — пишет Тополянский. — Соответствующие инструкции мог привезти ему, в частности, его бывший командир Буденный, неожиданно возникший в его клинике утром перед операцией».

Но такие истории случаются только в авантюрных романах. Менее всего рубака Буденный годился на роль связного в таком деликатном деле. Да он и не принадлежал к узкому кругу личных приближенных Сталина. Генсек его всегда поддерживал и защищал, но личного общения между ними было мало.

Кроме того — и это главное, — Сталин в 1925 году это не Сталин в 1937-м. Иосиф Виссарионович не родился на свет коварным убийцей. Он стал им постепенно. В 1925 году он еще никого не убивал... И уж если ему нужно было от кого-то избавиться, так это не от Фрунзе, а от Троцкого. Однако к решению уничтожить Троцкого он тоже придет через десять лет...

ЖЕНА И ДЕТИ

Через год после смерти Фрунзе его тяжелобольная жена покончила с собой. Остались двое детей — Татьяна и Тимур. Опекунами сирот ЦИК назначил наркома Ворошилова, секретаря ЦИК Авеля Софроновича Енукидзе и близкого друга Фрунзе Исидора Евстигнеевича Любимова.

Любимов весной 1917 года был избран заместителем председателя Минского Совета рабочих и солдатских депутатов, в ноябре 1917 года возглавил Иваново-Вознесенский горисполком, а после перехода Фрунзе на военную работу стал председателем губисполкома. В октябре 1919-го — ноябре 1920-го он был членом Реввоенсовета Туркестанского фронта. После Гражданской войны его перевели в столицу заместителем председателя Моссовета. В 1932 году назначили наркомом легкой промышленности. 24 сентября 1937-го Любимова арестовали, 27 ноября расстреляли.

Дети покойного Фрунзе Тимур и Татьяна жили в семье Ворошилова. Он называл их фрунзенятами, заботился о них, как о собственных детях. Остальные опекуны тоже принимали участие в судьбе сирот.

Летом 1933 года отдыхавший за границей секретарь ЦИК Авель Софронович Енукидзе писал Ворошилову:

«Мне бы очень хотелось что-нибудь привезти Тане, но не знаю что. Мне стыдно, что только я один из троих ничего не сделал для них как опекун».

Ворошилов ответил Авелю Енукидзе:

«Ты спрашиваешь, как живут наши фрунзенята. Живут нехудо, растут, мужают. Таня уже вровень со мной. Тимур тоже вытянулся и будет, по-видимому, довольно высоким. Хорошо, что ты сам напомнил, что ребятам следовало бы кое-что купить за границей, это хорошо. Им действительно кое-что нужно купить. Тане 2 августа исполняется тринадцать лет. В прошлом году я купил ей за границей велосипед. Теперь ей нужно купить хороший (но не сложный и не «лейку») фотоаппарат, это первое, второе, нужны ей носки и чулки № 8 (не удивляйся, что № 8, у нее нога такая же, как у Е.Д. (жены Ворошилова. — *Авт.*), кроме того, если можешь, купи какие-нибудь интересные немецкие книги (Гейне, Шиллер, например, или что-нибудь в этом духе).

Тимуру купи, пожалуйста, велосипед. В прошлом году я соорудил ему «сборный» из наших частей велосипедишко, и он был дюже огорчен, что у Тани новый, а у него плохонький. К тому же у меня теперь живет мой племянник (тоже десять с половиной лет), и они оба так «заездили» и без того убогий вело, что будет очень хорошо подарить новый велосипед Тимуру, а старый пойдет его приятелю».

Странные мысли навевает это письмо. С одной стороны, видна искренняя забота об осиротевших детях, с другой — через полтора десятилетия после революции выяснилось, что в стране невозможно купить не только велосипед, но и самое необходимое — носки с чулками. Впрочем, правящая элита приспособилась покупать все за границей, поэтому не сильно сокрушалась...

Дочь Фрунзе Татьяна Михайловна окончила Химико-технологический институт имени Д.И. Менделеева, аспирантуру, защитила диссертацию и занималась наукой.

Сын Фрунзе стал летчиком и ушел на войну. Лейтенант Тимур Михайлович Фрунзе 19 февраля 1942 года погиб в воздушном бою под Москвой — в районе Старой Руссы. Посмертно он был удостоен звания Героя Советского Союза.

ЗИНОВЬЕВ И СТАЛИН

На смерть Михаила Васильевича Фрунзе откликнулись практически все политики.

Его предшественник на посту председателя Реввоенсовета Лев Троцкий, отдыхавший в Кисловодске, прислал высокопарную телеграмму в ЦК:

«Потрясен до глубины души вестью о кончине героического борца революции, беззаветного солдата партии, бессмертного военачальника Красной Армии Михаила Васильевича Фрунзе. Какая жестокая брешь в первой шеренге партии!»

По настоянию Троцкого в Кисловодске 2 ноября устроили траурное заседание, чтобы Лев Давидович имел возможность высказаться:

— Около трех часов пополудни я получил из Москвы от товарища Сталина телеграмму, которая заключала короткий, но страшный текст: «Фрунзе скончался сегодня от паралича сердца»... Завтра революционная пролетарская Москва будет хоронить почившего борца на Красной площади. Первое чувство было — туда, в Москву, где протекала работа Михаила Васильевича за последний период, чтобы отдать ему последнюю дань, в рядах его ближайших соратников и друзей. Но в субботу и в воскресенье поезда в Москву не было, а тот, что ушел сегодня, придет в Москву слишком поздно...

Произносившему эту речь Троцкому, верно, не приходила в голову мысль, что он почему-то регулярно опаздывает на похороны, имеющие большое политическое значение.

Но в ту минуту Лев Давидович был увлечен собственным анализом личности Фрунзе.

— Две черты одинаково характеризовали этого полководца, — говорил бывший председатель Реввоенсовета. — Прежде всего личная храбрость, которая необходима каждому воину, все равно, рядовой ли это солдат или такой, который ведет в бой полки, отряды и армии. Личная храбрость отличала Михаила Васильевича как революционера и как солдата с головы до ног. Он не знал, что значит смятение души перед лицом врага и опасности... Но полководцу личной храбрости мало. Ему нужно мужество решения. Перед лицом врага, когда от решения зависит столь многое, естественны сомнения: каким путем ударить? какой способ избрать? как сгруппировать силы? наступать сегодня или выждать? наступать ли вообще или отступать? Есть ведь десятки возможных решений, и между этими решениями колеблется мысль, отягощенная ответственностью.

Фрунзе умел спокойно и трезво обдумать, выслушать и взвесить. Взвесив — твердо выбрать. А выбрав — довести до конца. У него было мужество решимости, без которого нет военачальника, нет полководца. И он непосредственно обеспечил нашей стране блестящую победу над Врангелем. Имя Фрунзе, наряду с другим именем — Перекоп, навсегда останется в памяти людской как прекрасная революционная легенда, в основе которой лежит живой исторический факт...

Гроб с телом Фрунзе установили в Колонном зале Дома союзов. Прощание шло два дня. 3 ноября 1925 года, во вторник, его похоронили у Кремлевской стены.

Выступали глава правительства Рыков, председатель Коминтерна Зиновьев, секретарь ЦК Сталин.

Сталин говорил:

— Этот год был проклятым для нас годом. Он вырывает из наших рядов одного работника за другим. К сожалению, следует сказать, что не так легко и просто подымать молодых товарищей на смену старым революционным бойцам. Центральный Комитет поручил мне выразить перед раскрытым гробом товарища Фрунзе скорбь всей партии...

И после смерти фигуру председателя Реввоенсовета продолжали использовать в политических интригах.

Профессор Греков дал интервью нескольким газетам, в том числе «Известиям» и «Труду», рассказав журналистам:

«К больному после операции никого не допускали, но, когда тов. Фрунзе сообщили, что ему прислал записку тов. Сталин, он попросил записку прочесть и радостно улыбнулся».

Записка сохранилась:

«Дружок!

Был сегодня в 5 ч. вечера у т. Розанова (я и Микоян). Хотели к тебе зайти, — не пустил, язва. Мы вынуждены были покориться силе. Не скучай, голубчик мой. Привет. Мы еще придем, мы еще придем...

Коба».

Зиновьев тоже попытался в последний раз использовать авторитет покойного Фрунзе. 6 ноября 1925 года «Ленинградская правда» поместила воспоминания медсестры, которая утверждала, что в последний день в больнице Фрунзе читал труды председателя Коминтерна и сказал врачу:

«Сейчас дочитаю книгу «Ленинизм» тов. Зиновьева, которая, по моему мнению, является одним из лучших его произведений. Советую вам обязательно прочесть...»

Трудно представить, что Фрунзе на больничной койке подвергал себя дополнительным испытаниям — Зиновьев писал на редкость скучно, многословно и нудно.

«Госиздат, — вспоминал Федор Раскольников, — выпускал собрание сочинений Зиновьева в зеленых обложках. Книги расходились плохо. По этому поводу в Москве рассказывали следующий анекдот.

Приходит в книжный магазин покупатель и просит продать ему последний том Полного собрания сочинений Ленина. К своему удивлению, покупатель видит, что приказчик заворачивает ему несколько томов сочинений Зиновьева.

— Вы меня не поняли. Я просил дать мне сочинения Ленина, а не Зиновьева.

— Я знаю, — с вежливой улыбкой ответил приказчик книжного магазина, — но каждому покупателю сочинений Ленина мы бесплатно выдаем все вышедшие тома сочинений Зиновьева. Иначе их никто не покупает».

После смерти Фрунзе новым председателем Реввоенсовета и наркомом по военным и морским делам Сталин поставил безусловно преданного ему Климента Ефремовича Ворошилова.

Но его первым заместителем пришлось поставить все же зиновьевского человека — Михаила Михайловича Лашевича.

Лашевич рядовым прошел Первую мировую войну, был дважды ранен. В 1917 году, как депутат Петроградского Совета и член Петроградского комитета партии, сыграл большую роль в переходе войск столичного гарнизона на сторону большевиков. 25 октября его отряд захватил телеграф, Государственный банк, казначейство и почту.

«Лашевич, приземистый, квадратный, с мясистым, прорезанным складками лицом, признавал лишь силовые решения проблем, — писал о нем Виктор Серж. — После революции Лашевич наводил порядок в Петрограде. «Спекуляция? Дам приказ разрушить крытые рынки и разогнать толкучки! И все дела». Так он и поступил. Стало еще хуже».

В Гражданскую войну Лашевич был членом Реввоенсовета Восточного и Южного фронтов, командовал 3-й и 7-й армиями. После войны получил под командование войска Сибирского военного округа. В 1925 году его избрали кандидатом в члены ЦК. Но в Реввоенсовете СССР он проработал недолго, потому что не захотел отречься от своего лидера — Григория Зиновьева.

На первом после смерти Ленина съезде партии Зиновьев выступил с политическим отчетом ЦК. Более того, он насто-

ял на том, чтобы следующий съезд прошел не в Москве, а в Ленинграде. Это бы означало, что если столица и не переносится в Ленинград, то, как минимум, оба города обретают равный статус. И соответственно, хозяин Ленинграда Зиновьев получает в стране дополнительный вес.

Но Григорий Евсеевич недолго наслаждался властью.

Как только с его помощью Сталин расставил на ключевых постах своих людей, он уже через несколько месяцев после смерти Ленина обвинил Зиновьева в крупных ошибках и отменил решение провести съезд в Ленинграде.

Полтора года по указанию Сталина партийный аппарат сокрушал авторитет ближайшего ленинского соратника. Только Ленинград, где все должности занимали люди Зиновьева, встал в оппозицию Сталину. Лишь немногие ленинградские партийные работники выступили против своего вождя.

Весной 1926 года Сталин лишил Зиновьева власти над Ленинградом и в нарушение устава партии распустил ленинградские партийные органы, состоявшие из зиновьевских чиновников. Из Москвы приехали бригады «чистильщиков», которые провели невиданную зачистку города. Зиновьев остался членом политбюро и председателем Исполкома Коминтерна, но опоры в аппарате уже не имел.

Одновременно лишился своих постов и соратник Зиновьева Лев Борисович Каменев, который был не только председателем Моссовета, но и заместителем главы правительства и в отсутствие Ленина заменял его на посту председателя Совнаркома. Каменев — в отличие от Зиновьева — был человеком без личных амбиций и очень надежным работником, за что его и ценил Ленин. Но Лев Борисович попал под влияние Зиновьева, поэтому Сталин и с ним расправился.

Некоторое число работников ленинградского и московского партаппарата сохранило верность своим недавним вождям.

6 июня 1926 года, в воскресенье, в одном дачном местечке по Савеловской железной дороге собралось несколько десятков коммунистов из Краснопресненского района столицы. В основном это были бывшие работники райкома, которых убрали с партийной работы за участие в оппозиции. С докладом о положении в партии выступил Лашевич.

Разумеется, о собрании было сообщено в руководящие партийные органы, которые квалифицировали эту встречу как подпольное и фракционное собрание — то есть наказуемое деяние.

Президиум Центральной контрольной комиссии объявил Лашевичу строгий выговор с предупреждением, рекомендовал снять его с поста заместителя председателя Реввоенсовета и лишить права в течение двух лет занимать ответственные посты.

Выступление Лашевича стало для Сталина долгожданным поводом для того, чтобы убрать Зиновьева с поста председателя Исполкома Коминтерна и вывести из политбюро.

Отдыхавший на юге Сталин 25 июня написал Молотову и другим членам политбюро:

«Я долго думал над вопросом о «деле Лашевича», колебался, связывал его с вопросом об оппозиционных группах вообще, несколько раз приходил к различным мнениям и, наконец, утвердился в следующем.

1) До появления группы Зиновьева оппозиционные течения (Троцкий, Рабочая оппозиция и др.) вели себя более или менее лояльно, более или менее терпимо;

2) С появлением группы Зиновьева оппозиционные течения стали наглеть, ломать рамки лояльности;

3) Группа Зиновьева стала вдохновителем всего раскольничьего в оппозиционных течениях, фактическим лидером раскольничьих течений в партии;

4) Такая роль выпала на долю группы Зиновьева потому, что: а) она лучше знакома с нашими приемами, чем любая другая группа, б) она вообще сильнее других групп, ибо имеет в своих руках Исполком Коминтерна, представляющий собой серьезную силу, в) она ведет себя, ввиду этого, наглее всякой другой группы, давая образцы «смелости» и «решительности» другим течениям;

5) Поэтому группа Зиновьева является сейчас наиболее вредной, и удар должен быть нанесен на пленуме именно по этой группе;

6) Не только Лашевича нужно вывести из ЦК, но и Зиновьева нужно вывести из политбюро с предупреждением вывода его из ЦК...»

Сталин предупредил соратников, что все нужно сделать очень тонко, не давать возможности Зиновьеву и Троцкому объединиться: «лучше бить их по частям».

Вопрос о поведении Зиновьева возник в повестке июльского (1926 года) объединенного пленума ЦК и ЦКК неожиданно и закончился полной победой Сталина: Зиновьева вывели из политбюро, Лашевича из кандидатов в члены ЦК.

Лашевича убрали не только из военного ведомства, но и вообще из Москвы — отправили в 1926 году заместителем

председателя правления Китайско-Восточной железной дороги. Михаил Михайлович держался мужественно и уверенно. Заграничная жизнь ему нисколько не понравилась, и этим он сильно отличался от сталинских воспитанников, которые будут всеми правдами и неправдами рваться за рубеж.

4 января 1927 года Лашевич писал из Харбина Серго Орджоникидзе, председателю Центральной контрольной комиссии партии, с просьбой увеличить зарплату:

«Президиумом ЦКК в прошлом году был принято постановление, согласно которому нам установлен размер заработной платы в 320 рублей и на расходы, связанные с представительством, 180 рублей в месяц. Когда мне сообщили постановление, я заявил: в таком случае никаких приемов, банкетов и пр. и пр. Против этого высказались абсолютно все товарищи, и мы сошлись на одном: постепенно уменьшить количество и пышность всяких приемов и банкетов, не оскорбляя самолюбие китайцев. Но что ты поделаешь, ежели всякий прием у них связан с шампанским.

Я приехал в восемь часов утра, и на вокзале официальная встреча началась с шампанского, то же самое, когда я наносил визиты всем китайским чиновникам. И у меня при визитах всегда шампанское. Что же, кто-нибудь поверит, что мы любители этого пойла? Всем известно, что я предпочитаю водку: и дешевле, и пользительнее. Да и пью я мало — болен...

Что же получается, мало, что меня загнали в это болото — Харбин, лишили всякой общественности, не говоря уже о большем, и поставили в положение, худшее значительно, нежели в Москве. В Москве мы с женой получали вместе 400—450 рублей. Теперь я получаю 320 рублей, а ей работать нельзя...

А как я должен жить? Разве же я когда-нибудь так одевался? Визитки, фрак, смокинг, крахмальные рубахи, лакированные туфли и прочая пакость. Отказаться от этого нельзя, можно нарваться на скандал. А в Москве я щеголял в гимнастерке и шинели. В Москве я жил в Кремле, пользовался бесплатной медицинской помощью и лекарствами, а здесь за все плати. У меня квартира в десять комнат, три китайских прислуги. Мне, что ли, это нужно? Да ведь за это меня надо наградить орденом, за страдания, которые испытываю, попав в эту ужасную обстановку...

У меня привычки скромные, я не избалован и еще недостаточно испорчен по части мотовства и излишеств. Я выпивал и выпиваю. Но все знают, что я не любитель кабаков, а

люблю выпить со своими ребятами дома. И если приходится общаться со всякой сволочью, так ведь это же подвиг. А если бы ты видел, кому мне приходится руку жать, разговаривать и даже с ними обедать — ужас. Почему же ухудшают общий уровень жизни и заставляют жульничать? Не понимаю...»

Ему недолго пришлось страдать на загранработе от обилия приемов, шампанского и прислуги.

Осенью 1927 года Михаил Лашевич приехал в Ленинград, чтобы принять участие в праздновании десятилетия революции, успех которой был делом и его рук.

Виктор Серж наблюдал, как Лашевич вместе с горсткой оппозиционеров участвовал в демонстрации 7 ноября 1927 года. Чтобы разогнать несколько сот оппозиционеров, вызвали конную милицию:

«Лашевич, грузный, приземистый, командовавший в свое время армиями, с несколькими рабочими бросился на милиционера, выбил из седла, а потом помог подняться, выговаривая командирским голосом:

— Как тебе не стыдно нападать на ленинградских пролетариев?

На нем болталась солдатская шинель без знаков различия. Его тяжелое лицо любителя выпить побагровело. Кто-то горячился:

— Ну что ж, еще повоюем!

— С кем? — пылко отзывались другие. — Со своими?»

Лашевича исключили из партии. Правда, уже на следующий год, в 1928 году, восстановили. Он покончил жизнь самоубийством и тем самым спас себя от мучений, которые выпали на долю его товарищей по оппозиции, бывших подчиненных Михаила Васильевича Фрунзе.

ЗАВЕТЫ ТОВАРИЩА ФРУНЗЕ

Фрунзе после смерти был канонизирован. Выпустили трехтомное собрание его сочинений под редакцией Бубнова. Началось изучение биографии и военных успехов Фрунзе. Считалось, что военный авторитет Михаила Васильевича поможет забыть о заслугах перед Красной армией Троцкого.

После изгнания Троцкого, а потом еще и после расстрела практически всех крупных военачальников образовалась, как пишут культурологи, историческая дыра, которую пы-

тались заткнуть мифологизированными фигурами вроде Чапаева, Щорса, Лазо, Александра Пархоменко. Михаил Васильевич Фрунзе был в этом ряду единственным реальным военачальником. И разговоры о «красном Бонапарте» прекратились. Впрочем, через десять лет они возобновятся, но уже по поводу другого военачальника — одного из первых пяти маршалов...

В январе 1927 года начальник Политуправления РККА Бубнов, выступая перед руководящим составом политработников, говорил, что нужно вернуться к вопросу о «единой военной доктрине». Переиздали работу Фрунзе «Единая военная доктрина и Красная Армия», назвали ее важнейшим достижением советской военной мысли.

Тезис «лучший вид обороны — это наступление» стали усиленно пропагандировать армейские политработники, подкрепляя идеи Сталина ссылками на Фрунзе.

На XVII съезде партии (зима 1934 года) Сталин говорил, что «дело идет к новой империалистической войне». Он считал, что такая война, как и в 1917 году, приведет к расширению социалистического лагеря:

— И пусть не пеняют на нас буржуа, если на другой день после такой войны недосчитаются некоторых близких им правительств, ныне благополучно царствующих «милостью божией».

В конце 1936 года Сталин пришел к выводу, что социализм в целом уже построен и теперь нужно ставить вопрос о взаимоотношениях Советского Союза и капиталистического окружения, существование которого имеет «первостепенное значение для судеб нашей страны». Классовая борьба должна продолжаться и во внешней политике.

Сталин напоминал стране, что соседние страны намереваются напасть на СССР, «разбить его или во всяком случае подорвать его мощь и ослабить его». После убийства Кирова начались аресты, когда арестованным ставили в вину не только троцкизм, но и обязательно работу на иностранные разведки.

Генеральный секретарь счел необходимым высказаться на сей счет:

— Из политического течения троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданию разведывательных органов иностранных государств.

В апреле 1939 года Мехлис выступал на партийном активе Киевского особого военного округа:

— Чтобы уничтожить опасность капиталистической интервенции, есть одно средство — уничтожить капиталистическое окружение. Лишь тогда мы сможем сказать, что знамя Мировой Коммуны восторжествовало во всем мире!

1 октября 1938 года на совещании пропагандистов Сталин, по существу, распорядился развернуть пропаганду наступательной войны:

— Большевики не просто пацифисты, которые вздыхают о мире и потом начинают браться за оружие только в том случае, если на них напали... Бывают случаи, когда большевики сами будут нападать, если война справедливая, если обстановка подходящая, если условия благоприятствуют... То, что мы сейчас кричим об обороне, — это вуаль, вуаль.

«Красная звезда» 21 декабря 1938 года писала: «Война СССР против врагов социалистического строя — война особого типа. Самая справедливая из всех справедливых войн, она будет войной наступательной».

Главная партийная газета «Правда» писала 9 сентября 1939 года: «Наша борьба далеко еще не окончена. Нам предстоят решающие бои за окончательную победу социализма против капиталистического окружения».

На совещании в наркомате обороны 13 мая 1940 года Мехлис говорил, что «инициатором справедливой войны выступит наше государство и его Рабоче-Крестьянская Красная Армия», и личный состав нужно готовить к наступательной войне...

Благодаря усилиям Фрунзе и его наследников в Красной армии утвердилась стратегия наступления, сокрушения врага, как тогда говорили. Считалось, что война будет быстрой и маневренной. Успех решат скорость и огневая мощь. Кавалерия, танки, авиация, мощная артиллерия создадут такой напор, что сопротивление будет бесполезным. Поэтому бессмысленно учиться обороне. Нужно все силы бросить на обретение превосходства в силах и уничтожить врага первым ударом...

Цена всем этим теоретическим дискуссиям станет ясной летом 1941 года. Красная армия вступила во Вторую мировую войну, не умея вести оборонительных операций. А точнее было бы сказать, что плохо обученные и неопытные командиры и штабные работники вовсе не были готовы к современной войне.

В военном деле произошла революция. Вермахт отказался от идеи приграничных сражений, медленного фронталь-

ного наступления. Немецкие генералы показали, что война начинается стремительным ударом с широким применением танков и самолетов — не для того, чтобы захватить территорию, а для того, чтобы сокрушить армию противника. А территория потом сама по себе попадет в руки победителя.

Но высшее командование Красной армии высокомерно игнорировало опыт европейских войн 1939—1940 годов, пребывая в сознании собственного превосходства. Это продолжалось до 22 июня 1941 года...

Маршал Иван Степанович Конев на склоне жизни вспоминал, что, когда немецкие войска поздней осенью 1941 года подошли к Москве, в штаб фронта позвонил Сталин. Конев снял трубку аппарата ВЧ. И вождь — невиданное дело! — вдруг стал оправдываться, говоря о себе в третьем лице:

— Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин честный человек. Вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам...

Под кавалеристами вождь имел в виду своих любимцев, свою главную опору среди военных — бывших командиров Первой конной армии. Во главе вооруженных сил страны он поставил необразованных и бесталанных людей, которые выше своего унтер-офицерского потолка так и не поднялись. А многих героев этой книги, создателей Красной армии, и молодых талантливых командиров, ни в чем не уступавших генералам вермахта, уничтожил.

И осенью 1941-го Сталину стало страшно. Он вдруг увидел, что теперь его некому защитить. Сталин растерялся. Вождь не верил, что Москву удастся сохранить, и его собственное будущее рисовалось ему в самых мрачных тонах...

Но это уже другая история.

Оглавление

От автора 3

Глава первая
ВОЕННЫЙ МИНИСТР НЕ ЛЮБИЛ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ
ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

Распад старой армии 6
Отказ от присяги 13
Штурм Зимнего дворца 16
Командировка за Украину 25
На Дон, к Каледину 27
Скоропадский, Краснов, Винниченко 32
Борьба с немцами на Украине 37
Сын крепостного против дворянского сына 45
Антонов против Антонова 54
Прокурор и генконсул 57

Глава вторая
ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
В ЗВАНИИ ПРАПОРЩИКА
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КРЫЛЕНКО

С кем останется армия? 65
В штаб к Духонину 70
В немецких окопах 75
Июльские события 78
Мир и демобилизация 82
Братание на фронте 84
Из главкомов в председатели трибунала 88
Дело адмирала Щастного и члена ЦК Малиновского 92

Крыленко и Дзержинский 98
«Шахтинское дело» 101
«Дело «Торгпрома» 107
Крыленко и Вышинский 114
Игра в шахматы по-крупному 119

Глава третья
БАЛТИЙСКИЙ МАТРОС, ЕГО БРАТИШКИ И ПОДРУЖКИ
ПАВЕЛ ЕФИМОВИЧ ДЫБЕНКО

Конторщик, грузчик, электрик 128
Председатель Центробалта 131
«Ты назначен наркомом» 133
Караул устал! 136
Позорное отступление и быстрая отставка 138
Женщина, из-за которой стрелялись 142
О пользе взломщика-рецидивиста 144
Убийство брата 147
Кронштадтский мятеж 153
Попытка самоубийства 158
Сначала судья, потом обвиняемый 160

Глава четвертая
СВЯЩЕННИК, КОТОРЫЙ СТАЛ НАРКОМВОЕНМОРОМ
НИКОЛАЙ ИЛЬИЧ ПОДВОЙСКИЙ

Генерал сдал генштаб без боя 170
Семинарист славно играл на барабане 175
Рабоче-крестьянская Красная армия 179
Что мы празднуем 23 февраля? 182
Главный военный инспектор 184
Большой аппарат 188
Кадровая армия или милиция? 191
Здоровое отношение к телу 196
Сталин его помиловал 198

Глава пятая
СОЗДАТЕЛЬ КРАСНОЙ АРМИИ
ЛЕВ ДАВИДОВИЧ ТРОЦКИЙ

Подарок ко дню рождения 211
Показания начальника контрразведки 215
Сталин о Троцком в 1918 году 221
«Пусть берет иностранные дела» 224

Граф Мирбах в Москве 236
Почему он уехал из Бреста? 240
Вождь Красной армии 250
Первая стычка со Сталиным 266
Мятеж чехословаков и расстрел адмирала Колчака 279
Шестое июля 289
Особисты в армии 295
Военная оппозиция 299
Катастрофа на польском фронте 303
«Прошу дать мне отпуск» 320
Блок, Шаляпин, Есенин и другие 332
Завещание Ленина 337
Путь в ссылку 349
Особенности психики и политическая борьба 360
«Товарищ Троцкий больше ничего не решает» 369
Вновь в подполье 374
Ссылка и изгнание из страны 383
Сон в мексиканскую ночь 390
Евреи в русской революции 396

Глава шестая
КРАСНЫЙ БОНАПАРТ?
МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ФРУНЗЕ

«Повесть непогашенной луны» 410
Крестьянин-интеллигент 414
Военная карьера 418
Врангель сменяет Деникина 423
На Чонгаре в 1920-м 430
Конец Белой армии 442
«Я ни на что не претендую» 447
Человек Зиновьева 450
Мечта о большой армии 459
Пролетарское военное искусство 465
Зачем его оперировали? 471
Жена и дети 480
Зиновьев и Сталин 482
Заветы товарища Фрунзе 488

Леонид Михайлович Млечин

РУССКАЯ АРМИЯ МЕЖДУ ТРОЦКИМ И СТАЛИНЫМ

Редактор *М. М. Подзорова*

Художественный редактор *И. А. Озеров*

Технический редактор *Л. И. Витушкина*

Корректор *О. А. Левина*

OCR - Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.09.2002.
Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04.
Уч.-изд. л. 28,91+2 альбома = 30,27.
Тираж 12 000 экз. Заказ № 4201082

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано в ФГУИПП «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32

ОСОБАЯ ПАПКА

Леонид Млечин

РУССКАЯ АРМИЯ МЕЖДУ ТРОЦКИМ И СТАЛИНЫМ

Леонид Млечин — политический обозреватель телекомпании ТВЦ, автор и ведущий программ «Особая папка», «Особое мнение», автор многих книг художественной и документальной прозы, изданных в нашей стране и за рубежом, подробно исследует военную историю советского периода.

Кто на самом деле был создателем Красной армии? Что же мы празднуем 23 февраля? Может ли Верховный главнокомандующий иметь звание прапорщика? Почему армия стала заложницей взаимной ненависти Сталина и Троцкого? Как прошлое нашей армии объясняет ее нынешние проблемы? В книге подробно, с приведением малоизвестных фактов и свидетельств повествуется о создании новой армии России и о людях, которые ее формировали. Л. Троцкий, И. Сталин, С. Каменев, В. Антонов-Овсеенко, Н. Крыленко, Н. Подвойский, П. Дыбенко, М. Фрунзе — их портреты даны на фоне бесконечных политических дрязг, интриг, сваток в Кремле и за его пределами. Автор приводит новые подробности Кронштадтского восстания, неизвестные широкой аудитории факты жизни командующего Балтфлотом А. Щастного, братьев Бонч-Бруевичей, «роковой» женщины А. Коллонтай, освещает многие замалчивавшиеся прежде стороны политики нашего государства.

ISBN 5-9524-0109-0

9 785952 401099

29.00

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®